

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ
БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

ПОСЛЕДНИЕ БОИ
ВООРУЖЕННЫХ
СИЛ
ЮГА РОССИИ

Annotation

21-й том серии «Белое движение в России» посвящен боевым действиям белых в составе Вооруженных Сил на Юге России зимой — весной 1920 года, то есть последнему периоду тяжелого отступления белых от Орла в направлениях Донской области, Одессы и Крыма, в преддверии Крымской эпопеи Русской Армии генерала П. Н. Врангеля.

В настоящем издании собраны воспоминания участников о борьбе в рядах ВСЮР в это время. За небольшими исключениями, в России они никогда не публиковались.

Книга входит в издаваемую издательством «Центрполиграф» серию под общим названием «Россия забытая и неизвестная». Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

- [Последние бои Вооруженных Сил Юга России](#)

-

- [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)

- [Раздел 1](#)

- [А. Альбов\[1\]](#)
- [А. Осипов\[6\]](#)
- [Г. Раух\[8\]](#)
- [А. Рябинский\[10\]](#)
- [Е. Ковалев\[13\]](#)
- [Е. Ковалев](#)
- [А. Корсон\[28\]](#)
- [Ф. Елисеев](#)
- [И. Долаков\[39\]](#)
- [А. Власов](#)
- [В. Даватц\[67\]](#)
-
- [Литургия верных](#)
- [К. Зродловский\[71\]](#)
- [Б. Турчанинов\[76\]](#)
- [Н. Каринский\[78\]](#)

- [И. Георгиевский\[85\]](#)
  - [Ф. Елисеев](#)
  - [Ф. Елисеев](#)
  - [Ф. Елисеев](#)
  - [Н. Бурова\[100\]](#)
  - [К. Баев\[103\]](#)
- [Раздел 2](#)
  - [В. Альмендингер\[105\]](#)
    - [Разгром войск Петлюры и действия полка на Казатинском направлении](#)
    - [Отступление от Казатина, действия полка в составе Киевской группы](#)
    - [Отступление в Польшу \(Бредовский поход\)](#)
  - [М. Промтов\[117\]](#)
  - [Б. Штейфон\[120\]](#)
  - [М. Промтов](#)
  - [В. Матасов\[125\]](#)
  - [В. Орехов\[129\]](#)
  - [А. Трембовельский\[134\]](#)
    - [Киев — Екатеринослав — Николаев](#)
    - [Транспорт «Дон» в порту Одессы](#)
    - [Роль танкистов в спасении транспорта «Дон»](#)
    - [Визит на дредноут «Император Индии»](#)
    - [На Севастополь](#)
  - [Ф. Штейнман\[144\]](#)
    -
    - [Овидиопольский отряд](#)
    - [В Румынии](#)
  - [А. Власов](#)
  - [В. Сабинский\[151\]](#)
  - [В. Липеровский\[154\]](#)
  - [В. Альмендингер](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)

- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)

- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)

- [163](#)
  - [164](#)
  - [165](#)
  - [166](#)
  - [167](#)
  - [168](#)
  - [169](#)
  - [170](#)
  - [171](#)
  - [172](#)
  - [173](#)
  - [174](#)
  - [175](#)
  - [176](#)
  - [177](#)
-

Последние бои Вооруженных Сил Юга России

**Составление, научная редакция, предисловие и комментарии
доктора исторических наук Сергея Владимировича Волкова**

**ПОСЛЕДНИЕ БОИ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
ЮГА РОССИИ**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать первый том серии «Белое движение в России» посвящен последним сражениям Вооруженных сил на Юге России зимой — весной 1920 г.

В результате тяжелого отступления осенью — зимой 1919 г. от Орла основная часть Вооруженных сил на Юге России (Добровольческая, Донская и Кавказская армии, а также войска Северного Кавказа) была стянута к р. Дон и укрепилась на этом рубеже. Меньшая часть (войска Киевской и Новороссийской областей) отошла на Одессу и в Крым, который в зимних боях удалось отстоять от большевиков.

Эвакуация Одессы была проведена крайне неудачно (остались и попали в плен 3 генерала, около 200 офицеров и 3 тыс. солдат, в том числе 1500 больных и раненых). Основная же часть войск Новороссийской области была сведена в группу генерал-лейтенанта Н. Э. Бредова, которой вследствие отказа Румынии пропустить русские войска пришлось в ночь на 30 января начать тяжелый двухнедельный поход (так называемый Бредовский поход) на север. 12 февраля 1920 г. она встретилась с польскими войсками, а затем была разоружена и отправлена в Польшу, где 3 марта 1920 г. была переформирована в Отдельную Русскую Добровольческую армию и размещена в лагерях (под Перемышлем, Краковом и в Щалкуве).

Главные силы ВСЮР, отошедшие за Дон, зимой 1920 г. вели на этом рубеже упорные бои и в феврале даже на некоторое время вновь овладели Ростовом. Но вследствие падения духа в кубанских частях в конце февраля были вынуждены начать тяжелое отступление по Кубани на Новороссийск в условиях начавшейся весенней распутицы. Оборона Новороссийска должным образом организована не была, а его бездарно проведенная эвакуация вошла в историю Белой борьбы одной из самых тяжелых и мрачных страниц: в плен попало примерно 20 тысяч человек (советские источники приводят цифру 2500 офицеров и 17 тысяч солдат и казаков). Добровольческие части удалось вывезти, а большинству донских и кубанских, которым не хватило места на кораблях, пришлось отходить на юг по Кавказскому побережью к грузинской границе, где они и капитулировали, а часть была вывезена присланными из Крыма судами.

В настоящем издании собраны воспоминания о борьбе в рядах ВСЮР в начале 1920 г. В разное время они были опубликованы в русской

эмигрантской печати, но в России (за небольшими исключениями) никогда не публиковались.

Содержание тома разбито на 2 раздела. В 1-м разделе публикуются воспоминания о боях в январе — марте 1920 г. на Дону и Кубани, эвакуации Новороссийска, а также о действиях партизанских отрядов на Кубани после эвакуации, во 2-м разделе — о событиях на Украине и в Крыму: отступлении войск Киевской и Новороссийской областей, Бредовском походе и эвакуации Одессы.

В большинстве случаев все публикации приводятся полностью. Авторские примечания помещены (в скобках) в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Поскольку во ВСЮР и Русской Армии принят был старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных, приводятся по старому стилю. Возможны разночтения в фамилиях участников событий и географических названиях; их правильное написание — в комментариях.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ

Раздел 1

А. Альбов^[1]

НАЧАЛО КОНЦА^[2]

Бронепоезд «Генерал Дроздовский», на котором я прослужил с момента поступления в Добровольческую армию и до ухода из Туапсе в Крым, участвовал в боях за взятие Курска и Орла, дойдя таким образом до крайнего пункта нашего наступления в направлении Москвы.

После взятия Орла наш бронепоезд был переброшен на Брянское направление. Бои велись на железнодорожном пути, ведущем через станцию Навля на Брянск. Мы со дня на день ждали захвата этой важной станции. Крайним пунктом нашего продвижения вперед оказался маленький разъезд Погребы, совсем недалеко от важной станции Навля. Там нам пришлось остановиться, так как красные при отступлении взорвали маленький железнодорожный мост над ручьем. Наши саперы, осмотрев мостик, сказали, что на восстановление его потребуется не более двух дней, так как ручеек легко перекрыть «клеткой» из имеющихся у нас шпал и по ней проложить рельсы.

Но этот план пришлось оставить ввиду того, что на бронепоезде неожиданно были получены сведения о начавшемся контрнаступлении красных, которые прорвали наш фронт у станции Дмитровск–Орловский и уже отрезали группу войск с нашими бронепоездами от тыла. Самое же неприятное было то, что, по сведениям нашего командования, красные захватили у нас в тылу большой железнодорожный мост — единственный путь для отхода бронепоезда. После короткого совещания офицеров командир нашего бронепоезда собрал всю команду и объяснил, что единственный способ выйти из окружения — это проскочить занятый красными мост до того, как они взорвут его.

Для поднятия духа наш командир приказал выдать всей команде водку с закуской, о которой мы сами позаботились — яичницу с салом и черным хлебом. Сразу же после ужина наш бронепоезд полным ходом двинулся назад, в направлении захваченного красными моста. Мост удалось проскочить без всяких затруднений, красные не успели даже испортить железнодорожные пути. Находившиеся на мосту красноармейцы открыли по бронепоезду ружейный огонь, но мы быстро усмирили их огнем из наших пулеметов.

Мне очень недомогалось, я думал, что у меня грипп. Меня сильно

знобило, и я чувствовал, что у меня сильный жар. Так поздней осенью 1919 года началось отступление Добровольческой армии, которая подошла уже совсем близко к Москве.

Весь крестный путь нашего отступления прошел у меня как в тумане. Меня положили в отдельное купе базы, и я лежал в сыпняке без всякой медицинской помощи (врача у нас не было). Кто-то чем-то меня кормил, давал пить, но остальное время я часто бывал без сознания от страшно высокой температуры. Наконец, наступил кризис, после которого я чувствовал себя таким слабым, что с трудом мог поднять руку. В это время мы были где-то в районе Белгорода. Помню вечер, когда наша база остановилась на ст. Солнцево. Я лежал, совсем потеряв силы, но с приятным сознанием, что я выжил. Кто-то из друзей принес мне еду — какао, сало, хлеб. Я начал есть, но мне безумно хотелось только одного — чего-нибудь кислого, лимона. Этого достать было невозможно. В ожидании, когда поезд тронется, я заснул.

Проснулся я от звука винтовочных выстрелов где-то на вокзале, почти у самого поезда. Слышались крики, громкая команда. В вагоне, кроме меня, никого не было. Вдруг услышал, что кто-то пробегает по коридору вагона и, стуча во все двери, кричит:

— Всем выходить с оружием, на станции красные! Подняться с вагонной койки я не мог, голоса у меня почти небыло от слабости. Напрягая последние усилия, я попытался крикнуть:

— Не оставляйте меня!

Но мой крик был более похож на шепот. Я слышал, как дверь вагона захлопнулась. Стрельба снаружи усилилась... Тут мне стало ясно, что наши оставили поезд, про меня в суматохе забыли, и вот скоро в ярко освещенный вагон ворвутся красные... Пощады мне не будет. А перед этим, в боях, я видел страшно изувеченные трупы наших добровольцев, замученных красными...

Надо покончить с собой. Решение было принято просто, как единственный выход. Я вспомнил, что браунинг у меня лежал на самой верхней багажной полке. Собрав последние силы, я кое-как добрался до полки, пошарил и нашел свой браунинг. Сжимая его, я в изнеможении свалился на койку. Снаружи доносились звуки ружейной перестрелки. Отдохнув немного, я прочел про себя молитву и приложил браунинг к виску. Но пистолет был не на взводе. Я начал оттягивать взводную гашетку, но сил у меня не хватало, и от долгих усилий я, по-видимому, потерял сознание...

Когда я очнулся, почувствовал размеренное покачивание вагона в

движении и услышал стук колес на стыках... поезд двинулся! Мы уходили со станции Солнцево. За дверьми купе слышались оживленные голоса, смех. Дверь в мое купе распахнулась. Я быстро спрятал браунинг под одеяло. Вошел капитан Доменик, [\[3\]](#) мой верный ангел-хранитель, который, не будучи силен в медицине и видя во время моей болезни, как я быстро худею, все время кормил меня такими диетическими блюдами, как сало, жареная колбаса, какао и т. п. Теперь же он вошел ко мне с озабоченным видом:

— Прости, но про тебя мы забыли. Только придя на станцию Солнцево, мы вдруг сообразили, что она в руках красных, и сразу попали под обстрел. Времени нельзя было терять, пришлось отбиваться, чтобы спасти состав и вырваться со станции. Еле-еле выскочили. А почему у тебя такой «холерный» вид? Подожди минутку, я сейчас устрою тебе хорошую закуску с выпивкой.

Через несколько минут он вернулся с еще тремя офицерами. Принесли бутылку водки, закуску. Больше одной рюмки я, конечно, выпить не мог. Пожевал кусок колбасы и сразу впал в приятную нирвану. Пир же в купе продолжался. Начались песни: старая добровольческая «Смело мы в бой пойдем за Русь Святую...», на мотив романса «Белой акации», затем «Веверлея», бронепоездную песню: «Вот мчится, громыхая по рельсам, бронепоезд, орудия и пулеметы на солнце блестят...». Дальнейшего репертуара не помню, заснул как убитый, чудным, здоровым, укрепляющим сном...

Когда мы пришли в Ростов, я чувствовал себя прекрасно, силы возвращались с каждым днем. В физическом отношении после сыпняка я чувствовал себя совершенно перерожденным. Вообще говоря, сыпной тиф в то время был страшной болезнью. Половина заболевших умирала. Оставшихся же в живых можно было разделить на две категории — половина из них долго страдала от последствий сыпняка: болезнь почек, временное умопомешательство и т. п. Наконец, последняя категория выживших выздоравливала полностью и как-то физически «обновлялась». За всю свою жизнь я не чувствовал себя так хорошо, как после сыпняка. Помогло этому, конечно, и то, что питание у нас было на бронепоезде отличное. У нас был большой запас сахара, вывезенного из «сахарных» районов перед сдачей их красным, было много хлеба, сала, яиц. Целыми днями мы взбивали гоголь-моголь, ели сало. Все это восстанавливало силы... Нашу базу поставили на ст. Батайск.

Между тем положение на фронте становилось все хуже и хуже. Добровольческая армия откатывалась к Ростову. Скоро Ростов был сдан, и

Ставка генерала Деникина, находившаяся в поезде, отошла в Тихорецкую. Наш бронепоезд высылался все время на разные участки по железнодорожным линиям, ведущим на Сальск и на Ставрополь. Вели орудийную перестрелку с красной артиллерией, было несколько попаданий, но броня выдерживала, и потерь у нас не было.

Наступила суровая зима. Рождественскую ночь провели на ст. Кавказская. Ночь была холодная. Я стоял на часах около бронеплощадок. Ходил по скрипучему снегу, смотрел на звездное небо и вспоминал рождественские вечера дома, в доброе «старое» время.

...Елка всегда ставилась в большом зале, для чего снимали люстру и к ее крюку прикрепляли верхушку елки. Елка была громадная... с разноцветными свечами... с массой украшений и цепей, которые мы с сестрой, под надзором матери, склеивали из серебряной и золотой бумаги... было много грецких орехов, оклеенных так называемым «сусальным» золотом, с гарусной петелькой, прикрепленной к ореху красным сургучом... В сочельник собиралась лишь небольшая группа гостей — судейских и военных. Ужин состоял из тринадцати блюд... было несколько сортов рыбы, пирожки с кислой капустой и грибами, непременно взвар, кутья и почему-то миндальное молоко... Мы получали много подарков... Служа в ломжинском суде, отец перед праздниками всегда ездил в Восточную Пруссию, главным образом в город Лык, откуда привозил замечательные подарки... У меня было много оловянных солдатиков, но особенную радость доставил мне настоящий паровой паровозик... Елка зажигалась всегда под звуки чудного шопеновского полонеза — мой отец был замечательным пианистом... с первых сознательных лет моей жизни я всегда жил под чарами музыки Шопена, Бетховена, Листа и многих других композиторов, произведения которых отец играл в совершенстве...

Мои воспоминания были прерваны — пришла смена. Я вскочил на площадку, поближе к металлической, хорошо разогретой печке. Мне дали рюмку водки для согревания. Я чуть не задохнулся — кто-то решил пошутить и налил мне чистого спирта, но зато я очень быстро согрелся. Вместо рыбы и постных пирожков съел кусочек сала с черным хлебом, сел у печки и задремал до следующего выхода на пост... Так провел я свой последний сочельник в России...

Побудку и вечернюю зорю (кавалерийскую) играл у нас всегда кадет К. Он был трубач-виртуоз. После побудки в рождественское утро пришел приказ нашему бронепоезду идти на ст. Тихорецкая для охраны Ставки генерала Деникина. На всю жизнь запомнилось мне новогоднее утро 1920

года. Командир бронепоезда разрешил составу, не несущему караулов, встретить Новый год, для чего нам было выдано немного водки. Помню, что ровно в полночь мы выпили, закусив горячей яичницей с салом, которую зажарили на маленькой печке — «буржуйке», поставленной на зиму на все бронепоезда. Пели песни, желали друг другу следующего Нового года в Москве... Мы были молоды и свято верили в правоту и торжество Белого дела. Никому в голову тогда не могла прийти мысль, что это будет для нас последняя встреча Нового года в России...

Около часу ночи, с легким хмельком в голове, я отправился в свой вагон на базу, разделся и скоро заснул. Проснулся я от стрельбы совсем где-то рядом, под вагонными окнами. Стреляли из винтовок, хлопали пистолетные выстрелы. Стрельба была слышна со всех сторон, даже со стороны станции... Я и все мы, бывшие на базе, вскочили как ужаленные. Страшная мысль пронеслась в мозгу — наверное, красные устроили нападение на Ставку главнокомандующего, воспользовавшись пониженной бдительностью караулов в новогоднюю ночь. Мы наспех оделись, выскочили из вагона.

Стрельба гремела повсюду. Но почему же не была дана тревога? Мы бросились бегом к боевой части нашего бронепоезда. И вдруг я увидел картину, которая заставила меня остановиться как вкопанному. Передо мной, широко расставив ноги и с закинутой на затылок папахой, стоял казак из личного конвоя главнокомандующего и с веселой улыбкой стрелял из своего карабина вверх, как говорят — «в белый свет, как в копеечку». Позади него другой казак восторженно стрелял из нагана. Все скоро выяснилось — это наши казаки салютовали Новому году. Не знаю, как отнесся к этой «шумной» встрече Нового года генерал Деникин, но наше бронепоездное начальство было весьма, весьма разгневано.

Железная дорога Армавир — Минеральные Воды имела для нас большое значение, так как по ней проходили составы с нефтью и пассажирские поезда. В этом районе было большое скопление «красно-зеленых», которые нападали на поезда, убивали едущих в них военных и портили железнодорожные пути. Охрана этого участка была возложена на два бронепоезда: наш «Генерал Дроздовский», базирующийся на Армавир, и на «Могучий», стоявший в Минеральных Водах. Когда накапливалось несколько составов в Армавире или Минеральных Водах, давали им сигнал выходить: одним — из Минеральных Вод в Армавир, а другим — из Армавира в направлении Минеральных Вод.

Наши бронепоезда шли во главе каравана этих составов, охраняя их от «красно-зеленых». Иногда приходилось стрелять по красным, если они

приближались слишком близко к железнодорожным путям. А иногда даже заставляли их врасплох на маленьких полустанках, где они пытались портить стрелки или разбирать рельсы. Пощады мы красным не давали, в особенности если узнавали, что они убивали или ранили железнодорожных служащих.

Наше свидание с бронепоездом «Могучий» происходило всегда на полпути между Армавиром и Минеральными Водами, а именно — на ст. Невинномысская. Это была довольно большая станция. На ней «Могучий» перенимал от нас наш «караван» и возвращался в Минеральные Воды, а наш бронепоезд возвращался в Армавир с «караваном», перенятым от «Могучего». В общем, никаких крупных столкновений с красными в этот период не было. «Красно-зеленые» побаивались наших бронепоездов и старались держаться подальше от железнодорожного пути. Дни еще были короткие, и иногда мы успевали вернуться в Армавир засветло. Тогда мы останавливались на промежуточных станциях и там оставались на ночь. Зная, что всюду кругом красные, мы выставляли усиленную охрану и возле поезда, и на станции.

Помню, как мы раз хорошо отпраздновали масленицу в Армави́ре, где были приглашены на бал в женскую гимназию. Приятно было танцевать с гимназистками под звуки духового оркестра. Вспоминалось прошлое, а главное, забывалась суровая действительность. Очарование масленичного бала продолжалось недолго. Через день или два нам снова пришлось выйти со ст. Армавир и двинуться во главе очередного каравана поездов в сторону Невинномысской.

Этот день я буду помнить долго. После бала, флирта и блинов, в прекрасном расположении духа наша команда готовилась «размять ноги» и встретиться с приятелями из команды «Могучего». Наш бронепоезд остановился у перрона, и мы все соскочили с бронеплощадок. Но тут же заметили, что происходит нечто странное: станция пуста, ни одного железнодорожника. А «Могучий» стоит не на станции, а довольно далеко от нее, за выходными стрелками, почти возле семафора. Нас также поразило и то, что за «Могучим» не было видно составов, которые он должен был сопровождать. Помощник командира нашего бронепоезда приказал машинисту дать несколько гудков, а сам, сойдя с площадки, начал махать «Могучему» своей фуражкой.

И тут произошло невероятное. «Могучий» медленно продвинулся вперед, поближе к нам, и вдруг из его первого орудия раздался выстрел — прямой наводкой. Снаряд попал в наше первое орудие, пробив щит и взрывом тяжело ранив офицера, начальника орудия, и наводчика. Затем с

«Могучего» раздался второй выстрел. Снаряд задел наш паровоз, перебив какую-то трубку, из которой с шипением начал пробиваться пар.

С нашего паровоза был дан сигнал тревоги гудками. Все мы, во главе с капитаном Гудковым, ^[4] вскочили на площадки и стали уходить со станции задним ходом. В это время «Могучий» двинулся за нами, продолжая стрелять. Отвечать ему мы не могли, так как наше первое направленное на него орудие вышло из строя. Всем стало ясно, что «Могучий» ночью был захвачен красными, которые, вероятно, пытками добились от команды сведений о предстоявшей им с нами встрече в Невинномысской.

Капитан Гудков взобрался на крышу «командирской» площадки и начал следить за поворотом пути. На наше счастье, перед станцией, то есть на том месте, к которому мы отходили, железнодорожный путь делал крутой поворот. Как только наш бронепоезд вышел на поворот и помощник командира увидел, что теперь можно открыть огонь по «Могучему» из нашего второго орудия, он приказал остановить бронепоезд, быстро перешел на вторую орудийно–пулеметную площадку и приказал открыть огонь. Этот маневр заставил «Могучего» остановиться. После нескольких выстрелов мы заметили, что было попадание в паровоз, так как из него пошел пар.

Мы этим удовлетворились и, воспользовавшись замешательством на «Могучем», стали быстро отходить к «Армавиру», дав предварительно приказ всем составам, которые наш бронепоезд сопровождал, тоже идти обратно. Движение шло очень медленно из-за того, что поездам пришлось идти задним ходом. Выходя на прямую дорогу, мы снова ставили себя под удар «Могучего». Но к счастью, бронепоезд за нами не двинулся ввиду, по–видимому, повреждений в его паровозе.

С грустью мы вернулись, наконец, в Армавир, где к тому времени в темноте среди железнодорожников началась паника, когда они увидели возвращающиеся задним ходом составы товарных и одного пассажирского поездов, а также и наш бронепоезд, на котором были раненые. После долгих маневров удалось, наконец, распределить составы по запасным путям. В течение ночи были получены сведения, что «красно–зеленые» захватили почти весь район между Армавиром и Минеральными Водами и даже районы недалеко от ст. Белореченской.

На следующий день был отдан приказ всем бронепоездам и другим военным составам, включая и поезда со штабами кубанских и других частей, выйти из Армавира на Армавир–Туапсинскую дорогу. Ввиду того что этот железнодорожный путь фактически был уже частично в руках «красно–зеленых», решено было на ближайшем к Новороссийску участке

оставить все железнодорожные составы и бронепоезда (предварительно взорвав их) и пытаться пробиться через район ст. Белореченской. Но мы скоро узнали, что Новороссийск сдан, и мы, таким образом, очутились в ловушке, отрезанные от выхода к морю.

Наша группа состояла из разрозненных частей Добровольческой и Кубанской армий и пяти бронепоездов, во главе с моим «Генералом Дроздовским». Мы оказались в полном окружении. На ст. Ганжа мы встретились с «красно-зелеными». Вначале эта «встреча» была довольно мирной. Но прежде чем продолжать рассказ, считаю необходимым объяснить, кто же такие «зеленые».

Вначале «зеленые» были просто дезертиры, бежавшие как из Белой, так и из Красной армий, которые скрывались в лесах. Отсюда они и получили название «зеленых». В ту пору у них не было никакой политической идеологии, они просто не хотели больше воевать и занимались бандитизмом. Иногда они объединялись в крупные, хорошо вооруженные банды, как, например, «махновцы», названные так по имени своего батьки-атамана Махно, оперировавшие в тылу и у белых, и у красных. Я не буду описывать Махновского движения, так как это выходит из рамок моего повествования, но скажу лишь, что движение это принесло белым большой вред, хотя, как я уже сказал, махновцы доставляли неприятности и красным. Особенно сильно движение «зеленых» развилось на Кубани и на Кавказе, затрудняя и без того тяжелый путь отступления Белой армии. Из дальнейшего будет видно, что очень скоро контроль над действиями «зеленых» захватило красное командование и, таким образом, они стали «красно-зелеными». Вот с ними-то мы и встретились у железнодорожной станции Ганжа.

«Зеленые» предложили нам послать к ним в штаб офицера для переговоров. Командующий нашей группой генерал Шифнер-Маркевич согласился. Между нами и Туапсе, единственным портом, куда вела железная дорога, лежал суровый Навагинский горный хребет с перевалом Гойтх-Индюк, через который железнодорожный путь проходил через шесть туннелей. Перевал и туннели были в руках противника. Положение казалось безвыходным.

Молодой, веселый поручик Хорошкевич ^[5] вызвался поехать в стан «зеленых» для переговоров. Между нами и ими был разобранный железнодорожный путь. Наш бронепоезд «Генерал Дроздовский» стоял головным — перед местом, где были разобраны рельсы. Наше первое орудие было наведено на противоположную сторону «ничьей земли», где укрепились «красно-зеленые», притащив даже полевую пушку. Поручик

Хорошкевич, подтянутый, с шашкой и револьвером в кобуре, ждал на нашей стороне прихода паровоза красных. Я сидел в пулеметной башне бронепоезда, готовый немедленно открыть огонь, если что-нибудь случится с поручиком Хорошкевичем.

Прошло более часа. Наконец вдали раздался шум приближающегося паровоза. У противника началось движение. Я проверил целик пулемета. Наше первое, головное орудие было морское, 75-миллиметровое, на открытой бронеплощадке с бронированным щитом, как на кораблях. Прислуга орудия, во главе с начальником-офицером, и наш лучший наводчик, старый кубанский казак по фамилии Губа, тоже были готовы. Паровоз остановился у самого обреза разобранного пути. Кто-то сошел с него и начал махать фуражкой. Поручик Хорошкевич оглянулся назад. По-видимому, кто-то сзади, у нашего бронепоезда, дал ему сигнал. Он четко откозырнул, повернулся и, как на параде, спокойно и чинно зашагал в сторону врага.

Я долго смотрел, как на его плечах поблескивали золотые погоны. Командир бронепоезда полковник Козьмин был уже на головной площадке и внимательно смотрел в бинокль в сторону красных. Я еще раз проверил целик моего «виккерса». Мои пальцы были готовы поднять предохранитель и нажать на спуск. Хорошкевич поднялся на паровоз, который сразу же, дав короткий свисток, стал отходить задним ходом. Мы ожидали его возвращения через пять-шесть часов, но время шло, стало темно. Выставили усиленные караулы в направлении противника, придав им даже легкий пулемет «льюис». Вся команда бронепоезда была в полной боевой готовности. Я так и остался сидеть в своем «седле» в пулеметной башне. Дремал, положив голову на руки, лежащие на пулемете.

Вдруг я проснулся от какого-то шума. Прислушался. Да, это было попыхивание приближавшегося паровоза. На бронированных площадках сразу все зашевелилось. Доносились голоса людей, быстро идущих навстречу паровозу. Ночь была темная. Время — 2 часа. Слышно было, как паровоз остановился. На «той» стороне — тоже шум голосов. Затаив дыхание, мы ждали, вглядываясь в темноту. Наконец я услышал шаги идущего с «той» стороны. Он шел прямо по полотну, щебень насыпи хрустел под его ногами. Напряжение росло. Наконец кто-то, не выдержав, крикнул:

— Поручик Хорошкевич?

— Я, — ответил знакомый, бодрый голос.

Несколько человек бросилось к нему навстречу. Возвращались уже группой. Хорошкевича засыпали вопросами. Разобрать, о чем говорили,

было трудно, но все же слышал громко сказанную Хорошкевичем фразу:

— Расскажу обо всем после доклада генералу Шифнер–Маркевичу и старшим начальникам.

Я знал, что поезд генерала стоит где-то позади нашего бронепоезда. Прошло не более получаса, и наш командир полковник Козьмин вернулся и приказал выстроить всю команду бронепоезда. Чуть брезжил рассвет. Полковник Козьмин начал:

— Дело в следующем: договориться с «зелеными» невозможно. Во-первых, штабы их уже не зеленые, а красные. Поручик Хорошкевич фактически говорил с представителями красного командования. У них красные звезды на фуражках. У Хорошкевича сразу же отобрали шашку и револьвер. Предложили следующие условия: сдать им все бронепоезда и оружие, а затем нас безоружных они, под «честным словом», проведут к ближайшему порту, где нам будет представлена возможность вызвать транспорты из Крыма. Конечно, такие условия для нас были неприемлемы. Поэтому генерал Шифнер–Маркевич, в согласии с генералами Писаревым и Покровским, приказал немедленно попытаться прорваться с боями в Туапсе. Начинаем наступление через час. Мы откроем огонь по «красно-зеленым» немедленно, чтобы их отогнать, а нашим саперам дать возможность восстановить путь. Приказ об открытии огня я дам тремя гудками с паровоза. А сейчас все по местам. Приготовиться к бою!

Мы все воспрянули духом. Стало еще светлее. Я уже мог различать какие-то тени на «той» стороне. С нашей пулеметной площадки можно было стрелять вперед из двух башен. Вот поднесены ленты с патронами. Вторые номера готовы. Ждем, затаив дыхание. Вдруг ночную тишину пререзали три коротких гудка с нашего паровоза. Я сразу же вжал пулеметный курок, дал короткую очередь. Оглушительный выстрел из головного орудия. Прямой наводкой. Разрыв. За ним другие выстрелы и разрывы. Такой усиленный огонь продолжался минут пять. Затем последовал приказ «прекратить огонь», и наша разведка с офицером и легким пулеметом «люис» почти бегом направилась в сторону противника.

Там все бросили, даже пушку. Бежали, Наши саперы быстро привели в порядок разобранные рельсы, и с первыми лучами солнечного утра наш бронепоезд осторожно проходил уже по восстановленному участку. Как только прошли этот участок, сразу прибавили ход. Головным шел наш бронепоезд «Генерал Дроздовский», за ним «Степной», дальше — другие бронепоезда и составы с отступающими частями Кубанской армии и других частей, которые оказались в мешке в районе станицы

Белореченской. Почти весь день мы шли полным ходом, не встречая сопротивления. Маленькие станции пустовали — железнодорожники говорили нам, что красные быстро отходят и, по-видимому, накапливают силы у Ходыженской, сразу за первым туннелем.

Не хочется думать о туннелях: красные их наверняка завалят. В особенности же сеть из трех туннелей на самом перевале Гойтх–Индюк, через который железнодорожный путь делает полную петлю. Около 2 часов дня заметили впереди дымок паровоза. Оказалось, что это неприятельский «самодельный» бронепоезд. Он открыл по нам огонь. Убавив ход, мы пошли на сближение. Остановились и открыли огонь. Неприятель стал быстро отходить.

Настроение у нас было прекрасное. Единственно нехорошо было то, что мы оторвались от своей базы, которая двигалась где-то далеко позади, в длинном караване других составов. Но это нас не особенно смущало, так как мы имели на площадках двойной комплект боеприпасов. С едой же было хуже. На каждой станции приходилось выскакивать и добывать яйца, хлеб, молоко, сало. Местное население, главным образом казачки, были приветливы и еду давали охотно. Вечерело. Местность становилась сильно гористой. Двигались очень медленно, боясь испорченного пути. С командирской площадки передали, что недалеко первый туннель.

Вдруг бронепоезд резко затормозил. Приказ — выставить дозоры с обеих сторон вдоль пути, держать пулеметы в полной боевой готовности. В туннель послали разведчиков. Те вернулись через час и доложили, что в туннеле завален товарный вагон, а к его буферам, смотрящим в нашу сторону, наспех привязаны два трехдюймовых артиллерийских снаряда. Наши артиллеристы весьма развеселились, услышав про такое «грозное» изобретение красных. Второй такой же разведывательный отряд был послан с заданием подняться на гору над туннелем, спуститься вниз и посмотреть, что делается на станции Ходыженская, в непосредственной близости от выхода из туннеля. Снова наступила тревожная ночь ожидания в полной боевой готовности. Опять я остался сидеть в седле пулеметной площадки и дремал.

Разбудили меня звуки пулеметной очереди, раскатившиеся эхом в горах. Я понял, что это, по-видимому, было столкновение нашей разведки с красными по ту сторону туннеля. Но едва я об этом подумал, как по горам прокатился гром — то ли взрыва, то ли столкновения поездов, так как слышны были повторяющиеся удары железа о железо. Грохот раскатов, повторяемый горным эхом, продолжался более минуты. Явно это не был одиночный взрыв, а нечто похожее на завал моста или виадука.

Вся команда бронепоезда, кроме караульных, выскочила на полотно. Мы не понимали ничего и только тревожились за судьбу разведывательного отряда. Прошел час. Наконец на горе, над туннелем, послышались голоса. Это возвращалась наша разведка. Начальник разведки рассказал, что произошло. Когда разведчики перешли через перевал над туннелем, перед ними открылся вид на ст. Ходыженская, ярко освещенную, со множеством солдат на ней — «красно-зеленых». Начальник разведки, минуя станцию, повел своих людей к будке стрелочника при выходе из станции. Тихо подкравшись к будке, разведчики зажали рот стрелочнику, перерезали телефонный провод, ведущий на станцию, и затем допросили его о том, что там происходит. Стрелочник не сразу сообразил, что мы белые. По-видимому, это его не испугало. Он сказал, что на станции скопилось множество «красно-зеленых» и ожидается прибытие целого состава с подкреплением.

— Этот состав должен подойти сюда через несколько минут, уже открыт семафор, — сказал будочник. — Да вот идет...

И действительно, разведчики услышали шум приближающегося поезда. Надо было принимать какое-то решение. Начальник разведки взял у пулеметчика «льюис». В этот момент поезд медленным ходом подходил к будке стрелочника. Впереди шла бронепоездная площадка, с орудием, за ней классный вагон, затем паровоз и длинный состав товарных вагонов. Все происходило так быстро, что разведчики сначала как бы растерялись, не зная, что им делать. Но офицер с ручным пулеметом в момент, когда мимо проходил паровоз состава, дал очередь по будке машиниста.

— Тут произошло нечто невообразимое, — рассказывал нам начальник разведки. — От неожиданности и страха машинист дал «контрпар», в результате которого паровоз остановился как вкопанный, соскочив с рельс и сильно накренившись. Бронеплощадка и классный вагон впереди паровоза оторвались и покатались на станцию без тормозов. Что же касается товарных вагонов, они все пошли под откос... Дело было в следующем: пулеметная очередь по паровозу была дана на крутом повороте железнодорожного пути. С правой стороны путь шел почти по отвесной стене, под которой шло шоссе, а еще ниже была небольшая река. Таким образом, вагоны падали под откос и разбивались или на шоссе, или же катились дальше ко дну реки.

— Я никогда в жизни не слышал такого грохота, как в этой катастрофе, — продолжал начальник разведки. — И я знаю только одно: от всего состава осталось лишь месиво из разбитых вагонов и бывших в них людей.

Теперь и нам стало ясно, что значили звуки короткой пулеметной

очереди, а затем громоподобные раскаты, пронесшиеся по горам. После получения всех этих сведений немедленно было принято решение отправить усиленный отряд с пулеметами прямо через туннель на станцию Ходыженская с целью выяснить обстановку.

В составе отряда, посланного в направлении ст. Ходыженская для выяснения обстановки по ту сторону туннеля, был и я. Легкий пулемет «льюис» нес мой второй номер—пулеметчик, я же шел с браунингом в руке.

Мы быстро прошли туннель с заваленным вагоном и, выйдя из него, сразу же оказались на станции. Никого там не было. Тут мы увидели разбитую бронепоездную площадку, врезающуюся в упор тупикового запасного пути, и классный вагон, своими передними колесами соскочивший с рельс. С пистолетами наготове мы поднялись в вагон, но он оказался пустым. Заходили в купе, где всюду были разбросаны вещи, бумаги и видны следы крови. По-видимому, здесь были раненные при столкновении, но все же успевшие бежать. В этом вагоне находилось, конечно, начальство всего эшелона.

Идя далее вдоль пути, мимо сошедшего с рельс паровоза, мы увидели одну из самых кошмарных сцен, которую мне пришлось вообще видеть во время Гражданской войны. Трудно описать все это. Разбитые товарные вагоны были набиты людьми, по принципу «сорок человек или восемь лошадей». Но лошадей не было, а были лишь люди — убитые, раненые, искалеченные, раздавленные... Отовсюду слышались стоны, крики о помощи. Никогда не забуду молодого солдата, сквозь плечо которого прошел кусок дерева от вагона, а кисть одной руки, оторванная в запястье, болталась на окровавленных сухожилиях. Он стонал, плакал, кричал от боли, прося его пристрелить и этим избавить от мучений...

Стоны и вопли неслись отовсюду. Смотреть с насыпи вниз было просто страшно: на насыпи, на шоссе и даже в речке лежали вагоны с убитыми или еще полуживыми людьми. Наши офицеры, оценив обстановку, потребовали от железнодорожников немедленно подобрать раненых, убитых сносить прямо в пакгауз. Мы оставили им все имевшиеся у нас перевязочные средства.

Перед нами же стояла теперь задача: воспользоваться этим поражением «красно-зеленых» и постараться как можно скорее прорваться через три туннеля, чтобы выйти в Туапсе. Весь день прошел в расчистке и починке пути. К вечеру колонна наших бронепоездов и следующих за ними составов смогла двинуться дальше.

Наутро, двигаясь довольно медленно, мы наконец достигли первого из трех туннелей перевала Гойтх—Индюк. Перед туннелем, очень длинным, но

прямым, как стрела, была станция Гойтх. Как только мы остановились у станции, некоторым из нас, в том числе и мне, было разрешено войти в стоявшие на горе домики и раздобыть продукты, главным образом хлеба, сала и яиц.

Вошли мы в небольшой домик, который, как оказалось, занимала семья начальника станции. Какие-то милые хозяйки–казачки немедленно принесли нам продукты и даже крынку молока. У нас не было с собой мешков, а потому яйца и прочее пришлось положить в фуражки. Только мы собирались попить молока, как сверху, с горного перевала, раздались выстрелы, сперва одиночные ружейные, а затем застрочил пулемет. Мы быстро сбежали к бронепоездам. И тут выяснилось одно неприятное обстоятельство. Дело в том, что сразу же после станции начинался подъезд к туннелю, гора над которым была занята противником. Для того чтобы пройти туннель, нам прежде всего надо было сбить противника с гребня горы. Для этой цели пешие казачьи подразделения, выгрузившись с поездов, полезли на гору. Но все преимущества были у противника: с гребня они беспощадно били по казакам, которыми командовал ротмистр Грауаг (странная фамилия, а потому мне она и запомнилась).

Цепи казаков несли потери и сбить противники не могли. Связные от них просили поддержки с бронепоездов. Ввиду того что наш «Генерал Дроздовский» стоял головным, то эта задача выпала на нас. Но тут возникло непредвиденное препятствие: перед входом в туннель железнодорожный путь делал крутой поворот, а вход начинался узким, облицованным камнем коридором, из которого уже не было видно самого гребня.

Наш бронепоезд подошел к туннелю, и тут всем стало ясно, что помощь нашим цепям оказать мы не в состоянии, так как вести огонь под этим углом из орудий не было никакой возможности. Тогда командир бронепоезда приказал нам, пулеметчикам, немедленно открыть огонь по противнику. Но тут мы поняли, что и пулеметы в башнях нельзя было поднять так, чтобы вести огонь по горе.

Между тем просьбы о помощи от наступавших были все настойчивее, ибо красные, видя замешательство у нас с бронепоездом, перешли в контратаку, спустились с гребня на эту сторону горы и стали теснить наши цепи, открыв огонь и по бронепоездам. Особого вреда они, конечно, нам не причиняли, пули стучали по броне, но команде первого орудия на открытой площадке пришлось срочно укрыться, так как сверху все было видно как на ладони. Так наши грозные бронепоезда в этом бою оказались совершенно беспомощными. Надо было принимать какое-то решение, ибо грозила

опасность, что красные совсем сбросят с горы казаков.

На нашу бронеплощадку взошел командир бронепоезда и взволнованно обратился к нам:

— Ввиду того что из башенных пулеметов вести огонь невозможно, а помочь нашим крайне необходимо, вызываю добровольцев пулеметчиков, которые должны будут подняться на крышу площадки с ручными пулеметами и, прикрываясь от огня противника за пулеметными башнями, открыть по нему огонь.

Четверо нас вызвались выполнить это задание. Первым пошел мой друг (фамилии сейчас не вспомню). Было решено, что сначала, после выхода с площадки, мы забросим на крышу пулеметные барабаны с патронами, а затем сам пулеметчик быстро взберется туда, подхватит поданный ему снизу пулемет и укроется за пулеметной башней, ожидая удобного момента, чтобы открыть по красным огонь. Но тут произошло неожиданное затруднение. Как только мой приятель начал подниматься на крышу площадки, красные перенесли свой огонь на бронепоезд. Пули били по броне как град, и мой друг, не успев взобраться на крышу, был ранен в плечо и упал бы на насыпь, если бы мы не поддержали его. Мы внесли его в площадку. К счастью, рана была несерьезная.

Теперь наступила моя очередь лезть наверх. Думаю, что и без слов понятно, что я в тот момент переживал. Я отдавал себе отчет в том, что для того, чтобы успеть укрыться за башней, мне необходимо как можно скорее взобраться на крышу. Для этой цели я попросил моего пулеметчика — второй номер, чтобы пулемет и патроны на крышу забросил он, дабы мне не задерживаться на башенной лесенке. Когда все это было уже на крыше, я быстро поднялся и сразу же забежал за укрытие. Меня, очевидно, заметили, так как по башне забарабанили неприятельские пули. Времени терять было нельзя. Мне удалось подтащить к себе пулемет и патроны. Выждав, наконец, удобную минуту, я положил ствол на обрез башни и открыл огонь.

Как известно, определить расстояние для стрельбы под большим углом очень трудно, а мне нужно было поставить правильно целик на пулемете. В этом мне неожиданно помогла... корова! Испуганное животное металось по склону горы, недалеко от гребня, где были красные. Я дал по ней одну или две очереди, поставил целик и новой очередью сразил животное. Теперь я уже уверенно вел огонь по спускавшимся с гребня красным цепям и заставил их вернуться обратно к гребню. Тогда казаки снова перешли в наступление, а я продолжал вести огонь подбрасываемыми мне снизу патронами. Вскоре наши достигли гребня, а красные перекатились через перевал. Я прекратил огонь. Теперь мы могли спокойно войти в туннель,

без опасения, что нас могут отрезать, взорвав путь позади бронепоезда.

Когда я со своим пулеметом слез с крыши, командир поезда обнял меня и тут же сказал, что моего раненого друга и меня представит к награждению Георгиевскими крестами. И действительно, позже был получен приказ генерала Писарева о награждении моего друга и меня Георгиевскими крестами и о производстве командовавшего отрядом кубанцев, захвативших перевал, ротмистра Грауага в полковники.

Наш бронепоезд вошел в первый из остававшихся трех туннелей, очень длинный, с сильным уклоном, так что паровоз фактически не нуждался в развитии тяги бронепоезда. Уже в туннеле я увидел вдалеке выходное отверстие, но из-за большого расстояния никак нельзя было разобрать, что творится у выхода. Но мы, конечно, знали, что красные сделают все, чтобы не дать нам выйти из этого туннеля. А потому решено было выслать вперед разведывательную группу для выяснения обстановки.

Задачей разведки было выяснить, что делают красные у выхода из туннеля. На паровоз был дан приказ не парить и как можно тише продвинуться вперед по туннелю. Мы остановились приблизительно в середине туннеля. Можно было теперь даже невооруженным глазом видеть, что у выхода какие-то люди копошатся у железнодорожных рельс. Разведка прошла вперед. Было так тихо, что слышно было, как со сводов туннеля текла просочившаяся сквозь его каменные стены вода. По возвращении разведчики рассказали, что им удалось подойти довольно близко к выходу и что они видели людей, работающих возле рельс и, по-видимому, укладывающих какие-то взрывчатые вещества, чтобы взорвать путь, прежде чем бронепоезда смогут выйти из туннеля. Кроме того, разведчики в бинокль рассмотрели направленное прямо на туннель трехдюймовое орудие, явно с целью вывести из строя наше орудие на первой бронепоездной площадке при нашей попытке выйти из туннеля.

Немедленно было собрано совещание всех артиллерийских офицеров бронепоезда и решено осторожно продвинуться вперед, до места в туннеле, с которого наше первое орудие могло бы вывести из строя пушку красных, прежде чем она станет стрелять в нас. Очень важно было найти такую точку, с которой можно было бы открыть огонь без того, чтобы повредить потолок туннеля. К счастью, нашим головным орудием была 75-миллиметровая морская пушка, имеющая более настильную траекторию, чем полевые трехдюймовки.

Когда бронепоезд тихим ходом продвинулся до вычисленного артиллеристами пункта, все они снова собрались на открытой площадке около первого орудия. Через амбразуру в пулеметной башне, на фоне света,

видневшегося у выхода из туннеля, я видел силуэты наших офицеров, наводивших орудие и проверявших прицел. Наконец, после короткого совещания, я услышал возглас «Огонь!».

И тут произошло нечто неопишное. В темноте туннеля орудийный выстрел прямо ослепил меня. Грохот выстрела в узком пространстве был оглушающим. А вслед за этим произошло уже нечто невероятное, что запомнилось мне на всю жизнь: я почувствовал, что меня в спину и голову что-то сильно ударило и выбросило меня из «седла» на стол, стоявший под пулеметной башней. Внутри же туннеля поднялся вихрь, понесший песок и мелкие камни вперед к выходу. Машинист на паровозе, которого забыли предупредить о выстреле, решил, что бронепоезд наскочил на мину, и рванул назад, дав задний ход. Офицеры испугались, что задним ходом мы налетим на идущий сзади бронепоезд «Степной». Наконец удалось остановить поезд.

Что же произошло? Никто из наших артиллеристов не представлял себе, что может вызвать орудийный выстрел в туннеле. При стрельбе на открытой местности прорыв газов из орудия немедленно рассеивается, в туннеле же газы со страшной силой прорываются по туннельной «трубке» вперед, оставляя за собой вакуум, в который с такой же силой врывается воздух позади орудия. Эта воздушная волна и была тем «обухом», который ударил меня по голове и спине и выбросил из «седла» пулеметной башни.

Сразу же после прекращения вихря в туннеле машинисту был дан приказ двинуть состав вперед. Мы остановились перед самым выходом из туннеля. Выслали разведку, которая донесла, что красные бежали. Но самое забавное было то, что орудие красных, бывшее нашей мишенью, осталось неповрежденным. Мы долго потом подсмеивались над незадачливыми артиллеристами.

Но времени терять было нельзя, так как нам предстояло еще форсировать два туннеля, правда более коротких, но зато с крутым заворотом. Мы надеялись, что «красно-зеленые», решившие задержать нас в первом, длинном туннеле, не успеют разрушить и два последних. Бронепоезд пошел полным ходом вперед, и нас, как говорится, «кривая вывезла» — оба туннеля были пройдены благополучно. Таким образом, мы, наконец, преодолели последнее препятствие — переход через Навагинский хребет — и, выйдя из последнего туннеля, прошли ст. Индюк.

Нигде не встречая противника, мы, наконец, вошли в Туапсе. Было уже совсем темно. Наш бронепоезд остановился у товарной станции, чтобы дать железнодорожникам возможность осмотреть входные стрелки и поставить их на прямой путь, который вел к главному вокзалу. Красных

нигде не было видно. Железнодорожники говорили, что они в панике бросили станцию и, по-видимому, начали выходить из города и из порта. Чтобы вспугнуть их и ускорить их отход, командир бронепоезда приказал открыть огонь из всех пулеметов и стрелять не по целям, а прямо вверх. Мы постреляли несколько минут, но в тишине ночи это произвело много шума и показало удирающим «красно-зеленым», что мы не шутим и готовы подавить любое их сопротивление.

После этого мы тихим задним ходом подошли к перрону вокзала. За нами подошли остальные бронепоезда и другие составы с нашими частями, которые сразу после выгрузки из вагонов были разведены по всему городу, занимая, в первую голову, такие важные объекты, как телефонную и телеграфную станции и пр. Даже среди ночи жители Туапсе начали выходить из домов и приветствовать нас как освободителей от красного кошмара.

Утром же весь город высыпал на улицы. Нас, белых, обнимали и радостно всюду встречали. С домов снимали красные тряпки и большевистские плакаты. Кое-где появились наши трехцветные флаги. Самое же поразительное было то, что в один день жизнь Туапсе вернулась к старому ритму. Сразу же открылись рестораны, а на следующий день уже начались представления в местном цирке. Трогательно было видеть слезы радости на глазах у многих. Нас всюду останавливали и благодарили за освобождение от красного террора. В церквях служили благодарственные молебны. Нас приглашали в дома.

Мы с приятелями решили отпраздновать нашу победу в шашлычной. Нас там встретили как родных, приготовили шашлык и чебуреки, принесли много хорошего красного вина. Так приятно было сидеть в ресторане, есть блюда, о которых в течение долгого времени только мечтать могли, и чувствовать на себе внимание публики. Единственная моя беда была в том, что, не рассчитав своих сил, я выпил несколько больше, чем следовало, отвечая на тосты туапсинцев. После ужина кто-то предложил пойти в только что открывшийся цирк. У меня уже шумело в голове, а передо мной стоял стакан недопитого вина.

— Ничего, Саша, бери стакан с собой. По дороге в цирк выпьешь! — сказал мне приятель. — А то опоздаем в цирк.

Я так и сделал — по дороге в цирк допивал свое вино. Наконец, придя в цирк и не зная, что делать со злополучным стаканом, я машинально сунул его в карман шинели. В цирке нас усадили в первом ряду, вдоль арены. Представление началось, но у меня кружилась голова. Вскоре оркестр заиграл шопеновский вальс, и я увидел, как на арену вышел какой-то

господин во фраке, ведя собачку болонку, поставил ее на барьер арены, и она начала по нему передвигаться на задних лапках, как будто танцуя. Мне так понравилась эта умная собачонка, что, когда она дотанцевала до места, где я сидел, я, находясь уже под действием винных паров, решил погладить ее. Собачонка твякнула, поджала хвост и убежала. Цирковой номер был сорван. В публике раздался смех. Дрессировщик подошел ко мне и сказал, что в цирке себя так не ведут. Мне стало стыдно. Я, по военной привычке, встал, хотя и с трудом, но прежде чем мне удалось извиниться, ко мне подошел офицер и спросил, какой я части. Он оказался адъютантом начальника гарнизона. Держа под козырек, заплетающимся языком я доложил ему, что я вольноопределяющийся бронепоезда «Генерал Дроздовский», участвовавшего во взятии Туапсе. Офицер сразу понял, в чем дело, причем тут же заметил в моем кармане стакан.

— За нарушение порядка в общественном месте в нетрезвом виде сажаю вас на гауптвахту на три дня, — сказал он. — Немедленно возвращайтесь на бронепоезд и доложите об этом вашему командиру!

Так закончилось для меня представление в цирке. Вернувшись на бронепоезд, я доложил обо всем дежурному офицеру, который, к счастью, оказался начальником бронепоездной пулеметной команды и ценил меня как пулеметчика. Выслушав мой рапорт, он сказал мне, что я буду находиться под арестом на базе нашего бронепоезда, и велел мне отправиться в вагон базы и прежде всего отоспаться после «празднования победы». Он не смог скрыть своей улыбки, когда я докладывал ему, что хотел в цирке погладить танцующую собачку и чем все это кончилось.

События на фронте становились угрожающими, так как после нашего выхода в Туапсе «красно-зеленые» подтянули к Навагинскому хребту крупные силы и начали наступление на Туапсе с целью сбросить нас в море. Нашим бронепоездам каждый день приходилось выходить вперед, чтобы помогать пехоте, обороняющей подступы к Туапсе. В выездах бронепоезда «Генерал Дроздовский» я участия не принимал, так как формально находился под арестом, на «губе» (гауптвахте), то есть попросту отдыхал в вагоне. Мне было обидно слышать, как мои друзья в свободное время от службы веселились в городе.

Удерживать Туапсе было трудно. Из Крыма вызвали транспорты для перевозки частей, так как времени оставалось мало. Перед оставлением Туапсе возник вопрос: что делать с пятью бронепоездами? Наше командование решило их сбросить в море, чтобы они не достались противнику. К счастью, железнодорожный путь проходил по молу и нашим саперам удалось продолжить рельсы до самого обреза мола.

Вот, наконец, настал момент, когда был отдан приказ снять с бронепоездов все пулеметы, поставить площадки одну за другой и при помощи двух паровозов продвинуть бронепоезда на мол, а оттуда сбросить их в море. Все командиры собрались на молу и с грустью смотрели, как наши бронепоезда начали падать в воду.

После этого печального события нужно было очень торопиться, так как без поддержки бронепоездов нашим частям уже трудно было сдерживать наступление «красно-зеленых», которые быстро приближались к Туапсе. Часть казачьих частей двинулась по берегу на юг, а команды бронепоездов и другие подразделения и части были посажены на транспорты. Команда нашего бронепоезда погрузилась на старый транспорт «Николай». Грустно было прощаться с туапсинцами, которые с ужасом думали о приходе красных.

Наконец, «Николай» вышел в море, направляясь в Керчь. Этим закончилась первая стадия отступления Белой армии от Орла до Туапсе. Последний же этап нашей белой эпопеи закончился уже в Крыму.

А. Осипов^[6]

БРОНЕПОЕЗД «ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ»^[7]

9.2.1920. Боевые действия в районе ст. Песчанокопская и ст. Белая Глина. Гибель бронепоезда. Подробности боя таковы. 9 февраля бронепоезд занимал позицию несколько впереди ст. Песчанокопская. Станицу и станцию занимал 1-й Кубанский корпус численностью всего до 700 бойцов при четырех — шести орудиях, сильно утомленный непрерывными, более чем месячными боями и отступлением. Штаб корпуса, интендантство и казначейство на ст. Белая Глина. Там же находились бронепоезда «Вперед за Родину» и «Тяжелый бронепоезд № 2». Около 2 часов дня, вследствие наступления превосходных сил красных, из штаба корпуса был получен приказ об отступлении. Корпусу было приказано отходить вдоль полотна железной дороги на ст. Белая Глина, бронепоезду же «Генерал Алексеев» надлежало прикрывать отступление корпуса.

Около этого же времени со стороны ст. Белая Глина была услышана оживленная артиллерийская стрельба. Попытка включиться в железнодорожный телефонный провод, дабы выяснить обстановку на ст. Белая Глина, была безрезультатной, так как Белая Глина не отвечала. Произведенная бронепоездом разведка в сторону ст. Белая Глина выяснила, что как станция, так и станица Белая Глина прочно заняты большими силами красной кавалерии с артиллерией. На станции шел грабеж составов. На горизонте в 3 — 4 верстах за станцией стоял недействующий бронепоезд.

Части 1-го корпуса, не вступая в бой, отступают в общем направлении на станицу Павловскую. Красная кавалерия преследует их и рубит. Наша артиллерия берется атакующей красной кавалерией. Бронепоезд «Генерал Алексеев» открыл огонь по станции и пошел в наступление с целью пробиться на ст. Ея, но вскоре с впереди идущего вспомогательного поезда прибежал на бронепоезд его личный состав, командир которого доложил, что его поезд, вследствие попорченного пути, на входных стрелках сошел с рельс паровозом и несколькими вагонами. Означенное подтвердилось бронепоездной разведкой. С этого момента красные прекратили огонь по бронепоезду, так как, очевидно, считали его своим трофеем.

Бронепоезд тоже прекращает стрельбу по красным. В казачьей части

команды замечается нежелание продолжать бой ввиду неизбежности пленения бронепоезда. Отдельные небольшие группы красных подъезжают к бронепоезду на несколько десятков шагов, осматривают его, отвечают, какой они части и пр., и затем отъезжают обратно.

Когда начало темнеть, примерно около 4 — 5 часов, бронепоезд двинулся полным ходом в направлении ст. Песчанокопской и, не доезжая до нее верст 5 — 6, останавливается. Снимаются панорамы и затворы с орудий, портятся тяжелые пулеметы, команда оставляет бронепоезд, взяв легкие пулеметы, и пешим порядком отходит по направлению станицы Павловской. Дабы замаскировать место оставления бронепоезда, а бронепоезд привести в негодность, последний без механика был пущен полным ходом в сторону ст. Песчанокопской. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Команды бронепоезда и вспомогательного поезда, в составе около 65 человек, следуя через станицы Павловскую, Успенскую, Рашеватскую и Темижбекскую, не встречая красных частей, прибыли к вечеру 12 февраля на ст. Кавказская. Как потом выяснилось со слов одного офицера, бежавшего от красных, конная группа красных наступала на ст. Белая Глина от станицы Егорлыцкой. Взорвав железнодорожный мост через реку Ея, она затем с тыла и левого фланга повела наступление на станцию и станицу Белая Глина. Бронепоезд «Вперед за Родину» и «Тяжелый бронепоезд № 2» были врасплох захвачены красными в районе ст. Белая Глина. Личный состав обоих бронепоездов погиб. На ст. Белая Глина были зарублены красными командир 1-го корпуса генерал Крыжановский и чины его штаба. Красная конница, преследуя отходившие кубанские части, произвела даже налет на железную дорогу Тихорецкая — Кавказская, сопровождавшийся порчей пути и телеграфной линии. Станция же Кавказская занималась ими около часа. В это же время база бронепоезда находилась на одной из промежуточных станций между Кавказской и Тихорецкой. Из оставшихся на базе чинов бронепоезда был составлен отряд для отражения могущего быть налета красных на станцию. Ввиду отсутствия паровоза база бронепоезда была разделена на две части и путем прицепки к проходившим поездам вывезена на ст. Кавказская, через два часа после очищения ее от красных.

10.2.1920. Сформирование, по приказу начальника Тихорецкого района генерала Шифнер–Маркевича, сборного бронепоезда из одной орудийной бронеплатформы бронепоезда «Генерал Алексеев» и одной такой же бронепоезда «Вперед за Родину», остававшихся при базах в ремонте. Каждый бронепоезд обслуживал свою платформу. Занятие позиции в

районе ст. Порошинская.

11/2 — 13/2. Боевые действия сборного бронепоезда между ст. Порошинской и разъездом 28 вер.

14/2. Восстановление телеграфной связи между станциями Тихорецкая и Кавказская.

15/2. Передача вышеуказанной бронеплатформы бронепоезду «Вперед за Родину» и возвращение обслуживавшей ее команды.

16/2 — 17/2. Переезд базы в Армавир.

18/2 — 5/3. Переезд базы со ст. Армавир до ст. Пашковской, где, вследствие забитости пути отступающими эшелонами, база бросается, а личный состав отступает с Донской кавалерией на ст. Екатеринодар.

6/3 — 9/3. Отступление на порт Новороссийск. Дезертирство части команды, состоявшей из кубанских казаков.

10/3. Прибытие в Новороссийск и сведение команд бронепоездов «Генерал Алексеев», «Степной» и «Единая Россия» в пеший батальон на предмет занятия позиции в районе города Новороссийска.

11/3 — 12/3. Стоянка в городе Новороссийске.

13/3. Погрузка командой бронепоезда парохода «Мариэт» огнеприпасами, бросаемыми в городе Новороссийске, посадка на него команды и эвакуация в Крым.

Г. Раух^[8]

РАЗГРОМ БУДЕННОГО ПОД РОСТОВОМ 6–8 ЯНВАРЯ 1920 ГОДА^[9]

С развитием огнестрельного оружия, в особенности пулеметов, и при силе современного огня крупные конные столкновения тех эпох, когда конница была «царицей полей сражений», отошли, казалось, безвозвратно в область преданий. Однако условия Добровольческой войны на Юге России — чисто маневренная война на широких просторах при отсутствии непрерывного фронта, возможность получать конский состав, наличие кадровых офицеров-кавалеристов и т. д. — неожиданно возродили действия значительных кавалерийских масс и конные атаки.

Одним из самых картинных кавалерийских дел, в котором автор принимал участие как командир 1-го эскадрона Сводно-Гвардейского кавалерийского полка, является разгром 1-й конной армии Буденного под Ростовом 6 — 8 января 1920 года.

К концу декабря 1919 года (все даты по старому стилю) большая часть вооруженных сил генерала Деникина вышла, после тяжелого отступления из центральных губерний, на Дон и, перейдя реку, задержалась по нижнему течению Дона и по Манычу. Добровольческая армия, сведенная в 1-й корпус генерала Кутепова — корниловцы, марковцы, дроздовцы, алексеевцы, — остатки 5-го конного корпуса, сведенные во 2-ю полковую бригаду генерала Барбовича, и Терско-Кубанский кавалерийский отряд, остатки конного корпуса генерала Топоркова — заняли фронт от Азовского моря до Ростова и Нахичевани включительно. Дальше на восток шел участок Донской армии генерала Сидорина, 3-й Донской корпус, пеший, генерала Гусельщикова в станице Ольгинской с приданной ему кавалерийской бригадой, кажется, генерала Старикова, и 4-й Донской конный корпус генерала Павлова в станице Хомутовской в резерве.

Красное командование Юго-Восточного фронта (Шорин, бывший полковник Генерального штаба) решило немедленно форсировать Дон, чтобы не дать нам времени укрепиться, и 1-й конной армии Буденного было приказано перейти 4 января Дон и, взяв Батайск (против Ростова), чтобы сбить замок на железной дороге, выйти нам в тылы в разрез между добровольцами и казаками. Красная пехота 8-й армии должна была по всему фронту содействовать этому наступлению (книга Буденного

«Пройденный путь»).

Условия местности благоприятствовали красным. Главный рукав Дона течет от станицы Аксайской до Азовского моря под правым высоким берегом красных. Левый берег низменный, плавни, местами до 10 — 11 верст ширины. Против Нахичевани и станицы Аксайской переправы — паромы. От Аксайской переправы гать по плавням к станице Ольгинской. Задонская степь между Батайском и Ольгинской (расстояние 28 верст) представляет собой широкий и глубокий плацдарм, удобный для разворачивания без всяких рубежей сопротивления.

Зима 1919/20 года выдалась холодная, и Дон к этому времени крепко замерз. Конная бригада генерала Барбовича последней подошла 27 декабря к Ростову, когда город и мост были уже заняты красными. Отбив несколько атак, бригада к вечеру перешла Дон и плавни прямо по льду со всей своей артиллерией, от станицы Гниловской западнее Ростова на Койсуг, несмотря на то что за два дня до этого из Ростова ушел в Азовское море ледокол, проломавший открытую полосу в середине реки, которая немедленно опять замерзла. Я упоминаю этот эпизод, чтобы подчеркнуть неправильность заявления Буденного, что «к началу боевых действий поймы рек Дона и Койсуга были затоплены водой и покрыты тонким льдом». Правда, первые два-три дня января были туманные с короткой оттепелью, но 4-го стоял крепкий мороз, и короткая оттепель ничего не изменила. Самый переход через Дон, как на Нахичеванской, так и на Аксайской переправах, вне сферы нашего ружейного огня, не представлял для Буденного никаких трудностей.

По сводкам штаба Донской армии, у генерала Кутепова при отходе за Дон было 3383 штыка и 2928 шашек. Шедшие ему навстречу пополнения позволили, однако, в первые же дни увеличить боевой состав корпуса, который к моменту столкновения с Буденным был доведен приблизительно до 10 000 бойцов. Бригада генерала Барбовича уже развернулась в три полка, а у донцов на этом участке было, вероятно, около 4000 штыков и 8000 шашек.

В 1-ю конную армию Буденного входили 4, 6 и 11-я кавалерийские трехбригадные дивизии — 9500 шашек — и две стрелковые дивизии — 9-я и 12-я, 4500 штыков, 3 броневых поезда, 9 броневых автомобилей, 5 орудий и 400 пулеметов. Кроме того, в наступлении участвовали со стороны красных 40, 33, 15 и 16-я стрелковые дивизии — 11 000 штыков — и 16-я кавалерийская бригада Волосатого — 2000 шашек — 8-й армии, занимавшей фронт от Нахичевани на восток, то есть всего около 11 500 шашек и 15 500 штыков. В Ростове, кроме бронепоездов Буденного, было

еще три, включая тяжелый с шестидюймовыми морскими орудиями, ходивший по линии Ростов — Новочеркасск вдоль по фронту. С нашей стороны было два легких бронепоезда на линии Ростов — Екатеринодар, перпендикулярной фронту.

4 января никаких серьезных действий со стороны красных не было, хотя Буденный и пишет в своей книге о яростных, но всегда отбитых атаках на Ольгинскую, во время которых он «неоднократно с Ворошиловым лично водил бойцов» на приступ. Другие советские авторы (Агуреев и Тюленев) говорят то же самое, по-видимому, чтобы подтвердить выполнение приказаний штаба фронта на 4 января и не противоречить Буденному. Красные, вероятно, произвели в этот день разведку на Ольгинскую, которую им необходимо было захватить и держать, чтобы обеспечить свой левый фланг и тыл при переправе главных сил и затем при разворачивании на Батайск.

5 января части 6-й кавалерийской дивизии Буденного и пехота 8-й армии выбили казаков после упорного боя из Ольгинской. Поднявшаяся днем сильная метель не позволила красным развить этот успех или донцам контратаковать. Последние отошли на ночь в район Хомутовской. Конница Добровольческого корпуса (генерала Барбовича и Топоркова) была вечером вызвана по тревоге в Батайск, но выступление из-за метели было отложено до утра.

За ночь метель улеглась, и 6 января с утра стояла тихая, морозная и ясная погода. Главные силы Буденного, 4-я и 11-я кавалерийские дивизии и части 6-й, начали с рассветом переправу по Нахичеванской переправе. Первые сведения об этом поступили в 7 часов утра от конных разведчиков корниловцев, наблюдавших в плавнях. Конница генерала Барбовича подошла к сборному пункту на юго-восточной окраине Батайска у переезда через железнодорожную насыпь около 10 часов утра после перехода по сильно занесенной снежными сугробами дороге. Терцы и кубанцы генерала Топоркова были уже на месте, терцы в резерве, а кубанцы, высланные навстречу красным, отходили сильно растянутой лавой перед подавляющими силами Буденного и были уже совсем близко от окраины Батайска.

Полки генерала Барбовича, и с ними терцы, на широких аллюрах перескочили по переезду через железнодорожную насыпь и, на ходу разворачиваясь, пошли в атаку. Их неожиданное появление из-за насыпи, скрывшей их подход, и стремительность атаки ошеломили красных, видевших Батайск уже почти взятым без серьезного сопротивления.

Атакующим полкам представилась незабываемая картина: совершенно

ровная, покрытая девственным белым снегом широкая, искрящаяся на утреннем солнце степь с разбросанными по ней маленькими курганами. Совсем близко отходящая жиденькая лава кубанцев, а у нее на плечах густая лава красных с вкрапленными в ней пулеметными тачанками. Дальше за лавой чернели три квадрата резервных порядков, по-видимому бригад; между ними и на флангах — снимающиеся с передков на открытой позиции орудия и вспышки первых выстрелов, а на курганах группы наблюдателей и начальства — батальная картина наполеоновских времен!

Атака мгновенно опрокинула красную лаву, налетела на ее плечах на не успевшие еще развернуться резервные порядки, разметала их, и вся эта масса перемешавшихся всадников, пулеметных тачанок и орудий неудержимо понеслась, коля и рубя, на восток, к плавням и переправам. Бешеная скачка промчалась версты 3 — 3 1/2, пока не выдохлись кони. Части затем начали собираться, приводиться в порядок, и постепенно завязался огневой бой, продвинувшийся еще немного на восток.

Разворачиваясь после переправы на Батайск, Буденный загнул свой левый фланг, выслав заслон в направлении хутор Злодейский — станица Хомутовская. 4-й Донской конный корпус генерала Павлова начал с утра (в 9 часов, по сведениям Донской армии) вытягиваться из Хомутовской на Ольгинскую и разворачиваться с целью сначала атаковать эту станицу и выбить из нее красных. Появление на его фланге заслона Буденного, действовавшего очень напористо, и разгоревшийся под Батайском бой заставили генерала Павлова изменить первоначальное направление и выйти главными силами корпуса западнее Ольгинской, на левый фланг конной армии Буденного, отброшенной от Батайска нашей атакой.

4-й Донской корпус втянулся в бой с заслоном Буденного около 11 часов и полностью развернулся в новом направлении, отбив упорно дравшийся заслон, к 15 часам (по сведениям Донской армии). Тут разыгралась вторая фаза боя 6 января. Донцы атаковали в конном строю с юга, а полки генерала Барбовича и Топоркова одновременно с запада. Красные, приведшие к этому времени свои части в порядок и готовившиеся опять наступать, не выдержали, и вся эта масса перемешавшихся конниц помчалась к плавням. Наши снаряды, особенно тех конных орудий, которые скакали за атакой на левом фланге, разбивали лед в протоках и болотинах плавней, вызывая панику у красных. Их пулеметные тачанки и орудия проваливались и застревали, рвались построики, и все, уже в панике и без управления, бросая все, бежали к переправам. Преследование прекратилось с темнотой и из-за усталости конского состава.

Полки генерала Барбовича и Топоркова продвинулись за этот день

верст на 17 — 18 на восток от Батайска к Ольгинской, то есть не дошли до последней верст на 10. Донцы подошли к Ольгинской уже в темноте, но взять ее в этот день не смогли, встретив упорное сопротивление. Она осталась в руках красной пехоты (16-й стрелковой дивизии) и небольших разрозненных частей, отошедших на нее, 6-й кавалерийской дивизии Буденного. Пехота 8-й армии и обе стрелковые дивизии Буденного с утра 6-го перешли по всему фронту в наступление, но были сравнительно легко отбиты и нигде успеха не имели, кроме крайнего правого фланга у донцов. В первой фазе конного боя 6 января участвовало с обеих сторон около 9 — 10 тысяч всадников, а во второй, вероятно, тысяч 20 шашек. Столкновения были чисто конными, без непосредственного участия пехоты.

7 января на фронте Добровольческой армии царило затишье. Конница Буденного, отброшенная с потерями за Дон, зализывала свои раны. Бригада генерала Барбовича оставалась на своих биваках в Койсуге. На восточном участке фронта донцы (3-го и 4-го корпусов) с утра атаковали Ольгинскую и после упорного боя выбили из нее красных, отбросив их везде за реку. Часть конницы генерала Топоркова, терцы, была вызвана на помощь донцам, но с начала перехода возвращена обратно на свои биваки, ввиду успеха под Ольгинской.

8 января красная пехота 8-й армии (33-я и 40-я стрелковые дивизии) и части конной армии до рассвета вновь атаковали Ольгинскую и взяли ее. Ядро конной армии Буденного с утра опять переправилось по переправам с усиленной на этот раз артиллерией и начало разворачиваться на Хомутовскую и на Батайск. Ее стрелковые дивизии энергично наступали из Ростова на Батайск и на Койсуг, и части 12-й дивизии, перейдя речку Койсуг (приток Дона в плавнях), подошли на 2 — 3 версты к окраине Батайска, но были отброшены нашей пехотой за Дон. Корниловцы из Батайска выдвинулись вдоль плавней против Нахичеванской переправы. Бригада генерала Барбовича, стоявшая на биваке в Койсуге в 6 верстах от Батайска, вышла им на поддержку и сначала в пешем строю удлинила цепи корниловцев, загнув правый фланг на юг. С подходом донской конницы из Хомутовской, хутора Злодейского к полкам Барбовича, ведущим огневой бой, были по сигналу подведены на галопе коноводы, и вся конница (добровольцы, терцы, кубанцы и донцы) опять атаковала в конном строю с юга и с запада Буденного. После нескольких атак и контратак красные не выдержали и в беспорядке помчались обратно к переправам. Небольшая часть успела выскочить к Нахичеванской переправе, остальные помчались по плавням к Аксайской. На этот раз наша конница дошла засветло до Ольгинской и конной атакой взяла станицу окончательно, очистив левый

берег Дона от красных. Поздно ночью, вернее пред рассветом 9-го, добровольческая конница на еле шедших от усталости лошадях вернулась на свои биваки в Койсуг.

После этого вторичного поражения конная армия Буденного, понесшая тяжелые потери и морально разбитая, уже не пыталась более форсировать Дон и была отведена для пополнения и приведения в порядок. Командующий Юго-Восточным фронтом Шорин был смещен, и на его место назначен Тухачевский.

По сводкам штаба генерала Деникина, во время боев 6 — 8 января у красных было взято 22 орудия и 120 пулеметов. Число пленных мне точно неизвестно, но один лишь 4-й Донской корпус взял их около 1700, а бригадой генерала Барбовича было захвачено более 300 строевых лошадей. Ворошилов в разговоре по прямому проводу со Сталиным указал, что потери в командном составе конной армии превысили 401, а в конском составе 4000 лошадей. В поле за околицей Ольгинской долго еще оставались следы этих боев — горы собранных и сложенных замерзших трупов людей и лошадей, которые невозможно было похоронить из-за глубоко промерзшей земли.

А. Рябинский^[10]

КАВАЛЕРИЙСКОЕ ДЕЛО 6 ЯНВАРЯ 1920 ГОДА^[11]

Во время 1-й Великой войны, как и во время Гражданской, пехотинцам редко приходилось видеть боевые действия своей кавалерии. Мне пришлось быть свидетелем одного крупного кавалерийского дела, которому, как мне кажется, наша зарубежная военная литература незаслуженно уделила мало внимания.

27 декабря 1919 года, по причине оставления 4-м Донским корпусом генерала Мамантова фронта Нахичевань — Новочеркасск и увода его за Дон, Корниловской ударной дивизии было приказано прекратить уличный бой в Нахичевани и, форсируя Дон, занять и оборонять Батайск.

После ухода Добровольческой армии за Дон на фронте против станиц Аксай — Гниловская обстановка рисовалась следующим образом: станицу Ольгинскую сначала занимали донцы, затем Марковская дивизия. Станица Койсуг, прикрывавшая Батайск со стороны Гниловской, была занята Корниловским Конным дивизионом; в районе станицы Хомутовской расположился 4-й Донской корпус генерала Мамантова. До 6 января большевики несколько раз пытались атаковать Батайск, но каждый раз отбрасывались к Ростову. Наступая по местности ровной и всюду открытой, без хороших артиллерийских позиций, они несли большие потери.

6 января начальник штаба Корниловской дивизии только что хотел подписать очередное срочное донесение в штаб корпуса, что ночь прошла спокойно и со стороны противника ничего не замечается, как от «Штабного эскадрона» 1-го полка получил следующее донесение: «6-го января 7 час. утра. Треугольник камышей против Нахичевани. Сильные, непрерывные колонны кавалерии противника переходят Дон по мосту и по льду. В бинокль вижу большое скопление большевиков по всему берегу против Нахичевани. Продолжаю наблюдение за противником. Огнем из камышей буду его задерживать. Шт.-кап. Натус ^[12]». В штабе дивизии затрещали аппараты, зазвонили телефоны и вместо утешительного «на фронте без перемен» полетели тревожные донесения. Немедленно штаб корпуса сообщил, что в Батайск выступают: дивизия казаков генерала Топоркова и кавалерийская бригада генерала Барбовича.

По-видимому, чтобы сковать Корниловскую дивизию, одновременно с конницей со стороны ростовского железнодорожного моста через Дон, поддержанные сильным артиллерийским огнем, появились большевистские стрелковые цепи. Развернувшись в эшелоны, массы конницы противника заполнили пространство между Батайском и Ольгинской. Уже было приказано одному из Корниловских полков приготовиться ударить во фланг большевистской конницы, как голова колонны бригады Барбовича, а за ней дивизии Топоркова, прикрываясь высокой железнодорожной насыпью-дамбой, подошла к месту расположения штаба Корниловской дивизии в Батайске. Обменявшись несколькими фразами с начальником Корниловской дивизии, генералы Топорков и Барбович выехали к крайним хатам, откуда перед ними открылась освещенная солнцем, слегка запорошенная снегом, блестящая степь, по которой, куда только можно было метнуть взором, как мурашки, но в порядке двигались эшелоны большевистской конницы.

В ту пору я имел честь исполнять обязанности старшего адъютанта штаба дивизии, и начальник штаба приказал мне наблюдать и присылать донесения о действиях кавалерии. Я верхом подъехал к генералам Топоркову и Барбовичу. Оба они стояли с поднятыми биноклями на пустой телеге.

— Красота! — не отрывая от глаз бинокля, произнес Барбович.

— Как по-вашему, — спросил Топорков, — сколько их? Барбович провел по сторонам биноклем и ответил:

— Помните, Ваше Превосходительство, как наши земляки говорили — «видимо-невидимо». Я полагаю, что прямо перед нами тысяч 12 — 14, а то, что в той мгле в направлении Нахичевани, пока еще не видно. — И генералы вполголоса начали совещаться о предстоящих действиях. Совещание их длилось не больше минуты, после чего им подали лошадей, и они крупной рысью поехали к своим частям, которые за железнодорожной дамбой были совершенно невидимы со стороны противника.

У штаба дивизии генерал Барбович, задержавшись на несколько секунд, просил начальника штаба всеми мерами поторопить генерала Мамантова развернуться против фронта большевиков, дабы не дать им возможности переменить направление на Батайск, и сказал, что наша кавалерия атакует большевиков во фланг. Перед штабом дивизии, где только что совещались генералы, выехала конная батарея капитана Мейндорфа и сейчас же прямой наводкой открыла беглый огонь.

Захваченный нашим разъездом красноармеец показал, что наступает

вся конная армия Буденного. Маневр ее был ясен: оставив заслон против Хомутовской, выйти на линию железной дороги Ростов — Тихорецкая и, ликвидировав с тыла Корниловскую дивизию, начать бродить по нашим тылам.

Уже передние эшелоны буденновцев, над которыми рвались шрапнели конной батареи, проходили Батайск. Они то останавливались, то, переходя в рысь и галоп, перестраиваясь, шли в принятом направлении на Хомутовскую и, казалось, на Батайск не обращали внимания. Но вот у них со стороны Батайска, из-за насыпи железной дороги, сначала показалась густая вереница лошадиных голов, за ними всадники, и лава за лавой, эшелон за эшелоном, как волны, подымаясь и опускаясь через дамбу, стали быстро выходить кавалеристы Барбовича и казаки Топоркова. Передние их ряды, блеснув на солнце шашками, пошли рысью, за ними все остальные. Буденный никак не рассчитывал на появление нашей кавалерии со стороны Батайска. Далее — величественная картина! До шести тысяч нашей конницы пошли галопом. Большевики начали было менять направление на Батайск, но сразу смешались, и обратный фронт в 5 — 6 верст, на котором развернулось до 20 тысяч конницы противника, покрывшись мглой, превратился по виду в потревоженный муравейник.

К батарее барона Мейндорфа подскакал офицер Генерального штаба.

— Почему прекратили огонь? — кричал он.

— Потому что не знаем, где свои и где большевики, — был ответ.

— Большевики бегут. Все, что движется на Нахичевань, все не наше.

Вот по ним открыла огонь корниловская батарея и бронепоезда! Вот левее тех стогов — все не наши. Беглый огонь! Беглый огонь! — с радостным пафосом прокричал он и, круто повернув коня, поскакал к месту боя.

С большим трудом, и то предположительно, можно было определить атаки нашей кавалерии, не то наши атакуют, не то большевики бегут. Во всяком случае, было заметно, как буденновцы, не понимая наших атак, смешивались и в беспорядке устремлялись на Ольгинскую. Появление к этому времени со стороны Хомутовской конного корпуса генерала Мамантова не давало возможности противнику привести в порядок свои перемешанные части и принять какое-либо решение. На фронте Корниловской дивизии шел оживленный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь.

До 3 часов дня шло кавалерийское сражение без существенных результатов. Большевики вводили подходившие со стороны Нахичевани все новые и новые части, пытаясь своим продвижением на Хомутовскую охватить нашу кавалерию, но быстро смешивались и отступали. Уже

садилося сонце, когда у большевиков по всему полю стали заметны массы конницы, отходившие на Нахичевань. Быстро наступил зимний вечер, стало темно, и бой прекратился. На фронте Корниловской дивизии противник был отбит.

К вечеру подул ветер, небо заволокло тучами и стало вьюжить. В штаб Корниловской дивизии прибыл генерал Барбович. Чины штаба бросились было его поздравлять с блестящим кавалерийским делом, но он предупредил их, высказав мысль, что противник, по причине недостаточных наших сил, к сожалению, не разбит, а только рассеян и что он, приведя себя в порядок, может ночью сделать нам пакость. Генерал был сильно утомлен, но, как всегда, очень спокоен, добродушно шутил и отвечал на пытливые вопросы начальника штаба и начальника дивизии о подробностях сражения.

По многим делам, в которых Корниловская дивизия действовала с кавалерией генерала Барбовича, имя его среди корниловцев было очень популярно. В этот вечер он приехал в штаб дивизии для того, чтобы, дождавшись возвращения посланных трех разъездов, послать соответствующее донесение о том, где и что делает противник, но разъезды не возвращались. Больше всего генерал интересовался, кем занята Ольгинская, и потому осведомлялся о фамилии начальника разъезда, посланного в этом направлении. Получив ответ, он очень удивился.

— Я знаю, — сказал он, — что это отчаянная сорвиголова, но для разведки одной храбрости мало.

Ждать пришлось недолго, и генералу доложили о прибытии разъезда с Ольгинского направления. В комнату вошел корнет высокого роста, сутуловатый. В нем обратило на себя внимание отсутствие военной выправки, которой всегда отличались кавалеристы. Он, правда, видимо, был очень утомлен, но и при этом оригинальная манера держать себя вызвала удивление. Было сразу заметно, что, несмотря на известную его храбрость, Барбовичу он не особенно нравился. Прибывший корнет, войдя в комнату, снял фуражку и, стряхнув с нее снег, каким-то ироническим взглядом провел по всем бывшим в комнате офицерам: что, дескать, сидите здесь в тепле и безопасности, а тут, смотрите-де, какие дела. Далее между ним и генералом произошел разговор, служивший впоследствии веселой темой в досужих воспоминаниях. Между прочим, как корнет, так и Барбович, оба не выговаривали буквы Р.

— Здравствуйте, докладывайте, докладывайте, — с досадливым смущением обратился к нему генерал.

— Газгешите мне сначала отдышаться, — с обидчивым удивлением

произнес корнет.

— Дышите, дышите, только докладывайте, — в сердцах и снисходительно бросил ему Барбович.

— И вот мы поехали. В снежной пугге мы едва пгодвигались. Газгешите закурить? — прервал он свой доклад.

— Курите, курите, дайте ему папиросу, а то у меня крученки, — обратился генерал к присутствующим.

Но корнет сам достал из висевшего через плечо портсигара папиросу и, закурив от поднесенной кем-то спички, продолжал:

— Я доложу Вашему Превосходительству все по погядку... Но генерал перебил его:

— Давайте, в таком случае, не по порядку. Вы в Ольгинской были? — спросил он его.

— В Ольгинской не был, не был.

— Ну хорошо, что вы видели и слышали в пути?

— Видел одного когниловца, котогый вел ганеную лошадь.

Не говоря больше ни слова, с удивлением смотрел на корнета генерал. Неизвестно, как бы продолжался этот разговор, потому что в это время прибыли остальные два разъезда и обстоятельно доложили о создавшейся обстановке: не атакуя Ольгинскую, противник в полном беспорядке ушел за Дон, большей частью в Нахичевань, а меньшей — по льду в станицу Аксайскую.

— Теперь я вам, родные корниловцы, определенно могу пожелать спокойной ночи, — сказал генерал Барбович, уезжая из штаба Корниловской дивизии.

Легкость победы нашей уступавшей в численности кавалерии над «непобедимым Буденным» рождала радостное настроение, омрачившееся слухами о ранении генерала Топоркова.

Е. Ковалев^[13]

БОЙ С КОННОЙ АРМИЕЙ БУДЕННОГО У БАТАЙСКА И ОЛЬГИНСКОЙ (ЯНВАРЬ 1920 ГОДА)^[14]

В № 71 «Военной Были» полковник Рябинский поместил статью «Кавалерийское дело 6-го января 1920 г.», в которой описывает атаку добровольческой кавалерийской бригады генерала Барбовича и казачьей конницы генерала Топоркова. Действительно, в этот день была лихая и удачная атака этих частей в районе Батайска против наступавшей конницы Буденного, пытавшейся прорваться на стыке Донской армии с Добровольческим корпусом, и к вечеру конница Буденного была отброшена и отошла в исходное положение. Все это так. Но что не так, то это желание объяснить отход красной конницы только как следствие действий конной группы генерала Топоркова и, в частности, бригады генерала Барбовича, в то время как бой 6 (19) января был лишь одной из фаз крупного сражения, длившегося с 4 по 8 (с 17 по 21 нов. стиля) января включительно, которое вели, кроме добровольцев, 4-й Донской конный корпус под командой генерала Павлова (а не Мамонтова, уехавшего в Екатеринодар) и 3-й Донской корпус генерала Гусельщикова. Тот бой не был решающим.

Решение было достигнуто донцами только после упорных боев у ст. Ольгинской 7 (20) и особенно днем 8 (21) января, который, как пишет Буденный в своих воспоминаниях, «был одним из самых тяжелых дней для Конармии», признавая дальше, что «бои 7 и 8 января окончились для Конармии полной неудачей». В этих боях и та и другая сторона понесли тяжелые потери, и поэтому несколько странно заключение автора о «легкости победы нашей».

Хотя автор и был очевидцем боя 6 (19) января, но наблюдал за ним издали, с окраины Батайска, и даже не мог до дела разобрать, что происходило. Как сам он пишет, «с большим трудом и то предположительно можно было определить атаки нашей кавалерии. «Не то наши атакуют, не то большевики бегут». Из описания полковника Рябинского видно, что даже три разъезда, высланные генералом Барбовичем 6 (19) января для выяснения, кем занята ст. Ольгинская, задачи своей не выполнили, сообщив, что, не атакуя Ольгинскую, противник в

полном беспорядке ушел за Дон, т. е. что Ольгинская была в наших руках, успокоив этим генерала Барбовича. В действительности же она прочно удерживалась красными.

Разобраться в крупном кавалерийском сражении, в котором участвовало около 50 полков конницы (у Буденного — 18, 4-й Донской конный корпус — 18, 7-я Донская конная бригада генерала Старикова — 3, Сводный Кубано-Терский корпус генерала Топоркова — 8 и бригада генерала Барбовича — 2), не под силу даже опытному глазу, и только при изучении документов и свидетельств участников с обеих сторон можно установить общую картину боя. Это и является целью настоящей статьи.

Обстановка была следующая. После выхода красных к нижнему течению реки Дон и Азовскому морю белые армии были разрезаны на две части и отошли: западная группа в Крым и на правый берег Днепра, а восточная — главные силы — за реку Дон. Ликвидация главных сил и являлась основной задачей Юго-Восточного фронта, переименованного 6 января 1920 года в Кавказский. В состав этого фронта, кроме основных 9, 10 и 11-й советских армий, были включены 8-я и 1-я конная армии, и на усиление выделено пять резервных дивизий.

1-я конная армия Буденного, с приданными ей двумя стрелковыми дивизиями, располагалась в районе Ростова и Нахичевани, а 8-я советская армия занимала фронт на линии Нахичевань — ст. Аксайская — Новочеркасск. Уступом за 8-й армией, в районе Раздорская — Константиновская, находилась 9-я советская армия. Против них, на левом берегу Дона, от устья до Батайска (включительно), занимал фронт Добровольческий корпус с приданным ему Кубано-Терским сводным корпусом генерала Топоркова, а от Батайска. вверх по Дону до ст. Цымлянской Донская армия.

По советским данным, в состав 1-й конной армии входили три кавалерийские дивизии (4, 6 и 11-я) по шесть полков, кроме того, в тот момент ей были приданы две стрелковые дивизии, три бронепоезда и девять бронеавтомобилей. Численность ее была: 9500 сабель и 4500 штыков, при 56 орудиях и 400 пулеметах. Численность 8-й армии (40, 15, 16 и 33-я стрелковые дивизии и 16-я кавалерийская бригада т. Волосатого) достигала 11 000 штыков и 2000 сабель, при 168 легких и тяжелых орудиях. Всего в ударной группе на участке Батайск — Ольгинская — Старочеркасск красные имели 15 500 штыков и 11 500 сабель.

28 декабря (10 января) Реввоенсоветом Конармии была получена директива командующего фронтом Шорина, в которой 1-й конной армии ставилась задача форсировать Дон на участке Батайск — Ольгинская и

выйти на линию Ейск — Старо-Минская — Кущевка. На основании этой директивы был отдан приказ Конармии о преследовании противника, но выполнение его было приостановлено, как пишет в своих воспоминаниях Буденный, в связи с оттепелью, сильными туманами, ненадежностью льда и отсутствием достаточных для армии переправ через Дон.

Богатый Ростов манил к себе Конармию и был занят Буденным по собственной инициативе, своевольно, так как, согласно директиве командования Южным фронтом, города Новочеркасск, Нахичевань и Ростов должны были занять части 8-й армии, а Буденный должен был находиться в Таганроге. Командующий 8-й армией Сокольников, прибыв в Ростов 30 декабря (12 января), указал на это и сказал, что он удивлен, почему Реввоенсовет Конармии «не соизволил постучать, входя в чужой дом». Командующий фронтом Шорин тоже обвинял Конармию в пьянстве, а после поражения ее под Ольгинской прямо заявил, что Конармия утопила свою боевую славу в ростовских винных подвалах. Задержка наступления Красной армии в нижнем течении Дона позволила Донской армии и Добровольческому корпусу привести себя в порядок после долгого и тяжелого отступления и пополнить части путем сокращения и расформирования обозов и извлечения оттуда лишних людей.

По официальным данным штаба Донской армии, в момент отхода за реку Дон 26 — 27 декабря 1919 года в четырех Донских корпусах было: 7266 штыков и 11 098 шашек. В Добровольческом корпусе: 3383 штыка и 1348 сабель. В Кубано-Терском Сводном корпусе генерала Топоркова, подчиненном командиру Добровольческого корпуса генерала Кутепову, — 1580 шашек. По тем же данным, Донская армия, без Добровольческого корпуса, на 1 января 1920 года имела уже 36 470 бойцов, а Добровольческий и Кубано-Терский корпуса вместе имели 10 988 бойцов. Всего же в Донской армии, Добровольческом и Кубано-Терском корпусах было 47 458 бойцов, 200 орудий и 860 пулеметов. Из этого числа, на участке фронта в районе Азова — Батайска — Ольгинской, по данным советских исследователей, было сосредоточено: 12 720 шашек, 11 100 штыков, 110 орудий и 454 пулемета. Правее Добровольческого корпуса, от Батайска до Ольгинской и Старочеркаска, фронт занимал 3-й Донской корпус генерала Гусельщикова, а 4-й Донской конный корпус находился в резерве против стыка Добровольческого и 3-го Донского корпусов.

2 (15) января 1920 года Дон замерз, и командующий Кавказским фронтом Шорин приказал начать выполнение ранее отданной им директивы, согласно которой 1-я конная армия должна была форсировать Дон на участке Батайск — Ольгинская и, прорвав оборону противника,

выйти на линию Ейск — Старо-Минская — Куцевская. 8-я советская армия имела задачу форсировать Дон на Ольгинском и Старочеркасском направлениях и выйти на линию Куцевская — Мечетинская.

3 (16) января был отдан боевой приказ Конармии о форсировании Дона, и 4 (17) она перешла в наступление на Ольгинскую, но даже в пешем строю, пишет Буденный, не смогла развернуть свои части в боевой порядок, не смогла использовать ни артиллерии, ни пулеметов. «В этот день мы с Ворошиловым лично водили бойцов в атаки, несколько раз врывались на окраину станицы Ольгинской, но всякий раз наши атаки захлебывались в ураганном пулеметно-артиллерийском огне белогвардейцев... Не имея успеха, Конармия к ночи отошла в исходное положение». Книга Буденного издана в 1958 году и явно «отшлифована», Более ранние советские источники, а также и донские, не отмечают этих боев. Или их не было, или они носили характер усиленной разведки и упоминаются, чтобы подтвердить точное исполнение приказа о переходе в наступление 4 (17) января. Таковое действительно началось, но только в ночь с 4 (17) на 5 (18) января.

В наступление перешли 9-я дивизия из ст. Гниловской и 12-я стрелковая дивизия из Ростова — обе на Батайск. 4-я и 6-я кавалерийские дивизии из Ростова и Нахичевани на Ольгинскую, а 11-я кавалерийская дивизия из ст. Аксайской тоже на Ольгинскую. 16-я и 33-я стрелковые дивизии должны были наступать на фронт Ольгинская — Старочеркасская. Фактически эти дивизии из-за «запоздавшей» перегруппировки в наступление не перешли, и только правифланговая 16-я дивизия оказала содействие Конармии. 9-я и 12-я стрелковые дивизии тоже действовали очень вяло в направлении на Батайск и поставленной им задачи не выполнили. 1-я конная армия Буденного 5 (18) января в 10 часов утра закончила переход реки Дон по льду и продолжала наступление дальше.

Массовый переход противника в наступление явился неожиданностью как для командиров корпусов, так и для штаба Донской армии, и обстановка в то время представлялась следующим образом (журнал военных действий Донской армии):

«...О противнике поступили разноречивые сведения, но в общем силы противника можно определить не менее дивизии конницы и дивизии пехоты... По выяснении обстановки до полудня, командарм решил разбить переправившиеся через Дон части противника и не допустить дальнейшей переправы, для чего приказано: 1) 3-му корпусу, подчинив себе 10-ю конную бригаду, не допустить переправы противника через Дон у Старочеркасской и наступлением от Ольгинской разбить красных,

переправившихся по этой переправе. 2) Комкору Добровольческого, используя конницу ген. Барбовича и ген. Топоркова, переходом в наступление разбить Нахичеванскую группу противника. 3) Ком-кору 4-го конного перейти в наступление и разбить конницу противника, направляющуюся в разрез между 3-м и Добровольческим корпусами. 4) Комкорам приказано проявить самые энергичные действия, дабы раз навсегда положить предел попыткам противника к дальнейшему наступлению».

3-й Донской и Добровольческий корпуса оказали очень серьезное сопротивление, и, хотя конница Буденного заняла было хутор Старомахинский и ст. Ольгинскую, но далее продвинуться не смогла. Штаб 3-го Донского корпуса, сообщив о переходе через Дон у Аксайской переправы сильных пехотных и конных частей противника, вечером 5 (18) января донес, что «в результате упорного и длительного боя, в течение которого противник вводил новые части, ст. Ольгинская была нами оставлена. Части корпуса главными силами сосредоточились в ст. Хомутовской, оставив сторожевое охранение на линии высот между Ольгинской, Хомутовской и Злодейским»... Штаб Добровольческого корпуса доносил, что противник, заняв ст. Ольгинскую, наступал оттуда конницей силою до 4000 сабель при четырех орудиях на Батайск, двигаясь частью сил и на хутор Злодейский, но это наступление было отбито...

Получив после полудня новые сведения о занятии красными хутора Старомахинского и ст. Ольгинской и движении крупных сил конницы противника на хутор Злодейский в разрез между 3-м Донским и Добровольческим корпусами (4-й Донской конный корпус, находившийся в резерве против стыка этих корпусов, еще не втянулся в бой), командующий Донской армией отдал новую директиву:

«Противник после боя к вечеру 5 (18) января занял конными частями Старомахинский, Ольгинскую и х. Злодейский и лезет в мешок. Более благоприятной обстановки для нас ожидать нельзя. На 6 (19) января приказываю разбить переправившегося через Дон противника, для чего приказываю: 1) Ген. Гусельщикову — 3-й Донской корпус — передав в подчинение Комкору 4-го конного 10-ю кон. бригаду и подчинив себе 1-ю Пластунскую дивизию ген. Карповича, атаковать противника в направлении на Ольгинскую, прочно обеспечив себя со стороны Старочеркасской станицы. 2) Ген. Павлову — 4-й Донской Конный корпус, — подчинив себе 10-ю кон. бригаду, атаковать в направлении на х. Злодейский. 3) Ген. Кутепову — Добровольческий корпус, — сосредоточив всю конницу в районе Батайска (добровольч. кон. бригада ген. Барбовича и

Кубано–Терский Сводный корпус ген. Топоркова), атаковать во фланг и тыл Злодейскую группу противника. 4) Начало атаки всех корпусов — с рассветом. 5) О получении донести. № 064–К. 5 января, 19 часов 15 мин., 1920 г. Станица Сосыка. Ген. Сидорин».

Захватив ст. Ольгинскую, Конармия Буденного, поддержанная на правом фланге 12-й стрелковой дивизией, наступавшей с севера на Батайск, а на левом 16-й и 33-й стрелковыми дивизиями, наступавшими на Ольгинскую и Старочеркасскую, с утра 6(19) января вновь перешла в наступление с целью развить свой успех. Для противодействия ей и ликвидации прорыва генерал Сидорин сосредоточил на небольшом участке фронта Батайск — Ольгинская — Старомахинский более 12 тысяч конницы, а кроме того, на этом участке действовала и пехота 3-го Донского корпуса. Казачьи части с трех сторон охватывали прорывавшуюся группу войск противника и, после ожесточенного боя, разгромили ее, принудив к беспорядочному отступлению.

По советским источникам, 1-й конной армией было произведено в течение дня до девяти конных атак, но все они были отбиты противником, и к вечеру шло беспорядочное отступление красной конницы. Начальникам конных частей с большим трудом удалось установить порядок и, прикрывая свой отход рядом контратак, к вечеру с большинством частей вернуться в Ростов. Некоторое количество частей отошло к ст. Ольгинской, где некоторые из них задержались, а остальные с наступлением темноты присоединились к армии, пробравшись в Ростов и Нахичевань.

По данным штаба Донской армии, этот бой протекал следующим образом:

«6 (19) января 1920 г. части ударной группы (4-й Дон. кон. корпус) в 9 часов выступили в направлении на Ольгинскую для атаки переправившегося противника. В 11 часов части начали развертывание в боевой порядок на линии Сухой Балки — Батайск. В 13 часов в районе х. Злодейского части корпуса завязали бой с конницей противника. Бой отличался особенным ожесточением и до 15 часов не давал перевеса ни той ни другой стороне. В 15 часов противник, разделив свои силы, одну дивизию направил против Батайска. Воспользовавшись этим, командир 4-го корпуса ген. Павлов ввел в бой свой резерв в тыл Батайской группе красных. Противник не выдержал и начал постепенно отходить, преследуемый нашими частями. Отступление противника скоро перешло в беспорядочное бегство, причем красные бросали орудия, пулеметы и ящики со снарядами. Некоторые части противника бросились по болотам к Дону. Лед на болотах проваливался, и орудия красных завязли. К ст.

Ольгинской части корпуса подошли в полной темноте и были встречены сильным артиллерийским и пулеметным огнем пехоты, занявшей окопы на окраине станицы. Оставив одну бригаду против Ольгинской, корпус отошел в район Злодейской, имея в виду на следующий день утром продолжать успешно начатую операцию. За день боя наши части взяли 9 орудий, 50 пулеметов, много снарядов, винтовок и обозы. Корпус понес большие потери».

Когда разбитая казаками Конармия Буденного вечером 6 (19) января поспешно в беспорядке отступила на правый берег Дона, в ст. Ольгинской задержались части 16-й стрелковой и 11-й кавалерийской дивизий, а в ст. Старочеркасской — 33-я советская стрелковая дивизия. Часть последней, по свидетельству бывшего комиссара 11-й кавалерийской дивизии Озолина, тоже защищала ст. Ольгинскую. Эти дивизии были отлично вооружены как многочисленными пулеметами, так и артиллерией, почему части 4-го Донского конного корпуса, подойдя к ст. Ольгинской в темноте, не смогли выбить прочно засевшего там противника.

Что касается боевых операций у Батайска 6 января, то официальные данные штаба Донской армии таковы. К 13 часам конная группа генерала Топоркова — Кубанская и Терская дивизии — сосредоточилась в районе Батайска. К этому же времени обозначилось наступление неприятельской конницы от Ольгинской на Батайск, главным образом в обход Батайска с юга (донесение командира 4-го Донского корпуса говорит о том, что Буденный направил одну из своих дивизий на Батайск, ослабив этим силы, действовавшие против 4-го Донского корпуса). Войдя в связь с донцами, генерал Топорков атаковал красных одной конной (Кубанской) дивизией и стал теснить их к Дону. Около 16 часов противник, получив подкрепления, в свою очередь стал теснить кубанцев. Генерал Топорков выдвинул на поддержку конницу генерала Барбовича, которая, развернувшись в блестящем порядке за левым флангом группы генерала Топоркова, бросилась в атаку. Вся конная группа — Кубанская и Терская конные дивизии и бригада генерала Барбовича — во главе с генералом Топорковым обрушилась на конницу противника, смяла ее и повела энергичное преследование. В это время противник был атакован частями 4-го Донского конного корпуса и, сбитый на обоих участках, начал поспешное отступление, преследуемый нами до темноты. Успеху боя значительно способствовало личное хладнокровие и мужество генерала Топоркова, который в конце боя был серьезно ранен в ногу (в командование группой вместо него вступил генерал Агоев). Таким образом, бой 6 (19) января закончился поражением Конармии Буденного, отошедшей за Дон, но ст.

Ольгинская прочно удерживалась пехотой и частями 11-й кавалерийской дивизии красных.

В 5 часов утра 7 (20) января командующий Донской армией генерал. Сидорин отдал новую директиву об атаке в направлении на Старочеркасскую, Ольгинскую и от Батайска на север, требуя от войск напряжения всех сил, дабы использовать блестящий успех 6 января и отбросить противника за Дон. По данным штаба Донской армии, бой 7 (20) января за обладание ст. Ольгинской отличался большим упорством и ожесточением с обеих сторон. 4-й Донской конный корпус завязал бой около 10 часов и, после внушительной артиллерийской подготовки, атаковал ст. Ольгинскую с юга, с запада и на дамбу к северу от станицы. Красные оказали упорнейшее сопротивление, расстреливая атакующие казачьи части пулеметным и артиллерийским огнем. 3-й Донской корпус не мог с утра оказать содействие нашей коннице, так как части его вели упорные бои с красными, засевшими в ст. Маныческой, хуторе Алитубском, ст. Старочеркасской и хуторе Старомахинском. Тогда командующий Донской армией, видя, что бой затягивается, приказал комкору 3 решительно атаковать Ольгинскую с востока для содействия 4-му корпусу, который не видит направо и налево от себя наступающих соседей, и бить всем корпусом, а не отдельными дивизиями.

Атакованный и с юго-востока частями 3-го корпуса, отрезанный от Нахичеванской переправы, противник к 15 часам был выбит из Ольгинской и стал пробиваться за Дон, причем 2-я бригада 16-й советской стрелковой дивизии была уничтожена, а 3-я бригада пробилась к Нахичевани, понеся значительные потери убитыми и ранеными. В бою было захвачено одно орудие, пять пулеметов и много пленных. Для содействия донцам из района Батайска в 13 часов была двинута Терская дивизия одной бригадой на Ольгинскую, а другой на Нахичеванскую переправу, но, узнав, что ст. Ольгинская уже занята донцами, терцы возвратились в Батайск. Таким образом, бой 7 января закончился новым поражением Конармии Буденного и 16-й советской стрелковой дивизии у ст. Ольгинской, которая была занята донцами.

Потерпев неудачу, Буденный доложил по прямому проводу командующему фронтом Шорину о невозможности добиться успеха на Батайском направлении и предложил новый план атаки из района ст. Константиновской в юго-западном направлении, ручаясь за успех. Добился ли бы он его, это еще, как говорится, «бабушка ворожила», ибо предпринятое Конармией, поддержанной на левом фланге конным корпусом Думенко, новое наступление из района ст. Богаевской 15 (28)

января закончилось столь же плачевно, как и у ст. Ольгинской.

В боях с 15 по 20 января 4-й Донской конный корпус, с приданной ему 4-й Донской конной дивизией 2-го Донского корпуса, разбил последовательно у хуторов Веселого и Мало-Западенского сначала конный корпус Думенко, а затем Конармию Буденного, отбросив конницу красных за реку Дон, причем противник потерял почти всю свою артиллерию и много пулеметов, а 11-я кавалерийская дивизия красных временно утратила свою боеспособность.

Командующий фронтом Шорин не согласился с планом, предложенным Буденным, приказав снова перейти в наступление и во что бы то ни стало овладеть Батайском. 8 (21) января Конармия, совместно с соседними дивизиями 8-й армии, вновь перешла в наступление на фронте Батайск — Ольгинская — Старочеркасская — Манычская. На правом фланге, юго-западнее Ростова, была брошена в бой 9-я советская стрелковая дивизия. В центре перешла в наступление на Батайск 12-я стрелковая дивизия, 3-я бригада которой переправилась через реку Койсуг и залегла в 2 верстах от Батайска, но контратакой добровольцев была отброшена и отошла.

По данным штаба Донской армии, наступление красных 8 (21) января окончилось поражением их на всем фронте. В этот день части 3-го Донского корпуса выбили противника из ст. Манычской и ст. Старочеркасской, причем при отходе на Аксайскую красные оставили восемь орудий, завязших в болоте. После продолжительного боя с конницей противника силою не менее двух дивизий, наступавшей от Нахичеванской переправы на ст. Ольгинскую, 4-й Донской конный корпус обрушился главной массой против левого фланга противника, опрокинул его и отбросил к Нахичеванской и Ростовской переправам. Преследование было задержано сильнейшим артиллерийским огнем красных с правого берега Дона.

Сдержав наступление частей 33-й и 40-й стрелковых дивизий красных к северо-востоку от Батайска, корниловцы и конница генерала Агоева (Кубано-Терский корпус) перешли в решительное наступление, смяли противника и погнали его к Нахичеванской переправе. Преследованию непосредственно до переправ помешал огонь многочисленной артиллерии с правого берега Дона, от которого корниловцы понесли большие потери (оперативные сводки). Это новое поражение ударной группы красных еще более обострило отношения между Реввоенсоветом Конармии и командующим фронтом Шориным и принудило его окончательно отказаться от дальнейших попыток прорвать фронт на участке Батайск —

Ольгинская.

В боях 6, 7 и 8 января 4-м Донским корпусом взято 10 орудий, 66 пулеметов и 1700 пленных, а по данным штаба генерала Деникина, за время этих боев взято всего 22 орудия и 120 пулеметов. По окончании этих боев 4-й Донской корпус был отведен в резерв, а участок фронта от ст. Манычской до Нахичеванской переправы (исключительно) занял 3-й Донской корпус генерала Гусельщикова.

Бои под Ольгинской и Батайском, как отмечают и белые и красные источники, были ожесточенными и кровопролитными, и обе стороны несли большие потери. Трудно теперь вспомнить и восстановить все, но можно отметить, что в этих боях ранен командир Кубано-Терского корпуса генерал Топорков, убит и. д. инспектора артиллерии 4-го Донского конного корпуса полковник Леонов Б. А., ^[15] тяжело ранен и скончался от ран командир Донского артиллерийского дивизиона полковник Бабкин Ф. И. ^[16]

И всем участникам вооруженной борьбы с большевиками следует помнить, что этот чрезвычайно важный четырехдневный бой, в случае его проигрыша, означал бы конец вооруженной борьбы на Юге: не было бы ни Новороссийска, ни Крыма, ни заграницы, — все погибло бы на месте, если бы, ценою очень больших потерь, не спасли бы положение донские казаки.

Е. Ковалев

ВТОРОЙ БОЙ С КОННИЦЕЙ БУДЕННОГО И ДУМЕНКО НА МАНЫЧЕ^[17]

После неудачной попытки конармии Буденного форсировать реку Дон у Батайска и Ольгинской с 6 на 8 января 1920 года красное командование выработало новый план боевых операций. К этому времени 9-я и 10-я советские армии, отбросив 2-й и 1-й Донские корпуса, вышли на реку Маныч. 9-я армия заняла фронт в нижнем его течении, а 10-я по правому берегу, от хутора Балабина через Великокняжескую до Соляных озер.

Главнокомандующий советскими вооруженными силами Каменев 12 января предложил следующий план: 8-я советская армия, с передаваемыми ей из конармии 9-й и 12-й стрелковыми дивизиями, должна была сковать противника на своем фронте. Конармия должна была перейти в район Раздорская — Константиновская, усилить свой состав присоединением конного корпуса Думенко и 21-й стрелковой дивизией из 9-й армии, прорвать фронт на нижнем Маныче и ударом на ст. Мечетинскую охватить с фланга и тыла войска противника, занимавшего фронт по Дону от устья Маныча до Азова. Командующий фронтом Шорин несколько изменил этот план, приказав корпусу Думенко самостоятельно прорвать фронт на Маныче в районе хуторов Ефремов — Веселый и действовать в направлении на Мечетинскую, а конармии Буденного прорвать фронт на реке Маныче в районе хутора Мало-Западенского и наступать на фронт Кагальницкая — Хомутовская. Короче говоря, красные предполагали прорвать фронт Донской армии на протяжении 25 верст и вышли на линию железной дороги Батайск — Торговая.

Наступление этих двух групп началось, однако, не одновременно. Либо действия их не были согласованы вообще, либо это явилось следствием неприязненных отношений и соперничества между Буденным и Думенко. Организатором красной конницы и первым ее командиром был Думенко, быстро стяжавший себе известность на Царицынском фронте, командуя дивизией. После того как он был ранен, его заменил Буденный, ставший затем командиром кавалерийского корпуса и, наконец, командующим конной армией.

Осенью 1919 года, когда корпус Буденного был переброшен на борьбу с Мамантовым, оправившийся от ран Думенко сформировал в районе

Царицына кавалерийскую дивизию, ядром которой послужила бригада Жлобы. В конце октября дивизия Думенко была передана в 9-ю армию и направлена в ст. Урюпинскую для борьбы с конницей 2-го Донского отдельного корпуса ^[18] генерала Коновалова, ^[19] растрепавшей к тому времени войска 9-й армии во время месячного рейда по ее тылам. После подчинения Думенко конной группе 9-й армии тов. Блинова он оказался командиром Сводного Конного корпуса.

К описываемому моменту в настроении Думенко по отношению к коммунистам произошел какой-то сдвиг. Он якобы стал расстреливать втихомолку и топить в Маныче наиболее активных из них, и это кончилось для него плохо. Вскоре он был арестован и заключен в ростовскую тюрьму. После Новороссийска, когда Конармия проходила через Ростов, направляясь на Польский фронт, попавшие в Конармию белые казаки, проходя мимо тюрьмы, слышали, как он кричал в окно: «Казаки, спасите!» Позже он был расстрелян. Его преемником был Жлоба, печально закончивший свою карьеру в Крыму, где его корпус был окружен и уничтожен войсками генерала Врангеля.

По боевым качествам части Буденного и Думенко были равноценны, и Думенко не хотел быть под командой своего бывшего подчиненного, почему приказания Буденного он или исполнял плохо, или совсем не исполнял. Потому ли, что Думенко хотел показать, что он может действовать успешно и без конной армии, как уверяет Буденный, или потому, что Буденный умышленно задержал переход Конармии в наступление, в действиях красных получился разнобой, позволивший казачьей коннице разбить противника по частям.

13 января утром Думенко перешел в наступление из района хутора Спорного и, переправившись по льду через Маныч, выбил из хутора Веселого 3-ю пешую бригаду Сводной дивизии. Развивая наступление, конница противника окружила и разбила 2-ю и 3-ю бригады Сводной дивизии севернее хутора Процыкова. Перешедшие в наступление 1-я Донская пластунская и Ополченская бригады заняли было восточную окраину хутора Веселого, но были контратакованы конницей и отошли, отбив четыре орудия, потерянные 3-й бригадой. Противник продолжал, нанося удары, и к вечеру бой шел в 8 верстах севернее станицы Мечетинской. Ликвидация прорыва была поручена 4-му Донскому конному корпусу (9-я и 10-я Донские конные дивизии), находившемуся в резерве в ст. Кагальницкой, с передачей в подчинение командира корпуса 4-й Донской конной дивизии ^[20] (генерал Позднышев ^[21]) из 2-го Донского

отдельного корпуса.

Утром 14 января 4-й корпус выступил из ст. Кагальницкой и к вечеру развернулся, заняв исходное положение для атаки на следующий день конницы Думенко, занявшей к тому времени хутора В. Хомутец, Таловской, Поздеев и Мало-Западенский. Конармия Буденного располагалась в то время в районе ст. Багаевская — п. Елкин — хутор Хохлатовский, ведя рекогносцировку переходов через Маныч, то есть фактически бездействовала два дня, и перешла в наступление только в ночь на 15 января. Это позволило командиру 4-го корпуса генералу Павлову, имевшему в своем распоряжении силы, значительно превосходившие корпус Думенко, уверенно приступить к ликвидации последнего.

По данным штаба Донской армии, около 9 часов утра 15 января авангард 4-го конного корпуса завязал бой с противником у хуторов В. Хомутец, Процыков и Поздеев. С нашей стороны с начала боя введена была почти вся артиллерия, и красные начали отступать, преследуемые нашими частями. Планомерный отход красных до хутора Талового дальше превратился в поспешное отступление, а от хутора Процыкова в беспорядочное бегство. У хутора Веселого красные пытались оказать упорное сопротивление и к югу от него выставили большое количество артиллерии, открывшей сильный огонь по наступающим частям корпуса. Стремительной атакой наших конных полков красные снова были опрокинуты и в беспорядке бросились через Маныч. Несмотря на большие морозы, лед проваливался, и большое количество орудий с упряжками, пулеметы и всадники стали тонуть.

К северу от хутора Веселого конница красных неслась в полной панике. Дорога от хутора Веселого до хутора Солоного была усеяна орудиями, зарядными ящиками, повозками, брошенными ящиками со снарядами и трупами. К 16 часам наши части вышли к хуторам Солоным, где завязался бой. Нами было взято свыше двадцати орудий, много пулеметов, зарядных ящиков и обозы. Потери корпуса были незначительны. Со стороны противника в бой было введено девять конных полков корпуса Думенко, а на правом берегу Маныча дивизия пехоты.

Пока 4-й Донской конный корпус вел бой с Думенко, Буденный, переправившись через Маныч, атаковал 7-ю Донскую пешую дивизию, и после трехчасового боя его 6-я и 11-я кавалерийские дивизии заняли хутор Мало-Западенский и продолжали развивать успех в направлении на хутор Поздеев. 4-я кавалерийская дивизия красных нанесла удар в районе хутора Княжеско-Леоновского, где захватила 1500 пленных и, развивая успех, повела наступление в тыл частям, занимавшим станицу Маныческую.

Части 7-й Донской пешей дивизии отошли в район хуторов Усманов — Пустошкин, и в ст. Маныческую вошли части 21-й советской стрелковой дивизии, наступавшие с фронта.

Так как 4-й Донской конный корпус был скован боем с Думенко, командующий Донской армией передал в резерв 4-го корпуса Кубанскую и Терскую дивизии генерала Агоева, направив их в ст. Кагальницкую, и приказал командиру 4-го корпуса на следующий день разбить Буденного. В 8 часов утра 16 января 9-я Донская конная дивизия ^[22] завязала бой с противником в районе к севернее от хутора Поздеева, но была отброшена и отошла к хутору Веселому и далее на 4 версты к югу от этого хутора. В хуторе Веселый вступили части 6-й кавалерийской дивизии красных. Следовавшие за ней в том же направлении от хутора Мало-Западенского 11-я и 4-я кавалерийские дивизии в 9 часов утра были атакованы со стороны хутора Поздеева сильной числом и духом 10-й Донской конной дивизией. ^[23] Наша атака была настолько стремительна, что масса конницы, до 6000 коней, была смята и в беспорядке бросилась за Маныч через переправу у хутора Платова (у восточной окраины лимана Пресного). Были захвачены многочисленные трофеи, 20 орудий, много пулеметов и пленных, принадлежавших к составу 4, 6 и 11-й кавалерийских дивизий Буденного. Преследование продолжалось до переправы у хутора Платова и частью сил до хутора Федулова, на правом берегу Маныча. Здесь преследование было остановлено ввиду наступавшей темноты и появления с востока трех больших колонн противника. Это были части 6-й кавалерийской дивизии красных, выбитые из хутора Веселого 4-й Донской конной дивизией и отходившие на правый берег Маныча к хуторам Маныч-Балабинскому и Федулову. Части 10-й Донской конной дивизии были отведены в район хутора Поздеева. В этот же день 14-я Донская конная ^[24] (генерал Голубинцев ^[25]) и 4-я пластунская бригады ^[26] 1-го Донского корпуса ^[27] разбили части 9-й советской армии, перешедшие Маныч у Яновской переправы, захватив 13 орудий, 40 пулеметов, 1500 пленных и обозы.

Как и во время боев у Ольгинской, Буденный донес, что конная армия не может выполнить поставленной ей задачи, хотя ранее и ручался за успех, и так же, как и раньше, командующий фронтом Шорин приказал ему снова перейти в наступление, подчинив ему конницу Думенко и 21-ю стрелковую дивизию. 19 января Буденный, снова переправившись через Маныч, перешел в наступление, но наткнулся на 4-й Донской конный корпус, который в этот день тоже перешел в наступление. Частям Конармии

пришлось принять встречный бой, причем, как скромно пишут большевики, «вынеся на своих плечах неравный бой, они не достигли успеха, так как белые, действуя огромными массами конницы на фланги и разрезая фронт, принудили их отойти за Маныч». На другой день последние конные части красных, задержавшиеся на левом берегу, были отброшены на правый берег Маныча и красные прекратили операцию.

Так как в то время Белые армии вели лишь активную оборону, наши части не преследовали красную конницу, что позволило ей привести себя в порядок и пополниться. В конце января Конармия Буденного была переброшена на Великокняжеское направление. Следствием этого явился поход донской конницы в жестокую стужу по безлюдной, занесенной снегом степи на Торговую. Этот поход, являющийся наиболее трагическим эпизодом из всей истории Белой борьбы на Юге России, не укладывается в рамки настоящей статьи и требует особого очерка.

А. Корсон^[28]

ЗАПОРОЖЦЫ ПОД БАТАЙСКОМ^[29]

Начну свой рассказ с того, что за день до Рождества наш корпус (генерала Топоркова), потеряв связь на правом фланге с донцами, отступавшими быстро на Новочеркасск, попал под удар буденновцев, преследовавших донцов «на хвосте». Генерал Топорков приказал нашему полку прикрывать отход корпуса, а сам быстро повел его на соединение с донцами, пытаясь образовать сплошной фронт с ними.

Ну, мы и остались прикрывать, тем более что наша третья сотня была в разведке, где-то впереди. Жаль было сотню, и мы отходили медленно, в надежде, что сотня догонит нас. Одна полусотня и присоединилась к нам, а другая, с дальней разведки, пришла в Батайск только через пять дней, обойдя занятый красными Ростов по льду, ниже города. Полк же, прикрывая отход корпуса всю дорогу до Нахичевани, отбивал атаки мелких частей Буденного и понес большие потери.

В одну из таких контратак я пошел со второй сотней на сотню буденновцев, выскочивших из-за холма во фланг полку, с двумя пулеметами. Пулеметы успели развернуться и встретили нас сосредоточенным огнем. Полегло больше половины казаков, был убит командир сотни, подо мной убили коня. Полк прошел благополучно, а мы остались на поле боя. Падая, мой конь зажал мою левую ногу, и, выбираясь, я измазался в его крови с головы до ног.

Выбравшись из-под коня, я, освободив свой кольт, пошел вслед ушедшему далеко полку. Положение получилось аховое: сдаваться приближающимся красным или кончать жизнь... Спасли меня два обстоятельства: буденновцы, задержавшиеся, грабя и добивая раненых второй сотни, позволив мне отойти на порядочное расстояние, и молоденький казачок, появившийся откуда-то с заводной лошадью. Лошадка — маленькая, седло — один ленчик, увешена лошадка дисками к пулеметам «люйс», но конь стоял на четырех ногах и двигался. Сбросив диски, я взгромоздился на конька и пошлепал к полку. А полка-то уже и не видно... У моего конька, кроме собачьего аллюра, ничего не было, но все-таки я двигался, и вроде как воин.

Увязались за мной два буденновца, оружие: «Отдай красный башлык!» Я шлепал дальше и оглядывался, как скоро они меня нагонят? Потом

увидел — они остановились, испугавшись несущейся на них небольшой группы всадников. Буденновцы повернули к своим, а на меня налетела полусотня нашей третьей сотни с командиром, фамилии которого не помню. Полусотня умчалась, а командир сотни остался со мной. Конь под ним — чудный, и порешили мы так: будем уходить, как можем, а в случае неустойки он возьмет меня «на второй этаж» и — ходу! Однако до этого не дошло, и под Нахичеванью мы присоединились к полку. Мне дали прекрасного коня, принадлежавшего убитому командиру второй сотни. После этой передряги состояние мое было неважным. Но подо мною был чудный конь, кругом — свои люди, и «жизнь стала лучшей, жить стало веселей»...

Вечером корпус генерала Топоркова (вернее, его остатки) втянулся в Ростов, направляясь к мосту через Дон. Идем по Садовой. Широкая улица сверкает огнями. Масса гуляющей публики. Рестораны, кафе полны... Я еду рядом с войсковым старшиной Пономаревым, он временно командовал полком. Я еду около самого тротуара. Впереди, с дамами под ручку, идут два офицера, оба в шинелях мирного времени, при шпорах и весело болтают с дамами; слышен беззаботный смех...

Один из офицеров повернулся и подошел ко мне. Спрашивает:

— А скажите, пожалуйста, куда казаки передвигаются?

— За Дон. Новочеркасск уже занят красными, очередь за Ростовом. Армия уходит за Дон.

Надо было видеть его лицо! Повернулся, бегом нагнал своих, и, после короткого разговора, обе пары помчались куда-то. Идем дальше. Увидел на фонарных столбах висящие фигуры — одну, другую, третью... Остановил прохожего и спросил, что это? Оказалось, что за два дня перед этим большевики пытались поднять восстание. Ну, комендант и поразвесил участников по фонарным столбам, как рождественские игрушки. Был сочельник. Подошли к спуску на мост, а спуск крутой и обмерз, как хороший каток. Пришлось спешиться, взять коней под узду и, сдерживая, спускаться к мосту по тротуару. Нужно было видеть, что получилось с конной артиллерией! И вообще с упряжками! Пушки впереди, кони позади, и все это скользит вниз к мосту!..

Спустившись к мосту, увидели Сережу Топоркова. Стоял он пеший посередине со своей палкой — альпийской киркой — и регулировал этот оползень. Увидев нас, подозвал меня, засыпал вопросами — где полк, что произошло, почему я весь в крови? Выслушал мой доклад и приказал остаться с ним для помощи:

— Вынимай пистолет и направляй — конных и пеших на правую

сторону, артиллерию посередине, а повозки с беженцами и обозы на левую сторону, а кто не подчинится — стреляй!

Ну и простояли мы на мосту до утра, но движение кое-как наладили. С рассветом и сами перешли Дон. Но тут-то и попали в самый ужас... Пройдя через мост под нашим наблюдением: «Куда прешь?» и «Потише!» — народ рванул к Батайску — кто скорее! Дамба по болоту — узкая, высокая, скользкая, грязная, ну — все и пошло к черту! — сплошная каша. Крики, вопли, стоны, плач... Повозки полетели с дамбы под откос, разбрасывая седоков — мужчин, женщин, детей! Сплошной ужас...

Наконец мы добрались до Батайска. На площади около церковной ограды встретили наших казаков; говорят — штаб полка здесь. Но я был уже не в силах двигаться, привязал коня к ограде, хлопцы принесли охапку сена, и, улегшись у ног коня, я уснул, сказав себе: «Встану только, когда сам Буденный меня разбудит!»

Собрав все, что можно было собрать из остатков полка, всего человек триста из тех семисот, что были перед Новочеркасском, при семи офицерах, включая командира полка и меня — адъютанта, мы расположились в Батайске зализывать раны.

Кутепов со своей «цветной» пехотой имел позицию вдоль высокой железнодорожной насыпи Батайск — Ростов; в его резерве была отличная кавалерия генерала Борбовича. Генерал Топорков с нашей 1-й конной (Кубанской) дивизией и Терской бригадой стал между Батайском и станцией Ольгинская, занятой донцами. Надо сказать, что прочной связи у нас с донцами не было. Они видели нас, мы видели их — это все. Несколько раз наша дивизия выходила по тревоге за Батайск и возвращалась обратно.

Но вот 6 января при трескучем морозе наша дивизия часов в десять — одиннадцать утра по тревоге вышла на рысях из Батайска и, построившись по полкам, в сомкнутых колоннах пошла навстречу буденновцам. Вел дивизию сам генерал Топорков. Перед нами развернулась такая картина: ясный солнечный день, видимость прекрасная. На нас наметом идет бригада буденновцев. На нашем правом фланге, за первой бригадой (екатеринодарцы и линейцы), — пустое место, прорыв. Вдали, из станицы Ольгинской, донцы уходят по отлогому скату на высоты за станицей под сильным давлением красных...

Генерал Топорков бросил нашу бригаду (запорожцев и уманцев) против обнаглевшей бригады буденновцев, окрыленных предыдущими победами. Мы пошли в атаку. Пошли на нас и они. Но, по мере сближения, пыл у нас и у них стал остывать, и, сойдясь близко, — стали. Со стороны

буденновцев выскочил какой-то удалец против войскового старшины Пономарева и командира четвертой сотни, есаула Завгороднего, ^[30] и начал осыпать их «комплиментами», настолько крепкими и едкими, что никакая бумага, даже гербовая, их не выдержала бы. Наступил тот психологический момент, когда сошедшиеся лицом к лицу противники гадают — а кто первый не выдержит и сорвется удирать? Так-то вот, стоим мы друг против друга и переругиваемся...

Далеко на правом фланге донцы, выбитые из Ольгинской, отступают. На правом фланге нашей бригады екатеринодарцы и линейцы стоят на месте и мнутя в нерешительности. Генерала Топоркова ранили в ногу, и он выбыл из строя. Картина скверная, похоже, что нам придется удирать! Но вот тут-то и произошел случай, решивший бой в нашу пользу.

Командир или комиссар буденновской бригады, которая стояла против нас, подскочил уж больно близко к Пономареву и Завгороднему и, видимо, чересчур уж обидно их обругал, и Пономарев с наганом, а Завгородний с шашкой, оба с воплем, бросились на него. Не ожидая такого оборота, комиссар пируэтом повернул своего скакуна к своим. Этот пируэт и решил исход боя: наша бригада с гиками и криками «Ура!» бросилась в атаку. Буденновцы закрутились, сбивая друг друга, и пошли наутек к плавням, сметая на пути идущие к ним на помощь полки красных. Наша первая бригада проснулась и тоже бросилась в атаку на тех буденновцев, которые были против нее.

В этот момент на левом фланге нашего полка раздались радостные крики: «Казаки пошли в атаку! Казаки пошли в атаку!»... Загремело могучее и злое «ура!!». И вот тут-то несокрушимой стеной вылетела из-за насыпи чудная конница Барбовича и ударила во фланг и частью в тыл буденновцам. Часть пехоты Кутепова, ухватившись за стремяна всадников, тоже бросилась на красных. Буденновцев охватила паника, и они, давя друг друга, бросились к плавням и переправам. Их бронепоезда с правого берега Дона открыли беглый огонь и по нам, и по своим.

В этот момент одна из разорвавшихся гранат осколком снаряда пробила моего чудного коня под холку, впереди моего левого колена, и застряла, выйдя на дюйм на правой стороне холки. Кровь забила фонтаном с обеих сторон, видно было, что жизни коня пришел конец, и я повернул в тыл, достать ему заместителя. Вскорости я нагнал санитарную линейку первой сотни, а при ней был заводной конь. На линейке лежал и умирал сотник 1-й сотни Коля Соловьев, раненный в живот. Я попрощался с Колей, взял его коня, переседлал своим седлом и вернулся на нем искать полк. Полк я встретил на окраине плавней, он возвращался в Батайск, и

люди, и кони — вымотанные, усталые, но веселые. Именно веселыми казались и кони...

7 января большой активности Буденный не проявлял. 8 января красная конница опять попробовала свои силы против нас, но к концу дня окончательно выдохлась и удрала за Дон. Но наступил моральный упадок сил и у нас: после 8 января в одну ночь конный корпус генерала Топоркова буквально растаял, и собрали мы казаков только уже за Кубанью. Там часть наших непобедимых запорожцев «раскаялась» и вернулась в родные станицы, а я со штандартом, семью офицерами и десятью казаками присоединился к штабу генерала Топоркова и ушел в Новороссийск.

Ф. Елисеев

ОТХОД ОТ МАНЫЧА (В 1920 ГОДУ)^[31]

После жестоких боев под Торговой все части войск отходили на юго-запад, к железнодорожному узлу Тихорецкой. Под селом Белая Глина Ставропольской губернии произошла катастрофа в 1-м Кубанском корпусе.

О гибели всего штаба 1-го Кубанского корпуса и генерала Крыжановского пишет начальник 20-й стрелковой дивизии Майстрах следующее: «21-го февраля (нов. стиля) поездной состав штаба 1-го Кубанского корпуса стоял на станции Белая Глина. Тут же были и два бронепоезда. По получении донесения о нахождении в тылу красной конницы штаб корпуса и бронепоезда двинулись на Тихорецкую, но путь был уже перехвачен красными, и у взорванного моста поезда застряли. Скоро на них вышла конница Буденного — 4-я и 6-я дивизии. Сгоряча командир 2-й бригады Мироненко повел части своей бригады в атаку на бронепоезда. Атака была отбита командами бронепоездов и присоединившимися к ним офицерами штаба корпуса. Мироненко и командир 35-го полка были убиты. Конница отхлынула. Тогда по приказанию Буденного, прибывшего к месту боя, были вызваны на открытую позицию конные батареи, начавшие бить прямой наводкой по белым. Держаться далее в бронепоездах было нельзя. Вооружившись винтовками, штаб корпуса и команды бронепоездов, с генералом Крыжановским и инспектором артиллерии генералом Стропчинским ^[32] во главе, по занесенному снегом полю стали отходить от железнодорожного полотна. Они сразу же были окружены красной конницей. Несмотря на совершенно безвыходное положение, белые не сдавались и старались пробиться в степь. Конные атаки красных встречались и отбивались выдержанным залповым огнем. Красным хотелось захватить окруженных живыми, но после того, как несколько атак было отбито и они (красные) понесли большие потери, пришлось отказаться от этой мысли. Конница отошла, а вперед были выдвинуты пулеметные тачанки, открывшие огонь по кучке белых. В 2 — 3 минуты пулеметный огонь скошил всех. Тогда вновь бросилась конница и зарубила тех, кто был еще жив. С генералом Крыжановским погибло около 70 офицеров», — заканчивает Майстрах.

Сводка штаба Донской армии, «по горячим следам», как подчеркнуто, повествует: «9-го февраля, после неудачи пробиться из села

Песчанокопской на Белую Глину, 2-я ^[33] и 3-я ^[34] Кубанские пластунские бригады отошли на село Ново-Покровское Ставропольской Губернии, а потом на станицу Успенскую. С 6-ю орудиями они сосредоточились в станице Кавказской. Все имущество 1-го Кубанского корпуса попало в руки красным».

Стоял крепчайший мороз. Все занесено глубоким снегом. Под давлением противника 2-й Кубанский конный корпус отступал южнее железнодорожного полотна, параллельно 1-му Кубанскому корпусу, не имея с ним живой связи по удаленности расстояния. У села Красная Поляна, на походе 9 февраля (старого стиля. — Ф. Е.), хвост 2-й Кубанской дивизии 2-го корпуса неожиданно был атакован конницей Буденного во фланг со стороны Белой Глины. Атака была отбита, но дивизия потеряла раненым генерала Фостикова. На ночь корпус отошел в село Кулешовка. 10 февраля корпус перешел границу Ставрополя и остановился в станице Успенской. Только здесь штаб корпуса узнал о катастрофе 1-го корпуса. Железнодорожный узел станции Кавказская стоял под угрозой налета на него красной конницы. Пробыв в большой и богатой станице Успенской три часа, корпус сделал 30 верст на юго-запад и на ночлег остановился в станице Дмитриевской. 11 февраля, повернув на юг, все восемь полков с артиллерией, до 3000 боевых шашек, расположились по квартирам в станице Кавказской, главном военно-административном центре Кавказского отдела Кубанского войска. Здесь в состав корпуса вошли остатки пластунских бригад 1-го Кубанского корпуса, которые пополнились казаками ближайших станиц. Произошел сполох. Пополнились казаками 1-й ^[35] и 2-й ^[36] Кавказские полки этого отдела. Самостоятельно образовалось три партизанских станичных отряда, под начальством своих офицеров, каждый силою до 150 шашек — Успенский, Темижбекский и Кавказский. В станицу по Красной улице, с молодецкими песнями, «чеканя ногу», вошла рота «желтых гренадер» какого-то «Легиона чести», составленного из экспедиционного Русского Корпуса во Франции во время Великой войны и теперь прибывшего на родину. Корпус окреп и, можно сказать, безмятежно отдыхал. Было полной неожиданностью, когда 16 февраля ночью, задолго до рассвета, станица была обстреляна с севера шрапнельным огнем. По тревоге все восемь конных полков сосредоточились на широком выгоне западнее станицы. Оказалось, что железнодорожный узел Кавказская занят пехотой красных. По неизвестным причинам эта пехотная группа с рассветом оставила хутор Романовский и стала отходить на север. Выброшенный в преследование 1-

й Лабинский полк ^[37] конной атакой во фланг пленил ее полностью. По донесению командира корпуса генерала Науменко в Екатеринодар, в приказе по Кубанскому войску от 20 февраля, № 70, было указано: «Пленены полностью 343-й и 344-й стрелковые полки, 5 орудий и 18 пулеметов 39-й дивизии». Окрыленный успехом и пополненный казаками, 20 февраля корпус перешел в наступление на север и, после упорного боя, занял станицу Дмитриевскую, в 25 верстах от Кавказской.

21 февраля на рассвете три цепи красных неожиданно подступили к Дмитриевской. Конная бригада Курышки уже охватила станицу с востока. Выброшенные вперед по тревоге полки перешли в контратаку. Сильная Лабинская бригада обрушилась на пехоту, сломала их цепи и пленила полностью свыше 2000 стрелков. Пулеметные линейки и орудия успели ускакать в Ильинскую. То была 32-я стрелковая дивизия. Конница Курышки, видя гибель своей пехоты, повернула назад в Ильинскую. Начались переменные бои за станицу Ильинскую, в 7 верстах севернее Дмитриевской, которая несколько раз переходила из рук в руки.

25 февраля на рассвете красная пехота вновь неожиданно появилась под Дмитриевской. Полки корпуса не успели занять, по диспозиции, свои места и оставили станицу. 26 февраля 2-я Кубанская дивизия весь день вела бой за переправу на реке Челбасы, в 12 верстах от железнодорожного узла станции Кавказская, при хуторе Романовском (теперь город Кропоткин), и с темнотою отошла в Романовский, где и сосредоточился весь 2-й Кубанский корпус генерала Науменко и пластуны.

27 февраля едва начался рассвет, как с северных бугров затрещал по хутору огонь красных. Выброшенные вперед 2-я и 4-я Кубанские казачьи дивизии корпуса обнаружили: все ровное поле, от хутора Романовского до станицы Кавказской, шириной в 7 верст, заполнено цепями красной пехоты с многочисленными пулеметами на линейках и с конными группами на флангах. Борьба являлась бесполезной. Генерал Науменко приказал дивизиям отходить на запад, в станицу Казанскую.

С оставлением железнодорожного узла станции Кавказская терялась живая и телеграфная связь с 4-м Кубанским конным корпусом ^[38] под Ставрополем, с Терским войском и всем Терско-Дагестанским краем. Дальше — отход за Кубань, в горы, к Черному морю, где и закончила свое существование Кубанская армия. Генералу Науменко, живущему недалеко от Нью-Йорка, — словно рапортом — даю отчет как единственный оставшийся в живых командир полка его корпуса.

И. Долаков^[39]

МАРШ ДРОЗДОВЦЕВ (ОТ РОСТОВА ДО НОВОРОССИЙСКА)^[40]

27 декабря 1919 года. После боя у с. Крым, поздно вечером, был получен приказ, в силу которого Дроздовская дивизия, ввиду занятия красными Новочеркасска, должна через Ростов прийти в Батайск. В 3 часа утра 1-й стрелковый генерала Дроздовского полк выступил из Мокрого Чалтыря и под холодным ветром, дувшим в лицо, по обледенелой и скользкой дороге двинулся в путь. На ст. Хопры уже горели брошенные нашими частями эшелоны. К рассвету полк подошел к полковому эшелону, одиноко брошенному среди поля перед станцией Гниловской. По приказанию командира полка часть полкового имущества была взята из эшелона; приказано было всем офицерам и стрелкам взять по две винтовки, и, кроме того, было предложено всем переодеться с ног до головы в новое обмундирование. Оставшееся в эшелоне имущество было сожжено. В огне погибли: хорошо оборудованная оружейная мастерская, склад оружия, походная полковая церковь и много бумаг.

Около 9 часов колонна полка втянулась в Гниловскую и остановилась, так как город Ростов в ночь с 26 на 27 декабря был занят красными. После небольшого совещания решено было здесь же, у Гниловской, переправиться по льду на левый берег Дона и продолжать путь на Батайск. Уходя за Дон, наши зажгли огромные составы нефти, бензина, мазута, керосина и других горючих веществ, брошенных на станции. К 14 часам переправа благополучно закончилась и полк прибыл на привал в с. Койсуг, но к вечеру был получен приказ оставаться здесь на ночлег. Приказано было остановиться в оборонительном положении, заняв позицию по Дону. В Батайске стала Корниловская дивизия.

28 декабря. В связи с удрученным настроением стали появляться различные тревожные слухи, очевидно провокационного характера. Передавалось, будто бы под условием выдачи офицеров красные обещали солдатам и казакам амнистию (что, пожалуй, и правдоподобно) и что якобы казаки готовы это сделать. Около 17 часов благодаря тому, что части 2-го ударного Корниловского полка не были достаточно бдительны, незначительная конная группа красных ворвалась на ст. Батайск и произвела переполох, были зарублены и взяты в плен несколько стрелков.

К вечеру положение было восстановлено самими же корниловцами, но вслед за этим последовал приказ усилить бдительность. Сегодня начальник дивизии генерал-майор Витковский отбыл в кратковременный отпуск и за него остался его помощник генерал-майор Кельнер. Со стороны Гниловской были слышны взрывы и видно зарево пожара — то горели склады и эшелоны на станции, зажженные нами.

29 декабря. День прошел спокойно. Расстреляно несколько подозрительных лиц из состава армии, пытавшихся по льду перебежать к красным.

30 декабря. Получен приказ, в силу которого Дроздовская дивизия должна передвинуться на новый участок и занять оборонительную позицию по Дону: 1-й полк в селе Кулешевка (в 12 верстах восточнее Азова), 2-й полк — немецкая колония Новоалександровка и деревня Петрогоровка (в 2 верстах восточнее Азова) и 3-й полк — город Азов. В 8 часов 1-й полк выступил из Койсуга и по чрезвычайно грязной дороге перешел в Кулешевку. К этому времени полк имел следующую организацию: командир полка — полковник Туркул, его помощник по строевой части — полковник Фридман ^[41], временно исполняющий обязанности адъютанта — штабс-капитан Янчев, начальник службы связи — штабс-капитан Сосновский; 1-й батальон: командир батальона — полковник Петере; комроты 1-й — поручик Домбровский, ^[42] 2-й — поручик Чугуев, 3-й — поручик Гуревич, 4-й — подпоручик Барабаш и начальник пулеметной команды — поручик Бюро; ^[43] 3-й батальон: командир батальона — капитан Тихменев, командиры рот: 9-й — поручик Малашенок, 10-й — подпоручик Цветков, ^[44] 11-й — капитан Искрицкий, 12-й — подпоручик Бикс и начальник пулеметной команды — подпоручик Станишевский, командир офицерской роты — штабс-капитан Трусов, начальник команды пеших разведчиков — поручик Гадлевский, ^[45] командир пулеметной роты — капитан Алексеев, полковой комендант — капитан Скавронский, заведующий оружием — поручик Дубатов ^[46] и старший врач — лекарь Казанцев. ^[47] Полку придан 1-й артиллерийский дивизион Дроздовской артиллерийской бригады ^[48] в составе 1-й и 2-й батарей. Командир дивизиона — полковник Протасевич, командиры: 1-й батареи — полковник Чеснаков ^[49] и 2-й — полковник Николаев. ^[50] В ротах было в среднем по 35 — 40 штыков; пулеметов: тяжелых «максима» — 24 и легких («льюис») — 26. Обмундирован полк был хорошо. На позиции стали: 1-й батальон — на правом фланге, занимая участок от

северо-восточной окраины села (включительно) по берегу залива — до церковной площади (исключительно), 2-й батальон — от церковной площади (включительно) до северо-западной окраины села (включительно). Штаб полка, 3-й батальон и полковые команды расположились в центре и на южной окраине села, на южной части — штаб дивизии и артиллерия. На хутор Шведов выставлена застава от команды конных разведчиков. Вправо в Койсуге стали корниловцы и в Кагальницком — Черноморский полк. Заняв позицию, командир полка приказал выслать на хутор Усть-Койсугский конный разъезд в разведку. К вечеру начальник разведки донес, что красные делают попытки переправиться через реку у хутора Усть-Койсугского на левый берег Дона. Ввиду позднего времени и сильной грязи командир решил операцию против переправившихся красных перенести на следующий день.

31 декабря. Разъезд, высланный на рассвете, подтвердил продолжение переправы красных у хутора Усть-Койсугского. Взяв 2-й и 3-й батальоны, команду конных разведчиков и одно орудие 2-й батареи, командир полка в 15 часов отправился в экспедицию с целью разбить красных у переправы. Дождь, шедший накануне целую ночь, окончательно испортил дорогу, и отряду пришлось двигаться в невероятно трудных условиях. Однако красные, заметив движение нашего отряда, боя не приняли, и довольно значительные силы их, занимавшие хутор Усть-Койсугский, спешно отошли на правый берег Дона, будучи вдогонку обстреляны нашими орудиями. В Усть-Койсугском была оставлена конная застава от команды конных разведчиков, а остальной отряд вернулся обратно в Кулешевку и стал по прежним квартирам. В районе Батайска целый день шел артиллерийский бой. На участке дивизии ночь прошла спокойно.

1 января 1920 года. В 11 часов в сельской церкви в селе Кулешевка была отслужена панихида по шефу дивизии генералу М. Г. Дроздовскому (по случаю исполнившейся годовщины со дня его смерти). На панихиде присутствовали временно командующий дивизией генерал-майор Кельнер [51] со штабом и чины нашего полка. Погода по-прежнему сырая и дождливая, грязь увеличивается. Есть надежда, что при таком состоянии погоды Дон может преждевременно вскрыться. Ночь прошла спокойно.

2 января. С рассветом против Усть-Койсугского стали появляться разведывательные партии красных, которые огнем заставы отгонялись. Разведка велась со стороны хутора Калузас (северо-западнее хутора Усть-Койсугского). Офицеры, возвращающиеся с Кубани в полк, передают, что в станицах Кубанской области добровольцу нельзя достать ни квартиры, ни фуража, ни даже воды. Уже сказывается результат пропаганды

самостийников.

3 января. Согласно приказу по дивизии, 3-й полк должен очистить хутор Обуховский от красных, а наш 1-й полк, оказывая ему содействие, — хутор Усть-Койсугский. Около 11 часов батальон подходит к хутору, где в это время на заставу наседали противник. Разметав 5-ю и 6-ю роты в цепь, полковник Ханыков перешел в контратаку и прогнал красных с хутора Калузас. Батальон расположился в хуторе Усть-Койсугском, выставив сильное сторожевое охранение на северную и западную окраины хутора. Противник занял позицию вдоль южной окраины хутора Калузас и открыл сильный ружейный и пулеметный огонь, усиленный еще артиллерией с бронепоезда со ст. Гниловская по хутору Усть-Койсугскому. Около 14 часов части 3-го Дроздовского полка вышли за хутор Обуховский и вели бой с красными на буграх, что северо-западнее хутора Обуховского. Заметив движение цепей 3-го полка, красные из Калузаса перенесли часть огня на нас. Тогда командир 2-го батальона приказал командиру 7-й роты выбить красных из Калузаса и, заняв его, связаться с цепями 3-го полка. Стремительной атакой капитан Коньков выбил красных из хутора и, заняв его, послал конную связь в 3-й полк. Красные отошли на хуторе Кумлинский (севернее хутора Калузас). Рота капитана Конькова простояла в Калузасе до вечера, ведя целый день перестрелку с красными; уже с наступлением темноты по приказанию командира батальона вернулась в Усть-Койсугский. Батальону приказано оставаться в хуторе Усть-Койсугском. За весь бой батальон понес незначительные потери, причем ранен командир 5-й роты Давыдович. В этот же день командир полка приказал прибывшему в распоряжение полка поручику Чистякову с 4-м взводом Дроздовской инженерной роты мобилизовать местное население и приступить к рытью окопов по берегу залива вдоль северной и северо-восточной окраины села. Мобилизация была немедленно произведена, и приступлено к работам. Поднявшийся ветер обещает перемену погоды. Грязь густеет. К вечеру ударил легкий морозец, но все это не в нашу пользу, ибо Дон и залив могут окончательно замерзнуть, и тогда оборона участка сделается труднее. Работа по укреплению села велась до позднего вечера. Ночь прошла спокойно.

4 января. На рассвете красные со стороны хутора Калузас повели наступление на хутор Усть-Койсугский, но доблестным 2-м батальоном были отбиты. В Кулешевке мобилизована 2-я партия рабочих, продолжавшая до вечера рыть окопы. Сегодня получаем приказ о переводе 1-го полка в Азов — в дивизионный резерв. Участок 1-го полка получает 2-й полк. На участке 2-го батальона (хутор Усть-Койсугский) целый день

шла перестрелка, и только к вечеру она затихла. Мороз усиливается, и ввиду этого дивизии приказано ежедневно выступать с оперативными сводками, давать сведения и о степени проходимости Дона. Ночь прошла спокойно.

5 января. В 3 часа 2-му батальону приказано оставить хутор Усть-Койсугский и прибыть в Кулешевку. В 9 часов колонна полка выступила из Кулешевки, оставив незначительное охранение до прихода 2-го полка. По дороге встретились с шедшим на смену 2-м полком. По прибытии в городе Азов (прибыли около 12 часов) полк расположился на Московской улице (восточная часть города). В Азов перешел и штаб дивизии. На участке дивизии ночь прошла спокойно.

6 января. На участке дивизии спокойно. Сегодня в день Крещения был традиционный парад. В 12 часов на соборной площади был выстроен Азовский гарнизон (части 1-го и 3-го полков), Парадом командовал капитан Тихменев, принимал временно исполняющий должности командира дивизии генерал-майор Кельнер. С утра были получены сведения о том, что на правом фланге нашего корпуса красные потеснили донцов и заняли ст. Ольгинскую. На Батайск для восстановления положения брошена конница генерала Барбовича. К вечеру было получено известие о восстановлении донцами положения и об их победе над красными. На участке дивизии ночь прошла спокойно.

7 января. Получено официальное известие о победе. Взяты пленные и девять орудий. Настроение приподнятое. Есть данные, что вскоре и мы будем наступать. Около 16 часов приехал командир Добровольческого корпуса генерал-лейтенант Кутепов. Был выстроен 1-й полк для парада, во время которого командир наградил восемь стрелков, отличившихся в последних боях, Георгиевскими крестами и медалями. В беседе командира полка с командиром корпуса последний подтверждал слухи о ненадежности наступления на Кубани, где снова входят в моду самостийники, резко желающие разграничиться с Добровольческой армией. Явление это — весьма пагубный результат революции. Поздно ночью командир корпуса уехал в Каял, в штаб корпуса. На участке дивизии спокойно.

9 января. Противник занял хутор Усть-Койсугский и ст. Елизаветинскую. Около 15 часов красные из Елизаветинской открыли по Азову и Петрогоровке артиллерийский огонь. Ночь прошла в ожидании наступления с их стороны, но, однако, они ограничились лишь демонстрацией на участке 3-го полка. На участке же Петрогоровка — Кулешевка ночь прошла спокойно.

10 января. На рассвете, после сильной артиллерийской подготовки, красные повели наступление на Петрогоровку, но были отбиты. 1-й полк получил приказ спешно выступить из Азова и ликвидировать красных, переправившихся на левый берег Дона. В 6 часов полк выступил и в 9 часов прибыл в Кулешевку. Разведка, высланная вдоль левого берега Дона, донесла, что красные большими силами занимают хутор Усть-Койсугский. Противник, занимавший позицию вдоль южной окраины хутора, заметив движение колонны, открыл по ней сильный артиллерийский огонь. Полковник Туркул приказал шедшему в голове колонны 3-му батальону перейти в наступление на хутор, когда красные, не выдержав стремительного удара 3-го батальона, начали отходить. В этот момент и мы с конными разведчиками бросились в атаку и вскоре заняли весь хутор. Красные отошли за Дон на хутор Калузас и оттуда открыли по хутору Усть-Койсугскому сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Несколько зарвавшаяся при преследовании противника, 10-я рота вышла на лед и, очутившись таким образом на открытой позиции, понесла большие потери убитыми и ранеными. Бой закончился с наступлением темноты. Около 17 часов полк вернулся в Кулешевку и, оставив для обороны села три батальона и две батареи, вернулся в город Азов. За бой полк потерял около 60 — 80 человек убитыми и ранеными. Среди раненых — командир артиллерийского дивизиона полковник Протасевич (тяжело), командир 3-го батальона Тихменев (остался в строю), командир 10-й роты — подпоручик Цветков, начальник команды конных разведчиков — поручик Годлевский и контужен исполняющий обязанности оперативного адъютанта капитан Янчев.

11 января. День прошел спокойно.

12 января. Вечером артиллерия красных обстреляла Азов.

13 января. В 4 часа после продолжительной артиллерийской подготовки красные повели наступление на город Азов, но 3-м полком оно было отбито. В 13 часов над Азовом летал аэроплан противника, сбрасывая прокламации: «Опомнитесь, товарищи деникинцы». Ночь прошла спокойно.

15 января. На рассвете после сильной артиллерийской подготовки красные крупными силами повели наступление на участке Дроздовской дивизии, и благодаря густому туману им удалось ворваться в Петрогоровку. Контратакой 2-й полк выбил их из Петрогоровки, взяв два пулемета и пленных. Наступление на Азов было остановлено 3-м полком. На участке 3-го батальона 1-го полка (с. Кулешевка), куда был направлен главный удар, красные заняли хутор Шведов и продолжали наступление на

Кулешевку, стараясь обойти село с востока. Заняв резервной ротой окопы у восточной окраины села, капитан Тихменев, благодаря стойкости батальона и плотности огня, заставил красных залечь. Завязалась сильная перестрелка. Капитан Тихменев по телеграфу сообщил в штаб полка (в Кайдар) генералу Барбовичу о положении на участке его батальона. В 6 часов 30 минут 1-й полк выступил из Азова на Кулешевку с тыла. Противник не выдержал удара и в беспорядке начал отступать на хутор Усть-Койсугский, неся громадные потери от конницы генерала Барбовича и от огня 2-й батареи, которая, выкатив орудия на северную окраину села, открыла по ним беглый огонь.

Положение восстановлено. 1-й полк вернулся обратно в Азов. В этом бою у Кулешевки пал смертью храбрых командир 9-й роты поручик Малашенок. Озлобленные своей неудачей, красные до вечера обстреливали город Азов и Петрогоровку. В 14 часов 30 минут 1-й батальон (1-го полка) эшелоном по железной дороге был двинут в Кулешевку на смену 3-му батальону; сменившийся 3-й батальон этим же эшелоном прибыл в 18 часов в Азов. Резюмируя причины нашего отступления от Орла до Дона и не замечая, чтобы в настоящее время что-либо делалось для их исправления, полковник Туркул, тоже очевидец всей разрухи и беспорядков, царивших главным образом в тыловом управлении войск, решил обратиться с рапортом по команде и настаивал на движении его рапорта до главнокомандующего. В рапорте он рисовал подробную картину всех безобразий и злоупотреблений, виданных нами во время войны и при отступлении (горы брошенного имущества и обмундирования, которые не давали в части в то время, когда солдаты мерзли от холода, будучи раздетыми и разутыми), доказывал необходимость отрешиться от мнения, что казаки — лучшая конница, и приступить к формированию регулярной конницы и усилению полковой, что даст возможность не только разбивать противника, но и уничтожать его и т. д.

16 января. Сегодня состоятся похороны убитого командира 9-й роты поручика Малашенка. Против нас, на Маныче, Донской корпус разгромил красную конницу Думенко и взял 20 орудий, много пулеметов и свыше 500 пленных. Настроение поднялось, дух отличный. Давно таких побед у нас не было. Сегодня же по инициативе полковников Туркула и Манштейна (командиры 1-го и 3-го полков) решено сделать ночной налет на ст. Елизаветинскую и хутор Обуховский. Вечером получен боевой приказ о налете. План налета: 1-й полк, выйдя правее станицы Елизаветинской, атакует ее с востока, 2-й полк производит демонстрацию против южной окраины станицы и 3-й полк — атакует хутор Обуховский. Вечером

поднялась сильная буря. В 18 часов 1-й полк выступил из Азова на Петрогоровку и оттуда, имея проводников из ст. Елизаветинской, двинулся на хутор Шмаков (восточнее Елизаветинской), где начал переправу по льду на правый берег Дона. Усилившаяся вьюга сильно мешала переправе, а когда полк уже подходил к станице, то вьюга настолько усилилась, что даже проводники — местные старожилы — не могли указать точно дорогу в нее... Вскоре на полк налетели обозы и отдельные люди красных, которые до того растерялись, что у нас спрашивали дорогу на Гниловскую и покорно следовали за нашими конными разведчиками, сопровождавшими их в Азов. Таким образом, 1-м полком были взяты обозы 79-го и 80-го советских полков и имущество с личным составом команды связи. 3-й полк в Обуховском взял четыре орудия, пулеметы и много пленных. Красные, занимавшие ст. Елизаветинскую и хутор Обуховский, были разгромлены и бежали на север. В 4 часа дня 17 января дивизия вернулась в Азов, потеряв несколько человек замерзшими. Одновременно с этим на участках 1-го батальона 1-го полка (с. Кулешевка) произошел весьма печальный случай: батальон Корниловского ударного полка, имевший задание сделать налет на хутор Усть-Койсугский, благодаря поднявшейся вьюге, не доходя до Усть-Койсугского, сбился с пути и стал приближаться к хутору Шведову, занятому взводом 3-й роты. Заметив движение колонны со стороны противника (с севера), застава, подпустив на близкое расстояние, дала три дружных залпа и затем с криком «Ура!» бросилась в атаку. Будучи так неожиданно атакованными, корниловцы разбежались, оставив двух убитыми и несколько раненых. И только наутро они собрались и, отдохнув в Кулешевке немного, ушли обратно в Койсуг.

Кроме захваченных трофеев, эта ночная операция имеет и большое моральное значение, снова показав, что после перенесенных нами тяжелых отступлений мы еще в состоянии когда и как угодно бить красных.

17 января. На участке спокойно. Сегодня день Ангела командира полка Антона Васильевича Туркула. 1-й батальон из с. Кулешевка прислал своему бывшему командиру подарок — символ счастья и удачи — маленького молочного поросенка с поздравительным письмом, привязанным на ленточке к шее, и донесение, что в прибрежных камышах у Кулешевки вылавливаются трупы заблудившихся после нашего ночного налета и замерзших красных. В 16 часов был званый обед, на котором были начальник дивизии со штабом и представители английской миссии. Англичане пили здоровье полковника Туркула и другого именинника в этот день — главнокомандующего генерала Антона Ивановича Деникина. Генерал Кельнер (начальник дивизии) произнес тост по случаю лихого дела

и, между прочим, сказал: «1-й батальон преподнес своему бывшему командиру в знак счастья маленького поросенка, а он, именинник, сам в прошедшую ночь подложил большевикам большую свинью...»

18 января. На участке спокойно. В полк прибыло пополнение в количестве 120 человек. Около 17 часов была поднята тревога. Уже было приказано батальонам приготовиться, как получили информацию об обстановке. Оказывается, красные, только теперь опомнившиеся после нашего налета, с боем занимают хутор и станицу Елизаветинскую, развив невероятный огонь по станице. К вечеру огонь стих. Ночь прошла спокойно.

19 января. На участках спокойно. Сильно заболел оперативный адъютант штабс-капитан Янчев.

20 января. Спокойно.

21 января. Из дивизии получен приказ о смене нами (1-й полк) 2-го полка на позиции в колонии Ново-Александровке — Петрогоровке. В 17 часов полк выступил из Азова и перешел на указанный участок: 1-й батальон стал в Ново-Александровке, штаб полка, 2-й и 3-й батальоны и полковые команды — в Петрогоровке. В Азове остались офицерская рота (кроме одного взвода, приданного штабу полка), маршевая рота и обоз 1-го разряда. Сторожевое охранение выставлено от 2-го батальона по берегу Дона, на северной окраине деревни. Деревня Петрогоровка, по преданию, — та самая деревня, откуда Государь Император Петр Великий наблюдал за взятием города Азова. По Азову красные били из артиллерии. На участке полка ночь прошла спокойно.

22 января. День прошел спокойно. Около 21 часа от 2-го батальона послана разведка в составе 10 человек при офицере в сторону станицы Елизаветинской, но обратно не вернулась. Предполагается, что она, по-видимому, заблудилась и попала к красным, так как в районе хутора Шаматова была слышна стрельба.

23 января. На участке без изменений. В штаб дивизии вызван командир полка на совещание. В Азов приехал командир корпуса генерал-лейтенант Кутепов. Выяснилось настроение, в общем говорящее за то, что красных бить можно, как били их и прежде, но сильно вредят общему делу кубанцы, заметно разложившиеся и по-большевистски настроенные.

24 января. В 2 часа разведка красных подошла к правому флангу 2-го батальона (участок 6-й роты) и, обстреляв из пулемета Петрогоровку, скрылась. В 13 часов в немецкой колонии Ново-Александровке, в расположении 1-го батальона, полковым священником была отслужена панихида по убитым в бою год тому назад под городом Бахмутом офицерам

и стрелкам 2-й роты. Вечером артиллерия красных опять обстреливала город Азов. Поздно вечером вновь на участке 2-го батальона появилась разведка, которая была отогнана пулеметным огнем.

25 января. Метели и мороз увеличились. Командир полка привез из дивизии новый приказ о скором предполагающемся нашем наступлении. Долгое стояние на месте, по-видимому, оказывало вредное влияние на наши части, и кое-где начались перебежки в сторону красных. Между прочим, перебежали, к великому стыду и позору, и несколько офицеров 2-го и 3-го полков, которые прислали затем прокламации-воззвания за своими подписями с приглашением и остальным последовать их примеру.

26 января. День начался печальным событием, вписавшим в историю полка позорную страницу. Ночью была выслана разведка в сторону противника в следующем составе: одно отделение от команды пеших разведчиков (девять стрелков), командир отделения подпоручик Алешин и от офицерской роты — подпоручики Яновский и Кузенко. К утру разведка не вернулась, и временно исполняющий обязанности начальника команды доложил об этом в штаб полка. Вскоре из 1-го батальона был прислан в штаб полка младший унтер-офицер Драчев (из состава разведки), который на рассвете выбрался из камышей и прибыл в 1-й батальон. Драчев доложил, что, когда разведка приблизилась к хутору Шаматову, старший разведки подпоручик Алешин приказал всем сорвать погоны и снять кокарды, что немедленно же было исполнено, очевидно, заранее сговорившимися разведчиками. Один он запротестовал. Тогда подпоручик Алешин сорвал с него крест и хотел избить, но стрелки запротестовали, и он был отпущен, причем стрелки просили его сказать, будто он отбил от партии, а партия попала к красным. Командир полка приказал произвести дознание, которое выяснило, что офицеры, перебежавшие к красным, были из состава 9-й пехотной дивизии, ^[52] расформированной и влитой в состав полка. Было обнаружено несколько лиц в команде пеших разведчиков, ведших агитацию за перебежку к красным. Эти лица сегодня же были расстреляны. Над всеми офицерами, бывшими в 9-й пехотной дивизии, назначен надзор. Младший унтер-офицер Драчев был представлен в подпоручики. На участке ночь прошла спокойно.

27 января. Сегодня в полк прибыли две дамы, жены наших офицеров, которые 2 января отправились из с. Кулешевки с частью полкового обоза в хозяйственную часть — в станицу Камеловскую. С ними же поехали нашего полка — полковник Бабин, полковой оружейный инспектор поручик Базилев и двоюродный брат командира полка вольноопределяющийся Толочко. В деревне Орловке 5 января обоз

подвергся нападению местных восставших большевиков, которые зарубили офицеров и вольноопределяющегося и разграбили имущество. Нападению подвергся также и обоз Дроздовской артиллерийской бригады, где находились хранившиеся «Союзом дроздовцев» вещи генерала Дроздовского и запас медалей, сделанных в Харькове, — «Поход дроздовцев» и самый штамп для изготовления их. Оркестр, следовавший с обозом, большевики под угрозой смерти заставили играть «Марсельезу». Дамы были взяты в плен, но Днепровским казачьим полком, прибывшим для ликвидации восстания, были освобождены.

28 января. День прошел спокойно. Слухи о нашем предстоящем наступлении подтверждаются. В Азов ожидается приезд главнокомандующего генерала Деникина.

29 января. Утром объезжал позиции прибывший из отпуска начальник дивизии генерал-майор Витковский. На участке спокойно.

30 января. Ожидая приезда главнокомандующего, в Азов съехались командир корпуса и командиры полков. Но главнокомандующий не приехал. Будет завтра. Сообщают, что он расшибся, упав с лошади во время производства смотра казакам в Песчанокопской. На участке спокойно.

31 января. Красная артиллерия с 11 до 13 часов обстреливала Азов и Петрогоровку, причем в Петрогоровке было разрушено несколько хат и убит один и ранено двое стрелков. В полк прибыл сформировавшийся конный дивизион штабс-ротмистра Коршун-Осмыловского. Согласно приказанию из дивизии, командир полка со 2-м батальоном и командой пеших разведчиков выступили к 15 часам в Азов, куда прибыл главнокомандующий генерал Деникин, произведший смотр войскам и звавший их в своей речи к новым победам. После смотра главнокомандующий проехал в штаб корпуса в Каял, где состоялось совещание его с прибывшими туда же командирами полков. Вернувшийся поздно вечером с совещания полковник Туркул рассказывал о благоприятном впечатлении, произведенном на всех спокойствием и выдержкой генерала Деникина, сумевшего снова вдохнуть прежний дух в части; сообщил и неприятную новость о полном крушении адмирала Колчака. Ночью скончался оперативный адъютант штабс-капитан Янчев. Ночь прошла спокойно.

1 февраля. В 6 часов красные по всему фронту дивизии, начиная с Кулешевки и до хутора Государского, перешли в наступление. Наблюдением было установлено, что главный удар противника направлялся на правый наш фланг (с. Кулешевка, куда двигалась большая колонна конницы и пехоты). Цепи, наступавшие на Петрогоровку, были

остановлены огнем нашей артиллерии, и они быстро залегли на льду в камышах. В свою очередь, красная артиллерия открыла интенсивный огонь по Петрогоровке, особенно много снарядов попало в расположение штаба полка и полковых команд, причем хата, где стоял командир полка, была разрушена. Наступая на Кулешевку в превосходных силах, красные выбили оттуда 2-й батальон 2-го полка и заняли его. Батальон начал отходить вдоль полотна железной дороги на немецкую колонию Ново-Александровку, которая занималась 1-м батальоном 1-го полка. Заняв Кулешевку, красная конница атаковала колонию Ново-Александровку, но была отброшена доблестным батальоном обратно. Бой разгорался по всему фронту. Для противодействия красным из Койсуга была двинута конная бригада генерала Барбовича, которая около 13 часов атаковала красных, ударив им в тыл. Красные не выдержали удара и в панике бежали, оставив в руках победителей одно орудие, пулеметы и около 400 пленных. В 14 часов в Петрогоровку прибыл начальник дивизии генерал Витковский, лично обходивший позиции и руководивший боем. Обрисовывая обстановку, он сообщил, что на Левом фланге дивизии красные, наступая двумя полками, заняли хутор Петровский (северо-западнее Азова), куда из Азова был двинут полк Манштейна со своими пешими и конными разведчиками. Лихой атакой красные были опрокинуты и бежали; было много порублено, взяты пулеметы и 150 человек пленных. Против колонии Ново-Александровки и Петрогоровки цепи красных еще продолжали маячить. В 16 часов командиру 1-го батальона полковнику Петерсу было приказано перейти в контрнаступление и прогнать красных за Дон, при этом батальоны, находившиеся у Петрогоровки, должны были оказать ему поддержку. Стремительным ударом красные были сбиты и под натиском рот 1-го батальона начали отходить. Тогда к северо-восточной окраине Петрогоровки были пущены цепи 3-го батальона, а за ними конный дивизион штабс-ротмистра Коршун-Осмыловского. Красные поспешно убежали на станицу Елизаветинскую, обстрелянные в этот момент 1-й легкой батареей. Батальонам не было приказано втягиваться в станицу, и с наступлением темноты они вернулись обратно на свои места. Таким образом, положение было всюду восстановлено и красным опять нанесли удар. Штаб 1-го полка, 3-й батальон и команды перешли в Азов. В Петрогоровке остался в сторожевом охранении 2-й батальон. Ночь прошла спокойно.

2 февраля. В 12 часов красные снова повели наступление на с. Кулешевку и, пользуясь густым туманом, вытеснили 3-й батальон 2-го полка и заняли ее. Отсюда они крупными конными силами атаковали

немецкую колонию Ново–Александровку, но доблестные роты 1–го батальона 1–го полка при поддержке 2–й батареи, подпуская их на 130 шагов, дружными залпами трижды отбивали их, нанося им большие потери убитыми и ранеными, причем были взяты два пулемета и красное знамя с надписью: «Пролетарий, на бой». Из документов, найденных у убитых, красные оказались 3–го и 4–го кавалерийских красных полков. На поддержку 2–му полку из Койсуга были двинуты корниловцы. Общим дружным ударом красные были выбиты из Кулешевки и отошли на Елизаветинскую. К 14 часам бой закончился опять неудачей для красных... В 16 часов состоялись похороны умершего вследствие контузии бывшего оперативного адъютанта штабс–капитана Янчева. На похоронах присутствовал начальник дивизии генерал Витковский со штабом и штаб полка. Ночь прошла спокойно.

3 февраля. День на участке всей дивизии прошел спокойно. В 14 часов был получен приказ о наступлении по всему фронту. Нашему корпусу приказано взять ст. Гниловскую, города Ростов и Нахичевань, а Донскому (генерала Гусельщикова) — столицу Дона Новочеркасск. «В предстоящем решительном бою все начальники должны проявить широкий глазомер и инициативу, а войска — всегда присущие им быстроту и натиск», — гласил приказ главнокомандующего. Далее выражалась уверенность, что ни одна часть не опозорит своего имени насилиями и грабежами... Нашему полку предстояло взять ст. Елизаветинскую, поддерживая самурцев при взятии ими хуторов Калузас и Усть–Койсугского, занять Гниловскую и обеспечивать фланг корниловцев при штурме Ростова. Полк должен был сосредоточиться в немецкой колонии Ново–Александровке для занятия исходного положения перед решительным боем. С бодрым настроением и верою в успех начинаемого дела в 20 часов с позиции полк выступил из Азова; офицерская рота, пешая разведка и три батальона — эшелоном по железной дороге, штаб полка и команда конных разведчиков — по грунтовой, 2–й батальон сменился в Петрогоровке батальоном 2–го полка и тоже выступил на Ново–Александровку. Не доходя до Петрогоровки, командир полка получил приказ адъютанта, ввиду запоздания прибытия Марковской дивизии, об отмене приказа о наступлении. 3–й батальон доехал до Кулешевки и занял боевой участок, сменив батальон 2–го полка, пешая разведка и офицерская рота остались ночевать в Ново–Александровке, и штаб полка и конные разведчики 2–го батальона вернулись в Азов. Ночь прошла спокойно.

4 февраля. В Азов вернулась офицерская рота и команда пеших разведчиков. Мороз по–прежнему держится. Из Каяла вылетел наш

аэроплан на Батайск и Ростов. На участке спокойно. Из 2-го батальона убито трое, из них один студент Харьковского политехникума, другой — народный учитель.

5 февраля. Из штаба дивизии получены сведения о том, что в районе ст. Елизаветинской красные сосредоточили значительные силы и собираются перейти в наступление. Нашему сторожевому охранению приказано быть особенно бдительным. Весь день и ночь прошли в ожидании наступления со стороны красных, однако они не наступали.

6 февраля. На участке спокойно. Вечером был получен долгожданный приказ о наступлении. Корниловцы получили задачу взять ст. Гниловскую и двигаться на Ростов при поддержке алексеевцев; Самурский полк — взять хутор Калузас; наш (1-й полк) — взять ст. Елизаветинскую, откуда, пройдя на Гниловскую, обеспечивать левый фланг корниловцев; 3-й полк — взять хутор Обуховский и Черноморский полк — хутор Рогожин. 2-й полк оставался в резерве. Из боевого приказа было известно, что донцы перерезали железную дорогу между Ростовом и Новочеркасском у ст. Александровской. В 23 часа 1-й полк сосредоточился в колонии Ново-Александровской, туда же прибыл и Самурский полк.

7 февраля. В 1 час 30 минут двумя колоннами двинулись по камышам в долину Дона: самурцы на Калузас, а наш полк на Елизаветинскую. Полк обходит станицу с северо-востока, имея целью перерезать красным путь отступления. В темноте ночи стали видны вспышки орудийных выстрелов со стороны хутора Обуховского — то 3-й полк наступал. Наш выход, почти в тыл красным, занимавшим Елизаветинскую шестью полками 46-й дивизии, был для них полной неожиданностью. Лишь в полверсте от станицы голова колонны была встречена ружейным и пулеметным огнем, но шедший с головой 1-й батальон при криках «Ура!» всей колонны бросился в атаку на станицу. Артиллерия красных дала несколько беспорядочных выстрелов, после чего красные, почти не сопротивляясь, бросая пулеметы и орудия, обратились в бегство. Взятые в плен красные с места же были влиты в полк и вместе с нами кричали «Ура!». Наступивший рассвет обнаружил беспорядочное и паническое бегство красных в северо-восточном направлении и дальше на хутор Калузас. Конный дивизион штабс-ротмистра Коршун-Осмыловского преследовал и рубил бегущих, а ставшие на позиции 1-я и 2-я батареи открыли сильный огонь по ним. Победа полная. В Елизаветинской 1-й полк взял 3 орудия, 4 зарядных ящика, 19 пулеметов, 200 пленных и много имущества и обозов, среди них библиотека 414-го советского полка. 3-й полк в Обуховском взял одно орудие и пленных. Полку был дан отдых. Около 10 часов прибыл верхом со

своим конвоем начальник дивизии генерал-майор Витковский, обрисовавший обстановку. Начало операции везде сопровождалось успехом. Корниловцы, овладев хутором Калузас, перехватили группу, разбитую нами под Елизаветинской, и взяли ее в плен; части Марковской и Алексеевской дивизий начали штурм Ростова. Генерал Витковский приказал 1-му полку выступить на ст. Гниловскую, где принять участок от корниловцев, идущих на Ростов, и оборонять его, обеспечивая левый фланг группы, действующей против Ростова. Пройдя при сильном ветре и морозе 17 верст и переправившись по льду через Дон, полк прибыл в Гниловскую, где согласно приказу вступил в подчинение начальника Корниловской дивизии. Из Азова был подтянут обоз — люди пообедали. На ночь полк выставил только непосредственное охранение, так как сторожевку в Гниловской нес оставшийся 3-й ударный Корниловский полк. Бой у Ростова до поздней ночи продолжался.

8 февраля. В 5 1/2 часов красные повели наступление на западную окраину ст. Гниловской и, потеснив 3-й ударный Корниловский полк, несший сторожевое охранение, ворвались в станицу в расположение нашего 2-го батальона. Стремительной контратакой 2-го батальона под командой капитана Конькова красные были выбиты из станицы, причем они понесли большие потери, попав под сильный пулеметный огонь 2-го батальона. Были взяты пулеметы и винтовки, брошенные во время бегства красными. Но и 2-й батальон понес значительные потери (убито 3 офицера и 5 стрелков, ранено 12), так как полку пришлось разворачиваться в боевой порядок в очень близком расстоянии от красных. Около 10 часов красные, при поддержке бронепоезда, снова повели наступление со стороны хутора Семерникова (в 7 верстах северо-западнее ст. Гниловской), но огнем нашей артиллерии и пулеметов были отбиты. 3-я атака их также не имела успеха, и попытки взять обратно станицу больше не возобновлялись. Весь день кипел бой у Ростова. К вечеру получили известие, что Ростов взят и бой идет на улицах Нахичевани. На нашем участке спокойно.

9 февраля. Годовщина выступления генерала Корнилова из Ростова в знаменитый «Ледяной поход». И в этот день Ростов и Нахичевань окончательно очищены от противника. В Ростов посланы подводы для подбора брошенной красными добычи, которые к вечеру вернулись со спичками, табаком и соломой. По данным наблюдения и разведки, у хутора Семерникова накапливались значительные силы красных, намеревавшихся, по-видимому, перейти в наступление. В ожидании этого прошел весь день. В 22 1/2 часа через штаб Корниловской дивизии было получено чрезвычайно неожиданное и неприятное сообщение — ввиду неуспеха на

правом фланге донцов мы должны быть готовы к отступлению без боя из Ростова и Гниловской и возвращению на прежние позиции, о чем будет повторное приказание.

10 февраля. В 3 часа был получен приказ, подтверждавший наш отход. Полк спешно собрался и, оставив сторожевые посты, быстрым маршем двинулся через Дон на Койсуг и оттуда, после часового привала, на Кулешевку, повторяя скорбный маршрут нашего первого отхода из-под Ростова 27 декабря 1919 года. Красные нас не преследовали. К 15 часам полк прибыл в с. Кулешевку и, согласно приказу по дивизии, занял боевой участок Кулешевка — Ново-Александровка. На позиции стали: на правом фланге — 1-й батальон (участок северо-восточной окраины села — церковная площадь), на левом фланге — 3-й батальон (от церковной площади до северо-западной окраины села). В немецкой колонии Ново-Александровке стал 2-й батальон. Штаб полка и полковые команды — в центре села Кулешевки. На хутор Шведов выслана застава от 1-го батальона.

11 февраля. В штаб дивизии (Азов) приехал командир корпуса генерал Кутепов. Туда же поехал и полковник Туркул. Возвратившись обратно, он передал, что комкор говорил о планах красных — дать нам дойти до города Мокрый Чалтырь и там, собрав ударную группу, разбить и уничтожить Добровольческий корпус... Снова подтвержденные известия о позорном поведении кубанцев, целые дивизии которых показывали тыл перед одним полком Буденного и которые своим отступлением от Торговой оказали столь пагубное влияние на нашу операцию под Ростовом и Новочеркасском. Снова поднялись вьюга и метель. На участке спокойно.

12 февраля. День прошел спокойно.

13 февраля. После вьюги и мороза наступила оттепель. В село Кугай прибыла формировавшаяся в Котельваной пулеметная рота капитана Трофимова и часть подвод хозчасти. Для совещания со своим помощником по хозчасти в Кугай выехал командир полка, оставив за себя полковника Петерса, командира 1-го батальона.

14 февраля. В 4 часа начальник заставы донес (из хутора Шведова), что против заставы противник ведет разведку. На 10 часов красные густыми цепями повели наступление на Кулешевку. Из штаба дивизии сообщили, что наступление ведется на участках всей дивизии, причем ими уже была взята Петрогоровка. Контратакой 2-й полк, при поддержке бронепоезда «Казак», восстановил положение... Главный удар противника опять был направлен на участок 1-го полка — Кулешевку, когда его главная масса (пехота и конница) после сильной артподготовки двинулась в атаку,

но, будучи встречена сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем, залегла в 800 шагах от Кулешевки. На поддержку 1-му полку из Койсуга был двинут 4-й ударный Корниловский полк, который своим ударом во фланг заставил красных отойти в камыши. К красным подошел резерв (конница), и они, в свою очередь, атаковали корниловцев и отбросили их за полотно железной дороги. Большую роль в этой схватке играло то обстоятельство, что пехотные роты корниловцев, составленные из пленных красноармейцев, в решительную минуту сдались и выдали своих офицеров (подробности рассказывал тяжело раненный офицер 7-й роты 4-го Корниловского полка, который был подобран нашим полком). Отбросив корниловцев, красные перешли в яростную атаку на Кулешевку. В этот момент вернулся в Кугай командир полка. Ознакомившись с обстановкой, полковник Туркул спешно и совершенно скрытно для противника двинул весь полковой резерв на правый фланг. И в тот момент, когда красные с криком «Ура!» бросились в атаку, к этому времени офицерская и пулеметная рота и команда пеших разведчиков, заняв позицию у восточной окраины села, открыли сильнейший огонь. Красные залегли, и в этот момент полковник Туркул с конным дивизионом бросился на них. Красные в панике начали убегать, неся большие потери (все поле было усеяно трупами). Бой закончился поражением красных на участке всей дивизии. Противник отошел за Дон, причем его крики и ругань до поздней ночи были слышны нашему сторожевому охранению. В 17 часов после окончания боя рота с песнями разошлась по квартирам. Наши потери — ранеными 12 человек.

15 февраля. День на участке полка прошел спокойно, и полк, после славного вчерашнего боя, отдыхал. По Азову била красная артиллерия. В 23 часа наш конный разъезд между Кулешевкой и Ново-Александровкой был обстрелян. Остальная часть ночи прошла спокойно.

16 февраля. С утра против нас началась артперестрелка, продолжавшаяся до поздней ночи. В 23 часа получили боевой приказ: ввиду отхода Донского корпуса и частей Марковской дивизии, нашей дивизии приказано оставить позиции на берегу Дона и без боя отойти на линию Васильев — Петровское — Павловка — Пешково с тем, чтобы после, перейдя в решительное наступление, прижать противника к Дону. Было особенно досадно уходить, во-первых, после только что понесенного красными серьезного поражения и, во-вторых, потому что, вследствие оттепели, на Дону уже началось верховодье, которое вскоре обещало сделать его непроходимым, а нас обеспечить... Все жили этой надеждой, и вот она рушилась. Переход в наступление с новой линии мало кому

представлялся возможным ввиду того, что оттепель создала невероятную распутицу и бездорожье. Было отдано спешное приказание о вывозе из Азова наших раненых и некоторых запасов муки и других продуктов.

17 февраля. Согласно приказу полк скрытно и в полной тишине выступил в 2 часа и двинулся в путь. В немецкой колонии Ново-Александровке к колонне полка присоединился и 2-й батальон. В арьергарде шел взвод от команды конных разведчиков. Путь совершался в невероятно трудных условиях, стояла страшная грязь, люди и лошади выбивались из сил. В хуторе Высоком полк имел привал, во время которого в штаб полка прибыл ротмистр Сводно-Кавалерийского полка, сообщивший подробности о прорыве фронта красными. Оказывается, что в районе ст. Ольгинской красная конница потеснила Донскую пластунскую бригаду, на помощь которой были двинуты части Марковской дивизии. Красная конница была отброшена марковцами. Получив подкрепление, красные вновь атаковали марковцев, но были несколько раз отбиты. И только когда часть солдат Марковской дивизии, воткнув штыки в землю, перестала стрелять и сдалась — дивизия была совершенно разгромлена и восстановить положение не удалось. К 12 часам полк прибыл в село Петровское, где и расположился по квартирам, выставив наблюдательные конные разъезды в направлении на юг. Ночью было получено сообщение из 2-го полка о том, что красные, развивая наступление, заняли город Кагальник и угрожают нашему флангу. Ночью же был получен приказ о дальнейшем отходе... и, следовательно, переход в фактическое наступление и прижатие красных к Дону, видно, не состоится.

18 февраля. В 6 часов колонна полка выступила из Петровского в направлении на село Кугай. Дорога была такая же грязная и изнурительная, как и накануне. В 11 часов колонна втянулась в Кугай, где был трехчасовой привал, во время которого полк обедал. Когда в 14 часов полк выступал из села Кугай дальше на юг, на хвост колонны уже начала наседать группа противника — отряд конницы с пулеметами и одним орудием, видимо имея задачей не терять соприкосновения с нами и беспокоить нас в пути. 2-й батальон, шедший в хвосте колонны, отбил красных, понеся незначительные потери (несколько раненых). Мелкий дождь, шедший утром, еще более испортил дорогу, люди измокли и выбивались из сил, колеса вязли в грязи, повозки ломались. Уже в полной темноте полк прибыл в район Харьковских хуторов, сильно разбросанных и неудобных для обороны, и расположился на ночлег в грязных хатах, выставив, ввиду разбросанности хат, на риск, лишь непосредственное охранение и получив приказ в случае тревоги сосредоточиваться у штаба полка. К счастью, ночь

прошла спокойно, видимо, красные вернулись ночевать в Кугай и преследования не развивали.

19 февраля. В 5 часов полк выступил и продолжал движение на юг, приближаясь к берегу реки Ея, составляющей границу между Донской и Кубанской областями. Дождь прекратился, но грязь чрезвычайно сгустилась и наматывалась на колеса повозок, сильно затрудняла движение. Многие повозки останавливались, лошади выбивались из сил, и тут же бросались. Люди тоже страшно утомились, едва вытаскивая ноги из грязи, облепывавшей сапоги, ужасающими по размерам колеями. Красные продолжали преследование, но действовали нерешительно, только маяча за нашей колонной. После изнурительного перехода полк в 16 часов прибыл в колонию Ольгенфельд, где и расположился, выслав 1-й батальон со 2-й батареей в деревню Сонино (в 3 верстах к востоку от Ольгенфельда). На немецкую колонию (в 5 верстах к северу от Ольгенфельда) был выслан разъезд, вернувшийся к вечеру и сообщивший, что красные большими силами заняли колонию. На ночь полк выставил сторожевое охранение на северной окраине колонии Ольгенфельд. Ночь прошла спокойно.

20 февраля. Утром получили приказ из дивизии: нашему полку сосредоточиться в станице Елизаветинской (на северном берегу реки Ея), оборонять ее и переправу, пропустив на тот берег другие части. Командир полка с командирами батарей поехали осматривать позиции, но результат этого осмотра был неудовлетворительным, так как переправа у станицы была совершенно испорчена и ставить там полк являлось делом не только рискованным, но и просто безнадежным; средств для исправления переправы не было. Об этом полковник Туркул доложил в штаб дивизии, и этот приказ был отменен. Около 17 часов были замечены разъезды красных, двигавшиеся с северо-востока на колонию Ольгенфельд. В то же время обнаружилось наступление около двух батальонов пехоты и до эскадрона конницы. Встреченные сильным пулеметным огнем с нашей стороны, красные остановились и, обстреляв ружейным и пулеметным огнем колонию Ольгенфельд, ушли на север. У деревни Сонино, куда были направлены крупные части, красные действовали решительно, намереваясь, видимо, прижать нас к реке и форсировать переправу. Сделав сильную подготовку (очень много снарядов не разрывалось), они повели энергичное наступление. Наша 2-я батарея, не имея выгодной позиции, стала нести большие потери, ввиду чего командир 1-го батальона полковник Петерс отправил ее в колонию Ольгенфельд. Сам же, с батальоном, подпустив красных на близкое расстояние, бросился на них с криком «Ура!» и обратил в паническое бегство. Бой был выигран на участке

всего полка. Наши потери — 4 убитых, 40 раненых. Сильно пострадала 2-я батарея. Ночью был получен приказ о дальнейшем отходе за реку Ея, на ст. Староминскую, причем предполагалось окончательно взорвать и испортить за собой переправы у ст. Елизаветинской и у Сонино. Ночь прошла спокойно.

21 февраля. Еще с вечера был назначен комендант переправы у деревни Сонино (поручик Долаков), которому было приказано за ночь исправить ее и затем, пропустив весь полк, взорвать. В 6 часов полк выступил из колонии Ольгенфельд и через полтора часа прибыл в Сонино. Перейдя через переправу, продолжал по чрезвычайно грязной дороге движение на ст. Староминскую. Переправы были взорваны и испорчены. После 12-верстного перехода полк прибыл в ст. Староминскую, где к нему присоединился маршевый батальон полковника Ройбул-Вакаро [\[53\]](#) и полковой околодок. Станица большая и, видно, зажиточная, но казаков совершенно не видно. Где они? С места же были отправлены на железную дорогу все раненые и больные. Пришло известие о взятии красными ст. Куцевка, что создало угрозу нашему флангу, заставило снова отступить нас на юг.

22 февраля. В 5 часов колонна полка выступила из Староминской и после 25-верстного тяжелого перехода прибыла в ст. Новоминскую, также утопавшую во все той же невообразимой грязи, что и прочие станицы Кубани. С места, по приходе, был получен приказ о продолжении отхода на следующий день на ст. Каневскую. Но около 15 часов получено было изменение приказа: ввиду благоприятно сложившейся обстановки на других участках фронта и задержки общего отхода, мы должны были также задержаться в Новоминской. Отдано распоряжение о насильственной мобилизации лошадей по станице, население которой, к слову сказать, встретило нас весьма неприязненно. Пришлось в действительности столкнуться с тем, о чем до сего времени мы слышали лишь по рассказам приезжавших из тыла. И лишь страх перед вооруженной силой не давал вырваться наружу тем выходкам, которые позволяли себе кубанцы по адресу одиночных офицеров и солдат-добровольцев, путешествовавших по тылу. Однако это распоряжение о мобилизации лошадей было сразу же отменено, ввиду того что казаки, видя, что красные уже вторгаются в их пределы, решили сами организовать для самозащиты (увы, слишком поздно). Был отслужен молебен у церкви, после чего целые отряды конных и пеших казаков выступили на ст. Уманскую. Вечером снова последовало изменение боевого приказа: обстановка на фронте опять изменилась не в нашу пользу, входил в силу первый приказ — об отходе на следующий день

в станицу Каневскую. Передовые части противника уже переправились через реку Ея и заняли ст. Староминскую.

23 февраля. В 3 часа колонна полка выступила из ст. Новоминской и вдоль полотна железной дороги двинулась в путь. По своему численному составу полк был небольшой, но, глядя на его стройные ряды, чувствовалась сила, сломить которую не сможет сила, преследующая нас. Благодаря хорошей погоде дорога немного высохла и идти было не особенно трудно. И после 23 верст перехода полк прибыл в ст. Стародеревянковскую, отделенную от цели нашего похода — ст. Каневской — длинной, почти полутораверстной гатью, страшно грязной и трудной для переправы. В станице скопилось несметное количество обозов, запрудивших улицу и забивших переправу. Когда колонна полка подошла к переправе, там творилось нечто неопишное: начальники разных многочисленных обозов переругивались между собой, кому ехать вперед, и, пока они решали этот вопрос, на переправу врывались случайные подводы и, в сущности говоря, никакой правильной переправы не наблюдалось. Полковник Туркул сразу принял энергичные меры к наведению порядка — он объявил себя комендантом переправы, назначил офицеров для наблюдения за порядком, а на переправу приказал назначить рабочих с ведрами, поливать сгустившуюся грязь, чтобы сделать ее более проходимой. И благодаря таким энергичным мерам полк переправился через гать и прибыл в ст. Каневскую. По дороге наблюдались удручающие картины — ряд застрявших по ступицу повозок и лошадей, от усталости свалившихся и буквально захлебнувшихся в жидкой грязи. В станице был объявлен отдых после изнурительных и спешных переходов дивизии, которую предполагалось поставить в корпусной резерв.

24 февраля. День прошел спокойно. Ввиду исполняющейся 26-го числа второй годовщины выхода отряда генерала Дроздовского из Румынии, предполагается устроить в станице Каменской общий обед старых дроздовцев.

25 февраля. Все планы рушились. Совершенно неожиданно получается сообщение, что снова на правом фланге у нас неблагополучно. Донцы и конница генерала Барбовича отскочили от хутора Чембалсного, и ввиду этого было приказано выступить из Каневской и перейти в ст. Брюховецкую. Полк выступил в 13 1/2. Благодаря солнечной и ветреной погоде дорога подсохла и поход затруднений не представлял. Пройдя около 30 верст, полк около 23 1/2 часа прибыл в ст. Переяславскую, где и заночевал. Между ст. Переяславской и Брюховецкой находится гать, такая же почти, как и между Стародеревянковской и Каневской. Дорога через

гать сильно испорчена и забита брошенными повозками, ввиду чего ночная переправа явилась затруднительной и полку разрешено было заночевать в Переяславской. Вдобавок еще ст. Брюховецкая была забита другими частями корпуса, раньше нас отступившими туда.

26 февраля. День начался сполохом. На колокольне переяславской церкви ударили в набат, по которому спешили собраться казаки на площади. К ним держал речь начальник партизанского отряда, кубанский есаул Сухенко, который перед тем сорганизовал из добровольцев–казаков отряд, и с ним совершил налет на только что занятую большевиками ст. Новоминскую, где взял свыше 350 пленных с пулеметом, а также повесил местный большевистский совдеп. Он звал желающих из казаков записываться к нему в отряд, и многие записались. Но это была одна из обычных в таком положении последних вспышек патриотизма, кубанцы разлагались все больше и больше, время для исправления было упущено, неумеренное и беспочвенное кубанское правительство, во главе с разными Тимошенками, толкало казаков в объятия большевистского ига.

После обеда полк с музыкой двинулся в ст. Брюховецкую по гати, узкой и запруженной брошенными повозками и даже пушками, застрявшими безнадежно в густой, непролазной грязи. В Брюховецкой очень долго пришлось улаживать недоразумения с квартирами, так как корниловцы и другие части, которым нужно было уйти, очистив для нас квартиры, этого не сделали, и лишь в полной темноте полк стал по квартирам, разместившись чрезвычайно тесно, ввиду нежелания корниловцев исполнить приказ о переходе на новые квартиры. В 22 часа на квартире штаба полка по случаю второй годовщины выхода из Румынии дроздовцев была отслужена панихида по шефу генералу М. Г. Дроздовскому и по бывшим командирам полков, причем к этому печальному списку было добавлено имя полковника Руммеля, ^[54] о котором только что получили сведения, что 9 февраля он скончался от сыпного тифа в Новороссийске. В ст. Переяславской появились передовые части красных, по которым наша артиллерия открыла огонь.

27 февраля. Вечером в штабе полка состоялся официальный ужин в честь исполнившегося двухгодичного юбилея выхода дроздовцев из Румынии. На ужине присутствовали начальник дивизии генерал–майор Витковский со штабом и командиры артдивизионов, батарей и батальонов. Получено поздравление (телеграмма) от главнокомандующего.

28 февраля. С утра красные повели наступление на ст. Переяславскую, где оставались наши незначительные арьергардные части, и, потеснив их, заняли станицу. До вечера они редким артиллерийским огнем обстреливали

ст. Брюховецкую. Полковник Туркул высказал мысль: ввиду обнаружившегося направления нашего отхода на Новороссийск, оставляя в стороне город Екатеринодар, принять меры к выведению из-под Екатеринодара праха шефа дивизии генерал-майора М. Г. Дроздовского, погребенного в усыпальнице Екатерининского собора в городе Екатеринодаре. По этому поводу состоялось небольшое совещание с председателем Союза дроздовцев полковником Ползиковым [55] (командир Дроздовской артиллерийской бригады), и было решено от каждого полка и от артиллерии командировать для этой цели офицеров и стрелков верхами и с подводами. От 1-го полка назначен капитан Алексеев (за старшего) и подпоручик Виноградов [56] при двух стрелках. Команда, снабженная нужными бумагами от начальника дивизии, должна была отправиться в Екатеринодар на следующий день. Ночью получен приказ о наступлении группы, в составе 1-го полка и конного Черноморского, под общей командой полковника Туркула на Лиман Лебяжий (северо-запад Брюховецкой) с целью ликвидации переправившихся там красных. Но ночью же последовала отмена приказа и было получено приказание отходить на ст. Роговскую (она же ст. Днепровская). 29 февраля. На рассвете полк, в голове колонны дивизии, выступил из ст. Брюховецкой. Шедший в хвосте колонны 3-й полк имел арьергардный бой с передовыми частями противника, атаковавшими хвост колонны, и отбросил их к северу. После 36-верстного перехода колонна прибыла в хутор Роговский и расположилась на ночлег. С места же по прибытии в хутор командир полка приказал выслать в окрестные станицы за фуражом и продовольствием хозяйственных чинов. С 23 часов подул холодный ветер и выпал густой снег, снова испортивший дорогу.

1 марта. Погода опять испортилась, вновь дует холодный ветер и идет снег. В районе ст. Тимашевской был бой с красными у Тимашевской переправы и у монастыря, где они пытались переправиться. После обеда обозы полка были отправлены в ст. Поповичевскую, куда сосредоточивалась вся дивизия. И вечером был получен приказ об отходе полка на следующий день туда же.

2 марта. В 4 часа полк выступил из Роговского на Поповичевскую. Увеличившийся холод и испорченная дорога сильно затрудняли движение. Пройдя 17 верст, полк около 10 часов прибыл в ст. Поповичевскую, где и расположился на северной окраине станицы, выставив сторожевое охранение.

3 марта 1920 года. Согласно приказу в 5 часов 2-й и 3-й полки

выступили на Старо–Нижнестеблиевскую, а 1–й полк остался в Поповичевской в распоряжении командира бригады генерал–майора Звягина. Около 10 часов красные повели наступление на станицу, но были отбиты. Подождав подхода своего резерва, они вновь повели наступление. Завязался бой. Полковник Туркул приказал командиру 1–го батальона переправиться через переправу и охранять ее, пока не переправится весь полк, а сам с конным дивизионом двинулся на участок 3–го батальона, где положение становилось критическим, красные, потеснив левый фланг батальона, спешили с западной окраины отрезать ему путь в переправе... Стремительной контратакой полковник Туркул опрокинул красных и заставил их отойти далеко за станицу. Переправа полка к 20 часов была закончена, и полк двинулся, согласно приказанию, на ст. Старо–Нижнестеблиевскую. И после изнурительного ночного похода, на рассвете, прибыл в станицу.

4 марта. С места же было получено приказание отходить в колонне дивизии, дивизия же выступила в 5 часов, и с ней был отправлен обоз 1–го полка. Передохнув немного, полк в 11 часов выступил на Славянскую. И как только колонна полка вытянулась из станицы, переправившаяся левее нас красная конница сразу же, густыми лавами, атаковала полк. В арьергарде шел 1–й батальон. Пропустив красную кавалерию на дистанцию прямого выстрела, полк открыл сильнейший огонь из всех пулеметов и артиллерии. Красные отскочили назад, а полк с музыкой, несмотря на сильнейший артиллерийский огонь со стороны красных, продолжал двигаться медленно и в полном порядке. Это произвело сильное впечатление и давало уверенность в непобедимости полка. Красные еще несколько раз пытались наступать, атакуя колонну полка одновременно с запада и с севера, но каждый раз бывали отбиты, причем им, при каждой их попытке атаковать нас, наносилось серьезное поражение. И только когда полк перешел через полотно железной дороги, а со стороны Славянской к нам подошел бронепоезд, взятый нашими частями в последнем наступлении на Ростов, красные смотались и ушли в Старо–Нижнестеблиевскую. К вечеру полк перешел к переправе у Славянской, где застал обычную картину: скопление обозов и частей, непролазная грязь, ссора начальников, кому раньше переправиться и т. д. И только поздно вечером полк переправился через переправу (против Кубани–Притока) и остановился на ночлег в ст. Славянской. Ночью был получен приказ — завтра же перейти в Троицкую.

5 марта. Уничтожив переправу у Славянской, в 7 часов дивизия выступила на Троицкую. В голове колонны шел 1–й полк. К 11 часам

колонна подошла к переправе (понтонный мост) и в порядке начала переправлять артиллерию. Переправа продолжалась до вечера. В ст. Троицкой сосредоточился почти весь корпус и, благодаря этому, долго возились с квартирами. 3-й полк расположился на северной окраине села, вдоль берега реки Кубани, а наш 1-й полк — на юго-восточной окраине. Ходят усиленные слухи, что Екатеринодар взят красными и что мы через 5 дней уйдем на Новороссийск для погрузки на пароходы и отправки в Крым.

6 марта. Утром на правом берегу Кубани против Троицкой появилась конная разведка красных, которая была отогнана огнем нашей артиллерии. Начальник дивизии приказал взорвать понтонный мост (переправу) у ст. Троицкой, а также железнодорожный мост через реку Кубань; переправа была уничтожена, а железнодорожный мост взорван. Полковник Туркул приказал разбить маршевый батальон по ротам, благодаря чему роты увеличились. После обеда командир полка с полковником Петерсом, офицерской ротой и командой пеших разведчиков выехал по железной дороге в город Новороссийск для поддержания порядка и для ловли дезертиров. Во временное командование полком вступил командир 2-го батальона полковник Ханыков. ^[57] Конница генерала Барбовича перешла в ст. Варенниковскую (к западу по левому берегу Кубани), освободив массу квартир. 1-й полк перешел на новый квартирный район — на южную окраину станицы.

7 марта. Стоит дивная и теплая погода, и грязь, которая сильно мешала движению по улицам станицы, заметно уменьшается. В районе ст. Троицкой по берегу Кубани наши конные разведчики захватили хор трубачей какого-то Донского полка, который, по-видимому, хотел переправиться к красным. На участке 3-го полка идет перестрелка с красными, которые изредка появляются против станицы. Сегодня получена официальная сводка, говорящая о наших успехах на Перекопе.

8 марта. Благодаря дивной погоде грязь уменьшается. На участке редкая артиллерийская перестрелка.

9 марта. По-прежнему сохнет. На правом фланге идет сильный бой — красные, заняв Екатеринодар, начали обходить наш правый фланг. У нас целый день шла перестрелка, которая к вечеру затихла.

10 марта. Утром красные большими силами подошли к Троицкой, пытаясь форсировать Кубань, но были отбиты 3-м полком. Огонь, правее нас, временами усиливался. Получили приказание приготовиться к выходу на станицу Крымскую, вскоре это приказание было отменено, выступим завтра. Выяснилось окончательно: 1) что мы уходим в Новороссийск, 2) наша дивизия прикрывает отход до ст. Крымской, 3) до Тоннельной

прикрывают алексеевцы и 4) у ст. Тоннельной корниловцы занимают позиции и прикрывают самую погрузку.

11 марта. В 5 часов колонна дивизии, имея в арьергарде 3-й полк, выступила из Троицкой и по хорошей дороге двинулась на Крымскую. К 16 часам колонна начала втягиваться в слободу (севернее Крымской непосредственно), и в это время на хвост колонны напали «зеленые», которые были отбиты 3-м полком. Дивизия расположилась по квартирам на ночлег, выставив на север сторожевое охранение. Ночь прошла спокойно.

12 марта. В 4 часа дивизия, под прикрытием алексеевцев, выступила и стала вытягиваться по дороге на Новороссийск. При выходе из станицы, благодаря массе скопившихся обозов беженцев–калмыков и казаков, образовалась пробка, и дивизии с большими усилиями удалось только к 8 часам вытащиться на дорогу. Колонна двинулась вдоль полотна железной дороги, а параллельно двигался обоз беженцев–калмыков и казаков, без всякой организации, без винтовок и сабель. С утра пошел маленький дождик, сильно испортивший дорогу... У ст. Нижне-Баканской был малый привал, после которого дивизия, имея в голове колонны 1-й полк, свернула в горы, имея целью выйти на шоссе у станицы Небардмаевской и оттуда по шоссе на Новороссийск. Шедший целый день дождь сильно затруднял поход, делая дорогу все тяжелее и тяжелее, благодаря чему все чаще и чаще приходилось бросать подводы, и приближавшийся вечер сделал его совершенно невозможным.. Начальник дивизии приказал остановиться и здесь же, в горах, дожидаться рассвета. В это время со стороны ст. Нижне-Баканской раздался сильный артиллерийский и пулеметный огонь — это «зеленые» напали на станицу, а наши бронепоезда, стоящие на станции недавно, открыли по ним огонь.

13 марта. Дождавшись под сильным дождем и грязью рассвета, колонна дивизии спустилась у ст. Небардмаевской на шоссе и двинулась на Новороссийск. У ст. Небардмаевской на хвост колонны напали «зеленые», но были отбиты. Дорога оказывалась невозможной, лошади отказывались везти, и вследствие этого было приказано бросать подводы, а часть вещей, пулеметы и патроны навьючить на лошадей. Около 12 часов голова колонны начала втягиваться в Новороссийск, где застала необычайную картину: на вокзале горели склады, взрывались бронепоезда и снаряды, грабежи складов в городе, большое скопление войск на пристани и массу лошадей, бродящих по городу и возле пристани, — все это говорило о том кошмаре и ужасе, которые творились здесь... Было приказано двигаться на пристань, где стоял транспорт «Екатеринодар», предназначенный для погрузки дроздовцев и алексеевцев. И здесь творилась невероятная давка.

Очень много труда и сил пришлось приложить всем начальникам, чтобы хоть сколько-нибудь обуздать толпу и водворить порядок. И только благодаря крутым мерам порядок несколько был установлен и началась погрузка. Но взять всех на пароход не представлялось возможным, и толпа, собравшаяся из разных частей войск, подняла ропот. Выходил на палубу генерал Витковский, уверявший, что все будут вывезены, но толпа продолжала роптать. И только когда полковник Туркул заявил, что в случае невозможности погрузить всех он с полком двинется походным порядком на Туапсе, ропоты прекратились... Однако дело до этого не дошло: большая часть толпы, главным образом дроздовцев, была погружена на пароход, и он вскоре отплыл от берега, оставив остальную часть на берегу в ожидании красных (больше пароходов не было), и стал на рейде, при этом пароход сопровождался проклятиями со стороны оставшихся. Картина на пароходе, и в особенности на палубе, тоже была не из приятных. На палубе люди буквально валялись вповалку, и нельзя было сделать ни шагу, чтобы не наступить на кого-нибудь. Но зато не было ни ропота, ни проклятий, ибо все были глубоко потрясены сегодняшними событиями... В 5 часов, уже 14 марта, пароход снялся с рейда и ушел в Крым.

А. Власов

БРОНЕПОЕЗДА В БОЯХ НА ДОНУ, КУБАНИ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Войска правого фланга Добровольческой армии, отступавшие в сторону Ростова и понесшие очень большие потери, были сведены 20 декабря 1919 года в Добровольческий корпус под командой генерала Кутепова. В оперативном отношении корпус был подчинен командующему Донской армией генералу Сидорину. Должность командующего Добровольческой армией перестала существовать.

Прикрывая отход наших войск, бронепоезд «Орел» находился 20 декабря на железнодорожной линии Иловая — Ростов, на станции Матвеев Курган, примерно в 40 верстах к северу от Таганрога. Бронепоездом командовал в это время капитан Бладзевич. Было получено приказание прикрывать составы эшелонов, отходящие в сторону Ростова по обоим путям, а остающиеся — сжигать. Приказано было также разрушать мосты, станционные сооружения и железнодорожное полотно. 22 декабря бронепоезд «Орел» был вызван в Таганрог, где началось восстание местных большевиков. Под прикрытием бронепоезда из Таганрога были выведены оставленные там эшелоны. 24 декабря бронепоезд отправился на небольшую станцию Марцево, к северу от Таганрога, где уничтожил оставленные там вагоны. После этого бронепоезд отошел на станцию Хапры, примерно в 15 верстах к западу от Ростова. Поздно вечером бронепоезд «Орел» получил приказание идти в обратную сторону, к станции Синявская, примерно в 35 верстах от Ростова. К этой станции уже подходили со стороны Таганрога бронепоезда красных.

В это время наши кавалерийские части, которыми командовал генерал Барбович, отступали под сильным натиском противника в восточном направлении к Ростову, по ровной местности, простиравшейся севернее Азовского моря и устья реки Дон. Но обращенные к морю и реке края равнины заканчивались крутыми изрезанными склонами, ниже которых проходила железная дорога Таганрог — Ростов. Для частей в конном строю крутые склоны были недоступны. Между тем занявшие Таганрог красные, вероятно, получили там технические средства, которые позволили им чинить железнодорожные пути скорее, чем предполагалось. Быстрое продвижение неприятельских бронепоездов создало угрозу обхода южного

фланга нашей отступающей кавалерии, ибо она не могла из-за крутых склонов вести надлежащим образом арьергардный задерживающий бой. Нашим бронепоездам была дана спешная задача помочь коннице и остановить продвижение неприятельских бронепоездов или пехоты красных, которая могла бы следовать за ними в поездах.

25 декабря у станции Синявская произошел бой между нашими и неприятельскими бронепоездами. После боя бронепоезда красных отошли. Ночью на станцию Синявская прибыл, чтобы руководить действиями бронепоездов, полковник Лагода. По его указанию бронепоезда «Орел» и «Мстислав Удалой» взорвали пути и сбросили товарные вагоны к западу от станции Синявская, в сторону Таганрога. Однако красные успели в ту же ночь исправить путь и на рассвете 26 декабря повели наступление на станцию Синявская, где оставался один бронепоезд «Орел». Под натиском противника бронепоезд был вынужден отходить. Когда он прошел несколько верст, то прибыл на поддержку со стороны Ростова тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита». Боевая часть его состояла в это время из бронеплощадки с одним пятидюймовым орудием, установленным на тумбе. Такая установка позволяла более точный прицел и быструю стрельбу. Имелось также несколько пулеметов. Боевой частью бронепоезда «Иоанн Калита» командовал в этот день подпоручик И. В. Борисов. ^[58] Наши два бронепоезда двинулись тотчас к станции Синявская, находясь все время под сильным артиллерийским огнем красных. Бронепоезд «Иоанн Калита» был поставлен между двумя выступами крутого склона, получив таким образом некоторое прикрытие от неприятельского обстрела. Сначала было трудно установить хорошее наблюдение из-за неровностей местности и построек. Но когда это удалось, командующий бронепоездом приказал вести частый огонь, по три выстрела пятидюймового орудия подряд. Один из неприятельских бронепоездов был подбит нашим огнем и увезен своим вспомогательным поездом, и противник отступил со станции Синявская. Затем бронепоезд «Иоанн Калита» ушел обратно на станцию Хапры для выяснения обстановки. Бронепоезд «Орел» продолжал занимать станцию Синявская, ведя непрерывную перестрелку с советскими бронепоездами.

Только к вечеру 26 декабря бронепоезд «Орел» был вынужден отойти на станцию Хапры. Вместо состава базы бронепоезда «Орел», оставленного в Донецком бассейне, была образована временная база из нескольких вагонов. Эти вагоны находились 26 декабря в расстоянии 1 версты к востоку от станции Хапры, в сторону Ростова. Впереди временной базы стояли, по-видимому, сплошной лентой до самого Ростова эшелоны с неподвижными паровозами, и представлялось невозможным вывезти

временную базу в Ростов. Поэтому когда по соседнему пути проходил в направлении Ростова поезд — «санитарная летучка», то на него были помещены тяжело больные тифом командир бронепоезда «Орел» капитан Савицкий и члены команды. Вечером 26 декабря в районе станций Гниловская и Хапры, примерно в 5 — 15 верстах к западу от Ростова, оказались пять наших бронепоездов, а именно: легкие бронепоезда «Слава Офицеру», «Генерал Корнилов», «Мстислав Удалой» и «Орел» и тяжелый бронепоезд «Иоанн Калита». Они все были задержаны слишком долго на железнодорожной линии от Таганрога к Ростову. Теперь у них оставалось с каждым часом все меньше надежды дойти до большого железнодорожного моста через Дон, к югу от Ростова, и отступить вместе с нашими войсками на южный берег Дона. Бронепоездам, стоявшим близ станции Хапры, было приказано поджечь все составы на этой станции, в том числе и составы баз бронепоездов. Об общей обстановке не было ясных сведений. Западнее станции Хапры, то есть позади бронепоездов, шел бой. Передавали, что арьергарду Дроздовской дивизии удалось остановить там преследующих красных. После того как составы на станции Хапры были подожжены, бронепоездам надлежало отходить к Ростову по левому пути, который казался более свободным. Бронепоезд «Слава Офицеру», находившийся на правом пути, ближе к станции Гниловская, успел осадить и перейти на левый путь у станции Хапры. Колонна бронепоездов медленно продвигалась в сторону Ростова. Потом бронепоездам пришлось остановиться, так как и левый путь был занят стоявшими поездными составами. Так колонна бронепоездов стояла некоторое время. Со стороны станции Ростов, то есть впереди бронепоездов, стала слышна сильная пулеметная стрельба, и были видны над городом разрывы шрапнели. Передавали, что советские войска уже проникли в город Ростов и что арьергард Корниловской дивизии пробивается через город на юг. По другим сведениям, стрельба в Ростове происходила вследствие восстания местных большевиков, с которыми еще можно было бы справиться. Распространился даже слух о том, что состоялось своего рода соглашение между командирами наших бронепоездов и комитетом рабочих—большевиков, образовавшимся в западном предместье Ростова. Комитету было как будто объявлено, что если ростовские большевики попробуют препятствовать отходу наших бронепоездов и будут их обстреливать, то с бронепоездов будет открыт по предместью артиллерийский огонь зажигательными снарядами. Таковые якобы имеются в большом количестве, и все предместье будет сожжено. Комитет рабочих—большевиков будто бы обязался не препятствовать отходу бронепоездов...

Команда одного из бронепоездов пыталась построить в темноте переход на соседний путь для своего боевого состава. Но для этой работы не хватало времени. Близ колонны бронепоездов увеличилось замешательство. Перед бронепоездом «Слава Офицеру», который был под командой капитана Харьковцева ^[59] и стоял головным в колонне бронепоездов, продолжали находиться два неподвижных поездных состава. На платформах этих составов были погружены танки. Командир танкового отряда объявил, что он сейчас взорвет танки и уйдет со своими подчиненными пешим порядком, так как двигаться дальше по железной дороге нет возможности. Путь к Ростову для наших бронепоездов был таким образом окончательно прегражден. Тогда полковник Селиков, ^[60] командир 4-го бронепоездного дивизиона, и капитан Харьковцев, командир бронепоезда «Слава Офицеру», приказали взрывать бронеплощадки, сняв с них прицельные приспособления и пулеметы. Это приказание было исполнено. Надлежало перейти пешком по льду через реку Дон, чтобы выйти на железнодорожный путь к узловой станции Батайск, примерно в 10 верстах к югу от Ростова. Переход через реку в ночь на 27 декабря оказался для команд бронепоездов гораздо труднее, чем предполагалось. Незадолго перед тем по реке Дон прошел ледокол, который проломал полосу льда шириной около 2 сажень. Пришлось доставать доски, при помощи которых команды бронепоездов перебрались через препятствие. Затем они дошли до станции Батайск. Команда бронепоезда «Слава Офицеру» отправилась пешком дальше, на следующую станцию Каяла, примерно в 15 верстах к югу от станции Батайск.

Этот переход был тоже трудным, так как пришлось идти по жидкой грязи, неся с собой больных чинов команды и пулеметы. Командир Добровольческого корпуса генерал Кутепов приказал капитану Харьковцеву сформировать бронепоездной батальон из команд бронепоездов, оставленных у Ростова. Но вскоре каждая из команд получила отдельное назначение.

Советские войска заняли Ростов 27 декабря. Через несколько дней после этого большие силы советских 8-й армии и конной армии Буденного переправились через Дон близ Ольгинской, в 10 верстах примерно к северо-востоку от станции Батайск, и атаковали наши войска с целью произвести прорыв в стыке фронта между войсками Добровольческого корпуса и левым флангом Донской армии. К вечеру 5 января 1920 года на станцию Батайск прибыл легкий бронепоезд «За Русь Святую». На станции уже находился тяжелый бронепоезд «На Москву». Оба эти недавно

сформированные бронепоезда входили в состав 6-го бронепоездного дивизиона, которым командовал полковник Баркалов. В этот же дивизион был включен и сформированный значительно раньше легкий бронепоезд «Генерал Дроздовский», который стоял во второй половине января на станции Тихорецкая, охраняя штаб главнокомандующего.

На узловой станции Батайск, к югу от Ростова, от главной линии Владикавказской железной дороги отходили две ветки: короткая ветка на Азов и ветка в сторону узловой станции Торговая (на линии Царицын — Тихорецкая). Таким образом, во время январских и февральских боев у станции Батайск наши бронепоезда могли выезжать по трем направлениям: на север — в сторону Ростова, на запад — в сторону Азова и на юго-восток по линии к станции Торговая. Ближайшая к Батайску станция на этой линии носила название Злодейская.

Командиром бронепоезда «За Русь Святую» состоял капитан Каньшин. Бронепоезд должен был получить три артиллерийские бронеплощадки усовершенствованной системы полковника Голяховского. Однако вследствие тяжелого положения на фронте нельзя было ждать их готовности. Поэтому в качестве боевой части бронепоезду «За Русь Святую» были переданы три старые бронеплощадки, принадлежавшие летом 1919 года легким бронепоездам «Витязь» и «Дмитрий Донской». На двух бронеплощадках были установлены 75-миллиметровые морские орудия, и на одной — трехдюймовое полевое орудие. Приходилось предвидеть трудности с получением 75-миллиметровых снарядов в достаточном количестве. Условия службы команды на этих площадках подходили больше к летнему, чем к зимнему времени. В составе боевой части бронепоезда «За Русь Святую» имелся также бронепаровоз и закрытая пулеметная бронеплощадка.

Командиром бронепоезда «На Москву» состоял полковник Карпинский. ^[61] Этот бронепоезд успел получить предназначенное ему вооружение. Его боевая часть состояла из двух бронеплощадок с пятидюймовыми английскими орудиями, двух бронеплощадок с шестидюймовыми морскими орудиями системы Кане, одной закрытой пулеметной бронеплощадки и бронепаровоза. Тяжелые орудия бронепоезда «На Москву» могли быть размещены на некотором расстоянии друг от друга, так как расцепленные бронеплощадки ставились на многочисленных запасных путях большой станции Батайск. Стрельба велась часто очередями, по два выстрела из тяжелых орудий того же калибра.

5 января вечером положение на станции Батайск было тревожным. Днем красные потеснили наши части и подошли совсем близко к станции.

В районе железнодорожного депо станции Батайск оставался только полевой караул от Корниловского полка, который просил о содействии бронепоезда в случае ночной атаки неприятеля. При входе на станцию бронепоезд «За Русь Святую» был обстрелян легкой батареей красных. Было приказано изготовиться к участию в ночном обстреле района города Ростова совместно с тяжелым бронепоездом «На Москву». Но это приказание было отменено. Бронепоезд «За Русь Святую» только выезжал к разрушенному железнодорожному мосту, к северу от станции Батайск, на участок, занятый сводным юнкерским отрядом (или полком). Бронепоезд простоял там всю ночь и утром 6 января отошел на станцию Батайск для снабжения.

Между тем новые крупные соединения советской конницы переправились с утра 6 января на южный берег реки Дон, и натиск противника усилился. Для борьбы с угрожавшим прорывом красных была двинута с запада, от Батайска, кавалерийская бригада генерала Барбовича, в которой были соединены многие кавалерийские части слабой численности, сохранившиеся из состава 5-го конного корпуса во время общего отступления. С востока, со стороны станции Злодейская, были двинуты против красных части Донской армии. Целый день к востоку от Батайска на обширных, покрытых снегом равнинах шел бой больших конных масс с участием конной артиллерии. Наблюдателям со станции Батайск казалось, что на белом фоне снега происходят передвижения многочисленных частей конницы красных вплоть до самого горизонта. Бронепоезд «За Русь Святую» обстреливал атакующие конные лавы красных из 75-миллиметровых орудий на дистанции до 7 верст. Тяжелый бронепоезд «На Москву» обстреливал советскую конницу из четырех тяжелых орудий с большим успехом и на еще более значительном расстоянии. К вечеру бой конницы стал затихать. Но тогда неприятельская пехота повела наступление вдоль железнодорожной линии Ростов — Батайск. Бронепоезд «За Русь Святую» был срочно вызван на этот участок и начал обстреливать из орудий цепи красных, атаковавшие части Корниловского полка. Неприятельские батареи вели сильный огонь по нашему расположению справа и слева от Батайска, но оставили без внимания обращенную к ним окраину селения и бронепоезд «За Русь Святую». Таким образом, бронепоезд мог продолжать обстрел наступающей пехоты красных с близкой дистанции. К ночи все атаки противника были отбиты и бронепоезд «За Русь Святую» вернулся на станцию Батайск. В тот же день 6 января бронепоезд Донской армии «Атаман Платов» выезжал по короткой железнодорожной ветке Батайск —

Азов, протяжением около 20 верст.

На следующий день наступали со стороны Ростова на Батайск лишь небольшие пехотные части красных. Под огнем бронепоезда «За Русь Святую» они залегли и с наступлением темноты ушли обратно к Ростову. В это время в район Батайска прибывали кубанские и терские конные части из корпуса генерала Топоркова.

8 января с утра начался бой между нашей конницей и конницей красных к востоку от Батайска. В то же время от Ростова и станции Гниловской наступала советская пехота. Станция Батайск оборонялась частями Корниловской дивизии и сводным юнкерским отрядом. Западнее находились части Дроздовской дивизии. Тяжелый бронепоезд «На Москву» усиленно обстреливал ясно видную на фоне снега к востоку от Батайска атакующую конницу красных. Бронепоезд «За Русь Святую» выехал утром на Ростовское направление и открыл артиллерийский огонь по густым цепям советской пехоты, шедшим на Батайск от Нахичеванской переправы. Несколько неприятельских батарей открыли по бронепоезду сильный огонь. Но бронепоезд «За Русь Святую» оставался на позиции у семафора станции Батайск до смены донским бронепоездом «Атаман Платов». Днем бронепоезд «За Русь Святую» принял участие в обстреле конных батарей и конных групп красных к востоку от Батайска. К вечеру бронепоезд был вызван снова на Ростовское направление, где красные перешли в наступление на участке Корниловского полка. Бронепоезд выехал на ту же позицию, на которой он находился утром, и стал на невысокой насыпи, примерно в 200 саженях за редкой цепью лежавшей на снегу нашей пехоты. Бронепоезд «За Русь Святую» открыл беглый огонь с насыпи через эту цепь по советской пехоте, как раз поднявшейся для атаки. Тогда цепи противника залегли за пределами ружейного огня, а бронепоезд продолжал их обстреливать, не позволяя продвигаться. Батареи красных заметили выехавший бронепоезд «За Русь Святую» и открыли по нему частый огонь. Несколько снарядов попало в соседний путь рядом с бронепоездом; один снаряд разорвался на контрольной площадке; другие снаряды ложились близко от открытых бронеплощадок, засыпая их осколками. Однако бронепоезд «За Русь Святую» продолжал обстреливать пехоту красных. Вечером 8 января стало известно, что наступление красных отбито по всему фронту. Генерал Топорков, лично управлявший боем, был ранен. В течение следующих дней нашим бронепоездам было разрешено стоять на станции Батайск, в готовности к выезду на позиции. Происходила лишь редкая артиллерийская перестрелка.

На правом фланге Вооруженных сил Юга России войска Кавказской

армии постепенно отступали вдоль железной дороги Царицын — Тихорецкая. Бронепоезд «Генерал Алексеев» участвовал 1 и 2 января 1920 года в боях у станции Котельниково, на расстоянии примерно 325 верст к северо-востоку от станции Тихорецкая. После этого станция Котельниково была оставлена нашими войсками и мост через реку Сал сожжен. Во время арьергардного боя 5 января у станции Гашун, приблизительно в 265 верстах от станции Тихорецкая, был убит машинист бронепоезда «Генерал Алексеев». 9 января бронепоезд отошел до станции Двойная, примерно в 200 верстах от станции Тихорецкая. Бронепоезд «Вперед за Родину» стоял в первые дни января на станции Тихорецкая, на охране штаба Кавказской армии. Вагон командующего армией охранялся офицерским караулом от бронепоезда. Затем бронепоезд «Вперед за Родину» был отправлен на станцию Ея, примерно в 45 верстах от станции Тихорецкая. 8 января, после вызова на станцию Тихорецкая, бронепоезд «Вперед за Родину» был послан через 4 часа обратно по тому же пути и дальше — на станцию Великокняжеская, в 165 примерно верстах от станции Тихорецкая. На северо-восточном Кавказе находился в это время бронепоезд «Офицер», получивший в декабре взамен погибшей боевой части три бронеплощадки с орудиями и бронепаровоз из мастерских станции Тихорецкая. С 28 декабря 1919 года по 2 января 1920 года бронепоезд «Офицер» нес сторожевую службу на участке около 65 верст между станциями Гудермес и Чир-Юрт, к востоку от станции Грозный. 3 января бронепоезд был отправлен на станцию Минеральные Воды, но прошел лишь до узловой станции Прохладная. Там было получено приказание немедленно следовать по другой железнодорожной линии — на Кизляр — для выручки захваченного красными недавно сформированного бронепоезда «Олег». 4 января бронепоезд «Офицер» вместе с составом своего резерва прибыл на станцию Червленая и двинулся дальше к станции Кизляр. Не имея вспомогательного поезда, бронепоезд «Офицер» должен был чинить испорченный во многих местах путь своими средствами. Поэтому он не успел подойти до наступления темноты к боевому составу бронепоезда «Олег», который был подбит и захвачен красными в 15 верстах от станции Кизляр. 5 января бронепоезд «Офицер» атаковал противника, со стороны которого стреляла батарея и одно орудие с захваченной бронеплощадки бронепоезда «Олег». Вскоре артиллерийский огонь противника был подавлен и бронеплощадка с орудием подбита. Тогда бронепоезд «Офицер» вывез часть боевого состава бронепоезда «Олег», а именно: одну орудийную и одну пулеметную бронеплощадки и бронепаровоз. Другая орудийная бронеплощадка бронепоезда «Олег» была ночью увезена

красными с помощью впряженных волов на станцию Кизляр. 6 января бронепоезд «Офицер» вывез третью орудийную бронеплощадку бронепоезда «Олег», которая находилась у моста через реку Таловка. На следующий день город Кизляр был занят нашими войсками без боя.

На железнодорожной линии к востоку от станции Грозный выполнял сторожевую службу бронепоезд «Терец». В ночь на 4 января прибыли со станции Грозный три эшелона с отрядом для наступления на Андре-аул. Бронепоезду была дана задача поддерживать это наступление. В случае появления повстанцев со стороны аула Костек надлежало задерживать противника, прикрывая тыл отряда и станцию Хасав-Юрт. К вечеру аул был взят и частью сожжен. Противник отошел в горы. 8 января наш отряд двинулся на аул Костек. Бронепоезд «Терец» и недавно сформированный бронепоезд «Апшеронец» получили задачу: в случае отхода повстанцев в горы не дать им перейти линию железной дороги между станциями Хасав-Юрт и Чир-Юрт. Эта задача была выполнена.

* * *

После оставления Одессы [\[62\]](#) и всего пространства к западу от Днепра фронт военных действий Вооруженных сил Юга России против красных сократился. Борьба значительных сил противников у северных выходов из Крыма еще не начиналась. Зато в феврале 1920 года развивались с переменным успехом упорные бои на фронте у Ростова и к юго-востоку от него, близ границы Донской и Кубанской областей. Штаб главнокомандующего выработал план короткого наступления войск Добровольческого корпуса и примыкавших к его правому флангу частей Донской армии. Совместное наступление этих наших войск и переправа через нижнее течение реки Дон должны были привести к образованию плацдарма вокруг Ростова и Нахичевани для будущих более широких наступательных действий.

Подготовка к наступлению на Ростов происходила в Батайске в первые дни февраля. Бронепоезд «За Русь Святую» выезжал ночью к железнодорожному мосту. Производилась разведка пути до маленькой станции Заречная, были осмотрены повреждения на первом виадуке, и была построена обводная линия в обход железнодорожного моста.

С рассветом 7 февраля началось наступление пехотных дивизий Добровольческого корпуса и кавалерии генерала Барбовича на их правом фланге. Артиллерийская стрельба все усиливалась. В Батайск прибыл генерал Кутепов. Примерно в 9 часов утра колонна бронепоездов двинулась к Ростову. Впереди шел бронепоезд Донской армии «Атаман Самсонов» под командой поручика Воронова. Этот бронепоезд был вооружен

трехдюймовыми орудиями, между тем как на вооружении бронепоезда «За Русь Святую» было лишь одно трехдюймовое орудие и два морских 75-миллиметровых орудия. Запас снарядов для этих двух орудий был тогда весьма ограничен, чем и объясняется решение поставить бронепоезд «За Русь Святую» в колонне позади бронепоезда «Атаман Самсонов». Вслед за двумя легкими бронепоездами шел вспомогательный поезд и на некотором расстоянии за ним — одна площадка тяжелого бронепоезда «На Москву». Главная часть боевого состава этого бронепоезда вышла к железнодорожному мосту у Батайска для борьбы с батареями красных. Сейчас же за первым виадуком колонна бронепоездов остановилась для починки пути. Вплоть до маленькой станции Заречная у южного берега реки Дон железнодорожный путь был испорчен во многих местах. Рельсы были сняты в шахматном порядке. После первой же остановки колонна бронепоездов оказалась под сильным обстрелом неприятельских батарей с северо-востока, со стороны Нахичевани. Противник мог хорошо вести наблюдение. Прямое, обсаженное деревьями железнодорожное полотно резко выделялось на снежной равнине. Поскольку деревья были без листвы, они не могли служить укрытием для поездных составов с дымящими паровозами. Неприятельский снаряд попал в соседний путь рядом с бронепоездом «За Русь Святую», но не разорвался. Другой снаряд пробил контрольную площадку. В течение всего дня 7 февраля сильный мороз сопровождался ветром, и номера при орудиях на наших артиллерийских открытых бронеплощадках весьма страдали от холода. Бронепоезду «За Русь Святую» было приказано не стрелять до получения особого распоряжения об этом. После того как бронепоезда медленно прошли около 5 верст и остановились для новой починки пути, вблизи от них стали ложиться и тяжелые снаряды красных. В это время бронепоезд противника препятствовал продвижению частей Корниловского полка, и бронепоезд «За Русь Святую» получил разрешение открыть огонь. Около 15 часов наши бронепоезда вошли на станцию Заречная под продолжавшимся артиллерийским обстрелом. К нему присоединился и пулеметный огонь во фланг с набережной реки Дон. Части Корниловского полка овладели предместьем Темерник и спускались к вокзалу Ростова. Батареи красных, стоявшие в городе, открыли беглый огонь по Темернику, железнодорожному мосту и станции Заречная. Бронепоезд «За Русь Святую» обстреливал из пулеметов набережную и, по указанию нашей пехоты, верхние этажи некоторых домов в городе, откуда стреляли пулеметы неприятеля. После осмотра пути до железнодорожного моста через Дон и самого моста бронепоезда «Атаман Самсонов» и «За Русь

Святую» прошли через него на станцию Ростов. Но так как время для осмотра моста было ограничено, то среди команд некоторые испытывали беспокойство: а вдруг мост все-таки взорвется при проходе одного из наших бронепоездов? К этому времени части Корниловского полка прошли вокзал и вели наступление уже в городе. Улицы близ станции были совершенно пусты. В речке, впадавшей в Дон, лежал на боку танк, вероятно оставленный нашими войсками при отходе в декабре. Иногда по бронепоездам стреляли из винтовок откуда-то сверху. В тот же день, 7 февраля, донские части генерала Гусельщикова заняли станцию Аксайская и этим перерезали железнодорожную линию Ростов — Новочеркасск. Нашими войсками были захвачены целиком или частично советские бронепоезда: «Товарищ Ленин — номер 1-й», — «Гром» (сошедший с рельс на станции Заречная), «Красный кавалерист» и «Свободная Россия», а также бронепаровоз с надписью «Смерть директории» и состав базы бронепоезда «Товарищ Руднев». Поздно ночью наши бронепоезда возвратились на станцию Батайск.

8 февраля оказалось, что к концу ночи красные потеснили наши части и снова заняли город Ростов. Но части Корниловского полка удерживали Темерник. Бронепоезд «Атаман Платов», остававшийся на станции Заречная, должен был отойти из-за недостатка воды в паровозе. Бронепоезда «Атаман Самсонов» и «За Русь Святую» пошли к Ростову после 9 часов и вскоре оказались под обстрелом неприятельской батареи. По пути была замечена наша легкая батарея, становившаяся на позицию в глубоком снегу, как будто для стрельбы по Ростову. У станции Заречная наши бронепоезда были обстреляны тяжелыми орудиями красных. Видно было, как шрапнель противника рвется над кладбищем на горе, где удерживались наши войска. Бронепоезд «За Русь Святую» открыл огонь по наблюдательному пункту красных, обнаруженному на одном высоком доме, а затем перенес огонь на площадь у собора в городе, где, по-видимому, стояла неприятельская батарея. Вскоре артиллерийский огонь противника прекратился. Бронепоезда «Атаман Самсонов» и «За Русь Святую» перешли по мосту на станцию Ростов и получили приказание от начальника штаба Корниловской дивизии двигаться в сторону станции Нахичевань, примерно в 10 верстах от станции Ростов, чтобы поддерживать дальнейшее наступление частей Корниловской дивизии. Однако бронепоезда не могли продвинуться далеко в этом направлении, так как пути были загромождены поездными составами. Отойдя на станцию Ростов для снабжения водой и топливом, бронепоезд «За Русь Святую» стал рядом с так называемой «летучкой» — хорошо оборудованным

санитарным поездом — «Имени 1-й Донской дивизии». Этот санитарный поезд был захвачен красными со всем личным составом, который был принужден обслуживать неприятеля. Заведовавшие личным составом советские комиссары успели бежать, а освобожденные из плена наши сестры милосердия приветствовали офицеров бронепоезда. Незадолго до полуночи бронепоезд «За Русь Святую» отошел в Батайск, уведа туда вышеупомянутый санитарный поезд.

9 февраля бронепоезд «За Русь Святую» находился утром близ вокзала Ростова. Город был окончательно занят войсками Добровольческого корпуса. На бронепоезд возвратились двое солдат, которые отстали при отходе в декабре и скрылись от красных. На одном из запасных путей был обнаружен товарный вагон, на одну треть наполненный географическими картами. Никто его не охранял. Прибыл на станцию Ростов «1-й Отдельный тяжелый» бронепоезд, боевая часть которого состояла тогда из трех шестидюймовых орудий. После полудня бронепоезд «За Русь Святую» начал продвигаться в сторону станции Нахичевань. На крутом подъеме оказалось несколько брошенных составов, которые, по-видимому, расцеплялись по частям. Видно было немало мертвых тел. В одном месте ими был наполнен целый вагон. Труп какого-то советского начальника лежал на спине, с раскинутыми руками. На нем были красные шаровары с широким золотым лампасом.

Бронепоезду не удалось пройти от станции Ростов дальше 3 верст, так как у переезда «777-й версты» был взорван мостик и не было средств для его скорой починки. Около 22 часов стало известно, что вследствие опасного положения на направлении Царицын — Тихорецкая предстоит отход наших войск из Ростова. Сказалось большое численное превосходство конницы красных над нашими конными частями. Выставив против них заслон, часть кавалерии Буденного продолжала свое движение в сторону Кубанской области. Бронепоезд «За Русь Святую» должен был остаться на станции Ростов последним после отхода нашей пехоты. В 4 часа 10 февраля были начаты маневры на станции Ростов. Подрывники Корниловской дивизии подготовили взрывы по указаниям командира бронепоезда. Решено было взорвать динамитом крестовины у стрелок, как наиболее трудно заменимые части пути. Еще не осведомленные о положении жители города спокойно собрались в большом числе с ведрами, чтобы набрать воды. Когда им махали, чтобы они поскорее уходили, это не было понятно. Внезапно загрохотали взрывы, и лишь тогда жители города разбежались во все стороны. К бронепоезду подходили отдельные офицеры, чтобы «узнать о положении», они были поражены вестью о почти

законченном оставлении Ростова нашими войсками. К боевому составу бронепоезда было прицеплено несколько вагонов для воинских чинов и беженцев. После отхода на станцию Заречная там тоже были взорваны входные стрелки со стороны Ростова. Видны были отдельные группы людей, поспешно уходивших по льду на южный берег реки Дон. С наступлением темноты бронепоезд «За Русь Святую» отошел со станции Заречная на станцию Батайск. Туда успели вывезти взятые боевые площадки советских бронепоездов, а также часть бронеплощадок наших бронепоездов «Иоанн Калита» и «Слава Офицеру», которые были оставлены у Ростова при отступлении в конце декабря 1919 года.

Отступление очень ослабленных в смысле численности войск Кавказской армии продолжалось в начале февраля 1920 года. Бронепоезда «Генерал Алексеев» и «Вперед за Родину» вели 3 февраля совместно с частями 2-й пластунской бригады арьергардный бой при эвакуации узловой станции Торговая, примерно в 135 верстах к северо-востоку от станции Тихорецкая. Ночью наши бронепоезда отошли на станцию Развильная, в 100 верстах от станции Тихорецкая. 5 февраля командир 1-го Кубанского корпуса приказал бронепоездам «Генерал Алексеев» и «Вперед за Родину» выехать в сторону станции Торговая для установления связи с войсками Донского корпуса генерала Павлова. Части этого корпуса, по непроверенным сведениям, подошли к станциям Великокняжеская и Торговая. Шедший впереди бронепоезд «Вперед за Родину» наскочил на большой снежный занос на полотне. Контрольная площадка сошла с рельс и свалилась под откос, и был порван фаркоп передней оружейной площадки. Наши бронепоезда вернулись на станцию Развильная, откуда неисправная бронеплощадка была отправлена в ремонт на станцию Тихорецкая. 6 февраля бронепоезда «Генерал Алексеев» и «Вперед за Родину» стояли в резерве на станции Песчаноокопская, примерно в 85 верстах от станции Тихорецкая. В 20 часов оба бронепоезда взяли десант от 2-й пластунской бригады и выехали в направлении к станции Торговая для новой попытки установить связь с войсками корпуса генерала Павлова. Ночью у шедшего впереди бронепоезда «Генерал Алексеев» оторвалась задняя контрольная платформа. Она пошла назад под уклон и наскочила на передние контрольные платформы бронепоезда «Вперед за Родину». Платформы были при этом настолько повреждены, что обоим бронепоездам пришлось вернуться на станцию Песчаноокопская. Затем бронепоезд «Вперед за Родину» снова вышел в указанном направлении и дошел до станции Развильная с большими трудностями из-за снежных заносов. На следующий день, 7 февраля, бронепоезда «Генерал Алексеев»

и «Вперед за Родину» вышли со станции Развильная на разведку в сторону станции Торговая. Пройдя примерно 20 верст до станции Крученская, бронепоезда обнаружили разъезды конницы красных и обстреляли их. Вне досягаемости артиллерийского огня можно было наблюдать большие неприятельские колонны, которые двигались в сторону станции Тихорецкая. Донеся о замеченном, наши бронепоезда возвратились на станцию Песчаноокопская. Оттуда бронепоезд «Вперед за Родину» перешел 8 февраля на станцию Белоглинская, примерно в 65 верстах от станции Тихорецкая, для охраны штаба 1-го Кубанского корпуса.

9 февраля утром бронепоезд «Генерал Алексеев» занимал позицию около станции Песчаноокопская, а бронепоезда «Вперед за Родину» и «2-й Отдельный тяжелый» находились на станции Белоглинская, примерно на 20 верст дальше к юго-западу. На этой станции находился также состав штаба 1-го Кубанского корпуса. Около 11 часов наши разъезды донесли, что красные обошли село Белая Глина и зашли в тыл станции. Для проверки донесения был выслан бронепоезд «Вперед за Родину». Пройдя около версты, бронепоезд встретил лаву конницы красных, направлявшуюся от села Белая Глина к железнодорожному полотну. Бронепоезд открыл огонь, и в это время станцию Белоглинская начали спешно эвакуировать. Первым вышел со станции состав штаба 1-го Кубанского корпуса, за ним «2-й Отдельный тяжелый» бронепоезд, а затем вспомогательный поезд. Бронепоезд «Вперед за Родину», обстреливая лаву красных, продолжал двигаться в направлении следующей станции Ея, от которой было около 45 верст до станции Тихорецкая. Когда бронепоезд подошел ко взорванному участку пути, команда начала его починку, несмотря на обстрел. Между тем красные, захватившие в селе Белая Глина легкую батарею гренадерской дивизии, открыли из взятых ими орудий частый огонь по бронепоезду «Вперед за Родину». Бронепоезд стал стрелять по батарее, но вскоре был подбит бронепаровоз и одно из орудий бронепоезда. Отход к своим частям представлялся невозможным. К команде бронепоезда присоединились для обороны чины штаба 1-го Кубанского корпуса во главе с командиром корпуса генералом Крыжановским. Вместе с ними команда бронепоезда «Вперед за Родину» отбивалась в течение двух часов от атак многочисленной конницы красных. Бой кончился тем, что часть команды была зарублена, а часть взята в плен. В бою 9 февраля были убиты из личного состава бронепоезда «Вперед за Родину»: штабс-капитан Романов, поручики Кириленко и Иванов, подпоручик Термен и 14 солдат. Захвачены неприятелем две орудийные бронеплощадки системы Голяховского. Командир корпуса генерал

Крыжановский был зарублен. Красные захватили также «2-й Отдельный тяжелый» бронепоезд в составе двух бронеплощадок с шестидюймовыми орудиями. Командир бронепоезда полковник Положенцев и три офицера были взяты в плен, но двум офицерам удалось бежать от красных. Между тем находившийся ближе к фронту, около станции Песчаноокопская, бронепоезд «Генерал Алексеев» получил приказание отходить, прикрывая малочисленные части 1-го Кубанского корпуса, всего не более 700 человек. Со стороны станции Белоглинская стала слышна сильная артиллерийская стрельба. Попытка включиться в железнодорожный телефонный провод, чтобы выяснить обстановку, была безуспешной. Станция Белоглинская не отвечала. Высланная с бронепоезда «Генерал Алексеев» разведка установила, что эта станция прочно занята большими силами неприятельской конницы с артиллерией. Остатки частей 1-го Кубанского корпуса не вступали в бой и старались отходить к станции Павловской. Вскоре стало видно, что кавалерия красных их нагнала и рубит, захватывая артиллерию. Бронепоезд «Генерал Алексеев» открыл тогда огонь по станции Белоглинская и сделал попытку пробиться на следующую станцию Ея. Однако шедший впереди вспомогательный поезд сошел с рельс на входных стрелках станции Белоглинская. С этого момента красные перестали стрелять по бронепоезду, будучи уверены, что он им скоро достанется. В части команды, состоявшей из кубанцев, стало заметно нежелание сопротивляться. Около 16 часов стало темнеть. Тогда бронепоезд «Генерал Алексеев» внезапно двинулся полным ходом обратно по направлению к станции Песчаноокопская. Не доезжая до этой станции верст пять, бронепоезд остановился. Были сняты панорамы и затворы с орудий и испорчены тяжелые пулеметы, и команда с легкими пулеметами оставила боевой состав для отступления пешим порядком к станции Павловской. Перед уходом от железной дороги боевой состав бронепоезда был пущен полным ходом без механика в сторону станции Песчаноокопская с целью привести бронеплощадки в негодность. Команда бронепоезда «Генерал Алексеев» и часть команды вспомогательного поезда, всего около 65 человек, прибыли к вечеру 12 февраля на узловую станцию Кавказская, не встретив по пути красных. Неприятельские конные отряды успели произвести нападение на железнодорожную линию Тихорецкая — Кавказская, испортили путь и телеграфную линию. Станция Кавказская была занята красными в течение часа. В это время состав базы бронепоезда «Генерал Алексеев» находился на одной из промежуточных станций и прибыл на станцию Кавказская через два часа после ухода с нее неприятеля.

10 февраля по приказанию начальника обороны Тихорецкого узла генерала Шифнер–Маркевича был сформирован сборный бронепоезд в составе одной орудийной бронеплощадки от бронепоезда «Генерал Алексеев» и одной орудийной бронеплощадки от бронепоезда «Вперед за Родину». Эти бронеплощадки находились перед тем в ремонте. Их стали обслуживать команды из личного состава соответствующих бронепоездов. В командование сборным бронепоездом вступил капитан Юрьев, [\[63\]](#) командир бронепоезда «Вперед за Родину». 11 февраля сборный бронепоезд выезжал на разведку в сторону станции Ея. 13 февраля сборный бронепоезд действовал у станции Порошинская, примерно в 20 верстах от станции Тихорецкая. 15 февраля на узловой станции Армавир бронеплощадка бронепоезда «Генерал Алексеев» была передана бронепоезду «Вперед за Родину». Команда с означенной бронеплощадки присоединилась к личному составу бронепоезда «Генерал Алексеев», находившемуся тогда в вагонах базы тоже на станции Армавир. После этого бронепоезд «Вперед за Родину» отправился на станцию Белореченская, на линии Армавир — Туапсе, а состав базы бронепоезда «Генерал Алексеев» был отправлен в сторону Екатеринодара.

Между тем в ближайшие дни после отхода наших войск от Ростова к Батайску происходило спешное формирование в Батайске нового легкого бронепоезда Добровольческой армии. Требовалось заменить для обороны Батайска бронепоезда Донской армии, которые были отозваны в это время на другое направление. Как раз можно было использовать некоторые бронеплощадки, только что захваченные нашими войсками у красных. Новый бронепоезд получил название «1-й Отдельный легкий». Командиром его был назначен штабс-капитан Вознесенский. Боевая часть была составлена из двух захваченных у неприятеля бронеплощадок. Одна большая четырехосная бронеплощадка входила в состав советского бронепоезда «Гром». С двух концов площадки помещались трехдюймовые орудия во вращающихся башнях. В закрытой части бронеплощадки между башнями были устроены как бы гнезда в стенках, позволявшие хранить снаряды в значительном количестве. Кроме того, «1-му Отдельному легкому» бронепоезду была передана одна бронеплощадка системы полковника Голяховского с одним трехдюймовым орудием в башне. Сквозь недавно наложенную неприятелем краску с надписью «Свободная Россия» можно было различить буквы прежней надписи, свидетельствовавшие о том, что бронеплощадка принадлежала первоначально нашему бронепоезду «Орел» и была, вероятно, оставлена при отходе к Ростову 27 декабря 1919 года. Личный состав для «1-го отдельного легкого» бронепоезда собирался

недостаточно быстро, почему на этот бронепоезд были временно откомандированы несколько чинов команды бронепоезда «За Русь Святую». В это же время захваченные у красных бронеплощадки были переданы нашему недавно сформированному легкому бронепоезду «Казак», прибывшему в Батайск.

11 февраля 1920 года бронепоезд «За Русь Святую» выезжал на разведку к станции Заречная, где уже был полевой караул красных. Под артиллерийским огнем бронепоезда красные поспешно скрылись, а бронепоезд был обстрелян по пути неприятельской батареей со стороны Нахичевани. На следующий день, 12 февраля, бронепоезду было приказано выйти на Ростовское направление и выяснить расположение батарей противника. Бронепоезд остановился открыто на высоком первом виадуке и открыл огонь по окраине Нахичевани. Он был вскоре замечен неприятелем и привлек на себя огонь нескольких батарей. Расположение батарей противника было сообщено для уточнения нашему наблюдательному пункту, находившемуся на водонапорной башне. Затем бронепоезд «За Русь Святую» отошел к железнодорожной будке близ станции Батайск и оставался там до вечера.

С утра 14 февраля большие силы красных переправились на южный берег реки Дон и перешли в наступление на Батайск. Около 11 часов густые цепи неприятеля с пулеметными тачанками и отдельными всадниками подошли весьма близко к окраинам Батайска, охватывая его с двух сторон. Дальше к востоку шла в колоннах кавалерия красных. Снаряды неприятельской артиллерии стали все чаще рваться на разных путях станции Батайск, где произошло некоторое замешательство. В обстановке крайней поспешности происходила погрузка снарядов на бронеплощадки. Была слышна сильнейшая пулеметная стрельба. Легкий бронепоезд «Казак» и часть тяжелого бронепоезда «На Москву» выехали на запад, по железнодорожной ветке на Азов, для содействия частям Дроздовской дивизии. Легкий бронепоезд «За Русь Святую» должен был выехать на юго-восток, по линии на станцию Торговая, ввиду угрозы прорыва конницы красных со стороны Ольгинской. Не сразу удалось найти под артиллерийским обстрелом проводника для выхода с большой узловой станции на соответствующее направление. Бронепоезд «За Русь Святую» дошел до первой от Батайска станции Злодейская, не обнаружив противника. Сюда за бронепоездом был прислан разведчик на паровозе с приказанием немедленно перейти на Ростовское направление, где продолжались упорные атаки. До этого на Ростовское направление выехал в свой первый бой «1-й Отдельный легкий» бронепоезд в составе двух

артиллерийских бронеплощадок и обыкновенного паровоза. При выезде под обстрелом со станции Батайск легкий бронепоезд оказался вблизи от четырех шестидюймовых орудий «1-го Отдельного тяжелого» бронепоезда, которые были направлены как бы непосредственно «через голову» легкого бронепоезда и могли бы начать стрелять каждую секунду. Однако выезд со станции Батайск закончился благополучно. Когда «1-й Отдельный легкий» бронепоезд подошел к железнодорожному мосту, то оказалось, что цепи красных весьма близко к окраине Батайска и наша пехота отходит. На открытом снежном пространстве справа были прекрасно видны пулеметные тачанки красных и отдельные орудия. Слева красные были несколько дальше, и там шел упорный бой с нашей пехотой. Два орудия бронепоезда начали стрелять налево, а одно орудие — направо. От близких разрывов неприятельских снарядов сыпались по орудийной башне осколки. Одно из неприятельских орудий спасалось по снегу вскачь. После прибытия на Ростовское направление бронепоезда «За Русь Святую» смененный «1-й Отдельный легкий» бронепоезд двинулся по ветке в сторону Азова. Не доходя нескольких верст до разъезда Кулешевка, бронепоезд встретил цепь Корниловского полка. Перед ней дальше виднелись цепи красных. «1-й Отдельный легкий» открыл по ним огонь. Части Корниловского полка перешли в наступление и преследовали неприятеля до реки Дон. Затем бронепоезду не удалось дойти до расположения частей Дроздовского полка, так как железнодорожный путь был взорван, а инструментов для починки пути не было. Стало темнеть. «1-й Отдельный легкий» бронепоезд вел еще некоторое время перестрелку с батареями противника. Вспышки от их выстрелов были ясно видны. Около 19 часов наши бронепоезда возвратились на станцию Батайск. Атаки красных были отбиты в этот день на всех участках нашего расположения в районе Батайска.

* * *

Отход войск Добровольческого корпуса от Батайска 17 февраля 1920 года превратился в тяжелое и долгое отступление, которое закончилось почти через месяц оставлением Новороссийска. Уцелевшие остатки частей Добровольческого корпуса были перевезены оттуда на пароходах в Крым. Для наших бронепоездов это было невозможно. Лишившиеся бронеплощадок команды превращались в малочисленные, слабо вооруженные группы. Но пока боевые составы бронепоездов еще существовали, их команды исполняли изо дня в день свой долг, прикрывая отступление главных сил Добровольческого корпуса вдоль Черноморско-Кубанской железной дороги. Эта недавно построенная линия протяжением

около 250 верст соединяла узловую станцию Кущевка с узловой станцией Крымская, примерно в 45 верстах от Новороссийска.

В 3 часа 17 февраля наши части получили приказание оставить станцию Батайск и отойти на линию реки Каял. Стало известно, что конница красных внезапно заняла станицу Ольгинскую, оттеснила части Марковской дивизии и вышла к станции Злодейская, на линии Батайск — Торговая. Эвакуация станции Батайск началась в темноте. Были отправлены эшелоны мастерских, огнескладов, танкового отряда и санитарные поезда. По линии от станции Торговая успел подойти еще санитарный поезд с ранеными и больными и был тотчас отправлен на юг по главной линии Владикавказской железной дороги. Под прикрытием бронепоезда «За Русь Святую» подрывники Алексеевской дивизии взорвали маленький железнодорожный мост и отошли на станцию. На рассвете бронепоезд обнаружил густые цепи красных, наступавшие со стороны Ростова по обе стороны железнодорожного полотна. Бронепоезд открыл огонь, и неприятельские цепи разошлись вправо и влево. Несколько орудий, шедших вместе с советской пехотой, снялись с передков и открыли сильнейший ответный огонь по бронепоезду. Около 11 часов бронепоезд «За Русь Святую», не позволявший красным подойти к Батайску с фронта, должен был отойти из-за угрозы его тылу со стороны обходящей части противника. В это время наша пехота уже отступила от станции, на которой оставался лишь бронепоезд «Казак». Этому бронепоезду было поручено поджигать оставшиеся вагоны со снарядами и интендантскими грузами. Сняв телефонные и телеграфные аппараты, наши бронепоезда отошли к депо станции Батайск. В это время красные вышли на площадь Батайска у собора и с южной окраины стали обстреливать бронепоезда пулеметным огнем. Бронепоезд «За Русь Святую» открыл артиллерийский и пулеметный огонь и отогнал советскую пехоту обратно в селение, а затем отошел за выходные стрелки. Красные поставили трехдюймовое орудие на церковной площади и открыли по бронепоезду беглый огонь. Один неприятельский снаряд попал в контрольную платформу, несколько других — в насыпь рядом с бронеплощадками. Под ответным огнем бронепоезда орудие противника замолчало. Но когда наши бронепоезда стали отходить к ближайшему разъезду Койсуг, то орудие красных перенесло огонь вдоль железнодорожного пути вперед. Первый же снаряд неприятеля попал в бронепоезд «Казак», отходивший впереди. Все находившиеся на одной из бронеплощадок чины команды были убиты или ранены. В 5 верстах от Батайска бронепоезд «За Русь Святую» был неожиданно обстрелян неприятельской батареей из засады. Однако ответным орудийным огнем

бронепоезд заставил батарею сняться с позиции и отойти. Прибыв на разъезд Койсуг, бронепоезд стал между двумя оставленными там пустыми поездными составами и ждал подхода неприятеля. Наши части уже отошли от Койсуга на юг. Когда колонна конницы красных поравнялась с разъездом, то бронепоезд «За Русь Святую» выехал из-за пустых вагонов и открыл огонь в упор из пулеметов и картечью. Вся колонна, силою около полка, смешалась и устремилась прочь, бросив убитых и раненых. С наступлением темноты бронепоезд пришел на станцию Каяла, примерно в 15 верстах к югу от Батайска.

21 февраля бронепоезд «За Русь Святую» ушел с узловой станции Куцевка, в 60 верстах примерно от Батайска, в западном направлении, на линию Черноморско-Кубанской железной дороги. 22 февраля бронепоезд выехал к станции Шкуринская, где вели арьергардный бой части Корниловской дивизии, и обстреливал окраины станицы Шкуринской, только что занятой противником. Красные отошли. Между тем тяжелый бронепоезд «На Москву» прибыл 28 февраля в Екатеринодар и оставался там несколько дней, так как был необходим ремонт всех его орудий на четырех бронеплощадках. 25 февраля бронепоезд «За Русь Святую» оставался на станции Стародеревянковская, в то время как наши войска продолжали отступление. На рассвете 26 февраля было получено приказание начальника Дроздовской дивизии поддержать внезапное нападение Сводно-Кубанского полка на станицу Ново-Минскую. Бронепоезд «За Русь Святую» двинулся к станции Албаши и по пути обогнал наступавший Сводно-Кубанский полк. Вскоре были замечены цепи красных, шедшие от Ново-Минской. Бронепоезд «За Русь Святую» открыл по ним фланговый огонь из орудий и пулеметов, а затем быстро зашел в тыл противнику, продолжая его обстреливать. Красным был отрезан путь отступления. Подошедшие тогда части Сводно-Кубанского полка взяли до 400 пленных и пулеметы. При дальнейшем преследовании противника бронепоезд «За Русь Святую» наскочил на взорванный путь. Контрольная платформа и передняя бронеплощадка сошли с рельс. Контрольная платформа была брошена, а бронеплощадка поднята на рельсы. Бронепоезд перешел ночью на станцию Коневская, дальше к югу. 28 февраля, после отхода на следующую станцию Живило, там была образована группа наших бронепоездов в составе бронепоезда «За Русь Святую», «1-го Отдельного легкого» и «1-го Отдельного тяжелого». Начальником группы был назначен командир тяжелого бронепоезда полковник Истомин. На этой части Черноморско-Кубанской железной дороги еще не действовало нормальное водоснабжение. Поэтому от команд

бронепоездов требовалась долгая и утомительная работа: накачивание в паровозы нефти и воды вручную. Воду подвозили в цистернах с тыла. Расход воды был большой, ибо при тревожной обстановке паровозы должны были находиться «под парами» все время. Для питья приходилось пользоваться той же водой из подвезенных цистерн, в которых прежде находилась нефть. На вид струя этой воды казалась прозрачной, но привкус и запах ее вызвали отвращение. Между тем чины команд не могли отлучиться далеко от боевых составов, хотя бы за хорошей питьевой водой, так как наши бронепоезда, двигавшиеся в арьергарде корпуса, могли получить приказание об уходе с каждой станции немедленно. Подрывники от Дроздовского полка взорвали 28 февраля большой мост между станциями Живило и Брюховецкая, после чего наши бронепоезда отошли на станцию Брюховецкая. В течение дня происходили перестрелки бронепоездов с неприятельской артиллерией, между тем как у только что оставленной станции Живило можно было наблюдать движение больших колонн и обозов красных за пределами дальности нашего артиллерийского огня. В тот же день, 28 февраля, командир Добровольческого корпуса генерал Кутепов послал телеграмму главнокомандующему, указывая на тяжелое положение на фронте и на необходимость подготовить в Новороссийске транспорты для посадки на них частей корпуса, которым может грозить окончательное истребление, а также офицеров других армий, которые желали бы присоединиться. Вместимость транспортов должна позволить принять до 10 000 человек.

Прикрыв отход частей Дроздовской дивизии из района станции Брюховецкая, наши бронепоезда прибыли 1 марта на узловую станцию Тимошевская, примерно в 65 верстах к северу от Екатеринодара. С утра шел сильный снег, покрывший густым слоем всю местность, а позднее несколько раз начиналась снежная метель, затруднявшая наблюдение. На станции Тимошевская были подслушаны телефонные разговоры красных об их наступлении. Бронепоезд «За Русь Святую» выехал в северном направлении, в сторону станции Брюховецкая, где предполагалось движение больших сил кавалерии красных. Однако были замечены и обстреляны только несколько всадников. По возвращении на станцию Тимошевская бронепоезд был снова вызван на то же направление: наша застава от Смоленского пехотного полка сообщила, что к ней подошла дрезина красных с пулеметами. Не обнаружив никакой дрезины, бронепоезд «За Русь Святую» стал у депо станции Тимошевская. Около полудня «1-й Отдельный легкий» бронепоезд был послан по линии в сторону Екатеринодара для установления связи с частями нашей кавалерии

генерала Барбовича. Узнав от разъездов, что эта кавалерия уже отступила на юг, «1-й отдельный легкий» бронепоезд двинулся обратно на станцию Тимошевская. В это время «1-й Отдельный тяжелый» бронепоезд стоял уже за мостом, в 2 верстах к югу от станции. По дороге, вдоль железнодорожного пути, шло между тем безостановочное отступление наших обозов и колонн. Около 14 часов сквозь падающий снег стали видны цепи красных, наступавшие с севера, со стороны станции Брюховецкая. Бронепоезд «За Русь Святую» выехал навстречу цепям и открыл по ним орудейный и пулеметный огонь. Неприятельские батареи, наступавшие вслед за цепями, открыли частый огонь по бронепоезду, но из-за плохой видимости их стрельба была не точной. Под огнем бронепоезда цепи красных были принуждены отойти вправо и влево от железнодорожного полотна. Возвращавшийся с разведки «1-й отдельный легкий» бронепоезд внезапно обнаружил наступающую цепь красных, открыл по ней огонь и успел войти на станцию Тимошевская. Когда бронепоезду «За Русь Святую» стал угрожать обход, он также отошел на станцию. Близ станции, за оградой из проволоки, были оставлены несколько сот ящиков со снарядами. Командир бронепоезда «За Русь Святую» выслал несколько человек из состава команды, чтобы поджечь брошенный склад снарядов и платформы. Во время этой работы на них неожиданно бросились несколько неприятельских всадников с обнаженными шашками. Чины команды успели вернуться на бронеплощадки, с которых для их прикрытия был открыт пулеметный огонь. В то время как «1-й Отдельный легкий» бронепоезд проходил по станции, направляясь в сторону моста, оказалось, что у части его пулеметов замерзла вода, налитая в кожухи. Это помешало бронепоезду поражать неприятельскую пехоту достаточно сильным огнем. Красные успели подбежать к бронепоезду настолько близко, что безостановочно обстреливали его из винтовок. Дальше редкая цепь Смоленского пехотного полка сдерживала неприятеля, но была принуждена отходить. Командир «1-го Отдельного легкого» бронепоезда послал одного из чинов команды с поручением осматривать перед медленно идущим боевым составом железнодорожный путь, засыпанный густо падавшим снегом, чтобы удостовериться в его целостности. На насыпи посланный был хорошо виден красным, которые иногда стреляли в него из винтовок, но другого способа осматривать путь не было. К счастью, стрельба красных была не точной. Так «1-й Отдельный легкий» бронепоезд благополучно дошел до моста, у которого заняли позицию части 3-го батальона Самурского полка, а затем отошел за мост. В стенке одной из бронеплощадок застряло дистанционное кольцо от неприятельской

шрапнели. Последним уходил со станции Тимошевская бронепоезд «За Русь Святую». В это время из оставленных поездных составов выбегали красные и неприятельские пулеметные тачанки пытались даже подскатать к бронепоезду. Справа подошла к станции колонна советской пехоты. Бронепоезд «За Русь Святую» встретил ее картечью и заставил поспешно отойти, а затем сам отошел к железнодорожному мосту. Батареи красных начали усиленный обстрел станции Тимошевская, полагая, что наш бронепоезд еще там. С наступлением темноты бронепоезд «За Русь Святую» отошел к следующей станции Величковка, медленно двигаясь на уровне нашей последней арьергардной части.

3 марта бронепоезда «За Русь Святую» и «1-й Отдельный легкий» прошли несколько верст на север от станции Величковка в сторону станции Тимошевская. Они обнаружили конницу и пехоту красных, двигавшиеся в колоннах по обе стороны железнодорожного пути. Бронепоезда открыли огонь, оттеснили противника в стороны и поддерживали части Дроздовской дивизии. С бронепоезда «За Русь Святую» своевременно заметили, что несколько человек пытаются подорвать путь позади бронепоезда. Заднее орудие бронепоезда обстреляло и прогнало их. На месте были обнаружены пироксилиновые шашки. Двигаясь вне досягаемости трехдюймовых орудий бронепоезда «За Русь Святую», советские войска повели наступление на станицу, которую занимали части Алексеевского полка. Когда наши войска отошли за реку, то был взорван оставшийся на станции огнесклад и испорчена деревянная водокачка. Затем наши бронепоезда оставили станцию Величковка и отошли за мост, который был после этого взорван. Вечером входившие в состав группы три бронепоезда прибыли на следующую станцию Ангельская. Там было получено известие, что большая колонна противника обошла левый фланг Добровольческого корпуса, заняла станицу Гривенскую и вышла на путь отступления частей Добровольческого корпуса, у станции Полтавская, к югу от станции Ангельская. Отряды конницы красных были уже настолько близко от станции Полтавская, что комендант ее снял аппарат и уехал. Связь со станцией Полтавская прервалась. Создалось угрожающее положение для большинства отходящих частей Добровольческого корпуса, которые могли быть отрезаны. На совещании начальников было решено двинуть части Корниловской дивизии при поддержке бронепоезда «За Русь Святую» и «1-го Отдельного тяжелого», чтобы выбить красных со станции Полтавская и удерживать ее, пока не пройдут все части корпуса. Всю ночь на станции Ангельская происходили необходимые маневры, погрузка снарядов и накачивание вручную нефти и воды в паровозы.

4 марта на рассвете бронепоезд «За Русь Святую» вышел со станции Ангельская, разместив на своих площадках в качестве десанта роту Самурского полка. Вскоре бронепоезд перегнал идущие вдоль железной дороги обозы и артиллерию Корниловской дивизии, а затем и ее пехотные части. На станции Полтавская все было тихо. Но накануне там действительно побывали так называемые «зеленые», ничего не попортившие. После того как части Корниловской дивизии закрепились на станции Полтавская, бронепоезд «За Русь Святую» ушел дальше на следующую станцию Протока. К вечеру 4 марта там собралась группа бронепоездов, в том числе и прибывший с юга легкий бронепоезд «Казак». С этой станции уже были видны вдали горы. В тот же или на следующий день «1-й Отдельный легкий» бронепоезд прикрывал отход арьергардного полка Дроздовской дивизии. Начальник Дроздовской дивизии поместился на бронепоезде. По пути к станции Ангельская были замечены большие силы конницы и артиллерии красных, двигавшиеся с востока к железной дороге. «1-й Отдельный легкий» бронепоезд открыл по ним огонь и заставил поспешно выйти из-под обстрела. Затем бронепоезд поравнялся с колонной арьергардного полка Дроздовской дивизии. Этот полк шел в полном порядке с оркестром музыки. За полком шли его конные разведчики, а за ними была видна конная лава красных и несколько пехотных цепей противника. «1-й Отдельный легкий» бронепоезд пропустил колонну Дроздовского полка и открыл частый огонь из двух орудий по преследующему неприятелю. Возможно, что в обстреле преследующих красных в этот день приняли участие и дальнобойные орудия «1-го Отдельного тяжелого» бронепоезда, но точных сведений об этом не имеется. Со стороны красных стал довольно точно стрелять по «1-му Отдельному легкому» бронепоезду гаубичный взвод. Когда арьергардный Дроздовский полк подошел на расстояние в 2 версты к станции Полтавская, «1-й Отдельный легкий» бронепоезд ускорил ход и вошел на эту станцию. Там уже не было наших эшелонов и обозов. Красные повели упорное наступление на части Корниловской дивизии, оставленные у станции Полтавская для обеспечения отхода. Батарея Корниловской дивизии стреляла беглым огнем. Бронепоезд выехал к семафору и тоже начал обстреливать красных, а потом оставался на станции до захода солнца. К этому времени подошел арьергардный батальон Дроздовского полка. Он был посажен на контрольные платформы. «1-й Отдельный легкий» бронепоезд несколько отошел и начал обстреливать из одного орудия окраину селения, уже занятого неприятелем. После 20 выстрелов с предельным откатом орудие испортилось. Тогда

бронепоезд двинулся к селению и отбросил пехоту противника пулеметным огнем. Вечером бронепоезд прибыл на станцию Протока.

Около 6 марта бронепоезд «За Русь Святую» выехал со станции Протока для разведки в сторону станции Полтавская, за большой мост через проток (северный рукав) реки Кубани. У моста уже работали наши подрывники. После того как бронепоезд продвинулся верст на пять, за перелесками внезапно показалась многочисленная красная конница. Бронепоезд «За Русь Святую» открыл по ней беглый огонь из двух орудий. Часть неприятельских всадников устремилась в сторону. Но в то же время по бронепоезду был открыт с близкого расстояния пулеметный и ружейный огонь. Слышно было, как щелкают пули о стенки и башни бронеплощадок. Вдруг с задней полуоткрытой бронеплощадки увидели, что из-за леска выскочили неприятельские всадники, спешили и бросились к железнодорожному пути позади бронепоезда. Они пытались испортить путь. Орудие задней бронеплощадки при движении бронепоезда полным ходом назад оказалось впереди. Это орудие стреляло по неприятельской группе вдоль пути на быстром ходу картечью. Миновав опасное место и перейдя по мосту, бронепоезд «За Русь Святую» вернулся на станцию Протока. Вскоре мост через проток реки Кубани был взорван. Бронепоезд оставался на станции Протока до наступления темноты и отошел с этой станции последним, посадив на площадки наши пехотные заставы. На следующий день бронепоезд «За Русь Святую» находился на станции Себедахово, южнее станции Протока. «1-й Отдельный легкий» бронепоезд ушел со станции Себедахово 7 марта и потерпел крушение в ночь на 8 марта, наскочив на паровоз с цистернами, шедший навстречу с узловой станции Крымская. Во время крушения и пожара погибли три офицера бронепоезда, подпоручики Мухин, Держируков и Одинцов, которые находились в товарном вагоне — «теплушке», поставленном впереди паровоза. 8 марта бронепоезд «За Русь Святую» выехал с узловой станции Крымская, примерно в 45 верстах от Новороссийска, на которой уже было исправное водоснабжение, и стоял некоторое время у взорванного моста через главное русло реки Кубани. Местами вдоль берега реки были вырыты окопы для нашей пехоты. Казалось, что все тихо. Чины команды бронепоезда не предполагали, что уже через пять дней произойдет оставление Новороссийска.

Множество больных сыпным тифом затрудняло действия наших войск. Эпидемия распространилась и среди команды бронепоезда «За Русь Святую». Боеспособных чинов команды оставалось все меньше. Принято было считать, что для обслуживания одного орудия бронепоезда надо

иметь десять номеров — артиллеристов, разделенных на две смены, которые выезжали на бронеплощадке по очереди. В начале марта 1920 года при одном из орудий бронепоезда оставалось лишь четыре номера, составлявшие единственную смену, постоянно выезжавшую на бронеплощадке. Кроме службы при орудии, им полагалось работать в нарядах для погрузок, накачивания нефти и т. д.

Несколько наших бронепоездов оставалось во второй половине февраля 1920 года на Кубани, позади фронта, и на северо-восточном Кавказе. Бронеплощадки тяжелого бронепоезда «Единая Россия» находились в ремонте на заводе «Кубаноль» в Екатеринодаре. Большинство команды бронепоезда было отправлено на станцию Линейная, примерно в 55 верстах от Екатеринодара. 19 февраля по приказанию начальника бронепоездных дивизионов был расформирован бронепоезд «Москва». Его две бронеплощадки с легкими орудиями были переданы бронепоезду «Орел», а бронеплощадка с тяжелым орудием была передана бронепоезду «Мстислав Удалой». Команда бронепоезда «Москва» была также распределена на пополнение означенных двух бронепоездов. В командование бронепоездом «Орел» вступил полковник Соллогуб. Бронепоезд «Офицер» находился до 27 февраля в Екатеринодаре для охраны Ставки и поезда главнокомандующего. 28 февраля, сопровождая Ставку, бронепоезд «Офицер» отправился в Новороссийск. Вследствие злого умысла бронеплощадка, предназначенная для следования в хвосте поезда главнокомандующего, сошла с рельс и прибыла к бронепоезду «Офицер» только через три дня. Бронепоезд «Генерал Корнилов» был отправлен около 20 февраля на железнодорожную линию Армавир — Туапсе. На этой линии уже находился бронепоезд «Вперед за Родину», который 19 февраля выходил на разведку к станции Гойтх, примерно в 35 верстах от Туапсе, для получения сведений о так называемых «зеленых». На бронепоезде «Вперед за Родину» был десант от 14-го пластунского батальона. Его сопровождал бронепоезд Донской армии «Атаманец». 23 февраля бронепоезд «Вперед за Родину» получил приказание перейти, по смене его бронепоездом «Генерал Корнилов», на станцию Крымская, в 45 верстах от Новороссийска. Смена состоялась, и бронепоезд «Вперед за Родину» прибыл 26 февраля на узловую станцию Армавир. Но в этот же день была занята красными узловая станция Кавказская, на той же главной линии Владикавказской железной дороги. Следовать дальше по назначению представлялось невозможным. К вечеру на станцию Армавир прибыл из Ставрополя командир Кубанского корпуса генерал Писарев. Командир бронепоезда «Вперед за Родину» явился к нему за

распоряжениями и получил задачу стоять на станции Армавир, охраняя ее и город от возможного выступления местных большевиков. 1 марта Армавир был оставлен нашими войсками и бронепоезд «Вперед за Родину» отошел вместе с частями 4-го Кубанского корпуса к станции Курганная, в 40 верстах примерно от Армавира, по направлению на Туапсе.

При отступлении наших войск вдоль железной дороги от Екатеринодара к станции Крымская бронепоезд «Орел» прибыл 6 марта в распоряжение штаба Донской армии на станцию Энем, в 10 верстах к югу от Екатеринодара. Бронепоезд «Орел» удерживал станцию Энем до полного отхода донских конных частей. Тяжелый бронепоезд «Единая Россия» перешел в начале марта в Новороссийск и был вызван оттуда на фронт, также в распоряжение штаба Донской армии. После 6 марта бронепоезд участвовал в арьергардном бою у станции Северская, примерно в 50 верстах от узловой станции Крымская.

На северо-восточном Кавказе бронепоезд «Терец» получил 13 февраля задачу восстановить железнодорожное сообщение по главной линии Владикавказской железной дороги, прерванное повстанцами у станции Нагутская, примерно в 35 верстах к северо-западу от станции Минеральные Воды. После этого бронепоезд «Терец» передвигался на том же участке, чередуясь с бронепоездом «Могучий». 17 февраля бронепоезд «Терец» был спешно отправлен по ветке на Святой Крест. Наши войска находились в это время близ станции Карамык на этой ветке, приблизительно в 40 верстах от узловой станции Георгиевск. Конница красных заняла селение Нины в тылу нашего отряда. Подойдя на 2 версты к станции Карамык, бронепоезд встретил конницу противника и вступил с ней в бой. Красные были принуждены отойти. 18 и 19 февраля наши части отступали в общем направлении на Георгиевск. Бронепоезда «Терец» и «Генерал Скобелев» вышли на расстояние до 15 верст от нашего расположения для разведки. С 22 по 25 февраля бронепоезд «Терец» участвовал в боях у станции Кума, в 25 верстах от станции Георгиевск, прикрывая отход наших войск. 27 февраля бронепоезд «Терец» остался на станции Кума последним, задерживая красных своим огнем. В это время нашей коннице удалось отбросить обходную колонну противника к железной дороге. Бронепоезд «Терец» вышел наперерез красным и нанес им большие потери орудийным и пулеметным огнем. 1 марта была оставлена станция Георгиевск. Бронепоезд «Терец» пропустил на станции последние уходившие поездные составы, а также бронепоезд «Генерал Скобелев», входивший в состав 7-го бронепоездного дивизиона. Затем бронепоезд «Терец» снял стрелки, взорвал несколько оставленных вагонов

и ночью отошел на юго-восток, в сторону станции Прохладная.

Между тем укрепились наша оборона у северных выходов из Крыма, и бронепоезда принимали в этой обороне постоянное участие. На железнодорожной линии Харьков — Севастополь, у моста через Сиваш, дежурили по очереди легкие бронепоезда «Дмитрий Донской», «Волк» и «Желбат-1». На бронепоезде «Желбат-1» орудие было переставлено на новую бронеплощадку, захваченную при отходе на станции Юзово. Затем этот бронепоезд получил название «Студент». 24 февраля, при отражении атак красных, бронепоезд «Студент» был подбит. Его лучшая бронеплощадка была разбита, а с остальными нельзя было нести службу в условиях позиционной войны. Поэтому бронепоезд был расформирован. Еще пригодная бронеплощадка была передана бронепоезду «Слава Кубани». Этот бронепоезд отправился на фронт в конце февраля 1920 года в составе одной артиллерийской бронеплощадки с двумя орудиями и одной пулеметной бронеплощадки, полученной от бронепоезда «Грозный». Входящая в состав бронепоезда «Слава Кубани» бронеплощадка с двумя зенитными орудиями была оставлена на узловой станции Джанкой для обороны от налетов авиации противника. В конце февраля 1920 года бронепоезд «Слава Кубани» стал выходить на позицию у моста через Сиваш, чередуясь с бронепоездами «Дмитрий Донской» и «Волк». Тогда же приняли участие в обороне позиции батареи 1-го дивизиона морской тяжелой артиллерии с орудиями на железнодорожных бронеплощадках. Затем бронепоезд «Дмитрий Донской» был отправлен в распоряжение начальника Керченского укрепленного района на случай отражения десанта красных с Таманского полуострова. Бронепоезд «Святой Георгий Победоносец» оставался для охраны побережья в портах Керчь и Феодосия.

* * *

Во время отступления в марте 1920 года многие бронепоезда Добровольческой армии дошли до конца железнодорожных линий на Кавказе: у Новороссийска, Владикавказа и Туапсе. Там их пришлось оставить, а уцелевшие части команд были перевезены по морю в Крым. Бронепоезд «За Русь Святую», находившийся на узловой станции Крымская, получил 10 марта приказание идти на станцию Тоннельная, в 20 верстах примерно от Новороссийска. При выезде была встречена часть тяжелого бронепоезда «На Москву». Ночью бронепоезд «За Русь Святую» прибыл на станцию Тоннельная. На следующий день, 11 марта, бронепоезд двинулся дальше, совместно с подошедшим бронепоездом «Слава Офицеру», для охраны пути к Новороссийску. На открытые контрольные

площадки бронепоезда «За Русь Святую» взобралось множество людей, не только воинские чины, но и гражданские лица, в том числе много калмыков с женщинами и детьми. Временно командующий бронепоездом приказал согнать их всех с площадок, ибо возить посторонних людей на бронепоезде не полагается. Дежурный по бронепоезду исполнил полученное приказание формально, так как сознавал тяжкое положение этих людей при отсутствии каких бы то ни было обыкновенных поездов в сторону Новороссийска. Громким голосом дежурный предложил всем немедленно сойти с площадок, после чего повернулся к контрольным площадкам спиной и ушел, не оборачиваясь, на одну из бронеплощадок. Состав бронепоезда тронулся. Около 15 часов бронепоезд «За Русь Святую» прибыл на станцию Новороссийск, минуя многочисленные поездные составы на запасных путях. Некоторые чины команды были отпущены в город и вернулись затем на бронепоезд, рассказывая о тревожных впечатлениях. Распространился слух о том, что главнокомандующий уже уехал; толпы растерянных людей; дороговизна продовольствия... Около 20 часов бронепоезда «За Русь Святую» и «Слава Офицеру» отправились из Новороссийска обратно в сторону станции Тоннельная. Ночью эти бронепоезда были задержаны надолго на первой станции Гайдук, в 10 верстах от Новороссийска. Нельзя было двигаться дальше, так как со стороны станции Тоннельная шли один за другим большие составы по 60 и 70 вагонов. Наконец бронепоезд «Слава Офицеру» вернулся в Новороссийск. Бронепоезд «За Русь Святую» вышел в сторону станции Тоннельная без предупреждения, так как железнодорожный телеграф был испорчен.

12 марта утром на станции Тоннельная бронепоезд «За Русь Святую» встретил бронепоезд «Генерал Черняев», который уходил в сторону Новороссийска, не получив согласия на это от железнодорожного начальства. Дул сильный ветер, нагонявший дождь и туман. По временам туман разрывался клочьями, а затем снова становился густым. Около 10 часов из этого тумана внезапно начался артиллерийский обстрел станции Тоннельная. Со стороны цементного завода стала слышна все усиливавшаяся ружейная и пулеметная стрельба. Бронепоезд «За Русь Святую» отвечал противнику редкими орудийными выстрелами в сторону стрелявшей неприятельской артиллерии и продолжал прикрывать отправку поездных составов в направлении к Новороссийску. Среди поездов был состав штаба Кубанской армии, санитарные и технические поезда. Иногда на крышах вагонов были установлены пулеметы. На ступеньках вагонов едва держались гроздья людей. Множество воинских чинов, отделившихся

от своих частей, или людей, одетых в английское обмундирование, старались влезть даже на ходу в отправляющиеся поезда. Бежали к ним, бросая не только свои сумки и мешки, но и оружие. Было тяжело слышать лязг бросаемых винтовок, ударявшихся о рельсы. Остававшиеся вагоны базы бронепоезда «За Русь Святую» были тоже отправлены в Новороссийск, будучи прицеплены к одному из составов. По двум параллельным дорогам в селении, ниже железнодорожного полотна, стремились сплошные потоки всадников и разных повозок. Затем мимо бронепоезда по рельсам стали проходить рысью или галопом части 7-й Донской дивизии. ^[64] Наконец, на горе стали на позицию два наших орудия и начали более успешно обстреливать неприятеля. Бронепоезд «За Русь Святую» перестал стрелять из-за мешавших поездных составов и из-за тумана, а также для того, чтобы не тратить ограниченный запас снарядов. После полудня волнение на станции Тоннельная несколько утихло, но движение отступающих масс продолжалось безостановочно. Около 17 часов возобновился сильный и довольно меткий артиллерийский обстрел станции Тоннельная. Снаряды рвались на запасных путях. Подошел со стороны станции Крымская бронепоезд Донской армии «Атаман Самсонов», вместе с которым бронепоезд «За Русь Святую» наступал к Ростову совсем недавно — 7 февраля. Пришлось встретиться в последний раз при иной обстановке... Бронепоезд «Атаман Самсонов» выстрелил из своих орудий несколько раз очередями в сторону неприятеля и ушел к Новороссийску. Около 20 часов вечера было получено приказание от начальника группы бронепоездов отходить к Новороссийску. Только к полуночи бронепоезд «За Русь Святую» прошел 10 верст до ближайшей к Новороссийску станции Гайдук. Справа от станции слышалась частая пулеметная и ружейная стрельба. Но из-за темноты нельзя было установить, что именно происходит.

Утром того же дня 12 марта «1-й Отдельный легкий» бронепоезд под командой штабс-капитана Вознесенского ^[65] находился еще у станции Крымская. По приказанию начальника группы бронепоездов полковника Истомина «1-й Отдельный легкий» бронепоезд вышел к железнодорожному мосту через реку Абин и погрузил на контрольные площадки арьергардную роту Дроздовского полка. Когда бронепоезд вернулся на станцию Крымская, то части Добровольческого корпуса уже отошли с нее и проходили последние части Донской армии. На станции возник крайний беспорядок. В одном из брошенных составов чины бронепоезда нашли 20 новых легких пулеметов системы «Льюис».

Находясь на станции Крымская, «1-й Отдельный легкий» бронепоезд получил почти одновременно три приказа. Во-первых, от начальника группы бронепоездов — отходить на станцию Тоннельная. Во-вторых, адресованное бронепоезду «Орел» — выйти в сторону противника и взорвать склад, оставленный Донским корпусом. Наконец, переданное адъютантом бригады Донской армии — о том, что все бронепоезда на станции Крымская переходят в подчинение командиру означенной бригады. Впереди станции занимали позицию два донских полка, но «1-й Отдельный легкий» бронепоезд не мог выехать для поддержки их, так как все пути в ту сторону были заняты брошенными составами. На станции уже поджигался огромный склад снарядов. Пожар и взрыв его отрезал бы бронепоезду путь в сторону станции Тоннельная. Поэтому «1-й Отдельный легкий» бронепоезд отошел со станции, подождал отступления двух донских полков и вслед за ними ушел к железнодорожному мосту. Из станицы двинулась по направлению к переправе колонна кавалерии противника с огромными красными флагами. «1-й Отдельный легкий» бронепоезд открыл по колонне орудийный и пулеметный огонь с близкой дистанции, и красные устремились назад, бросив красный флаг. Сначала предполагалось удерживать станцию Баканская, примерно в 35 верстах от Новороссийска, до полной разгрузки этой станции от обозов Добровольческого корпуса и Донской армии. Но затем было получено приказание от командира Донского корпуса немедленно идти к станции Тоннельная, в 20 верстах от Новороссийска, так как и ей уже угрожал неприятель. «1-й Отдельный легкий» шел к станции Баканская тихим ходом, чтобы не задавить шедшие по железнодорожному пути обозы. Станция Баканская оказалась переполненной эшелонами, обозами и частями Алексеевской дивизии, Дроздовской артиллерийской бригады и Донской армии. Через железнодорожное полотно проезжали многочисленные повозки с ранеными и больными. Повозки часто застревали в грязи перед переездом, и движение задерживалось. На станции Баканская стояли наши бронепоезда «Казак», только что прибывший, и «Мстислав Удалой», получивший приказание охранять станцию впредь до особого распоряжения. Внезапно начался сильный пулеметный обстрел станции и обозов. С горы над станцией стреляло до десяти пулеметов. Произошло замешательство, повозки беспорядочно мчались вперед. Наши бронепоезда открыли огонь из орудий и пулеметов. Дроздовская батарея также стала на позицию и обстреливала вершину горы. Постепенно стрельба прекратилась. Командиры бронепоездов сговорились относительно дальнейших действий. Решили прикрыть отход

со станции Баканская всех эшелонов и последних наших частей и лишь после этого отступить на станцию Тоннельная. Только после долгих железнодорожных маневров удалось отправить эшелоны с огнескладами. Стало темнеть. Бронепоезд «Казак» был послан вперед на разъезд Горный (между станциями Баканская и Тоннельная) с задачей ждать там два остальных бронепоезда. Позднее удалось установить связь со станцией Тоннельная. Выяснилось, что эта станция уже оставляется нашими пехотными частями и бронепоездами. Тогда «1-й Отдельный легкий» и бронепоезд «Мстислав Удалой» отошли со станции Баканская, сцепив оба состава, так как паровоз бронепоезда «Мстислав Удалой» испортился. Темной туманной ночью бронепоезда прибыли на разъезд Горный. Оказалось, что паровоз бронепоезда «Казак» тоже испорчен, и команда приступила к его починке.

Бронепоезд «Офицер», охранявший в Новороссийске Ставку главнокомандующего, отошел 12 марта в район Восточного мола, куда был переведен поезд главнокомандующего. 13 марта бронепоезд «Офицер» попытался выехать на фронт, к туннелям, в распоряжение генерала Кутепова. Однако это оказалось невозможным вследствие загромождения путей, полного беспорядка на станции Новороссийск, движения через станцию отступающих войск и разгрома складов. Бронепоезд «Офицер» вернулся на Восточный мол и там получил приказание о погрузке команды на вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий». Около полуночи командир бронепоезда приказал команде покинуть боевой состав. При этом паровоз и орудия были испорчены и сняты затворы и пулеметы. Команда бронепоезда «Офицер» погрузилась с пулеметами на крейсер в числе 48 офицеров и 67 нижних чинов, в большинстве — вольноопределяющихся. На тот же корабль поместилась и значительная часть команды бронепоезда «Иоанн Калита». Бронепоезда «Офицер» и «Иоанн Калита», входившие в состав одного и того же 2-го бронепоездного дивизиона, участвовали вместе во многих боях. В этот день, 13 марта, команды применили некоторую «военную хитрость», вполне допустимую при создавшемся положении. Чины команды бронепоезда «Иоанн Калита» смело и в порядке двинулись к крейсеру непосредственно вслед за чинами команды бронепоезда «Офицер». Если задавались вопросы: «Вы с «Офицера»?» — то отвечали не колеблясь: «Да, мы офицеры». На корабле нашлось место и для команды бронепоезда «Иоанн Калита».

13 марта утром бронепоезд «За Русь Святую» медленно двигался от станции Гайдук к Новороссийску. За ним шел «1-й Отдельный тяжелый» бронепоезд, вышедший поздно ночью со станции Тоннельная. Комендант

этой станции направил оба бронепоезда по четному пути, на котором перед ними находился ряд поездных составов. Нечетный путь казался относительно свободным, и на нем, во всяком случае, было больше возможности маневрировать. С моря изредка стреляли дальнобойные орудия судовой артиллерии по долине и по горам, уже занятым неприятелем. По указаниям проходивших мелких конных частей бронепоезд «За Русь Святую» начал стрелять в сторону расположения противника. Артиллерия красных вскоре стала отвечать, и довольно метко. Несколько перелетов попали в откос за участком железнодорожного полотна, на котором стоял бронепоезд. Вдоль полотна и по дорогам в долине продолжался отход в сторону Новороссийска множества конных и пеших групп и отдельных людей. Среди всевозможных повозок были видны и верблюды. После многих остановок бронепоезд «За Русь Святую» дошел до 250-й версты, оказавшись примерно в 4 верстах от станции Новороссийск. Там движение поездов по четному пути окончательно прекратилось. По соседнему пути прошел из Новороссийска небольшой боевой состав тяжелого бронепоезда «На Москву». Позднее были получены сведения, что он не мог дойти до станции Гайдук, попал под очень сильный артиллерийский обстрел и получил два попадания. При оставлении боевого состава командой бронепоезда «На Москву» его орудия были испорчены. Между тем мимо бронепоезда «За Русь Святую» стали проходить к Новороссийску около 11 часов части Корниловской дивизии. Затем наступило затишье. Бронепоезд не мог двинуться вперед к Новороссийску из-за стоявших перед ним поездных составов и не мог вернуться на станцию Гайдук, чтобы попытаться перейти на соседний путь, ибо позади бронепоезда «За Русь Святую» тоже скопились к этому времени неподвижные поездные составы. От начальника Корниловской дивизии пришло приказание расстрелять по возможности все снаряды, испортить материальную часть на бронеплощадках и отходить для погрузки на пароход в порт Новороссийска. Исполняя приказание, бронепоезд «За Русь Святую» открыл беглый огонь из всех орудий по деревне и по району, где предполагалась позиция советских батарей. На одной из бронеплощадок очень исполнительный и очень молодой кадет просил разрешения «хоть раз выстрелить из орудия самому». Это было разрешено. Кадет дернул за шнур. Раздался еще один выстрел. С бронеплощадок были сняты замки орудий, прицелы с панорамами и пулеметы. Команда сошла с боевого состава. Впереди бронепоезда «За Русь Святую» в сторону Новороссийска разобрали путь на закруглении. Открыв регулятор паровоза, офицер-механик соскочил с него. Боевой состав

тронулся. Первые две бронеплощадки сошли с рельс совершенно, бронепаровоз сошел с рельс частично и покосился набок. Около 14 часов подошли арьергардные части Корниловского полка и сообщили, что преследующая советская конница уже недалеко. Были найдены две дрезины, которые можно было катить по свободному пути. На них сложили пулеметы и другое имущество, и команда бронепоезда «За Русь Святую» пошла пешком порядком к Новороссийску. Около станции Новороссийск стояли несколько оставленных вагонов базы бронепоезда, прибывшей накануне. Находившиеся при них чины команды присоединились к отступавшим. Было решено немедленно продвигаться с дрезинами ближе к порту. В одном из брошенных составов были больные и раненые. Сестра милосердия просила помочь хотя бы двоим, подвезя их в сторону порта. Эти раненые были посажены на дрезину. Рядом с вокзалом что-то горело. В разные стороны ехали и шли грабители в военном обмундировании. Некоторые тащили целые тюки нового английского обмундирования и падали под тяжестью этой ноши. В грабеже принимали участие железнодорожники и даже женщины. Расчищая дорогу для своего отступающего взвода или роты, офицер Корниловского полка бил с размаху плетью грабителей—мужчин. Начальник пулеметной команды бронепоезда «За Русь Святую» капитан Афросимов стал распоряжаться дальнейшим отходом группы команды бронепоезда. Трудно было идти в надлежащую сторону, потому что многочисленные железнодорожные пути расходились между зданиями пакгаузов, так как были проложены в виде веера к разным молам большого порта. Перед составом неподвижных вагонов пришлось бросить дрезины. Не хватало сил нести затворы орудий. Их наскоро разобрали и бросили части в разные стороны. Чины команды бронепоезда начали отставать, и отставших уже больше не видели. Оставшиеся в группе понимали, что спасутся лишь те, которые будут держаться вместе. Поэтому если кто-нибудь делал несколько шагов в сторону, то на него злобно кричали. Группа прошла какую-то калитку, за которой предполагался путь в сторону нефтяной пристани порта. За калиткой оказались громадные толпы, сотни брошенных повозок и лошадей. Сквозь эти табуны брошенных кавалерийских лошадей надо было протискаться. Многих из чинов команды бронепоезда когда-то учили: никогда не подходить сзади к лошади слишком близко, ибо она может ударить копытом в живот. Теперь нельзя было соблюдать это правило. Но и животные были, вероятно, испуганы происходящим и только жались друг к другу. Ни одна лошадь не ударила кого-либо из чинов команды. В обстановке давки остатки войсковых частей устремлялись как будто в противоположные стороны. У

входов на отдельные молы собрались беспорядочные толпы. Наконец оставшиеся вместе чины команды бронепоезда «За Русь Святую» вошли на нефтяную пристань. Поперек мола этой пристани стояла густая цепь французских моряков с винтовками и примкнутыми штыками. Навстречу команде подбежал с конца пристани один из офицеров бронепоезда. Он сказал, что пароход «412», на который должны принять команду бронепоезда, приходится удерживать от выхода в море уже целый час. Французская цепь пропустила чинов команды бронепоезда «За Русь Святую». Настоящие сходни были уже сняты, и им пришлось перелезть через борт парохода с трудом, по скользким доскам. На пароходе уже находился командир бронепоезда капитан Каньшин, тяжело больной сыпным тифом. На его плечи была накинута меховая шуба, и на лице застыла какая-то странная улыбка; было видно, что он не отдавал себе отчета в происходящем. На том же пароходе среди других мелких войсковых частей находилась и часть команды бронепоезда «Мстислав Удалой», прибывшая в Новороссийск в то утро в вагонах базы означенного бронепоезда. Через несколько минут два юнкера и два вольноопределяющихся из состава команды бронепоезда «За Русь Святую» сошли с перехода на пристань в качестве добровольцев. Надо было попытаться привести на пароход одного раненного в ногу офицера и двух слабосильных больных, которые остались в повозке близ порта. Это удалось, несмотря на весьма трудные препятствия. В последнюю минуту помогла случайность: один из юнкеров хорошо говорил по-французски. Раненому, больным и приведшим их добровольцам помогли подняться на пароход, который вскоре вышел в море. Стемнело. Со стороны Новороссийска было долго видно зарево пожаров. Из числа нижних чинов бронепоезда «За Русь Святую», находившихся утром 13 марта на трех оружейных бронеплощадках, были вывезены из Новороссийска на пароходе «412» только шесть человек.

«1-й Отдельный легкий» бронепоезд и бронепоезд «Мстислав Удалой» дошли утром 13 марта до станции Тоннельная, примерно в 20 верстах от Новороссийска. Со станции Тоннельная были посланы около 9 часов два исправных паровоза, чтобы вывезти бронепоезд «Казак» и состав огнесклада, оставшиеся на разъезде Горный. Комендант станции Тоннельная, еще находившийся на своем посту, не имел связи с Новороссийском. Наших воинских частей на станции уже не было. К 14 часам со станции Тоннельная был отправлен последний эшелон со снарядами, и тогда же на холмах близ станции стали появляться разъезды красных. Наконец пришел тройной тягой с разъезда Горный бронепоезд

«Казак». При дальнейшем движении к туннелям наши бронепоезда были обстреляны пулеметным огнем. Шедший последним бронепоезд «Казак» налетел на бронеплощадку «1-го Отдельного легкого» бронепоезда. Пока поднимали сошедшую с рельс бронеплощадку, состав огнесклада с пулеметами на двух паровозах и бронепоезд «Мстислав Удалой» двинулись дальше. Однако скоро произошла новая остановка. Обстрелянный неприятельской артиллерией бронепоезд «Мстислав Удалой» отвечал беглым огнем из орудий и пулеметов. Были получены сообщения о том, что впереди подожжен небольшой деревянный мост, а станция Гайдук на пути к Новороссийску уже занята красными. Неприятельский пулеметный обстрел наших составов усиливался. Батарея красных начала расстреливать бронепоезда с близкой дистанции. Командиры бронепоездов решили сделать последнюю попытку дойти до Новороссийска и для этого двигаться через подожженный мост. Состав огнесклада и за ним три бронепоезда прошли благополучно через этот мост, который горел слабо. Но дальше состав огнесклада наскочил на разобранный путь, сошел с рельс, и оба его паровоза повисли над откосом. Бронепоезда столкнулись. На дальнейшее движение не было надежды, и командам было приказано покинуть боевые составы. Команда бронепоезда «Мстислав Удалой» во главе с поручиком Петцем изготовилась первой. Командующий бронепоездом «Мстислав Удалой» решил занять пулеметами позицию для обороны на соседних холмах, пока команды двух других бронепоездов заканчивали приведение в негодность своей материальной части. Через некоторое время команды «1-го Отдельного легкого» бронепоезда и бронепоезда «Казак» были готовы и пошли быстрым шагом к станции Гайдук, от которой оставалось около 10 верст до Новороссийска. Впереди команд шла разведка. Стемнело, и не удалось установить связь с командой бронепоезда «Мстислав Удалой». Станция Гайдук оказалась никем не занятой. Ближе к Новороссийску от встреченной пехотной заставы узнали, что город оставляется этой ночью, происходит посадка на суда. Команда «1-го Отдельного легкого» бронепоезда прошла мимо вокзала Новороссийска около 23 часов 13 марта. Потом она принуждена была разделиться. Часть команды успела погрузиться на пароход под видом корниловцев.

Часть была принята на французский миноносец. Часть же пошла вдоль берега моря вместе с войсками Донской армии.

У Новороссийска были оставлены бронепоезда: «Единая Россия», «Офицер», «Иоанн Калита», «Орел», «Слава Офицеру», «За Русь Святую», «На Москву», «Мстислав Удалой», «1-й Отдельный легкий», «1-й

Отдельный тяжелый», «Генерал Черняев», «Казак», «Атаман Самсонов» и, вероятно, 1-я и 2-я батареи морской тяжелой артиллерии с орудиями на железнодорожной установке.

Между тем к северо-западу от Владикавказа находился 3 марта бронепоезд «Терец», который прикрывал эвакуацию узловой станции Прохладная, а затем отошел к узловой станции Беслан, примерно на 80 верст дальше к югу. Здесь с бронепоезда ушли все нижние чины, за исключением пяти казаков. С этого дня бронепоезд «Терец» обслуживался только офицерами. Бронепоезд взорвал два моста через реку Терек. 4 марта бронепоезда «Терец» и «Генерал Скобелев» прикрывали эвакуацию станции Беслан, примерно в 20 верстах от Владикавказа. Бронепоезд «Терец» был включен в состав 7-го бронепоездного дивизиона для замены погибшего бронепоезда «Могучий». ^[66] Дивизионом командовал тогда полковник Неводовский. Наши бронепоезда отошли на станцию Владикавказ в ночь на 5 марта, а на следующий день началось наступление ингушей на город Владикавказ. Бронепоезда «Терец» и «Генерал Скобелев» содействовали отражению атак ингушей. В обороне принимали участие также дружины из железнодорожных рабочих и учащихся. 8 марта был получен приказ командующего войсками Северного Кавказа генерала Эрдели об оставлении боевых составов бронепоездов. Однако приказано было не портить бронеплощадки, чтобы ими могли воспользоваться дружины, организованные городским самоуправлением для защиты Владикавказа от ингушей. На боевой части бронепоезда «Терец» остались по собственному желанию три офицера. В ночь на 9 марта команды бронепоездов «Терец» и «Генерал Скобелев» сняли с боевых составов часть пулеметов и выступили под командой полковника Неводовского на присоединение к другим нашим войскам для отступления походным порядком в пределы Грузии.

Отошедший на железнодорожную линию Армавир — Туапсе бронепоезд «Вперед за Родину» получил 4 марта приказание от командира 4-го Кубанского корпуса — отправиться на станцию Ни колен ко, примерно в 65 верстах от Туапсе, для содействия 14-му пластунскому батальону в обороне означенной станции. К вечеру под давлением превосходных сил «зеленых» наша малочисленная пехота оставила станцию Николенко и отошла под прикрытием бронепоезда к станции Ганжа. 5 марта командир корпуса умышленно вел долгие переговоры с «зелеными» о пропуске частей Кубанской армии на Туапсе. Выяснилось, что так называемые «зеленые» — на самом деле подлинные красные. Важно было выиграть время для того, чтобы успели подойти части дивизии генерала Шифнер—

Маркевича, которые помогли бы открыть путь на Туапсе решительным наступлением. 6 марта бронепоезд «Вперед за Родину» совместно с частями дивизии генерала Шифнер–Маркевича двинулся в наступление во главе колонны наших бронепоездов. Станция Николенко была очищена от противника. 7 марта наступление наших войск продолжалось. На станции Хадыженская был захвачен потерпевший крушение бронепоезд красных. 9 марта бронепоезд «Вперед за Родину» дошел с десантом, состоявшим из Армавирской офицерской роты и пластунского батальона, до станции Гойтх, примерно в 35 верстах от Туапсе. Наши бронепоезда стояли ночью на станции Гойтх, пока происходила расчистка завалов в туннелях, и к вечеру 10 марта прибыли в Туапсе. Около 15 марта была образована Туапсинская группа бронепоездов, во главе которой был поставлен капитан Зуев, командир бронепоезда «Степной». После нескольких дней, проведенных в Туапсе в резерве, бронепоезд «Вперед за Родину» отправился 21 марта на станцию Гойтх, имея при себе маневренный паровоз и несколько вагонов, груженных камнями, для завала туннелей. На станции Гойтх уже находились наши бронепоезда «Генерал Корнилов» и «Гром Победы». Три наших бронепоезда отправились, примерно на 15 верст дальше, к станции Навагинская, и выяснили, что войска неприятеля не продвигаются. Тем не менее начальник 2-й Кубанской дивизии приказал завалить туннели у станции Гойтх, что и было исполнено. 22 и 23 марта команды бронепоездов «Генерал Корнилов», «Генерал Дроздовский», «Гром Победы», «Степной» и «Атаманец» и 3-й батареи морской тяжелой артиллерии получили приказание начальника группы войск Туапсинского района генерала Писарева разоружить свои бронепоезда. Были сняты замки с орудий, пулеметы и запасы снарядов и патронов. После этого команды были доставлены на пароходе в Крым. Командир бронепоезда «Вперед за Родину» капитан Юрьев получил приказание выбрать из оставленных бронеплощадок самую легкую, которая могла бы действовать на пути недостроенной железной дороги Туапсе — Сочи, прикрывая отступление наших войск. Была выбрана одна из бронеплощадок бронепоезда «Гром Победы». 24 марта бронепоезд «Вперед за Родину» участвовал в арьергардном бою у станции Гойтх. В тот же день часть команды бронепоезда была принята в порту Туапсе на пароход, на который были также погружены два орудия и башни с бронеплощадок бронепоезда «Вперед за Родину» и два орудия с бронеплощадок бронепоезда «Генерал Корнилов». Вечером пароход отправился в Крым.

25 марта оставшаяся в Туапсе часть бронепоезда «Вперед за Родину» участвовала в оборонительном бою на последнем железнодорожном

участке перед станцией Туапсе. Около 17 часов противник подошел к городу Туапсе с севера и с востока. Ввиду невозможности дальнейшей обороны города и порта, командир корпуса приказал капитану Юрьеву сбросить все оставленные бронеплощадки в море, взорвать невывезенный огнесклад и мост через реку Туапсинка, а затем прикрывать огнем отход частей Кубанского корпуса. Приказание было выполнено в точности. После этого бронепоезд под командой капитана Юрьева прикрывал с 26 марта по 2 апреля отход наших частей вдоль берега моря в сторону Сочи. Дальше станции Лао железнодорожный путь еще не был проложен. Поэтому боевой состав последнего бронепоезда на этом фронте был оставлен, а команда отправилась походным порядком в Сочи для перевозки на пароходе в Крым.

В. Давати^[67]

«НА МОСКВУ»^[68]**К Ростову**

Январь 1920 года. В пути. Сегодня утром в нашу теплушку вошел капитан Д. и сказал: «Поздравляю вас с Новым годом и новым походом». В этом уже и до его прихода не было никакого сомнения. Нас еще до чая вызвали спешно грузить снаряды: видно было, что куда-то мы спешим, и, слава Богу, на этот раз не от Москвы, а на Москву. Все было охвачено каким-то радостным волнением: как будто и впрямь кончался этот бесконечный «драп», по образному кадетскому выражению.

Я вспоминаю, как полмесяца тому назад я робко вступил в Ростове на наш бронепоезд. Тогда говорили, что мы сразу едем в бой. Но вместе с остальными «драпающими» мы переехали через мост у Батайска и засели в безнадежной дыре — Старо-Минской. Засели в каком-то раздумье. Потом пришли вести о взятии красными Ростова и Таганрога. И мы, простояв с неделю в Старо-Минской, «драпнули» прямо на Екатеринодар, задержавшись на станции Тимашевка. А теперь, должно быть, что-то произошло: нас отправляют, кажется, отвоевывать Ростов. Да, полмесяца я уже солдатом. А ведь почти только месяц тому назад я сидел в качестве члена Управы в Харькове, который судорожно сжимался от наступающих красных. Встречались, говорили, что-то делали, что-то подписывали, а сами думали: как уехать? как бы не застрять в этой сутолоке «разгрузки»? Мне удалось выбраться за два дня раньше Управы, хотя, простояв на вокзале эти два дня, я, как оказалось, уехал с Управой в один и тот же день, 25 ноября. Было мучительно стыдно за свою слабость. Вспоминались слова одного из коллег:

— В этот момент никто не должен уходить со своего поста.

И, сидя в ожидании отправления в темном коридоре на каком-то столе, я мучительно думал о том, что на моей общественной репутации легло тяжелое несмываемое пятно. Что когда, допустим через месяц, мы выгоним из Харькова большевиков, трудно мне будет заговорить тем тоном, на который я до сих пор имел право. И вспомнилась моя последняя статья в «Новой России», статья, которая написана была поистине моими нервами и кровью. «Если, чтобы истинно полюбить, — писал я, — надо оставить отца и мать свою, то теперь наступает этот час больше, чем когда-либо прежде. И может быть, именно теперь, когда враг временно торжествует,

нужно не уходить в свою скорлупу, но громко и смело закричать: «Да здравствует Добровольческая армия». Статья произвела впечатление: ко мне подходили прямо на улице и пожимали руки. Даже Евграф К., член Церковного Всероссийского собора, который, по-моему, терпеть меня не может, остановился, встретив меня у редакции, и сказал что-то прочувственное. И вот теперь первое, что я делаю, — уезжаю раньше, чем я имею право уехать.

И тут, в этом темном коридоре, блеснула в первый раз яркая мысль. Можно искупить эту вину и смыть со своего имени этот позор: надо вступить в армию. Сколько раз до этого та же мысль тревожила мою совесть. Но тогда была у меня моя мать. Я бросил ее теперь накануне ее смерти. В маленькой комнатке моих друзей, покинутая мною, она найдет себе вечный покой. Но ведь иначе было нельзя. И теперь я свободен. От всех, кого я люблю, я имею право потребовать, чтобы они не мешали моему решению, — от всех, кроме нее. Последнее служение моей родине должно быть таким, чтобы отбросить все личные привязанности, потушить в себе все иные помыслы, кроме одного: отдать, если нужно, свою жизнь. И как-то особенно ярко вспомнился сонет, который я написал несколько лет тому назад:

И было сказано: на лютне у тебя
Всего лишь три струны под нежною рукою,
Их берегись порвать — с последнею струною
Порвется голос твой и жизнь сгорит твоя...
И в бурном омуте прошло немало лет.
Звучал огонь любви и холод расставанья.
Звучали радости, победы и страданья:
Две струны порваны, двух струн на лютне нет.
Но есть одна струна, не порвана доныне.
Я с ней слагаю гимн единственный святыне,
Что властвует всецело над душой.
Для родины моей, несчастной и усталой,
Струну последнюю я рву на лютне старой.
И блещет молодость, и крепнет голос мой.

Но я решил еще попробовать приложить свои силы в Ростове. Там была газета, там был Центральный Комитет нашей партии, туда стекалось со всех концов самое яркое, самое интеллектуальное. Туда, в эту столицу

России, потянулся я с волною всероссийского беженства. Промелькнули две недели переезда, который можно назвать просто кошмаром. В грязной холодной теплушке, в поезде, где умирало почти ежедневно по человеку, плечо к плечу с больным офицером в сыпном тифу. Но весь этот кошмар принимался мною без ропота, без страха. Принимался он как испытание моей силы и моей воли, как тренировка для будущих испытаний и будущих кошмаров. И спокойно, и твердо, без психологии беженца, прибыл я в Ростов.

А там все пошло быстро. В этом городе — рагвену, конечно, ничего нельзя было делать. Писались резолюции, спорили, постепенно впадали в панику и запасались деньгами и заграничными паспортами. И в один прекрасный день из политического деятеля и профессора я стал солдатом бронепоезда «На Москву». Мы едем теперь в бой. Только бы найти в себе мужество и быть стальным во время боя.

2 января. Куцевка. База. Я успел поговорить более или менее по душам с тремя офицерами, а с одним из них даже подружился. Прибыв на поезд, я был направлен к старшему офицеру, капитану З. Я был в штатском костюме, но уже принятым на военную службу. И эта двойственность особенно меня смущала.

Капитан З. принял меня просто, предложил сесть в купе и в этом *tete-a-tete*е пришлось рассказать ему вкратце свою биографию и те причины, которые побудили меня поступить в армию. Я всегда смущаюсь, когда говорю с людьми об этих причинах. Я вспоминаю последние разговоры в Ростове, те полуулыбки и то замешательство, которое всегда возникало, когда мне приходилось сообщать о своем решении.

Впрочем, я не могу с чувством глубокой признательности не вспомнить несколько встреч и разговоров: как бы твердо ни было мое решение, трудно было осуществить его без дружеской поддержки. Я уходил в армию, которая погибала. Не в момент торжества и подъема, но в момент ее распада и унижения я шел «защищать погибшее дело», по выражению одного из моих друзей. Буду ли я в состоянии взять на себя эту тяжесть? Отказаться от привычного уклада жизни, от своих навыков, поднять на свои плечи всю тяжесть солдатской жизни — это было не так легко осуществить.

И вот в Ростове я первый раз получил дорогую мне дружескую руку от товарища по редакции Г. Я ночевал в его комнате, прямо на полу, подстелив свою шубу. И всю ночь проговорили мы на волнующие меня темы. И не столько в словах его, сколько в тоне, теплом и задушевном, чувствовалось столько хороших ободряющих ноток. «Я боюсь только одного... Вы едете в

армию, как поэт, — сказал он. — И может случиться, что будет ждать вас тяжелое разочарование. Но вы все же хорошо делаете: так надо». И лежа рядом с ним на полу, в темной комнате, в которую едва-едва пробивался свет, я горячо обнял его, еврея, который не мог свободно, как я, идти в нашу армию, и поцеловал его.

— Спасибо вам, Абрам, — сказал я ему. — Я смотрю теперь на этих людей, бегущих в панике, — и у меня на душе спокойно и просветленно. Вы знаете, если люди еще помнят о порядочности и честности, то забыли о чести. Моя честь требует от меня этого шага...

Не могу не вспомнить с теплым чувством нашего проректора, профессора К., и его супругу. Они жили в лаборатории. Через всю комнату тянулся какой-то аппарат с натянутыми струнами. Я пришел к ним, в чужой подаренной мне гимнастерке, с только что купленными солдатскими погонами, завернутыми в бумагу. Профессор К. вдел мой первый погон, на который его супруга прикрепила недостающую пуговицу. И казалось мне, что это была не простая случайность: это было напутствие нашего родного университета. Екатерина Михайловна посмотрела на меня с каким-то особенным чувством и сказала:

— Я знала, что с вами этим кончится, после вашей последней статьи. Вы не поверите, как в ту минуту общей растерянности бодро прозвучал ваш голос. Теперь вы исполняете то, о чем говорили.

На лестнице я встретил ректора Высших женских курсов, профессора К. Я остановил его и сказал, что поступил на бронепоезд. Он задержался на секунду. Его резкие движения стали еще более нервными. На глазах его блеснули слезы. Он крепко поцеловал меня и, вбегая на лестницу, сказал кратко:

— Да хранит вас Бог.

Я, конечно, перед отъездом зашел в помещение, где жила наша городская управа. Первый раз, когда я пришел к ним в общежитие, где на койках лежали наши члены муниципалитета в какой-то прострации, где на полу валялись окурки и кусочки колбасы, — меня встретили сдержанно-холодно: они имели на это право. Теперь я явился к ним солдатом, и было видно, как растаял их лед и как решение мое примирило меня с ними.

Но мне важно было проститься с одним из них, Николаем Николаевичем К., председателем нашей Думы. Крупный и несколько грузный, добрый и честный, как породистый сенбернар, безупречный работник, имя которого украшало наш партийный список. В последние дни наших партийных междоусобий нас соединила общность наших взглядов. Мы не подчинились близорукому решению Национального центра —

связать свои имена с махровыми именами черной сотни. На выборах в Харькове мы нарушили «дисциплину» и обратились с воззванием исправить допущенную ошибку. Нас вместе судили в комитете, когда мы перешли от обороны к наступлению. Нам вместе вотировали доверие. И теперь хотелось пожать его честную руку, получить его напутствие, как от отца, которого у меня нет. Он поднял свою львиную голову с койки, на которой лежал, и, вскочив, быстро подошел ко мне. Он говорил мало, но лицо его просветлело от какого-то внутреннего света, — и понял я, что не ошибся, обращаясь к нему.

— Куда же я назначу вас, — сказал З. И после некоторого раздумья продолжал: — Вас можно было бы устроить в канцелярии; но я вижу, это вас не устроит. Вы будете у меня на первой пятидюймовой пушке.

«Так мог сказать только человек, который все понял. Конечно, не для того, чтобы прятаться по канцеляриям, я шел сюда. Я не знаю еще, на что и как я буду годен. Трудно профессора приспособить к пушке». Но так надо.

С капитаном Д. я разговорился в нашей теплушке, куда он часто заходил к молодежи. Он любит эту кадетскую молодежь. Да и трудно ее не любить. Я живу с ними в теплушке уже две недели. Я старше их в среднем лет на двадцать. Я вижу, как жизнь искалечила многих, выбила из колеи так, что трудно им будет жить в нормальной обстановке. Целая пропасть между мною, который прошел огонь и воду тончайших построений ума, изысканнейших проявлений человеческого духа, и ими, прошедшими огонь и воду ужасов и грубостей войны. Целая пропасть между мной, который пошел сюда как на высшее служение, который осветил все духом средневекового аскетизма и, пожалуй, романтики, и ими, которые пошли на это... так просто. И я люблю их. Я не замечаю их нарочитой грубости. Они — это лучшие герои нашего безвременья. Это — дети, которые все же строят храм лучшей жизни в то время, когда отказываются отцы. И я понимаю Д., который заходил к нам отдыхать.

Капитан Д. интересен, тонок, с каким-то нервным изломом. Он любит Баха — и это уже одно его рекомендует. Он ценит литературу; он понимает, что только вульгарное представление могло приписать Ницше проповедь освобождения от всякой морали. Я думаю, что он незаменим в бою, что с ним вместе легко умирать. Я слышал о нем, что он превосходный оратор. У него есть общественная жилка. Кое-что рассказал он мне из своего прошлого: в дни революции он проявил себя, несомненно, как настоящий общественный боец. И его взгляды на политику, его понимание того, что многие, увы, не понимают, невольно рождали мысль, которая в последнее время часто возникает во мне:

— Если бы все офицеры были такие, не пришлось бы нам испивать теперь этой горькой чаши.

Но право, хорошо, что приходит эта мысль так часто. Это значит, что таких офицеров у нас много.

И одновременно с ним я познакомился с поручиком Р. Когда я был на орудии, он подошел к орудию и заговорил со мной. Видно было, что это был пробный первый разговор. И действительно, в тот же день мы встретились с ним возле вагона и сразу как-то затронули то, что интересовало нас обоих. Я очутился у него в купе. Поручик Р. — уже пожилой человек, лет под пятьдесят; у него интересный ум, с большой склонностью к математике и философии. Математическую литературу знает он достаточно хорошо, но, к сожалению, поверхностно. Он слушал когда-то лекции в Heidelberg'e, и это, конечно, оставило некоторый отпечаток. Но вместе с тем у него какое-то предубеждение против немецкой науки, и много ценного в ней считает он ненужным хламом. Вообще ведет он даже список сочинений — в своем роде *index librorum prohibitorum*, которые считает бесполезными; не признает математической физики и теории Sophus'a. Против всего этого молено горячо спорить, что я и делаю в часы досуга.

Общее у нас и то, что оба мы (я скажу теперь про себя категорически) религиозны. Он — старообрядец; он с восторгом вспоминает, как старушки монашенки объясняли ему — ребенку — сущность Софии — Премудрости Божией, и объясняли так хорошо, как будто это не было одним из сложнейших достижений греческих гностиков.

Он — один из представителей крупного дела братьев Р. — бросил все и пошел на фронт. Мне нечего было много объяснять ему, каковы были мои побуждения. Но он только переоценивает значение моего шага. Для меня это имеет значение субъективное, личного моего оправдания; он приписывает ему значение объективное, ибо, по его мнению, это может воздействовать на других. Но в одном мы согласны. Для воссоздания армии должны мы образовывать новые кадры не воинов просто, но духовных рыцарей. Не служба просто, но подвижничество должно лежать в основе нашей жизни. Мы должны быть прежде всего аристократами, чтобы волны бушующего плебса не захлестнули наших одиноких маяков.

Завтра мы выезжаем на Каял, а потом в бой, к Ростову. Может быть, убьют. На всякий случай написал прощальное письмо в Ставрополь и просил отправить, если меня не станет. Но в душе нет ни тени волнения. Или изжита жизнь, или действительно достиг я духовным упражнением отречения от собственной жизни?

5 января. Куцевка. База. Мы приехали в Каял, где оставили базу, и утром 3 января в составе четырех орудий двинулись на Батайск. Я стоял на своей первой площадке; впереди видно было железнодорожное полотно. Я смотрел на эти убегающие рельсы, которые вели меня, может быть, на смерть. Чуть не переехали по дороге подводу с бабой. Мелькнула мысль, что это дурной признак. И все-таки душа как бы окаменела — и нет в ней хотя бы легкого волнения. Ну, хотя бы такого, как перед ответственным выступлением, перед лекцией или речью. И не может ли эта твердокаменность смениться в решительную минуту животной паникой?

У Батайска открылся вид на Ростов. Вот знакомые очертания Темерника, вот контуры собора. И до боли обидно, что там — они, что там — совдеп, торжествующий красный совдеп. И с холодной твердостью хотелось пустить туда тяжелый снаряд: Ростов перестал быть городом, населенным людьми. Может быть, там еще скитаются мои застрявшие друзья. Может быть, на Почтовой улице, где живет до сих пор Гольфанд, разорвется этот снаряд. Но в этот час Ростов был для меня исключительно средоточием врага. И не было жалости к людям, как не было жалости и к самому себе. Борьба белых с красными стала какой-то шахматной задачей.

Стали выяснять положение. Ростов действительно в руках красных, и все слухи о его взятии назад — выдумки. Даже больше: красные форсировали Дон и заняли Заречную. Мост через Дон не взорван, и по нему движутся неприятельские бронепоезда. Останавливаются они у небольшого и еще непочиненного мостика. Двигаться нам можно еще не более 200 шагов. Дальше мы попадаем в поле зрения их наблюдательного пункта; кроме того, весь район Заречной пристрелян ими, прямо по квадратакам...

Начались поиски удобной позиции для орудий и наблюдательного пункта. Долго маневрировал паровоз, — казалось, что все кончено, и мы начнем. Но подул резкий ветер со снегом, и наблюдать за стрельбой было невозможно. Решили отложить бой на завтра, оставив одну только полубатарей. Мы, то есть моя пушка, попали в резерв; через два дня должна произойти смена; но ехать едва ли придется, так как на нашей пушке тоже две смены команды. При нормальных обстоятельствах придется ехать 11-го числа.

Грустно было ехать назад. Целых 12 часов тряслись мы назад, в базу, которая из Каяла ухала в Куцевку. В то время как там начинается бой, приходится проводить нудные дни, охраняя на часах какой-нибудь цейхгауз. А впрочем, не важнее ли всего выработать в себе способность безусловно подчиняться? Ведь шел я сюда не для сильных ощущений и не

для каких-нибудь внешних знаков отличия. В любой момент, когда призовут, пойду в бой; в любой момент, когда прикажут охранять какой-нибудь вагон со снарядами, потушу в себе мои желания и останусь незаметным винтиком в нашей машине.

6 января. Куцевка. База. Уехала вторая полубатарей, а первая не вернулась. Получилась краткая телеграмма срочно выслать снаряды. Очевидно, идет жаркий бой...

Несколько часов подряд снаряжал бомбы. Это достаточно утомительно, но делаю работу эту с особым, весьма странным ощущением радости. Несколько десятков снарядов будут посланы им завинченные моею рукою. Ходит слух, что наши подбили красный бронепоезд. Верно это или нет — неизвестно; во всяком случае, в Батайске развивается теперь один из эпизодов борьбы...

19 января. Куцевка. База. Совсем неожиданно в ночь с 6 на 7 января я выехал на позицию в Батайск. Там пришлось пробыть целых 12 суток, и только сегодня я приехал в базу, дня на четыре. Впечатления этих 12 дней какими-то слоями еще находят друг на друга. И странно, что то, что ожидалось как будущее, стало уже прошедшим.

Мое боевое крещение произошло 7 января. Мы стреляли сперва по Нахичеванской переправе; потом с наблюдательного пункта на водокачке заметили приближающийся бронепоезд противника. Наше орудие двинуто было далеко вперед — и начался бой.

Странное было чувство какого-то необычайного напряжения. Гаубичные орудия, скрытые где-то справа и слева от нас, подняли ожесточенную стрельбу; и вскоре, как эхо от нашего орудия, раздалась почти непрерывная канонада. Иногда с особым характерным свистом проносился неприятельский снаряд; но не было даже времени обращать на него внимание. Вся мысль была направлена на одно: чтобы вовремя подать снаряд и зарядить орудие, и весь я обратился в часть нашей пушки, которая равномерно, спокойно выпускала снаряд за снарядом.

Уже вечерело. Потянулись серые тени, какой-то дымкой начал подергиваться горизонт. Слева от нас уходили вдаль мирные домики железнодорожного поселка. Но там не было жизни. Рука войны заколотила наглухо деревянные ставни окон: там, между сияющим огнями Ростовом и нами, в волнах поднимающегося вечернего тумана, как в складках белесоватого савана, за этой рукой войны вырисовывалась смерть...

Какой-то черный столб взвился над крайним домиком: разорвался неприятельский снаряд. Через секунду такой же черный столб взвился с левого борта орудия, шагах в пятнадцати. Через мгновение снаряд упал

направо от нас и опять взвил за собой черный фонтан земли. И опять не было времени подумать — куда же упадет следующий неприятельский снаряд. Но снаряды перестали падать: должно быть, неприятельский бронепоезд ушел домой по направлению к Ростову. Стало уже темно. Мы ушли на прежнюю позицию.

Мы собрались в кабинке у первого орудия. Мы ничего не ели и не пили за весь день. Было приятное утомление от тяжелого дня, который окончился для нас благополучно. Комброн — командир бронепоезда — капитан З. был доволен этим ушедшим днем. При свете керосинового фонаря, у чугунной печки, собрались мы все, солдаты и офицеры орудия. Мирно кипел чайник, рассказывая какую-то песню; недоставало только сверчка на печи.

— Жаль, что вчера вы не были у нас, профессор, — сказал капитан З. — Вчера было много интереснее. Помните, справа от нас, немного ближе к депо, идет поле: там кончается деревня. Вчера мы отбили наступление конницы Буденного. Они подошли всего версты на три-четыре, — продолжал капитан З., — и мы были против них одни. Конница Топоркова должна была подойти с минуты на минуту, и на нас легла вся тяжесть сдержать их кавалерию. Да, мы здорово побили им морду. Но вот явился Топорков. Это был самый критический момент. Мы видели, как его конница построилась, как пошли они в атаку, как красные поспешно отступили...

Вестовой подал капитану бумагу. Тот нагнулся к огню, прочитал ее и сказал:

— От командира дивизиона: сегодня ночью приказано обстреливать Ростов. Первый обстрел в час ночи, второй в час сорок минут.

В маленькой кабинке нашего орудия ярко горела печка. На скамьях, на табуретках сидели мы все, уже тесно спаянные в одну боевую семью. Были раньше офицеры и солдаты: теперь мы все соратники одного дела. Я прилег на одну из скамей и смотрел на огонь, который вспыхивал, бросая на потолок причудливые тени. Вот точно так же колебались тени, когда, юношей, я сидел на кресле перед камином в нашем старом доме. Падали угли в каминную решетку; черные обугленные поленья, как башни сказочного замка, объятые пламенем, выступали на фоне золотого огня.

Я любил сидеть перед камином и мечтать. И мечтал я больше всего о том, как сделать мою жизнь красивой и достойной. И тогда еще, юноше, казалось мне, что жизнь моя должна быть прежде всего подвигом. Во имя чего — я не знал этого. Я знал только, что я последний отпрыск древнего баронского дома. За мною, в глубь веков, уходили мои предки —

наместники, верховные судьи, ученые, поглощенные изучением древних книг, военные, духовные, изоощренные в тонкостях иезуитской диалектики, и все они — далекие и близкие — требуют от меня чего-то, чтобы я был достоин их, чтобы я опять вернул их роду прежний блеск и прежнюю силу. Дед и отец порвали связь с далеким Западом и затерялись в снегах холодной России; внуку надлежит здесь вернуть обаяние отдаленных веков.

— И выйдет внук, — писал я, —

...и сойдет из высокого замка.

Будет он биться, последний наследник их чести,

Будет он биться жестоко, не зная пощады,

С жаждой победы, с жаждою славы и мести...

Дрова в печке весело трещат, освещая темные амбразуры для пулеметов и тяжелые железные двери нашей бронированной камеры. Так же трещал камин, когда я, в близком для меня доме, где я находил успокоение и радость жизни, готовился к последней борьбе за свободу народа. Меня ждал суд, на который должен был предстать я, политический преступник. Я бросил вызов трусливо сидящим и безропотно повинующимся. Я готов был биться, — теперь я уже знал за что, — за свободу народа, за его счастье, при котором мое личное счастье и моя личная свобода кажутся пустяками. Они судили меня, но я был спокоен, смотря судьям, сияющим золотыми цепями, прямо в глаза.

Я гордо принял вызов их, Когда меня они судили, Когда, блестя в цепях своих, Меня цепями перевили...

И это был не горя миг,

Но миг борьбы и ликования:

Он был прекрасен и велик

И для меня был оправданьем...

И вот теперь я снова борюсь. Борюсь уже не с чем-то абстрактным за величие рода моего, не с гнетом абсолютизма за свободу моего — да, моего — народа, но с теми, кто так близко, на другой стороне Дона, стоит торжествующий и заливают кровью страну. И теперь я не мечтательный юноша, не пылкий студент, не народный трибун, не общественный деятель, не ученый профессор: я теперь солдат. На левом рукаве моей английской

шинели — трехцветный треугольник. Наши дети будут гордиться этими скромными лентами.

Около часа выехали мы вперед по направлению к Ростову, по двум параллельным путям. Рядом с нами, вплотную, стало орудие капитана Д. Мы откинули борты, и обе наши площадки соединились в одну. Странно: еще сильнее почувствовалось наше единство. Эта возможность перейти с орудия на орудие как будто еще спаяла нас общностью действий.

Кругом была черная ночь. Нахичеванские огни блестели яркой короной. Над Ростовом стояло зарево электрического света. Туда мы пустили сейчас десятка два бомб. И в грохоте выстрелов, в блеске орудийных вспышек, когда темными силуэтами выступают наши фигуры, чувствовалось то упоение боем, которое, по выражению поэта, живет:

...И в Аравийском океане,
И в дуновении чумы...

А наутро, туда, где третьего дня отразили конницу Буденного, потянулась вновь наша кавалерия. На фоне степных холмов черными группами строились всадники. И далеко, далеко, как только мог хватить глаз, до мельчайших подробностей видны были эти конные фигуры, которые уходили в туманную даль. А там, на горизонте, рвались шрапнели и предательскими вспышками обозначались неприятельские батареи.

Туда пошлем мы сейчас снаряды. Мы не только едины в нашей бронепоездной семье; мы, и наша кавалерия, и наша пехота, — мы едины в славной Добровольческой армии. Она возрождается, эта армия. И Деникин, которого в одной статье я назвал бесстрашным воином и безупречным гражданином, ведет всю эту единую армию к новым победам. Надо стать, как он, не только бесстрашным воином, надо совершить еще более трудное — стать безупречным и не похожим на наших врагов.

В сводке корпуса отмечено действие бронепоезда «На Москву». У меня уже развилось чувство профессиональной гордости. Это большая честь и большая тяжесть — быть первым среди равных.

Поручик Р. сказал сегодня, что выше идеала единой России стоит идеал правды и добра, за который мы боремся. И тем, которые скажут, что Россия стоит превыше добра, можно ответить хорошей английской фразой:

— Дорогая моя, я не любил бы тебя так сильно, если бы я любил тебя больше своей чести...

Я понимаю это. Почти то же сказал я, расставаясь с любимым

человеком, чтобы идти в армию, когда она погибала.

Двенадцать суток пробыл я на позиции. Были дни затишья. Были дни интенсивной работы. Раз выпустила одна наша пушка 160 снарядов за день. На нас наступало 11 большевистских полков. Их атаки опять отбиты.

Я грязен, как последний угольщик. Мои руки покрылись салом, углем, керосином и какой-то корой. Но мне радостно, что я работаю в этой лаборатории будущей России. Какой-то невероятный мороз с резким северо-восточным ветром. Мы все продрогли. Изо дня в день все дрожит в нас от холода. Мы не спим целыми ночами. Но мы бодры, как в первый день. Ни холод, ни полуголодное существование не сломят нашей решимости. Если нас прогонит Кубань, мы уйдем всей нашей семьей вслед за Деникиным, погрузимся на пароход, но рано или поздно мы пробьемся к Москве. Только там будет наш отдых. Только там мы сможем сказать нашей родине: «Ныне отпускаеши раба Твоего... Яко видеста очи мои спасение Твое...»

Приехала смена — и опять я проживу четыре дня в базе, вымоюсь, приведу себя в порядок. Но только подумать страшно, — всего 64 версты ехать не менее целых суток. Вот тут видно, до чего мы дошли. Эшелоны темные, неосвещенные, пройдут одну-две станции, остановятся на неопределенное время и опять каким-то толчком продвинутся верст на десять. Так в умирающем организме сердце, лениво и вяло, проталкивает кровь, сделает один-два удара, остановится, раздумает и опять протолкнет, чтобы остановиться снова. Страна умирает. Но не умирает вера, что она оживет вновь.

27 января. Куцевка, База. Я хотел скорее уехать на позицию и уже получил разрешение от командира орудия, поручика Юрия Л., но капитан З вызвал меня и заявил, что я ему очень нужен для составления доклада в высшие сферы и дня два-три он меня задержит.

Доклад, по мысли капитана З., должен, во-первых, изложить картину нашей жизни во время боев и, во-вторых, картину тех возмутительных беспорядков, которыми полна деятельность интендантства и железнодорожной администрации. Благодаря их произволу и бездушному, бумажному отношению мы сидели холодные и голодные на передовых позициях, отстаивая от неприятеля переправы через Дон. На время этой работы я освобождался от всех нарядов.

Конечно, доклад — это более мне свойственно, чем что-либо другое, только я никак не пойму, какой должен быть его тон. Капитан З., видимо, хочет яркого описания боев и лишений нашей жизни; но такой полуфельетонный тон никак нельзя совместить с докладом генералу;

доклад должен быть выдержан в сухом, деловом тоне. Вечером я читал проект капитану З., который им явно не удовлетворен. Он находит его бледным и хотел бы более красочных и сильных выражений. Но тогда никак нельзя совместить этот тон с полуофициальным обращением.

Я дал тетрадь с моими записками капитану Д. Через некоторое время он принес мне ее в теплушку и передал мне четыре странички исписанной почтовой бумаги в качестве ответа. Я при нем прочитал про себя его письмо. «У Вас за спиной крылья, — пишет он, — на сердце — радость; в душе энтузиазм и горение. А я настолько моложе и меньше Вас. Я завидую Вам, как нищий богачу, Вашим переживаниям, в которых Вы больше всего юноша с таким живительным огнем... Моя душа прошла как раз обратный путь.

Я впервые почувствовал, что начинаю зябнуть, когда мы отражали конницу Буденного... Мои казаки и кадеты, как дети, испытующе смотрели мне в глаза и искали, как прежде, в них спокойствия и огня, а я почувствовал внутри себя ледок, что не могу им дать той гипнотической силы, которая увлекает других и может бросить без рассуждения на смерть. Я, кажется, Вам говорил, что только как грубый воин, грубым словом я поднял в них энергию и силу. Вы, как аристократ духа, осудили меня за это; а я понял, что это первые аккорды финала моей пьесы».

В этот момент, когда вся душа моя рвалась к нему, я не мог перекинуться с ним хотя бы парой слов. В нашей теплушке был народ; у него в купе — тоже (он живет не один).

— Мы сейчас пойдем с Вами гулять, — сказал я ему.

И мы пошли вдвоем в станицу.

Был резкий ветер. Вечерело. В станционном садике, где вчера висели на страх всему миру два повешенных солдата за дезертирство, обледенелые ветви деревьев стучали, как какие-то кастаньеты. Мы вышли в поле, а потом в унылую, нудную станицу, какую-то безлюдную и почти злобную. А мне хотелось теплой комнаты, где мы вдвоем могли бы нащупывать дружескую душу, где был бы рояль, который запел бы под ударами нервной руки; где можно было бы идти не только с ним рядом, как двум случайным спутникам, но взять его нежно за руку, погладить его голову, поцеловать его, как целуют ребенка...

Вечером, после того, как я читал капитану З. проект доклада, я был неожиданно приглашен в офицерское собрание. Это, собственно, довольно необычное приглашение, ибо до сих пор, кажется, ни один солдат не был приглашаем в офицерскую столовую. Капитан З. встретил меня и предложил место за одним из маленьких столиков — на четыре прибора,

кроме меня, за столиком сидели поручики Я. и Р. После ужина мы остались вчетвером, обсуждали вновь проект доклада, а затем капитан З. попросил меня прочесть мои записки.

У меня было двойное чувство: с одной стороны, было неловко приступить к чтению интимных записок, где были, кроме того, характеристики двух офицеров. Но главное, после письма капитана Д., которое начиналось словами: «Вы дали мне свою тетрадь и с ней частицу своей души», мне казалось, что это будет ужасно, когда он узнает, что частички своей души я раздаю так легко. Но я вспомнил, что неоднократно с поручиком Р. говорили мы о необходимости пропаганды во имя создания воинов нового типа. Мне показалось, что мои записки есть пробный камень для такой пропаганды. И я прочел все с небольшими пропусками.

Сегодня днем мы вновь обсуждали доклад. Капитан З. опять не пускает меня на фронт, хотя мне так хочется — пока есть возможность скорее приступить к снятию панорамы Ростова с наблюдательного пункта. На графленной бумаге должны быть нанесены угломеры всех главнейших пунктов в Ростове и Нахичевани. Конечно, мне, как математику и отчасти чертежнику, эта работа более подходяща, чем приборником подталкивать снаряд. Если же применение этой панорамы облегчит обстрел Ростов, то, конечно, это важнее, чем бумажные доклады разным генералам. Но капитан З. твердо решил ехать не раньше начала февраля и до того времени не отпускать меня на позиции. Буду пока мариноваться в милой Кущевке.

28 января. Кущевка. База. Вчера, во время обсуждения деталей доклада, возникла мысль, чтобы вообще связаться с внешним миром и общественными кругами. Капитан З. вполне основательно думает, что легче всего было бы осуществить это через Союз торгово-промышленных деятелей Центральной России, построивший наш поезд, и что следовало бы командировать в Новороссийск поручика Р. Тот категорически отклонил это, в форме, не допускающей возражений. Тогда капитан З. сказал:

— Для этой цели можно было бы командировать Владимира Христиановича...

Меня охватило какое-то необычайное приятное чувство. Поехать в Новороссийск с официальной миссией, увидеть опять наших общественных деятелей, завертеться в сферах Государственного объединения, Национального центра и Союза возрождения показалось вдруг чрезвычайно заманчивым.

Но едва ли легко наладить эту связь. Да вообще, где все они, в Екатеринодаре или поближе к морю на случай «драпа» — в Новороссийске? Я знаю только одно, что профессор А. В. Маклецов,

правитель дел Национального центра, в настоящее время в Новороссийске, и узнал я это совершенно случайно. Я проходил по перрону Куцевского вокзала, на стене висел номер «Вестника Штаба». Среди разных сообщений было напечатано, что находящийся в Новороссийске харьковский профессор Маклецов опубликовал список последних жертв красного террора в Харькове. Среди перечисленных фамилий я с ужасом увидел фамилию присяжного поверенного Б. П. Куликова.

Как трагична судьба Бориса Павловича. Я любил его за его блеск и за какой-то юношеский огонь. В «социалистической думе», сидя на местах народных социалистов, он громил большевиков часто с большим остроумием и пафосом. Когда я в декабре 1917 года вступил в число гласных этой печальной памяти думы, он — старый муниципальный деятель — ввел меня в первое заседание.

Пришли немцы, воссиял на киевском престоле ясновельможный пан гетман, — и пришли, наконец, большевики. Красный туман заволоч все вокруг. Суд был упразднен, сословие присяжных поверенных разогнано, и объявлен набор «правозаступников». Лучшие силы харьковской адвокатуры отклонили с негодованием это предложение, и адвокаты третьего ранга, сомнительные «ходатаи по делам» наполнили кадры нового института. Среди видных имен было только двое адвокатов, пошедших в правозаступники; один из них был Б. П. Куликов. Большевиков прогнали — и сословие присяжных поверенных судило тех, кто в тяжелые дни большевизма изменил знамени присяжной адвокатуры. Б. П. Куликов защищался с какой-то запальчивостью. «Не вы — а мы были хранители лучших традиций, — бросал он своим противникам. — Как врач не имеет права отказать в помощи, так и адвокат должен прежде всего защищать. И чем суд несовершенно, тем больше — его долг»...

«Неделя о правозаступниках» кончилась, для Б. П. Куликова оставила резко испорченные отношения с прежними друзьями, испорченную общественную репутацию и толкнула его, естественно, в оппозицию к существующему строю. «Вы правее, — сказал он мне однажды. — А я левее с каждым днем». Он был наиболее ярким представителем тех, кто отказывал Добрармии в каком-либо признании, для кого приход ее был испорчен силою событий... И когда все бежали из Харькова, он — как тогда говорили — остался там. Жаль человека, талантливого, экспансивного, но неустойчивого. Умереть от руки большевиков, и после всего того, что произошло с ним, — это несчастье, выше которого не представишь.

Когда я вернулся в теплушку и лег на свою койку, я вдруг

почувствовал, что ко мне — незаметно и тихо — подкралось искушение. Мне казалось, что я сжег свои корабли; что по крайней мере до занятия Москвы я останусь только солдатом, что мое прошлое подверглось забвению. И вот постепенно, совсем незаметно, вынырнуло это прошлое. Сперва кое-кто из офицеров стал называть меня «профессором». Потом у меня в руках появился портфель, с которым я стал путешествовать с проектами докладов. Потом я очутился за ужином в офицерской столовой и стал называть в неофициальной беседе командующего поездом Владимиром Николаевичем. И наконец, вынырнул вопрос с общественными деятелями и даже о командировке в Новороссийск. Все это создает душевную смуту. И хуже всего то, что у меня не хватает сил бороться с искушением.

Скоро ожидается наступление на Ростов и приезд на позиции Сидорина и Деникина. Я чувствую, что люблю Деникина так, как солдат может любить своего вождя. Я вспоминаю «Войну и Мир», где описывается это чувство любви к государю, когда хочется просто умереть на его глазах. Такой же любовью люблю я Деникина, этого благородного страдальца за русскую землю.

Я ненавижу Кубань, куда судьба загнала меня. Здесь все так противно и чуждо. Нудный скучный пейзаж, однообразный до тошноты, то есть, правильнее, отсутствие всякого пейзажа. Просто ровная доска, без зелени деревьев, без пригорков, без долин, наконец, почти без воды. Такой же противный и климат. Утром может быть весна, а вечером мороз с противным леденящим ветром. Морозы держатся упорно, и кажется, нет им конца. Люди хмурые и противные. В Ростове я видел эту здоровенную казачню, которая драпала по Садовой и Таганрогскому проспекту. Шли на «родную Кубань», обнажили фронт — и им, этим здоровенным мужикам, не было стыдно. Но, конечно, венец кубанского безобразия — это их знаменитая Рада. Тон, с которым они заговорили с Деникиным, есть тон лакея, почувствовавшего силу... И у этого лакея нет намека на чувство государственной перспективы... В момент, когда усилиями донцов и остатков Добровольческой армии так счастливо налаживается сопротивление, они готовы отправить нас на Принцевы острова, на Мальту — куда угодно, только бы стать «самостийными». Может быть, последнее им и удастся; но не более чем на месяц-другой.

30 января. Куцевка. База. Вчера я шел по перрону с капитаном Д. и моим товарищем, Мишей Коломийцевым. ^[69] Навстречу нам шли две молодые дамы с каким-то офицером и солидным полковником. Я сделал подобающее случаю выражение лица и отдал полковнику честь. И вдруг

одна из дам резко обернулась и сказала: «Ведь это наш профессор»... Кто она — я не знаю. Мы попробовали пойти вслед за ними, надеясь, что они вернутся, но они пошли куда-то прямо и скрылись из виду. И странно — вдруг захотелось безумно узнать, кто эта курсистка, и познакомиться. Опять прошлое выплывает ярким пятном. Опять из солдатской шинели выглядывает «профессор». Опять нарушается спокойствие духа, которое можно обрести только в полной нивелировке и отречении от прошлого.

Сегодня я получил предложение ехать в Новороссийск, не в форме приказанья, но в форме вопроса: не хочу ли я? Во всякое другое время я поехал бы. Но теперь, когда ожидается наступление на Ростов, я не могу уезжать. Я отказался.

1 февраля. Кущевка. База. Недавно в дивизионе супруги Н. получили письмо из Екатеринодара, от профессора К. Сейчас же стало известно это всему поезду и произвело большую сенсацию, ибо письмо получено по почте, а не с оказией. Мы уже перестали верить в почту и живем в этом отношении настоящими дикарями; теперь будем понемногу к ней приучаться.

Супруги Н. играли большую роль в истории моего поступления на бронепоезд. Когда в Харьков вступили добровольцы, он — приват-доцент университета — поступил добровольцем на бронепоезд. В Ростове, когда я уже решил поступить в армию, я узнал от профессора К., что Н. приехал в Ростов и не сегодня завтра будет у него.

— А нельзя ли мне поступить в бронепоезд? — неожиданно для самого себя сказал я.

— Едва ли. Это очень трудно без протекции, — ответил К.

Но мне всегда удавалось в жизни, если я сильно желал. При сильном желании получается уверенность, полная уверенность в том, что то, что я желаю, исполнится. И если только такая уверенность явится, не было ни разу, чтобы я не достиг цели. И тут вдруг явились и желание, и уверенность. И когда я встретился в кабинете у К. с М-м Н., в моем голосе звучали уже нотки гипнотической воли. Я сказал ей прямо о желании поступить на поезд и о моей просьбе к Василию Никитичу предпринять нужные шаги. Она сразу поняла меня, не протестовала — и видно было, что она сделает все. На следующий день я имел свидание с Василием Никитичем. Он счел своим долгом пространно изложить, как трудно будет мне на бронепоезде. К. слушал молча — и иногда неопределенная улыбка пробегала по его лицу. Когда Н. кончил, я твердо сказал:

— Обратитесь к полковнику Б., чтобы меня зачислили. — Это было последнее мое слово.

Вера Ростиславовна Н. — молодая дама с тонким лицом и совершенно белыми волосами. Она прекрасно владеет иностранными языками и в Харькове, в редакции «Новой России», была переводчицей. Я с ней встречался каждый день, сухо кланялся, несмотря на то что очень ей симпатизировал, и уходил в кабинет редактора. Только в Ростове, в кабинете у К., я почувствовал к ней необыкновенное доверие и дружбу. И когда я уже был зачислен солдатом, я поцеловал ей руку и сказал:

— Благодарю вас, что вы помогли мне исполнить долг моей чести...

Я знаю, что она носит с собой всегда цианистый калий, на случай пленения большевиками (она живет с мужем в дивизионе). Я попросил у нее нужную порцию; она обещала.

Накануне отъезда на позицию в первый раз я пришел к ней в купе. Это было на Новый год. Она лежала в сыпном тифу, но была в сознании. Она сейчас же вспомнила о своем обещании и передала мне маленькую пробирку с белым порошком. Я не имел бы никакой уверенности на позиции, если бы у меня не было этой последней возможности гордо умереть: в плен я не сдамся. Я сказал об этом поручику Р. Он ответил:

— Это нехорошо. Это грех.

Но я не вижу в этом никакого греха. В последнюю минуту, на глазах у врагов, которые будут меня обступать, я проглочу этот белый порошок.

Завтра я уезжаю на позиции с боевой сменой. Что-то должно произойти на днях: или наше наступление, или наш разгром. Мы сдали Одессу; большевики подходят к Ставрополю. Если это так, то мы далеко выдвинулись клином. Как будто нехорошо в Крыму. Но при всем этом не падаешь духом, потому что смерть входит — как *ultima ratio* — в мою программу. На фронте сейчас Деникин. На фоне очертаний Ростова его фигура полна символического значения.

Сегодня я с капитаном Д. приглашен был на ужин в дивизион. Было совсем как в хорошем семейном доме. Любезный хозяин, полковник С, и интересная симпатичная его жена, мать моего молодого друга, кадета Пети. Была чистая скатерть, хорошие приборы. Как давно не ел я такой рыбы и таких котлет. А потом погасили лампы, и при свете голубой лампадки перед образом я и капитан Д. стали читать стихи. Я следил за красивым лицом Ольги Николаевны; временами пробежала по нему какая-то тень. И я знал, почему это: завтра вместе с нами уезжает в первый раз на позицию Петя. И мы оба, в сущности, прощаемся перед боем. Откланявшись, я зашел в купе к Вере Ростиславовне. Я люблю ее все больше и больше. У нее такие лучистые глаза, после болезни.

— Дай Бог вам всего доброго... — сказала она, а потом вдруг

остановилась. — Дайте я вас перекрещу...

Я припал к ее руке своими губами, и казалось, что передо мной моя мать. Я торопился, потому что надо было становиться на дежурство. Как тяжело простоять три часа в холодную морозную ночь. Д. дал мне свою шубу, но все же руки и ноги почти отмерзли, и вспоминалась мать. Ее овальный портрет, похожий на старинную миниатюру, я ношу всегда в левом кармане френча.

Звезды блестят на бархатном небе. Захотелось петь о чем-то далеком и ушедшем. Ремень винтовки резал плечо — и боль эта, физическая боль, вместе с болью моего духа выливались тоже в какой-то ритм. И нараспев, иногда поправляя неудачные фразы, я читал вслух новые стихи, вылившиеся этой темной ночью:

Всегда, когда иду в бой,
Твой портрет я беру с собой...
На сердце, сжатом комком,
Его овал ляжет щитом.
Твой сын готов муки несть,
Умирая за отчизны честь...
Дорогая, во имя любви,
Его на подвиг благослови,
Пусть твой образ спасет меня
Не от пуль и не от огня.
Если нужно, — сквозь портрет дорогой
Пусть пуля пройдет иглой.
Но пусть твой овальный щит
От смятенья дух охранит,
Чтобы смерть воспринять с лицом,
Озаренным счастья лучом...

И я шагал мерно с ружьем на плечах, делая паузы на многочисленных цезурах.

На других постах так же мерно ходили другие.

5 февраля. 2 часа ночи. Батайская позиция. Все спят в кабинке орудия, кроме меня. Топится печка, завывает ветер... К вечеру 2 февраля я вновь вступил на борт моей английской леди — виккерсовской пушки. А наутро из штаба корпуса стало известно, что 3-го будет наступление на Ростов.

Полковник К., который только что вернулся из отпуска и теперь

вступил в должность комбрана, собрал всех офицеров в нашей кабине. Нам предстояла тяжелая и ответственная задача. Первая ударная полубатарея с пушками капитана Д. и поручика П. должна идти далеко вперед, почти туда, куда пройдут легкие бронепоезда; наши две пушки поручиков Юрия Л. и С. останавливаются на повороте (месте весьма пристрелянном большевиками) и вступают в бой, поддерживая головную полубатарею. Выступление должно произойти в ночь с 3-го на 4-е.

Необыкновенное чувство торжественной радости охватило меня. Весь день ходил я с мыслью о том, что хорошо приехать вовремя. А вечером, несмотря на резкий ветер и мороз, я гулял с моим другом капитаном Д. и под покровом ночного мрака делился с ним своими переживаниями. Накануне смертного боя вырастали наши души. И в первый раз, расставаясь, поцеловались мы, как два брата.

Как трудно писать почти в темноте, без стола, держа на коленях тетрадь, к тому же не карандашом, а углем для рисования, который то и дело отказывается писать. Но я хочу сегодня беседовать с самим собою.

Ночное выступление отложено на следующую ночь. День прошел в полном бездействии. Я был в кабине у капитана Д., и говорили мы о всяких пустяках. А потом пришел к себе и увидел, что наши офицеры, вместе с полковником, организовали блины. Поручик П. приготовил оказавшийся очень вкусным форшмак, капитан З. на самодельной сковородке пек блины, как заправский повар. Присутствие полковника чрезвычайно стесняет. Я знаю, что он любит «цукать». Моему товарищу по теплушке юнкеру Кузнецову влетело раз от него за то, что, войдя, он приложил руку к козырьку и сказал первым:

— Здравия желаю, господин полковник...

Кузнецов получил замечание. А в другой раз тот же Кузнецов вошел с докладом о числе снарядов на орудии:

— Вы просили, господин полковник, доложить вам...

— Не просил, а приказал...

— Извиняюсь, господин полковник...

— Не извиняюсь, а виноват...

Конечно, я могу надеть тысячу *larsus'*ов, а подвергаться замечаниям, да еще в резкой форме, неприятно. Я остановился у дверей, приложив руку к козырьку. Полковник ел блин, не замечая меня. Простояв секунды две, я опустил руку и подошел ближе к столу, надеясь поймать его взгляд и успеть козырнуть.

— Не хотите ли блина, Владимир Христианович? — спросил капитан З.

— Ради Бога подождите, — сказал я ему на ухо, — я еще не успел приветствовать полковника...

Действительно, блин в руке очень осложнил бы мое положение. Наконец, я улучил минуту и вовремя козырнул. Тот улыбнулся и сказал:

— Доброго здоровья.

— Здравия желаю, господин полковник.

Теперь можно было приняться за блины и водку, которую не пил со времени банкета в честь генерала Бриггса. Это был поистине изумительный банкет. Курск был сдан, и очередь шла за Харьковом. Но у нас не думали о сдаче. В большом зале коммерческого клуба, убранном пальмами и цветами, стоял громадный стол в виде буквы П, кувертов на двести. Английский генерал сидел рядом с генералом Май-Маевским и городским головою Салтыковым в самом центре. Было много речей (я говорил от имени партии народной свободы). Было весело, сытно, как в Москве в доброе старое время — так же пьяно. Но сознаюсь, только раз, между рыбой, приготовленной на вине, и ростбифом с соусом из трюфелей, мне показалось, что это пир Валтасара и что кто-то чертит на стене роковые слова. А через три недели все, кто собрались в этом зале, были далеко отсюда, трясаясь по темным, холодным теплушкам. В Харьков в это время вступала Красная армия.

Прошли еще сутки. Наступление как будто отложено. Слышно, что взяли Торговую, что в Крыму восстание. Тяжело быть в это время добровольцем. Тяжело — и почетно.

Сегодня вечером пришел в гости командир бронепоезда «Генерал Самсонов». Ели блины, пили водку — и в душе страдали, что наступление не вышло. И вдруг раздались выстрелы с неприятельского броневика. Побежал к телефону. Приказано было открыть огонь. Никогда не забуду этих десяти выпущенных снарядов. Это была «офицерская работа», по выражению капитана З.; наши солдаты спали далеко в вагоне, и из солдат был только один я. Поручик П. наводил орудие, капитан З. подавал снаряды, поручик Алексей Л., вызывая всеобщий смех, подталкивал его пробойником, я вставлял патрончик и по команде «огонь» дергал за шнурок в каком-то диком азарте. Стало весело, как во время детской шалости. Десять тяжелых снарядов полетело в Ростов. При блеске одного из выстрелов увидел я капитана Д., подошедшего к борту.

— Владимир Николаевич, разрешите стрелять моей пушке. — В его голосе звучала мольба и что-то детское: так просят дети, когда боятся, что им откажут.

— Хорошо, будем стрелять взводом...

И когда рядом с моим выстрелом стал раздаваться выстрел капитана Д., чувство буйной радости упоения боем окрасилось радостью от близости друга.

И только что кончилась наша симфония пушек и капитан Д., взволнованный, прибежал в нашу кабинку, раздалось приказание по телефону:

— К пяти часам утра быть готовым к наступлению.

6 февраля. 6 часов утра. Батайская позиция. Вот уже седьмой час — и не было приказа к наступлению. Капитан З. говорил по телефону с дивизионным: приказано было готовиться к пяти утра не потому, что предполагаем мы выступить, а потому, что, по агентурным сведениям, сегодня предполагается их наступление. В эти жмурки играем мы уже целый месяц.

Как упало опять настроение. А вчера ночью, после стрельбы, душа рвалась в бесконечную высь, и тело, которое так цепляется за жизнь, должно было замолчать в этом сиянии духа. И опять я с капитаном Д. бродил в ночной мгле, в адский мороз и ветер. Но нам было тепло: нас согревала дружба. И не говорили мы друг другу, но кричали, кричали — и смеялись, и почти плакали. И были мы оба молоды, как два шестнадцатилетних юноши.

Наконец, приближался этот миг, когда мы должны были поставить нашу жизнь на карту. И этот банк, который мы хотели сорвать, был Ростов. Что бы отдали мы, если бы ворваться в этот наглый город. Ведь, взяв Ростов, мы кладем на чашу весов первый груз, который должен потянуть весы к нашей победе... Капитан Д. посмотрел на небо, и казалось мне, что в его глазах блеснуло отражение этих далеких звезд.

— Это не фразы, — почти кричал он, заглушая ледяной ветер. — Но сейчас, дорогой мой, я умер бы с радостью за нашу дорогую мечту. Я не испугался бы ни пуль, ни бомб, ни шрапнелей — и я сумел бы и людей повести спокойно на смерть, как водил их раньше, в первый месяц Добрармии...

И вдруг он наклонился ко мне и голосом, в котором было столько душевной теплоты, сказал:

— А потом — вера моя падала и вместе с ней моя сила. И должно быть, судьба или Бог — это все равно — послал мне Вас, штатского человека, который влил мне новые силы своей верой и своим огнем.

Ледяной ветер почти срывал мою легкую английскую фуражку (я люблю наших теплых камилавок, которые при английском костюме выглядят особенно безобразно). Но должно быть, действительно, во мне

разгорался огонь.

— Друг мой, — сказал я ему, — поручик Р. убеждал меня, что значение здесь мое гораздо больше, чем быть каким-то номером пушки. Теперь я в это верю. Вот вы пройдете завтра вперед, гордый и сильный, так как и в Вашу программу вошла смерть. И если я хоть немного помог Вам в этом, я помог и всему нашему делу, и всякий наш успех я разделяю с Вами...

И вспомнилось мне, как вчера в кабинке произошел разговор. Поручик Юрий Л. сказал, что мне можно бы было поступить в наводчики. Поручик П. ответил ему:

— Я думаю все-таки, что надо настоящего наводчика (он назвал фамилию одного из солдат). Он парень смысленный, и его можно бы подучить. А ведь профессор — это так, для удовольствия...

Я ничего не возражал, да и смешно было бы возразить. Что мог я сказать? Что искусство наводчика требует смекалки и вовсе не требует физической силы? Полагаю, что если солдата, даже очень смысленного, надо еще учить, то меня учить панораме нечего. Что наводчик должен быть хладнокровным в бою? Но ведь они уже видели меня во время боя, и я могу утверждать, что никто никогда не видел моей растерянности.

Значит, отчего? Оттого, что я для многих — маргариновый солдат; подделка под солдата; должно быть, «барину» просто захотелось проделать все это «для удовольствия». А если бы догадались посмотреть в мою душу! И открыли бы они за этой оболочкой полуштатского человека душу настоящего солдата. Из всех, кто сейчас окружает меня, только капитан Д. знает это так же, как и я.

— Так вот она, эта ночь, может быть, накануне смерти... — сказал я ему. — И это совсем не так, как обычно описывается... А впрочем, вот что: я не знаю, где прекратятся эти записки. Если они прекратятся раньше, чем я бы этого хотел, продолжайте эту историю «Москвы» дальше.

— Я обещаю вам, хотя очень этого не хочу. Хотелось бы, чтобы обе наши истории прекратились вместе...

И снова попрощались мы с ним долгим поцелуем.

10 февраля. Батайская позиция. Это было 7 февраля, когда мы получили приказание взять Ростов. Мы вышли довольно далеко, оставив позади себя наблюдательный пункт, и открыли огонь из всех орудий. Морские орудия, которые стояли где-то рядом, открыли также пальбу по городским батареям. Нам не отвечали. Решительные минуты еще не подошли. Казалось, что это обычная стрельба, которую вели мы не раз за этот месяц; Но вот в городе, в районе вокзала, раздалась трескотня пулеметов. Все громче и громче. Это пехота корниловцев ворвалась со

стороны станицы Гниловской. Там, в этом городе, который скоро должен быть наш, разгорался бой.

Наш поезд медленно и плавно пошел вперед. По обводному пути мы проехали мимо взорванного моста. Громадная железная ферма одним концом держалась за устой быка, другим — беспомощно касалась земли. Внизу, за бугорком, расположились солдаты, направляющиеся на Ростов. Мы проехали дальше и вошли на длинную дамбу, обсаженную ветлами. Справа и слева ширилась необозримая белая равнина. А впереди виднелся Ростов, прямо в двух шагах от нас. Простым глазом можно было различить улицы, дома, все детали, которые раньше скрывались под покровом тумана. Мы остановились. И минуты через три с характерным свистом пронеслась первая шрапнель и разорвалась далеко за нами. Потом вторая, третья. Потом тяжелый снаряд — один, другой, распространяющий черный дым и целый фонтан земли.

Я сошел с боевой площадки. Почти все уже слезли тоже с поезда и ходили по насыпи, в одиночку и группами. Ко мне подошел К. В это время снаряд, просвистев над нашей головой, врезался шагах в восьми в близстоящую ветлу.

— Ну, как Гога, весело?

— Да, весело, — сказал он. И не было в нашем голосе ни тени столь естественного страха. Было на самом деле весело.

Подошел Д.

— Я с Вами, — сказал я ему. Мы посмотрели друг другу в глаза.

Огонь становился все сильнее. Я вошел в бронированную кабинку, где сидел поручик П. И только успел я войти в нее, как по телефону раздалась команда:

— К бою...

— Откинуть борты, — скомандовал Пирожков.

Я вышел из дверей кабинки. Над головой низко, низко проносились почти ежесекундно неприятельские снаряды. Под этим обстрелом придется сейчас работать на открытой площадке. Когда я выходил из дверей кабинки на площадку, что-то засосало и заныло под сердцем. «Пустяки», — подумал я и уже совсем твердо и холодно стал с солдатами опускать борты. Что-то пролетело над головой, что-то разорвалось где-то близко-близко, но я уже перестал замечать эти летящие бомбы. Повернув рукояткой пушку дулом почти на борт, мы стали ощупывать одну из неприятельских батарей. Поручик П. работал на панораме прямой наводкой. После каждого выстрела смотрел он в бинокль. И вдруг, почти в восторге, закричал:

— Попали! Вот они из-за угла домика приводят лошадей, увозят

пушку с опасного места.

Теперь можно было хоть немножко отдохнуть. Полковник К., который за болезнью полковника Б. замещал сейчас командира дивизиона, с большим биноклем в руке, вошел на нашу пушку. Я приложил руку к козырьку.

— Здравствуйте, профессор... Ну что, вы теперь довольны? Почти над нашей головой разорвался бризантный снаряд.

Да, я был теперь доволен. Мне не раз приходило в голову замечательное, по моему мнению, произведение Ибсена «Борьба за престол». В этой изумительной драме выводится образ мрачного епископа Николаса. Он ненавидит мир, потому что мир насмеялся над ним. Две страсти когда-то были у епископа: женщины и война. Но, сладострастно желая женщин, Николас не мог получить удовлетворения. Желая страстно быть полководцем, Николас выказывал в бою позорную животную трусость и бежал с поля чести. И боялся я более всего, что мечты мои, в которых хочешь всегда видеть в себе героя, сменятся на деле тем животным страхом, когда лязгают зубы и подгибаются колени. И вот этого не было. Я оставался совершенно спокойным. И только временами, как признак слабости, возникала одна и та же мысль: «Господи, почему так долго, так много часов подряд... нельзя ли скорее...»

И вдруг к общей симфонии разрывающихся снарядов присоединились новые.

Ведь это легкий бронепоезд. Возьмем его на прицел... Мы сделали три выстрела. Четвертый снаряд был уже вложен — оставалось мне дернуть шнур.

— Огонь!

Я дернул шнур; и с обычным грохотом, после которого иногда раздается какая-то боль где-то далеко в ухе, вылетел снаряд. Но пушка как-то неожиданно вздрогнула всем своим телом, как-то конвульсивно подпрыгнула и безжизненно опустилась...

— Сорвалась.

Наша пушка выбывала из строя в самый разгар операции.

12 февраля. Степная. В пути. Мы продолжали стоять на дамбе. Снаряды были уже для нашей пушки бесполезны. Под убийственным огнем неприятеля стали перегружать их с нашей пушки на соседнюю пушку Д. Пока была работа, весь этот свист и гул разрывающихся снарядов производил мало впечатления. Но вот работа кончилась, и каким-то бесполезным и выбитым из строя вернулся я в свою кабину.

Пушки продолжали гроыхать. Одна неприятельская трехорудийная

батарея особенно яростно обкладывала нас огнем. Снаряды рвались над самым полотном с какой-то дикой злобой. И опять под сердцем начала зарождаться какая-то тоска. Я почувствовал, что устал. Я вышел из кабинки на полотно. Уже стало темнеть; но снаряды — то бомбы, то шрапнели — продолжали рваться, то далеко перелетая над нами, то ложась у самого полотна. Я вошел в пулеметный вагон и сел около печки. Глаза слипались. Ушел куда-то вдаль продолжающийся бой. По телу разливалась приятная истома. Я заснул.

Проснулся я, когда было уже совсем темно. Я вышел из пулеметного вагона — и сердце заколотилось от прилива какого-то восторга. Мы стояли на середине громадного железнодорожного моста через Дон. Громадные скрепы его железной арки, эта ажурная грандиозная ферма казалась на фоне темного неба одновременно и грандиознее, и ажурнее.

Мы — в Ростове. Первая тяжелая задача выполнена. Армия доказала, что она может исполнять приказы вождей. Поезд дернулся и медленно, осторожно, как слепой, ощупывающий путь, пошел дальше. Вот этим самым путем ходил я из Гниловской в Ростов, в те дни, когда я еще колебался — как мне отрешиться от прошлого и пойти в армию. Еще сажен сто — и мы приедем. Моя нога ступит на ростовскую почву. Еще не успели мы доехать, как вошел поручик Алексей Л. с небольшим мешком.

— Взял в брошенных большевистских запасах — бульон «магги»... Это было весьма кстати. Хлеба не было, мы были все голодны, и от усталости чувствовалось это особенно сильно.

— Позвольте, я сварю их для всей команды.

Я налил полведра воды и бросил туда штук пятнадцать кубиков «магги». В нашей печке весело трещал огонь. Я поставил на него ведро. Теперь в кабинке я был один: все вышли на вокзал. Я знал, что многие ушли за «военной добычей», и я остался нарочно, чтобы не видеть в этот торжественный для меня час человеческих лиц, искаженных алчностью и жадностью. Пусть в эту минуту Добровольческая армия не поворачивается ко мне другой стороной медали!

Прошло уже два месяца с тех пор, как я вступил на бронепоезд. И за все это время я только два раза был один без людей. Однажды случилось как-то, что из теплушки ушли все, кроме меня. У меня очень покладистый характер, и я легко переношу тяжесть общежития. Подобно тому как во время боя я могу концентрацией мысли и воли не замечать разрывающихся снарядов, я могу в шумной компании двенадцати человек быть один и заниматься собственными мыслями и собственным делом. Но когда я вдруг остался на каких-нибудь пять минут в полном одиночестве, мне стало так

легко и так хорошо.

И вот теперь я вновь оказался в одиночестве. Вправо от вокзала, в районе Садовой, раздавалась трескотня пулеметов; на печке мирно кипел бульон — и в душе после бури и напряжения царил мягкий покой. Понемногу стали подходить с добычей: тюками сахара, табаку, спичек, кож и прочего товара. Наш боевой погреб был разгружен еще сегодня днем, после кончины нашей пушки; сейчас он сделался универсальным складом Мюр и Мерилиза. Я знаю, что это естественно, что бороться с этим трудно, что иногда военная добыча — это вполне законное дело. Но мне обидно было, что на месте снарядов лежат теперь товары, что лицо воина превращается в лицо купца.

Кабинка уже наполнилась людьми. Стало совсем тесно. Нашли где-то краюху черного хлеба. Я наливал бульон по кружкам и раздавал желающим.

— Нет уж, господин профессор, это пойло заячье, — сказал казак Харитонов, сплевывая на пол.

— Разве не вкусно?

В это время вошел полковник К.

— Вы, говорят, профессор, угощаете бульоном, — сказал он. — Дайте мне кружку. Ну как вы себя чувствуете?

Я не успел ему ответить, как вступил в разговор поручик П.

— Профессор был совсем молодцом, — сказал он. — Представьте, работал под нулевой вилкой, как нипочем. Открывали борты. Пронесся снаряд и разорвался в трех шагах. Я уже думаю — наш профессор без головы. А он ничего — стал стрелять.

— Когда же это было? Я ничего не заметил, — отвечал я. Действительно, я этого не помнил.

— А помните, была рядом с вами ветла, а потом, когда опустили борт, ее уже не было, — сказал поручик П.

— Да, теперь я припоминаю.

И я вспомнил только теперь эту ветлу, которая как подкошенная упала под откос, и этот снаряд, который со свистом где-то пронесся близко — близко над головой. Да, к счастью для меня, все это было.

Вечером приказано было вернуться в Батайск; в Ростове оставались только легкие поезда. И когда приехали мы на прежнюю позицию, темная прежде станция Батайска блестела электрическим светом. На севере, там, где сиял еще вчера Ростов, был беспросветный мрак. Так Батайск торжествовал победу над Ростовом.

На следующий день мы испытали тяжелые минуты. Утром стало

известно, что красные вновь взяли вокзал. Снова раздалась из города пулеметная и орудийная стрельба. Стреляли, кажется, из-за города, за Темерником. Потом выстрелы стали стихать, и к вечеру все успокоилось. Ростов и Нахичевань сделались нашими...

Наконец — это было 9 февраля — я смог поехать в Ростов. Поверх шинели я надел английскую сумку; положил в нее полотенце, мыло, немного сахара и мои записки; первое, что я сделаю, разыщу Г. Идти в только что занятый город было небезопасно. Я накинул за плечи английскую винтовку и обвязался патронташем. Я сошел с паровоза с нашим чиновником С. и каким-то офицером. Решили идти все вместе, пока не выяснится положение. Мы прошли несколько шагов и повернули на гору, на Темерницкую улицу.

Сколько воспоминаний. Ведь сколько раз ходил я по этому въезду в Ростов, который так нервно ожидал красных полчищ. И по этому же спуску я провожал свою невесту и прощался с ней на маленьком мостике на путях; я шел направо, в бронепоезд, стоявший на вокзале, она — налево, в Гниловскую. Был яркий солнечный день, слегка морозный. И первое, что нам повстречалось, была старушка с корзиночкой в руках.

— Бабушка, дайте пирожка, проголодались, — сказал С, обращаясь к старушке.

— Родненькие, дорогие мои, берите, милые, берите, Господь вас благословит. Уж дождалась я светлого праздника, спасибо, Царица Небесная... Кушайте, солдатики, кушайте...

Я никогда в жизни не ел таких вкусных пирожков. Я шел, держа в руке пирожок и уплетая его. В душе моей все сияло. Встречались люди, незнакомые и чужие. И смотрели они такими восторженными глазами, что, казалось, нет такой жертвы, которую жаль было бы принести, — лишь бы испытать восторг этих чужих и близких глаз.

— Вот они, идут, спасители наши...

— Родные, как измучились...

Боже мой, какое это счастье — войти в освобожденный город и чувствовать, что ты сам принимал участие в его освобождении. Что ты рисковал жизнью как воин, а не как зритель. Что идешь ты теперь запыленный и грязный — и идешь гордо, как раньше никогда не ходил, одетый в чистое белье и лучшие одежды.

— Со счастливым возвращением... Присяжный поверенный (он назвал свою фамилию). Это моя жена.

— Как я рада, как я рада.

Я иду дальше, уже теперь один. Я спешу к Г., на Почтовую улицу.

Меня останавливает дама:

— Вы спасли моего мужа. Он сидел в Чрезвычайке. Если бы не вы...

Дама плачет.

— Я так счастлив, вы не представите себе...

Кругом собирается публика. И вдруг раздается вопрос:

— А сколько у вас сил? Прочно ли вы заняли город?

И в вопросе этом чувствуется страх. Я иду дальше по Почтовой улице, нахожу тот дом и ту квартиру, где живет Г. Дверь заперта; я напрасно стучу — никто не открывает. Сверху с лестницы сбегает чья-то прислуга.

— К кому вы стучите? Там никто не живет... — говорит она.

— Как никто? А где же женщина, у которой жили на квартире два молодых человека?

— Ее теперь нет... а впрочем, если хотите узнать ее адрес — этажом выше живет ее брат.

Я почти вбегаю к нему на квартиру и объясняю, в чем дело. Тот говорит, что она переехала куда-то на Сенную; адрес ее он сейчас скажет. Один из ее квартирантов З. уехал на Кубань, когда совершилась эвакуация Ростова; Г. в Ростове, и адрес его знает его бывшая хозяйка.

— Она переехала всего два дня тому назад... Ведь в их квартиру попала бомба. Г. сидел в своей комнате с невестой. В соседнюю комнату упал снаряд, разворотил мебель, разбил балкон.

По времени попадания это мог быть только пятидюймовый снаряд. И очень возможно, что именно я пустил его к Г. своею рукою. А ведь я так часто думал об этом... Я уже сидел у них за столом, пил чай и закусывал холодным заливным. Мальчик лет десяти, сын хозяйки, смотрел восторженными глазами на мою винтовку. Глаза его горели. Он нежно трогал ее рукой и повторял:

— Я буду военным. Я буду военным.

Я поблагодарил любезных хозяев, записал адрес и отправился на Сенную. По дороге меня не раз останавливали, не раз благодарили и почти всегда испытующе спрашивали:

— Надолго ли вы пришли?

Что я мог ответить им? Я говорил, что думаю, что Ростов мы не только взяли, но и удержим. По слухам, уже Новочеркасск занят нами. Против Ростова был двинут целый Добровольческий корпус отборных войск.

— А вдруг «товарищи» вернутся?

Но я так верил в нашу победу, в наше наступление, я так хотел дальнейшего нашего следования на север, что моя вера заражала других. И еще приветливее, еще восторженнее провожали они меня глазами.

Хозяйка Г. жила в большой еврейской семье. Было много мужчин, много женщин. В столовой, куда меня привели, стоял большой столовый стол.

— Садитесь, садитесь, — любезно приглашал меня хозяин. — Закусите, чем Бог послал, а потом мы вас проводим прямо к Г.

Выпили по рюмке коньяку.

— За ваше здоровье.

Я рассказал им, что делается по ту сторону роковой черты. Что Верховным правителем Юга России является генерал Деникин, что осуществлена федерация казачьих областей, что Мельников является председателем совета министров, а Тимошенко — председателем Верховного круга; что, наконец, генерал Шкуро жив и командует Кубанской армией. Почти все было им ново. Они слушали внимательно. Наконец, один из присутствующих спрашивает:

— А как обстоит теперь национальный вопрос? И какая-то женщина сразу расшифровала его:

— Будут ли погромы?

Я ответил им, что могу ручаться, что Деникин и высшее командование настроены резко против погромов и, вероятно, каково бы ни было настроение отдельных лиц, погромов не допустят. Я говорил — и в моем голосе, прежде уверенном и сильном, не было уже прежней уверенности и силы. Я думал о многом виденном и слышанном, и мне становилось стыдно.

Я встретил Г., под руку с его невестой, недалеко от его квартиры. Еще минута — и мы бы разошлись. Его невеста — моя бывшая ученица по гимназии — узнала меня первой. Тот прямо остолбенел; наконец, обнял меня и поцеловал.

— Я бы вас никогда не узнал, — сказал он. — Вы так поправились и помолодели. Наконец, у вас такой боевой вид.

И когда мы проходили в его квартиру мимо большого трюмо, я с интересом посмотрел на себя. Большого зеркала не видел уже два месяца. И сейчас, когда я посмотрел на него, я увидел запыленного и грязного боевого солдата, обвешанного сумкой, винтовкой и патронташем. И сквозь пыль и грязь моего лица светились глаза, в которых играл какой-то юношеский блеск.

Первое, что я хотел, поделиться с Г. моими впечатлениями. Я начал ему читать свои записки.

— Я завидую вам, — сказал он, когда я кончил. — У меня так смутно и тревожно на душе... Ведь я совсем собрался с Ниной в Харьков; задержало

меня только неожиданное взятие Ростова.

Мы перешли в столовую. На хозяйском месте сидел его дядя, любезный седой старичок. Было непривычно есть за белоснежной скатертью, так, как полагается в хорошем буржуазном доме. После обеда я простился и пошел с Г. посмотреть на Садовую.

— Зайдем в кафе «Франсуа», — сказал я ему. В этом кафе собирались мы, все харьковские беженцы. Хотелось именно посмотреть, что делается там. Барышня меня сразу узнала. Приветливо кивнула и подошла к столику.

— Два по-варшавски и два по-турецки, — заказал Г.

Мы сидели с ним за столиком — и опять мне казалось, что это какой-то счастливый сон. Вся Садовая была запружена народом. Посередине двигались солдаты и конные разъезды; по тротуарам с обеих сторон шла непрерывная человеческая стена. И взоры почти всех, особенно молодых девиц, улыбались, как будто знакомому. И глаза многих говорили восторженно:

— Герой.

И я стал совсем юношей. Я почти плакал от счастья. И вспомнил я, что на Пушкинской живет мой приятель, приват-доцент Е. Это он говорил мне, что иду я спасти «погибшее дело». Там я должен сегодня быть.

Мое прибытие произвело целую сенсацию. Кто-то пустил слух, что наш поезд разбит, и он уже считал меня погибшим.

— Помните, вы говорили, что дело добровольцев погибло, — сказал я.

— Я ничего не понимаю. Это чудо, — ответил он.

— Да, чудо, но надо верить в чудеса, чтобы они были, — продолжал я, но, вспомнив, что уже седьмой час, а в семь мне надо быть на вокзале, поспешно откланялся.

— Оставайтесь ночевать.

— Нет, уж лучше завтра, я отпрошусь у командира сразу дня на два.

И я быстро побежал на вокзал. Улицы были совершенно темны, и на них не было ни души. Не встречались даже солдаты. Я шел по этим темным улицам со светлой и радостной душой. «Боже, — думал я, — Ты посылаешь все-таки счастье. И для того чтобы пережить один такой день, как сегодня, я готов перетерпеть еще десять ураганных обстрелов, готов быть раненным во время боя. Ты дал мне счастье, Господи, участвовать во взятии Ростова. Ты дал мне счастье положить первый камень для нашего возрождения».

13 февраля. В пути. Куцевка. На вокзале пришлось долго ждать и стало досадно, что я так торопился. Зал первого класса был совершенно пуст; только маленькая группа наших солдат стояла у одной из колонн.

Несколько железнодорожных служащих с каким-то азартом складывали тюки награбленного сахара и ящики со спичками. При ярком свете электрических ламп, при полной пустоте большого зала такой грабеж казался особенно циничным.

Было около 11 часов вечера, когда я с группой наших офицеров протиснулся в вагон отходящей летучки. В вагоне было почти темно; чья-то стеариновая свеча, прикрепленная к окну, тускло освещала грязный вагон четвертого класса. Старый генерал-корниловец устраивался удобнее в одном из отделений, сбрасывая какой-то грязный матрац, лежавший на одной из скамей. Ему помогли вышвырнуть этот матрац; сразу стало свободнее.

— Господа, здесь есть места, садитесь, — сказал генерал.

Я сел как раз против него. Свеча освещала его умное и интересное лицо с подстриженной седой бородкой. В руках у него был костыль. Разговорились. Говорили о денежной валюте, об экономическом нашем крахе, о том, как во Франции исчезли сантимы и остались су. То же произошло и с нашими копейками: их нет, и самая мелкая единица, пожалуй, — это пять рублей.

— Да, Ваше Превосходительство, только вера в конечное торжество нашего дела способна поддержать наши силы, — сказал я. — И вот первый шаг сделан — Ростов взят.

Генерал как-то странно переглянулся с корниловским офицером, и от этого взгляда заглодело у меня в душе. Я вспомнил, как на вокзале подошел к нам чиновник С. и сказал:

— Мне передали из штаба Корниловской дивизии, что под Торговой и Тихорецкой обнаружен глубокий обход и поэтому Ростов будет сдан.

— Поменьше распространяйте такие панические слухи, — ответил ему резко поручик Алексей Л.

И вот теперь, в этом взгляде генерала, вдруг почудилось мне, что это правда.

— Вы радуетесь занятию Ростова, — продолжал генерал. — Но я считаю, что вообще наступать теперь не следует: нам надо уйти.

— Уйти?.. Но куда же, Ваше Превосходительство? На Мальту?.. На Принцевы острова?.. В Сербию?..

— Нет, нам не надо покидать родной почвы. Есть неприступная узкая полоска земли — между Сочи и Туапсе. Мы должны щадить нашу драгоценную (я говорю это без всякой иронии) жизнь. Туда надо стянуть остатки славной Добровольческой армии — и ждать. Может быть, год, два, три. Дождаться, когда бабы пойдут с вилами... Плод еще не созрел; тогда

он упадет прямо на нас — и тогда только мы должны выйти. Пока мы дружим с Англией, Черноморский флот в наших руках, — продолжал генерал. — Это будет действительно неприступная наша твердыня. Пусть нас соберется немного, тысяч двенадцать, но отборных войск, готовых на все. Пусть там не будет духа наживы и спекуляции, которые создают наши войска. Пусть соберутся там те, в ком жив дух незабвенного Корнилова...

Мне хотелось поставить точку над «i».

— Ваше Превосходительство, разве Вы не чувствуете, какое значение для всех имеет взятие Ростова? Это первый шаг к дальнейшим нашим победам. Какой счастливый день я испытал сегодня в городе. Я торопился, но я сегодня же попрошу командира отпустить меня в Ростов дня на два...

— Взятие Ростова — это новые лавры в венок Добровольческой армии и большая ошибка, — сказал генерал. — Вы в этом скоро убедитесь. А командир — я в этом уверен — уже не отпустит Вас в Ростов...

Для меня стало почти все ясно. И когда мы остановились и я шел по темным путям, чувство ужаса и отчаяния сменило прежнее ликование. Я едва взобрался в свою кабинку.

— Владимир Николаевич, это правда? — спросил я капитана З. Капитан сидел с утомленным видом и пил чай.

— Да, если к четырем часам ночи положение не восстановится, Ростов приказано оставить.

Совсем разбитым, я стал снимать винтовку и патронташ. Оставалась одна только надежда на чудо. Но еще Тургенев сказал, что все молитвы о чуде сводятся к одной: «Господи, сделай так, чтобы дважды два не было четыре». Что отдал я бы за чудо? Я видел перед собою Ростов, эти восторженные лица, эти тысячи глаз, которые смотрели на меня с надеждой и радостью. Мы обманули их. Завтра проснутся они — и увидят, как мы бросаем их на произвол красных палачей. И если бы в ту минуту сказали мне, что ценой невероятных пыток можно спасти Ростов, я отдал бы себя на мучение, и они были бы для меня высшей радостью.

Я стал раздеваться. А кругом говорили, как делить захваченную добычу. Как такой-то казак уже «загнал» товару на 58 тысяч. Какие цены стоят на сахар и кожи. Тяжелым дурманом свалился на меня сон. И только светлой полоской блестела в душе слабая искорка надежды — надежды на великое чудо.

Настало утро — и стало ясно, что Ростов сдают. В первый раз за все время моей военной службы на меня напало какое-то отчаяние. «Почему не убило меня тогда, 7 февраля, — думалось мне, — я умер бы с сознанием, что мы одерживаем победу».

— Какой Вы сегодня мрачный, — сказал Петя. — Вас, должно быть, загонял поручик П.

У поручика П. — начальника орудия нашей смены — действительно тяжелый характер. Он контужен в немецкую войну, нервен и раздражителен до крайности. С большинством из моих коллег у него выходили недоразумения. Но я подхожу теперь к людям с особым масштабом «*Tout comprendre, c'est tout pardonner*». Мне хочется теперь именно остаться у него, чтобы доказать — главным образом себе, — что человеческая душа прекрасна и если отбросить мелочи, то можно найти ключ к любой душе. Я уверен, что сумею работать с ним.

Милый Петя! Тебе тоже тяжело оставлять Ростов. Но ты так молод, так непосредственно любишь жизнь, что удар этот не раскалывает болью твоей души...

— Как мне тяжело в службе связи... Как я хочу на орудие... — говорит Петя, сидя у телефона, и шепчет на ухо: «Дайте мне кусок хлеба, я ничего не ел».

Я отрезаю хлеба и, чтобы не смущать его, потихоньку передаю ему. И так же осторожно наливаю ему чаю... Какое ужасное время, когда почти дети должны воевать!

Ночь. Я выхожу на площадку. Теперь там, на той стороне Дона, уже большевики. Ростов и Нахичевань в полной тьме. Только над Ростовом стоит зловещее красное зарево пожара.

14 февраля. 2 часа ночи. Кущевка. В пути. Пока мы воевали, наша база уехала двумя станциями дальше — в Шкуринскую. Это может при современных условиях передвижение стоить двух дней пути. Я уже сбился со счета, сколько суток мы путешествуем. Так хочется поскорее в базу, вымыться, переодеться и немного отдохнуть. В кабинке все спят; одному не хватает места. Целую ночь придется мне провести без сна. Дрова все вышли; и несмотря на то, что стала теплая погода, холодная сырость пронизывает меня всего.

Поручик П. проснулся от холода и говорит сквозь сон:

— Ради Бога, накройте меня шинелью, я так зябну.

Я набрасываю на него шинель и закрываю его. С каждым днем отношения наши делаются лучше.

— Я виноват перед вами, — сказал он мне вчера, — до Ростовского боя я был о вас совсем другого мнения. Я думал, что вы — буржуй и поступили сюда, как многие, которым некуда деваться. Теперь я вижу, что это не так.

Я считаю это признание большой победой. Для большинства я должен

казаться или таким драпающим буржуем, или Дон Кихотом. Чем больше людей поймут мою психологию, тем больше я буду прав, ломая свою жизнь ради идеи активной борьбы за попираемое право.

Я еду в Москву. Как усложнилось это путешествие. Прежде билет в sleeping-car, свежая простыня в уютном купе, несколько часов езды, и освещенный электрическим светом перрон Московского вокзала. Теперь несколько месяцев стоянок, путешествие по нудным кубанским станциям взад и вперед, артиллерийский бой, дни без пищи и ночи без сна. И все это входит в то же самое путешествие в Москву. И если придется ехать куда-нибудь на Мальту — для меня это будет часть путешествия все в ту же златоглавую столицу. Придется ли доехать до цели? Не разорвутся ли рельсы моего тернистого пути? Не свалится ли мой поезд с высокой насыпи, которую я соорудил для него из моей любви и моих страданий? Не встретит ли меня смерть на каком-нибудь полустанке, чтобы сказать, оскаливая зубы:

— Выходите... пересадка...

В твоих руках, Господи, моя судьба. Но я двигаю мой сумасшедший экспресс по одному ориентиру. На скрещении нитей моей панорамы виднеются златоглавые купола Московского Кремля...

Литургия верных

23 февраля. Екатеринодар. Совершается великое таинство жизни и смерти. Почти для всех, кого я встречаю, наступают дни ужаса и отчаяния. Кажется, что рушатся прежние устои. Кажется, что Антихрист, восседающий в Кремле, торжествует победу над поруганным Христом. И готовы люди проклясть самое служение Христу — ибо печать Антихриста видят во всем сущем на земле. Для меня же совершается великое таинство. Чей-то голос, подобный раскату грома, произнес роковые слова: «Елицы оглашении — изыдите...» И кончается литургия оглашенных. Начинается литургия верных.

Ровно две недели тому назад я был в Ростове. Ходил по ростовским улицам, видел восторг освобожденного города и верил в нашу победу. Мы погнали большевиков, которые бежали в панике, оставляя нам свои орудия, бронепоезда, свое имущество и свои запасы. И теперь мы шли бы вперед, в Донецкий бассейн. Но кубанцы дрогнули, обнажили фронт, частью разошлись по станциям, частью предали врагу. Пришлось оставить Ростов. Пришлось сдать Батайск, который, как белый Верден, почти два

месяца отражал удары большевиков. А затем покатила красная волна по Кубани. Едва успевают наши поезда отходить от наступающих врагов. Наша армия загоняется к Черному морю.

Все наши четыре орудия, вслед за моим, вышли из строя. Осталось одно пятое орудие Виккерса, отнятое у большевиков с бронепоезда «Товарищ Ленин». Нам нужно чиниться — и мы летим стрелою в Новороссийск. Но нет уверенности в том, что мы действительно будем чиниться и недели через три пойдем назад, в бой. Почти все говорят, что в Новороссийске мы бросим базу, испортим окончательно орудия, а может быть, вместе с ними будем посажены на пароход и транспортированы в Крым. Там составим мы ядро верных нашей идее, и чем больше оглашенных отойдут от нашей литургии, тем чище и полнее будет наше последнее служение.

24 февраля. Екатеринодар. Несколько дней тому назад командир заявил всем казакам, что держать он их не будет насильно и желающие могут быть с поезда откомандированы. Почти все казаки заявили об уходе.

— Как ужасно, что бегут они как крысы с тонущего корабля, — сказал капитан Д.

Но мне, наоборот, стало радостно так, как бывает во время опасности, когда что-то торжественное спускается с горных вершин. Мы остаемся одни — человек шестьдесят, вместе с офицерами. Не будет этого подразделения на «мы» и «они». И я сказал капитану Д. о начавшейся литургии верных.

На следующий день казаки одумались — ушло только несколько человек. Мы будем и впредь иметь половину команды, которая сомневается, куда ей идти. Что толку в этих сомневающихся? Не пора ли поставить вопрос о чистом добровольчестве, об ордене духовных рыцарей, куда принимаются только после искуса.

Н. совсем пал духом. Желчно и зло доказывает, что дело наше безнадежно погибло. Смеется над моей верой со злорадством, каким-то исключительным. Он проклинает тот день, когда вступил добровольцем. И добровольцы, и большевики в его глазах одинаковые грабители. У большевиков даже есть то, чего нет у нас, — организованность. Порядочному человеку нет места среди Добровольческой армии — и он мечтает пойти на комиссию, получить отставку, отряхнуть прах от ног своих.

— Поступая сюда, я думал, что совершаю великое дело, а теперь — не будет ли это позором, — сказал он. — Вместо идеи Великой России приходится защищать дело авантюристов.

И он с радостью очутился бы теперь в Москве, где он мог бы заниматься наукой и в кругу своих единомышленников отводить душу.

Между мною и им легла непроходимая пропасть. Меня возмущает эта интеллигентская расхлябанность, а его — мое упорство, которое в его глазах граничит с глупостью. Через каждые два слова он подчеркивает, что, «рассуждая логично», он приходит к этим выводам. Я думаю, что человеческая логика не всегда проникает в бездны Божьих путей. В Кущевке один интендантский чиновник (между прочим, офицер) сказал, что на английском обмундировании он переменит форменные пуговицы на штатские: неуместно русскому офицеру носить герб с собаками. А по-моему, особенно уместно. Там есть два девиза. *Honny soit qui mal y pense*, *Dieu est mon droit*.

В Екатеринодаре посетил профессора К. Обрадовались, расцеловались. Он так же интересен, сдержан, элегантен и свеж. Только много белых волос засеребрилось на его висках. В маленькой комнатке, куда пришло много беженцев-профессоров, я читал по их просьбе свои записки. Оказалось, что присутствовавший Богдан Кистяковский возился с Кубанской радой, кого-то инструктировал и чуть ли не составлял какие-то законопроекты. То, как я поносил кубанцев и их Раду, приобрело особую пикантность. Странная судьба Кистяковских: Игорь устраивал самостийную Украину, Богдан устраивает самостийную Кубань. Около К. все в панике. То ли бежать, то ли нет. И больше склоняются, чтобы остаться: героизма бегства надолго не хватает. Да и верно:

Бежать. Но куда же?

На время не стоит труда,

А вечно бежать невозможно...

И сейчас же начинают звучать знакомые нотки. Дело добровольцев проиграно. Вчера расстреляно 11 офицеров за грабеж, а сколько не расстреляно? Явился какой-то доктор, перебежчик от большевиков. Он ужаснулся безобразию нашей санитарной части (есть от чего ужаснуться, больные и раненые просто бросаются). Но оказывается, что дело эвакуации поставлено у большевиков идеально: они заботятся прежде всего о своих раненых. Наконец, большевики изменили прежний режим, а террор стал значительно мягче. Прокладывается пока что мостик к советской России. Кто-то запасается удостоверением о принадлежности к профессиональному союзу. Что же? Все это трезво и... логично.

Я приобрел недавно кольт — и полюбил его, как самую дорогую вещь. Цианистый калий переходит в углекислый калий и может изменить. Колт не изменит. Вчера ночью я шел на Черноморский вокзал по темному пустырю. Колт в моем кармане придает большую уверенность. Теперь он особенно нужен, так как ожидается выступление местных большевиков.

Пришел вечером наш фельдфебель Хацковский в некотором подпитии. Люблю людей, которые умеют весело пить, о которых сказал Беранже:

...не то чтоб очень пьян,
Но весел бесконечно.

Я наблюдаю давно за Хацковским и все больше к нему привязываюсь: он не изменит. Он даже в шутку не позволит себе сказать что-либо ироническое по адресу Добрармии (что некоторые себе позволяют). К нашему делу относится он серьезно, и видно, что три Георгиевских креста обязывают его быть верным до конца.

Сегодня, возвращаясь из города поздно вечером, на темном пустыре между городом и вокзалом меня окликнул чей-то незнакомый голос:

— Профессор Д.?

— Да. Но кто вы, не узнаю.

— Поручик К.

С ним я встречался три раза. Первый раз это было в Старобельске. В 1917 году, перед выборами в Учредительное собрание, я поехал туда сражаться за партию народных социалистов. Он выступал оппонентом от партии народной свободы — остроумно, красиво, даже ярко: он был опасный оппонент. Потом мы очутились с ним в одной партии; но вновь пришлось сразиться в Харькове, незадолго до прихода большевиков, на партийной кадетской конференции. Он был на крайне правом лагере и говорил такие вещи, которые неприемлемы даже для октябриста. Теперь мы встретились — оба фронтовики — и первый раз заговорили не как противники. Правда, он считает, что все погибло. Но он не бежит, он готовится только сам погибать. Это способно меня объединить с людьми любых направлений и любых партий: все эти люди будут участниками литургии верных.

26 февраля. Екатеринодар. Вчера я позволил себе буржуазную роскошь. В компании с капитаном Д. — К. и его женой мы отправились в ресторан «Привал» пообедать. Супруга Гоги — молодая, очень эффектная дама, одетая с большим вкусом. Это молодая пара — сам Гога и она —

подходят друг к Другу. Такова и должна быть молодость. Пообедали, не стесняясь в деньгах. Кончили шампанским — и в первый раз в жизни я заплатил за обед около 5000 рублей. Заплатил, и не было жалко. Я люблю легкое опьянение, особенно после шампанского. Нити дружбы становятся как-то крепче. Жизнь кажется красивее. Люди — лучше. Надежды сильнее. А потом пошли в симфонический концерт. Слушали Листа и Вагнера. Но должно быть, я уже отвык от музыки. Остается одно непосредственное удовольствие, и пропадает вся прелесть сложного контрапункта, за которым уже не способен уследить.

Кажется, наконец, мы уезжаем из столицы Кубани. Надоел мне Екатеринодар до тошноты. С внешности — это деревня, по существу — это приток людей, мятущихся в страхе и потерявших последние проблески гражданственности. Все эти разговоры нервируют и разлагают наш дух. Помню, какими стойкими мы стояли в Батайске. Какими железными были наши сердца. А в это время база в Кущевке уже нервничала и боролась с паникой. Но все это ничто по сравнению с Екатеринодаром; здесь с паникой никто и не борется, а наоборот — ее культивируют. Воображаю, что делается в нашем Центрострахе — Новороссийске. Я мечтаю о том, как поставят нам в Новороссийске новые пушки — и пошлют снова куда-нибудь сражаться. Без этого мы все обратимся в компанию неврастеников и спекулянтов.

От профессора А. В. М. получил неожиданно письмо из Новороссийска от 11 февраля. Он пишет, между прочим: «Теперь, после взятия добровольцами Ростова, настроение здесь поднялось. Неизвестно, долго ли мы пробудем в Новороссийске, быть может, придется переехать в Екатеринодар или Ростов». Как тяжело читать это...

Мне хочется в Новороссийск. Может быть, перед смертью увидеть вновь наши «общественные круги», моих друзей и моих врагов. От них я не жду прилива бодрости. Но сама их слабость может претвориться во мне в новую силу. Сегодня поручик Р. сказал:

— В то время, когда уже прекращались гонения на христиан, многие пошли на уступки и внешне отреклись от христианства. Когда торжество церкви было обеспечено, они покаялись и просили принять их вновь. Но сильные духом и перенесшие все испытания горделиво отвергли их мольбу. Спор был перенесен на собор, который стал на сторону раскаявшихся, после чего гордецы образовали свою общину и положили начало ереси Донатствующих. Опасно, как бы это не произошло с вами: надо смирить свою гордость.

Буду всегда вспоминать его слова, если гордыня моя помутит мою

совесть. Когда сегодня я беседовал с поручиком Р., он поднял один из тех вопросов, который мучительно переживался мною лет двадцать тому назад.

— Вы не протестант, — сказал он. — Вам нужно перейти — и не в православие, но в католичество. Вы католик по духу; у вас в прошлом есть корни в католичестве. В среде образованнейших патеров, дисциплинировавших свой ум и свою волю, было бы вам надлежащее место.

Возможно, что он прав.

Сегодня же встретился я одновременно с поручиком Р. и Н. Н. По-прежнему хулит все, что соприкасается с Добрармией — этой «шайкой грабителей». Те одинокие, которые остаются в этой шайке чистыми, — это юродивые. Поручик Р. весь загорелся. В эту минуту что-то от протопопа Аввакума, от всех тех, которые сжигали себя в срубах, блеснуло в его глазах.

— Вы напрасно так говорите о юродивых. Церковь их благословляет. Это верно. Юродство иногда является отдушниками, без которых человечество задохнулось бы.

Последние дни у нас в теплушке — пьянство до потери человеческого облика. Когда-нибудь лик звериный будет побежден сиянием духа.

27 февраля. Екатеринодар. Наша трагедия развивается неуклонно — последовательно. Сегодня было весь день нервное настроение. Все думали, как уехать — а сами продолжали стоять на 15-м пути, в безнадежном тупике. А когда стало заходить солнце, то обнаружили и первые признаки нашего конца. Было приказано сократить наш состав. Стали выбрасывать вагоны. Пока выбрасывались обыкновенные красные вагоны, казалось это почти обычным; но когда выбросили два наших вагона, выкрашенных в фиолетово-серый цвет, с трехцветным угольником и надписью: «На Москву», отозвалось это где-то глубоко в душе, как начало конца... Goetterdaemmerung.

Часов в одиннадцать ночи пришло второе распоряжение: мы бросаем в Екатеринодаре целый ряд теплушек, уплотняясь частью по другим теплушкам, частью по боевым площадкам. Возможно, что скоро мы будем принуждены бросить всю базу, все свои вещи и на боевых площадках отправиться в Новороссийск. На станции Крымская становится боевой наряд в 36 человек: нам надо прорваться сквозь царство «зеленых».

Видно, как разрушается наш поезд. Когда-то чистая наша теплушка, где ярко горел электрический свет, превратилась в грязный вагон; а теперь мы можем лишиться и этого последнего пристанища. Казаки уходят от нас. Приближается час, когда останутся одни обреченные.

28 февраля. Екатеринодар. Сегодня утром меня разбудил знакомый голос. Это был солдат с бронепоезда «Орел», паровоз которого тащит теперь нас дальше, — студент К. Он очень дельный молодой человек; много работал в Харьковском обществе грамотности. Я с ним встречался по партийной работе, когда был еще народным социалистом, а потом в редакции «Новой России». Он передал мне номер «Свободной Речи», который А. В. Маклецов просил отдать мне при свидании. Там написана его статья под заглавием «Рыцари духа», в которой говорится о тех праведниках, которые в момент, когда, по общему признанию, армия погибает, пошли на ее защиту с оружием в руках. И рассказывает дальше, как один профессор-математик, кабинетный ученый, который часы своего досуга уделял журналистике и общественности, заявил однажды своим друзьям, что поступает на бронепоезд. А теперь 12 суток находится он под Ростовом — и пишет, что ни минуты не раскаивается в том, что поступил в армию. «Может быть, только кровь этих праведников доведет Россию до национального возрождения», — говорится в статье. Мне было радостно прочесть ее. И сейчас же я подумал, что это гордыня, и пошел исповедоваться к поручику Р. Он не осудил меня.

Мне безумно хочется в Новороссийск, хотя бы на один день, чтобы видеть всех тех, с которыми у меня так много общего в прошлом. Но я попадаю в боевой наряд тридцати шести, который остается в Крымской, кажется, для борьбы с «зелеными». База уедет в Новороссийск без меня. Я попросил поручика Р. посетить профессора А. В. Маклецова и поговорить с ним о всем, что так близко мне. Должно быть, не суждено мне повидаться с моими друзьями.

Будущее темно и неясно. Мы разлагаемся с каждой минутой. Ясно — поезд, как таковой, погибает. Пусть же Господь сохранит дух жив, чтобы со страхом и трепетом, но без отчаяния и ужаса приступить к началу новой литургии.

29 февраля. Линейная. В пути. Через час мне идти на дневальство. На дворе темно, как в могиле; воет ветер, пронизывает сырость. Мы все никак не можем доехать до Новороссийска. Вчера была тревожная ночь. Приготовили пулеметы, зарядили винтовки. Кругом орудуют «зеленые». А ночью вышла вода в тендере — и всю почти ночь наливали ведрами воду в паровоз.

Сейчас мы стоим без паровоза на станции Линейная — и сколько будем стоять, одному Богу известно. Наша судьба так же темна, как эта темная ночь. Доедем ли до Новороссийска? Не придется ли на пути погибнуть от «зеленых»? А если и проедем, что предстоит нам дальше?

Всего вероятнее, что бронепоезда будут вообще ликвидированы и из нас образуют пехотные части. Только бы не распыляли нас по разным частям и не разлучали бы тех, кто так сроднился друг с другом в дни защиты Батайска и взятия Ростова.

А пока стремлюсь в Новороссийск. Скорее проехать бы, пока не эмигрировали мои друзья. Я, кажется, вычеркнут из списка остающихся в Крымской, и на это у меня есть надежда. Опять увидеть А. В. Маклецова, М. Ю. Берхина, может быть, Петра Рысса — всех тех, кто собирался в Харькове в «Белом Слоне».

2 марта. Новороссийск, 12 часов ночи. Приехали. В Крымской оставили два орудия: «Товарища Ленина» и мою пятидюймовую, которую починили. С надлежащим количеством офицеров и команды эти орудия будут курсировать от Тоннельной и далее, сколько будет возможно, в направлении Тимашевки.

По существу, наш тяжелый бронепоезд превращается в легкий и центр тяжести с орудий переходит на пулеметы, которые у нас до сих пор бездействовали. В тылу придется бороться с шайками «зеленых»; на фронте, который не представляет сплошной линии, с красными. Все это создает большую опасность; так погиб целый ряд наших бронепоездов. И я — ввиду отправления в эту экспедицию нашей пушки — должен был бы попасть в первый наряд. Но мне безумно хочется увидеть моих политических друзей еще раз, может быть, в последний раз в своей жизни. Когда, незадолго до прихода в Крымскую, я был вызван поручиком П. на орудие, где предстояло исправить борты, я не удержался, чтобы не предпринять шаги для некоторой отсрочки.

Должен сознаться, что я испытал сложное чувство. Когда я пришел на пушку и убедился, что по-прежнему легким поворотом рукояток тело орудия послушно поворачивается куда угодно, загорелась прежняя любовь к моей английской леди. Здесь, на этой площадке и в этой кабинке, все так мило и дорого, все полно воспоминаниями о славной защите Батайска... Не хотелось расставаться с этой пушкой, с которой вместе пережил столько дорогих дней. Испросить, чтобы мне дали возможность уехать в Новороссийск, было очень трудно. Кроме того, не хотелось, чтобы подумали, что в эту тяжелую минуту я стремлюсь пробраться в тыл. Но желание видеть моих друзей, которые каждый день могут уехать за границу, оказалось сильнее.

— Кто остается на орудии, вы или поручик Л.? — спросил я поручика П.

— Остается Юрий Осипович, — ответил он, — а я приеду дня через

два, ему на смену.

— В таком случае у меня к вам просьба. Вы знаете, как мне необходимо повидаться с моими друзьями, — сказал я ему. — Нельзя ли не включать меня в смену и приехать на позицию вместе с вами?

— Я ничего против этого не возражаю и доложу поручику Л., — отвечал он.

Таким образом, мне дали возможность приехать в Новороссийск. Завтра, вероятно, я увижусь с ними. Если бы только они не успели уехать.

По дороге на одной станции за Крымской меня вызвали из теплушки. Я, к великой моей радости, увидел нашего стипендиата, Бориса Степановича В., или, как мы обычно звали его, Степаныча. Степаныч мой земляк по Вольску — исключительно даровитый человек. С юных лет он проявил особенную любовь к природе и ее исследованию. Когда я держал экзамен на магистра и жил в Харькове в бедной квартире на Панасовке, он снимал у меня комнату, и она вся была полна разного зверья. Профессор Сушкин обратил на него внимание и оставил его при университете. Молодой В. имеет уже несколько печатных трудов по зоологии и подает блестящие надежды. В последний момент он вышел из Харькова в компании нескольких ассистентов и лаборантов. Теперь все они солдаты и несут тяжелый полевой караул между Абинской и Тоннельной по охране от «зеленых». От самого Харькова тащились они пешком, часто неся на себе орудия, и до сих пор им не дали казенного обмундирования. Они обносились до крайности, обтрепались и похожи не на солдат, а на каких-то разбойников на больших дорогах. Когда наш поезд тронулся, Н., который был при нашем свидании, сказал:

— Какое это безобразие... Конечно, Степаныч жалеет, что ушел из Харькова... — А потом прибавил: — Лучше всего было бы пробраться ему в Тифлис, где его ждет готовое прекрасное место...

Сегодня, наконец, сниму сапоги и разденусь. Три ночи приказано было не раздеваться в ожидании налета «зеленых». Слава Богу, доехали мы без всяких неприятностей. Завтра увижу А. В. Маклецова, князя П. Д. Долгорукова, остатки нашего Центрального Комитета, некоторых товарищей по редакции и, вероятно, многих харьковских беженцев. А дня через два, простившись с ними, отправляюсь туда, куда меня призывает мой долг.

3 марта. Новороссийск. Утром я направился в город. Дорога шла по бесконечным железнодорожным путям, мимо целого ряда строений, похожих то на грандиозные пакгаузы, то на элеваторы. Какой-то живительный морской воздух давал исключительную бодрость, и я в

компании человек пяти моих товарищей по теплушке быстро бежал по направлению к порту.

Я волновался. Вот через какой-нибудь час я увижу всех, к кому я так стремился, и прежде всего профессора А. В. Маклецова. Харьковская партийная конференция создала трещину в наших отношениях; потом она чуть-чуть сгладилась. Теперь от этой трещины не оставалось и помину. Осталось только самое лучшее воспоминание о совместной работе. И я летел вперед, боясь пропустить каждую минуту.

Мы подошли к молу, чтобы сесть в моторную лодку, — и глазам открылся изумительный по красоте вид. С одной стороны поднимались высокие суровые горы, покрытые наверху снегом. Внизу под этими горами раскинулся порт и глубоко врезывалась бухта. Зеленоватые волны моря чуть-чуть колебались от легкого свежего ветерка. На рейде стояли иностранные суда, и среди них, в каком-то тумане, английский красавец — дредноут «Император Индии».

Стало как-то привольно от этого вида на далекое море. После необозримой равнины нудных кубанских степей, после грязи безнадежных казацких станиц, вид на эти горы как бы остановившегося с разбега Кавказского хребта, на эту даль привольного моря, на эти военные суда, на кипучую жизнь порта вливал какую-то новую бодрость. Вдруг вместо русской безнадежности почудилась заграничная кипучая жизнь, полная движения, новых возможностей и новых достижений.

Быстро понеслась моторная лодка, и я сошел на берег. Два-три поворота — и я перед домом, где живет профессор Маклецов. Вероятно, он не уехал: он писал мне, что уедет в последний момент.

Я вошел во дворик и подошел к небольшому крылечку. Вниз спускается седой, пожилой полковник.

— Здесь живет профессор Маклецов? Полковник остановился.

— Профессор Маклецов уехал третьего дня на пароходе «Святой Николай» в Салоники...

Меня будто ударило обухом по голове.

— Я хорошо знал профессора Маклецова; он отвез письмо моей жене, — продолжал полковник.

Мы познакомились.

— А не знаете ли, господин полковник, где найти мне князя П. Д. Долгорукова?

— Нет, не знаю. Вероятно, узнаете в английской миссии.

Мне было очень досадно. Ведь я обладал единственным адресом профессора Маклецова; через него я мог связаться со всеми остальными.

Где теперь найду я их всех? Я пошел наугад на главную улицу Серебряковскую. Тротуар был полон народа, главным образом военные; моя рука устала козырять. Но в этой густой толпе не было никого, кого я так жадно искал. И вдруг в толпе я увидел одного из видных сотрудников «Новой России» — М. Ю. Б. Я окликнул его. Мы поцеловались.

— Скажите, кто же в Новороссийске?

На лице Михаила Юрьевича видно было замешательство.

— Почти все уехали. Если бы вы приехали неделей раньше. Теперь прямо не осталось никого...

Оказывается, действительно, почти все уехали. Нет ни М., ни Ю., ни гр. П., ни А. — и из Центрального Комитета остался почти один князь Д., старый князь действительно хочет ухать в последний момент.

— Послушайте, я и забыл: ведь Н. С. К. занимает теперь пост генерал-губернатора, главноначальствующего Черноморской области...

Я полетел к дому губернатора. Красивый дворец, немного в стиле барокко, выделялся из соседних домов. Я вошел на лестницу, ведущую в стеклянные двери. Как раз в это время отворилась дверь, и Н. С. К. в сопровождении адъютанта вышел, чтобы сесть в стоящий внизу автомобиль. Я едва узнал Николая Сергеевича, которого привык видеть в свободном пиджаке, часто — как он любил — в белых спортивных брюках. Теперь он величественно спускался по лестнице, одетый в серую шинель. На плечах блестели золотые погоны гражданского образца — по классу должности — тайного советника. Во всей его фигуре видна генеральская солидность. Он остановился и подал мне руку.

— Я хотел бы с вами побеседовать, но вы, вероятно, страшно заняты: вы теперь в таких высоких чинах....

— Чин — это дело человеческое, — сказал К. — Сегодня я действительно занят. Лучше всего приходите завтра сюда же, в час дня...

Мы попрощались. Он сел в автомобиль.

После обеда в столовой Союза (обед стоил всего 75 руб.) я зашел к Б., и тут мы выяснили, что в Новороссийске проживает член Харьковской городской управы, выдающийся общественный деятель, доктор М. А. Ф. Это человек громадной энергии, большого ума, солидного образования, с высоко развитым чувством долга. Я всегда любил М. А. Ф., и, конечно, встретиться теперь с ним показалось мне прямо счастьем. Я направился к нему. Доктор Ф. встретил меня со своей обычной улыбкой. Как будто только вчера виделись мы с ним в городской управе, где, самоотверженно работая с утра до вечера, забрасывая свои личные дела, он старался спасти от краха городское хозяйство. Но теперь уже не было у него прежнего

горения и энтузиазма. Уже нотки утомления и усталости звучали в его словах.

— Наше дело безнадежно — сказал он, — но, конечно, раскаиваться нам нечего. Мы делали свое дело и кое-что сделали.

И рассказал он, как виделся с членом первой Думы, Аладьиным. «Вандея кончилась, — сказал Аладьин. — Но она была нужна как тормоз революции. Эмигрантских войн у нас быть не может. Собственными внутренними силами мы дождемся через год России, а через десять лет великой России». Виделся он с Агеевым, теперешним министром. Агеев ездил к «зеленым» на предмет соглашения. Но «зеленые» настроены непримиримо против высшего командного состава с Деникиным во главе. А Верховный круг уже заключил, по существу, с большевиками мир. Англия думает о том же и спит и видит, как поприличнее разделаться с Добрармией. Все кругом безнадежно; какое-то невероятное, циничное взяточничество, грабеж. Нет никакой организации. А Деникин сказал недавно:

— Теперь я ближе к Москве, чем в августе прошлого года.

И странно: как будто объективно, действительно все безнадежно. Но словам Деникина я больше верю, чем фактам. И простился я с доктором Ф. с новой надеждой.

7 марта. Новороссийск. База. Сегодня ровно месяц со дня боя под Ростовом. Теперь несомненно, что армия наша разбита и здесь мы доживаем последние дни. Вот уже около пяти дней как комброн освободил меня от всяких нарядов с определенным заданием — собирать последние политические новости. Я бегаю все по Новороссийску, посещаю кого можно, но увы — тех, которые меня интересуют, осталось мало... Кажется, все обстоит безнадежно. Но вот генерал Х., сухой и далеко не экспансивный англичанин, сказал:

— Когда немцы обстреливали Париж, я говорил, что мы ближе к победе, чем когда-либо прежде. То же повторяю я теперь.

Но события разворачиваются для нас чрезвычайно неблагоприятно. 4-го сдан Екатеринодар и — как говорят — просто пропит. Гарнизон будто был вдребезги пьян и оставил город без выстрела.

Кругом стоит стон от разговоров; и все разговоры сводятся к одному: как попасть на пароход. Люди мечутся, как стадо. Полковники, обер-офицеры прячутся в трюмы, откуда «защитников» отечества выволакивают насильно. В Деникина никто не верит, и недавний кумир толпы стал просто «Антон Иванович», над которым можно только подсмеиваться. Гнуснее русской толпы нельзя ничего представить.

Мне было сказано в одном месте, что я могу хоть завтра быть эвакуирован. Конечно, об этом не может быть и речи. Я связан с поездом, связан с офицерами и связан с Деникиным. Пока он не освободит меня от моих обязательств, я не могу принимать сепаратных шагов для своего спасения. Впрочем, на худой конец, у меня имеется кольт.

Доктор Ф. заметил мое настроение. И мягко и деликатно коснулся вопроса в том смысле, что ради пользы дела жизнь моя очень нужна и нужно бороться с такими настроениями. Но ведь во имя этой «пользы дела» и сохранения жизни делаются у нас почти все темные дела...

Распад нашего поезда продолжается дальше. Дисциплина упала. В нашей теплушке ведутся эвакуационные разговоры. На днях эвакуируется кадет Сережа С, но он имеет на это право: у него нет ноги и он кое-как ходит, пользуясь протезом. Покидает нас, кажется, Гога К. Он делает какой-то трюк и едет не то в Сербию, не то в Крым, приписываясь к какому-то автоброневому дивизиону, который завтра или послезавтра отправляется. А кругом карты, пьянство, спекуляция — и ни малейшего чувства ответственности и воинской чести. Кажется, все потеряно, не исключая чести.

Между мною и почти всеми товарищами по теплушке вырастает стена, более прочная, чем основанная на разнице лет и разнице воспитания и образования. Мы идем разными путями. Мое сердце сжалось в комок и закрылось от них. Я одинок, как никогда. Раскаиваюсь ли я, что пошел сюда? Раскаиваюсь ли я в том, что мое «юрродство» довело меня на край гибели? Я думаю, что нет. История меня оправдает. И не важно, что она не сохранит моего имени. Подобно Платону, я верю в вечность идей; я верю в правоту нашего дела — а следовательно, в его торжество.

Вчера на Серебряковской встретил моего приятеля, присяжного поверенного Д. Он очень интересный человек, крупный деятель Харьковского общества грамотности, большой любитель книги и знаток библиотечного дела. Он прекрасно владеет иностранными языками и немец до мозга костей. Злые люди распространяют про него Бог знает какие вещи; но я всегда ценил его за ум, который давал ему право на несколько презрительное отношение к людям; может быть, за это его и не любили. Когда немцы уходили с Украины, он уехал за границу, попал в Берлин, скрылся с нашего горизонта; он говорил даже, что навсегда. И я с некоторым изумлением увидел его в Новороссийске.

— Я приехал сюда со специальной целью, — сказал он мне по-французски. И, взяв меня под руку, стал мне рассказывать.

Он приехал в Берлин в то время, когда немцы сжали зубы от боли и

думали только об одном — о спасении страны. Был введен налог на капитал с прогрессивными ставками; на капитал в 3 миллиона марок размер налога определялся в 75%. И никто не протестовал. Все знали, что это так и нужно. Официально немецкая армия не велика; но весь народ вооружен и в любой момент готов к выступлению. Страна возрождается; промышленность крепнет. Берлин приобрел приблизительно тот же вид, что и до войны. Немецкий голос скоро раздастся в Европе. Англия начинает понимать, что без Германии торговля ее тормозится: она начинает отходить от Франции и союзников. Франция на ножах с Италией. А в это время Германия заключает союз с Японией. Мировая конъюнктура меняется — и нам надо использовать положение.

— А какой же ценой?

— Последний раздел Польши. Сегодня я имею разговор с одним генералом. Я на это уполномочен.

Мы простились. В тот же день я был приглашен на заседание «общества взаимопомощи офицеров». Какой-то генерал делал доклад об эвакуации. Картина получилась отчаянная. Но генералу Деникину удалось победить упорство англичан (без их согласия мы не можем воспользоваться ни одним из наших собственных судов). Сорок наших судов будут снабжены углем и выйдут из Константинополя. Если Новороссийск продержится недели две, то все мы сможем быть эвакуированы. А потом пошли непонятные для меня дебаты. Толковали о каком-то кружке полковника Арендта, что-то делили, с кем-то спорили, кому-то не доверяли — и началась опять интеллигентская пря, от которой я так устал. Захотелось на фронт.

Сегодня утром мне удалось быть у князя Павла Дмитриевича Д. Князь имел совершенно беженский вид, особенно в грязной, нетопленной и очень сырой комнате, где он живет. Он сидел на порванном диване, с ручками из красного дерева. В углу стоял облезлый жестяной умывальник. На ногах князя были надеты какие-то калоши, а на голове шелковый черный колпачок. Но лицо его по-прежнему дышало породистостью знатного барина.

— Я не надолго задержу вас, князь, — сказал я. — Я смотрю трезво на вещи; и кажется, что мне уже не придется увидеть моих политических друзей. Я прошу вас, князь, как возглавляющего наш Центральный Комитет, передать мой привет моим товарищам...

— Конечно, — сказал князь, как обычно слегка запинаясь и проглатывая слова. — Я должен в свою очередь передать вам приветствие от Центрального Комитета и засвидетельствовать глубокое уважение от

лица всех нас. Вы знаете, Маклецов написал о вас статью...

— Потом, князь, вторая моя просьба. Я веду мемуары. Первую главу я закончил и просил доктора Ф. перепечатать на машинке в двух экземплярах. Если он успеет это сделать до вашего отъезда, захватите один экземпляр с собой за границу. Мне не хотелось бы, чтобы записки погибли вместе со мною...

Князь обещал. Он уедет в последний момент в Сербию, где организует «Юго-Славянский Банк». На средства этого банка будут устроены книгоиздательство (главным образом русских учебников), газета, учебные заведения. В случае чего я могу разыскать следы моих друзей в Белграде. Теперь я мог задать последний вопрос: каковы же наши перспективы? Князь ничего не мог ответить. Одно он сказал:

— Почти несомненно, что войска будут эвакуированы в Крым...

Сегодня вечером я посетил, наконец, Н. С. К. В компании двух своих сотрудников он пил чай. На столе лежала нарезанная колбаса, коробка консервов; стояла бутылка водки. Передо мной был уже не начальник губернии в генеральских погонах, но просто Николай Сергеевич, в обычной своей потертой тужурке. Сели, выпили по рюмочке. Стали закусывать.

— Распоряжения меняются у нас каждые два часа, — сказал К. — Но, кажется, можно твердо сказать, что армия транспортируется в Крым. Деникин или настроен бодро, или хочет таким казаться, — продолжал он. — Я не разделяю этого оптимизма. Но наш долг — работать.

Стали говорить об общем положении вещей.

— Николай Сергеевич, вы не имеете известий от сына, который был адъютантом у адмирала Колчака?

Лицо К. изменилось. И каким-то сдавленным голосом он сказал:

— Я ничего не знаю о нем и не люблю, когда меня об этом спрашивают.

— Простите меня, — сказал я, почувствовав всю бестактность моего вопроса.

Но К. резко встал и вышел в другую комнату.

— Это всегда с ним так, — сказал один из присутствовавших. — Как только вспомнит о Колчаке, расстраивается на целый день.

Но неосторожное слово вернуть было нельзя. Мы продолжали разговор втроем. Молодой человек, должно быть чиновник особых поручений, сидевший против меня, налил мне стакан чаю.

— Вы помните, — сказал он, — мы ехали вместе из Харькова в поезде-бане Земсоюза... Не думал я тогда, что везу вас на крестный путь...

Я живо вспомнил это кошмарное путешествие. Я попал на этот поезд благодаря управляющему делами Земсоюза С. Н. Киреевскому, старинному другу моей невесты.

— Он умер от воспаления легких в страшных мучениях в Екатеринодаре...

— А не знаете ли что-нибудь о Замошникове? Он, кажется, эвакуировался из Ростова с Земсоюзом...

— Замошников умер от сыпного тифа...

Тяжело было слышать это печальное повествование. Замошников, сотрудник «Новой России», подписывавший свои фельетоны фамилией Смолянов, жил в Ростове в одной комнате с Г. Он был семьянин до мозга костей. Он страдал до безумия по своей жене, по детям, оставленным в Харькове. Раз я помню, как в той маленькой ростовской комнатке на Почтовой он пил почти всю ночь коньяк и водку и плакал пьяными слезами по домашнему уюту, по семье, которую любил бесконечно.

— Зачем я ухал, — стонал он сквозь рыдания. — Я не могу быть без них, не могу...

Из соседней комнаты слышались шаги: К. вошел снова.

— Когда образовалось правительство, я думал, что будем работать с Деникиным, как одно целое. Этого нет, — сказал он. — Он выслушивает меня иногда по целому часу. Но между нами грань. Целый ряд генералов, связанных с ним, должно быть, быховскими воспоминаниями, окружают его тесным кольцом.

Стало уже темно. Мне надо было идти из города на Стандарт по темным путям, между цейхгаузов, складов и элеваторов. Я торопился и отклонялся. Я шел теперь по длинной набережной, почти в совершенной тьме; рядом со мной плескалось море. Яркие огни судов отражались в его зыби. Сноп фиолетово-белых лучей прожектора с «Императора Индии» выхватывал то одну, то другую часть темного пространства, вырывая из мрака высокие стропила элеваторов. Вечер был теплый, но морской воздух ободрял и живил.

11 марта. Новороссийск. Бронепоезд ликвидируется. Мы образуем роту, взрываем орудия и отправляемся в Крым. Вся команда делится на несколько частей. Одни — с нашим «барахлом» — отправляются с остатками нашей базы в Крым. С нею вместе, по-видимому, отправляются и те, которые в дни эвакуации для погрузки образуют рабочую команду. Остальные выделяют часть, которая будет нести караульную службу, и, наконец, тех, кто в качестве боевого наряда будут защищаться до последнего конца.

Я попал в боевой наряд и завтра выезжаю в Крымскую. Юрий Осипович Л., начальник моего орудия, выезжает со мной. У него изумительно прекрасные глаза, и весь он такой нежный и милый юноша.

— Едва ли наше путешествие кончится благополучно, — сказал он.

— Нам придется, вероятно, отступать уже пешком. Уложите ваши вещи и поручите кому-нибудь из остающихся, а сами захватите только смену белья и самое необходимое в походную сумку. Пожалуй, едва ли нам придется сесть на пароход... Я это чувствую. Мы приносимся, может быть, в жертву. Но я горд тем, что меня отнесли к числу обреченных и верных до конца.

У нас в теплушке полный развал. Началось с того, что кадеты — Петя С, Сережа А. и Коля М. — перечислились в авто-броневой дивизион и уже уехали в Крым. Сережа С, как инвалид, транспортируется за границу. Гога К., совсем здоровый молодой человек, получил благодаря связям свидетельство о болезни и едет тоже за границу, как больной. Это произвело на всех весьма тягостное впечатление. Гога, конечно, сам чувствует себя неловко; но он не принадлежит к людям, для которых принцип долга важнее всего на свете. Обладая громадными средствами, где-нибудь под голубым небом Италии он легко забудет тех, кто, может быть, скоро погибнет в далеком Новороссийске...

14 марта 1920 года. На борту «Waldeck-Pousseau». Кажется сказкой, что я на французском корабле. Мне не спится. Проходящий французский матрос сказал, что сейчас 2 часа ночи. Мои часы остановились: вчера не было времени их заводить. Ставлю часы и начинаю писать. Все, что произошло за эти дни, так фантастично, что кажется страничкой романа из Жюль Верна. Никогда еще смерть не витала так близко от меня, как вчера. Никогда еще судьба не посылала мне большего испытания для моей воли. Никогда еще не испытывал я такой братской связи с оставшимися верными до конца. Бронепоезд «На Москву» не существует более. Но последние минуты его были достойны и красивы, и сама идея, воплощенная в его названии, продолжает жить.

15 марта. На борту «Лазарева». Да, последние минуты бронепоезда были достойны и красивы. 12 марта уже обнаружилось, что дни наши сочтены. Раздавался спешно цейхгауз, и в этой раздаче было видно, что поезд бросается; я пошел утром в Новороссийск проститься с доктором Ф. и взять у него мои записки: я был назначен в последнюю боевую смену на позицию. Я предполагал устроить их к Р. Я чувствовал, что, приехав с этой последней экспедиции, я уже не застаю своей базы на месте. Оставить их у Ф. значило бы оставить их в Совдепии, так как стало ясно, что

Новороссийск будет скоро взят.

Город был неузнаваемый. Все магазины были закрыты. Даже уличных продавцов, крикливых мальчиков восточного типа, не было ни одного. Я нигде не мог купить ни папирос, ни портвейну, которым хотел наполнить мою походную флягу. Улицы были почти пусты, и только патрули ходили взад и вперед, кого-то задерживая, кого-то не пропуская. Город уже умер.

Я пришел в поезд в полном сознании, что уже нашей последней экспедиции больше не будет. Придя домой, я увидел полное безлюдье: не было ни офицеров, ни солдат. Я встретил нашего фельдфебеля Хацковского.

— Где же все? Почему никого не видно?

— Пошли грузить пароход. Нам дают право погрузиться, если наша команда погрузит чей-то груз на три тысячи пудов.

— Значит, мы бросаем базу?

— Да.

Неизбежное приближалось. Я пробовал выяснить, отменяется моя поездка на позицию или нет. И всем, кого я встречал, казалось, что ни о какой боевой смене не может быть и речи. Уже стало смеркаться, когда подъехал грузовик и нам приказано было спешно грузить на него наше имущество. Выгрузили цейхгауз, всякое «барахло», муку. Потом приказано было быстро погрузить наши вещи. Совсем стемнело. Я погрузил уже свое имущество и в последний раз вошел в теплушку, где было прожито столько незабываемых минут. Горела на столе керосиновая лампа, освещая кругом полный беспорядок. Скоро придут сюда торжествующие враги и расположатся на наших койках. Будут злорадствовать над нами; будут поносить то, что нам было так дорого.

Была темная ночь, когда с последним грузовиком, доверху загруженным разным имуществом, я — в компании моих товарищей — поехал на пристань. Мне не хватило места, и я стоял посредине тюков и людей с оцетинившимися винтовками. И вспомнилась не раз виденная картина — грузовик, нагруженный товарищами, вооруженными до зубов. Когда-то так «драпали» они из Харькова; лица их были злобно-сосредоточенны и одновременно сконфуженны, вероятно, такими уезжали теперь мы. И я рад был, что темнота ночи скрывает нас от людей, которые жадно искали кругом все, что оставляла армия, и которые, может быть, радовались нашему позору. Лик ночи смягчал и наше поражение, и их алчность.

По мере приближения к порту дорога все больше загромождалась повозками, автомобилями и лошадьми. Движения делались более

нервными; окрики людей более грубыми; видно было, как мысль — простая и страшная — оставаться во власти большевиков подгоняла всех, и тем сильнее, чем меньше оставалось пространства до Черного моря. И на самой пристани, в полной темноте, которую иногда побеждал ослепительный блеск прожектора, люди нервно бегали, грузили, выгружали и — наиболее счастливые — сами грузились.

В темноте я услышал резкий характерный голос капитана К. [70] Капитан К. — одно из интересных лиц на нашем бронепоезде. Он — из аристократической семьи; его дядя был председателем Государственного совета. Он обладает даром великолепного рассказчика и характером весьма нервным и тяжелым. Я до сих пор, несмотря на известные сложившиеся отношения, решаюсь не всегда назвать его Аполлоном Александровичем, не убежденный, что он вдруг не изменит своего тона и не скажет:

— Я в чине капитана, и благоволите именовать меня по чину. Он всегда заведует у нас вопросами передвижения — и я у него мог, конечно, узнать, отменена или нет наша последняя экспедиция.

— Наша боевая часть стоит на вокзале и сегодня в пять утра отправляется на фронт прикрывать отступление.

Вопрос таким образом выяснился.

— Да, вы в боевой смене, — сказал капитан К. — Вам предстоит, не скрою от вас, тяжелая задача. Отступать придется вам уже, вероятно, с последними Корниловскими частями. Но я вам скажу больше: из источников весьма компетентных я знаю, что Деникин имеет соглашение с иностранными судами, стоящими на рейде, забирать последние отходящие части наших войск.

Я стал помогать производить погрузку. Казалось, все-таки, что не будут посылать нас почти на убой, видя все, что происходит вокруг. И человеческая слабость брала свое. Хотелось остаться — и со всеми вместе уехать, наконец, из Новороссийска. Вдали блестели огни пароходов, виднелось море и манило к себе, подальше от ужасов войны, от разрыва бомб, от человеческой крови, которую — как сказала леди Макбет — не могут смыть никакие благовония мира.

Но вдруг раздался голос поручика П.:

— Господин капитан, я пришел за людьми, назначенными в боевую часть. Отпустите тех из них, которые заняты погрузкой.

Я подошел к поручику П.

— Господин поручик, я в вашем распоряжении, — сказал я ему. И стало мне ясно в этот момент, что судьба посылает мне, может быть, последнее испытание.

— Прощайте, — сказал я, подойдя к поручику Р. и поцеловавшись с ним, и на душе, вместо обычного в таких случаях подъема и радости, стало тягостно, и что-то внутри заныло.

Мы пошли с поручиком П. на вокзал. Наши две пушки и пулеметная площадка стояли у самого вокзала, ярко освещенного электричеством. Поручик Л. исполнял обязанности комбронна нашей части. Он сидел, закутавшись в шинель, в командирской кабинке. Было холодно, и он, видимо, продрог. Глаза его, такие выразительные, были утомлены, и в них я прочитал ту же мысль и то же чувство, которое было и во мне: мы шли на верную гибель. Но мы шли, не одушевляемые той верой и тем энтузиазмом, которые были когда-то при взятии Ростова. Мы гибли, как рыцари, исполняющие свой долг. Во имя этого долга, безропотно и бесстрашно, приносил свою жертву и он, и темные глаза его были строги и печальны. И печаль этих глаз спаивала меня с ним еще новыми узами.

16 марта. Севастополь. Крымские казармы. В 5 часов мы двинулись с нашей боевой частью из Новороссийска. Мы должны были выехать к станции Тоннельная и артиллерийским огнем задерживать наступление красных. Дорога шла по правому железнодорожному пути, а по левому пути, навстречу нам, шли нескончаемые обозы и воинские части. Сотни повозок, нагруженных разным имуществом, больными, ранеными, часто женщинами и детьми, шли сплошной массой по рельсам, по проселочным дорогам, по всем путям, какие были только доступны для передвижения. Местами они задерживали свой ход; иногда вдруг, подчиняясь какой-то панике, возникшей, может быть, где-то далеко в хвосте, нервно ускоряли свой бег. И в эти минуты все смешивалось в кучу, сбивало друг друга; лица искажались ужасом; конные всадники летели, едва сдерживая коней; пехотинцы бросали шашки, винтовки и патроны. А вдали виднелись очертания гор, покрытых лесом. Иногда на полянке красовался то тут, то там красивый беленький домик, говорящий о мирной жизни культурных людей. А позади, за легким покровом тумана, виднелось блестящее на солнце море и суда, стоящие на Новороссийском рейде. Мы шли вперед.

Офицеры стояли на крышах наших площадок. Я тоже забрался на крышу нашей кабинки, откуда этот вид расстилался особенно отчетливо. И, смотря на эту толпу, убегаящую назад, испытывалось чувство гордости за то, что мы идем, несмотря ни на что, навстречу врагам. К поручику Л. подбежал командир лейб-казацкого полка. Мы остановились.

— Обстреляйте, пожалуйста, их артиллерию — она стоит за той деревней. Для наших солдат это очень важно, и вы достанете их лучше других...

Мы повернули пушки на борт и стали стрелять по указанному направлению. Мы работали по видимой цели. Снаряды наши разрывались удачно; видно было, что мы, начинаем их серьезно беспокоить. И конечно, вскоре последовал с их стороны ответ: началась артиллерийская дуэль. Выпустив снарядов двадцать, мы поехали дальше. Иногда живой поток людей захлестывал и второй путь, так что нам приходилось останавливать поезд. С большим трудом расчищали нам путь — медленно и неуклонно двигались мы вперед.

Я встал опять на крышу нашей площадки. Живая лента людских повозок извивалась змеей, которой, казалось, не было ни начала ни конца. И вдруг над нами просвистела первая шрапнель, а вслед за нею тяжелый снаряд врезался сейчас же за последним вагоном нашего поезда в густую толпу людей. Прицел был взят верный.

Мы пошли вперед — и следом за нами, иногда опережая нас, продолжали летать шрапнели и бомбы, и каждый раз люди конвульсивно сжимались, кони неслись вскачь, повозки поворачивались вбок. Мы встретили несколько легких бронепоездов, обогнули цементный завод и вошли на станцию Гайдук. Там узнали мы, что связь с Тоннельной порвана и что дальше идти невозможно. Начальник бронепоездов, полковник И., предписывал нам пропустить в Новороссийск все легкие бронепоезда, стоявшие на станции Гайдук, и уйти через час после ухода стоявшего там тяжелого бронепоезда.

18 марта. Севастополь. Крымские казармы. На станцию полетали неприятельские снаряды; это был почти ураганный огонь. Один за другим ушли легкие поезда «Орел» и «Атаман Самсонов», ушел первый тяжелый отдельный бронепоезд, и мы остались одни под этим убийственным огнем. Мы должны были простоять под этим огнем целый час. Разрывающиеся снаряды засыпали наши площадки осколками и мелким щебнем. Мы продолжали стоять, отстреливаясь от неприятельских батарей только одной из пушек на площадке «Товарища Ленина», так как наша пушка не могла быть повернута под достаточным уклоном: расположение наших батарей было слишком невыгодно.

Поручик Л. вошел в нашу кабинку. Я лежал на койке и старался задремать. Но каждый выстрел «Ленина» сотрясал настолько весь поезд, что сделать это мне не удавалось.

— Почитайте мне из ваших записок о взятии Ростова, — сказал Л.

Я вынул тетрадь из кармана шинели и стал читать. Артиллерийский огонь продолжался. Снаряды рвались с равными промежутками один от другого, и к ним мы уже привыкли. Но вот один рванул с особенной силой,

так что все задрожало вокруг. Он попал в угол нашей кабинки, снеся железную обшивку и скобу железной лестницы на крышу. Я прекратил чтение.

— Попади на четверть аршина правее — мы бы все взлетели на воздух, — сказал кто-то.

— Да, там стоит ящик с динамитом, — сказал поручик Л.

Но мы продолжали стоять до получения нового предписания — идти в Новороссийск, обстреляв по дороге одну из батарей.

19 марта. Севастополь. Казармы. Мы проехали назад, медленным ходом, около версты. Повозки, отдельные части войск продолжали, все ускоряя темп, лететь к Новороссийску. Это было не отступление, а бегство. Рядом с нами оказался какой-то Корниловский полк. Командир полка быстро подбежал к комброну.

— Я приказываю остановиться и пропустить корниловцев вперед! — закричал он, подходя к нашему командиру.

И несмотря на указание, что нам предписано идти назад и найти позицию для обстрела батареи, а это место совершенно было неподходящее, пришлось подчиниться силе и ждать, пока эта масса не пройдет дальше.

И опять, стоя на неудобном месте, благодаря произволу командира полка, мы подверглись ожесточенному обстрелу, не имея возможности отвечать как следует сами. Снаряд угодил в другую площадку и зажег ящик с зарядами; еще немного — и взорвались бы снаряды, лежащие неподалеку. Корниловцы уже прошли — по соседнему пути двигалась новая масса людей, тесно прижимаясь к нашему поезду. Получилось сведение, что в Гайдуке уже большевистская кавалерия: станция была занята ими.

Надо было тронуться и нам — и наконец найти позицию, чтобы послать врагу прощальный привет. И вдруг произошло что-то, что заставило застонать всю эту людскую массу каким-то звериным стоном: по соседнему пути большевики пустили в Новороссийск паровоз без машиниста — брандер. Брандер летел, развивая все большую скорость, стремясь под уклон: спасения не было. Люди, повозки пробовали двинуться в сторону, но паровоз, ломая все на своем пути, перерезая лошадей, калеча людей, изламывая повозки, ворвался в эту сплошную людскую массу и прорезал ее как будто бы без всякого сопротивления. Через несколько секунд паровоз был уже далеко; а рядом с нами лежало до полутора ста зарезанных лошадей, искалеченных людей, изломанных повозок, которые втиснулись частью под наш состав.

— Мерзавцы! — кричал какой-то мужчина, в исступлении сжимая

кулаки.

Кругом была кровь, ужас и отчаяние. С большим трудом вытащили мы обломки повозок и тела лошадей из-под наших площадок и поехали к повороту, откуда мы могли обстреливать неприятельскую батарею. Мы нагнали опять какую-то Корниловскую часть.

— Куда прешь? — закричал корниловский офицер, размахивая револьвером перед носом нашего командира.

— Я покажу тебе, как драпать... Остановиться сейчас же, не то застрелю.

Поручик Л. побледнел от гнева и негодования. Я не слышал, что произошло дальше; слышал только его первые слова:

— Вы не смеее так обращаться к офицеру и командиру поезда... — на что корниловец, кажется пьяный, закричал, снабжая свою реплику русскими ругательствами:

— Наплевать мне на вашего командира... Солдаты! Подложить под поезд шпалы и остановить...

Корниловские солдаты бросились к поезду и подложили под колеса штук шесть шпал. Было ужасно смотреть на эту картину. Это было ярким воплощением той анархии, которая разъела нашу армию. Любой офицер, вооруженный револьвером и имевший команду солдат, смешивал все распоряжения и весь план и, оскорбляя другого, расчищал себе путь к бегству.

Прошло довольно много времени... Доблестные корниловцы были уже далеко, и мы могли вынуть шпалы и пойти дальше. Мы стали на повороте и начали стрелять. С какого-то судна пустили по большевикам несколько тяжелых снарядов из дальнобойных орудий. Кругом же не было никого из наших частей: все пути были свободны. Мы оставались одни, последние, без связи и без поддержки. В лесу, неподалеку от нас, скапливалась большевистская кавалерия. Мы открыли по ней стрельбу из пулеметов. Было ясно, что великое отступление к морю кончилось.

По путям шла только подрывная команда с двумя полковниками, взрывавшая последние пути. Мы посадили команду на площадку, а полковников взяли в свою кабинку. По путям шла вся в крови и израненная древняя старушка, бормоча что-то несвязное; мы посадили ее в соседнюю кабинку. Ждать больше было нельзя.

— Едем. Медленный ход вперед, — скомандовал поручик Л. Уже мы въезжали в город. Скоро должен быть и вокзал, над которым виднелось громадное пламя пожара.

— Ну что же, простимся с пушками, — сказал поручик Л.

Мы вытащили стреляющие приспособления и кувалдами разбили и согнули все необходимые части.

— Бронепоезда «На Москву» больше нет.

Стали надевать шинели и походные сумки. Я снял висевший в углу образ св. Георгия Победоносца и уложил его в сумку: это была последняя реликвия нашего поезда. Приехали на вокзал. Выстроились, захватив с собой пулеметы. Мы окинули последним взглядом наш дорогой поезд, от которого теперь отлетела душа. Мы пошли вперед, к порту, и у каждого защемило сердце от одной мысли: «Удастся ли нам сесть на пароход?»

20 марта. Севастополь. Казармы. Уже темнело, когда мы подходили к порту. Еще вчера, когда погружалась наша база, казалось, что не может быть большего скопления людей, повозок и лошадей, смешавшихся в один сложный клубок, но то, что было сегодня, превосходило всякие ожидания. Все пространство, какое можно было окинуть взором, представляло из себя сплошную человеческую стену, смешанную в одну кучу с табуном лошадей. Продвигаться в этой густой массе, не потеряв друг друга, было почти невозможно. Отбиться от команды в этот момент было равносильно гибели. С громадным напряжением протискиваясь вперед, я старался не потерять из виду поручика Л. Иногда, несмотря на все усилия, толпа затираала меня и скрывала из поля зрения моих товарищей. Становилось жутко.

— Москва! Где Москва? — кричал я.

— Москва здесь! — раздавался в толпе знакомый голос.

Я шел по этому голосу — и опять находил свою команду, которая шла, нагруженная пулеметами. У меня на плечах был мешок со стреляющими приспособлениями от пушек и снятой панорамой. Мешок оттягивал плечо; винтовка затрудняла движение в этой толпе — и казалось, что от усталости станешь и откажешься идти. Но всякий раз в этот момент воля к жизни подталкивала вперед и давала силы.

Мы протиснулись на пристань «Русского Общества», где — как уверяли — должны грузиться технические части. Поручик Л. ушел вперед за справками и скоро вернулся обратно: нам указали для погрузки вторую пристань, где грузилась Дроздовская дивизия.

Пройти это пространство было еще труднее, так как толпа сжалась тесно у самого моря. И совсем изнемогающие от усталости, мы достигли, наконец, нашей цели. Нас резко остановил караул: дальше пропускать не велено — грузятся одни дроздовцы. Пришлось сесть на каких-то сломанных автомобилях; один поручик Л. пошел дальше к дежурному офицеру для переговоров.

20 марта. Севастополь. Кафе. Странный вид представлял в эту минуту Новороссийск. Пожар, который мы заметили, подходя к вокзалу, разгорелся в целое море пламени. Начиная от города и кончая Стандартом, бушевало пламя, пожирая богатейшие склады, амбары и цейхгаузы. То снопы огня, то отдельные языки вырывались к темному небу — и на золотом фоне бушующего огня черными силуэтами выделялись близлежащие здания и стропила строений. Небо было покрыто тучами; дул холодный морской ветер. И небо это, на противоположной стороне от пожара, налилось как бы расплавленной медью и светилось зловещим светом; тучи, как зеркало, отражали этот грандиозный пожар. При этом зловещем свете стало почти светло; и на каждом лице, то утомленном, то искаженном страхом, то сосредоточенно-покойном, лежали блики бушующего пожара.

А на рейде стояли суда, освещенные электрическими лампочками. Казалось, что морю, спокойному, как обычно, нет дела до нашей трагедии на суше. И только два прожектора нервно бороздили по небу, по пристаням, делая лица людей как бы остановившимися и застывшими в смертном испуге предчувствия последнего конца: места на земле осталось мало, рядом плескалось море. Мы долго сидели в ожидании прихода поручика Л. Наконец он явился.

— Положение скверное: не отказали, но, судя по всему, не примут...

Погрузка дроздовцев совершалась необычайно медленно. Как будто нарочно испытывали долготерпение людей. Целыми часами стояли люди, жаждающее попасть на «Екатеринодар», стоящий невдалеке громадным черным силуэтом. И в эти бесконечные часы не было заметно никакого движения за чертой караула.

Становилось жутко. Я вспомнил сегодняшнюю картину боя, тот момент, когда мы, недалеко от Новороссийска, остались одни. Все то пространство, которое недавно было занято отступавшими частями, стало безлюдно; мрачная тишина, прерываемая пулеметным огнем, воцарилась на месте гула и шума бегущих обозов. И в эту минуту казалось, что еще час-другой — и большевики будут в городе, так как никто не заграждает им пути.

Где они? Может быть, уже близко, может быть, уже вступают в город. И когда я взглянул на эту толпу, озаренную пожаром и притиснутую к морю, ужас Ходынки показался мне детским лепетом. Что будет, если большевики действительно покажутся на горизонте? Сколько людей будет потоплено в море, искалечено, смято в какой-то комок мяса и костей. И как бы в ответ на мои мысли в стороне пожара раздалась ружейная пальба: к счастью, это взрывались патроны, попавшие в огненное море.

Мы стали зябнуть. Ветер пронизывал насквозь легкую шинель, и по спине то и дело пробегали струйки дрожи. Сидеть было неудобно; стоять было невозможно от усталости; все тело, особенно плечи, ныло от какой-то тупой боли. В толпе произошло движение.

— Дать дорогу! — закричал кто-то.

И вслед за этим гуськом стали идти по направлению от парохода вооруженные люди: часть команды дроздовцев, уже посаженная на пароход, была вызвана на позиции. Они шли, сосредоточенно спокойные, держа винтовки наперевес и с трудом нащупывая себе дорогу в этой толпе. Их молодые лица были строги — и зарево пожара делало их еще более сосредоточенными.

— Поддержим честь юнкеров, — сказал кто-то из них.

И хотелось поклониться им до земли. Хотелось радоваться за них, что идут они так спокойно на смерть.

Ждать было дольше нестерпимо и небезопасно; если нас не возьмут здесь, то надо было делать что-то, чтобы взяли в другом месте. Поручики Л. и О. пошли на разведку. Они вернулись довольно скоро.

— Нас возьмут вместе с конно-горной батареей на пристань «Русского Общества». Идемте туда.

И мы снова пошли назад, изнемогая от усталости. Обещание командира батареи придавало нам новые силы. Еще один этап — и мы отдохнем. На пристани «Русского Общества» была обычная картина. Все смешалось — люди, лошади. Парохода не было видно; подходил маленький катер и грузил маленькие партии людей, имевших счастье попасть на него. И хотя беспокоила мысль, что до прихода большевиков не исчерпается весь этот людской материал, была какая-то надежда, что нас возьмут.

Я повалился на землю, положив голову на кого-то из спящих товарищей. Эти минуты боя, эти минуты тесного единения связывали меня с ними особыми нитями, особыми привязанностями, которых не знают люди, не бывавшие в боях; в этом чувстве людской связи есть великое утешение боя, в этом есть великое вознаграждение за ужасы крови, которая теряет свою цену.

Я стал засыпать. «Как хорошо, — думалось мне, — что я попал в эту последнюю экспедицию. Я присутствовал при последних минутах нашего поезда. И если мы все, которые не покинули поезда, составляем кадры, не изменившись, то те, кто послан был в последний бой, достойны стать воистину участниками литургии верных...» И вспомнил я, как в Гайдукe бросил нас наш механик Женя Д. Он жил с нами в одной теплушке; он был неразвитой, неумный, беспринципный юноша. В шутку говорил он, что

перейдет к большевикам, потому что «служить надо там, где больше платят». Я не удивился, когда узнал, что Д. в суматохе боя бросил свои вещи в кусте и скрылся. Хорошо, что его нет. Он мешает чистоте нашей. Скроется темнота ночи. Небо озарится светом нового величия. По этому небу, в лучах солнечного света, войдут к Престолу Божьему погибшие и сохранившие честь. Вот уже небо засияло пламенем, очищающим нас от мирских сует... Вот уже оно пылает в своем величии...

Я открыл глаза и проснулся. Перед моими глазами бушевал пожар складов. Чей-то голос закричал, покрывая весь шум толпы:

— Погрузки больше не будет! Все оставшиеся, идите грузиться на Восточный мол...

Мы уже совсем изнемогали от усталости, когда пошли на пристань Восточного мола. Больше суток мы были без хлеба. Томила жажда. Кое у кого оставалась вода в походной фляжке; и когда люди уже падали от усталости, два-три глотка воды возвращали упавшие силы.

— Я не могу больше нести стреляющие приспособления, — сказал я.

Поручик Л. взял их у меня и понес сам. Мы шли по набережной рядом с водой. Он пронес их несколько шагов и бросил в море. Мы вышли на дорогу. Было уже светло. Гулко застучали по камням наши сапоги. И в этом мерном стуке солдатских сапог чувствовалась мне новая связь, дающая нам силу. «Будем теснее держаться друг друга», — думалось мне. В эту минуту я любил всех этих чужих людей, которые были связаны со мной общей судьбой.

До пристани Восточного мола пришлось идти несколько верст. Мы прошли уже цементный завод и, проталкиваясь сквозь людскую толпу, дошли до самой пристани. Громадный пароход «Орел», с высокими бортами, стоял недалеко от нас. С невероятным трудом подвигались мы к сходням, которые, мы надеялись, возьмут нас теперь на борт парохода.

И в эту минуту произошло то, что заставило всех содрогнуться. Пароход дал три коротких свистка, сходни опустились — и он стал медленно отчаливать. С борта бросил кто-то веревку; какой-то солдат судорожно схватился за нее, и его подтянули на пароход. В толпе пронесся какой-то стон.

— Не может быть... — сказал я вслух.

Но пароход явно отчаливал. Вот уже он, развивая ход, пошел к внешнему рейду. «Что делать?» — пронеслось в голове. Перед нами стояла толпа, убитая и растерянная. Мы собрались вместе маленькой кучкой.

— Это последний пароход. Придется, пожалуй, отступить в горы, — сказал я.

Все промолчали. Вдруг на склоне горы показались всадники и раздалась пулеметная стрельба. Значит, они уже там; значит, отступление отрезано. И у всех мелькнула одна и та же мысль: большевики обстреляют это скопление людей. Но тогда все эти тысячи жизней обречены на смерть. И все, без всякого уговору, поспешно стали растекаться с опасного места.

Мы прошли несколько сажень и вошли на Восточный мол: этот мол отгораживал внутренний рейд от открытого моря. С одной стороны возвышалась каменная стена, около сажени вышины; узкий каменный мол без всякого барьера обрывался прямо в море. Далеко-далеко мол заканчивался белым маяком, который возвышался над поверхностью воды.

Теперь уже не могло быть отступления, теперь была единственная надежда, что нас подберет какой-нибудь пароход. Вместе с нами к молу были прижаты другие части войска — всего человек пятьсот-шестьсот. Все изнервничались, волновались. Не было видно никакой дисциплины. Чувствовалось, что при первом пароходе эти люди бросятся друг на друга в надежде на спасение. На молу стояла баржа, но она принимала только солдат какого-то одного гусарского полка. Но и это было трудно осуществить, надо было сперва навести порядок.

— Стать в две шеренги, — скомандовал поручик Л., и наша маленькая команда преградила мол от края до края.

Теперь вместе с офицерами нас было 12 человек. Часть, вероятно, осталась у большевиков; часть, отчаявшись в пароходе, вероятно, пошла в горы с отступающими отрядами. Нас было мало, но мы были тесно сплочены и как-то особенно ярко прониклись сознанием воинского долга. И эта двойная ленточка людей, преградивших мол, стала командовать толпою дезорганизованных солдат.

Баржа отплыла, и часть людей была взята на русский пароход, мы оставались на молу. В порту еще виднелись пароходы — и у нас была еще надежда на спасение. И действительно, два французских судна подошли к молу. Мне вспомнился мой разговор с капитаном К.: подтверждались его слова о соглашении взять на иностранные корабли отходящие части. Я стал совершенно покоен.

К нашему борту подошел французский миноносец «Enseigne Roux». Надо было только сесть в полный порядок. Сперва порядок соблюдался. Но вдруг все смешалось; обезумевшие люди, прорвав нашу цепь, стали бросаться прямо на борт корабля. И чем дальше, тем, захватываемые животной паникой, — все беспорядочнее и беспорядочнее — прыгали они на пароход. Капитан дал какое-то приказание. Моментально канаты были отданы, и пароход на глазах у нас скрылся в далеком море.

Теперь мы были одни. Перед нами плескалось море, сзади возвышалась стена. Последние пароходы, последние катера и шлюпки уходили из внутреннего рейда. Загнанные почти на маяк, у последней черты, стояли мы позабытые и отданные в руки врагов.

«Неужели конец?» — промелькнуло в голове. Казалось это невероятным. Казалось, что нельзя умереть в такой солнечный день. И вместе с тем было ясно, что выхода нет.

— Конечно, пароходы придут, — сказал я вслух и в это же время подумал: конечно, мы останемся без помощи.

Я посмотрел на лица моих товарищей: они были серьезны и сосредоточенны. Но в них не было следов растерянности и страха. И, смотря на них, сравнивая их с многими, случайно оказавшимися с нами на молу, я подумал: «Вот она, начинается последняя литургия... Двенадцать последних воинов с «Москвы» достойны участвовать в литургии верных...»

А в это время на внутреннем рейде не осталось ни одного судна и только одна лодка плескалась около маяка: жизнь моря остановилась. Это была жуткая тишина перед грозой: она должна скоро разразиться. Двое солдат прыгнули в лодку.

— Мы доедем до миноносца; мы упросим их вернуться... Они скрылись из вида. Перед нами было безжизненное море; позади нас каменная стена... Донцы, стоявшие с нами, стали волноваться.

— Нет, тут, братцы, пропадешь... — заговорили они. — Идем, братцы, пока не поздно, к горам... Там, может, прорвемся...

И один за другим они пошли с мола. Кто-то устроил на стене наблюдательный пункт. На пику водрузили флаг и стали махать им: может быть, заметит какой-нибудь пароход.

— Далеко ли лодка от миноносца?

— Далеко, им, должно быть, трудно грести...

С противоположной стороны, в районе Стандарта, раздалась трескотня пулеметов. Невольно посмотрел я в сторону моря. Какой-то унылый вид представляло теперь это море, лишенное жизни. И показалось мне, что на поверхности воды расходятся кружочки, как во время дождя...

«Неужели это пулемет начинает стрелять сюда?» — подумал я. Но мысль свою я похоронил в себе, не желая вносить паники. Но кружки на воде стали ближе. Стало всем ясно, что нас обстреливают пулеметным огнем.

— Что, миноносец заметил нас?

— Он уходит в открытое море...

Это был момент величайшего напряжения нервов, теперь было ясно, что мы погибли. Вероятно, думалось мне, выкинут белый флаг и станут просить о пощаде. Тогда надо идти под прикрытие маяка и отстреливаться до последнего патрона.

Я ощущал кольт и сжал его рукой, как лучшего друга. Недаром я так хотел иметь револьвер. Только благодаря ему я совершенно покоен: через каких-нибудь полчаса, если не убьют, его пуля будет сидеть в моей голове. И вдруг страшно захотелось жить. Солнце было так ярко, море так чисто; воздух такой свежий и бодрящий. На этом одиноком маяке кончится моя жизнь, и никто не узнает этого. Я просто пропаду — и даже доктор Ф., который живет в какой-нибудь версте от этого места, не узнает об этом никогда.

И быстро, как в каком-нибудь калейдоскопе, промелькнули дорогие лица. Как много нитей связывали и связывают меня с жизнью... Но что же себя утешать: жизнь кончается. И на душу сошло что-то торжественное, покойное. «Благодарю Тебя, Боже, что в последнюю минуту ты даешь мне силы... Это не грех покончить с собой в последний момент. Поручик Р. не прав: Ты меня оправдаешь».

— Миноносец идет к нам на всех парах... — закричал наблюдатель.

Поручик Л. вскочил со своего места.

— Слышите?! — закричал он изо всей силы. — Миноносец идет сюда. Если вы теперь опять устроите кабак (он употребил сильное русское выражение), нас опять не возьмут... стройтесь все в две шеренги...

Толпа заволновалась. Наскоро все были построены. Казалось, что теперь, наконец, эти люди почувствовали значение дисциплины. Мы стали спиной к стене, лицом к морю. И наконец, пулеметный огонь захватил нас. Недолет все делается меньше; потом стал перелет — пули свистали над нашими головами, отрывая кусочки камня от стены. Кто-то упал на землю и спрятался за мешком.

— Встань сейчас же! — закричал поручик Л. Он покорно встал.

Какой-то солдат громко плакал. Какой-то офицер плакал. Кто-то срывал погоны и кокарды.

И в эту минуту с гордостью я посмотрел на наших двенадцать. Мы стояли в две шеренги, грудью вперед, под пулеметным огнем. Сзади нас была стена. Так расстреливали коммунаров на кладбище «Pere Lachaise» в Париже. Мы нашли в себе силы стоять спокойно не только под обстрелом: последние остатки «Москвы» стояли гордые, приставленные к стенке для расстрела. Одна дама истерически зарыдала.

— Миноносец будет сейчас... Он погибает за маяк...

В этот момент «Enseigne Roux» появился из-за маяка и загородил нас своим корпусом. С его борта раздались выстрелы по большевикам.

— Слушайся команды, иди в порядке!.. — закричал поручик Л. Но только человек десять успело войти как следует. Снова все смешалось; снова повторилась картина недавнего прошлого.

— Негодяи!.. — закричал кто-то...

Я стоял в строю, не имея права прыгать на пароход. Но уже видно было, что всякий порядок нарушен.

— Прыгай... — закричал один из офицеров.

Судно поспешно стало отчаливать. Между мной и им почти сажень расстояния. Я бросил винтовку на миноносец. Она ударилась о борт и упала в море.

— Погиб... — сказал я.

В эту минуту увидел я, как мой товарищ Валя перегнулся через борт и подает мне руку. Я сделал последние усилия и прыгнул, схватившись за его руку. Я был спасен.

Мы сидели теперь на палубе и уже не обращали внимания на пулеметный огонь; на борту корабля умереть было уже не страшно. Должно быть, пулеметный огонь был большой. Французские матросы то и дело кланялись от пролетающих пуль. Из пушек дали еще пару выстрелов. Люди, оставшиеся на молу, ломали руки и кричали в истерике. «Enseigne Roux» быстро помчался к внешнему рейду. На рейде стоял громадный, шеститрубный бронированный крейсер «Waldeck Rousseau». Мы были взяты на его борт. Вся палуба на «Waldeck Rousseau» была уже занята нашими солдатами и офицерами. Я подошел к перилам палубы и посмотрел в последний раз на живописные горы Новороссийска.

В городе была слышна пулеметная и артиллерийская стрельба. Море было зеркально покойно. Солнце улыбалось сквозь тонкую пелену облачков. «Кубанский период» нашего похода кончился. И в последний момент дано мне было счастье приобщиться к литургии верных. Сплотимся же теснее во имя нашей идеи! Найдем в себе силы поднять во имя ее всю тяжесть жизни!

К. Зродловский^[71]

ОДИССЕЯ ОДНОЙ РУССКОЙ ДЕВУШКИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918 — 1920 ГОДОВ^[72]

Передо мною письмо скончавшегося в Нью-Йорке в январе этого года моего друга Варвары Антоновны Васильевой (рожденной Яловой), удивительной русской женщины, на долю которой выпало совершить «добровольческую» страду Гражданской войны на Юге России в 1918 — 1920 годах. Я не раз просил ее описать хотя бы в кратких словах то, что ей пришлось испытать и пережить в эти тяжелые годы.

Вот что она мне написала. «Когда красные в январе 1918 года повели наступление на Екатеринодар, то на защиту города стали небольшие военные отряды, составленные главным образом из живших и случайно находившихся в городе офицеров. В ряды этих добровольцев сразу же вступило много гимназистов, реалистов и студентов — местных жителей. Вооружились и те горожане, кто мог держать винтовку. Образовались в нескольких местах фронты, ограниченные ветками железной дороги, ведущими к Екатеринодару, по которым вели наступление большевики.

Начались бои. В город стали привозить раненых. Наш Мариинский женский институт тоже посылал на эти фронты группы своих воспитанниц, руководимых институтским врачом. Там они получали нагруженный ранеными вагон и сопровождали его до Екатеринодара, где затем развозили этих раненых по госпиталям.

Однажды часть моей группы отправилась с ранеными в Екатеринодар, а я с некоторыми моими подругами осталась около других раненых, которых мы должны были отвезти в следующую поездку. Группа наша почему-то долго не возвращалась, и вскоре оказалось, что Екатеринодар занят красными. С этого времени я очутилась в армии, которой суждено было совершить известный Первый Кубанский поход. В этом походе две мои институтские подруги были убиты.

Когда в августе того же года добровольцы Екатеринодар взяли обратно, я вернулась в институт и меня условно приняли в следующий класс, обязав к рождественским каникулам пополнить пропущенное, что я и сделала. На Рождество я поехала в Адлер, где у моих родителей была

дача и где они жили в это время.

В окрестностях Адлера было беспокойно. Появились «зеленые», к которым присоединились местные большевики, и все Черноморское побережье оказалось отрезанным от белых армий. Чтобы снова попасть в институт, я совершила тяжелый поход до Туапсе с частями полковника Жуковского и с 1-й Терской казачьей конной батареей, стоявшей до того на грузинской границе и пробившейся сквозь банды «зеленых». В Туапсе мне удалось попасть в поезд с партией наших раненых, среди которых находился мой будущий муж, полковник 1-й Терской конной батареи Васильев. ^[73] Таким образом я добралась по железной дороге до Екатеринодара. Как потом стало известно, в ночь накануне отхода нашего поезда «зеленые» напали на Туапсе, и весь офицерский состав Терской батареи был ими уничтожен.

Возвратившись в институт, я училась там недолго. Белый фронт рушился, и в начале марта 1920 года началась эвакуация Екатеринодара. Институтское начальство настаивало, чтобы я тоже уходила с белыми. Я была участницей Корниловского похода, и мое присутствие в институте было нежелательно — из-за меня могло бы пострадать институтское начальство, если красные начнут расправу со своими врагами.

Я сделала попытку выйти из трудного положения, обратившись к некоторым моим родственникам, жившим в этом городе, чтобы они, хотя бы на время, приютили меня у себя, но никто из них и слышать не хотел взять меня к себе. Тогда я решила уйти из Екатеринодара, и, не зная в то время никого из начальников воинских частей, остававшихся в городе, я ушла одна.

На железнодорожном мосту через Кубань была страшная давка. На нефтяном заводе «Кубаноль», находившемся по пути к этому мосту, засели большевики и открыли пулеметную стрельбу по медленно продвигавшимся поездам, напиравшим на толпы отступавших. Произошла сумятица, люди падали в реку. Я попала в эту невообразимую кашу... Как я выбралась из нее — лишь Господу Богу известно. Один донской генерал втянул меня к себе на седло и с нагайкой в руке пробил себе дорогу.

Когда я уже была на другой стороне моста, в моей голове возник важный для меня вопрос — куда идти? Надо было принять одно из двух решений: или шагать по шпалам железной дороги до Новороссийска, или уходить в Грузию с Кубанской армией генерала Морозова. Путь в Грузию шел по Черноморскому побережью через Сочи, Туапсе. Недалеко от них находился Адлер, где жили мои родители. Я избрала этот путь и в потоке других беженцев, тянувшихся за отходившими воинскими частями,

зашагала к черкесским закубанским аулам. Вскоре я встретила двух знакомых екатеринодарских гимназистов, братьев Колесниковых, и на душе стало легче — я была не одна среди незнакомых мне людей. На другой день, около аула Тохтамукай, меня увидели юнкера Кубанского генерала Алексеева военного училища, ^[74] знавшие меня по Екатеринудару, а также командир одной из сотен этого училища, капитан Константин Константинович Зродловский: одно время он жил в Екатеринударе в том же доме где жила и я.

В станице Пензенской меня представили командиру юнкерского батальона 1-го Пластунского полка полковнику Зродловскому, ^[75] брату Константина Константиновича. Юнкера Кубанского училища входили третьим батальоном в этот полк, и меня зачислили в 12-ю юнкерскую сотню, в которой в это время не было фельдшера. С этого дня я совершила поход с юнкерами и после тяжелого четырехдневного марша с боями, в тылу красных, по горам и переходя бурные горные речки, наконец, достигла Адлера, где нашла своих родителей.

Между тем наступавшие большевики в половине апреля заняли Сочи. Генерал Морозов, побуждаемый Кубанским атаманом Букретовым, начал переговоры с большевиками. Большая часть кубанцев сдалась большевикам, небольшая группа ушла в горы, а остальные на пароходах были направлены в Крым. Юнкера Кубанского военного училища ушли на пароходе «Бештау» тоже в Крым. Я осталась с родителями жить в городе, где было опаснее, а не на даче.

Первой арестовали мою старшую сестру, после чего казалось, очередь дойдет и до меня. Но я сбежала и вместе с одним кубанским полковником, который скрывался у нас в саду, при помощи знакомого крестьянина-контрабандиста, в дырявой лодке пробрались в Гагры, где уже была территория Грузинской республики.

Здесь я очутилась снова одна и ждала инструкций от моего крестьянина-контрабандиста, который должен был передать мне деньги от ротных. Вскоре он, действительно, возвратился, но принес дурные вести: в нашей даче он никого не нашел, она была пуста и ему передали, что родителей моих увезли неизвестно куда. Я их больше никогда не видела.

Я решила пробраться в Батум, где рассчитывала найти своих родственников. Где пешком, где по железной дороге, а где на случайной подводе, — я добралась, наконец, до Батума. Но родственников там не оказалось, они уже уехали за границу. Я была в отчаянии, стала терять силы и заболела малярией и дизентерией. Семья простого портового

рабочего подобрала меня на улице совершенно больной и приютила меня. Эти добрые люди меня вылечили, и я потом еще долго прожила у них. В конце концов, эта же семья устроила меня на какой-то совсем маленькой парходик, шедший в Крым. Плыли мы по морю очень долго и только на шестнадцатый день нашего путешествия доплыли до Севастополя.

Я начала делать попытки устроиться куда-нибудь в госпиталь сестроу милосердия. Я не была настоящей сестроу милосердия, но по существовавшим тогда правилам все участницы 1-го Кубанского похода, служившие по санитарной части, должны были сдать небольшой экзамен, чтобы они имели право быть зачисленными в штат Красного Креста и служить в армии. Все это я проделала. Но мой первый день в госпитале одного из донских казачьих полков в Севастополе был и последним днем моей службы. «Барышня, уходите, пока не поздно. Мы остаемся здесь. Наши сестры — жены офицеров, и они с мужьями уже на пароходах...» — говорили мне казаки.

Помню, я пришла на опустевшую пристань, где в сумерках виднелись в море силуэты дымящихся и готовых к отходу судов. Помню, что в эти минуты я ни о чем не думала. Неожиданно подошел откуда-то автомобиль, и господин в штатском костюме заговорил со мною на английском языке. Что он говорил — я не понимала. Он приподнял мое лицо за подбородок и ткнул пальцем в сторону моря. Я радостно закивала головой. Я увидела у пристани моторную лодку. В ней было несколько человек, очевидно, как и я, не попавших на пароходы. На этой лодке нас доставили на пароход «Сиам». Как потом выяснилось, незнакомый господин оказался представителем американского Красного Креста. Как было его имя — не знаю, но я его больше никогда не встречала и не видела.

Доплыли до Константинополя, и здесь тридцать бесконечных дней стояния на рейде. Нас почти не кормили. Казалось, что о нас забыли... Иногда к борту подходила лодка и на палубу бросали большие круглые хлеба. А позже — с парохода на пароход, я попала на Лемнос и здесь снова встретилась с Кубанским военным училищем, в рядах которого я совершила незабываемый для меня поход по Черноморскому побережью...»

Такова в кратких словах «добровольческая» одиссея этой русской девушки, переданная мне ею лично в одном из ее писем ко мне. К этому простому и бесхитростному рассказу я хочу добавить только то, чему я был свидетелем, когда Варвара Антоновна служила в моей сотне Кубанского военного училища весной 1920 года в трудных для нас боях на Черноморском побережье.

Помню, в походе, в красном платочке она всегда шла рядом со мною впереди сотни, бодро шагала часто по грязи и никогда не хотела воспользоваться моею лошадью, которую я предлагал ей, хоть на короткое время. Шли мы бодро и весело, с песнями.

Надо сказать, что Варвара Антоновна сразу же завоевала симпатию всех юнкеров, стремившихся наперебой услужить ей. Присутствие ее в сотне вскоре сказалось — юнкера перестали сквернословить. Мы, офицеры, удивлялись — откуда у такой юной девушки взялось столько ума и такта. Однажды на дневке, проверяя свою сотню, расположенную по квартирам, я нашел свой первый взвод в какой-то полуразвалившейся хате. Человек тридцать юнкеров тихо сидели и с большим вниманием слушали какую-то увлекательную сказку, которую она им рассказывала... Когда был праздник Пасхи, то юнкера, приготовляя куличи, преподнесли и ей маленькую пасочку...

Как вела она себя в боевой обстановке, мне лучше всего будет сослаться на тот рапорт, который я подал о представлении ее к Георгиевскому кресту. Этот рапорт, копию которого я ныне привожу здесь, подал я в апреле 1920 года и воспроизвожу этот документ потому, что в нем находятся такие подробности, какие, вероятно, не сохранила бы моя память за давностью лет. Этот рапорт в то же самое время будет и вкладом в материалы по истории Кубанского генерала Алексеева военного училища, с жизнью которого в Добровольческой армии у меня связано много воспоминаний.

«Рапорт. Во время похода Кубанского отряда в ауле Шенджий к вверенной мне сотне присоединилась сестра милосердия Варвара Яловая, оставшаяся не у дел за упразднением формировавшегося в Екатеринодаре 1-го Кубанского перевязочного отряда и не пожелавшая остаться на Кубани при занятии ее большевиками. В станице Пензенской, по докладе моем Вам, как командиру юнкерского батальона об означенной сестре милосердия, с просьбой узаконить ее присутствие при сотне, Вами был отдан приказ о назначении ее санитаром во вверенную мне сотню, ввиду наличия в ней уже сотенного фельдшера.

Начиная от аула Шенджий и вплоть до местечка Лоо, сестра милосердия Варвара Яловая, находясь безотлучно при сотне, совершила весь поход с сотней пешком, ни разу не сев ни на подводу, ни на лошадь. Идя все время во главе сотни с санитарной сумкой через плечо, которую ни за что не хотела никому передать для облегчения ее ноши, она в высшей степени бодро и легко вынесла весь тяжелый поход, служа постоянно юнкерам примером неутомимости, подбадривая их своею энергией,

неутомимостью и выносливостью в походной жизни.

Пребывание ее как женщины в сотне влияло очень благотворно на юнкеров; нравственность их повысилась, все относились к ней с глубоким уважением, все берегли и любили ее за постоянную готовность помочь больным юнкерам, за ее доброту и простоту.

Во время движения отряда по Черноморскому побережью, когда батальон юнкеров участвовал в боях с большевиками, сестра Яловая ни на одну минуту не покидала сотню и в бою 3 апреля на реке Псезуапсе она находилась целый день в окопах с 1-м взводом моей сотни, который в течение четырех часов обстреливался действительным пулеметным огнем, причем своим спокойствием и мужеством она влияла в высшей степени успокоительно на всех юнкеров, находившихся на позиции. На следующий день, когда 3-й взвод сотни, находившийся на правом фланге позиции против села Алексеевка, вступил в перестрелку с противником, наступавшим на нашу заставу, и оказался раненным тяжело в ногу командир взвода хорунжий Топчий, сестра Яловая под ружейным и пулеметным огнем наложила ему первую повязку и своим мужеством, присутствием духа и спокойствием ободряла как раненого, так и окружающих юнкеров.

Когда два наши батальона 4 апреля были отрезаны большевиками и пять дней находились у них в тылу, сестра Яловая при всей трудности пути, без дорог, иногда без воды и почти без пищи, а также и совершенно без вещей, кроме бывших на ней, являла собою прекрасный пример выносливости, неутомимости и безропотности, достойный подражания для юнкеров, хотя и сильных духом, но в большинстве слабых физически; когда у сестры Яловой от ее сапог, совершенно износившихся в походе, остались лишь одни переды, к которым веревочками были привязаны остатки подошв, — юнкера, полные изумления к выносливости этой юной девушки и глубокого уважения к сильной духом сестре, из своей среды добыли ей юнкерские ботинки, конечно очень большие на ее ногу, в которых сестра Яловая и вынуждена была продолжать свой путь.

При переправе 7 апреля через реку Шахе, когда в 12 часов дня, на виду у большевиков, отряд бросился в воду для переправы, впереди его, вместе с командиром батальона и сотни, первую вошла в воду и сестра Яловая, которая смело и настойчиво шла вперед, сносимая сильным напором течения холодной воды, увлекая за собою и смелую молодежь, обремененную тяжелым снаряжением и пулеметами с большим запасом патронов к ним, не желавшую отставать от своих офицеров и своей смелой, решительной и прекрасной сестры!

Когда по прибытии юнкерского батальона к своим войскам он был отправлен в местечко Лоо на отдых, я и командир батальона настояли с большим трудом на отправлении сестры Яловой в Адлер к ее родным, дабы она имела возможность пополнить свой костюм, пришедший от похода в такую ветхость, что сестре пришлось сделать юбку из офицерского плаща, сколов его английскими булавками, а также и восстановить свои девичьи силы, крайне подорванные почти двухмесячным тяжелым походом и теми нравственными переживаниями, которые ей пришлось перенести во время боя 1 — 4 апреля на реке Псеуапсе и в течение пятидневного похода в тылу у большевиков.

Ввиду того, что сестра милосердия Варвара Яловая являла собою за все время похода такой прекрасный, вполне достойный подражания пример настойчивости, выносливости и неутомимости, а также силы воли, присутствия духа, мужества и храбрости во время боя 1 — 4 апреля, имевший такое благотворное влияние в смысле подражания всех этих выдающихся качеств для юнкеров, я ходатайствую о награждении сестры Варвары Яловой Георгиевским крестом IV степени, вполне ей заслуженным, в дополнение к знаку за Первый Кубанский поход, который у нее уже имеется.

В дополнение к изложенному, для большей выпуклости личности сестры милосердия Варвары Яловой, считаю необходимым добавить, что Варвара Антоновна Яловая — дочь небезызвестного в Екатеринодаре нотариуса, Антона Адамовича Ялового, казачка станицы Петровской, ученица 7-го класса Екатеринодарской войсковой женской гимназии. В 1919 году она, находясь у своих родителей в Адлере и не желая остаться там во власти «зеленых», ушла оттуда вместе с 1-й Терской батареей, с которой и совершила поход по Черноморскому побережью вплоть до Туапсе, выдержав много боев с «зелеными» вместе с батареей, весь состав которой погиб в бою с «зелеными» и красными в Туапсе. Этой участи сестра Яловая избежала только потому, что была командирована в Екатеринодар для сопровождения раненого офицера. Капитан Зродловский».

Мое представление к награде пошло по начальству по всем инстанциям, и сестра милосердия Яловая была награждена Георгиевским крестом.

Я знаю, что во время Гражданской войны было много сестер милосердия — героев. Их судьба сложилась в силу различного рода случайных обстоятельств, может быть, по-иному, но в общих чертах походит на судьбу сестры Яловой. Все они были доблестными участниками

тяжелых походов в условиях Гражданской войны, но о сестре Яловой я говорю здесь, повторяю, потому, что хочу внести в материалы по истории Кубанского генерала Алексеева военного училища свидетельство о том, что в боевых рядах училища одно время была эта удивительная русская девушка, кубанская казачка.

Остальную свою жизнь Варвара Антоновна прожила в Нью-Йорке, где, окончив Американскую национальную академию художеств, сделалась известной художницей и была членом общества художников — «Allied Artist». Выйдя замуж за полковника 21-й артиллерийской бригады Васильева, она имела сына, который во время последней войны был убит в 1944 году во Франции. Скончалась Варвара Антоновна в 1967 году. Да будет этот очерк посильной данью ее светлой памяти.

Б. Турчанинов^[76]

КИСМЕТ. НА МОГИЛУ НЕИЗВЕСТНОЙ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ^[77]

Был 1920 год. Март месяц. Над далекими городом и портом в высь, закрытую низкой, серой облачностью, вздымаются густые клубы черного дыма, пронизываемого длинными языками бушующего пламени пожаров. Горят огромные складские помещения–пакгаузы, железнодорожные составы. Горит и сгорает, превращаясь в пепел, все то, что еще вчера и так недавно хронически не хватало во всем нуждавшимся героическим полкам Белой армии.

Сгорало и грабилось шныряющим в хаосе треска огня и дыма так называемым «населением» с так называемых разных «прицепиловок» — окраин города, перемешавшимся с вездесущими в то время дезертирами, ставшими «зелеными». Ни белые, ни красные. Преданы огню и разграблению, бессмысленному уничтожению десятки тысяч комплектов теплого белья, суконного обмундирования, обувь, снаряжение, электротехническое оборудование связи, медикаменты, тысячи тонн консервированных и сухих продуктов, вино, оружие, амуниция. Все, что еще вчера не выдавалось уходящим войскам без особо оформленных документов интендантства. Порывы ветра доносят непрерывный, порой сливающийся в сплошной, треск рвущихся в огне миллионов патронов.

Конные части Вооруженных сил Юга России крупной рысью, сверкая красными лампасами, серебром оправленных кубанских и горских шашек и кинжалов, всадники в серых шинелях, черкесках, бурках уходят по вьющейся лентой дороге, по склонам гор, вдоль моря на юг. Жуткий вид производят отдельно, сбоку этой лавины бегущие оседланные кони без всадников, с мотающимися стремянами, порой издающие тихое ржание, звучащее как стон тоски по ком-то утраченном. Пехотные части грузятся на пароходы у пристани.

Для обеспечения нормальной погрузки и прикрытия уходящих войск на последнем оборонительном рубеже, в нескольких верстах от окраины города, в складках горной местности притаились небольшие заслоны артиллерии и конных групп.

Противник с гор ведет редкий и беспорядочный артиллерийский огонь. Белая артиллерия отвечает редко, но, заметно, довольно метко,

заставляя вражеские батареи часто менять позиции. Конные группы маневрируют по сигналам своих наблюдателей, заставляя высывающиеся скопища врагов держаться все же на почтительном расстоянии. Помогает дальнобойная артиллерия морского флота.

11 марта, примерно в полдень, недалеко от небольшой конной группы и санитарной летучки раздался взрыв, взметнувший с мерзлой землей обломки окованного железной шиной колеса. Осколками разорвавшегося снаряда была убита находившаяся там единственная сестра милосердия и тяжело ранен офицер, который в тот же вечер умер в санитарном околотке при казармах местного батальона. Сестру там же, на месте, где ее настигла смерть, похоронили у куста боярышника. Лопаты и кирки, чтобы вырыть могилу, попросили у старика путевого обходчика, будка которого была недалеко, у железнодорожной линии. Он и был очевидцем всего случившегося.

Много времени спустя, в холодный и пасмурный зимний день, дул свирепый норд-ост, сдувая клочья темно-серых туч, лежащих на горах, как шапки великанов, и с диким свистом гнал их через долины в ущелья напротив. Загнал ветрище и меня — охотника — погреться в будку путевого обходчика после неудачного преследования так и убежавшего зайца, след которого потерялся у большого куста боярышника. Пошутив над горе-охотником, рассказавшим «дедушке» о своей досадной неудаче, старик сказал, что «этот куст он давно уже прозвал «сестрицын боярышник», потому там в двадцатом годе белую сестрицу снарядом убило, а у куста она и похоронена, сам там был, как ее, в шинель укутанную, в землю опустили»...

Уже когда уходил, обогревшись, старик показал мне сумку — старую кожаную, с почти стертым красным крестом на фоне белого круга. Тогда же, как-то случайно или нечаянно, на обратной стороне крышки увидел несомненно выжженные на солнце через увеличительное стекло две буквы: «А» и «Ч». Помню, с каким волнением смотрел я на эти буквы, сразу хотел было сказать старику, о чем думал тогда, но... не сказал. Сомнений почти уже не было. Убита была и здесь похоронена, конечно, наша Аничка Чубарина, сестра милосердия 1-го Корниловского Ударного полка, любимица наших семей, в течение трех лет постоянно у нас пребывавшая после многих походов, ранений, коротких отпусков.

Так вот почему тогда, в тот страшный день марта, мы ее не дождались, — а быть обещала. В последнем письме, от которого веяло безнадежной грустью, писала, что ей придется, видимо, опять совершить поход по Кубани.

С тех пор незаметная могила, что приютилась у куста боярышника в долине среди гор, зимой под легким пухом снега, летом под ковром зелени и голубых незабудок, уже не была могилой неизвестной сестры. Редко в душу забиралось сомнение, которому и места не было. Ведь буквы на сумке — «А» и «Ч» — говорили сами за себя. Не зашла проститься, как обещала. Это еще больше подтверждает, что это была она, и, наконец, рассказ старика-обходчика: «...Лежала она шагах в десяти; я снял с головы папаху, перекрестился, подошел ближе, и так мне жалко ее стало — молоденькая совсем, лицо хорошее, вроде как бы удивилась чему, как умирала, а губы сложила — не то заплакать собиралась, не то обиделась...»

Все это описано в рассказе «Сильнее смерти» в журнале «Вестник Первопоходника» № 41, февраль 1965 года. И вот прошло пятьдесят лет с тех пор... как я ошибся. Недавно случайно узнанное приоткрыло завесу над тем, что произошло на самом деле полвека тому назад.

Сестра милосердия Аня Чубарина не была убита под Новороссийском 11 марта 1920 года, как я описал в своем рассказе «Сильнее смерти». Кто же ты, сестрица, павшая от рваных, горячих осколков снаряда большевистской артиллерии в тот день? И откуда взялась та сумка с инициалами «А. Ч.»? Это остается не загадкой, а названо тайной, над разрешением которой можно строить лишь только догадки и предположения, если эти строки не прочтет кто-либо уцелевший из той конной группы последних, уходящих к морю.

Н. Каринский^[78]

ЭПИЗОД ИЗ ЭВАКУАЦИИ НОВОРОССИЙСКА^[79]

В начале 1920 года, хотя Добровольческая армия Юга России и казаки, откатившись от Курска и Харькова и очистив Ростов, остановились за Доном и успешно отражали атаки красных, все же чувствовалась и общая растерянность командного состава, и слабость только что образованного Южно–Русского правительства. В это время я был назначен начальником Черноморской губернии, а вскоре затем на меня было возложено и управление Министерством внутренних дел Южно–Русского правительства.

Последнее назначение при наличии министра внутренних дел В. Ф. Зеелера объяснялось тем, что Южно–Русское правительство должно было находиться в Екатеринодаре, где была Ставка главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России, а министерства со всем служебным аппаратом, архивами и т. д. были эвакуированы из Ростова в Новороссийск, губернский город Черноморской губернии.

Принимая оба назначения, я понимал, что дело Добровольческой армии почти безнадежно, но, видя бегство многих, стоящих во главе гражданского управления, я считал, что при таких условиях всё и все будут брошены на произвол судьбы. Так что на свое назначение я смотрел, главным образом, как на способ спасти хотя бы несколько тысяч людей и вывезти их из Новороссийска.

Когда я переехал из Екатеринодара в Новороссийск, то увидел, что дело обстоит значительно хуже, чем я предполагал. Деморализация среди чинов Министерства внутренних дел (да и других тоже) была полная. Тяга за границу была сильнейшая, и я первое время был занят в значительной степени тем, что увольнял согласно прошениям чиновников, оставлявших один за другим под разными предлогами свои посты. Я решил, что с этим материалом, охваченным безумной паникой, все равно никакого дела не сделаешь. Лиц же, занимавших такие должности, которые сменить в такое время было нельзя без ущерба для дела (как, например, заведующего эвакуацией и. д. [Исполняющего должность] губернатора С. Д. Тверского), я всячески уговаривал остаться.

Любопытный разговор был у меня с упомянутым С. Д. Тверским,

бывшим в то время помощником главноначальствующего по гражданской части и. д. губернатора. Дело в том, что начальник Черноморской губернии получил по закону права главноначальствующего, и при нем было создано две должности помощников начальника губернии (одна для управления губернией, другая для заведования эвакуацией) и четыре должности чиновников особых поручений. Сделано это было по моему настоянию, так как мне приходилось и управлять министерством и губернией, и заведовать эвакуацией. Положиться же на старый состав ввиду его панического настроения я не мог и хотел иметь около себя людей бесстрашных, на которых я мог положиться. Такими людьми были М. П. Шаповаленко, ^[80] бывший товарищ прокурора Крымской судебной палаты, и С. И. Тельпугов, товарищ прокурора Московской судебной палаты. Первый принял на себя управление губернией, а второй ближайшее заведование текущей работой Министерства внутренних дел в качестве члена Совета МВД.

С. Д. Тверской по своей должности заведовал эвакуацией. Я предложил ему остаться на своем посту, так как находил, что в такой серьезный момент нельзя менять людей, ведущих столь ответственную работу и уже знакомых с нею. Должности же помощника начальника губернии с правами главноначальствующего и помощника главноначальствующего, которую занимал С. Д. Тверской, были в служебном отношении равноценны. Тверской категорически отказался. Я, заявил он мне, не могу служить при левом министерстве, по существу ничего не имея против того, чтобы служить с Вами.

После моих настояний, после указаний на невозможность «перепрягать лошадей посередине брода» С. Д. Тверской согласился продолжать заведовать эвакуацией до конца, но с тем, чтобы формально во главе ее было поставлено другое лицо, которое подписывало бы нужные бумаги и заведовало частью эвакуации (кажется, эвакуацией в Сербию). Таким лицом был мной назначен на правах помощника С. Л. Флок, энергичный и самоотверженный человек. Впрочем, С. Д. Тверской не сдержал своего слова остаться до конца эвакуации и заведовать ею, хотя ему ничто не угрожало, так как в то время в моем распоряжении уже был особый для всех чинов министерств пароход «Виолетта», о чем будет рассказано ниже. Отъезд С. Д. Тверского был, в сущности, бегством, и точно так же поступили еще два полковника Центрального управления Государственной Стражи, фамилии которых я запомнил.

Бегство С. Д. Тверского произошло так. Однажды, придя на службу, я увидел перед кабинетом Тверского большую толпу желавших

эвакуироваться, находившуюся в сильном возбуждении. На мой вопрос, в чем дело, мне ответили, что кабинет Тверского заперт, нет ни одного чиновника из его служебного персонала и что, по их сведениям, Тверской бежал. Я не мог поверить этому и послал разыскивать Тверского, назначив ожидавшим его прийти на другой день. Разыскать Тверского оказалось невозможно, но в обеденный перерыв, зайдя обедать в ресторан, я увидел его в ресторане.

— Сергей Дмитриевич, — спросил я его, — что это значит? Ваш кабинет заперт, ни Вас, ни чиновников не было, просители волнуются, говорят даже, что Вы бежали.

— Как видите, ничего подобного. Я, как обещал, останусь до конца эвакуации. Я поехал переговорить с англичанами в порт, а чиновники, очевидно, воспользовались моим отсутствием и разошлись. Что делать, дисциплина пала.

На этом разговор окончился. Каково же было мое изумление, когда в тот же день, часов в 10 — 11 вечера, ко мне на квартиру пришел растерянный Тверской со словами:

— Николай Сергеевич, моя судьба в Ваших руках.

— Что такое, что случилось?

— Видите ли, сегодня ночью или завтра рано утром (не помню хорошо) отходит пароход «Святой Николай», на котором я уезжаю. Я был у командующего войсками (бывшего главноначальствующего) генерал-лейтенанта Макеева, но он отказался меня отпустить без Вашего согласия.

Я был поражен.

— Да ведь Вы, Сергей Дмитриевич, сегодня только что, во время обеда, говорили мне, что Вы, как дали слово, останетесь до конца эвакуации. Успокойтесь, Вам ничего не угрожает, в моем распоряжении «Виолетта», и Вы всегда успеете выехать. Как же можно бросить дело?

Но Тверской продолжал просить, чтобы я выдал ему удостоверение, что не имею препятствий к его отъезду.

— Очень имею. Не говоря уже о брошенной на произвол судьбы работе по эвакуации, Вы не сдали даже денежного отчета по губернии, как и. д. черноморского губернатора.

— Отчет со мной, — заявил Сергей Дмитриевич, — я сейчас его сдам.

— Я не могу его принять в одну минуту. Вообще его нужно сдать С. Л. Флоку или М. П. Шаповаленко, а не мне лично.

Тогда Тверской стал просить присутствующего у меня С. Л. Флока принять отчет.

Флок категорически отказался принять отчет ночью без проверки.

Тверской встал, озлобленный.

— Так, Николай Сергеевич, не дадите удостоверения?

— Не могу, Сергей Дмитриевич. Мы расстались крайне холодно.

Через час звонок по телефону командующего армией генерал-лейтенанта Макеева.

— Николай Сергеевич, что Вы сделали с Тверским?

— Я не дал ему удостоверения, он не только бросил работу, не передав ее другому лицу и не сделав никаких указаний, но даже не сдал денежных сумм по должности губернатора.

— Смотрите, Николай Сергеевич, ведь Тверской сбежит, — сказал мне Макеев, — не арестовать ли его?

— Ну, что Вы! Я не допускаю мысли, чтобы бывший прокурор суда сбежал таким образом.

— Ну, смотрите.

На следующее утро нам сделалось известным, что Тверской действительно «сбежал» на пароходе в ту же ночь.

По произведенному дознанию выяснилось, что С. Д. взошел на пароход, легко пропущенный контрразведкой, которая продолжала считать его губернатором. Были также показания, что по просьбе его пароход отошел на два часа раньше назначенного срока. Наутро сюрприз. Является ко мне развязный юноша и приносит кучу квитанций, счетов и т. д. и несколько сот рублей.

— Это квитанции и счета Тверского, он, уезжая, приказал мне передать их Вам.

— А Вы кто?

— А я секретарь Тверского, но на службе не состою. Вот бумага, что я уволен С. Д. Тверским согласно прошению.

Пришлось о происшедшем составить протокол. А далее сюрприз за сюрпризом. Явились подрядчики, требуя деньги за заказы, сделанные Тверским по должности. Один требовал 300 тысяч рублей, а в кассе всего несколько сот. Бумаги по эвакуации, списки эвакуируемых оказались в полнейшем беспорядке, и С. Л. Флоку пришлось сидеть дни и ночи, чтобы как-нибудь поправить дело и не задержать эвакуации населения. Через день после отъезда Тверского я заехал к министру финансов М. В. Бернацкому, прося выдать мне деньги на расходы по эвакуации.

Бернацкий удивился:

— Ведь Тверскому я выдал несколько миллионов на эвакуацию. Где они, где отчет?

Вот так штука. Когда я подал рапорт главнокомандующему

А. И. Деникину относительно Тверского и двух полковников, сбежавших также без разрешения (такой же рапорт был подан, кажется, и командующим Черноморской армией), А. И. Деникин возмутился и дал приказ по радиотелеграфу в Константинополь задержать Тверского и доставить его обратно в Новороссийск. Такой же приказ был и относительно обоих полковников. Результата этот приказ не имел и не помешал С. Д. Тверскому впоследствии при генерале Врангеле получить в Крыму место управляющего ведомством внутренних дел.

Возвращаясь к рассказу. Я видел, что паническое настроение чиновников нельзя остановить, и чувствовал также, что работа министерства, губернских властей и государственной стражи идет не как следует из-за той же паники и боязни остаться не эвакуированными.

Должен сказать, что панике не менее гражданских чинов были подвержены и военные. Так, командующий Черноморской армией генерал-лейтенант Макеев, ^[81] которому я рассказал о настроениях среди гражданских чинов, ответил:

— Да и у меня то же самое. Все бегут, и скоро я останусь один.

Надо сознаться, что гражданские чины имели основание бояться, что их не эвакуируют, памятуя, как проходила эвакуация Харькова, Курска, Ростова, когда гражданские чины извещались в самую последнюю минуту и должны были заботиться сами о себе, чтобы не быть брошенными и оставленными не любившим шутить большевикам.

Чтобы не остаться без чиновников и без государственной стражи, я обратился к правительству с просьбой предоставить специально для служащих во всех министерствах какой-либо большой пароход на случай эвакуации. Тогда, писал я, все будут знать, что они не будут брошены в случае краха и будут вместе с семьями вывезены из Новороссийска. Как на подходящий пароход я указал на большой транспорт «Виолетта», могущий вместить всех чинов всех министерств и других лиц, не служащих, но которым по их деятельности грозила опасность в случае прихода большевиков. «Виолетта» имела пробоину, чинить которую было негде, и была предоставлена Министерству путей сообщения, так как железнодорожники взялись ее починить, рассчитывая, что в случае, если им это удастся, они смогут вывезти себя и свои семьи. Эта надежда давала им возможность самоотверженно работать на своих местах, не боясь приближения неприятеля.

В ответ на свое ходатайство я получил от министра путей сообщения Зверева телеграмму, направленную также начальнику морского транспорта

генерал-майору Ермакову, ^[82] в которой министр извещал, что, согласно постановлению Южно-Русского правительства, транспорт «Виолетта» предназначается для перевозки всех министерств и поступает в распоряжение начальника Черноморской губернии. Получив эту телеграмму, я отправил на «Виолетту» своих чиновников особых поручений, инженера Черникова и Г. И. Царика, ^[83] чтобы они осмотрели пароход, выяснили степень его готовности, количество мест и груза, который возможно погрузить, и т. д. Г. И. Царик, артиллерийский офицер, должен был, кроме того, остаться на пароходе в качестве коменданта или распорядителя от Министерства внутренних дел, заведующего охраной парохода, в его распоряжение поступала также организованная для охраны парохода команда.

Оба чиновника, однако, не были допущены на пароход, так как по заявлению коменданта или капитана парохода «Виолетта» он обязан подчиняться лишь приказанию генерал-майора Ермакова, от которого никаких распоряжений не поступало. Моя бумага Ермакову не оказала никакого действия. Объяснения с Ермаковым моих помощников также не привели ни к какому результату. Только недели через полторы-две, когда Южно-Русское правительство переехало в Новороссийск, удалось настоять, чтобы генерал Ермаков отдал необходимый приказ.

На пароходе поместился Г. И. Царик во главе охраны, а инженер Черников, потеряв даром эти полторы-две недели, спешно занялся устройством необходимых приспособлений, чтобы дать хоть какие-нибудь самые примитивные удобства будущим пассажирам «Виолетты». Что генерал-майор Ермаков всячески тормозил передачу «Виолетты» в распоряжение начальника Черноморской губернии, мне было понятно, там преследовались свои цели. Но было совершенно непонятно, почему этой передачей были недовольны высшие чины путейского ведомства, с которыми мне пришлось иметь крупное объяснение. Они хотели и настаивали, чтобы я передал распоряжение «Виолеттой» исключительно им, и очень были недовольны, когда я отказал им в этом, указав, что раз я несу ответственность за дело, то и не могу передать ее хотя бы в порядке подчиненности людям, мне незнакомым.

Справедливость требует сказать, что, когда эвакуация закончилась и мы были уже в Феодосии, те же путейцы явились ко мне и благодарили меня за все сделанное по эвакуации. В последние дни эвакуации и в особенности теперь, оглядываясь назад, говорили они, мы видим, что только благодаря Вам мы были вывезены, иначе мы не были бы взяты на

пароход. Привожу эти слова не для своего восхваления, но чтобы показать, какова была обстановка в то время в Новороссийске.

Одновременно с командировкой Черникова и Царика мною было образовано совещание из представителей всех министерств под председательством члена Совета Министерства внутренних дел С. П. Тельпугова для обсуждения вопросов, связанных с порядком эвакуации на «Виолетте», и для оповещения министерств о времени погрузки и посадки.

Когда, по моим сведениям, положение Новороссийска сделалось угрожающим, я обратился к министру внутренних дел Зеелеру и председателю Совета министров Мельникову с просьбой разрешить начать погрузку имущества министерств и посадку семей на пароход «Виолетта». На представление их по этому поводу последовал отказ, так как главнокомандующий нашел, что это вызовет большую панику. Правда, этот отказ вызывал большое недоумение. Паника и так была и вызывалась положением на фронте и нахлынувшими в город воинскими частями, которые самоуправничали на улицах города, производили самочинные наборы, обыски и поборы, буйствовали, а главное, подыскивали себе пароходы для отъезда. Но как ни ясно было, что огромное имущество ведомств, своевременно не погруженное, останется красным, как это было в других городах при бесчисленных эвакуациях, приходилось повиноваться прямому приказу А. И. Деникина.

8 марта вечером под председательством С. П. Тельпугова было назначено обычное эвакуационное совещание представителей всех министерств, которые очень нервничали, видя, что каждый час промедления может погубить дело эвакуации имущества ведомств. Особенно опасались за машины Экспедиции заготовления государственных бумаг (которые так и не были вывезены). Большое имущество было у Министерства торговли, как и у других министерств.

Приехав от председателя Совета министров на это совещание, я объявил, что главнокомандующий отказал в разрешении начать погрузку, но от себя добавил, что, по моим сведениям, положение очень серьезное и министерства должны быть готовы эвакуироваться в каждую минуту. В ту же ночь я был вызван в Совет министров, где мне было объявлено председателем Южно-Русского правительства, что положение катастрофическое и главнокомандующий потребовал, чтобы министры немедленно уезжали в Севастополь на пароходе (кажется, «Бургомистр Шредер»), отходящем утром. Я же должен остаться и озаботиться немедленной погрузкой министерств на «Виолетту». Правда, добавили

министры, пароход, как говорят, захвачен силою какой-то гвардейской частью, но она «будет выбита». Вообще же, по словам министров, в моем распоряжении имелось всего два–три дня.

Вернувшись домой под утро и недоумевая, как я буду грузить на пароход, захваченный гвардейцами, и с помощью каких сил при общей разнузданности войск, не признающих никакого начальства, удастся «выбить» гвардейцев, я отправился на пароход узнать, в чем дело. Оказалось, что действительно около 200 гвардейцев ворвались на пароход, но благодаря такту Г. И. Царика, командующего охраной парохода, удалось придать этому вид недоразумения. Мало того, Царик включил эту часть в свою охрану и расставил пикетами по пристани; и гвардейцы очень ревностно исполняли свои новые обязанности, не допуская самовольной посадки на пароход своих товарищей–дезертиров.

В тот же день утром я отправился с докладом к А. И. Деникину.

— «Виолетта» может идти, — сказал мне главнокомандующий, — но Вы, как начальник губернии, должны остаться до последнего момента.

На это я указал, что ввиду введения осадного положения у меня нет никакой власти и никакого аппарата, ибо все дела и государственная стража с момента введения осадного положения подчинены командующему войсками.

— Остаться я могу до последнего момента, — сказал я при этом, — но на чем я выеду, если уйдет «Виолетта». Может быть, Вы дадите мне место на своем миноносце?

— У меня нет свободных мест, — резко ответил А. И. — Можете уезжать на «Виолетте».

Я откланялся; по дороге заехал к командующему войсками генерал–лейтенанту Макееву и рассказал ему и о распоряжении правительства относительно «Виолетты», и о моем разговоре с А. И. Деникиным.

— Конечно, уезжайте с «Виолеттой», — сказал мне Макеев, — иначе Вас оставят здесь. А что касается работы, то, во–первых, у Вас ее и нет, а во–вторых, и у меня не осталось помощников, все бежали, распоряжаюсь я только сам собой. Больше делаю вид. Советую скорее уезжать и вывозить кого нужно.

Расстались мы очень сердечно, и я поехал распорядиться насчет эвакуации.

Погрузка началась 9 марта утром, но за отсутствием средств передвижения и огромной толпы беженцев, запрудивших все улицы, удалось доставить к пароходу только небольшую часть имущества министерств.

10 марта я распорядился начать одновременно с погрузкой и посадку людей, несмотря на протесты капитана «Виолетты», который доказывал невозможность одновременно грузить имущество и людей. Отход парохода я назначил на 11 марта, предполагая, что посадка трех–четырёх тысяч человек будет закончена благодаря выработанному плану в один день, то есть 10 марта, а на следующий день удастся закончить и погрузку.

При этом, так как «Виолетта» была отдана в мое распоряжение, я считал, что время отхода зависит исключительно от меня. Торопил же я с посадкой, так как, по словам председателя правительства, у меня было в распоряжении всего два–три дня, да кроме того, я боялся подхода недисциплинированных войск, которые, не доверяя своему начальству, боясь, что их бросят в Новороссийске, самовольно оставляли фронт и шли на Новороссийск, захватывая поезда, а иногда и вступая в бой с находившимися в вагонах отступающими частями, чтобы выбить их из поезда и занять их место. Заведующему погрузкой и посадкой чиновнику Министерства внутренних дел Черникову я отдал распоряжение отвести на ночь «Виолетту» от пристани, боясь покушений на взрыв парохода или захвата его; а рано на рассвете «Виолетта» должна была снова подойти к пристани и догрузиться.

Совершенно неожиданно для меня в восьмом часу вечера комендант парохода, старший лейтенант Слезкин, ^[84] объявил мне, что им получено распоряжение от генерал–майора Ермакова, чтобы «Виолетта» отошла в тот же день, 10 марта, в 8 часов вечера, причем идти должна не в Севастополь, как распорядилось правительство, а в Феодосию. При этом он добавил, что так как этот приказ заведующего морским транспортом генерала Ермакова, его главного начальника, то он, Слезкин, моих распоряжений исполнять не может, а должен исполнить приказ Ермакова.

Полагая, что это недоразумение и что нет никаких оснований, если даже считать главным распорядителем «Виолетты» Ермакова, отходить в 8 часов вечера, я отправил к Ермакову одного из своих чиновников, чтобы указать на необходимость отложить отход «Виолетты» до следующего дня, так как часть пассажиров (около 500) и большое количество ценного имущества не может быть погружено к 8 часам, что пароходу не грозит ни малейшей опасности, так как при наступлении темноты «Виолетта» отойдет на рейд. Указывалось также Ермакову, что ночью отходить бессмысленно, так как тогда «Виолетта» придет в Феодосию к ночи и по действующим правилам в порт ночью не будет впущена, таким образом, время будет все равно потеряно, а люди и имущество останутся непогруженными.

В ответ на это Ермаков, игнорируя меня, прислал коменданту Слезкину новый «боевой» приказ, требуя немедленного отхода «Виолетты» в Феодосию. Этот второй «боевой» приказ был приведен в исполнение немедленно, но благодаря какой-то неисправности (кажется, вызванной мягкосердечием команды) пароход задержался часа на полтора–два, чем и воспользовался Черников и экстренно в темноте произвел дополнительную погрузку и посадку.

Около 10 часов вечера «Виолетта» отошла от пристани, оставив машины Экспедиции заготовления государственных бумаг, все бумаги Министерства торговли (в том числе делопроизводство о заграничной валюте на сумму до миллиона фунтов стерлингов), оставив часть багажа чиновников и около 200 человек, причем многие оказались разлученными со своими близкими и даже с детьми. Однако в воротах порта «Виолетта» была задержана на несколько часов, так как Ермаков, приказав отправить пароход немедленно, забыл сообщить об этом на Восточный маяк, без чего ни одно судно не могло быть выпущено из порта.

Новая попытка воспользоваться этой небрежностью и убедить Ермакова задержать отправку парохода до утра, сделанная по телефону начальником части Министерства торговли и промышленности Андерсоном (по телефону с маяка), успеха не имела, и «Виолетта», потеряв на бесполезную стоянку около четырех часов, перед рассветом ушла из Новороссийска.

На борту парохода мной было созвано совещание из начальников всех ведомств, и результаты совещания вылились в рапорте на имя главнокомандующего<...>. Кроме того, мной была послана уже из Феодосии, — куда «Виолетта», как мы и ожидали, пришла ночью и не была впущена в порт, потеряв опять время в течение нескольких часов на новую бесполезную стоянку, — телеграмма заведующему эвакуацией воинских чинов генерал–лейтенанту Вязьмитинову с просьбою позаботиться о брошенном имуществе и людях.

Об обстоятельствах эвакуации «Виолетты» было доложено мной также Южно–Русскому правительству, доживавшему в Крыму последние дни. Впрочем, все это не имело никакого значения, а генерал Ермаков продолжал оставаться в своей должности и при генерале Врангеле, когда ни о Южно–Русском правительстве, ни о юстиции уже не было и помину.

И. Георгиевский^[85]

ОТЪЕЗД ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА^[86]

В случае поражения какой-либо воинской части ответственность за неудачу падает на командующего, была ли в том его вина или нет. Так было и после разгрома Белой армии на Юге России и малоудачной эвакуации Новороссийской военной базы.

Генерал Деникин, по приезде в Феодосию, вместе с генералом Романовским отправился в штаб армии, чтобы выяснить отношение к нему среди офицерства, там находящегося. Как передавал мне потом капитан «Стедфаста», со слов генерала Хольмана, отношение это было не только холодным, но прямо враждебным, генерал Деникин понял, что делать ему в Крыму нечего, и решил передать командование генералу Врангелю, бывшему в то время в Константинополе, а самому уехать за границу, где уже находились его жена и дочь.

Я знал, что среди молодого офицерства были питавшие неприязнь не столько к генералу Деникину, сколько к Романовскому, которого считали «злым гением» Белой армии. Некоторых из этих офицеров я знал лично, но не входил в состав их группы и потому не знаю, какие у них были на то основания. Причин поражения, а затем и полного разгрома нашей армии было несколько, и нельзя возлагать всю вину на одного человека.

Генерал Деникин был честным патриотом, хорошим начальником дивизии, но отнюдь не политиком и никак не государственным деятелем, а положение его было чрезвычайно трудным. Связано оно было с общеевропейской и даже мировой политикой, и справиться с большевизмом Белым силам без внешней помощи было невозможно. Понимали это такие талантливые государственные деятели, как Уинстон Черчилль и Клемансо, считавшие, что следует вырвать большевизм с корнем. Но им было не по плечу бороться с влиянием президента Вильсона и Ллойд Джорджа. Небольшой помощи, оказываемой Англией, и даже признания de facto Вооруженных сил Юга России, куда был назначен Высокий комиссар, было недостаточно, чтобы спасти русскую Белую армию от поражения.

Итак, генерал Деникин решил уехать из Крыма, бывшего последним клочком русской земли, но, как я знаю со слов генерала Хольмана, у него создалось впечатление после разговора с офицерством, что ему могут в

этом помешать, поэтому самый съезд был засекречен. В этот день капитан «Стедфаста» просил меня не уходить в город, а быть на пристани, потому что вечером у нас на миноносце будут обедать генералы Деникин, Романовский и Хольман. Было ясно, что это не «визит вежливости», а окончательный отъезд генералов.

Действительно, между 4 и 5 часами на пристань пришли пешком три генерала без вещей, как будто на прогулку. У пристани в это время стоял легкий крейсер «Кентавр», а пришвартовавшись за ним, — наш маленький миноносец, совершенно скрытый гораздо более крупным судном. Я встретил их у крейсера, через который надо было пройти, чтобы попасть на миноносец. Здесь генерал Хольман расстался с русскими генералами, сказав, что придет позже, так как ему надо еще зайти в британскую военную миссию, поручил мне проводить их на «Стедфаст» и добавил мне по-английски, что так как генерал Деникин очень подавлен, то, чтобы поднять настроение, он распорядился прислать несколько бутылок шампанского, которые придут вместе с багажом генералов.

Капитан «Стедфаста» все еще был в нервном состоянии и велел мне следить за тем, что происходит на пристани, и в случае чего-либо подозрительного немедленно доложить ему. Однако ничего необычного не произошло, только на английском автомобиле привезли багаж генералов и приехал сам генерал Хольман. Когда он пришел на миноносец и туда же принесли багаж, капитан «Стедфаста» распорядился отчалить и стать на якоре в порту, и тогда начнется обед. Будет два стола; за одним будут сидеть с ним, как с хозяином, три генерала, а за другим — младшие офицеры. Капитан пригласил меня за генеральский стол, но предоставил мне самому решить, с кем я предпочту обедать, потому что благодаря присутствию генерала Хольмана разговор может идти на двух языках. Я поблагодарил его и предпочел обедать с младшими офицерами, с которыми я был в дружеских отношениях.

Генерал Хольман прислал на наш стол три бутылки шампанского, и обед прошел в оживленном настроении. После обеда мы снялись с якоря, и миноносец вышел в море, взяв курс на Босфор. Мы все вышли на палубу; уже сильно стемнело, было холодно и неудобно. Вскоре все, кроме генерала Деникина, ушли вниз, а капитан, перед тем как подняться на мостик, сказал мне провести генерала Деникина в приготовленную для него (капитанскую) каюту.

Когда я подошел к генералу Деникину, он сказал мне: «Благодарю вас, я и сам знаю, как пройти туда, а пока дайте мне в последний раз посмотреть на родную землю. Если я ее увижу, то, должно быть, очень не

скоро». Я поклонился и отошел в тень, а Деникин все продолжал стоять и смотреть на исчезающий в темноте берег Крыма. Когда уже почти ничего нельзя было различить, он перекрестился и грустно пошел вниз.

Так как лучшие каюты были предоставлены генералам, то младшие офицеры и я спали по-походному, главным образом в гамаках. На следующее утро младший лейтенант, с которым я был в приятельских отношениях, рассказал мне о странном происшествии ночью: когда он еще не спал, но лежал с закрытыми глазами, кто-то тихо вошел в помещение, где были подвешены гамаки, и, останавливаясь у каждого, прислушивался к каждому, чтобы убедиться, что все действительно спят. Сквозь чуть открытые глаза мой приятель убедился, что это был генерал Деникин! Очевидно, даже на английском миноносце генерал не чувствовал себя в безопасности и хотел убедиться, что все спят.

После утреннего завтрака капитан предложил мне пройти с русскими генералами по миноносцу, объяснив им расположение его вооружения: орудий и мин. Сам он тем временем имел разговор с генералом Хольманом. Во время нашего обхода генерал Романовский вдруг остановился и в свойственном ему саркастическом тоне сказал: «Думали ли вы еще недавно, Антон Иванович, что мы окажемся политическими изгнанниками?» Деникин ничего не ответил и стоял склонив голову. Когда мы вернулись в кают-компанию, то он попросил лист бумаги, написал приказ о награждении командира миноносца «Стедфаст», капитана 2-го ранга Шурра, за боевые отличия при эвакуации Новороссийской военной базы, орденом Св. Владимира IV степени с мечами и бантом и предложил мне тут же письменно перевести этот приказ на английский язык, чем капитан впоследствии очень гордился, приравнивая эту высшую награду к английскому «Виктория Кросс», что, несомненно, было преувеличением.

По приходе в Константинополь оба генерала очень сердечно со мной попрощались, благодаря меня не только за помощь им при переходе из Феодосии, но и за мое содействие при эвакуации Новороссийска. Хотя не было еще поздно, капитан не разрешил никому сходить на берег впредь до получения им приказа от начальника штаба Черноморской эскадры, командора Фишера, относительно дальнейшей службы нашего миноносца.

На следующее утро капитан, очень расстроенный, отправился по начальству, запретив опять кому бы то ни было сходить на берег впредь до его возвращения. Все это казалось как-то странно, и я спросил младшего лейтенанта, что случилось. Он ответил, что накануне в здании российского посольства выстрелом из пистолета был убит генерал Романовский и что сейчас английская военная полиция ведет дознание, для чего она была

введена в здание посольства, что, в сущности, было противозаконным. Многие русские, как военные, так и штатские, которые могли пролить свет на это убийство, были допрошены.

По счастью, я вызван не был, так как на берег не сходил, а оставался по распоряжению капитана на миноносце. В то время личность убийцы мне была неизвестна, и узнал я о нем лишь много времени спустя. По возвращении от начальника штаба капитан «Стедфаста» сообщил нам, что наш миноносец останется в Константинополе три дня, а потому разрешил и мне сойти на берег, чему я был очень рад, так как это были последние дни нашей Страстной седмицы, и я надеялся эти дни и Пасху встретить здесь и быть в церкви нашего посольства, где в то время служил архиепископ Анастасий, впоследствии митрополит и глава Русской зарубежной церкви. На следующий день я решил проехать на Принцевы острова, на одном из которых в качестве эмигрантов жили мои родители.

На эти острова ходили маленькие пароходы из Константинополя. Когда я был уже на пристани и собирался войти на один из таких пароходов, кто-то сунул мне в карман какую-то бумажку и шепнул: «Передайте при случае адресату, не говорите со мной и не обращайтесь никакого внимания». Я машинально обернулся и узнал Мстислава Х., немедленно скрывшегося в толпе. Из чего я заключил, что он опасается быть узнанным, очевидно в связи с убийством генерала Романовского. Офицера, которому была адресована записка, я знал только поверхностно, и встретил его много времени спустя, после крымской эвакуации, когда и передал ему эту записку, в то время, очевидно, уже потерявшую значение.

Я рассказал, как она ко мне, при довольно странных обстоятельствах, попала. На что мой собеседник ответил: «Разве вы не знали, что Романовского застрелил Мстислав Х. И что английские власти его разыскивали? Ему, однако, удалось бежать к Кемалю, где, благодаря знанию восточных языков и чину капитана артиллерии, его зачислили в турецкую армию в чине полковника. Позже он получил в командование особый отряд, посланный против шайки разбойников. В одной из стычек с ними он был случайно убит».

Я не мог допытываться, как до моего собеседника дошли эти сведения, но не думаю, чтобы он их выдумал.

Ф. Елисеев

ТРАГЕДИЯ КУБАНСКОЙ АРМИИ^[87]

В 1970 году эмиграция отметит печальную страницу 50-летия гибели — трагедию Кубанской армии на Черноморском побережье в апреле 1920 года. Это очень тяжелый и щепетильный вопрос. На него могут быть разные точки зрения. И я не пожелал омрачать память старших генералов, от кого это зависело. Описать же точно мог лишь тот, кто пережил эту жуткую трагедию. Я ее пережил, оставшись с казаками; и из старших офицеров, разделивших участь армии, только мне одному, через один год времени, удалось бежать за границу, из Сибири в Финляндию, рискуя жизнью.

Что же предшествовало капитуляции Кубанской армии? Военные авторитеты должны были бы признать, что с падением кривой линии боевого фронта Киев — Курск — Орел — Каменная — Воронеж — Камышин до самого Царицына — перелом военного успеха остался за красными. Это был октябрь — ноябрь 1919 года. К этому времени почти полностью были ликвидированы «белые фронты» — Северо-Западной армии генерала Юденича, наступавшего на Петроград, и Северной армии генерала Миллера от Архангельска и Мурмана. Отошли далеко на восток в Сибири армии адмирала Колчака. Погиб и сам Колчак. По всем данным можно было осознать, что мы проиграли войну против красных, но этого открыто сказать и признать, конечно, никто не мог.

Для того чтобы читатель мог понять, как и почему Кубанская армия попала в затруднительное положение на Черноморском побережье, надо осветить обстановку по официальным и авторитетным источникам того, что я сам видел и пережил. Беру выписки из журнала «Кубанский исторический и литературный сборник» генерала В. Г. Науменко № 14, за январь — февраль 1962 года, выпущенный в Америке. Генерал Науменко был тогда командиром 2-го Кубанского конного корпуса, в который входил 1-й Лабинский полк под моим командованием. Он пишет: «Заблаговременно, директивой Главнокомандующего генерала Деникина, предусматривался отход Добровольческого корпуса, Донской и Кубанской армий на Новороссийск и Туапсе. В этих обоих пунктах должны были быть заготовлены запасы продовольствия и всего необходимого для войск, а также морские перевозочные средства, на случай необходимости

эвакуации. 4 марта 1920 года большевики заняли Екатеринодар, переправились на левый берег Кубани и после боя 7 марта у аула Тохтамукай разрезали войска Юга России на две части».

Здесь я уточняю: от Донской армии был отрезан 4-й Донской конный корпус генерала Старикова и Кубанская группа генерала Шифнер–Маркевича из корпуса генерала Топоркова, которые имели задание держать фронт от Усть–Лабинской станицы на запад, до Екатеринодара. В силу этого эти части повернулись на юго–восток, чтобы круглым путем двигаться на Туапсе. По этому же направлению к Туапсе двигались — войсковой атаман генерал Букретов со штабом, с Кубанским правительством, с членами Рады, военное училище, Атаманский полк, как конвой атамана, учебные части конницы и пластунов и другие войсковые подразделения.

Согласно директиве, пишет генерал Науменко, «на Туапсе должны отходить — 4-й Кубанский конный корпус генерала Писарева (донской казак), куда входили — 3-я Кубанская казачья дивизия генерала Бабиева и Черкесская конная дивизия ^[88] генерала Султан–Келеч–Гирея ^[89] — и 2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко». «4-й корпус дрался в районе Ставрополя, а 2-й корпус прикрывал Кавказский жел. — дорожный узел, — так пишет генерал Науменко и продолжает: — Вечером 7 марта, накануне соединения 2-го и 4-го Кубанских корпусов, генерал Писарев получил через летчика приказание Командующего Кубанской армией генерала Улагая: «Туапсинской группе войск переменить направление и отходить не на Туапсе, а на Тамань». Такое же приказание получил командир 4-го Донского корпуса от своего Командующего генерала Сидорина».

Мы, командиры полков, совершенно ничего не знали, что делается вне своих частей. 8 марта со своим 1-м Лабинским полком я занимал позицию у хутора Ерыгина, на левой стороне реки Белая, Майкопского района. Ко мне прибыл генерал Науменко и рассказал об этом распоряжении, добавив, что распоряжение запоздало, Екатеринодар в руках красных, путь на полуостров Тамань отрезан и корпуса будут отходить на Туапсе. Здесь, у хутора Ерыгина, в то же утро мы с генералом Науменко встретили головной разъезд 4-го Донского корпуса, и начальник его, сотник Попов, доложил генералу, что в корпусе 18 тысяч казаков, но настроение людей подавленное.

В станице Хадыжинской, узел дорог перед Гойтхским перевалом, соединились все корпуса и «Правительственный отряд» атамана Букретова. Здесь нас ждал жуткий «сюрприз»... Оказывается — вся Черноморская

губерния, от грузинской границы и до самого Геленджика, занята «зелеными». Наши предполагаемые интендантские базы в Туапсе и Сочи, оказывается, давно были в их руках. Наш путь отхода в Грузию был отрезан. В полках ни фуража для лошадей, ни хлеба для казаков. Обнадеженные словами высших начальников, что «мы идем в Грузию» и что во всех портах, естественно, заготовлены запасы для довольствия войск, весь Черноморский флот в распоряжении Ставки — кто бы мог подумать, что три конных корпуса казачьих войск, с пластунами, артиллерией, десятками тысяч беженцев, попадут в такую западню?!

У полотна железной дороги, перед самым Гойтхским перевалом, лежит боком бронепоезд, весь изрекошетированный пулями. «Что это?» — спрашиваю я генерала Науменко. «А это работа Шкуро и Шифнер-Маркевича. Вся Черноморская губерния занята «зелеными», и они, со своими полками, очищают от них Туапсинский район для подошедших корпусов», — ответил он. Здесь только я впервые узнал о «зеленых», отрезавших нам путь отхода в Грузию. Не буду писать о своем личном удивлении и возмущении. «Перейдя реку — оставь мосты за собою», — поучал генерал Суворов, а здесь... три конных корпуса отходят «на заблаговременно предусмотренные базы самую Ставку», как пишет генерал Науменко в № 14, но базы захвачены противником.

«А Вам, Елисеев, для обеспечения правого фланга Шкуро — Маркевича — с полком немедленно выступить вперед, пройти Гойтхский перевал, повернуть на север, выбить «зеленых» с перевала у Лысой горы, спуститься вниз и занять село Кубанской области Садовое, где и ждать новое распоряжение», — закончил он.

С полком прошел Гойтхский перевал. К ночи достиг вершины перевала у Лысой горы. Он совершенно безлесый, потому и назван «лысый». Полк заночевал в снегу. Наутро спустились вниз. Дремучий лес, охвативший дорогу своими широкими ветвями. Полк идет словно в туннеле. Впереди затрещали выстрелы. Две спешенные сотни казаков рассыпались по густым кустарникам между вековых дубов. Идет бой, но противника не видно из-за густоты леса. «Вперед без выстрелов!» — кричу-командую, и с обоими своими помощниками и полковым адъютантом бросились к цепям.

Садовое село занято. В нем никого из жителей. У околицы лежит убитый лицом вниз. Пуля догнала его в спину. Село, как горное, малое. В нем, в скирдочках, душистое полевое зеленое сено. В маленьких амбарчиках на сваях полно кукурузы в кочанах. Казаки быстро нашли белую кубанскую муку, немного печеного хлеба и другое съестное.

Захвачен гурт рогатого скота, свыше двадцати голов. Полк обогатился фуражом и продуктами. Сыты казаки и лошади после голодовки, но это стоило дорого полку: убиты 4-й сотни сотник Веприцкий и один казак; убиты наповал, в головы.

Полк сильный — до 700 шашек и 26 пулеметов «максим» на линейках. Мы готовы были с радостью оставаться здесь много дней, как наутро прибыл ординарец с приказанием генерала Науменко: «Шкуро занял Туапсе и расширяет свой плацдарм на север и на юг. Полку немедленно же вернуться назад по тому же пути и расположиться биваком у восточной стороны Гойтхского перевала, при штабе корпуса».

Генерал Науменко приказал мне, с 1-м Лабинским полком, расположиться у восточного начала Гойтхского перевала через Кавказский хребет, разделяющий Кубанскую область с Черноморской губернией. Здесь узкое ущелье, громоздкие горы и сплошной лес. За отсутствием построек полк расположился в лесу. Моросит мелкий нудный дождь. С неба падают мокрые снежинки. В природе стало холодно.

С утра 14 марта по шоссе, мимо нас, потянулся вверх, на Гойтхский перевал, 4-й Донской конный корпус. Мы вначале с любопытством рассматривали его колонну, идущую «по-три», еще на неизъезженных крупных донских конях. Крупного роста были и сами казаки, давно не бритые, уставшие и молчаливые. Они идут и идут, совершенно не обращая внимания на нас, видимо погруженные в свои невеселые думы. Уже настало и обеденное время, а колонна безостановочно движется вперед, и, казалось, ей не будет конца. Это проходил знаменитый Мамантовский корпус, который, в своем прорыве красного фронта, так прославился в 1919 году, имеющий теперь в своих рядах 18 тысяч казаков. И только к вечеру того же дня мимо 1-го Лабинского полка — прошел «хвост» корпуса, растянувшись по шоссе длинною кишкою колонны верст на двадцать пять. И словно для сценария, скоро показалась голова новой конной колонны. То шел уже иной поток всадников — горячих, нервных, в другом одеянии, на иных лошадях. Это шла Черкесская конная дивизия генерала Султан-Келеч-Гирея.

Пропустив мимо себя все части, 2-й Кубанский конный корпус двинулся вслед за ними, став арьергардом всей Кубанской армии и 4-го Донского корпуса. 2-я Кубанская казачья дивизия заняла позиции западнее Гойтхского перевала, у станции Кривянка, а 4-я дивизия — в районе Туапсе. 25 марта 4-я дивизия была вытеснена красными из Туапсе, наступавшими с севера, отрезав путь отхода к морю 2-й дивизии, к Туапсе, до которого было 25 верст. В узком ущелье, и неожиданно, 2-я дивизия

была атакована огнем красной пехоты с трех сторон. Без дорог, она бросилась в лесную чащу на юго-запад. К ночи достигла вершины кряжа и, не зная боевой обстановки, заночевала на оголенном от леса плато.

Наутро дивизия двинулась на юг, по лесной тропе, которая упиралась в горный ручей, и потерялась. Войдя в ручей, голова колонны, 1-м Лабинским полком, двинулась по его руслу, текущему на запад, в Черное море. 1-й [\[90\]](#) и 2-й [\[91\]](#) Кубанские полки ночью оторвались от Лабинской бригады и ушли в тыл, к штабу корпуса, от которых генерал Науменко узнал о событиях вчерашнего дня. Штаб дивизии он встретил недружелюбно, разцукал начальника дивизии полковника С. С. Жукова, [\[92\]](#) отрешил его от должности и вторично назначил меня, с заданием «собрать дивизию и привести ее в порядок».

До самого города Сочи 2-й Кубанский корпус генерала Науменко неизменно находился в арьергарде. По сдаче Сочи, со 2-й Кубанской казачьей дивизией я вошел в подчинение командира Пластунского корпуса, генерала Морозова (Николая Аполлоновича). Он был офицером Генерального штаба, по рождению — не казак.

Туапсе было занято 12 марта. 14 марта туда из Крыма прибыл командующий Кубанской армией генерал Улагай. «15 мая 1920 года, в Туапсе, в гостинице «Европа», состоялось совещание Кубанского атамана, командующего Кубанской армией и наличного в Туапсе командного состава», пишет генерал Науменко в своем Кубанском сборнике № 15. Всего 19 высших чинов Кубанской армии и 4-го Донского корпуса, среди коих было 14 генералов, 4 полковника Генерального штаба и председатель Кубанского правительства В. Иванис. [\[93\]](#) Генерал Науменко почти стенографически записал это совещание, которое было помещено в журнале «Казачьи Думы», от 15 февраля 1924 года, выпускаемом атаманами Дона, Кубани и Терека в Софии, Болгария.

Председательствующий атаман Букретов поставил вопрос: «Ввиду сложившейся обстановки, необходимо выяснить взаимоотношения и обсудить дальнейший образ действий». Главные вопросы были: 1. Наладить добрые взаимоотношения со Ставкой в Крыму. 2. Короткими ударами на Кубань достать продовольствие для Армии и 3-е. Куда отходить — в Крым, или Грузию? Первый вопрос был решен положительно. Вторым — невозможно пробиться в богатые станицы и 3-тий — одиннадцатью голосами решено — отходить в Грузию. Обстановка же была такова, как пишет генерал Науменко: «По невылазной грязи раскисшей дороги шли повозки, наполненные разным беженским хламом, начиная от корзин и

чемоданов и кончая кроватями, пружинными матрацами, мебелью, швейными машинами и пр. Вперемешку с войсковыми обозами, везшие фураж и огнестрельные припасы, двигались экипажи с дамами в изящных костюмах, с собачками и кошками. Особенным изобилием дам выделялась какая-то ремонтная комиссия, имевшая до 15 повозок, наполненных дамами и кавалеристами, с массою баулов и чемоданов.

Наряду с казаками, ехали верхом на лошадях сестры милосердия и просто дамы в мужских и женских костюмах. Здесь же плелись табуны донских лошадей, едва передвигавших ноги, и стада калмыцкого бурого скота. Тянулись обозы калмыков с женщинами и детьми с их убогим скарбом. Все шло вперемешку с войсковыми обозами и орудиями.

Солома, кукурузные стволы, соломенные крыши, сухие листья, молодые побеги деревьев, лоза, кора с деревьев — все было съедено. Казаки обшаривали все укромные уголки, извлекая оттуда зерно, семечки, пшеницу, сухие груши, и все это поедалось лошадьми. Лошади, выпущенные на свободу, уныло ходили по улицам города и окрестным горам, отыскивая пищу. Они, с голоду, падали десятками. Дороги Туапсе — Сочи, представляли собою лошадиное кладбище. Конские трупы валялись тысячами».

Это пишет командир корпуса, генерал Науменко, по высокой должности все же не так близко соприкасавшийся со своими частями. Мы же, командиры полков, коих главная забота была о продовольствии своих частей, видели, знали и страдали, естественно, острее, чем высшие начальники. И несмотря на это, среди казаков ни ропота, ни непослушания своим офицерам не было. Все ведь ушли в горы добровольно! В любой станице на Кубани каждый казак, даже и офицер, утром мог не выехать в строй, когда отходил его полк на юг, к горам, и вернуться назад, в свою станицу.

Так, с арьергардными боями в течение месяца, полки отходили от Туапсе до Сочи; оставили и Сочи. Кстати сказать, бой за этот город вела 2-я Кубанская казачья дивизия под моим временным командованием и оставила город последней частью 1-го Лабинского полка, имевшего в своих рядах уже более 1000 шашек при 26 пулеметах. Беженцы казаки-лабинцы все время вливались в свой родной полк. Так полки дошли до Адлера, как прошел слух «о каком-то перемирии с красными», чему казаки совершенно не поверили.

Разберемся в создавшемся положении по разным источникам. Кубанская армия была прижата к Черному морю с 4-м Донским конным корпусом от Хосты и до грузинской границы по шоссе и окрестностям, на

пятачке в 25 верст по птичьему полету территории, где скопилось до 60 тысяч войск и беженцев, главным образом конницы, без фуража и продуктов питания. Положение было катастрофическим.

Представитель английского командования, присутствовавший при переговорах Кубанского атамана генерала Букретьова, начальника его штаба полковника Дрейлинга ^[94] и председателя Кубанского правительства Иваниса в Гаграх 15 апреля, высказался решительно против насильственного перехода Кубанской армией границы Грузии и пригрозил, что в случае осуществления казаками подобного плана «Великобритания не только что откажет в своей помощи кубанцам, но решительно воспрепятствует осуществлению этого намерения.

Начальник штаба всех войск, находившихся тогда на Черноморском побережье, полковник Дрейлинг, на первом совещании в Адлере 16 апреля, на котором присутствовали атаман Букретьов, военный министр Кубани генерал Болховитинов, ^[95] командир 4-го Донского корпуса генерал Калинин, генерал Шифнер–Маркевич и председатель правительства Иванис, доложил о тяжелом положении строевых частей, которых числилось 47 тысяч, а продовольственных запасов в интендантстве было всего лишь на один день. При таком катастрофическом положении Кубанский атаман Букретьов и правительство решили заключить перемирие с красными, надеясь, что перевозочные транспорты из Крыма еще подойдут. Все это нам, даже и командирам полков, ничего не было известно, хотя слухи о каком-то «перемирии» с красными уже дошли до казаков.

18 апреля, желая узнать действительность, еду в Адлер, в войсковой штаб, и совершенно случайно попадаю на военный совет, о чем нам, державшим фронт, ничего не было сообщено. В зале гостиницы, где был штаб атамана Букретьова, увидел свыше пятидесяти штаб–офицеров и четырех генералов: Кубанского войска генерала Шифнер–Маркевича и командира Кубанского пластунского учебного батальона генерала Сидоренко, а от Донского корпуса — генералов Секретева и Голубинцева. За длинным столом сидели только генералы, все остальные стояли в полном молчании. Скоро появился атаман Букретьов, в сопровождении своего начальника штаба. Генерал А. В. Голубинцев атаманом Букретьовым был назначен членом комиссии от 4-го Донского корпуса, для ведения переговоров о перемирии с красным командованием, в которую вошли полковники Дрейлинг, как начальник штаба всех войск на Черноморском побережье, и председатель Кубанского правительства В. Н. Иванис.

«Господа офицеры», — скомандовал Шифнер–Маркевич. Из этого я понял, что одним из главных лиц военного совета является он, но не генерал–лейтенант Секретев, заменявший командира 4–го Донского корпуса. Скорым шагом, пройдя толпу штаб–офицеров, Букретов занял председательское место. Левее его сел полковник Дрейлинг. Его, Дрейлинга, я вижу впервые. Он высокий, стройный, с рыжею подстриженной бородкой. Он очень грустный. Все мы молчим. Встал атаман и коротко сказал следующее: «Господа... Кубанская армия находится в тяжелом положении. Случайно мы вошли в связь с красным командованием против нас, через генерала арьергарда Морозова, предложившим нам мир. Для выяснения этого мною был послан на фронт начальник штаба полковник Дрейлинг, который Вам и доложит обо всем».

Сказал, показал жестом на Дрейлинга и сел на стул. Поднялся со стула Дрейлинг, почтительно сделал короткий поклон атаману, оперся пальцами рук на стол и стал читать «условия красного командования», на которых может быть заключен «мир». Слушали мы его и не верили своим ушам, насколько это было неожиданно и недопустимо для нас, фронту. Прочитав, Дрейлинг подчеркнул, что для ответа дано 24 часа времени.

Вот условия капитуляции для Кубанской армии:

«1. Гарантируется свобода всем сдавшимся, за исключением уголовных преступников, которые будут подлежать суду революционного военного трибунала.

2. Гарантируется свобода всем сдавшимся, искренне раскаявшимся в своем проступке и выразившим желание искупить свою вину перед революцией поступлением в ряды Красной Армии (так написано в тексте с заглавными буквами. — Ф. Е.) и принятием активного участия в борьбе с Польшей, посягнувшей на исконные русские территории.

3. Инициаторам и руководителям восстаний — свобода не гарантируется. Они подлежат или привлечению в трудовые батальоны, или заключению в концентрационные лагеря до конца Гражданской войны, и только в виде особой милости они могут быть допущены в ряды Красной Армии.

4. Все огнестрельное оружие и шашки — подлежат сдаче. Кинжалы могут быть сохранены под честное слово с тем, что они не будут обращены против советской власти и отдельных ее представителей.

5. Содействие возвращению на родину будет оказано, поскольку позволяют разрушенные войной пути.

6. Гарантируется неприкосновенность личности всем, согласно пунктам 1 и 2. Неприкосновенность имущества гарантируется всем,

живущим своим трудом, не принадлежащим к классу эксплуататоров.

7. На ответ дается двенадцать часов, считая срок с момента получения настоящих условий, после чего, при неполучении удовлетворительного ответа, военные действия будут возобновлены с удвоенной энергией. Ни в какие мирные переговоры представители командования тогда вступать не будут. Условия будут считаться нарушенными, если хоть один человек, после получения условий перемирия, будет пропущен в Грузию или уедет в Крым. Командующий 9-й Советской Армией, Василенко. Член военно-революционного совета, Онучин. Передал условия военный комиссар 50-й дивизии, Рабинович».

Вот этот ультиматум красных прочитал нам полковник Дрейлинг, с которым командиры частей должны были познакомиться свои полки. Дальнейшие переговоры нам не были известны, но после 12 часов ночи с 18 на 19 апреля, атаман Букретов получил от советского командования следующие разъяснения: «1. Все лица, которые производили без суда и следствия всякие расстрелы, грабежи и насилия, а также офицерство, состоящее на службе в рядах Красной армии и добровольно перешедшее на сторону войск командования южной России, считаются уголовными преступниками. 2. Всем, добровольно сложившим оружие, гарантируется жизнь и свобода. Разрешается разъехаться по домам всем казакам, гражданским лицам и беженцам. Генералам и офицерам предоставляется полная свобода, кроме привлеченных по пунктам 1 и 2 условий, продиктованных военно-революционным советом 9-й армии 1 мая (18 апреля по старому стилю) сего года. 3. Третий пункт остается без изменений, согласно тех же условий. 4. Кинжалы, серебряные шашки и дедовское холодное оружие остается на руках, при условии круговой поруки, что это оружие не будет обращено против Советской России. 5. Пятый пункт остается без изменений. 6. Все собственные вещи, деньги офицеров и казаков, не подлежат отобранию, кроме приобретенных нелегальным путем. Срок ответа не может быть изменен, согласно условий военно-революционного совета 9-й армии. Срок мирных переговоров кончается 2 мая (19 апреля старого стиля), сего года, в 4 часа 15 минут (утра). К означенному сроку Вам надлежит дать определенный ответ. Подписали: Начальник дивизии Егоров. Военный комиссар дивизии Сутин. 2 мая (19 апреля ст. ст.) 1920 г. 00 часов 40 минут (т. е. 40 минут после полуночи. — Ф. Е.).

Красное командование 19 апреля по телефону предложило генералу Морозову прислать к ним парламентариев для обсуждения технических вопросов капитуляции, но члены комиссии, полковник Дрейлинг,

председатель правительства Иванис и генерал Голубинцев, отказались. Вопрос о капитуляции повис в воздухе. «Перемирие», о котором трактовалось, чтобы затянуть время в надежде прихода транспортных средств из Крыма для переброски частей войск туда, сорвалось. Атаман Букретов поручил генералу Морозову вести лично переговоры с красным командованием, фактически прервав с ними связь.

Ф. Елисеев

КУБАНЬ В ОГНЕ^[96]

Наш штаб дивизии молчит. 18 апреля на дачном фаэтончике — кем-то брошенном и «подобранном» моими людьми — еду в Адлер и случайно попадаю на совещание старших командиров. Председательствует атаман Букретов; от 4-го Донского корпуса присутствуют генералы Секретев и Голубинцев, от Кубанского войска — генералы Шифнер–Маркевич и Сидоренко. Все они сидят за столом, а вокруг них — около сорока кубанских полковников.

Атаман встает и говорит: «Господа, Кубанская армия находится в тяжелом положении. Случайно мы установили связь с командованием красных, действующих против нас, и их командование через посредство генерала Морозова, который возглавляет наши арьергардные части, предложило нам мир... Для выяснения условий красных был отправлен для переговоров начальник штаба всех наших войск, полковник Дрейлинг, который сейчас и доложит вам обо всем».

Поднялся Дрейлинг и начал читать условия мира:

«1. Гарантируется свобода всем сдавшимся, за исключением уголовных преступников, которые будут подлежать суду революционного военного трибунала.

2. Гарантируется освобождение от всякого преследования всем сдавшимся, искренне раскаявшимся в своем проступке и выразившим желание искупить свою вину перед революцией поступлением в ряды Красной армии и принятием активного участия в войне против Польши, посягнувшей на исконные русские территории.

3. Инициаторам и руководителям восстаний свобода не гарантируется.

4. Все огнестрельное оружие, шашки и кинжалы подлежат сдаче.

5. Содействие возвращению на родину будет оказано, поскольку позволят пути, разрушенные войной.

6. Гарантируется неприкосновенность личности всем.

7. На ответ дается двенадцать часов. Условия будут считаться нарушенными, если хоть один человек после получения условий перемирия будет пропущен в Грузию или уедет в Крым.

Подписи: командующий 9-й Советской армией Василенко, член военно-революционного совета Онучин».

После 12 часов ночи с 18 на 19 апреля получил дополнительные разъяснения: «Всем добровольно сдавшим оружие гарантируются жизнь и свобода. Разрешается разъехаться по домам всем казакам. Генералам и офицерам предоставляется полная свобода, кроме привлеченных по пунктам 1 и 3». Прочитав эти условия красных, Дрейлинг заявил:

— О сдаче армии не может быть и речи. Наша цель — затянуть переговоры на три–четыре дня, пока к нам не придут суда из Крыма для переброски туда.

Атаман предложил голосовать поименно. Все были против мира. «Надо с оружием в руках пробить грузинскую границу, войти в Грузию и там ждать суда из Крыма» — так было заявлено всеми штаб–офицерами, заявлено твердо.

Наступила гробовая тишина. «А вы, генерал, что скажете?» — обратился атаман к генералу Шифнер–Маркевичу. «Позвольте мне говорить сидя», — ответил тот атаману Букретову, не титулуя его. «Пожалуйста, пожалуйста, генерал», — разрешил атаман. В противовес своему обыкновению говорить быстро Шифнер сейчас с напряженным спокойствием четко произносит каждое слово, ни к кому не обращаясь и ни на кого не глядя:

— Война окончена. Надо ясно осознать, что мы побеждены. Денег и снарядов нет. Союзники колеблются, поддержать ли нас. Вести десятки тысяч казаков в неизвестность — нельзя. Наш священный долг старших начальников — насколько можно, безболезненно, бескровно спасти людей, не считаясь ни с чем. Крым также скоро должен пасть. Крым будет гораздо худшей ловушкой, чем там, в которой мы оказались здесь. Тем, кто в Крыму, условия сдачи, надо полагать, будут предъявлены более суровые, чем нам. Там уже не все спокойно. Там от лица офицеров выступил капитан Орлов — выступил против главного командования. И, по моему глубоко продуманному убеждению, ваше превосходительство (тут он поднялся со стула), наилучший исход таков: надо капитулировать...

Сказав это, он тяжело опустился на стул, достал из кармана платок и вытер выступивший на лбу пот.

Голоса протеста, оспаривавшие мнение Шифнер–Маркевича, зазвучали с такой силой, что атаман просил остепениться и обратился к Дрейлингу, чтобы тот повторил цель переговоров с красными. Скорбным голосом, со скорбным лицом, Дрейлинг еще раз сказал: «Цель переговоров — выиграть время, чтобы успели прийти транспорты из Крыма, на что потребуется два–три дня. Я сам красным не верю. В переговорах играю только техническую роль. Я ни за что не останусь здесь и уеду в Грузию

или в Крым». Генерал Сидоренко резко спрашивает атамана: «Каково же решение Совета?»

Снова раздается голос Шифнер–Маркевича. Он подчеркивает: «Пафос Белой идеи казакам малопонятен. Война окончена. Губить людей нельзя. Казаки — народ простой. Они земледельцы, то есть, в сущности, крестьяне, и по отношению к ним красная власть особых репрессий не предпримет. А офицеры могут уехать самостоятельно, в одиночку. На пароходе «Бештау», который стоит на рейде у Адлера, места для них найдутся. Время не терпит. И если сегодня же мы не дадим положительного ответа, красные перейдут в наступление. Прольется ненужная кровь, а результаты будут все те же, даже хуже. Мое мнение окончательное и категорическое: сдаваться».

Слова генерала о том, что казакам пафос Белого движения непонятен, были оскорбительны для всего казачества. Еще более странным показалось мне последовавшее заключение атамана: «Ну, господа... делать нечего... Мы сдаемся. И ваша обязанность — теперь же ехать по своим частям и объявить это и уговорить их принять такое решение. Считаю заседание Военного совета закрытым». Сказав это, атаман собрал со стола часть лежащих на нем бумаг и скорым шагом пошел к себе на второй этаж.

Я не верю, что Кубанская армия должна капитулировать. Я хочу убедиться еще раз и тут же из Адлера звоню на фронт генералу Морозову, которому я еще недавно был подчинен. Это он ведет переговоры с красным командованием. «Так ли это, ваше превосходительство, будто армия капитулирует? Что же делать офицерам?» — спрашиваю его. И слышу категорический ответ: «Офицерам оставаться со своими казаками, так как отъезд офицеров будет расценен красным командованием как нарушение перемирия».

Затуманилась моя головушка! Как же я должен объявить это своему храброму 1–му Лабинскому полку, после таких великолепных конных атак под Кавказской, где мы пленили две красные стрелковые дивизии со всем командным составом?

Я позвонил своему помощнику, полковнику Ткаченко, сказал, что приеду через час; прошу построить полк в резервную колонну, выслушать мое сообщение о том, что решено в штабе Кубанского войска. Сев в свой экипажик, выезжаю из городка с тяжелыми думами. Думы эти перебивает казак–кучер: «Господин полковник! Навстречу нам едет генерал Шифнер–Маркевич!» Выглянув из-за спины казака, вижу генерала на велосипеде в нескольких шагах. Соскочив, я расставил руки в стороны и остановил генерала. Вид его поразил меня. Он в той же серой черкеске, в которой я

помню его, когда еще мы отступали из Воронежа. Полы черкески подоткнуты за пояс. Он весь в пыли и в поту. «А-а, Елисеев!» — восклицает он, остановившись.

— Откуда вы, ваше превосходительство, и в таком виде?

— Фу-т-ты... Только что уговорил 1-й и 2-й линейные полки Майкопского отдела, чтобы сдавались. Не хотят казаки оставаться... боятся красных, но, кажется, уговорил, — быстро, как всегда чуть заикаясь, пояснил он. Речь идет о полках его дивизии, с которыми он занял Гойтхский перевал, Туапсе, Сочи и вот теперь дошел до грузинской границы...

Он весь в поту и, сняв папаху, вытирает ею мокрую голову. Я спрашиваю его: неужели нет выхода? И он мне повторил все то, что сказал на собрании несколько часов назад. Еще добавил дружеским тоном, что офицерам надо бы оставаться с казаками. «А вы останетесь, ваше превосходительство?» — испытующе гляжу я на него. «Душа моя здесь, с казаками, но разум твердит: надо уезжать, — отвечает он с горькой усмешкой. — Знаю, что красные меня не помилуют за сотрудничество с генералом Шкуро».

Пожав друг другу руки, мы расстались. Я больше не видел этого умного, доброго человека, показавшего себя в боях распорядительным и смелым генералом. Он умер на острове Лемнос в 1921 году, не дожив и до сорока лет.

Громадный четырехугольник резервной колонны 1-го Лабинского полка предстал передо мной — 1500 казаков. На фланге полка горят две пирамиды сухих поленьев, освещая местность таинственным светом. Офицеры и казаки в черкесках, в черных папах. Команда встречи, рапорт Ткаченко — и мое сообщение в полной тишине. Рассказываю все, что говорилось и что решили на совещании в Адлере. Заканчивая, бросаю в ночной темный строй полка: «Решено и приказано остаться на месте и ждать распоряжений о сдаче Кубанской армии перед силой Красной России». Мертвой тишиной встречены мои последние слова. Молчат казаки, молчат и офицеры. В этой тишине, после паузы в несколько секунд, из задних рядов строя раздалось только: «А вы с нами останетесь?»

«Что это — упрек, просьба, испытание?» — пронеслось у меня в голове. Умел водить полк в победные конные атаки, а вот теперь — куда и как поведешь полк?! Выдержав паузу в несколько секунд, я протяжно, чтобы все услышали и поняли сразу, произнес только одно слово — «оста-нись!». Показалось мне, что по рядам полка пронесся облегченный вздох.

— Прошу всех офицеров ко мне в комнату, а вам, братцы—казаки, разойтись по своим бивакам сотен.

В полку более 25 офицеров, большинство из урядников и вахмистров Первой мировой войны. Командир корпуса генерал Науменко благоволил к полку, предложил многих офицеров представить к производству в следующие чины и даже вахмистров и урядников произвести в прапорщики. Все женаты; жены — простые казачки. Казаки женятся рано, в 18 лет. У многих уже взрослые дети. Души офицеров и казаков остались в станицах... Полковник Ткаченко встал и решительно сказал: «Бросить полк и спасаться в одиночку — это стыдно и позорно!» Его поддержали громкие голоса.

19 апреля верхом на кобылице, на которой с боями отступал до этих трагических мест еще от Воронежа, опять скачу в Адлер узнать, что там слышно и придут ли корабли из Крыма. Надежд мало, говорят мне. Возвращаюсь в полк. Дорога из Адлера ведет на восток и под прямым углом упирается в шоссе от Сочи к грузинской границе. На перекрестке вижу хвост небольшой колонны — это штаб нашей дивизии с сестрами милосердия санитарной летучки. «Куда вы едете?» — спрашиваю, поравнявшись с последней линейкой. В ней сестра и кучер. «Не знаю... штаб дивизии впереди. Сказали нам, что идем в хутор Веселый за Адлером». — «А полки дивизии тоже идут за штабом?» — недоуменно спрашиваю. «Да не знаю, полковник...» — отвечает сестра.

Ф. Елисеев

АГОНИЯ КУБАНСКОЙ АРМИИ^[97]

Я не верю в капитуляцию армии. На второй день скачу верхом в Адлер в надежде, что есть какие-то перемены к лучшему. Явился к атаману Букретову и заявил, что 1-й Лабинский полк, как и другие полки, не хотят сдаваться, могут и хотят пробиваться в Грузию и оттуда идти куда угодно, но только не сдаваться красным. Настроение именно такое и было в полках.

«Разве есть части, которые еще хотят драться? Я этого не знал. Но теперь поздно. Перемирие подписано, и никуда двигаться нельзя, иначе подведете других. И по всем этим вопросам теперь обращайтесь к генералу Морозову. Он находится на фронте», — спокойно ответил атаман.

19 апреля ст. стилия было днем великого смятения. Весть о капитуляции облетела все уголки и ущелья, где ютились полки и беженцы, до 60 тысяч человек. Все сразу заворшилось. Все боялись «сдачи» и двинулись к Адлеру и за Адлер. Связь с частями и управление армией утеряны полностью. Все опустело в душах людей, жизнь, существование армии и ее частей утеряли свою цель. Все почувствовали: конец всему — и очень близкий и жуткий. У Адлера на рейде стоял пароход «Бештау», весь облепленный казаками, словно мухи на меду.

Рано утром 20 апреля первый мой взгляд был брошен на Адлер с нашего хребтика горы. Глянул — и похолодело сердце. На море полная гладь и нет «Бештау». Немедленно вновь скачу в Адлер. Там жуткая тишина. На дверях гостиницы, где происходил военный совет, большой лист бумаги и на нем крупными буквами: «Предлагается собраться (указано время) старшим начальникам для образования власти. Войсковой учебной батареи, полковник Сергей Певнев». ^[98]

Я быстро нашел Певнева и от него узнал: «Атаман Букретов, ночью, выехал на пароходе в Батум. Все генералы и штабы уехали. Власти над Армией никакой. Чтобы не бросить воинские части в анархию, — надо образовать какую-то власть. И он, как старший полковник гарнизона Адлера, обращается с этим предложением». Я отнесся к этому сочувственно. Я ждал «пароходов из Крыма», обнадеживал на военном совете начальник штаба всех войск, полковник Дрейлинг. Но в тот же день был получен от генерала Морозова приказ такого содержания: «Завтра, 22 апреля, на грузинскую границу пройдет батальон красной пехоты для

занятия постов. Частям все оружие — орудия, пулеметы, винтовки и револьверы — сложить в порядке у шоссе. Винтовки в «козлы», а орудия и пулеметы в один ряд, и возле них не быть казакам. Казакам оставить при себе только холодное оружие, а офицерам — и револьверы. Всем снять внешние отличия (погоны), во избежание неприятностей при проходе батальона. Разрешается не снимать только боевые ордена Великой войны». Ну, вот и конец, сказали мы, прочитав этот приказ. А пароходов из Крыма нет и нет...

Казаки, как всегда, чутьем знали, что идут красные. Толпы их уже усыпали возвышенности восточной стороны шоссе. Мы, офицеры, стояли вдали. Проходит взвод красной конницы. Их посадка на кавалерийских седлах, их фуражки, их пышные чубы из-под фуражек и красные банты на груди гимнастеров так не гармонировали с казачьей толпой в несколько тысяч человек, сплошь в папахах, в бешметах или в черкесках нараспашку и... без оружия. Из-за поворота шоссе скоро показалась колонна пехоты. Два красноармейца несли на древках широкий красный плакат во всю ширину шоссе, исписанный белыми буквами. Что написано — издали не разобрать. За плакатом шел небольшой духовой оркестр, но он не играл. За ними колонна по четыре человека. Красноармейцы шли медленным, тяжелым, усталым шагом. В батальоне до 400 человек. Они шли молча, не глядя на казаков. Молча, глазами проводив их, казаки побрели к своим бивакам. «И этим ванькам мы сдались?» — услышала наша группа офицеров-лабинцев голос одного казака.

Наступили черные дни. Казаки голодали. Они выпрашивали хлеб у всех проходивших и проезжавших мимо биваков красных. Получен следующий приказ от генерала Морозова: «Все части будут пропускаться к Сочи не больше как по одной дивизии ежедневно, чтобы не загромождать путь и за невозможностью приготовить пищу, которая будет дана в Сочи или Туапсе».

Никому не известны были мысли нового главнокомандующего генерала Врангеля. Возможно, он не верил, что из Крыма можно дойти до Москвы и свергнуть красную власть. Возможно, он думал об эвакуации Крыма, как неизбежности, так незачем ему было перебрасывать туда Кубанскую армию и 4-й Донской корпус до 60 тысяч человек с беженцами, которых он потом не сможет вывезти из Крыма, за отсутствием достаточной флотилии. Все это только догадки, но факт остается тот, что в самые трагические дни гибели Кубанской армии рука помощи из Крыма не была протянута.

24 апреля дошла очередь и до 2-й Кубанской казачьей дивизии идти в

Сочи; как и всем предыдущим полкам — разобрать свое оружие, сложенное у шоссе, и сдать его потом в указанном пункте, а где — неизвестно. Дивизия состояла из шести конных полков: два Лабинских, два Кубанских, Корниловский конный [\[99\]](#) и 2-й Сводно-Кубанский. Корниловский полк, как занимавший арьергардную позицию, при генерале Морозове, уже сдал свое оружие. Жуткий парадокс. Доблестный полк первым начал войну против красных и первым же сдал им свое оружие. Есть о чем подумать — как это могло случиться?!

Храбрая Лабинская бригада в 2700 шашек, при десятках пулеметов на линейках, выстроившаяся в последний раз по узкому лесистому, в валунах, ущелью, многочисленными своими ярусами сотен, прилепившихся или сгрудившихся на безлесных площадках и скатах, чтобы выступить в Сочи для сдачи своего оружия... Поздоровавшись с полками, произношу с глубокой грустью: «Ну, братцы, в поход... в последний поход. Дай Бог нам сил пережить это». Сказал, снял папаху и перекрестился. Казаки последовали моему примеру.

Гладкое спокойное Черное море в то незабываемое утро ничего хорошо не обещало казакам. Сколько хватал глаз, везде в морской дали стояла лазурь мягких волн и... больше ничего. Не было видно на нем ни пароходного дымка на горизонте, ни даже рыбацкой лодки. Словно все умерло кругом и до нашей казачьей трагедии никому не было дела. Думаю, впервые в своей истории полки шли без песен — хмурые, исхудалые сами, обтрепанные в своих черкесках, на исхудалых конях. Пройдя 25 верст, лабинцы остановились на ночлег там, где 2-я Кубанская дивизия остановилась после сдачи Сочи 15 апреля.

Прошло лишь 10 дней, но как все изменилось! Здесь, сидя у костра, щебетали сестры милосердия штаба дивизии, мечтая о Крыме иль Грузии, куда мы скоро будем переброшены. Еще сохранился пепел от костра, но никаких угольев. Все истлело, погасло, умерло. И этот погасший костер так явственно говорил о нас, брошенных на произвол судьбы... И мы, видимо, погаснем, истлеем, умрем — давила мысль на душу.

25 апреля головной 1-й Лабинский полк идет по шоссе между развесистых деревьев. По бокам шоссе я вижу груды винтовок, шашек, кинжалов. Меня останавливает пожилой красноармеец и вежливо спрашивает: «Вы будете начальник казаков?» Получив положительный ответ, он деловито говорит: «Это сдаточный пункт. Пущай ваши казаки, не слезая с лошадей, бросают по сторонам все свое оружие. А вы сдайте мне свой револьвер и бинокль». Я протестую: бинокль — частная собственность.

«Не—ет... это есть военный предмет. Он нужен для армии. Красная армия нуждается в биноклях. Пожалуйста, сдайте. Вы не сумлевайтесь в нас. Я сам царский унтер—офицер и службу знаю. У нас порядок. Мы к этому стремимся. У нас в Красной армии служат многие старые офицеры», — словоохотливо и вежливо говорит мне этот «царский унтер—офицер», единственный человек «на сдаточном пункте». Казаки слушают это и без моего приказа снимают с плеч свои винтовки, портупей шашек, снимают кинжалы с поясов и бросают в кучи оружия уже прошедших полков. Так произошла сдача оружия — просто и... позорно.

Наше шоссе под углом повернуло влево. Шоссе чуть поднимается к железнодорожному мосту. Повернувшись в седле назад, смотрю на длинную колонну казаков, и сердце забилося радостно, ласково, нежно к казакам и к казачьему конному строю, так мною любимому с детства. Я даже почувствовал томную приятность в своем существе. Говорят, что приговоренный к смерти крепко спит перед казнью. Неведомая сила дала и мне перед концом нашего казачьего существования испытать некую горькую отраду.

Моя кобылица вдруг остановилась. Быстро повернувшись в седле вперед, увидел... увидел красноармейца в шлеме—шишаке с крупной красною звездою на нем. Красноармеец загородил мне дорогу, вытянув руки в сторону. «Слезайте!» — приказал он мне и указал влево от себя. В кустах стояла группа начальников. Иду к ним. Они смотрят на меня насмешливо. Один из них говорит мне: «Идите назад». Несмотря на такой короткий «визит», я увидел в кустах горное орудие, направленное вдоль шоссе на колонну казаков. Повернувшись, я уже не увидел своей кобылицы. Тут же казаки сами спешивались, схватывали с седел свои переметные сумы и бурки и спешно шагали вперед... а красноармейцы уводили их лошадей вниз, в широкий двор. Так была обезоружена Кубанская армия, оставшаяся часть 4—го Донского корпуса и Черкесская конная дивизия.

Необходимое пояснение. В пункте № 2 «о перемирии» сказано: «Всем добровольно сложившим оружие гарантируется жизнь и свобода. Разрешается разъехаться по домам всем казакам, гражданским лицам и беженцам. Генералам и офицерам предоставляется полная свобода, кроме привлеченных за преступления». В пункте № 4 добавлено: «Кинжалы, серебряные шашки и дедовское холодное оружие остается на руках, при условии круговой поруки, что оно не будет обращено против советской власти». Согласно пункту № 2, мы все предполагали, что офицеры и казаки немедленно же разъедутся по своим станицам и займутся каждый своим

хозяйством. Кинжалы же и шашки оставили только генералам и штаб-офицерам. Все было обманом. Лошадей с седлами у всех отобрали перед Сочи, а кинжалы и шашки у старших офицеров отобрали в Туапсе. Надо отдать справедливость — никаких насилий и грабежа ни над кем не было. Гражданские лица и беженцы отпущены сразу же по своим станицам.

Все части, сохраняя полковую связь, толпами, пешим строем, с сумами на плечах и с бурками под мышкой, немедленно же отправлялись из Сочи в Туапсе. Никакого довольствия. Из Туапсе громадными составами поездов доставили в Белореченскую, а оттуда так же пешим порядком в Екатеринодар. На удивление — никакого конвоя. Лишь один матрос на кабардинском коне под казачьим седлом «летал» по длинной ленте движущихся людей, выкрикивал что-то, но его никто не слушал, и он совершенно не придирался ни к кому. Часть казаков была направлена в Армавир, главная же масса сосредоточена была в Екатеринодаре, за Дубинкой, в больших дощатых и кирпичных сараях Стахова.

Лагерный режим был не строгий. Из станиц прибывали родичи с продуктами и свободно допускались в лагерь. Через несколько дней приказано генералам и штаб-офицерам построиться со своими вещами. Их, числом около восьмидесяти, отправили в ростовский концентрационный лагерь, в котором было много тысяч донских казаков после новороссийской катастрофы. Группу возглавил генерал Морозов на положении заключенного. Нами началась «разгрузка» не только что лагерей на Кубани, но разгрузка всей Кубани — офицеров и урядников «в далекие края»... Через 15 — 20 дней наша «Морозовская группа» старших кубанских офицеров была уже в Костроме, заключенная в крепкую губернскую тюрьму старого времени.

В августе в двух товарных вагонах нас перебрасывают в Москву. На товарном Рыбинском вокзале видим длиннейшие три состава товарных вагонов, наполовину с открытыми платформами, которые густо усеяны казачьими папахами. Охраны никакой. Бросились к ним. Радостная встреча с однополчанами и станичниками в течение двух дней стоянки. От них мы узнали, что во время десанта из Крыма на Кубань из всех лагерей извлекли всех офицеров, а из станиц — даже всех отставных стариков офицеров и военных чиновников и направляют неизвестно куда. Всех их около 6000 человек. С Кубани вывезли весь офицерский и урядничий состав. Судьба этих шести тысяч ужасна. Их перебросили в Архангельск, а оттуда на баржах вывезли вверх по Северной Двине и всех уничтожили.

В декабре 1920 года в Екатеринбурге в нашу лагерную казарму вошли пять человек в шинелях, в фуражках. Увидев нас в папах, передний

удивленно спросил: «Вы кубанские офицеры?.. Вас еще не расстреляли?»... В ответ на наше недоумение он рассказал: «Мы, офицеры Добровольческой армии, саперы, с Кубани ввезены в Архангельск, с шестью тысячами ваших офицеров. Оттуда их партиями отправляли на баржах вверх по Северной Двине и расстреливали. Возвращаясь назад с баржами, мы видели кровь на полу и на стенах барж, даже мозги, а в щелях стен — жуткие прощальные записки. Уничтожили всех. Нас помиловали и препроводили сюда, в ваш лагерь».

Не этично было спрашивать — почему их помиловали? Догадка наша была такова, что они, как саперные офицеры, видимо, трассировали и руководили работами для рытья братских могил кубанским офицерам, за что и получили вознаграждение — остаться живыми. Видимо, они пережили много при этих сценах казни, так как их лица носили след запуганности и, рассказывая об этом нам, небольшой группе стоявших у дверей, говорили тихо, с оглядкой по сторонам. Мертвым не больно, но нам, современникам и оставшимся в живых, пережившим гибель Кубанской армии, очень больно все это знать.

Н. Бурова^[100]

МАЙКОПСКИЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД^[101]

Мы честь свою геройски защищали, многие на Кубани костями легли, и кровь невинная лилась со всех сторон... Эти воспоминания написаны в телеграфном стиле, так как лишь вспомнишь их — волосы дыбом становятся, мороз по коже пойдет, да и журнал не является сценарием для киносъемок, а читатель может себе представить все жертвы и ужасы белой борьбы против красных.

В ненастную декабрьскую погоду 1919 года мой муж, ^[102] двое маленьких детей и я на бронепоезде «Мстислав Удалой» отступали от Харькова, с многочисленными остановками, починками разобранного пути, с боями и перестрелками с красными. На столбах, на семафорах раскачивались повешенные. Чья это была расправа и кто болтался на веревках — имена их Господу известны...

Наших спутников беспощадно косил сыпняк, и «Мстислав Удалой» был больше похож на полевой лазарет, чем на бронепоезд. Наконец, докатились мы до ст. Тихорецкая, освободились от мертвецов и сдали в госпиталь больных.

24 декабря днем мы были в Екатеринодаре. Приютил нас в маленькой комнатке, на Базарной улице, гостеприимный грек (Петр Евстафиевич Путандифилидис). Мой муж саблей срубил в парке елочку, украсил ее орденами (их было у него много: две бриллиантовые персидские звезды Льва и Солнца, золотая от Эмира Бухарского, Белый Орел, Владимир II степени с мечами и много, много медалей и младших наград; Георгиевский же крест он всегда носил на себе). Нашлась свечка у соседей (беженцев из Курска — Толмачевых и Цеккерт), И так в последний раз мы отпраздновали Рождество на нашей Родине.

В начале февраля 1920 года Красная армия подходила к Екатеринодару. Дул ледяной норд-ост. Добровольческая армия спешно отступала на Новороссийск. Беженцы и армейские части грузились на открытые платформы, других составов на железной дороге не было. Дети были тяжело больны, немыслимо было их, в жару, везти в таких условиях, и пришлось моему мужу нас оставить и ехать одному.

Доброжелательные греки раздобыли мне греческий паспорт на имя Деспины Карванидис, с уверенностью, что спасут меня от красных. По

пятам Добровольческой армии с гиком по улицам Екатеринодара мчалась красная кавалерия; к хвостам лошадей были привязаны офицерские погоны марковцев. Это был жуткий набег дикой орды... Недолго мне удалось быть гречанкой: то ли прислуга, то ли соседи проболтались, и греки мои предупредили, что ночью будет облава, обыски, вылавливание и аресты белых, что лучше поскорее бежать в горы. Закопав ценности и бумаги глубоко в подвале (наверное, они до сих пор там лежат!), на мажаре с детьми и прислугой я уехала из Екатеринодара.

Первая остановка была в Царском Даре, оттуда переехала в Горячий Ключ, где уже встретила казаков и воинские части Добровольческой армии, скрывающиеся от красных. С сожалением покинула этот чудесный уголок земного шара. Я узнала, что сосед — армянин Учунжьянц — является секретным сотрудником особого отдела в Екатеринодаре и послан в Горячий Ключ вылавливать «белых».

Никогда не забыть мне Горячего Ключа с его щедрыми горячими источниками, богатейшими минералами; узкую, высокую, таинственную, полутемную, мистическую «Дантову лестницу» между высочайшими скалами; глубокую реку Пшик, протекающую у скал, где справа и слева впадают в реку ручьи. Одни дымятся — серные, другие голубые — нефтяные, третьи ржавые, красные и... ртутные: окунешь медную монету, и она становится, как серебряная. Это прекрасная страна, с ее изумительными природными красотами, безветренным кристально-прозрачным воздухом, с обворожительной панорамой гор, покрытых смешанным лесом, на фоне яркого синего неба. Какая благодать!.. А повсюду жуткое, тревожное время...

Пришлось опять ночью уходить по направлению к ст. Кубанская с остановкой на табачном хуторе грека Паписа. Мать его, старая гречанка Хаджи-Мана, говорящая только по-турецки, была очень гостеприимна. И не только я с детьми, но и разъезды кубанцев отдыхали в табачных сушилках (сараях).

Здесь и началась моя партизанская эпопея. Беседы с осколками донских и кубанских частей убедили меня в полной их растерянности и отсутствии какой-либо организации и цели. Не было ответов на вопросы: что дальше? куда бежать? Ведь пощады не будет!

Получив с детства спортивную подготовку (стрельба, рубка, верховая езда) и в раннем замужестве некоторое военное образование (мой муж, офицер Генерального штаба, был профессором в Виленском военном училище, читал лекции по тактике, за недостатком времени научил меня исправлять работы и задачи юнкеров по тактике и, зная языки, переводить с

немецкого на русский важные военные документы для Главного штаба в Петербурге в 1913 году), я стала объяснять окружающим меня действия партизанских отрядов, вспоминая когда-то прочитанную книгу генерала К. «Тактика партизанской войны». На хутор все прибывали новые люди. С воодушевлением я ободряла, прося дружно сплотиться. Я была молода, энергична, сильна волей и здоровьем, а моя джигитовка импонировала сильному полу.

Полетела по Кубани молва обо мне. Казаки стали приезжать в этот маленький хутор, что было небезопасно для наших гостеприимных греков, и я просила, чтобы они удалились в горы. Каково было мое удивление, когда делегация от казаков явилась ко мне и объявила, что они избрали меня атаманом нового партизанского отряда для борьбы против красных. У меня не было другого выхода, и я дала мое согласие.

В эту же ночь мы выступили в числе 200 всадников, решив держать путь на Тиберду, двигаясь в Майкопском отделе; ночью поход, а днем, по обочинам шляха — тихо в засаде. Красные части боялись лесных дорог; их боевые части, снаряжение и обозы шли по шляху (шоссе). Сколько раз приходилось сдерживать нетерпеливых наших стрелков, чтобы не бить и не нападать в голову колонны, а ждать, когда она дойдет до середины. Тогда передняя часть красных, отрезав построики от тачанок, бросалась скакать вперед, а задняя пускалась «наутек», оставляя нам тачанки с пулеметами, патронами, оружием, снаряжением и продовольствием. Население станиц Майкопского отдела испытывало лишения в самом необходимом, и наш отряд снабжал провиантом семьи станичников.

Отступающие части Добровольческой армии оставили за собой много трупов — и людей, и лошадей. Волкам и шакалам было раздолье, развелось их множество. Падаль привлекала мух и насекомых. И в это лето был страшный бич: не было человека, ни ребенка, который не болел бы страшными нарывами после укусов злющих мух. Были у нас и раненые, и больные, но не было ни медикаментов, ни хирургических инструментов. Случайно в сумке нашлись маленькие ножницы, маникюрные принадлежности, а у казаков — острые ножи. Ракия (крепкая кукурузная водка), которая была у нас в большом количестве, служила дезинфекцией импровизированных инструментов и ран. Я удачно вскрывала нарывы, извлекала пули, лечила раны. Ракия употреблялась внутрь как анестезия, и снаружи как дезинфекционное средство. Чудесно все раненые и больные выздоравливали.

В лесу, на бивуаке, обыкновенно между дубами протягивали веревки, покрывали коврами, получался шатер; против него на дубу вешали икону

Божией Матери. Во время короткого привала был ужин (мед, сало, хлеб или лепешки, что нам пекли казачки) и разбор маневров. Иногда чинили и суд. Казаки сильно оборвались и нуждались в обмундировке; и большую частью надо было рядить суд за неправильное распределение трофеев между казаками, доходившее иногда до крупных ссор, и решать судьбу попавших к нам в плен красных из карательных отрядов. Об этих моментах страшно вспоминать...

Я была тогда одна молодая женщина (25 лет). Меня окружало обожание, послушание и уважение. Я спала спокойно в моем шатре, зная, что мой сон охраняют несколько сот людей, которые сами не спят... Когда проезжали через станицы, меня окружали казачки, подносили ко мне детей, целовали руки и ноги в стремях. Это время было какое-то необъяснимое, массовое, стихийное чувство борьбы, обожание вождя, отождествление его с чем-то легендарным, мистическим, чудотворным...

При отступлении хозяин Екатеринодарского цирка бросил на произвол судьбы своих лошадей. Одна из них, очень спокойная кобыла, удобная для больших переходов, досталась мне. Можно было отдать ей поводья и спокойно ночами дремать в седле. Моих детей я перевозила через горы, по ночам, привязав каждого обмотками к седлу, и оставляла их в станицах.

С тех пор прошло уже 52 года, и трудно вспомнить, в скольких перестрелках и боях участвовал наш партизанский отряд в продолжение 11 месяцев. Летом не ощущались лишения: в лесу было много сладкого, сочного кизиля, на полях — кукуруза, подсолнухи, такие высокие, что конного казака не видно было. На бахчах — кавуны, дыни. Ночи теплые, снежные вершины Кавказского хребта были алыми при восходе солнца.

Осенью в горах стало холодно. Наутро бурки, которыми накрывались, становились ледяными, тугими от мороза. Были волки, сидя в круг, глядя на луну. Огонь разводили только тогда, когда разведка доносила, что враг далеко. Искали хоть бы изредка какого-либо укрытия. И вот за станицей Пшеховской, на табачном хуторе, в сушилке улеглись казаки на отдых, а я с детьми поместилась в маленькой каморке. Ночью вспыхнул пожар, мгновенно весь сарай был в огне. Я выбросила детей через окно, но оно было так мало, что я не пролезала. Пришлось закутаться в бурку и сквозь пламя бежать через всю сушилку. Скот, застигнутый пожаром, метался, а разъяренный бык норовил каждого посадить на рога.

В высохшем русле ручья, под корнями старого дерева, я спрятала детей, а сама с вооруженными казаками залегла в выгодной позиции. Красные долго стреляли. Потом утихли, но спозаранку стал трещать их пулемет, на нас падали сломанные ветки деревьев. Мы решили молчать.

Красные побоялись войти в чащу леса и, не имея ответа на свою стрельбу, удалились. Это было одним из кошмарных эпизодов в истории нашего отряда.

Он все уплотнялся новыми силами. Меня это тревожило, так как я отлично сознавала, что численностью партизаны себя губят, оставляя после привала следы, по которым красные нас будут беспощадно преследовать. Узнали мы в это время, что и хутор грека Паписа сожжен, и все жители расстреляны.

Нам пришлось принять жестокий бой. Позиция наша была невыгодной: мы были в балке, противник был на высоте. Я была ранена пулеметной пулей в грудь навывлет, упала с лошади и пришла в сознание, лежа на красноармейской тачанке, которая увозила меня в Екатеринодар. Без всякой медицинской помощи сбросили меня в глубокий, темный подвал особого отдела (бывшее помещение «Треугольника», № 33 по Садовой улице). Крысы отнеслись ко мне благосклонно. Я их кормила обедом — советской «шрапнелью», то есть супом из перловой крупы. Они стали совсем ручными. Были бесконечные допросы по ночам. пытками и истязаниями добивались от меня выдачи моих соратников. Я молчала.

Наконец, военный трибунал 9-й конной армии приговорил меня к высшей мере наказания. Шесть недель я провела в камере смертников. А 1 мая, по амнистии, получила пожизненный лагерь в Соловках. После трех лет заключения по разным тюрьмам и лагерям мне удалось бежать на свободу и найти детей.

Один немецкий военный, побывавший во время Второй мировой войны на Кавказе, слышал в станицах балладу о героине Нине, замученной и павшей за Белую идею. Рассказали ему, что это была жена русского царского генерала Бурова, у которого прапрадед Иван Сусанин тоже погиб за идею и воспет в опере «Жизнь за Царя». К сожалению, дословно этой песни-баллады я не знаю, дошла она до меня уже через два перевода — на немецкий, а потом на английский язык — и начиналась словами:

Have you heard of Nina
Who rode through the land
With a hundred Cossacks
Vowing battle till end?

К. Баев^[103]

НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ^[104]

В 1919 году, будучи воспитанником последнего курса Кубанского войскового технического училища, я ни о чем другом, как о своем учении, не думал. Но в связи с создавшимся на фронте Белой армии серьезным положением была вдруг объявлена мобилизация и учащейся молодежи. Был мобилизован и я в возрасте 18 1/2 лет и попал в учебный ученический батальон при Кубанском генерала М. В. Алексеева военном училище в городе Екатеринодаре.

В начале весны 1920 года Екатеринодар был оставлен белыми, и мы, перебравшись через реку Кубань по железнодорожному мосту, ушли через аул Тахтамукай в горы, направляясь на город Майкоп. Непролазная грязь весенней распутицы делала этот поход особенно изнурительным. Узнав в пути, что Майкоп уже занят большевиками, мы повернули на станицу Хадыженскую и далее — на Туапсе, с небольшими остановками для ликвидации гнезд «красно-зеленых», нападавших на поезда и занимавшихся грабежами. После Туапсе мы шли походным порядком по шоссе вдоль Черноморского побережья и в канун святой Пасхи прибыли в селение Лазаревка. Отдохнув там несколько дней, мы заняли позицию, перейдя реку Псежуапсе. В течение трех дней мы отбивали атаки красных, на четвертый же день наш ученический батальон оказался отрезанным от наших главных сил. Не желая сдаваться красным, мы вместе с Кубанским училищем после четырехдневного, почти непрерывного похода по горам, без пищи и зачастую без воды, нагруженные амуницией, тяжелыми пулеметами и патронами, перебрались через быструю и полноводную реку Шаха и на пятый день наших скитаний присоединились к своим войскам. Тяжелый горный переход совершенно надорвал мои силы, я сильно растер себе ноги и не мог идти в строю батальона, почему меня и еще несколько человек отправили в госпиталь города Сочи, где зачислили в команду выздоравливающих. В числе моих больных соседей был мой одноклассник по техническому училищу Николай В., с которым мы и делили невзгоды нашего дальнейшего путешествия.

Тем временем Кубанское военное училище погрузилось в Адлере на пароход «Бештау», который шел в Крым, в Феодосию.

В госпитале мы оставались недолго, так как узнали, что большевики

уже совсем близко от Сочи. Покинув госпиталь, мы с Николаем по шпалам строящейся железной дороги направились в Адлер. Но идти дальше нам не пришлось: никаких кораблей больше не было. Грузинская граница была закрыта, а путь в горы был непроходим ввиду свирепствовавших в это время бурь и снежных заносов на перевалах. Поэтому Кубанская армия сдалась в плен красным, и, как все другие, мы были вынуждены сдать наши винтовки и под конвоем, уже в качестве военнопленных, отправились обратно по той же самой дороге, по которой отступали до сих пор.

В Сочи нам выдали по одной сушеной селедке и по куску получерствого хлеба. Наши недолеченные ноги не позволяли нам следовать за колонной пленных, и мы с Николаем начали понемногу отставать. Один из конвойных пробовал нас подгонять, но, когда мы показали ему наши растертые до крови ноги, он, оказавшись сердобольным малым, посоветовал нам переждать в кустах прохода всей колонны пленных, добраться до близлежащей станции железной дороги и оттуда поездом доехать до Туапсе. Так мы и сделали.

На вокзале в Туапсе мы обратили внимание на погрузку пленных черкесов «Дикой» дивизии в поезд, который должен был следовать в Армавир. Случайно встретивший нас офицер этой дивизии, знавший мою семью, узнал меня, желая помочь нам, зачислил нас обоих в нестроевую команду своего эшелона и объяснил нам, что все нижние чины направляются в Армавир для допроса, а офицеры должны явиться для особой регистрации в Екатеринодар. На прощанье он посоветовал нам совершенно забыть о том, что мы были в военном училище, и ни в коем случае не проговориться об этом на допросе.

Со слезами на глазах распрощавшись со своими лошадьми, черкесы ни за что не хотели расстаться с седлами и прочей сбруей, и потому вагоны были набиты так густо, что не только нам, но и яблоку не нашлось бы в них места. Но мы твердо решили ехать во что бы то ни стало этим поездом, и в момент, когда поезд трогался, мы забрались на крышу вагона и так путешествовали, распластавшись там из предосторожности и как бы прилипнув к крыше вагона, чтобы в каком-нибудь туннеле не зацепиться головою за его свод или выступ. Копоть и дым паровоза превратили нас в настоящих негров, и мы с трудом узнавали друг друга.

По приезде в Армавир нас, человек десять не черкесов нестроевой команды, так же, впрочем, как и самих черкесов, разместили в пустовавших казарменных конюшнях, но мы предпочли, пользуясь сухой и теплой весенней погодой, спать на соломе во дворе конюшни. Всем нам выдали для заполнения по шесть экземпляров анкетных листов с вопросами и

местами для ответов. Все мы держались вместе в ожидании допроса и помогали малограмотным черкесам заполнять их анкетные листы. Среди нашей небольшой группы мне особенно запомнился маленький кадетик Владикавказского корпуса, очень скромный, приветливый и словоохотливый молодой человек.

Незабываемый час допроса... В большом зале, куда нас вводили по очереди, за небольшими столиками сидели допрашивающие следователи, и перед ними лежали заполненные нами опросные листы. С моим приятелем Николаем мы остановились у двух свободных соседних столиков. Но едва войдя в зал, мы увидели нашего кадетика между двумя вооруженными солдатами, уводившими его в маленькую дверь в глубине зала. Мы видели его в последний раз, и я не знаю, какова была его дальнейшая участь.

У моего приятеля было удостоверение, выданное ему техническим училищем, о том, что он действительно был мобилизован, и его допрос состоял лишь в том, чтобы установить, что удостоверение было выдано именно ему, а не кому-нибудь другому. Поэтому допрашивающий его следователь задал ему несколько вопросов о педагогическом составе этого училища. Николай отвечал на его вопросы быстро, спокойно и уверенно, вследствие чего стало ясно, что никакого подлога не может быть.

Совершенно другое было у меня, никакого удостоверения я не имел, выглядел гораздо моложе своих лет, и поэтому доказать, что я был мобилизован, а не пошел добровольцем, мне было труднее, тем более что меня допрашивал следователь очень грубый, с физиономией каторжника, изрытой оспой. Каждая его фраза оканчивалась отборными ругательствами.

По мере того как он знакомился с моими ответами в анкетном листе, он произносил: «Брехня!» — а когда я отвечал на его вопросы, он кричал: «Брешешь, такой-сякой!.. Ты думаешь, я тебе поверю, что ты был мобилизован? Посмотри на себя, у тебя еще молоко на губах не обсохло!» А потом, меняя тон: «Ты лучше скажи, какого ты корпуса кадет или юнкер. Если ты сейчас признаешься, пойдешь в нашу военную школу, будешь нашим, красным офицером».

Выведенный из терпения моим упорством, он резко нажал на кнопку электрического звонка, и два солдата с винтовками остановились около меня. В этот момент соседний следователь сделал знак солдатам, чтобы они удалились, и, не отпуская Николая, подозвал меня к себе. В противоположность первому следователю, он спросил меня вежливым тоном: «Вы говорили сейчас, что учились в техническом училище? Мы это сейчас установим... Быстро и без запинки отвечайте на мои вопросы: кто у вас был директором? Его имя и отчество? Кто преподавал технологию?

Физику? Химию?» Я быстро отвечал, называя фамилии инженеров и преподавателей. У следователя были записаны показания Николая, и он думал быстротой своих вопросов сбить меня, и тогда оба мы были бы уличены во лжи.

«Я задам вам еще один вопрос, от которого будет зависеть ваша судьба: кто преподавал у вас словесность?» — «Жена профессора Федора Тимофеевича Федотова», — отвечаю я. «Вы знаете ее имя и отчество?» — «Да, Екатерина Михайловна». Следователь улыбнулся и, давая нам обоим по билету, сказал: «Зайдите в канцелярию для получения удостоверения на право возвращения на родину».

С каким облегчением и радостью мы вышли из канцелярии, и как легко было на душе, когда мы возвращались домой с драгоценными удостоверениями в карманах. На этих бумажках, внизу, мелким шрифтом значилось: «В 48-часовой срок по прибытии явиться к коменданту для проверки». Но к коменданту я не попал, так как через несколько дней заболел сыпным тифом и был положен в госпиталь. Когда я пришел в сознание, я увидел, что нахожусь среди больных и раненых красноармейцев, и, как потом выяснилось, среди них были мои вчерашние враги. Однажды, когда я стал уже поправляться, во время прогулки они стали вспоминать бой у реки Псезуапсе. Вот как один из них рассказывал своим товарищам об этом бое:

«Мне даже стыдно вам про это рассказывать... Молокососы — юнкера проклятые... У Лазаревки это было... Пошли мы в атаку через реку, а речка-то, братцы, такая быстрая, такая быстрая, горная, прямо с ног вода сбивает, а тут эти самые юнкarya... Ни одного патрона у них даром не пропадало, что ни выстрел, то и поплыл один из наших, потом другой, — а море-то совсем близко. Прямо беда да и только... Пришлось отступить. Пошли во вторую атаку, — то же самое... Ну, а в третьей атаке и меня садануло в плечо, да, спасибо, был корешок около меня, он меня и вытянул на берег, а то, часом, кормил бы я собой рыбешку в море Черном...»

По мере того как он рассказывал, входя в азарт, он, озираясь вокруг, воскликнул: «Эх, кабы хоть один из этих паршивцев попался мне на глаза, я бы ему, с... с..., ноги бы повывергивал!»

Хорошо, что я в это время сидел рядом с ним, а не напротив и он не мог следить за выражением моего лица... Иначе могло бы произойти что-нибудь для меня неприятное. Слава Богу, все обошлось благополучно и я сошел за «товарища».

В госпитале навестил меня мой друг Николай. Он пришел попрощаться со мной, сообщив мне, что получил предложение поступить

на службу техником по лесоустройству. Это наше свидание было последним, Николай исчез бесследно, и много лет спустя я узнал, что его родные разыскивали его безрезультатно даже за границей.

Выздоровев, хотя еще и слабоватым на ногах, я вернулся домой. На следующий день ко мне зашел, как бы случайно, наш сосед, с которым мы еще малышами вместе играли. Сын сапожника и сам сапожник, он предстал передо мною в форме советского офицера, занимавшего должность начальника пулеметной бригады. Он сразу же сказал мне, что знает не только мою биографию, но и, как он выразился, «всю мою подноготную». Он приходил ко мне еще несколько раз, в одно из посещений поведал мне, что в очень скором времени (через 15 дней) будет объявлена мобилизация моего возраста, и советовал мне поступить в армию добровольцем, не ожидая мобилизации. Это будет якобы гораздо лучше для меня и выгоднее, чем быть призванным по мобилизации. Мне стоит лишь дать ему согласие, и он сейчас же сделает все необходимое и возьмет меня к себе. «Ты станешь моим личным секретарем и будешь как у Христа за пазухой».

По моей просьбе он дал мне недельный срок на размышление. То обстоятельство, что он знал всю мою «подноготную», и его заманчивые слова вселили в меня сомнения и недоверие к нему. В это же время от других, более верных соседей и знакомых я много наслышался о терроре, которым уже в то время зарекомендовала себя советская власть, и о том, что большая часть населения была недовольна новым строем.

Однажды зашел я в техникум, как уже успели переименовать наше училище, и встретил там одного моего старого приятеля, молодого казака из наших техников, которому я мог вполне довериться. Он сообщил мне, что служит вестовым у коменданта города Майкопа, и добавил, что сам комендант — офицер «старого покроя» — готовит восстание против советской власти. Подпольный центр заговора был в самой комендатуре, а повстанцы собирались в окрестных лесах. В городе уже давно ходили слухи, что в лесах оперируют «шайки белобандитов», как их там называли.

Мой приятель, узнав, что я не прочь присоединиться к повстанцам, указал мне дорогу и дал «пароль». Два дня спустя я с тремя моими приятелями, взяв с собой небольшие котомки и сельскохозяйственные инструменты, с раннего утра шли как бы на полевые работы по дороге на станицу Кужорскую. Не доходя до станицы, мы свернули вправо, по дороге в Махошевский лес, где нашли указанный мне дом лесника. Нас встретила весьма почтенная старушка, и в разговоре с ней я как бы случайно произнес заученный «пароль», после чего она сразу повела нас в чистую

горницу и накормила нас борщом с белым хлебом.

Едва мы окончили обед, как вошел старик лесник, который повел нас в чащу леса и оставил на небольшой полянке, наказав не шуметь, никуда не уходить и ждать его возвращения. К вечеру он вернулся, и, когда мы появились во дворе его дома, там уже было полтора десятка таких же, как мы, молодых людей. Два проводника повели нас в чащу этого девственного леса с вековыми дубами. Лишь к утру пришли мы к месту назначения.

В день нашего прибытия отряд наш состоял всего лишь из сотни казаков, но с каждым днем появлялись все новые и новые группы пеших и конных казаков. Руководил отрядом первое время грузин, есаул Уркмелидзе. Узнав, что мы, четверо, — техники, он решил создать саперную команду и зачислил нас в ее основание.

Первым нашим заданием была постройка шалашей для вновь прибывающих людей. За отсутствием топоров колья и перекладины заготавливались при помощи палашей и шашек, а за неимением гвоздей мы брали молодые дубовые лозы, скручивали их и получали жгуты, которыми связывали перекладины. Крышу делали из веток, покрывая их травой так, чтобы вода не проникала внутрь шалаша. Продовольствие мы доставали на прилегающих к лесу огородах, куда казачки приносили из станиц все, что могли.

Вскоре к нам прибыл полковник Крыжановский с маленьким отрядом пеших и конных казаков. Как старший в чине, он принял командование отрядом. Вслед за ним прибыл капитан Вирченко с небольшим отрядом верных ему людей. Он до последнего момента играл двойную роль, будучи комендантом города Майкопа и организатором восстания.

По мере прибытия новых сил отряд принимал стройную военную организацию и вскоре перешел к наступательным действиям, чтобы добыть оружие, патроны и продовольствие, в которых с увеличением численности отряда ощущался недостаток. Стоянка наша охранялась заставами, секретами и дозорами со всех сторон. Несмотря на прибывающие к ним подкрепления, большевики не смели углубляться в лес, и если им было нужно сообщаться с лесными станицами, то они передвигались по дорогам с большими предосторожностями, сильно вооруженные и с пулеметами на тачанках. Поэтому мы, в период организации, жили в сравнительной безопасности.

Однажды рано утром наши заставы донесли, что красная батарея становится на позицию на опушке леса, и в то время как мы рассыпались по лесу, батарея открыла огонь по району нашего расположения. Снаряды рвались с треском, ломая деревья, а один снаряд попал в родник,

служивший нам колодцем. Обстрел не причинил нам вреда, но с этих пор мы изменили нашу тактику: мы не оставались долго на одном и том же месте, а, постоянно передвигались, совершали набеги на окрестные станицы, беспрестанно тревожа красные части, выбивая их из станиц и захватывая оружие и запасы продовольствия. Станица Кужорская переходила из рук в руки по крайней мере три раза, станица Ярославская тоже была занята два раза, и каждый раз к нам присоединялись все новые пешие и конные люди, а в станице Махошевской к нам прибыл донской артиллерист есаул Мыльников с небольшим отрядом. Немного позже он стал организатором нашей артиллерии.

Очистив большинство станиц, расположенных в районе Махошевского леса, мы повернули в противоположную сторону, заняв станицу Курджипскую, где к нам присоединился довольно значительный отряд есаула Бойко, в состав которого входило много учащейся молодежи города Майкопа.

Захватив неожиданным налетом станицу Тульскую, в 11 километрах от Майкопа, вверх по течению реки Белой, полковник Крыжановский поручил есаулу Мыльникову произвести разведку города Майкопа. Есаул Мыльников отобрал желающих идти в эту разведку среди молодежи. Добровольцев набралось человек десять, среди которых был и я, коренной житель города Майкопа. Я знал прекрасно все окрестные леса и горы и был очень полезен в этом деле. С возвышенности, на которой мы находились, я в последний раз видел мой родной отцовский дом.

Когда мы возвращались с разведки, нам нужно было переправиться вброд через реку Белую. Я с есаулом и еще одним мичманом уже перебрались на другую сторону реки, а остальная молодежь переходила через реку немного ниже, как раз в том месте, где купались в это время девчата... Картина была очень забавная: полдюжины молодых казаков, привязав одежду на голову, чтобы не замочить ее, держа винтовки и патронташи высоко в руках над водой, переходят через реку и попадают прямо в группу девчат. Начинаются расспросы: «А Петька не с вами? А где Гришка?» и так далее. Так, перебрасываясь вопросами и ответами, все выходят из воды в чем мать родила, не замечая, что все они — голые. А мы стоим на берегу уже одетые и любуемся картиной...

Переночевав в станице Тульской, мы ушли в уже занятый нами лесной район, в станицу Царскую, где расположился штаб отряда полковника Крыжановского и где нас оставили в распоряжении коменданта станицы поручика Мацнева. В здании станичной школы были организованы курсы пиротехники, и мы, человек десять, слушали там лекции штабс-капитана

Щербака. Мы узнали там, что отряд генерала Фостикова довольно успешно действует в горных станицах Баталпашинского отдела. Через неделю большая часть слушателей этих курсов ушла на фронт, а мне и еще двум–трем казакам пришлось ждать получения подрывного материала.

Через два дня меня с Ваней Б. послали с задачей доставить на подводе большой ящик подрывного материала. Сдав ящик по назначению, мы возвращались из станицы Губской, где мы ночевали, в станицу Царскую, но, еще не успев подъехать к станице, мы встретили есаула Мыльников, который сообщил нам, что у нас есть теперь две пушки и что я и Б. зачислены в артиллерийскую команду. Пушки эти были брошены при отступлении Белой армии и были найдены на дне реки. Теперь они приводились в порядок казаками–артиллеристами. За отсутствием минерального масла для компрессоров, в них наливали подсолнечное масло, которое раздобыли у запасливых и хорошо к нам расположенных казачек.

Когда пушки были приведены в порядок, одна из них была отправлена в район станицы Губской, где красные, получившие подкрепления, проявляли большую активность, а другую пушку есаул Мыльников повел в сторону станицы Севастопольской. Три пары дюжих волов дотянули пушку с передком до большой поляны в глубине леса, где мы остановились. Есаул Мыльников вручил каждому из нас по снаряду и, рассадив нас подальше друг от друга, поручил нам отвинчивать головки снарядов и на солнце подсушивать их пороховую мякоть. Благополучно закончив эту операцию, завинтив головки снарядов и сложив их в передок, мы отправились в дальнейший путь.

Лесная дорога привела нас к косогору, откуда открывался вид на большую долину с раскинувшийся станицей. Оттуда была слышна артиллерийская стрельба: красная батарея обстреливала позиции нашего отряда. Установив пушку здесь же, на дороге, есаул Мыльников произвел пристрелку несколькими снарядами, выпущенными «на глаз», так как прицельные приспособления отсутствовали, после чего, быстро подавая снаряды, мы выпустили беглым огнем восемь выстрелов. Огонь нашей пушки был настолько действительным, что красная батарея замолчала и станица Севастопольская была нами взята. С горы нам было видно простым глазом, как наша конница преследовала отступающих большевиков.

Прискакавший от начальника отряда всадник доложил есаулу Мыльникову, что укрытые на возвышенности красные пулеметы обстреливают во фланг наше расположение и мешают продвижению.

Всадник указал приблизительно место расположения этих пулеметов, и две шрапнели, выпущенные по данному направлению, заставили пулеметы прекратить их стрельбу.

Мы остались на ночлег в освобожденной станице. Поспешно отступавшие красные не успели снять свою телефонную линию, и наши телефонисты перехватили очень важные для нас сведения: советское командование, обеспокоенное восстанием на Кубани, получившим значительное развитие, направило для ликвидации этого восстания в Баталпашинском и Майкопском отделах 9-ю и 10-ю советские армии, части которых начали уже прибывать на Кубань. Кроме того, был перехвачен приказ всем частям, действующим в Майкопском отделе, с точным указанием движения каждой из них, для нашего окружения. В то же самое время нам стало известно, что превосходство сил красных и недостаток вооружения побудили генерала Фостикова покинуть Лабинский и Баталпашинский отделы и что его отряд приближается в настоящее время к станицам Андрюковской и Псебайской Майкопского отдела.

Таким образом, наше положение становилось более чем критическим и было необходимо принять экстренные и решительные меры, для того чтобы не оказаться в мышеловке. Пользуясь ночной темнотой, нам удалось бесшумно покинуть станицу в направлении на монастырь (Михайловская пустынь). К рассвету мы уже были далеко от станицы Севастопольской, а к полудню приближались к монастырю, где гостеприимные монахи нас немного подкормили чем Бог послал, и мы, не задерживаясь там, двинулись дальше, чтобы выйти из окружения. Горная дорога шла лесом, то поднимаясь, то спускаясь. Недалеко от станицы Даховской мы попали под сильный пулеметный огонь красных, посланных нам в обход. Внезапность этого обстрела произвела некоторое замешательство и даже начало паники в наших рядах. У нашей пушки остались только мы вдвоем, я с Ваней Б., а у следовавшей за нами второй пушки — есаул Мыльников и поручик Мацнев. Все остальные артиллеристы и возницы разбежались. Погоня волков и притормаживая пушки, где было нужно, нам удалось вывести пушки из-под обстрела и добраться до станицы Даховской.

Установив пушки у въезда в станицу, мы обстреляли нападающих красных беглым огнем. Хотя наш огонь имел эффект больше моральный, пулеметы все же замолкли и больше нас не тревожили.

Дождавшись темноты и перейдя реку вброд, мы начали подъем на какой-то перевал. Шли мы почти всю ночь и лишь к утру остановились передохнуть на Сахрайском хуторе, но не надолго. Мы поднимались затем все выше и выше, на один перевал, потом на другой. Над нами вдруг

появился большевистский аэроплан. Пролетая, он сбросил бомбочку, разорвавшуюся с глухим треском в сотне шагов от дороги, не причинив нам никакого вреда. Но это было предупреждением о том, что мы открыты красными и что нам следует не задерживаясь спешить к Черному Яру.

Сбросив пушки и снаряды в глубокий овраг, но сохранив быков как драгоценный живой провиант, мы продолжали подъем и на следующий день, 1 сентября, соединились с отрядом генерала Фостикова, который по той же самой причине, что и мы, уходил в горы из района станиц Псебайской и Андрюковской, где он имел последнее столкновение с красными.

Вот и Черная речка. Невольно напрашивался вопрос, почему она носит такое название, кристально чистая вода бежит по руслу, как бы выложенному из чистого белого мрамора. Сама же долина реки могла смело называться «райской долиной», так чудесны пейзажи этой гористой местности с ее красивой растительностью. «Черный Яр», напротив, носит совершенно правильное название, это мрачное ущелье, в глубине которого находится небольшое селение, или аул. Отсюда нам пришлось преодолеть крутой подъем, чтобы взобраться на почти отвесные скалы. Дальше, по узким, едва проходимым тропам, поднимаясь все выше и выше, мы наконец дошли до снежной зоны и к вечеру 3 сентября достигли и самого перевала Псеашка, покрытого вечными снегами. Точную его высоту я не знаю, но она, во всяком случае, превышает 2000 метров.

Здесь произошла встреча авангарда полковника Демьяненко с партизанской сотней есаула Попереки, храбрейшего из храбрых. Он был послан генералом Фостиковым выяснить обстановку на Черноморском побережье в районе Адлера и Сочи, где, по слухам, был высажен десант из Крыма. Есаул Поперека дальше перевала не пошел, так как узнал, что никакого десанта не было, но что деревня Эстонка и город Романовск (он же — Красная Поляна) заняты хорошо вооруженными отрядами красных с большим количеством пулеметов. Было принято решение немедленно атаковать сначала деревню Эстонку, а затем внезапным натиском овладеть и городом Романовском. Это и было выполнено посланным вперед отрядом, состоявшим преимущественно из конницы.

Переночевав на снегу на перевале, мы спустились в Романовск, но оставаться там долго нам не пришлось, так как надо было действовать, пока большевики еще не опомнились и не сосредоточили здесь крупных сил. Кроме того, в 15 километрах по дороге на Адлер находится туннель, обойти который было нельзя. Разведка наша выяснила, что на горке перед туннелем окопались красные. Полусотня пластунов, посланная в обход

горки, открыла огонь по окопам красных, и они в панике бросились бежать к туннелю, где попали под сабельные удары казаков есаула Попереки. Часть большевиков была порублена, другие же, бросавшиеся с кручи в реку Мзылита, разбились о каменистый ее берег. Дорога на Адлер была открыта.

6 сентября Адлер был взят и оставался в наших руках три дня, до появления у красных броневиков. В этот же период в бою у местечка Хосты был убит наш храбрый есаул Поперека. 9 сентября к нам присоединился отряд в 150 человек полковника Улагая, также действовавший в Майкопском отделе. После перегруппировки наших сил и нескольких разведывательных поисков, в одном из которых участвовал и я, Адлер был занят нами во второй раз, а на следующий день после этого из Крыма прибыл миноносец с генералом Шатиловым, присланным генералом Врангелем. Вскоре должны были прибыть и транспорты для перевозки нас в Крым. Тем временем к нам присоединились главные силы отряда генерала Фостикова, пришедшие через перевал Умпырь. Сам генерал Фостиков находился в Грузии, в Гаграх, и вернулся в Адлер в середине сентября.

Продолжать наступление на Сочи было признано рискованным, и командование решило, не ожидая подхода к красным подкреплений, перейти грузинскую границу, на что было получено генералом Фостиковым согласие грузинского правительства. Поднявшись вверх по реке Псоу под проливным дождем, мы на следующий день спустились с гор немного левее Гагр и расположились биваком. В тот же день подошли обещанные транспорты и, погрузившись на «Дон», мы были доставлены в Феодосию. Но в Крыму нам не пришлось оставаться долго. Через две недели мы покинули и этот последний клочок русской земли, и покинули навсегда.

Раздел 2

В. Альмендингер^[105]

СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ ОФИЦЕРСКИЙ ПОЛК^[106]

Разгром войск Петлюры и действия полка на Казатинском направлении

Заняв Жмеринку, полк отдыхал там два дня, имея сторожевое охранение и бронепоезда на линии Подольского разъезда. Вся Жмеринка была завалена тифозными больными — петлюровцами. С этого времени и в полку начались массовые заболевания тифом. Полк начал таять, было необходимо пополнение. Была объявлена запись добровольцев среди офицеров, но, однако, желающих нашлось немного.

31 октября 2-й и 3-й батальоны перешли в наступление и после боя заняли ст. Сербиновцы, где оставались до 3 ноября, тогда как 1-й батальон оставался в Жмеринке в резерве.

3 ноября 2-й и 3-й батальоны продолжали наступление и с боем заняли ст. Комаровцы. Сопротивление оказали лишь бронепоезда.

5 ноября 2-й и 3-й батальоны двинулись дальше вдоль железной дороги и при содействии бронепоездов после короткого «боя» заняли местечко и станцию Деражня. Петлюровцы были поражены неожиданной атакой и, оставив много обозов, лошадей и прочего имущества, бежали на Проскуров.

После занятия нашими войсками Жмеринки вся борьба с петлюровскими войсками сосредоточилась исключительно по линии железной дороги Жмеринка — Проскуров. Главное сопротивление нам оказывали три бронепоезда, вокруг которых группировались жалкие остатки деморализованной пехоты и конница (черно-шлычники), лучше сохранившаяся, но весьма малочисленная, всего 200 — 300 шашек. Естественно, все наше внимание было обращено на бронепоезда, уход которых с поля боя решал участь сражения в нашу пользу. Петлюра, несмотря на развал его армии (тиф и дезертирство), все же пытался удержать в своих руках Проскуров, который служил ему последней базой. Из Каменец-Подольска Петлюрой был спешно потребован последний «державный резерв» — юнаки (юнкера), которым было приказано взять

Деражню обратно.

7 ноября командиру 1-го батальона было приказано спешно из Жмеринки прибыть с тремя ротами на ст. Деражня на присоединение ко 2-му и 3-му батальонам, стоявшим там после занятия станции. Вечером, оставив 4-ю роту в Жмеринке, батальон погрузился и выехал по железной дороге.

8 ноября с утра 3-му батальону (9, 10 и 12-я роты) с бронепоездами было приказано занять ст. Богдановцы. Батальон стал наступать вдоль железной дороги. Одновременно с утра при содействии трех бронепоездов и петлюровские юнаки перешли в наступление на Деражню. На линии деревни Богдановцы произошел встречный бой. Юнаки наступали главным образом западнее железной дороги, вследствие чего 3-й батальон вынужден был свернуть на них и стал теснить их на Колыбань — Свинна. Наши бронепоезда («Ураган» и «Генерал Марков») также продвинулись до южной опушки леса, но дальше двигаться не решались. Около 15 часов на ст. Деражня прибыл 1-й батальон, и вр. командовавший полком полковник Робачевский приказал батальону двигаться на ст. Богдановцы, которая, по его расчетам, уже должна быть занята. Командир батальона спросил, действительно ли станция уже занята, на что полковник Робачевский подтвердил свое приказание двигаться поездом, хотя донесения о взятии ст. Богдановцы не поступало. Батальон двинулся дальше. Подойдя к деревне Богдановцы, эшелон остановился, так как оказалось, что впереди стоят два петлюровских бронепоезда, что ст. Богдановцы нами не занята и 3-й батальон уклонился влево, не давая о себе сведений. Разгружать эшелон было негде, командир батальона решил выгрузить только роты с легкими пулеметами и наступать на станцию, оставив весь поезд с тяжелыми пулеметами, батареей и обозом при бронепоездах, так как последние отказались ночью двигаться за батальоном. Командир 1-го батальона приказал команде разведчиков наступать на Масиевцы в охват станции с востока, а 1-й роте наступать на Иванковцы и, обойдя станцию с запада, занять деревню Капыстин с целью отрезать бронепоезда, приняв для этого соответствующие меры по разрушению пути. Сам же с 2-й и 3-й ротами двинулся вдоль железнодорожного пути. Уже стемнело, когда роты начали двигаться вперед. Двигались они беспрепятственно, и 2-я и 3-я роты достигли северо-западной опушки леса, что юго-восточнее ст. Богдановцы. Станцию занимали три петлюровских бронепоезда. Вправо разведчики наткнулись на охранение петлюровцев, которые открыли стрельбу, но быстро стрельба затихла. На станции поднялась суматоха, и бронепоезда полным ходом пошли назад. 2-я и 3-я роты быстро двинулись вперед и

тотчас же заняли станцию. Телефон оказался в исправности, и на ст. Проскуров ничего не знали, что ст. Богдановцы уже занята «деникинцами». Вскоре прибыло донесение от командира 1-й роты о занятии Копыстина. Оказалось, что 1-я рота по занятии Копыстина стала забрасывать железнодорожный путь шпалами, так как портить его было нечем. Ближайшая будка была пуста. Шум, по-видимому, услышали на бронепоездах, или кто-нибудь успел сообщить на станцию о занятии Копыстина. Бронепоезда бросились назад, благополучно сбросив шпалы, не закрепленные контрольными площадками. На станции были захвачены несколько юнкеров, показавших, что юнкера не хотят драться, а других войск нет.

Рано утром 9 ноября бронепоезда петлюровцев приблизились и стали обстреливать станцию. Командир 1-го батальона поджидал подхода наших бронепоездов и эшелона с пулеметами и батареей. Около 10 часов подошел бронепоезд «Коршун» и затем эшелон. Пулеметы и батарея были выгружены, и батальон сосредоточился на северной окраине Копыстина для дальнейшего наступления на Проскуров, хотя приказание о наступлении еще получено не было. Бронепоезд «Коршун» вступил в бой с тремя петлюровскими бронепоездами. Командир 1-го батальона решил наступать на Проскуров вдоль железнодорожного пути, направив команду пеших разведчиков на Лезнево — Зарачье в обход Проскурова с севера. Батальон двинулся. «Коршун» успешно вел бой и атаковал петлюровские бронепоезда, которые вследствие меткого огня «Коршуна» отошли назад на ст. Проскуров. В результате быстрого отхода бронепоезд «Хортица» налетел на бронепоезд «Вилний син Украины», произошел взрыв, и на станции началась паника. Собственный поезд Петлюры, стоявший на станции, спешно ушел на Волочиск с последним бронепоездом. «Коршун», преследуя петлюровцев, ворвался на станцию. Ремонтный поезд «Коршуна» спешно вернулся назад, доложил о занятии станции, и командир 1-го батальона с двумя ротами немедленно погрузился на поезд, прибыл на станцию и занял ее. Остальные продолжали движение, и 3-я рота сразу же заняла город. Вскоре весь батальон сосредоточился: 2-я рота заняла ст. Гречаны, 3-я рота — Гриневцы и команда пеших разведчиков — Заречье. Петлюровцы все бросили и бежали. Захвачена была вся база Петлюры. Петлюра лишился всей своей артиллерии, автомобильного парка, интендантства и своей казны. К вечеру остальные части полка сосредоточились на ст. Проскуров, причем 2-ю роту на ст. Гречаны сменил батальон Сводного полка 14-й пехотной дивизии.

Внезапное взятие Проскурова разрушило все планы Петлюры,

который, как передавали, хотел отступить на Старо-Константинов и идти на соединение с большевиками. Вместо этого он вынужден был бежать на запад к полякам. Взятие Проскурова, в сущности, положило конец борьбе с войсками Петлюры. Дальнейшее движение полка предполагалось в направлении на Новоград-Волынский, а потому 3-й роте было приказано занять Кобылье, которое 12 ноября после короткого боя и было занято.

14 ноября 1-й батальон с бронеавтомобилем, стремительно наступая, после небольшого боя занял Старо-Константинов. Команда конных разведчиков с броневином «Громобой» ворвалась в город по шоссе, и мост через реку Случ, подготовленный петлюровцами к взрыву, таким образом, был спасен. Остатки петлюровской конницы, около 300 сабель, отошли на север. На следующий день предполагалось сосредоточение всего полка в Старо-Константинове, но, вследствие изменившейся на фронте обстановки и новых директив, полк получил другую задачу.

Согласно приказу командующего войсками Новороссийской области, 2-й и 3-й батальоны полка должны были погрузиться в эшелоны для переброски на ст. Казатин, где в это время сосредоточивался весь Казатинский отряд (бывший Днестровский) ^[107] для нанесения удара на Бердичев — Житомир с выходом в тыл красных, действовавших против Киевской группы на реке Ирпене. Роты 1-го батальона временно, до смены их частями Крымского Конного полка, ^[108] оставлены были: 2-я и 3-я в Старо-Константинове, 4-я в Жмеринке и 1-я в Виннице.

21 ноября 2-й и 3-й батальоны, согласно приказу, погрузились в вагоны, и 22-го в 9 часов первый эшелон покинул ст. Проскуров. К 18 часам 23 ноября все эшелоны полка прибыли на ст. Казатин и полк вошел в состав Казатинского отряда, начальником которого был полковник Зеленецкий, ^[109] командир Сводного полка 14-й пехотной дивизии. ^[110]

Обстановка на фронте отряда была такова: Сводный полк 14-й пехотной дивизии и галичане, наступавшие на Бердичев, были отбиты красными, которые их не преследовали; Бердичев был хорошо укреплен и занят значительными силами красных с сильной артиллерией; на ст. Попельня стоял Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии; в районе ст. Калиновка бродили петлюровские банды, сосредоточившиеся в районе Умани, и, наконец, галичане, наши союзники, были сильно деморализованы и особенной силы не представляли.

23 ноября в 20 часов полку было приказано эшелонами продвинуться на ст. Бровки, там выгрузиться, войти в связь со Сводным полком Кавказской кавалерийской дивизии на ст. Попельня и наступать вдоль

шоссе Сквир — Житомир с целью занять последний и тем отрезать красных, занимавших Бердичев, от их базы. Это было тогда тем более возможным, что имелись сведения, что поляки угрожают Бердичеву с запада, заняв ст. Чуднов Волынский. Одновременно должны были наступать части Киевской группы.

24 ноября в 15 часов полк прибыл на ст. Бровки, где 3-й батальон выгрузился и занял деревню Городище, выставив сторожевое охранение на север и запад. 2-й батальон оставался на ст. Бровки. Красные незначительными силами занимали местечко Андрушевка, деревни Зарубинцы и Ворбов.

На рассвете 25-го 3-й батальон, согласно полученному приказу, выступил из деревни Городище и наступал на деревню Зарубинцы, которую после короткого боя занял в 9 часов, захватив в плен 50 красных. Днем красные пытались наступать со стороны Котельни, но были отбиты. Со стороны Ворбова подходили красные разъезды, которые были взяты в плен. Батальон заночевал в деревню Зарубинцы, имея охранение и разведку на все стороны.

26 ноября в 1 — 2 часа был получен приказ нашему полку совместно со Сводным полком Кавказской кавалерийской дивизии наступать с запада через деревни Ворбов и Липка на местечко Корнин, которое, по сведениям, занято было довольно значительными силами красных. Во исполнение этого приказа 3-му батальону было указано наступать из деревни Зарубинцы на Ворбов — Липка и далее на местечко Корнин. На рассвете, однако, был получен новый приказ, отменявший ранее полученный: полку немедленно погрузиться в вагоны и отправиться на ст. Казатин, где необходимо присутствие полка для взятия Бердичева. К вечеру полк погрузился и, несмотря на всю срочность перевозки, ночью не мог выехать; только в 10 часов 27-го эшелон тронулся и до Казатина (только два пролета) ехал более суток. 28 ноября в 12 часов полк прибыл на ст. Казатин, куда к тому же времени прибыли роты 1-го батальона из Старо-Константинова и Жмеринки. 1-я рота еще оставалась в Виннице, но уже была вытребована для присоединения к полку. Ночью 30 ноября в Казатин прибыла 1-я рота, так что весь полк был в сборе.

Шла подготовка к наступлению на Бердичев. Для атаки Бердичева, кроме нашего полка, были назначены еще Сводный полк 14-й пехотной дивизии, галицийские части и два дивизиона бронепоездов. Согласно телеграмме генкварма войск Новороссийской области от 30 ноября за № 023789, наш командир полка полковник Гвоздаков [\[111\]](#) был назначен начальником Казатинского отряда вместо полковника Зеленецкого.

Командарм допустил борьбу за власть во время подготовки операции, что не могло не отразиться на деле. Между тем обстановка изменилась. В районе Бобринской появились банды. В результате в составе Казатинского отряда остался только наш полк с двумя батареями и двумя бронепоездами, так как Сводный полк 14-й пехотной дивизии и остальные бронепоезда были срочно переброшены на ст. Бобринская для борьбы с бандами. Время было упущено. Отряд бездействовал, начальники боролись из-за власти, и в нужный момент не все силы приняли участие в атаке Бердичева.

Вечером 1 декабря был отдан приказ нашему полку, галичанам и двум бронепоездам наступать 2 декабря с рассветом на станцию и город Бердичев, для чего полку немедленно занять исходное положение. Однако только лишь к 14 часам 2 декабря полк занял исходное положение, сменив 2-м батальоном части Сводного полка 14-й пехотной дивизии в деревне Садки; 1-й батальон занял Иванковцы, и 3-й батальон с полковой пулеметной командой — деревню Хажин. На фронте было тихо, только с утра бронепоезда начали обстреливать станцию и город. Ночью 1-й роте было приказано занять предместье города Бердичева, деревню Быстрик, но командир роты ночью задачи не выполнил.

Утром 3 декабря 1-я рота атаковала деревню Быстрик. Произошел встречный бой; в 10 часов красные отошли и Быстрик был занят, причем 1-я рота потеряла двух убитыми и трех ранеными. Несмотря на успех 1-й роты, остальные части полка бездействовали. Днем местные жители сообщали, что красные накапливаются на флангах 1-й роты, сильно выдвинутой вперед, с целью, очевидно, отрезать ее от полка на переправе. Ни командир роты, ни командир полка (временно командовал полком полковник Робачевский) никаких мер не приняли.

Ночью в 2 — 4 часа 4 декабря красные, накопившись вблизи деревни Быстрик, неожиданно с запада бросились в атаку на деревню и заняли переправу. Одновременно со стороны казарм на Лысой Горе с северо-востока, был открыт огонь по Быстрику. Поднялась паника, бросились к переправе, где завязался бой. Красные были отброшены, и рота, потеряв 4 пулемета и 20 человек убитыми и ранеными, отошла в Иванковцы. На остальных участках было спокойно. Бронепоезда продолжали обстрел, но полк по-прежнему бездействовал: полковник Робачевский не решался наступать.

Красные, видя нашу нерешительность и ободренные успехом предыдущего дня, с утра 5 декабря повели значительными силами наступление на всем полковом участке. 1-й батальон к 11 часам стал отходить из деревни Иванковцы, так как обозначился обход его правого

фланга. На участках 2-го и 3-го батальонов красные были отбиты, причем были взяты пленные. Позже красные не наступали и только обстреливали артиллерийским огнем деревню Хажин.

На следующий день красные, вновь воспользовавшись нашей пассивностью, в 12 часов опять перешли в наступление по всему нашему участку и к вечеру обошли правый фланг 2-го батальона и левый 3-го батальона. Галичане из Терехова отошли на село Бродецкое. 2-й батальон, теснимый красными, отошел на линию Пузырки — Вел.-Гадолицы; 1-й батальон отошел на линию железной дороги в 2 верстах севернее ст. Глуховцы; 3-й же батальон отбил атаки красных, захватив пулемет, и остался в деревню Хажин; 3-му батальону было приказано к 24 часам отойти в село Жежелево.

К утру 7 декабря полк занимал линию Пузырки — Вел.-Гадолицы — ст. Глуховцы — Жежелево, имея слева, уступом сзади, в Бродецком, галичан; справа же никого не было. Весь день прошел спокойно.

Утром 8 декабря галичане оставили Бродецкое и перешли в Махновку. Наступление красных с запада на деревню Жежелево было отбито артиллерийским огнем. В 13 часов красные вновь повели наступление более значительными силами на Жежелево с севера со стороны деревни Хажин. 3-й батальон отошел в деревню Глуховцы, 1-й и 2-й батальоны — в Нефедовку.

Отступление от Казатина, действия полка в составе Киевской группы

К 8 декабря на фронте вправо от Казатинского отряда положение было таково: Киевская группа под давлением красных, поддержанных украинскими бандами, отходит и ее тыловые учреждения отходят на Умань — Ольвиополь; по железной дороге Цветково — Христиновка — Вапнярка следует на Одессу масса эшелонов с эвакуируемыми учреждениями и частями; железная дорога не обеспечена от нападения банд, бродящих в районе Умань — Липовец — Гайсин. Казатинскому отряду приказано прикрывать левый фланг отходящей Киевской группы.

Во исполнение приказа, вечером 8 декабря начальник Казатинского отряда приказал полку с самым незначительным обозом перейти из района Казатина через Голендры — местечки Липовец и Ильинцы в район Гайсина и ст. Зятковцы, тогда как штаб отряда и все тыловые части поездами отправились на ст. Зятковцы через Жмеринку — Вапнярку. Связь со

штабом должна была поддерживаться по правительственному телеграфу. В состав отряда входили, кроме полка, только две батареи и два бронепоезда. Части галичан окончательно потеряли боеспособность и, несмотря на могущественную артиллерию (особенно тяжелую), не выдерживали боев. На фронте были 1-й и 2-й галицийские корпуса, насчитывавшие едва 100 штыков, между тем как Жмеринка и Винница были переполнены галицийскими частями. Железная дорога Жмеринка — Казатин охранялась бронепоездами. Вправо от нашего полка, непосредственно, соседей не было. Влево в районе Проскурова и Старо-Константинова находился Крымский Конный полк, с которым наш полк поддерживал связь по телеграфу. В общем, полк был изолирован.

В такой момент для полка был получен приказ по войскам Новороссийской области о разворачивании 12-й пехотной дивизии из частей нашего полка, причем штаб полка с 1-м и 2-м батальонами должны были развернуться в 45-й пехотный Азовский полк, а 3-й батальон в 47-й пехотный Украинский полк. Как «основание» для разворачивания нашего полка в 12-ю пехотную дивизию в приказе указано: «Ввиду наличия большого кадра офицеров 12-й пех. дивизии в Симферопольском Офицерском полку». В действительности же в полку был только один офицер из бывшей 12-й пехотной дивизии, и то 45-го пехотного Азовского полка подпоручик Дриго. Как было найдено такое «основание» и почему был выбран такой неудачный момент для разворачивания полка в дивизию, когда никаких пополнений не предвиделось, было непонятно, однако выделение 3-го батальона было приказано произвести немедленно. Остальные части полка пока сохраняют свои наименования. Теперь стало понятным поведение и нерешительность полковника Робачевского (временно командовавшего полком) под Бердичевом. Из частного письма от одного из высших чинов штаба войск Новороссийской области, еще до наступления на Бердичев, он знал о предстоящем выделении его батальона и назначении его командиром 47-го пехотного Украинского полка и поэтому берег кадр своего батальона, хотя обстановка говорила в пользу атаки. Начальник отряда, полковник Гвоздаков, отложил выделение батальона до улучшения обстановки, тем более что полку предстояла весьма трудная задача. Полковник Робачевский был вынужден подчиниться и вести полк.

В 16 часов 9 декабря полк очистил ст. Казатин и через Голендры двинулся в Самгородок, куда прибыл в 24 часа и остановился на ночлег. 10 декабря была дневка, и на следующий день полк к 20 часам перешел в местечко Зозов.

С утра 12 декабря наша разведка выяснила, что местечко Липовец, лежащее на пути движения полка, занято отрядом атамана Волоха, состоящего из трех родов оружия численностью около 3000 человек. Для обеспечения свободного прохода к Гайсину командир полка приказал авангарду, состоявшему из сводной роты 2-го батальона, двух рот 3-го батальона, полковой пулеметной команды и двух орудий, занять Липовец. При подходе к местечку конные дозоры выяснили, что северная окраина местечка занята противником с двумя орудиями. Около 14 часов авангард развернулся, двигаясь вдоль дороги, имея в середине на дороге сводную роту 2-го батальона, слева 12-ю, справа 10-ю роту и правее 10-й роты пулеметную команду для действия во фланг. Наступая таким образом, авангард около 15 часов подвергся жестокому обстрелу ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем со стороны местечка Липовец. Невзирая на огонь, роты успешно наступали, чему сильно способствовали удачные действия пулеметной команды на тачанках. К 17 часам окраина местечка была занята, но к 18 часам роты под натиском противника, перешедшего в контратаку, отошли. В это время подошли главные силы, при поддержке их и огня двух гаубиц местечко вновь было занято; противник в беспорядке бежал на Каменку. Было взято в плен 30 человек и 2 пулемета. Потери полка были: убитыми шесть человек, ранеными восемь и без вести пропавшими три. Полк расположился в местечке на ночлег, выставив сторожевое охранение.

На другой день, 13-го, полк имел дневку в Липовце, не имея связи ни с кем; даже со штабом отряда ему не удалось связаться.

14 декабря полк перешел в Ильинцы, где связался со штабом отряда. 15 декабря полк продолжал движение и, переночевав в деревне Дашево, к 18 часам 16 декабря прибыл в Гайсин, где расположился по квартирам, выставив сторожевое охранение.

17 декабря одна рота 1-го батальона была отправлена из Гайсина на ст. Губник для охраны железнодорожного моста через реку Ю. Буг. В этот день днем в штабе отряда была получена телеграмма из штаба войск Новороссийской области о переброске отряда в составе штаба, Симферопольского Офицерского полка и Крымского Конного полка в Крым, для чего полку, погрузившись в эшелоны, следовать по железной дороге в Одессу для погрузки на суда 19 декабря. Обозы же должны были следовать по железной дороге до ст. Колосове, а оттуда походным порядком через Николаев — Херсон в Крым. Во исполнение этого приказа полку было приказано к вечеру 18 декабря погрузиться в вагоны: 2-й и 3-й батальоны на ст. Зятковцы, а 1-й батальон на ст. Губник. Бронепоезду было

приказано испортить путь, взорвав мост у ст. Губник.

К вечеру 18-го погрузка была закончена, и в 20 часов станции были оставлены. Эшелоны через Вапнярку двинулись на ст. Бирзула. Переезд по железной дороге был страшно затруднен из-за забитости пути и станций разными эшелонами, и только к вечеру 23 декабря весь полк сосредоточился на ст. Бирзула.

24 декабря приказом по отряду 3-й батальон полка был выделен с переименованием его в «Кадровый батальон 47-го пех. Украинского полка» под командой полковника Робачевского. Батальон был в составе 350 человек. Вечером этот батальон отправился на ст. Абамеликово для занятия сторожевого охранения. Остальные части полка оставлены на ст. Бирзула в вагонах до распоряжения. Так простоял полк два дня, и вечером 26 декабря был получен приказ о переходе полка без пулеметной команды, с рассветом 27 декабря, на ст. Балта и оттуда в город Балта. Приказ о переброске полка в Крым был отменен.

27 декабря в 11 часов полк прибыл на ст. Балта, выгрузился из вагонов и отправился в город, где расположился по квартирам, выставив сторожевое охранение. К этому дню положение на фронте было таково: части Киевской группы находились в районе Хмелевое, Новоукраинка, Елисаветград, ст. Долинская, Снегиревка и связь группы с частями генерала Слащева была прервана. Вправо от нас в Ольвиополе стояла Терско-Пластунская бригада, и в местечке Кривое Озеро стоял Волчанский отряд; влево на ст. Абамеликово — батальон 47-го пехотного Украинского полка. Линии железных дорог Вапнярка — Губник и Вапнярка — Жмеринка находились под наблюдением бронепоездов. В районе ст. Крыжополь стояли галичане. Все тыловые части и учреждения в панике эвакуировались на Одессу, станции и пути были забиты эшелонами. Администрация с мест бежала. Все комендантские команды, государственная стража Киевской области были расформированы и посланы на пополнение строевых частей. Такое пополнение не являлось надежным элементом. Части Киевской группы были и без того сильно деморализованы, грабежи местного населения стали обычным явлением. Терцы в Ольвиополе, волчанцы в Кривом Озере что ни день производили грабежи местного населения.

В наш полк прибыло пополнение — около 200 солдат, бывших чинов русских особых полков во Франции. После революции большинство из них было в концентрационных лагерях во Франции; после же окончания войны на Французском фронте они работали в городах или на фермах у крестьян. В конце 1919 года желающие были возвращены через Одессу в Россию в

расчете попасть домой. Естественно, такое пополнение не могло быть надежным.

С 28 декабря до 13 января 1920 года полк все время находился в Балте, где, неся гарнизонную и сторожевую службу, приводился в порядок (получил пополнение). 29 декабря 3-я рота полка с бронепоездом были посланы в Кривое Озеро с приказанием разоружить Волчанский отряд, там стоявший и беспрерывно грабивший местное население. Разоружение, однако, не удалось, так как силы были слишком неравные. В это же время (6 января) из состава отряда были выделены и отправлены на ст. Бирзула 10-я гаубичная батарея и взвод 7-й батареи.

14 — 15 января полк был переброшен в район Ольвиополя, и в последующие три дня 1-й батальон полка занимал сторожевое охранение по линии Капитановка — Лукашевка — Калмазово — Синюхин Брод, а 2-й батальон находился в резерве на ст. Голта. В район Юзефполя высылались разведка. Противник активности не проявлял.

19 января весь полк был сосредоточен на ст. Голта и вошел в состав Ольвиопольского отряда под командой полковника Гвоздакова. В состав отряда, кроме полка, входили Терская пластунская бригада и Волчанский отряд, который должен был присоединиться позже. В этот день через Голту стали проходить отходящие части Киевской группы, и отряд вошел в подчинение штаба Киевской группы, причем непосредственные распоряжения должен был получать из штаба войск гвардии. Вечером был получен приказ об отходе всей группы на позиции для защиты города Одессы. Ольвиопольский отряд назначен в арьергард группы. Наш обоз 2-го разряда был отправлен на ст. Раздельная эшелонам.

20 января утром оба батальона полка были расположены в Голте в районе станции, а пулеметная команда — в местечке Каменный Мост для обеспечения шоссе из Голты на Кривое Озеро. В 9 часов полк выступил из Голты и благополучно к 17 часам достиг деревни Комаруво, назначенной для ночлега. На следующий день утром в 8 часов полк выступил из деревни Комаруво и, следуя опять-таки в арьергарде группы, поздно вечером (около 20 часов) прибыл в деревню Нововасильевку, назначенную по приказу для ночлега. Вся деревня, однако, была уже занята частями Гвардейской дивизии, пришедшей раньше, и командиру полка стоило многих усилий занять часть хат для полка. В этот день по дороге в село Б. Брадиевка присоединился к отряду Волчанский отряд. Вечером в направлении на юг на местечко Николаевка (Жидовское) была слышна артиллерийская стрельба.

2 января в 5 часов начальник Гвардейской дивизии [\[112\]](#) сообщил, что

противник занимает местечко Николаевка и, ввиду того что местечко лежит на пути отхода наших войск, он решил выбить его. В тот же день был получен приказ, что, ввиду отсутствия связи со штабом группы, части главных сил и арьергарда объединяются под общим командованием начальника 4-й стрелковой дивизии [\[113\]](#) генерала Непенина. [\[114\]](#) Одновременно гвардии было приказано, выбив противника из местечка Николаевка, расположиться там на ночлег, а Ольвиопольскому отряду перейти в Нововоскресенскую и занять сторожевое охранение по линии хутора Бернацкие — Нововоскресенская — Морозовка фронтом на север. Хутора Бернацкие были заняты 2-м батальоном, а Нововоскресенское 1-м батальоном с пулеметной командой.

Рано утром (в 8 часов) 23-го в сторожевом охранении завязалась перестрелка с подошедшими частями противника. Деревня Нововоскресенская расположена была в долине реки Столбовая, и единственный путь отхода проходил только по долине. Для обеспечения нашего фланга справа командир полка бросил пулеметную команду на правый берег долины, роты 1-го батальона рассыпались в цепь по обе стороны долины, а команда конных разведчиков охраняла левый фланг полка. Обозы немедленно были отправлены по долине в направлении на Николаевку. Завязался бой, большевики стали вводить новые силы. Под их давлением роты стали отходить на Софиевку, но, видя, что обоз еще не прошел через Софиевку, принуждены были несколько раз переходить в контратаку. Начальник отряда, видя тяжелое положение батальона, бросил из Софиевки во фланг противнику в атаку в конном строю дивизион Волчанского отряда. Атака была успешна, противник остановился на некоторое время, что дало частям полка возможность оправиться и продолжать отход дальше. Бой продолжался до 14 часов. Красные, вклинившись между нашими батальонами, не давали возможности связаться со 2-м батальоном; обстановка там не была известна, и 2-й батальон в этом бою участия не принимал. В результате связь со 2-м батальоном была потеряна на несколько дней. Противник не стал преследовать полка, и части полка, свернувшись в колонну, стали отходить на д. Исаеве, куда и прибыли около 21-го часа. Здесь связь со штабом генерала Непенина была прервана, дальнейших распоряжений не было, маршрут не указан, обстановка не известна, а между тем от жителей поступали сведения, что в окрестностях находятся многочисленные банды и что ст. Березовка, куда предполагалось движение согласно директиве, уже занята красными. Учитывая обстановку, начальник отряда по собственной инициативе решил перейти в деревню Дубовую, совершив ночной марш.

После тяжелого ночного перехода полк без 2-го батальона в 5 часов прибыл в деревню Дубовую, где и расположился квартиро-биваком. В соседние деревни была послана разведка для установления, нет ли там каких-либо наших частей. К 11 часам выяснилось, что на хуторе Ольховка находится штаб генерала Непенина. Установив связь, генерал Непенин приказал устроить в деревне Дубовой дневку, а 25-го с рассветом отходить через местечко Петроверовка на деревню Махновку.

25 января в 5 часов полк выступил из Дубовой через Петроверовку в Махновку, куда прибыл в 16 часов и расположился по квартирам, выставив сторожевое охранение на восток в сторону Петроверовки. На походе во время привала в Петроверовке присоединился к полку 2-й батальон, отбившийся от полка 23 января.

В 12 часов 26-го перед сторожевым охранением со стороны Петроверовки появились цепи красных. После получасовой перестрелки, подпустив красных на более близкое расстояние, роты, несмотря на сильнейший противный ветер, перешли в контратаку и погнали бежавшего противника до местечка Петроверовки. Затем ротам было приказано отойти на деревню Махновку, и в 20 часов полк выступил в кол. Цебриково, куда после ночного перехода прибыл в 3 часа 27-го. Полк расположился по квартирам и, немного отдохнув, в 10 часов, согласно полученному приказу от генерала Непенина, объединявшего войска, назначенные для защиты ст. Раздельная, выступил на хуторе Парканские, куда и прибыл в 22 часа, выставив сторожевое охранение в сторону села Катаржина. Вправо от полка была 4-я стрелковая дивизия, влево на ст. Мигаево — Сводный Кавказский драгунский полк.

Ночь на 28 января прошла спокойно, и противник не обнаруживал себя. Только около 12 часов со стороны Катаржина стали появляться отдельные конные красных, но близко к охранению они не подходили, что наводило командира полка на подозрение, что не готовят ли красные чего-либо к вечеру. В общем, день прошел спокойно. Около 14 часов разъезд Волчанского отряда, посланный в деревню Катаржино, был оттуда обстрелян. Вечером около 22 часов справа от полка в деревне Понятовке, где стоял Якутский пехотный полк, началась перестрелка, и около 23 часов впереди нашего сторожевого охранения было также обнаружено движение красных. Ружейным огнем они были остановлены и особой настойчивости не проявляли. С вечера же в районе ст. Кугурганы на линии железной дороги Раздельная — Тирасполь шел бой бронепоездов с пехотой красных, наступавших со стороны Одессы, которая была занята красными уже 25 января.

Ночью в 3 часа начальник отряда полковник Гвоздаков, обеспокоенный долгим молчанием штаба генерала Непенина, с которым была телефонная связь, и невозвращением конных, посланных для связи, запросил ст. Раздельная и оттуда получил ответ, что там генерала Непенина уже нет и что станция занята красными. Тогда начальник отряда отдал приказ об отходе в направлении на город Тирасполь в деревню Гребенники, куда полк прибыл в 16 часов 29 января и где расположился на ночлег. Здесь мы получили сведения, что в этот день штабом генерала Бредова в городе Тирасполе велись переговоры с румынами о приеме нашей армии на территорию Румынии. Переговоры, однако, не увенчались успехом.

Отступление в Польшу (Бредовский поход)

Ночью 30 января в Тирасполе в штабе генерала Бредова состоялось совещание командиров частей армии и было решено, ввиду неприятия Румынией наших частей на ее территорию (местами наши части были встречены пулеметным огнем со стороны румын), двигаться на север вдоль реки Днестр на город Могилев–Подольский для соединения с польской армией. Во исполнение приказа генерала Бредова полк, совершив ночной фланговый марш, перешел к 12 часам 31 января в местечко Григориополь, не имея столкновения с противником. Обозы всех частей уже 30-го ночью были двинуты из Тирасполя через местечко Парканы вдоль реки Днестр на север. К обозам присоединилась масса бегущих из города тыловых частей, перегонявших друг друга и наводивших панику на остальных. Здесь были всевозможные этапные команды, комендантские команды, команды брошенных бронепоездов, семьи и т. д. Тот факт, что большинство тяжело раненных и больных офицеров и солдат было оставлено в поездах на станции, бронепоезда не были взорваны и т. п., показывает, насколько сильна была паника в Тирасполе в это время. На станции, кроме бронепоездов, было оставлено масса амуниции, разного военного имущества, в общем, все, что не могло быть поднято на подводах. Перевозочных средств было очень мало. К 31-му паника немного улеглась, и отступление началось в порядке.

Отдохнув днем 31-го в местечке Григориополь, полк в 22 часа продолжал движение на местечко Дубоссары, куда ночью на 1 февраля прибыл и расположился квартиро–биваком. В 17 часов на южной окраине местечка началась перестрелка сторожевого охранения с наступающими галичанами, перешедшими на сторону большевиков. В этот период нужно

отметить изменческие действия галичан, много вредивших нашей армии при отступлении, так как галицийские части были расквартированы в этом районе почти по всем деревням. К 18 часам галичане были отогнаны, и полк выступил через местечко Ягорлык в деревню Дубово.

2 февраля после тяжелого ночного марша полк прибыл в деревню Дубово и расположился по квартирам на отдых. Но не долг был отдых. Около 8 часов завязался бой с наступавшими красными. Ввиду значительного превосходства сил противника, бой закончился нашим отходом на деревню Выхатинцы, куда мы прибыли в 19 часов и заночевали.

3 февраля в 7 часов полк выступил вдоль реки Днестр в местечко Рыбница, куда и прибыл в 12 часов. В Рыбнице все войска генерала Бредова были разделены на три колонны: правую составляла конница генерала Склярова, которая шла вблизи железнодорожной линии Бирзула — Вапнярка и однажды сделала набег на ст. Вапнярка; среднюю колонну составляли главные силы армии, в которой следовал и наш полк; левая колонна, состоявшая исключительно из обозов, двигалась по берегу реки Днестр. Переправа наших обозов через реку Рыбница затянулась на целый день. Противник пытался бронепоездом помешать переправе, но благодаря удачным действиям конницы в районе ст. Колбасной и полустанка Горшуня, все попытки были ликвидированы. В 19 часов полку было приказано в составе того же отряда выступить через деревню Краснянку в деревню Кайтановку, где предполагалась дневка.

Сильно пересеченная местность и сильный мороз очень затрудняли марш полка, и после тяжелого ночного перехода в 6 часов 4-го полк прибыл в деревню Кайтановку, где расположился по квартирам, выставив сторожевое охранение на север. На следующий день полк перешел в деревню Алексеевку, куда прибыл в 18 часов и расположился на ночлег. Ночь прошла спокойно, но были получены сведения, что красные занимают деревню Ксендзовку.

6 февраля в 7 часов полк выступил из Алексеевки в село Студеное. Переход был очень затруднен сильным морозом и труднопроходимой местностью, сильно пересеченной оврагами, где каждую подводку приходилось спускать и вытягивать на руках, так как лошади не в силах были вывозить подводку наверх по скользкой обледенелой дороге. При подходе к местечку Загнидков, через которое полк должен был проходить, были приняты особые меры предосторожности, так как там стояли галицийские части. Все, однако, обошлось благополучно, так как эти части оказались настроенными к нам лояльно. К вечеру полк прибыл в село Студеное.

7 февраля в 7 часов полк выступил дальше через деревню Кукулы в деревню Олыпанку, куда прибыл в 19 часов и расположился на ночлег. Столкновений с противником не было. На переходе из Студеного в Кукулы полковой околодок с большим числом тифозных больных из-за отсутствия подвод отстал от полка. В ротах к этому времени число сыпно-тифозных больных, которых приходилось везти на подводах, достигло 35% наличного состава. Ротные обозы увеличивались с каждым днем, что еще сильнее затрудняло движение. Больные находились почти без медицинской помощи, так как оба полковых врача отстали. Ольвиопольский отряд был расформирован, и полковник Гвоздаков вступил в непосредственное командование полком.

На следующий день полк в 5 часов выступил через Вербка–Петраневка в село Яланец, куда пришли на ночлег в 17 часов. Здесь же окончательно влился в полк, как 8-я рота полка, кадровый батальон 47-го пехотного Украинского полка под командой полковника Робачевского (дальнейшая судьба полковника Робачевского автору неизвестна), в составе около 100 человек.

Через деревню Клембовку — фольварк Фелициановский — Моевка полк 9 февраля перешел в местечко Черновцы, куда прибыли очень поздно — около 21 часа. Почти все хаты в местечке были уже заняты ранее пришедшими частями, и ротам до размещения по квартирам (22 хаты на полк) пришлось в течение трех часов стоять на морозе. В 8 часов на следующий день полк, следуя в арьергарде группы, выступил из местечка Черновцы. Переход был очень тяжелый, так как пришлось опять проходить по сильно пересеченной местности, и только к 20 часам, пройдя деревню Мурашку — Сербы — Борцовцы и пересекши железную дорогу Бар — Могилев между ст. Вендичаны и м. Озаринцы — д. Серебринцы, полк прибыл в деревню Куковку, где занял сторожевое охранение на восток.

11 февраля, выступив из деревни Куковки в 8 часов, полк, следуя через Жеребиловку, прибыл в 16 часов в с. Куриловцы Мурованные. Отсюда на другой день через местечко Вербовец — Ново-Ушицу полк перешел в село Антоновка, куда прибыл в 17 часов. Здесь на 13 февраля была назначена дневка. Проходя через местечко Ново-Ушица, впервые мы встретили польские войска — наша армия в этот день вошла в район действий польской армии.

13 февраля дневка в Антоновке. Утром наши отдельные офицеры, посланные за покупками в местечко Минковцы, занятое польскими войсками, не были допущены туда польскими караулами. После этого немедленно последовал приказ генерала Бредова, временно воспрещавший

поездки в окрестные села.

В 5 часов 14 февраля полк выступил из Антоновки через село Калюсик в деревню Ломаченцы, где было приказано выставить сторожевое охранение. Переночевав в Ломаченцах, с наступлением утра полк вернулся в Калюсик, занял там сторожевое охранение, оставив в Ломаченцах передовые части.

В эти дни в деревне Солодовцы между нашим командованием (генерал Бредов) и польским командованием велись переговоры о приеме наших частей в Польшу. Распространялись слухи, что нашей армии будет отведен особый участок фронта, но это оказалось неправдой. Особую заботу нашего командования занимала масса сыпнотифозных больных, находившихся на попечении армии и во все время похода остававшихся без всякой медицинской помощи за отсутствием медицинского персонала и медицинских пособий. Поляки разрешили, ввиду такого тяжелого положения больных, вывезти всех больных сперва в Пироговку, а затем в Ярмолинцы и далее в польские лазареты. Во исполнение полученного приказа из штаба армии, 17 февраля в 16 часов первый эшелон больных и раненых нашего полка на подводах в числе 150 человек был отправлен из деревни Калюсик в деревню Пироговку.

Перейдя в район местечка Ново-Ушица, наша армия вышла из непосредственного соприкосновения с красными и находилась на территории, занятой польской армией. Пятнадцатидневный марш наш при исключительно тяжелых условиях закончился. Отступление армии сильно было затруднено многими для нас неблагоприятными обстоятельствами. Армия была сильно перегружена обозами, главным образом благодаря наличию большого числа больных и раненых, которые не могли быть оставлены или эвакуированы, а должны были следовать с частями. Армия двигалась все время вверх вдоль реки Днестр местностью, исключительно пересеченной глубокими оврагами и долинами. Местное население по пути прохода армий относилось весьма недружелюбно: выражалось это в нежелании продавать хлеб и другие предметы питания, в нежелании давать подводы под больных и раненых и т. п. Первое время похода чувствовалась некоторая растерянность высшего командного состава. Наконец, что больше всего затрудняло поход, это неблагоприятная зимняя погода — суровые морозы, встречные холодные ветры, обледенелые дороги, снежные вьюги. Все были рады, что закончился поход, но всех томила неизвестность, что же дальше.

Поход этот был позже отмечен приказом главнокомандующего Русской армии за № 206 от 25 февраля 1922 года. Приказ гласил: «В воздаяние

верности долгу и понесенных тяжелых трудов и лишений чинами частей отряда Ген.-Лейт. Бредова с 30 января по 12 февраля 1920 года, с боями пробившимися в студеную зимнюю пору из Тирасполя в Польшу, а затем вновь, по освобождении от интернирования в Польше, оказавшими непоколебимую стойкость и доблесть в боях в составе Русской Армии в Крыму, — устанавливаю знак отличия за зимний поход от Тирасполя в Польшу с 30 января по 12 февраля 1920 г. Описание и рисунок знака отличия и правила награждения и ношения знака при сем объявляю. П. П. Генерал Врангель. Скрепил: Начальник Штаба генерал от Кав. Шатилов».

Из правил о награждении и ношении приведу только пункты 1 и 8: 1. Знаком отличия награждаются все действительные участники похода, пробившиеся в составе отряда генерал-лейт. Бредова из Тирасполя в Польшу и прибывшие по окончании интернирования в Крым в составе своих частей. 8. Знак отличия носится при всех формах одежды на русской национальной ленте на груди, левее всех степеней Георгиевского креста и Георгиевской медали, знаков отличий за 1-й Кубанский, Дроздовский и Екатеринославский походы и правее прочих знаков отличий и медалей.

18 февраля состоялся приказ генерала Бредова, объявлявший о достигнутом с польским командованием соглашении. На основании этого соглашения наша армия принималась на территорию Польши как части союзной армии, на следующих условиях:

1) армия должна сдать полякам все оружие (винтовки, пулеметы, орудия, патроны и снаряды) и военное имущество (обозы), причем офицерам остается холодное оружие и револьверы, а за собственных лошадей офицерам будет уплачено по 3000 марок (офицерское оружие сохраняется в ящиках, запечатанных впредь до оставления территории Польши);

2) в дальнейшем поляки обязуются перевезти части в лагеря для интернированных в Пикулицы (у Перемышля в Галиции), в Стржалково (в Познани), в Домбия (у Кракова в Галиции), в Александрове и Щипиорно (у Калиша в русской Польше);

3) в лагерях организация частей остается без изменения, сохраняется ношение формы, старший из наших начальников назначается начальником лагеря, через которого действует польский комендант. Довольствие в лагерях — по раскладкам польской армии.

Полк, ожидая приказа о перевозке в Польшу, стоял в деревне Калюсик и занимал сторожевое охранение. Больные, главным образом сыпнотифозные, свезенные со всех частей армии в село Пироговка, общим числом, как говорили, около 5000, находились там в течение семи дней без

всякой медицинской помощи, несмотря на присутствие в селе штаба армии и врачей. Автор этих строк был сам в числе этих больных. Заболев в походе, следуя на подводе с полком, только полагаясь на судьбу без медицинской помощи, каждый был предоставлен самому себе и помощи своих соратников, последнее только насколько это было возможно в условиях похода. Так было и в Пироговке. В хатах на полу лежало нас по 8 — 10 человек, многие в тяжелом положении с высокой температурой. Больные, сколько могли, помогали один другому, так как жители оставили хаты и где-то скрывались. Самых минимальных удобств не было, и больные для отправления естественных надобностей выползали или выходили с помощью других за хату. Вспоминаю, как в нашей хате, где нас лежало восемь человек, был только один поручик Шишман, уже выздоравливающий, который помогал остальным, как мог. Во время семидневного пребывания там нам несколько раз привезли из полка кое-какие продукты.

Наконец, 23 февраля пришло долгожданное распоряжение о дальнейшей перевозке больных в Ярмолинцы и дальше в госпиталь. Каждая часть должна была сама позаботиться о перевозке своих больных из Пироговки на ст. Ярмолинцы. Утром 23 февраля прибыл в Пироговку от нашего полка один офицер с командой и подводами для перевозки наших больных. Только благодаря энергии этого офицера и солдат удалось вывезти раненых и больных в Ярмолинцы. Переезд был из-за мороза довольно тяжел. На ст. Ярмолинцы нас ожидали обыкновенные, никак не оборудованные товарные вагоны и без всякой санитарной прислуги. Вечером нагрузили нас в эти промерзлые вагоны более чем по 30 человек на вагон, без различия, в каком состоянии был больной. Вагоны заперли, и поезд тронулся в глубь Польши. Больные с высокой температурой бредили, просили воды — таковой не было, только на другой день утром открыли на какой-то станции вагоны и позволили ходящим принести воды в вагоны.

Тяжело вспоминать теперь это 24-часовое путешествие в промерзлом вагоне без какой-либо помощи, лежа между больными еще более тяжелыми. Вечером так называемый санитарный поезд прибыл на ст. Чертков, где больные были разгружены и на подводах отвезены в госпиталь. Прежде чем уложить больных в палаты, всех больных послали в баню без различия их состояния, а вещи были даны в дезинфекцию. После бани больные были помещены в палатах, а вещи их, если кто что имел, были взяты на сохранение до выпуска из госпиталя (мало кто получил эти вещи обратно, большая часть вещей была уже раскрадена сразу же во время пребывания больного в бане). Больные нашего полка, в большинстве,

попали в Запасный госпиталь в Черткове. Уход за больными был сравнительно хорош, и уже спустя месяц–полтора больные могли выписаться из госпиталя и догонять свои части (что было очень сложно и затруднительно).

Во время стоянки полка в Калюсике заболел сыпным тифом и наш командир полка полковник Гвоздаков. Он не выдержал долго (вследствие своей тяжелой комплекции и слабого сердца) тяжелой болезни, 24 февраля скончался и там же был погребен. Согласно приказу командующего Отдельной Русской армии № 4/Д, полковник Решетинский, бывший помощником командира полка по хозяйственной части, был назначен командиром полка. В тот же день вечером был получен приказ о переходе полка с рассветом 25 февраля в тыловой район польской армии в местечко Ярмолинцы для сдачи оружия и дальнейшей отправки в лагерь.

Во исполнение приказа, полк в 6 часов 25–го выступил в местечко Зиньков, куда прибыл в 18 часов и там заночевал. На другой день, в 7 часов, полк перешел в Ярмолинцы, где на станции от 12 до 18 часов происходила сдача полякам оружия, огнестрельных припасов и клеймовка лошадей, подлежавших сдаче. По окончании сдачи полк выступил дальше в местечко Городок, куда прибыл в 1 час 27 февраля и расположился на отдых у сахарного завода под открытым небом. Отдохнув, полк в 7 часов двинулся в деревню Ольховцы, в 6 верстах от ст. Гусятин, где сосредоточивались части армии для посадки в вагоны и отправки в глубь Польши в лагерь. В деревне Ольховцы полк ожидал распоряжения о посадке.

3 марта генералом Бредовым был отдан приказ по армии о переформировании армии. Группа генерала Бредова, согласно этому приказу, была переименована в Отдельную Русскую Добровольческую армию. Разные тыловые части были расформированы. Симферопольский Офицерский полк был включен в состав 4–й пехотной дивизии ^[115] под командой генерал–майора Шевченко. ^[116] В полк были влиты чины этапно–транспортного отдела армии и разные комендантские команды.

В 10 часов 3 марта полк выступил на ст. Гусятин–Польский, где, сдав полякам лошадей и повозки, после бани с дезинфекцией, роты погрузились в вагоны, и поезд отошел в 20 часов.

6 марта в 3 часа эшелон прибыл на ст. Львов, откуда в 10 часов был перевезен на ст. Подзамче, где полк выгрузился из вагонов и отправлен в казармы для выдерживания семидневного карантина (от 7 до 13 марта). 14 марта полк вновь на ст. Подзамче погрузился в вагоны для следования по железной дороге в лагерь интернированных у местечка Стржалково в

Познани. В лагерь прибыли 17 марта вечером и были помещены в карантинном отделе.

М. Промтов^[117]

ИЗ ИСТОРИИ БРЕДОВСКОГО ПОХОДА^[118]

В конце 1919 года, когда с очевидностью определилась невозможность дальнейшей борьбы с большевиками, на широком фронте войскам вверенного мне 2-го корпуса ^[119] Доброармии приказано было отходить из района Киев — Фастов — Белая Церковь — Николаев. Оттуда корпус распоряжением генерала Шиллинга был свернут на Одессу, для защиты Одесского укрепленного района. Защита эта, как известно, не состоялась, и когда войска корпуса подошли к Одессе, то вместо обещанной им, за три дня до того, эвакуации морем в Крым, им приказано было в тот же день отходить в Румынию, переправой через Днестр, у села Маяки. Румыны, как и надо было предполагать, нас не приняли, под предлогом того, что у деревни Паланки (против села Маяки на нашем берегу) пропускного пункта нет, а есть якобы у Бендер. Оставалось двигаться в Тирасполь, на соединение с колонной генерала Бредова, которому назначена была переправа у Тирасполя.

Надо было спешить. На левом берегу Днестра появились уже большевики, а колонну сопровождало несколько тысяч беженцев, с женщинами и детьми из окрестностей Херсона, Николаева и Одессы, взятых под защиту войск корпуса. Пришлось идти по кратчайшему направлению плавнями Днестра (благо — лед был крепок). В 30 часов времени, безостановочно, в мороз и стужу, без теплой одежды, пройдено было около 70 верст до Тирасполя. Половина пути сделана была в плавнях по льду. Поистине — ледяной поход.

В Тирасполе повторилось то же, что и у Маяков, — на румынский берег ни войска, ни беженцы допущены не были, причем румынские власти заявили, что при первой же попытке перехода через Днестр Бендерская крепость откроет огонь. Так как в директиве генерала Шиллинга, между прочим, воспрещалось вступать в какие-либо неприязненные действия с румынами, то форсировать Днестр не приходилось. Надо было искать иного решения. И решено было обеим колоннам двигаться на север, вдоль Днестра, на соединение с поляками, действовавшими против большевиков.

После тяжелого 14-дневного похода, без дневок, по крайне пересеченной местности, по отвратительным дорогам, в холод и вьюгу, с тою же массой беженцев, с больными тифом, которых приходилось везти

то на подводах, то на санях, войска прибыли, наконец, в район Новой Ушицы, занятой поляками. Для последних появление на фланге у себя каких-то русских войск было совершенно неожиданно и встречено было с недоверием и боязнью. Когда выяснилось, что мы не с большевиками, а против них, то сначала предполагалось дать нам самостоятельный участок фронта, но потом недоверие, очевидно, взяло верх и, после длительных переговоров, пришлось скрепя сердце согласиться на следующее: временно сдать все оружие, снаряжение и лошадей полякам, взамен чего они обязывались содержать всех нас с беженцами в своих галицийских лагерях до момента, когда наладится наше возвращение в Крым.

Войска с беженцами были размещены в трех лагерях: Пикулице, под Перемышлем, Дембиа, под Краковом и в Щалкуве. Я со штабом отряда и попал в Перемышль. Свежи еще были в памяти все обстоятельства осады и падения крепости. Свежи были еще воспоминания, связанные с посещением крепости в день ее сдачи. Но состояние духа, но настроение были, конечно, совсем иные. Лично мне было тяжело оставаться в Перемышле, и, по счастью, мы недолго пробыли в нем. Жизнь в городе была дорога, жить было не на что, казна пуста, валюты никакой. Пришлось просить о переводе нас в деревню Пикулице, близ лагеря того же имени, что и было нам разрешено, хотя и не очень охотно.

Полгода войска и беженцы протомились в польских лагерях за проволокой, без денег, в одежде и обуви, пришедшей в негодность, на крайне скудном пайке, с нетерпением ожидая возвращения на родину. Отношение поляков, чрезвычайно любезное, предупредительное и даже заискивающее поначалу, когда мы были вооружены и представляли силу, сменилось недоброжелательным и презрительным, после того как мы сели за проволоку...

Кончилось, наконец, наше сидение в лагерях. Транзитом провезли нас по железной дороге до Рени, баржами по Дунаю до Сулина, а затем на наших пароходах в Феодосию. К горькому сожалению, случилось это уже поздно, месяца за два до падения Крыма и эвакуации за границу.

Оглядываясь, с болью в сердце, на тернистый путь, пройденный войсками корпуса в 1920 году от Одессы до Днестра, от Днестра до Новой Ушицы и от последней до Перемышля, завершившийся полугодовым сидением за проволокой в польских лагерях, нельзя не прийти к следующему заключению. Из-за неправильного направления войск корпуса от Николаева на Одессу, вместо естественного и целесообразного отхода их в Крым, войска принуждены были испытать всю тяжесть интернирования в галицийских лагерях, совершенно незаслуженного и обидного для их

достоинства, сопряженного с их дезорганизацией и упадком их духа и лишившего их возможности в течение более полугода принять участие в защите Крыма тогда, когда каждый офицер и солдат был на счету в армии генерала Врангеля. И как знать? Быть может, эти испытанные в боях с большевиками части, своевременно вошедшие в состав войск, предназначенных для обороны Крыма, создали бы обстановку более благоприятную для удержания его.

Фатальная ошибка тех лиц, кои, без крайней к тому необходимости, притянули войска к Одессе, не обеспечив обещанной им эвакуации в Крым, и, в конце концов, толкнули их в Румынию, не имея согласия последней на допуск их туда.

Б. Штейфон^[120]

БРЕДОВСКИЙ ПОХОД^[121]

В истории южной Белой борьбы Бредовский поход является одной из героических страниц этой истории. Однако исход этот примечателен не только как искусно проведенное военное предприятие. Он интересен еще и теми разнообразными, весьма сложными воздействиями, какие оказывала на него и «реальная политика» различных европейских государств. На судьбу Бредовского отряда влияли Англия, Франция, Румыния, Польша... В круг воздействий втягивались дипломатии Чехословакии, Сербии, Болгарии, Константинополя. Только учитывая закулисную и нередко циничную игру «реальной политики», можно понять историю Бредовского похода, а вместе с сим величие подвига, совершенного генералом Бредовым.

К 19 января 1920 года положение в Одесском районе было катастрофическое: фронт группы генерала Бредова был прорван красными и связи с отрезанными частями генерала Шевченко не имелось. Связь с Одесской постоянно прерывалась красными партизанами. Войска генерала Промтова отходили к Одессе. Надежд на эвакуацию морем не было. Войскам Новороссийской области угрожала бесславная гибель.

Приняв на себя в это тяжелое время командование всеми войсками Новороссии, генерал Бредов с выдающимся искусством, волей и спокойствием совершает свой знаменитый фланговый марш в виду противника и, согласно указаниям генерала Шиллинга, сосредоточивает свои войска у Тирасполя (главные силы) и у села Маяки (2-й корпус).

К вечеру 28 января положение становится грозным: румыны решительно отказываются пропускать нас на свою территорию и это обстоятельство приводит войско в отчаяние. Как начальник штаба я получаю доклады, что в частях развивается сильное брожение и назревает решение: арестовать старших начальников и выдать их большевикам.

Ко мне является командир Белозерского полка полковник Редченко, подтверждает эти слухи и от имени полка заявляет о полной преданности белозерцев генералу Бредову (по духу и составу этот полк был одной из надежных и сильных частей отряда, я им командовал в 1919 году) и мне. Точно с таким докладом был у генерала Бредова и начальник 4-й стрелковой дивизии генерал Непенин и тоже заверил в верности стрелков.

Эти обе доблестные части до конца похода являли примеры долга и дисциплины.

28 января генерал Бредов собирает военный совет, на котором решено начать переправу через Днестр. Решение это не удовлетворяет генерала Бредова, и поздно вечером, после военного совета, он углубляется в рассмотрение по карте путей в Польшу. Таким образом, в его голове впервые зарождаются мысли о походе в Польшу. О поляках мы не имели никаких сведений, за исключением тех, что Польша тоже воюет с Совдепией.

Утром 29 января выяснилось, что предположение о походе на Польшу встречает общее сочувствие. Переправа через Днестр была оставлена, и генерал Бредов отдал войскам приказ выступить в ночь на 30 января и двигаться на север, вдоль Днестра. Войска уходили в ту узкую щель, какая предположительно считалась еще не вполне занятой врагом.

Идея похода была весьма примечательная и ярко характеризовала характер и военное дарование генерала Бредова: красное командование, по-видимому, не догадывалось, что вся Новороссийская группа сосредоточилась у Тирасполя. Советские войска, тоже уставшие, стремились к югу, рассчитывая прижать белых к морю и овладеть богатой Одессой. Им не приходило в голову, что Новороссийская группа, искусно ускользнув от их ударов, может двинуться в сторону противоположную от Одессы, то есть на север. Дерзкий план генерала Бредова могло разгадать только незаурядное военное воображение. Большевики таковым не обладали. Технический план похода основывался на внезапности и быстроте: незаметно уйти от Тирасполя и форсированными переходами оторваться от противника.

Отряд двигался в узкой полосе между железной дорогой Одесса — Жмеринка и Днестром. Много долгих, томительных дней мы находились в подобном мешке, где ограниченность места крайне стесняла маневр, а до 7000 больных и беженцев сильно связывали свободу боевых действий. Не трудно понять, сколько воли, мужества и искусства потребовалось от генерала Бредова, чтобы вывести отряд из столь тяжелого положения. С грустью надо признать, что благородные и самоотверженные усилия начальника отряда весьма осложнялись своеволием некоторых генералов...

11 февраля, то есть после 13 дней жестоких лишений и страданий, на ночлеге в селе Вербовец были получены первые донесения о поляках: наш разъезд встретил польский разъезд. С утра 12 февраля была выслана дальняя разведка, вошедшая в связь с поляками, а к полудню наши авангарды подошли к Н. Ушице, занятой польским батальоном.

Предупрежденные о нашем подходе, польские войска встретили нас радушно и оказали возможное в боевой обстановке содействие по размещению и устройству в своем тылу.

14 февраля генерал Бредов и я были весьма любезно приняты командующим польской армией генералом Краевским. Последний выразил надежду иметь нас боевыми соседями и обещал всякую помощь по части устройства больных и раненых и по довольствованию наших войск и беженцев.

17 февраля прибыла из Варшавы делегация для оформления нашего пребывания на территории Польши. Во главе делегации находился князь Радзивилл, ранее служивший в л.-гв. Гусарском полку. С большим тактом и благородством он всемерно шел навстречу нашим интересам и дал генералу Бредову немало ценных советов.

В тот же день в Солодковцах был заключен договор между нами и польским главным командованием на основах международного права. Пункт 2 договора гласил: «Главное командование постарается сделать все возможное для возвращения всех солдат и офицеров, а также их семейств на территорию, занятую армией генерала Деникина. С этой целью примет все меры посредничества между генералом Бредовым и правительствами дружеских государств, от которых будет зависеть эта перевозка».

Там же, в Солодковцах, генералу Бредову было предложено занять своими войсками самостоятельный участок Польского фронта. Снабжение нас всеми видами довольствия принимало на себя польское командование. Предложение было принято, и отряд немедленно занял участок Женишковцы — Дашковцы — Колюшки — Ломоченцы — Заборозновцы. Оставаясь вполне самостоятельным, генерал Бредов лишь согласовал свои действия с общеоперативными заданиями польского командования. Наши больные и беженцы были устроены заботами генерала Краевского.

Более месяца отряд оставался на фронте, встречая неизменно благожелательное и корректное к себе отношение. К сожалению, несмотря на принимаемые меры, эпидемия сыпного тифа усилилась до размеров подлинного бедствия. Болезнь бушевала с невероятной силой, перекинулась в соседние польские части и в тыл. Во многих наших частях более половины состава болели тифом, и в тяжелой форме. Отряд вымирал. Подобное бедствие побудило польское командование отвести отряд в тыл и изолировать в лагерях.

Войска были отправлены в лагеря, а генерал Бредов выехал, по совету князя Радзивилла, в Варшаву, чтобы ускорить наше возвращение в Россию. Пребывание в лагерях совпало с периодом военных успехов поляков,

завершившихся взятием Киева. Это обстоятельство и возникшие мечты о «Великой Польше до Днестра» изменили отношение к русским войскам. На нас стали смотреть только как на «москалей» и на «вековых врагов Польши». Европейская дипломатия, представленная в Варшаве, уже не интересовалась нами как военной силой. Однако надо признать, что тяжелый лагерьный режим, сильно нервировавший наши войска, был создан главным образом лагерьными комендантами. Военное министерство продолжало проявлять корректность и принимать во внимание протесты генерала Бредова против лагерьного режима. Оно даже предложило генералу Бредову командировать меня совместно с инспектором лагерьей для обследования на местах наших жалоб и наших нужд. В итоге своеволие комендантов было значительно сокращено, но все же войска отряда испытывали большие стеснения. Особенно тяжело было их моральное состояние, угнетаемое тоской по Родине.

В начале мая генерал Бредов командировал меня в Крым для доклада новому главнокомандующему генералу Врангелю и с тем, чтобы по пути — в Белграде, в Софии и в Константинополе — я добился бы пропуска наших войск в Крым. Во время моей поездки «реальная политика» Европы совершила свой очередной поворот. Польские войска оставили Киев и отходили к Висле. Польша зашаталась под ударами большевиков. Подобная участь угрожала и Румынии. По совету французской дипломатии решено было спешно отправить отряд генерала Бредова в Крым, дабы генерал Врангель мог надежнее оттянуть на себя красные силы и тем ослабить натиск на Польшу. Румыния немедленно согласилась пропустить отряд и оказать ему полное гостеприимство.

Быстро вернувшись в Варшаву, я узнал, что два эшелона наших войск уже отправлены, назначены посадки следующих, с которыми выехал и генерал Бредов. Я имел предписание главнокомандующего вступить, после отъезда генерала Бредова, в командование войсками и оставался в Польше до 2 сентября.

Поляки вернули мне лишь часть нашего оружия, сданного им на хранение, — винтовки, 18 орудий, 282 пулемета и проч. Вернули только часть, а не все оружие, не по недостатку доброй воли: склады с нашим оружием были захвачены большевиками, а польские склады были пусты.

Бредовский поход был окончен, но «реальная политика» продолжала свой кругооборот: по прибытии в Крым мы узнали, что Польша заключила мир с большевиками и освободившиеся красные войска всей своей массой обрушились на Крым... 25 февраля 1922 года приказом генерала Врангеля «в воздаяние верности долгу и понесенных тяжелых трудов и лишений

чинами отряда генерал–лейтенанта Бредова, с боями пробившимися в студеную зимнюю пору из Тирасполя в Польшу», был установлен белый крест на национальной ленте, с надписью «Верные долгу». Краткая надпись, так много говорящая и так полно объясняющая подвиг генерала Бредова.

М. Промтов

ЕЩЕ О БРЕДОВСКОМ ПОХОДЕ[\[122\]](#)

Прежде всего, я должен сказать, что в своем кратком очерке («Часовой», № 107) я вовсе не касался всех вообще войск Новороссии, а говорил исключительно о войсках 2-го корпуса, мне подчиненных, описывал не историю Бредовского похода, а обстоятельства отхода моих войск от Одессы на село Маяки, оттуда на Тирасполь и далее на север.

За время подчинения 2-го корпуса командующему войсками Новороссийской области, то есть с 16-XII-1919 г. по 24-I-1920 г., мною было получено из штаба области всего четыре директивы. Первая, от 16-XII, возлагала на корпус задачу действовать в районе, ограниченном Днепром, с одной стороны, и линией Николаев — Знаменка, с другой, с целью очистить его от оперирующих там банд Махно. Вторая — от 21-XII — ставила корпусу задачу прикрытия Николаево-Херсонского района, с пребыванием штаба корпуса в Каховке, базируясь на Крым через Перекоп. Третья — ставила ту же задачу по существу, но коммуникация указывалась уже на Одессу, с пребыванием штаба корпуса в Николаеве.

Для выполнения возложенной на корпус задачи по обороне Николаево-Херсонского района в составе корпуса находились: 5-я пехотная дивизия, группа генерала Склярова и отряд полковника Саликова, [\[123\]](#) разбросанные на фронте от Каховки через Апостолово до Казанки. Николаев, Херсон и Алешки занимались подчиненными мне небольшими гарнизонами, в боевом отношении особой ценности не представлявшими. Наиболее сильной в количественном, пожалуй, и в качественном отношении, наиболее свежей и сохранившейся являлась группа генерала Склярова, но, к сожалению, по характеру своему более способная к глубоким наступательным действиям, нежели к действиям упорно оборонительным.

5-я пехотная дивизия, только к концу декабря закончившая свое сосредоточение к Казанке, была приведена чрезвычайно тяжелым — длительным — походным движением почти в полное, расстройство. Марш совершался в ужасных условиях непогоды и распутицы. Были дни, когда дивизия из-за липкой грязи не могла проходить более 7 верст. От начала отступления от Фастова дивизия находилась в боях и в непрерывном тяжелом походе уже 3 недели. За это время люди окончательно износились

и истомились. Болезни, особенно сыпной тиф, расшатали здоровье людей и вместе с потерями в боях и стычках с большевиками разрешили строй дивизии настолько, что в Казанке сосредоточилась дивизия физически и нравственно надломленная и требовавшая для восстановления боеспособности и значительных пополнений, и продолжительного отдыха в спокойной обстановке. К сожалению, ходатайство мое, своевременно возбужденное о перевозке дивизии к Казанке по железной дороге, уважено не было. Отряд полковника Саликова малочислен и составлен был в большинстве из учащейся молодежи, нравственно очень хорошей, но совсем еще юноши, физически очень слабой.

Вот материал, с которым приходилось разрешать боевые задачи большой важности. Можно ли было рассчитывать в таких условиях, даже при наивысшей энергии, при самых высоких боевых качествах стоящих во главе войск начальников, к каковым, в первую голову, надо отнести начальника 5-й пехотной дивизии доблестного генерала Оссовского, [\[124\]](#) можно ли было рассчитывать на длительную и упорную оборону порученного корпусу громадного района и на полную успешность выполнения тех частичных задач, которые выпадали на долю корпуса? Конечно нет. Состояние, в котором находились вверенные мне войска, не скрывалось мною от командующего областью. Оно учитывалось в достаточной мере и им, и его штабом, что видно, между прочим, из следующего.

Когда 6 января я со штабом корпуса распоряжением командующего был командирован в Николаев для прекращения там паники, созданной преждевременной эвакуацией города, и для установления плановости ее, мне рекомендовалось взять с собой одну оперативную часть штаба корпуса, так как «пребывание штаба корпуса в Николаеве не может быть продолжительным». И тем не менее, Николаев был оставлен нами только 17 января, когда была закончена полностью эвакуация города и организована, за отсутствием транспортов, гужевая отправка больных и раненых на правый берег Буга в Варваровку, а оттуда на подводах в Одессу. Надо полагать, что к этому времени, то есть к 17 января, уже с достаточной определенностью выяснилась невозможность удержания Одессы и, значит, наступил решающий момент для поворота войск 2-го корпуса на Крым, но момент этот был упущен, и войска должны были, исполняя данную директиву, отходить на Одессу.

К Одессе я, штаб корпуса и 5-я пехотная дивизия подошли 24 января, когда уже заканчивалась эвакуация города и последние пароходы были переполнены до отказа. В городе в этот день, по-видимому, никаких других

войск, кроме небольших частей, составлявших внутреннюю охрану его (отряд полковника Стесселя), уже не было. Корпус же в этот день, с наступлением сумерек, во исполнение четвертой, полученной мною уже здесь, в Одессе, директивы командующего войсками области оставил город и направился к переправе у села Маяки.

Согласно этой последней директиве, все войска области делились на три группы — генерала Бредова (большая), генерала Промтова (5-я пехотная дивизия) и генерала Васильева (меньшинство). Группам приказывалось отходить: первой через Тирасполь, второй через Маяки и третьей через Овидиополь в Румынию — и, следуя по территории последней, сосредоточиться в городе Тульче, где и ждать транспортов для переезда в Крым. Далее говорилось о том, что в упомянутых трех пунктах открываются интендантские магазины и организуется довольствие командированными для этого лицами. Каждая из упомянутых трех групп самостоятельно выполняла данную ей задачу о переправе на тот берег Днестра. Вопрос же об объединении командования всех трех групп мог возникнуть лишь по достижении Тульчи, где все три группы должны были соединиться. 26 января вверенная мне группа подошла к селу Маяки, где ни пропускного пункта, ни мостовой переправы, ни довольствия, ни обещанных интендантских магазинов не нашла.

Не знаю, как было принято группой генерала Бредова известие о движении в Румынию, но знаю твердо, что на войска, мне подчиненные, известие это, после ожидавшейся с таким нетерпением эвакуации морем в Крым, произвело удручающее впечатление. Если не все, то большинство отлично сознавало, что в Румынию нам не добраться и что войска, направленные без предварительного ее согласия на пропуск, отданы на произвол судьбы, что и подтвердилось действительностью.

Но ничего удивительного или чрезвычайного ни в прорыве фронта генерала Бредова, ни в неустойке частей 2-го корпуса, если таковая и была, видеть нельзя. При том изнеможении войск, разреженности их строев от потерь в боях и болезней, при постоянных форсированных движениях по отвратительным дорогам без отдыха, без теплой одежды в мороз и стужу, о чем я уже говорил выше, сила сопротивляемости войск постепенно падала и, наконец, дошла до минимума. Думаю, что в таком же точно состоянии были и войска генерала Бредова, ибо причины этому явлению были общие. Не принимать во внимание этих причин, сыгравших такую решающую роль в минувших событиях, могут только люди близорукие, далеко стоявшие от войск и не входившие в их положение. Если и искать начальников, виновных в преждевременном оставлении Одессы, то я

окажусь виновным в таком же точно и даже, может быть, в меньшей степени, нежели тот начальник, части которого не удержали фронта, прикрывавшего Одессу.

По версии генерала Штейфона, войска наши более месяца занимали самостоятельный боевой участок на фронте поляков. А между тем у меня сохранилась запись генерала Ф., начальника штаба корпуса, назначенного председателем комиссии по сдаче всего вооружения полякам, которая гласит следующее: «25 февраля на ст. Ермолинцы тяжелая картина сдачи оружия, лошадей и обоза. 26 февраля отправка первого эшелона интернированных войск в Польшу со ст. Гусятин». С 17 февраля, когда состоялось окончательное соглашение с поляками, прошла только одна неделя. Каким же образом войска наши могли оставаться на позиции больше месяца?

В. Матасов^[125]

8–Я КОННО–АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ БАТАРЕЯ В БРЕДОВСКОМ ПОХОДЕ^[126]

В то время, когда главная масса войск отступала с фронта Курск — Орел — Воронеж — Царицын к Дону и Кубани, войска с Правобережной Украины стягивались к линии Кременчуг — Киев в район Одессы и далее к Крыму.

Наша батарея с 3–м Конным полком ^[127] некоторое время прикрывала перекресток дорог, обеспечивая безопасность тыловых коммуникаций. В начале января 1920 года мы вынуждены были сначала малыми, а затем большими переходами отступать в направлении на Одессу, имея постоянную угрозу с флангов.

После Вознесенска, когда выяснилась угроза Одессе, начались большие переходы с минимальным отдыхом. Переходы с усиленными боковыми дозорами совершались, щадя лошадей, главным образом шагом, чередуясь с легкой рысью. Стояли холодные январские дни, морозные и снежные. На отдых давалось два часа днем и два часа ночью; лошадей надо было напоить, накормить и дать им минимальный отдых. Людям свойственна сила духа, чего нет у животных. Было утомительно не столько от физического напряжения, сколько от недостатка сна. Засыпали на ходу, засыпали сидя верхом.

Не доходя до Одессы несколько десятков верст, глубокой ночью остановились на короткий отдых в каком-то селе; звучало имя этого села как будто Волкове. Остановились на улицах села, в хаты почти никто не заходил. Разнуздав коня, я повесил на его голову торбу с овсом и, держа повод в согнутой в локте руке, мгновенно заснул, присев у стены хаты. Наш неутомимый командир, видимо, почувствовал что-то неладное и настоял, переговорив с командиром Конного полка, о немедленном выступлении. Отдыхали мы, думаю, не более получаса. Были поданы команды «по коням», «садись».

Уже сидя верхом, в ночном мраке, среди сгрудившихся лошадей, я увидел у своего стремени, слева, пехотного солдата; он держал на ремне через правое плечо винтовку с приткнутым штыком. Еще полусонный, не зная, что с нами пехоты нет, я спросил его с недоумением: «Какого полка, земляк?» Он ничего не ответил, но стал оглядываться вокруг. В это время

по поданной команде батарея начала вытягиваться поорудийно в походную колонну, и в ту же минуту со всех сторон поднялась ружейная стрельба. Командир крикнул мне проверить намечавшуюся дорогу влево. Я поскакал по ней с разведчиком Николаем Башкатовым, студентом–москвичом.

Был совершеннейший мрак, и ничего не было видно. Проскакав несколько минут, мы услышали, что нам навстречу, на топот наших лошадей, застрочил пулемет, и Башкатов вскрикнул. Остановившись, мы круто повернули назад, и я, подхватив Башкатова за талию, спросил: «Можешь ли держаться, Коля?» Он ответил, что может. «Куда тебя?» — «Боль в левом плече». Сзади нас продолжал строчить пулемет, и вскоре раздались орудийные выстрелы; снаряды летели куда-то через наши головы. Красные стреляли вслепую, для храбрости. Было очевидно, что мы, под покровом ночи, оказались в их расположении.

Мы настигли батарею, продолжавшую на карьере держать прежнюю дорогу, в темноту и неизвестность. Доложив командиру о случившемся и о ранении Башкатова, узнал, что у нас на батарее не все благополучно: недосчитывалось двух орудий с запряжками. Взяв какой-то крутой подъем, батарея и полк оказались в открытом поле и продолжили движение шагом. Вскоре начало светать, и в еще неясном туманном свете мы увидели далеко впереди большую колонну конницы. Громада конницы стояла широким фронтом неподвижно, выжидая. Кто это?

Если свои, то будем живы. Если враг, то бой и разгром: задавят нас численностью. Два орудия снялись с передков и стали рядом, жерлами к неизвестной коннице. Взвился наш дорогой, родной бело–сине–красный флаг. В ответ, оттуда, по степи понеслось громкое «ура», и к нам быстро направилась группа всадников.

Произошла встреча, если память не изменяет, со 2–м Лабинским Кубанским, Донским (не помню номера [\[128\]](#)) и Дроздовским конным. Полковой казачий врач тут же на морозе освидетельствовал рану у Башкатова, вынул пулю, засевшую в мякоти у ключицы, сделал перевязку. Бедняга Башкатов, большой любитель поэзии, сделался синим от холода. У меня под шинелью был короткий овечий полушубок, который недолго думая я снял и отдал дрожавшему мелкой дрожью товарищу. Его еще утеплили и поместили на повозку.

Выяснилось, что не хватает нескольких человек из батареи, помимо двух орудий, повозки с батарейным писарем, архивом и документами, сестры милосердия 3–го полка, нескольких всадников. Узнали, что Одесса уже занята красными, и направились в Тирасполь. На другой стороне Днестра уже хозяйничали румыны, занявшие Бессарабию.

Из Тирасполя, под командой генерала Бредова, все стянувшиеся туда войска направились в сторону Польши, которая в это время вела войну с большевиками, и невольно сделались союзниками Польши. Этот поход вошел в историю борьбы с большевиками под именем «Бредовский».

Поход, продолжавшийся около двух недель, не оставил ярких воспоминаний. Шли с востока на запад; было холодно, но терпимо. Стояли заморозки. Иногда на крутых подъемах или спусках перетаскивали орудия на руках. Тиф продолжал свирепствовать, находя благоприятную почву среди людей, лишенных элементарных гигиенических условий.

По соединении с поляками, наши части заняли отведенный отрезок фронта против красных. На своем участке казачья конница, отогнав красных, заняла Каменец–Подольск. Почти никакой активности на нашем фронте не было. Приблизительно с месяц держали отведенный нам участок фронта, затем (видимо, по соглашению с генералом Врангелем) отошли в глубокий тыл, где должны были сдать лошадей.

Наши части были интернированы по разным лагерям. Мне лично пришлось пережить еще заболевание тифом по прибытии в Стрый. По выздоровлении, все еще едва держась на ногах от слабости и истощения, я был направлен с партией выздоравливающих в лагерь под Калиш, на границе с Восточной Пруссией.

Лагерь состоял из низких деревянных бараков, покрытых черным толем и огороженных колючей проволокой от капустных и картофельных полей. В бараках были нары из голых досок, без матрацев. Наши бараки разделяла одна жидкая сетка–забор от бараков военнопленных красных. В большинстве это были московские студенты, весьма дружески к нам расположенные. В одном из их бараков была библиотека со времен Великой войны, которая была создана для русских пленных немцами. Мы получили право ходить к красным в эту библиотеку и пользоваться книгами.

Кухни белых и красных были рядом, и мы получали нашу еду стоя рядом в очередях и если что ругали, то только получаемую еду. Если какой-либо ретивый коммунист пытался язвить по нашему адресу, то его быстро умирляли свои же. Кормились мы одной и той же вонючей свининой, сваренной с овощами. Когда подъезжала подвода со свинными головами, то дуновение свежего ветерка менялось в смрадное. Мусульмане отказывались принимать такую пищу, мы же ели с голодухи и оставались живы. Выходили из положения тем, что ночью проскальзывали в картофельное поле и самоснабжались. Отношения с охраной, польскими солдатами, заносчивыми и грубыми, не могли быть дружелюбными. Не

нахожу возможным выжать из себя никакого чувства благодарности за польское гостеприимство.

Недели через две, «поправившись» на таких харчах, мы в группе около 30 человек были направлены в отдельном товарном вагоне в Перемышль. Была большая радость вновь оказаться в своей родной батарейной среде.

В то время, когда мы томились без дела в лагерях, большевики потеснили поляков и в июне создали угрозу Львову, что ускорило переговоры генерала Врангеля с поляками о переброске нас в Крым. С радостью покинув Перемышль и его блох, мы прибыли к устью Дуная, а оттуда транспортом «Корнилов» были перевезены в Феодосию и, после недельного карантина, выгрузились.

В. Орехов^[129]

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО. ЭПИЗОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ^[130]

Октябрь — ноябрь 1919 года ознаменовались полным поражением петлюровских войск, если эти наскоро сколоченные группы, насильно втянутые в петлюровскую авантюру, можно было назвать войсками. Главной опорой Петлюры была Галицийская армия в составе одного неполного корпуса. Мы имели с ней несколько вооруженных столкновений и одно из них при обоюдном с ней занятии Киева в октябре, но галичане быстро очистили город, заключив перемирие с Добровольческой армией. Вскоре, видя полный развал петлюровской авантюры, их командование решило заключить с нами мир.

К ноябрю 1919 года галичане занимали участок вдоль линии Юго–Западной железной дороги между Васильковом и Вапняркой, Бердичевский и Проскуровский уезды и штаб их находился в Виннице. В эти же дни началось движение польских войск в направлении Проскурова.

15 ноября в деревню Семенку (район Бердичева), занимаемую батальоном 75–го Севастопольского полка ^[131] Добрармии, прибыли галицийские парламентары, предъявившие полномочия галицийского командования, они были препровождены на станцию Калиновка. Меня, как начальника головного железнодорожного участка, вызвали по телеграфу из Казатина, я немедленно прибыл паровозом в Калиновку и, ознакомившись с полномочиями, предъявленными мне галицийским полковником, без промедления отправил их экстренным поездом в Рудницу, где находился штаб командовавшего отрядом Добрармии генерала Слащева, который, приняв парламентаров, снесся с командующим армией в Харькове и отослал их в его штаб.

Переговоры длились несколько дней, и 20 ноября командующий галицийской армией генерал Микитка официально объявил об ее подчинении добровольческому командованию для общей борьбы с большевиками. 30 ноября в Винницу прибыл представитель Добрармии полковник Соборский ^[132] и город перешел в наше управление.

Галицийская армия, по представленным документам, насчитывала 7000 штыков, но на самом деле в строю их оказалось не более 4000.

Добрармия снабдила галичан необходимым вооружением, которого у них почти не было, и ей был оставлен полностью внутренний распорядок. Сразу же с нашей стороны были установлены добрососедские отношения. Все высшие офицеры во главе с генералом Микиткой и его начальником штаба генералом Цирихом надели русские погоны и всюду заявляли, что галичане были всегда русскими по духу, что Галиция — это Угро–Россия...

Но 4 декабря произошел прорыв петлюровского атамана Тютюнника у ст. Калиновка, где охрана была в руках галичан, которые без одного выстрела пропустили его, заявив, что с украинцами они воевать не могут. 7 декабря галичане и петлюровцы без боя оставили свои позиции у Бердичева, устроив перед уходом еврейский погром. Бердичев сразу же был занят Красной армией. Таким же образом ими были оставлены Казатин и Калиновка, что открыло красным фронт против Добрармии. Винницу и Жмеринку заняла известная своими погромами петлюровская банда Шепеля.

Сразу же начались аресты задержавшихся русских офицеров и солдат. В то же время галицийская военная миссия при командующем нашим фронтом генерале Шиллинге заверяла его, что это все проделал затронутый большевистской пропагандой отряд генерала Краузе, но все остальные галицийские части остаются верными Добрармии. (Должен сказать, что прикомандированный ко мне для связи галицийский сотник Белюга тоже переживал это предательство и до конца оставался в наших рядах.)

В то же время ускорила свое движение польская армия, и в конце декабря галичане окончательно откололись от нас, присоединившись к петлюровской группе атамана Омеляновича–Павленко (который впоследствии уже в эмиграции выражал свои симпатии к Белому движению). Прошло очень мало времени, и Петлюра со своими атаманцами, под нажимом красных, бежал в Польшу, а галичане, которых польское правительство рассматривало как «изменников», были брошены на произвол судьбы и рассыпались по своим городам и селам.

В Проскурове русских войск, кроме небольшой охранной команды, не было, так как ввиду скорого прибытия польских войск начальник 5-й пехотной дивизии генерал Оссовский приказал всем русским частям оставить город. Однако ввиду возможного наличия в этом районе отдельных партизан надо было сохранить в порядке железнодорожную линию, идущую к польской границе. Я был в это время начальником головного железнодорожного участка, и прибывший ко мне начальник штаба дивизии полковник Ахаткин ^[133] приказал мне оставаться на своем посту с частью моей роты до прибытия польских войск и одновременно

явился бы представителем Добрармии с правами начальника русского гарнизона (какового, кроме одного взвода моей роты, не было). Буквально через два дня польские войска вошли в Проскуров: это были так называемые «Галлерцики», сформированные польским генералом Галлером в США, в отлично пригнанной форме и поражавшие прекрасной дисциплиной солдат.

Я вошел немедленно в связь с командующим Польским фронтом генералом Ивашкевичем, бывшим старым офицером Императорской армии в Сибирских частях, и как с его стороны, так и со стороны офицеров польского гарнизона в Проскурове мы, русские офицеры, встретили самое дружеское и приветливое отношение. Польский комендант города, полковник, выразил желание вывесить на городской думе польский флаг, и мы условились с ним, что этот флаг будет установлен рядом с российским. Была устроена военная церемония с польским оркестром, сыгравшим польский гимн и «Коль Славен». Больно было видеть полный батальон польской армии в отличном состоянии и оставшийся со мной в Проскурове взвод моей роты. Такое сотрудничество с поляками продолжалось около двух недель. Вся железная дорога была в нашем полном ведении.

Вдруг была получена телеграмма из Варшавы от польского военного министерства, причем санкционированная военным агентом Добровольческой армии с приказом мне передать железную дорогу в полное распоряжение польских войск, а самому с моей группой отправляться в Тарнополь, где я получу нужные указания для отправки нас в Добровольческую армию, которая в это время отступала по всему фронту под давлением большевистских полчищ.

Прибыв в Тарнополь, я явился в штаб фронта. Генерал Ивашкевич был в Варшаве, и его начальник штаба, бывший австрийский офицер, указал нам наш дальнейший путь: город Бжезаны (Бережаны по-галицийски), где я получу дальнейшие указания. Прибыв в Бжезаны, мы встретили там то же любезное отношение местного польского командования, и для нашего временного пребывания нам предоставили пустующий военный госпиталь. К сожалению, у меня кончались выданные мне нашим командованием денежные суммы, просить у поляков я не хотел и только настаивал на срочном решении вопроса о нашем дальнейшем следовании. И вот вопрос очень скоро решился. Не так, как мы думали!

Помимо генерала Ивашкевича, варшавское военное министерство приказало нам сдать наше оружие и отправиться в польский концентрационный лагерь Демби (на окраине Кракова) с обещанием вскорости отправить нас в Добровольческую армию. В госпиталь прибыл

вооруженный польский отряд, державшийся очень корректно. Нам был предоставлен вагон в пассажирском поезде, доставившем нас в Краков, откуда на военных автомобилях мы прибыли в Демби. За проволокой этого лагеря скопились пленные красноармейцы, встретившие нас дикими криками, прекращенными польской охраной.

Мы не были на положении пленников и получали разрешения посещать Краков. Вообще отношение польской комендатуры было вполне корректным. Пробыв в этом лагере около двух недель и связавшись с нашим военным агентом в Варшаве полковником Д., мы получили, наконец, разрешение на отъезд в Чехословакию — это был единственный способ добраться до Добрармии, которая отступала к Новороссийску и к Крыму.

В Праге в это время председателем совета министров был верный друг России д-р Крамарж, которому я представился, был принят с исключительной любезностью и добротой. Русских в то время в Праге не было, и нам было оказано чехами большое внимание. Благодаря д-ру Крамаржу мы уже на третий день в отдельном вагоне отбыли в Вену, и в тот же день наш вагон был прицеплен к австрийскому поезду, прибывшему в Загреб, где вагон был присоединен к поезду, шедшему в Белград. В то время в сербской столице было уже немало русских гражданских лиц, своевременно эвакуировавшихся из России.

Пробыв в Белграде два дня, мы двинулись дальше, прибыли в Софию и сразу же поехали дальше в Варну, где уже было много русских беженцев. К нашей радости, в порту был готов к отправке в Крым русский пароход Добровольного флота, на который мы без промедления погрузились и на третий день выгрузились в Севастополе, приятно поразившем нас большим порядком.

Далее прибытие в штаб нашего батальона, где нас считали уже погибшими, короткое время пребывания в Севастополе, затем в Феодосии и отправка на фронт, приказ генерала Врангеля о выступлении, боевая страда в Северной Таврии, надежды на победу, отступление к Феодосии и горестное прощание с Родиной.

А. Трембовельский^[134]

ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ 3–ГО ОТРЯДА ТАНКОВ^[135]

Киев — Екатеринослав — Николаев

С эвакуацией Киева отряд был направлен сперва в Кременчуг, а затем в Екатеринослав в распоряжение генерала Слащева. В Екатеринославе нас поставили в известность, что все мосты через Днепр взорваны, а потому следовать с частями корпуса генерала Слащева, двигавшегося в Крым, мы не могли, и нам оставался лишь один путь на Николаев, с надеждой найти в порту подходящий транспорт и погрузить на него отряд. По пути следования отряда из Екатеринослава в Николаев к нам присоединялись все отставшие чины Белой армии. Из них была сформирована охранная рота.

Часто во время движения сильно разросшегося железнодорожного состава отряда мы видели сброшенные под откос пассажирские вагоны. А на одной из станций мы были свидетелями жуткой картины. Сейчас же за станционными постройками, полузанесенные снегом, были сложены штабелями трупы пассажиров, убитых при железнодорожных крушениях. Эти крушения устраивали так называемые «махновцы» — организованные банды из ближайших селений. Тактика их состояла в том, что они вынимали костыли, держащие рельсы, из шпал, а при приближении поезда, прикрытые кустами, росшими вдоль железнодорожного полотна, открывали по поезду ружейный и пулеметный огонь. Машинист поезда, естественно, увеличивал скорость состава, рельсы, освобожденные от шпал, съезжали в стороны, и поезд сваливался под откос. Живых и раненых грабители пристреливали. Сейчас же к потерпевшему крушению поезду подъезжали повозки и начинался грабеж.

Все эти условия движения нашего отхода были продуманы, и по распоряжению командира отряда полковника Мироновича при первых же выстрелах наш состав останавливался. Сейчас же охранная рота выбегала из вагонов и рассыпалась вдоль пути. На крыше вагона был установлен сильный прожектор, который ночью освещал местность. Танкисты спешили к своим танкам и пушкам. В случае нужды мы открывали огонь,

и, конечно, мародеры исчезали.

Для починки испорченного пути впереди паровоза находились две платформы со шпалами, рельсами и вообще с необходимыми железнодорожными материалами. Помню, как один мостик был взорван и мы, воспользовавшись этим материалом, смогли построить ферму (мостик), через который осторожно прошел наш поезд. Затем эту ферму разобрали и погрузили обратно на платформы.

Для более яркого освещения препятствий, которые нам приходилось преодолевать, надо упомянуть, что угля для паровоза нигде не было, приходилось на станциях разбирать запасные станционные пути, шпалы грузить на платформы. Во время движения поезда их все время распиливали для топки паровоза. Водокачки не работали, поэтому снег сгребали лопатами, грели в котлах и полученную воду наливали в тендер паровоза.

На одной из остановок была снаряжена целая экспедиция за водой в ближайшее село. У крестьян, живущих около станции, за бутылку водки удалось достать пару розвальней с лошадьми. Конечно, розвальнями правили их хозяева. Они же и были проводниками. Ночью было то, что в народе говорится «лютый мороз». Во главе с нашим энергичным командиром полковником Мироновичем группа танкистов, закутавшись в полушубки и захватив бидон чистого спирта, уже с наступлением полной темноты отправилась в свою экспедицию за водой.

Поздно ночью мы прибыли в намеченное село. Проводники наши знали хату старосты села и ввезли нас прямо во двор его зажиточной усадьбы. Разбудили старосту и, чтобы его умиловить, сразу же вручили ему бутылку водки. Надо упомянуть, что в то время полной разрухи деньги не имели никакой цены, а вот водка ценилась дороже золота. Итак, разбудив старосту, мы объяснили ему цель нашего прибытия и пообещали ему в случае успеха в награду за доставленную нам воду бидон спирта.

В то время ограбление путников, да еще безоружных, было делом обыденным. Но мы были хорошо вооружены, молоды и энергичны. Это сразу бросалось в глаза собравшимся в хате старосты сельчанам. Чтобы они поверили, что мы их не обманываем, каждому из них преподнесли чарку крепчайшей водки. Да, водка сыграла свое дело! Крестьяне закопошились. Запрягли лошадей. В сани поставили бочки, и у колодцев образовалась большая колонна саней с бочками. К рассвету работа закончилась. Все бочки были полны воды, и мы двинулись в обратный путь. К утру тендер нашего паровоза был наполнен. Для сведения читающих надо указать, что все станции были без служебного персонала,

все трубы от мороза полопались, а обязательные водокачки на каждой станции подорваны, и это было дело рук махновцев и других бандитов. Наш отрядный доктор, всеми любимый и уважаемый зауряд-врач Ляхно, в одном из вагонов устроил настоящий госпиталь, в котором успешно лечил подстреленных махновцами и многих, многих спас от неминуемой смерти.

В Николаев мы прибыли поздно ночью в канун Рождества 1919 года (по старому стилю). На следующий день в порту города мы обнаружили мощный кран, но подходящего для погрузки танков транспорта не было. Случайно в городе мы узнали, что на реке Буг, уже за городом, стоит транспорт Добровольного флота «Дон». Этот транспорт захвачен пьяной матросней, и без сопротивления они его не отдадут. Сейчас же командиром отряда была выделена группа танкистов, которая, вооруженная пулеметами, винтовками и ручными гранатами, немедленно на грузовике отправилась за плененным матросней транспортом. Подробностей нашего лихого налета я не помню, знаю лишь, что «храбрая» матросня, поняв, что с ней шутить не будут, сейчас же сдалась, и мы вступили во владение этим транспортом. Захватив транспорт «Дон», мы, к нашему огорчению, увидели, что его котлы и вообще вся машинная часть корабля требуют серьезного ремонта, но, вступив во владение им, мы освободили пленников красной матросни — командира транспорта «Дон» капитана 2-го ранга А. С. Зеленого ^[136] с семьей. При помощи небольшого буксира транспорт «Дон» был доставлен в порт Николаева. Теперь перед нами стояла задача погрузки танков и имущества в трюмы транспорта.

Все грузчики и специалисты, рабочие на кранах, разбежались. Да ведь и нам было ясно, какая расправа красных будет с ними за помощь нам. Пришлось хитрить. Узнав адреса этих специалистов, мы сделали вид, что их арестовывали и что лишь под угрозой расстрела заставляем их погрузить танки и имущество отряда. Тем временем командиру отряда из Ставки главного командования ВСЮР пришло распоряжение: «Погрузив танки на транспорт «Дон», следовать в Одессу и поступить в распоряжение генерала Шиллинга». Вспоминая по порядку события тех дней, надо указать, что по прибытии в Николаев наша охранная рота на следующий же день поспешила распылиться.

Итак, под руководством опытного морехода кавторанга А. С. Зеленого танкисты приступили к погрузке на транспорт танков и имущества своего отряда. Надо было точно распределить, что и куда должно быть погружено. Ведь в составе нашего 3-го отряда танков находилась и большая ремонтная мастерская, созданная трудами и энергией нашего командира полковника Мироновича при непосредственном участии механиков танкового отряда

поручика П. Рулева ^[137] и инженера–механика капитана (тогда поручика) В. А. Бекеча. ^[138] В случае какой-либо поломки все поправки выполнялись в этой мастерской отряда, и не было нужды посылать танки для ремонта в запасный дивизион.

Кроме этого, не считая необходимых ящиков продовольственно–хозяйственной части отряда, было погружено большое количество бочек разного смазочного материала и две большие цистерны авиационного бензина (эти цистерны мы отобрали в Киеве от Петлюры. На этом бензине наша военная авиация летала первое время в Крыму). Затем пришли на очередь все боевые припасы — более двух товарных вагонов оружейных снарядов и патронов для пушек и пулеметов танков, также и остальные взрывчатые припасы. Погрузку всего этого имущества надо было провести, принимая во внимание крен транспорта в 15 градусов. Танкисты дружно принялись за работу, и к 31 декабря 1919 года все было погружено. Капитан 2–го ранга А. С. Зеленый любезно предоставил в наше распоряжение не только отдельные каюты, но также и кают–компанию транспорта. Комендант порта отрядил буксир, который должен был нас доставить в Одессу.

Перед отплытием чины отряда, имея пару часов свободного времени, поспешили в город Николаев и сделали там необходимые закупки, чтобы на борту «Дона» встретить весело Новый 1920 год. А из отпущенных старшим офицером отряда отрядных сумм заведующий хозяйством поручик М. Есипов и артельщик команды солдат сделали в городе необходимые им закупки.

Уже начинало смеркаться, когда мы отвалили от погрузочного мола. Настроение у всех было праздничное. Всех рабочих и механиков, проводивших погрузку, наградили по–царски и, конечно, не деньгами, а нашей русской национальной водкой. Я забыл указать, что среди имущества отряда было несколько бочек рафинированного спирта, который предназначался для предотвращения замерзания воды в радиаторах танков.

В те дни полной разрухи отбытие «Дона», хотя и на буксире, было большим событием для города Николаева, и поэтому оказались желающие воспользоваться этим необычным путешествием. Наш командир всех любезно принимал и никому не отказывал.

Разойдясь по своим каютам, танкисты стали копошиться в своем незатейливом имуществе и извлекать из него что-нибудь подходящее для встречи Нового года. Все ставилось на стол в кают–компании, а наши милые дамы, верные спутницы своих мужей–танкистов, хлопотали около

этого стола. С разрешения командира отряда механики отряда осветили кают–компанию и палубу имевшейся у нас в отряде небольшой электростанцией. Среди неожиданных пассажиров оказалась и одна известная балерина Х., за которой наперебой ухаживали наши холостяки.

Не прошло и часа в таком приятном времяпрепровождении, как наш транспорт неожиданно что-то сильно потрясло и мы остановились. Все бросились на палубу. Оказалось, что, уже подходя к устью реки Буг, мы попали на мель. Все попытки буксира снять нас с мели ни к чему не привели. Пришлось послать буксир назад в Николаев с просьбой заменить его более сильным. Конечно, хотя такая неожиданная остановка и поубавила наш энтузиазм, подогреваемый балериной, но все же, несмотря на это, мы все приступили к нашей скромной новогодней трапезе.

Но вот вдаль замелькал огонек на мачте подходящего буксира, и мы услышали условный сигнал сирены. К нашему сюрпризу, пришло два буксира, которые совместными усилиями сняли нас с мели, и мы уже без всяких приключений продолжали наш путь в Одессу.

Транспорт «Дон» в порту Одессы

По прибытии в Одессу мы попрощались с гостями–пассажирами, а наш транспорт «Дон» был пришвартован к молу «РОПИТа» (Русского общества пароходства и торговли). Выгрузить танки мы не смогли, так как в Одесском порту не оказалось достаточно мощного крана. И танки фактически были бесполезны, оставаясь в трюме «Дона». Все это было подробно доложено генералу Шиллингу, указав, что в случае вынужденной эвакуации Одессы мы легко со всем нашим ценным грузом можем попасть в руки красных. Но в штабе генерала Шиллинга командир отряда полковник Миронович ^[139] был заверен, что все меры по доставке транспорта «Дон» в Севастополь будут приняты и что они уже теперь приступили к выполнению этого плана. Примерно каждые три–четыре дня наш командир навещал штаб генерала Шиллинга, но все оставалось без перемен. Буксира нам не давали.

Обширный и глубокий порт Одессы, можно сказать, находится как бы у подножия города Одессы. Вдоль порта идет широкая улица, которая, разветвляясь, постепенно поднимается к городу. Также помнится мне широкая мраморная лестница, ведущая из города прямо в порт. На этом склоне города находится множество домов, окна которых смотрят на залив, переходящий вдаль в Черное море. Это приблизительное описание порта и

склона города специально сделано для объяснения последующих событий.

Такое положение дел продолжалось до 25 января 1920 года (по ст. стилю). Необходимо упомянуть, что нам на транспорт подбрасывались письма от местных большевиков. В письмах, называя всех нас по именам, предлагалось нам перейти на их сторону, обещая полную амнистию. В случае же нашего несогласия они давали нам слово большевиков, что транспорт «Дон» из порта Одессы никуда не уйдет. Конечно, о письмах докладывалось в штабе генерала Шиллинга, но на них серьезно внимания не обращалось.

Итак, утром 25 января (ст. стиля) 1920 года из города стала доноситься стрельба. Толпы беженцев со своим скарбом устремились на молы. Уже кажется, что все корабли и яхты заполнены, а беженцы все прибывают и прибывают. К автору этого очерка подошел командир отряда полковник Миронович и предложил сопровождать его в штаб. Захватив ручные гранаты, а за плечи закинув карабин, я поспешил за командиром. Поднявшись в гору, мы увидели на перекрестках стоящие офицерские дозоры. По некоторым улицам пройти было нельзя, так как большевики, стреляя из пулеметов вдоль улицы, расстреливали каждого, выходящего из дома. На тротуарах и посреди улицы лежало несколько трупов.

Все же нам удалось дойти до штаба генерала Шиллинга. Но никого там уже не было. На столах стояли пишущие машинки. В одной из них был незаконченный приказ, на полу валялись какие-то бумаги. Видно было, что штаб оставили неожиданно и в спешке. Разглядывать брошенные документы у нас не было времени, и мы поспешили в канцелярию английского представителя. Там также, кроме брошенных бумаг, мы ничего и никого не увидели. Пришлось идти назад. Но путь, по которому мы пришли, был уже в руках красных. Сделав небольшой крюк, мы вышли к мраморной лестнице, которую охраняли юнкера — какого училища, не помню. Спустившись по лестнице в порт, мы вернулись на транспорт.

Обезумевшие беженцы метались по порту, но все уже было полно, и никого больше не принимали. Мы видели, как отошел переполненный транспорт «Владимир», вот отходят небольшие частные яхты. У одного из молов пришвартован английский миноносец, палуба которого уже пестрит толпой беженцев. Улица вдоль порта опустела, видны только отдельные запоздавшие. Вдруг раздалась трескотня пулеметов, а затем на молу у английского миноносца, который еще принимал беженцев, разорвались одна за другой две гранаты. Миноносец рванул и, оборвав швартовы, поспешно покинул порт. Порт опустел. Все, что могло уйти, ушло. Красные сдержали свое слово, транспорт «Дон» остался в порту, а обещание

генерала Шиллинга оказалось пустой болтовней. Мы, танкисты, были предоставлены самим себе.

Роль танкистов в спасении транспорта «Дон»

На экстренном собрании господ офицеров и командира отряда было решено, что, если к вечеру мы не достанем буксира, взорвать транспорт, а самим, захватив пулеметы и гранаты, пробиваться в Румынию.

На молу у выхода на улицу была поставлена баррикада с дежурившими у нее вооруженными танкистами, под командой капитана (тогда поручика) князя В. П. Микеладзе. ^[140] На палубе транспорта установили пулеметы с танков, а на капитанском мостике поставили пулемет «виккерс». С этим пулеметом были знакомы только двое из танкистов — поручик Любич-Ярмолович ^[141] и я. Мы по очереди находились у пулемета и вели тщательное наблюдение за портом и домами, расположенными на спуске к порту. Ведь из каждого окна мог быть открыт по нам губительный огонь. Мы были как на ладони.

Тем временем к нам прибывали отдельные группы беженцев, даже с детьми. Среди них были и военные, почему-либо отставшие от своих частей. Каждому из них было объяснено наше безвыходное положение. Но они верили нам, танкистам, энергичным и решительным воинам. Вскоре стали появляться парламентары большевиков с белыми флагами, предлагая нам сдаться. Конечно, мы ни в какие переговоры с ними не вступали. Под вечер по улице вдоль порта проехал большевистский бронеавтомобиль. С него махали белым флагом и кричали, предлагая нам перейти на их сторону: «Ведь все равно мы вас возьмем».

Видя бесцельность их уговоров, красные открыли ружейный и пулеметный огонь по «Дону». Среди чинов отряда появились раненые. Уже вечерело, и нам ясно были видны вспышки их выстрелов. По ним с транспорта сразу открывали точный огонь из нескольких пулеметов. Было бы ошибкой думать, что мы сидели сложа руки, ожидая, что нам кто-то поможет. По распоряжению командира отряда была выделена хорошо вооруженная группа танкистов с целью обследовать по возможности все молы в надежде найти буксир. К сожалению, из моей памяти стерлись имена наших разведчиков, единственно помню, что в эту группу входил водитель танка «Генерал Скобелев» капитан В. Бекич (тогда он был в чине поручика).

Переходя с мола на мол, конечно под прикрытием огня пулеметов с

транспорта, эта группа обнаружила транспорт «Александрия», котлы которого были в исправности. Вызвав капитана «Александрии», ему сразу же, угрожая револьвером, приказали идти на помощь «Дону». К сожалению, в машинах не оказалось достаточно машинного масла. Сейчас же двое были посланы на «Дон» и вскоре вернулись, неся бидоны машинного масла. Под угрозой оружия машинисты «Александрии» начали в котлах поднимать пары. Не теряя минуты, эта группа разведчиков осмотрела трюмы «Александрии» и обнаружила там совершенно новые английские мотоциклы «Триумф». Но вот с «Дона» прибежал танкист с приказанием командира отряда немедленно возвращаться на «Дон». К сожалению, захватить с собой мотоциклы у них не было времени.

Пока эта группа наших разведчиков исследовала молы, автор этих строк нес свое очередное дежурство у пулемета на капитанском мостике. К этому времени из окон, дворов и улиц вышеназванного склона большевики повели уже интенсивный огонь по «Дону». Вдруг я заметил группу красных, которая перебегала от дома к дому в направлении построенной нами баррикады. Прицельным пулеметным огнем я разогнал эту группу.

Обстреливая отдельные группы красных, продвигавшихся в нашем направлении, я все же вел наблюдение за портом. Неожиданно среди леса мачт я увидел поднимающийся столб дыма. Ясно — это нужный нам буксир. Спускаться по лесенке с капитанского мостика, который в данный момент являлся мишенью для красных стрелков, было неблагоприятно, поэтому я просто прыгнул вниз на палубу и мгновенно спустился в каюткомпанию. Там я доложил о виденном дымке командиру отряда полковнику Мироновичу. Он сейчас же отрядил вторую группу для захвата этого буксира. В эту группу были назначены: поручик М. Багинов, ^[142] поручик Я. Тарасюк, ^[143] морской лейтенант, прибывший к нам одиночкой из Одессы, фамилии которого я не помню, и еще двое — имена их забыл.

Сразу же все танкисты бросились на палубу к своим пулеметам, а я вернулся на капитанский мостик. Как только эта группа появилась на улице, идущей вдоль порта, на нее сейчас же попыталась наброситься банда красной матросни, но, получив хороший гостинец из пулеметов «Дона», они поспешно скрылись, оставив на улице трех–четыре убитых. Так под прикрытием нашего прицельного огня эта группа под водительством бесстрашного поручика М. Багинова наконец добралась до своей цели. Оказался это небольшой катер «Сурож», команда которого, заметив приближение группы офицеров, поспешно стала снимать свои швартовы, и корма катера начала отходить от мола.

Но поручики М. Багинов и Я. Тарасюк, а также и морской лейтенант Х., а за ними остальные, рискуя упасть в воду, с разбегу прыгнули на катер. Началась рукопашная схватка, во время которой один из команды катера «Сурож» выстрелом в упор из револьвера снес полщеки морского лейтенанта. Все это взяло какой-то миг. Рассказывать долго. Медлить же нельзя. Если не я, так он меня. Ударом кортика лейтенант поразил своего противника. Через момент под угрозой нашего оружия команда «Сурожа» подчинилась и, следуя приказам морского лейтенанта, подвела катер к носу «Дона».

Тут уж вывод «Дона» из порта Одессы перешел в руки кавторанга А. С. Зеленого, а лейтенанта передали на попечение нашего доктора Ляхно. Машина катера была слаба, а угля в трюме было, что говорится, едва-едва, но все же транспорт «Дон» был выведен из Одесского порта на полпути к внешнему рейду, как раз против маяка у входа в порт Одессы.

Рассказ мой был бы неточен, если не упомянуть тот небывалый мороз, охвативший всю Одессу, а также и залив Черного моря, омывающий берег Одессы. Мне запомнилось на всю жизнь, что, начиная с полудня 25 января 1920 года, вода в порту начала дымиться. Другими словами, разница температур воздуха и воды вызвала этот феномен. К вечеру мороз все крепчал и крепчал, но ветра, слава Богу, не было.

Проснувшись на другой день рано утром, мы были поражены небывалой картиной. Все кругом было бело. Воды нет, ее покрывает толстый слой льда, и, насколько глаз хватает, все было покрыто льдом, только вдали виднелся контур английского дредноута «Император Индии».

Такое положение вещей сразу нас поставило в тяжелое положение. Ведь теперь от берега до нас был настоящий сухопутный путь. За ночь наш транспорт как-то сдвинулся и теперь, замерзший во льду, оказался как раз против одного из молв Одесского порта. В бинокль мы увидели, что в конце мола, прикрытая каким-то щитом, была поставлена пушка, около которой возились какие-то люди. Вскоре с этого мола отделились два человека с белым флагом, которые по льду прямо шли к транспорту. Поднявшись на палубу, они объявили нам, что они являются делегатами красных и предлагают нам вернуться в порт, обещая, что никому никаких репрессий не будет.

Выслушав их, им сказали, что одного из них мы отпускаем обратно, а другого задерживаем заложником. При первом же выстреле по нас мы его сейчас же на их глазах повесим. Затем им было добавлено, что, как только к нам придет помощь, мы сразу же отпустим заложника. После этого один из них был спущен на лед, а другой был заперт под караулом в одну из кают.

Тем временем командир отряда решил, не дожидаясь, пока к нам подойдет какая-либо помощь, самим войти в связь с англичанами. Для этого он решил воспользоваться небольшим моторным катером, который был прикреплен к корме транспорта «Дон» еще во время его стоянки у мола «РОПИТа».

Визит на дредноут «Император Индии»

Для установления связи с англичанами командир отряда полковник Миронович назначил меня (как командира танка), а в качестве мотористов–механиков — поручика Дроздова и военного летчика поручика Н. Лоссиевского, также от гражданского населения транспорта поехал с нами один пассажир, говоривший по–французски. Нелегкое дело была эта экспедиция. Разогрев мотор, надо было все время ломami разбивать лед, чтобы катер как-то мог выбраться из окружающего его льда. Наконец лед кончился, и катер взял курс прямо на дредноут «Император Индии». Когда вышли на внешний рейд, наш маленький катер основательно покачал. На дредноуте нас заметили, и ко времени подхода к нему английские матросы мгновенно прикрепили катер, а нас, полузамерзших, буквально на руках по трапу подняли на палубу.

Для иллюстрации укажу, что на катере я стоял на носу и меня обдавали брызги морской волны. Вначале моя шинель промокла, но очень быстро обсохла. Впоследствии оказалось, что шинель совсем не обсохла, а просто замерзла или превратилась в кусочки льда. Когда матросы поднимали меня под руки на палубу, то в одном месте моя шинель своей фалдой за что-то зацепилась, и — о ужас! — вся фалда отломалась. Много смеха вызвало это как у нас, так и у англичан.

Нас сразу же отвели в теплую каюту. Нашелся английский офицер, говоривший по–французски. Среди же нас поручик Дроздов свободно владел французским, я же, понимая их, не упускал инициативу разговора из своих рук. Через некоторое время командующий дредноутом адмирал пригласил нас к себе в каюту–кабинет.

Будучи любезным хозяином, он угостил нас сперва горячим чаем с кексом, а затем уже перешел к деловой части.

Он все время поражался тому, что мы ему рассказывали. Он говорил, что если бы мы не были перед его глазами, то этому просто нельзя поверить. Затем он предложил нам отбуксировать нас в Константинополь, но здесь мы категорически заявили, что должны продолжать нашу борьбу с

большевиками, и просили его найти возможность доставить нас в Севастополь. Ему также было доложено, что на борту «Дона», кроме нас, военных, имеется много частных пассажиров, среди которых есть дети, раненые, больные, и что в отношении продовольствия мы находимся в большом затруднении. После этого адмирал с нами распрощался и обещал все сделать, что в его возможности. Выпив на дорогу по рюмке крепкого виски, мы отправились в обратный путь. Еще до темноты мы вернулись на транспорт и подробно доложили о нашем разговоре с адмиралом.

На следующий день появился английский крейсер «Кардиф», чтобы взять нас на буксир, но у него не хватило силы разбить лед, сковавший «Дон». Не помню, в тот же ли день или на другой, подошел французский броненосец «Жюль Мишле». Он повернулся направо, затем налево, и весь лед был поломан. Затем матросы втащили на транспорт стальной трос и прикрепили его к кнехтам палубы. Общими усилиями, вручную воротом был поднят якорь. В течение дня наших гостей–пассажиров переправили на подошедший какой-то небольшой транспорт. С «Императора Индии» нам прислали консервы, а большевика–заложника мы, как и обещали, отпустили восвояси.

Теперь мы вздохнули свободно, можно было и отдохнуть. Капитан 2-го ранга А. С. Зеленый обучил нас, как надо управлять рулевым колесом, указав, что мы и «Жюль Мишле» все время должны находиться на одной прямой линии, то есть на оси, шедшей от носа «Жюль Мишле» к его корме, затем через нос и корму «Дона». Он упомянул, что в случае отклонения от этой оси кнехты могут не выдержать напряжения и сорвутся со своего места, а это на мгновение ослабит трос, затем его, как пружину, натянет, рванет, а это может повлечь разрыв троса.

Когда пишутся эти строки, посвященные беспримерному героизму всех чинов 3-го отряда танков по спасению из Одессы транспорта «Дон» с его ценным грузом, то с грустью вспоминается очерк, помещенный в одном военном журнале, где говорится о роли моряков по спасению «Дона» и ни слова о чинах 3-го отряда танков. Да, что касается моряков, то я, непосредственный участник этой страницы жизни нашего славного отряда, должен упомянуть, что и делаю, о героической роли морского лейтенанта, фамилии которого, к сожалению, не помню, а также всеми нами уважаемого кавторанга А. С. Зеленого. Если они живы, то прошу их принять привет от танкистов — их соратников по спасению транспорта «Дон» с его исключительным грузом.

Итак, мы двинулись в свой путь на Севастополь. Погода благоприятствовала, и мы отдыхали по своим каютам, а дежурные стояли у

рулевого колеса.

На Севастополь

С утра следующего дня подул холодный северный ветер. С каждым часом он становился все сильнее и сильнее. Небо покрылось черными тяжелыми тучами, к полудню начал бушевать настоящий шторм. С диким воем над нами проносился ветер. Громадные ледяные волны били по борту «Дона» и перекатывались через палубу. Все люки были накрепко задраены. Наш «Дон» бросало как щепку, и дежурившему у рулевого колеса стоило неимоверных усилий держать курс корабля по указаниям кавторанга А. С. Зеленого. Все чины отряда, кроме дежурного у рулевого колеса, собрались в кают–компанию. Положение было серьезное.

Неожиданно сильный удар потряс весь транспорт «Дон», он как-то наклонился, и все, что было на столе в кают–компании, полетело на пол. Несмотря на жестокий ветер, все побежали на палубу. Кавторанг А. С. Зеленый поспешно поднялся к рулевому колесу. Оказалось, что с одной из громадных волн, обрушившейся на борт и палубу «Дона», курс транспорта невольно изменился и уклонился от указанной нам оси. Кнехты, к которым был прикреплен трос, не выдержали напряжения и просто разломались. В этот момент «Дон» был наверху грандиозной волны, а крейсер «Жюль Мишле» едва был виден внизу, в провале между гребнями волн. Поломка кнехт ослабила напряжение троса, затем трос рвануло, и он где-то посередине его разорвался. Один конец этого троса, как громадный хлыст, ударил по палубе «Дона» и начисто срезал ворот, служивший для подъема якоря. Теперь транспорт «Дон» был в полной мере в воле стихии. Он все больше и больше подставлял свой борт ударам волн, а от этих ударов первоначальный крен транспорта в 15 градусов стал постепенно увеличиваться. Уже смерть в ледяных волнах стояла перед глазами танкистов; да, неоспоримые слова: «Тот Богу не молился, кто в море не бывал». Только чудо нас могло спасти, и оно свершилось!

Нечеловеческих усилий стоило кавторангу Зеленому повернуть транспорт и поставить его нос навстречу набегавшим волнам. Затем, передав руль дежурному танкисту, он направился к разбитому тросом вороту. При помощи близлежащего лома он освободил от зажимов якорную цепь, и якорь с грохотом устремился в глубину моря. Наконец якорь зацепил за песок дна, и транспорт «Дон» остановился. По инерции движения крейсер «Жюль Мишле» вначале продолжал свой путь. В этом

хаосе ветра и волн он нам не был виден. Но «Жюль Мишле» нас не оставил. Он по радио сообщил об аварии, и вскоре мы были окружены кораблями. В центре были мы, справа подошел «Жюль Мишле», немного в стороне от него остановился подоспевший английский миноносец, и с юга торопился к нам на помощь румынский угольщик небольшого тоннажа.

Из-за бури не было возможности подойти к нам ближе. В конце концов на крейсере «Жюль Мишле» решили при помощи небольшой пушенки перекинуть нам рыболовный гарпун, к которому был прикреплен тонкий пеньковый шпагат. Для этого французы установили на корме своего судна какую-то доску, по-видимому снятую с петель дверь. На этой доске большими буквами они написали нам про пушенку и гарпун, а также просили нас отойти в сторону. В бинокль нам удалось прочитать эту надпись. Только при третьей попытке им удалось перебросить гарпун со шпагатом. Мы поспешно схватили этот шпагат и начали тянуть его на палубу. К сожалению, из-за разыгравшейся бури 3/4 чинов отряда танков лежали по каютам, страдая от приступов морской болезни. Нас, способных к работе, едва было около десяти человек. Итак, мы приступили к своей новой работе по спасению транспорта «Дон».

Постепенно пеньковый шпагат перешел в солидный канат. За ним последовал тонкий стальной трос. Теперь, работая на морозном ветру, нам приходилось голыми руками (перчаток не было) хватать металлический трос. От прикосновения к металлу с ладоней рук сдиралась кожа. После больших усилий, вытягивая все увеличивавшиеся в своем диаметре стальные тросы, уже с окровавленными руками, мы притянули на палубу трос толщиной в руку.

На этом наша работа не закончилась. Когда я пишу эти строки и мысленно переношусь к тем дням, то поистине удивляюсь, как все это мы могли сделать. Работали мы на носу транспорта, который все время то вылетал, то опускался. Качка не переставала. Может быть, сознание того, что вот нас только десять человек может работать и что от успеха нашей работы зависит жизнь всего отряда и спасение транспорта, вливало в нас необходимые силы. Теперь, когда нужный трос оказался у нас на палубе, перед нами встала задача, как его прикрепить к транспорту. Не знаю, как бы мы справились с этой задачей, если бы не было с нами кавторанга Зеленого. И в этом он пришел нам на помощь своими ценными указаниями и показал, где и как надо закрепить трос. Все кнехты были до основания поломаны.

Следующим этапом перед нами стала проблема якоря, который крепко засел на дне моря. Поднять его мы не могли, ибо ворот, служивший для

подъема якоря, был начисто срезан. Тащить нас с волочившимся по дну моря якорем крейсер, ясно, не мог. Значит, надо избавиться от якоря. Зажимы, охватывающие якорную цепь, накрепко держали ее. Все попытки ломом освободить ее от зажимов ни к чему не привели. Тогда стали долбить звенья цепи зубилами. Но хорошо закаленная сталь не поддавалась нашим усилиям. Видя, что попытка с зубилами также ни к чему не приведет, решили рискнуть и подложили динамитную шашку. Зажгли бикфордовый шнур, отбежали в сторону. Раздался взрыв, и якорная цепь полетела в воду.

К счастью, к этому моменту буря стала утихать и небо проясняться. Капитан 2-го ранга А. С. Зеленый дал сигнал на «Жюль Мишле», «Жюль Мишле» осторожно натянул трос, и наш многострадальный транспорт «Дон» плавно двинулся за ним. Правда, уже без якоря.

Переменив мокрую одежду на сухую и с забинтованными доктором Ляхно руками, собрались мы для беседы в кают-компанию, и здесь кавторанг А. С. Зеленый, держа в руке фляжку с ромом, рассказал нам, что после разрыва троса транспорт «Дон» волнами понесло прямо на минные заграждения, установленные в войну нашим Черноморским флотом, и если бы не удалось вовремя спустить якорь, то нет сомнения в том, что мы все взлетели бы на воздух. Поговорив еще немного, мы разошлись по своим каютам на заслуженный отдых.

Ночь прошла спокойно, и на следующий день, уже при тихой, ясной погоде, «Жюль Мишле» остановился на внешнем рейде Севастополя. Появление «Дона» было неожиданностью. Все считали, что мы в этой небывалой по силе буре погибли.

Из порта Севастополя пришел буксир и отвел нас в Южную бухту. Здесь у пристани мы пришвартовались и через день приступили к выгрузке машин и всего боевого имущества отряда. Командир отряда полковник Миронович немедленно доложил о прибытии транспорта «Дон» и обо всем, происшедшем с танковым отрядом, генералу Слащеву. По его распоряжению отряд направился на ст. Джанкой и поступил в распоряжение командира 13-й дивизии и 34-й бригады генерала Ангуладзе.

Приказом по армии генерала Врангеля командир отряда и многие господа офицеры 3-го отряда танков за спасение транспорта «Дон» с ценным грузом были произведены в следующие чины.

Примечание: 3-й Танковый отряд состоял из четырех пушечных танков: «Генералиссимус Суворов», «Фельдмаршал Кутузов», «Фельдмаршал Потемкин», «Генерал Скобелев». Из вспомогательных

машин было несколько трехтонных грузовиков, легковая машина, мотоциклы, ремонтная мастерская, электрическая станция, запасы горючего и смазки, снаряды, патроны, лазарет, кухня и т. д.

Ф. Штейнман^[144]

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ОДЕССЫ (ЯНВАРЬ 1920 ГОДА)^[145]

К концу 1919 года ясно обозначилось поражение и разложение Добровольческой армии. Она безостановочно катилась на юг, к Черному морю, почти без всякого давления со стороны противника. Главное командование постепенно теряло из своих рук нити управления армиями; связь между высшими штабами и отдельными войсковыми частями становилась с каждым днем слабее, пока совершенно не исчезла. Каждая часть начинала действовать на свой риск и страх, отходя куда и когда угодно, не считаясь с общей обстановкой и игнорируя боевые приказы. Сыпной тиф, принявший с наступлением холода угрожающие размеры, и массовое дезертирство солдат, потерявших всякое доверие к командному составу, лишили армию боеспособности и превратили ее в какой-то огромный обоз, наполненный семьями офицеров, беженцами из занятых большевиками областей, гражданскими чиновниками, эвакуируемыми вместе с отходом войск, и всяким родом постороннего люда, ничего общего с армией не имеющего и невероятно тормозящего ее движение. Вся эта масса приближалась к приморским городам частью походным порядком, частью — где это еще можно было — по железным дорогам.

Само собою понятно, что при таких обстоятельствах оборона Черноморского побережья, в частности Одесского района, имела шансы на успех лишь при полном напряжении сил всех еще не разложившихся частей и в случае привлечения к делу обороны всех слоев населения и общества, не сочувствующих большевизму. Однако генерал Шиллинг не сумел использовать эти силы, несмотря на довольно благоприятную обстановку, получившуюся вследствие благожелательного настроения к делу Добровольческой армии среди некоторых частей местного населения.

Вся южная часть Херсонской губернии покрыта целой сетью богатейших и весьма благоустроенных немецких колоний. Колонист-хлебороб в одно и то же время отличный солдат и злейший враг коммунизма. Ему присуща, как и каждому богатому крестьянину, и в особенности немецкому, крупная доля консерватизма, а за землю свою он готов отдать жизнь.

Восстание немцев-колонистов весной 1919 года под

предводительством русского генерала (из колонистов) Шелля, ^[146] подавить которое стоило большевикам громадных усилий и многочисленных жертв, было красноречивым показателем их ненависти к непривычному для них советскому строю и к советским порядкам. Взятие Одессы добровольцами в августе 1919 года тоже происходило при участии колонистов, среди которых идея борьбы с коммунизмом пользовалась громадной популярностью. Лучшие пехотные части Добровольческой армии пополняли свой состав почти исключительно немцами–колонистами.

Однако, вопреки требованиям самих колонистов и их представителей, выраженным, между прочим, на первом съезде колоний в сентябре 1919 года, командование Добровольческой армии отказалось от объявления всеобщей мобилизации колонистов и всячески старалось препятствовать дальнейшему развитию немецких батальонов, сформированных по собственной инициативе. Некоторые «военные авторитеты» доходили даже до того, что считали неуместным пользоваться услугами людей немецкого происхождения, памятуя войну с Германией.

Когда же Одесскому району стала угрожать непосредственная опасность, Совет немецких колоний решил по собственному почину организовать самооборону края, предоставив высшее руководство уже упомянутому генералу Шеллю. Это решение было принято весьма враждебно со стороны штаба главнокомандующего войсками Новороссийской области. Особенно старался повредить этому делу пользовавшийся самой плохой репутацией в офицерских кругах начальник штаба генерал Ч., про которого ходили упорные слухи, что он тайно состоит на советской службе.

Чтобы создать противовес организации самообороны колонистов, была создана должность начальника обороны Одесского района, которому *de iure* были подчинены все отряды самообороны. Начальником обороны был назначен генерал–майор граф Игнатьев, ^[147] бывший командир лейб–гвардии Преображенского полка. Работа его громадного штаба шла чрезвычайно вяло: за полтора месяца дело обороны фактически не продвинулось ни на шаг вперед. Между штабом обороны и штабом самообороны не было никакой согласованности действий, наоборот, оба штаба зачастую работали друг против друга.

Другой решающей мерой штаба генерала Шиллинга была отправка из Одессы в Вознесенск самой надежной воинской части, первого пехотного полка колонистов. Несмотря на то что солдатам этого полка обещали не выводить их из района колонии, полку все-таки было приказано

отправиться в Вознесенский район. Когда же солдаты отказались исполнить это приказание и частью разошлись по домам, частью перешли в организации генерала Шелля, генерал Ч. объявил колонистов неблагонадежным элементом и приказал прекратить снабжение организации самообороны оружием. Начались длительные переговоры, во время которых, понятно, работа по формированию новых частей самообороны едва подвигалась вперед.

Тем временем большевики стали подходить к Одесскому району. Без боя были заняты ими Вознесенск и Николаев. Среди крестьян началось большевистское движение: организовывались банды, нападавшие на колонии и на мелкие добровольческие отряды. Крестьяне тайно и явно поддерживали большевиков, потому что надеялись получить от них земли колонистов-контрреволюционеров. В результате большевикам удалось довольно свободно пройти полосу колонии. Там, где они встречали сопротивление, они подавляли его, применяя свое обычное средство — террор. Мелкие отряды «самообороны» частью ликвидировались, частью отошли в город. Последняя надежда на оборону Одессы рухнула. Участь города была решена.

Правда, имелась еще возможность организовать оборону самой Одессы, ибо в ней имелось около 80 тысяч вооруженных людей, большей частью офицеров. Но вся эта вооруженная масса была лишена всякой организации, и недоставало тех людей, которые могли бы ее создать. Офицерство к тому времени было настолько деморализовано, что никто не думал о сопротивлении надвигающейся опасности, а каждый мечтал лишь о том, как бы получить возможно больше казенных денег, обменять их на иностранную валюту и скорей скрыться за границу. На укрепление Одесского района были ассигнованы громадные суммы, и намечались грандиозные фортификационные работы. Но все осталось на бумаге. Военные инженеры получили колоссальные авансы, но никаких работ не производили.

При таких условиях решено было начать эвакуацию. Войска Новороссии должны были переправиться в Варну, частью морским путем, частью походным порядком через Румынию. Согласно приказу генерала Шиллинга, право на эвакуацию морем имели лишь семьи офицеров, гражданские чиновники и больные. Все строевые части должны были отходить походным порядком. Однако и этот приказ остался на бумаге. В те дни можно было наблюдать, как в Одесском порту преспокойно грузились целые полки и строевые артиллерийские части — счастливцы, которым так или иначе удалось зафрахтовать пароход. Зато не хватало на кораблях места

для госпиталей, переполненных больными и ранеными офицерами, которым пришлось остаться в Одессе и стать жертвами большевистской расправы. Накануне сдачи города погрузилось в порту Одесское Сергиевское артиллерийское училище [\[148\]](#) в составе 300 здоровых юнкеров, а Одесский кадетский корпус [\[149\]](#) отправился впоследствии со всем преподавательским персоналом походным порядком.

Итак, Одесский гарнизон, в случае прихода большевиков, должен был отходить. Но куда? Никаких определенных приказаний дано не было, а было предоставлено отдельным частям выбирать себе направление. Одни рекомендовали идти на Овидиополь, другие на Маяки, третьи на Тирасполь. Но самый кардинальный вопрос — пропустит ли Румыния отряды Добровольческой армии — оставался открытым. В штабе генерала Шиллинга царило по этому вопросу полное неведение. От чинов штаба, которым надлежало бы быть в этом вопросе вполне осведомленными, никакого толка добиться нельзя было. Штаб генерала Шиллинга вообще не интересовался вопросом, какая участь ожидает подчиненные ему войска. Штаб генерала Шиллинга имел свой пароход «Владимир» и в один прекрасный день благополучно погрузился на него.

Бегство генерала Шиллинга было для Одесского гарнизона большой неожиданностью, ибо еще накануне было заявлено, что большевики далеко и что им будет оказано самое решительное сопротивление. Власть в городе перешла в руки коменданта города полковника Стесселя. Однако и ему пришлось дня через два оставить Одессу с остатками гарнизона. Городу угрожала опасность не только от Красной армии, передовые отряды которой подходили к Одессе со стороны Николаева, но и от местных коммунистов, давно уже организовавших и обладавших большим количеством оружия. 23 января ст. стили вспыхнуло на Молдаванке (предмestье Одессы) восстание, подавить которое удалось с большим трудом. Зато в ночь на 25 января коммунисты заняли Пересыпь и начали оттуда обстреливать из пулеметов гавань и русские и иностранные пароходы. Английский крейсер, стоявший на внешнем рейде, открыл огонь, но не решился стрелять по городу, куда к тому времени успели уже пробраться коммунисты. В городе и гавани началась невероятная паника. Офицеры и их семьи, проживавшие разбросанно по всему городу на частных квартирах, в ужасе бросились в гавань, надеясь попасть на корабли, или бежали на западные окраины города для соединения с обозами и частями, отступающими походным порядком. В гавани собралась многотысячная толпа, ожидая погрузки на пароходы. Но ввиду

недостатка угля и нежелания моряков подвергать себя опасности, большинство кораблей отказалось принимать пассажиров и поспешило уйти в море. Оставшимся на берегу и теснимым уже со всех сторон большевиками ничего другого не оставалось, как пробиваться через кольцо большевиков и отходить вдоль берега в юго-западном направлении. Наскоро, тут же в гавани, сформированному офицерскому отряду удалось к вечеру прочистить дорогу и дать возможность остальным покинуть, под прикрытием темноты, Одессу. Ночью почти все части Одесского гарнизона соединились в колонии Гросс-Либенталь или Большая Вакаржа (20 верст западнее Одессы). К тому времени в Одессу вошли уже регулярные части Красной армии. Английские крейсера обстреляли еще слегка Пересыпь, а к утру снялись с якоря, бросая на произвол судьбы несчастный город и остатки Добровольческой армии, взятой недавно еще ими под свое покровительство.

Овидиопольский отряд

Гросс-Либенталь — цветущая немецкая колония, насчитывающая более 10 тысяч жителей. В ней имеется восьмиклассная гимназия, народная библиотека и несколько народных училищ. Электрическая станция снабжает светом дома колонистов. Несмотря на то что с каждым днем сюда прибывали все новые и новые части, все свободно размещались в колонии, всем хватало места.

Что же представляли из себя части Добровольческой армии? Не что иное, как громадные, бесконечные обозы, нагруженные далеко не одним военным имуществом, но главным образом всевозможными товарами (сахаром, табаком, кожами, мылом и многим другим). Денег у всех было много, но деньги эти (деникинские) нигде, кроме Одессы, не принимались. Потому каждый, кто мог, закупил в Одессе всевозможные товары, рассчитывая их продать за границей, в Румынии или в Польше, куда предполагалось отходить. Военные, а тем более боеспособные, составляли незначительную часть отступающей массы. Преобладали жены и дети офицеров; гражданские чиновники, эвакуируемые со своими семьями из одного места в другое; беженцы, везущие с собою свои последние пожитки — среди этих пожитков находилось, впрочем, немало драгоценных вещей; иностранцы, не желавшие оставаться с большевиками и примкнувшие к Добровольческой армии; больные, перевозимые на подводах; раненые и, наконец, спекулянты всяких категорий, рассчитывающие на удобный

случай перейти границу вместе с отрядами Добровольческой армии.

В Гросс–Либентале мы впервые узнали, что румынская граница закрыта и что румыны никого не пускают через Днестр. Однако этому слуху как-то не верили и надеялись, что в конце концов все-таки удастся сговориться с румынами. Все же многие части не задерживаясь двинулись из Гросс–Либентала прямо на Тирасполь, где им удалось благополучно соединиться с армией генерала Бредова, отступившей впоследствии в Польшу. Но уже 26 января, то есть через сутки после падения Одессы, эта дорога была перерезана красной кавалерией, напавшей у колонии Гофнунгсталь на добровольческие обозы и учинившей там кровавую расправу над несчастными офицерами и их семьями, застигнутыми врасплох.

Оставался лишь путь на Овидиополь. Легендарное место ссылки великого римлянина — невзрачный городок на берегу Днестровского лимана, расположенный напротив Аккермана (по-румынски — Цитатей Альба), уездного города бывшей Бессарабской губернии. Лиман оказался покрытым толстым слоем льда, так что переправа даже тяжелых обозов была вполне возможна. В то время как по вечерам Овидиополь погружался в полнейшую тьму, из Аккермана сверкали многочисленные электрические огоньки, весело манившие нас на эту сторону границы, где нет гражданской войны, где можно жить по-человечески, по-европейски.

Овидиополь был переполнен войсками и беженцами. На скорую руку был сформирован отряд. Старшим начальником оказался генерал Васильев, принявший на себя обязанности начальника гарнизона и отряда. Однако фактически командовал отрядом полковник Стессель, бывший комендант Одессы. Начальнику его штаба, полковнику Мамонтову, было поручено вести с румынскими властями переговоры о переправе русских войск в Аккерман.

28 января отправился по льду в Аккерман Одесский кадетский корпус со всем преподавательским персоналом. Директор корпуса ездил накануне в Аккерман и получил от румынского коменданта разрешение на переправу после того, как им была послана телеграмма румынской королеве Марии. Дети благополучно переправились через лиман (10 верст) и уже приближались к бессарабскому берегу, как вдруг были обстреляны румынской артиллерией. Кадеты в испуге и недоумении остановились — среди них были раненые и контуженые. Не желая подвергать детей новой опасности, директор корпуса приказал кадетам вернуться в Овидиополь, а сам поехал под прикрытием белого флага в Аккерман для выяснения инцидента. В этот день удалось переправиться на тот берег лишь

румынским подданным (бессарабцам) и некоторым полякам. Обстрел детей произвел среди русских в Овидиополе удручающее впечатление.

Однако ночью прошел слух, что обстрел кадет произошел по недоразумению и что полковнику Мамонтову удалось добиться от румын разрешения на переправу. Действительно, через несколько часов был получен от генерала Васильева приказ выступить всем частям гарнизона с утра на лед и перейти на румынскую территорию, соблюдая все существующие на этот предмет правила международного права.

И вот с утра стали спускаться по набережной Овидиополя и тянуться по льду бесконечные обозы: впереди иностранцы, дальше гражданские беженцы, кадетский корпус, госпиталя, слабосильные команды, войсковые обозы и, наконец, строевые части. Мимо обозов несколько раз проезжал автомобиль с румынским офицером, который любезным жестом приглашал нас на тот берег. Действительно, пропустили почти всех иностранцев и кадет. Проверки документов шли очень медленно, и мы весь день простояли на льду, ожидая нашей очереди.

Когда стало темнеть, румыны заявили, что остальных они раньше утра пропустить не могут. Пришлось ночевать на льду, под открытым небом, при сильном морозе и пронизывающем ветре. Особенно страдали больные (в большинстве сыпнотифозные), лежа на повозках без всякой защиты от холода. Всю ночь на льду стоял стон этих несчастных, умирающих от жажды, а помочь им было невозможно, ибо нигде нельзя было достать пресной воды. Всех поддерживали одни надежды, что утром примут нас румыны и мы попадем хотя в мало-мальски культурные условия.

Однако утром нас ожидало новое горькое разочарование. С рассветом, когда приводились в порядок обозы, мы увидели каких-то людей, возвращавшихся с румынского берега. К нашему немалому удивлению, мы скоро узнали в них несчастных кадет. «Нас выгнали румыны», — заявили дети. Оказалось, что румыны вечером приняли детей и разместили их в местной гимназии. В 11 часов ночи в здание гимназии был введен румынский отряд с пулеметами, и кадетам было предложено немедленно покинуть гимназию и вернуться в Овидиополь. Но измученные двухдневными переходами дети заявили румынам, что они ни за что не уйдут, даже если их будут обстреливать. Тогда румыны в виде милости разрешили кадетам остаться в Аккермане до 6 часов утра.

Узнав о таком обращении румын с детьми, мы потеряли всякую надежду попасть в Аккерман и решили вернуться в Овидиополь. Пытавшиеся все-таки пробраться на бессарабский берег встречались румынской пограничной стражей пулеметным огнем. Чем было вызвано

такое отношение румын — неизвестно. Возможно, что румыны, увидев перед собою наш 10-тысячный отряд с громадными обозами, испугались и решили взять обратно данное обещание. Возможно, однако, что вина лежала на стороне нашего начальства, генерала Васильева и полковника Стесселя, не сумевших сговориться с румынскими властями. Ходил слух, что румыны потребовали во время переговоров безусловного разоружения и выдачи всего военного имущества — требование, впрочем, вполне справедливое и соответствующее обычаям международного права, на что начальники нашего отряда ни за что не хотели соглашаться, считая это несовместимым с достоинством Добровольческой армии. По другим версиям, в Аккермане была получена из Бухареста инструкция: никого ни под каким видом не пропускать через границу.

Что нам оставалось теперь делать? Большевики наступали со стороны Одессы, и их части успели уже занять село Маяки на Днестре, что верст на двадцать выше Овидиополя. Мы оказались почти в безвыходном положении: были прижаты к румынской границе и не имели возможности перейти ее. После долгих совещаний было решено во что бы то ни стало пробиваться на север вдоль Днестра и где-нибудь в Подольской губернии соединиться с украинскими или польскими войсками. Этот план был бы вполне осуществим, если Овидиопольский отряд состоял бы исключительно из строевых и боеспособных частей. Но увы! Отряд генерала Васильева был не что иное, как громадный обоз, растянутый на 12 верст.

Вооруженных людей набралось бы в отряде, пожалуй, тысячи три, но все эти люди не составляли боевой единицы, а были раздроблены на целый ряд автономных частей, совершенно произвольно и случайно сформированных. Так, был, например, отряд кадет, отряд кременчугской городской стражи, отряд «Союза Возрождения России», которым командовал известный В. В. Шульгин, и многие другие. Было ясно, что при таких условиях шансы на благополучный исход задуманного предприятия были с самого начала весьма невелики.

И вот 31 января (ст. стиля) вся эта масса, весь этот караван двинулся в путь. Не успели мы пройти каких-нибудь 15 верст, как на нас напали большевики и обстреляли наш обоз. Но на этот раз все обошлось благополучно. Большевиков отбили, и отряд двинулся дальше. Приходилось обходить все русские деревни из-за большевистских наклонностей их жителей и держаться исключительно немецких колоний, враждебно настроенных к большевикам.

Отряд шел почти без остановок днем и ночью. Приходилось целыми

днями ничего не есть, не пить. Лошади с трудом вытягивали перегруженные подводы. Люди, голодные, изнуренные и усталые, волоклись как тени, длинной вереницею по обеим сторонам дороги. Проходя мимо чистого снега, все с жадностью бросались на него, чтобы утолить жажду. По ночам многие падали от усталости и замерзали или попадали в руки большевикам, шедшим по пятам отряда. Так мы путешествовали трое суток.

В немецкой колонии Кандель мы вторично встретились с большевиками. На этот раз дело было гораздо серьезнее. Они, очевидно, предполагали на этом месте устроить нам ловушку и обойти колонию со всех сторон. Едва мы успели разместиться в чистых домах колонистов, весьма радушно нас принявших и угостивших кто чем мог, как начался сильный артиллерийский обстрел колонии. Благодаря поставленной у нас чрезвычайно слабо разведке, красным удалось незаметно подойти почти вплотную к нашей стоянке. Паника, которая неминуемо должна была произойти, еще усилилась, когда в нашем тылу показалась красная кавалерия. Тем не менее удалось сравнительно быстро собрать достаточное количество боеспособных людей, чтобы отбить нападение большевиков. Перейдя затем в контрнаступление, мы даже заняли соседнюю колонию Зелъч и захватили у красных несколько пулеметов.

Однако этим мелким успехом наше положение не улучшилось. Мы находились всего в 10 верстах от железной дороги Раздельная — Тирасполь. От местных жителей мы узнали, что большевики подвозят из Одессы сильные подкрепления и держат наготове бронепоезда. Стало ясно, что с таким громадным обозом, с женщинами, с детьми, с больными и с невоенными совершенно невозможно пробиваться через кольцо большевиков. Оставался выбор — бросить всех, кто не мог носить оружия, на произвол судьбы, а вооруженным с боем пробиваться вперед или вторично попытаться отойти всем в Румынию. Выбрали второе. Решено было хотя бы силою добиться переправы через Днестр на румынскую территорию.

В ночь на 3 февраля Овидиопольский отряд покинул Кандель и утром начал переправу. Река Днестр сама по себе не ширкая, всего каких-нибудь 20 — 30 сажень; но по обеим ее берегам тянутся болота шириною на 6 верст, так называемые плавни, зимою покрытые льдом и заросшие камышом. Когда мы переправлялись через эти плавни, было приказано бросить весь обоз, за исключением повозок с больными. Из вещей разрешено было брать с собою только то, что каждый мог унести на себе или навьючить на свою лошадь. Сколько ценного имущества, какое бесчисленное количество

оружия и повозок было тут брошено и попало в руки местных бандитов, успевших уже сорганизоваться и напасть на хвост нашего отряда.

В 6 верстах от Днестра, за плавнями, живописно расположено на склоне холмов и виноградников большое бессарабское село Раскаяц. В те дни там стояла пулеметная команда III батальона 32-го румынского пехотного полка. Генерал Васильев лично ездил туда для переговоров. Вначале румыны категорически отказались впустить нас. Когда же генерал Васильев заявил, что он в таком случае будет принужден с боем войти в Раскаяц, они испугались и разрешили отряду переночевать в Раскаяце. Тем не менее они обстреливали всех прибывавших днем в село и только с наступлением темноты прекратили стрельбу.

Для ночевки нам было предоставлено 50 крестьянских изб в самых бедных кварталах громадного села. Выходить за пределы отведенного для нас района было румынами строго воспрещено. В полусознательном состоянии, едва передвигая ноги, мы, словно тени, молча и бесшумно вошли в Раскаяц. Отведенных изб, разумеется, не хватило для всего отряда, и большинство из нас провело ночь под открытым небом, устроившись возможно комфортабельнее на стогах кукурузы.

В Румынии

Настало утро рокового для нас 4 февраля. Ночью румыны предъявили начальнику отряда ультиматум очистить к 8 часам утра деревню и вернуться обратно за Днестр.

С утра в деревне началась суматоха. Начальство растерялось и не давало никаких распоряжений. Никто не знал, что нужно делать: оставаться или уходить. Так как к 8 часам утра деревня еще была занята отрядом, румыны открыли жесточайший огонь из 14 пулеметов, установленных на окружающих деревню высотах и виноградниках. Стреляли они отнюдь не в воздух, а палили весьма метко в людей, показывающихся на улицах. Сперва все попрятались; но вскоре стали выбегать на улицу отдельные люди и направляться на гать, где была дорога, по которой мы накануне вошли в Раскаяц. Примеру этих людей стали следовать и другие, и наконец по гати двинулась громадная, обезумевшая от ужаса толпа мужчин, женщин и детей, желая спастись от огня румын, которым, очевидно, доставляло громадное удовольствие обстреливать несчастных, беззащитных, травимых то в одну, то в другую сторону людей.

Все перемешалось в этой многотысячной толпе: люди, потерявшие во

время общей суматохи своих близких и родных и испытывавшие в те минуты ужас предсмертной агонии, лошади, навьюченные остатками пожитков несчастных, повозки с тяжелобольными сыпнотифозными, отдельные всадники.

Неприятная трескотня румынских пулеметов, стоны раненых и умирающих, отдельные выкрики людей, желавших навести в толпе порядок, истерики женщин и плач детей — все это сливалось в какую-то дикую и кошмарную симфонию, которая у всех, кто ее слышал и кому было суждено пережить это ужасное утро, навсегда останется в ушах...

Приказание румынских властей было точно исполнено: отряд очистил деревню, оставив на улицах и на гати целый ряд убитых и много раненых. Храбрые румынские пулеметчики еще долго продолжали свою работу и обстреливали даже тех, которые приходили на помощь раненым.

Какая же участь постигла вернувшихся на «русский» берег Днестра? Голодные, истощенные до крайности, потерявшие свои последние вещи, эти несчастные попадали в руки бандитов, поджидавших уже на том берегу своих жертв. Бандиты их грабили догола, а затем бесцеремонно приканчивали. Несколько дней спустя румынские пограничники нашли на плавнях 12 трупов, рассеченных топорами и изуродованных до неузнаваемости. Другие попали в руки регулярным красным войскам. Передавали, что красные послали парламентаря к генералу Васильеву, вокруг которого собрался небольшой отряд, с предложением сдаться, обещая сохранение жизни. Многие, сознавая свое безвыходное положение, тут же кончали самоубийством. Так, например, застрелился на глазах своей жены полковник барон Майдель.

Спаслись очень немногие. Эти последние обязаны своим спасением хладнокровию и решительности бывшего юрисконсульта королевского итальянского консульства в Киеве Г. А. Хойнацкого, [\[150\]](#) к счастью очутившегося среди нас. Во время всеобщей паники и бегства из деревни вокруг господина Хойнацкого собрались его ближайшие знакомые, а также небольшая группа иностранцев (поляков, латышей, бессарабцев и др.), решивших во что бы то ни стало оставаться на месте и испытать свое счастье в переговорах с румынами, ибо уход обратно за Днестр означал верную смерть.

Наскоро был сконструирован итальянский флаг из красного английского носового платка, белой тряпки и кем-то пожертвованной солдатской гимнастерки защитного цвета. С этим флагом господин Хойнацкий отправился к румынскому коменданту вести переговоры. Последний вначале категорически настаивал на нашем выселении с

румынской территории, ссылаясь на полученную им инструкцию не пропускать никого через границу, даже румынских подданных. Тогда господин Хойнацкий объявил ему, что румынские власти обязаны считаться с представителем союзного государства, взявшего под свою защиту небольшую группу иностранцев. Комендант долго настаивал на своем, но в конце концов после упорных убеждений господина Хойнацкого разрешил временно оставаться в Раскаяце иностранцам, однако требовал немедленного ухода всех русских.

Вернувшись к нам, господин Хойнацкий рекомендовал, во-первых, всем офицерам снять погоны и вообще придать себе по возможности штатский вид, а во-вторых, придумать всем, имеющим чисто русские фамилии, иностранные и выдавать себя за иностранцев. Был составлен список присутствующих «иностранцев» и отослан коменданту. Однако через некоторое время явилась команда румын с сержантом во главе, объявившим нам, что мы все русские и потому должны немедленно покинуть деревню. Положение наше было чрезвычайно критическое, ибо почти никто не имел никаких документов, кроме военных. К счастью, удалось благополучно предотвратить грозящую нам опасность: кто-то сунул румынскому сержанту серебряный рубль, после чего он стал сговорчивее. Господин Хойнацкий вторично оправился к румынскому коменданту и предложил ему запросить относительно нас его начальство, пока же разрешить нам оставаться на месте. На это комендант согласился.

Вечером того же дня приехал в Раскаяц командир III батальона 32-го полка майор Т., человек в высшей степени корректный и спокойный. Он распорядился не выселять нас из Раскаяца, а отправить в Аккерман, где находился международный пропускной пункт. Это распоряжение было отчасти вызвано заступничеством наших новых союзников, местных немецких колонистов, виноградарей, в особенности же энергичного и гостеприимного господина З., который, будучи в отличных отношениях с майором, раскрыл ему всю правду, объяснил ему наше безвыходное положение и уговорил его не выселять нас. Тот же господин З. добился у румын отправки наших больных и раненых в ближайший госпиталь и похорон убитых на местном православном кладбище.

Два дня мы еще прожили в Раскаяце, причем дело обошлось не без инцидентов. По ночам врывались в избы, в которых мы ночевали, румынские солдаты и беспощадно нас грабили, забирая деньги, кольца, часы, сапоги и все, что им нравилось. Наконец нас отправили на подводах в Аккерман: всего 127 спасшихся из 16-тысячного Овидиопольского отряда.

Поместили нас в Аккермане частью в гостинице, частью в еврейской

школе. Режим был строго тюремный. Днем и ночью стояли у дверей часовые. Гулять по городу вначале совершенно не разрешалось, потом лишь по особому разрешению коменданта и в сопровождении караульного. Мы считались в карантине. Жутко становилось нам, когда мы с балкона нашей гостиницы смотрели на столь хорошо нам знакомый лиман и на окутанный туманом Овидиополь, где уже вовсю хозяйничали большевики. До последнего дня мы не были уверены, что румыны не отправят нас обратно в Россию.

Но в общем в Аккермане нам жилось довольно хорошо. Добрые немцы–колонисты ежедневно приезжали из соседних колоний, чтобы привозить нам обед, кофе, молоко и много другого съедобного. Кроме того, нас всех взял под свое покровительство местный представитель Польши, господин Вагнер, бывший чиновник I департамента Сената, сам испытывший на себе все прелести советского режима и понявший наше положение.

Во время двухнедельного нашего пребывания в карантине бывали нередко всевозможные инциденты между нами и румынским начальством; но все эти инциденты удавалось благополучно улаживать благодаря вмешательству господина Вагнера. Он же умел великолепно рассеивать подозрения румын против некоторых из нас, подозрения ровно ни на чем не основанные и в большинстве случаев удивительно наивные.

В Аккермане иногда появлялись мелкими партиями другие участники нашего похода, покинувшие Раскаяц в то кошмарное утро, которым после долгих скитаний и невероятных лишений и мытарств удалось, наконец, спастись в Румынию.

Ровно четыре недели после нашего отхода из Одессы нас отправили по железной дороге из Аккермана в Галац. Часть наших спутников оттуда поехала через Тульчу в Варну; остальные устроились в польском санитарном поезде, посланном специально за беженцами, и были благополучно доставлены до Львова, откуда уже разъехались по всем сторонам.

А. Власов

БРОНЕПОЕЗДА В ПОСЛЕДНИХ БОЯХ НА УКРАИНЕ

На левом фланге Вооруженных сил Юга России, к западу от Днепра, наши войска отступали в конце декабря 1919 года и в начале января 1920 года. В своей директиве главнокомандующий генерал Деникин указал генералу Шиллингу, командующему войсками в Новороссии, на необходимость сосредоточить его главные силы ближе к Днепру с задачей оборонять Северную Таврию и Крым. Предполагалась даже возможность наступления этих войск дальше к востоку для оказания косвенной помощи Добровольческому корпусу при обороне района Ростова. Однако вышеуказанное сосредоточение наших войск в Новороссии не произошло. Лишь несколько бронепоездов успели прибыть в конце декабря 1919 года в район узловой станции Знаменка, на расстоянии примерно 370 верст к северо-востоку от Одессы.

Бронепоезд «Доблесть Витязя» участвовал в конце декабря в течение нескольких дней в упорных боях при обороне переправы через Днепр у станции Черкассы, примерно в 120 верстах от станции Знаменка. Бронепоезда «Непобедимый», «Генерал Марков» и «Коршун», составлявшие 5-й бронепоездной дивизион, постепенно прибыли на станцию Знаменка приблизительно в это же время. 5-й бронепоездной дивизион должен был поступить в распоряжение генерала Слащева для действий против занятого махновцами Екатеринослава. Однако вследствие неблагоприятной обстановки было приказано отойти на станцию Елизаветград, в 50 примерно верстах от станции Знаменка, и дальше — на узловую станцию Помощная. Бронепоезд «Генерал Духонин» находился в конце декабря на станции Вознесенск, примерно в 165 верстах от Одессы, на линии железной дороги Одесса — Помощная. Надлежало охранять около Вознесенска большой мост через реку Южный Буг. Командиром бронепоезда «Генерал Духонин» был назначен в это время военный летчик капитан Колесников. 3 января бронепоезд «Генерал Духонин» был вызван на станцию Помощная, а оттуда отправился вместе с бронепоездом «Витязь» к станции Виска, в 50 верстах к северу от станции Помощная. Там наши бронепоезда поддерживали наступление гвардейской части, и станция Виска была взята.

Около 5 января на станции Знаменка состоялось совещание находившихся там начальников наших мелких отрядов и командиров некоторых бронепоездов. Было решено отступать через Елизаветград в сторону Одессы. Только генерал Слащев решил пробиваться со своим отрядом в Крым. Разные источники дают неодинаковые сведения о судьбе легкого бронепоезда «Генерал Марков». По одним сведениям, этот бронепоезд двинулся вместе с отрядом генерала Слащева. Однако через некоторое время пришлось оставить боевой состав, и команда бронепоезда «Генерал Марков» будто бы отошла в сторону Крыма походным порядком. По другим сведениям, бронепоезд «Генерал Марков» отошел через Елизаветград вместе с другими нашими бронепоездами и в дальнейшем был оставлен у Тирасполя, близ границы с Румынией. Около Знаменки и Елизаветграда усилились между тем отряды повстанцев. Их предводители носили прозвища Ангел и Труп. По ночам повстанцы обстреливали станцию Знаменка ружейным огнем. Бронепоезд «Коршун» оставался на станции Знаменка последним, вместе с комендантом этой станции. Около 9 января бронепоезд ушел со станции Знаменка и двинулся к станции Помощная позади поездов-эшелонов. На станциях происходили осложнения между эшелонами из-за снабжения водой и дровами, в которых был большой недостаток. Между тем бронепоезда «Генерал Шифнер-Маркевич» и «Генерал Духонин» получили около 11 января приказание от начальника Елизаветградской группы войск произвести внезапное нападение на станцию Знаменка, уже занятую противником. При подходе к станции Знаменка был обнаружен нашими бронепоездами и подбит товарный состав, находившийся на линии Знаменка — Николаев. На станции Знаменка был обстрелян артиллерийским огнем эшелон телеграфной роты красных. Наши бронепоезда захватили три паровоза и привели их в Елизаветград.

Дальше к западу, на узловой станции Вапнярка, примерно в 285 верстах севернее Одессы, находились в начале января 1920 года тяжелый бронепоезд «Богатырь» и легкий бронепоезд «Доброволец», которые входили в состав 8-го бронепоездного дивизиона. В это время прибыл на станцию Вапнярка и третий бронепоезд того же дивизиона — легкий бронепоезд «Пластун», находившийся до того при штабе 2-го армейского корпуса. На бронепоезде «Доброволец» распространилась тогда сильная эпидемия сыпного тифа. 7 января станция Вапнярка была нами эвакуирована. В течение суток бронепоезд «Богатырь» оставался на станции Вапнярка последним. Затем бронепоезд отошел на узловую станцию Бирзула, примерно в 175 верстах к северу от Одессы.

* * *

Конец января 1920 года ознаменовался упорной обороной частей Добровольческого корпуса, под командой генерала Кутепова, на позициях к югу и юго-западу от Ростова.

Такой обороны не было в районе Одессы. Там борьба против красных подходила к концу. Казалось, что при численности наших войск, отступавших с разных сторон к Одессе, еще можно было организовать оборону. Однако лишь остатки разных частей, сохранившие боеспособность, ушли под командой генерала Бредова в долгий поход к пределам Польши. Их ждали после похода разоружение и нелегкая жизнь в лагерях. Бронепоезда не могли участвовать в походе войск генерала Бредова, в стороне от железных дорог. Выступили в поход только команды наших бронепоездов, очень ослабленные эпидемией сыпного тифа и лишенные своих бронеплощадок.

После того как натиск главной массы советской конницы был отражен в боях у Батайска в начале января 1920 года, значительная часть конной армии Буденного передвинулась к востоку, к устью реки Маныч, примерно в 50 верстах к востоку от Батайска. Однако численное превосходство советских пехотных дивизий над частями Добровольческого корпуса было весьма значительным, и поэтому атаки на Батайск продолжались и во второй половине января 1920 года.

С утра 14 января началось наступление красных западнее Батайска, в районе селений Койсуг и Кулешевка, на участке Дроздовской дивизии. По приказанию командира дивизиона бронепоезд «За Русь Святую» выехал по Азовской ветке, к западу от Батайска, для охраны железнодорожного пути и для поддержания связи с частями Дроздовской дивизии. Не доезжая 2 верст до Кулешевки, был встречен разъезд от одного из полков конницы генерала Барбовича. Он сообщил, что там только что были конные разъезды красных. Несколько дальше, на буграх к северу от железной дороги, появились неприятельские цепи с конными дозорами на флангах. Бронепоезд «За Русь Святую» открыл по ним беглый огонь, заставил их поспешно отступить и преследовал их огнем до тех пор, пока они не были отрезаны слева частями одного из полков Дроздовской дивизии. Нашими войсками были взяты пленные и пулеметы. На железнодорожном разъезде Кулешевка бронепоезд установил связь и оставался в распоряжении командира батальона одного из Дроздовских полков. Затем бронепоезд был спешно вызван в Батайск и там получил приказание выехать на Ростовское направление. Красные настойчиво вели наступление, стремясь взять Батайск атакой с фронта. Советские тяжелые орудия обстреливали станцию

Батайск. Выехав за станцию к семафору, бронепоезд «За Русь Святую» обнаружил густые цепи пехоты противника, наступавшие по обеим сторонам железнодорожного полотна. Вместе с цепями наступали пулеметы на тачанках. Бронепоезд открыл по ним огонь и тотчас привлек на себя огонь нескольких советских батарей со стороны Ростова и Нахичевани. Продолжая обстрел неприятельских цепей из двух орудий, бронепоезд отвечал советской артиллерии огнем одного 75-миллиметрового орудия. Под обстрелом бронепоезда цепи красных залегли, а пулеметные тачанки скрылись. Бронепоезд «За Русь Святую» оставался на позиции до наступления темноты, продолжая изредка стрелять по противнику, а затем вернулся на станцию Батайск для снабжения. Тяжелый бронепоезд «На Москву» участвовал в течение всего дня 14 января в обороне Батайска, обстреливая с запасных путей станции наступающего неприятеля. Некоторые тяжелые орудия бронепоезда сделали по 160 выстрелов за день.

15 января прибыл в Батайск командир Добровольческого корпуса генерал Кутепов. Он благодарил наши части за упорную оборону станции и города Батайска. Бронепоезд «За Русь Святую» получил благодарность командира корпуса за отражение неприятельских атак на станцию Батайск. Генерал Кутепов наградил Георгиевскими крестами четырех нижних чинов из состава команды бронепоезда, наиболее отличившихся в последних боях. В ближайшие дни части Корниловской дивизии были сменены на фронте у Батайска частями Алексеевской дивизии.

20 января началось с утра наступление красных на Батайск с фронта и западнее, близ селений Койсуг и Кулешевка. Бронепоезд «За Русь Святую» выехал за будку к железнодорожному мосту.

Оказалось, что цепи противника находятся уже в непосредственной близости к окраинам Батайска. Бронепоезд открыл по ним беглый огонь и сейчас же оказался под обстрелом батарей красных со стороны Ростова. Кроме того, с маленькой станции Заречная, на южном берегу реки Дон, близ начала железнодорожного моста, стрелял из 42-линейного орудия советский бронепоезд. Находясь под сосредоточенным обстрелом неприятеля, бронепоезд «За Русь Святую» маневрировал и вел непрерывный огонь по цепям советской пехоты, которая была принуждена залечь. Неприятельские пулеметные тачанки и группы всадников были разогнаны. Несколько неприятельских снарядов перебили путь позади бронепоезда. Была вызвана по телефону помощь для починки этого пути. Красные еще усилили свой артиллерийский огонь, и один 42-линейный снаряд попал под паровоз бронепоезда. Другой снаряд разбил колесо

бронеплощадки с трехдюймовым орудием. Бронепоезд не мог больше двигаться. Несмотря на это, бронепоезд «За Русь Святую» продолжал обстрел неприятельских цепей. К нему присоединился тогда бронепоезд Донской армии «Атаман Самсонов», которым командовал поручик Воронов [См. о Воронове комментарий 62]. Этот бронепоезд стал у разрушенного железнодорожного моста. С разрешения командира дивизиона подбитая площадка бронепоезда «За Русь Святую» была оставлена на пути. Под продолжавшимся обстрелом бронепоезд отошел на станцию Батайск, чтобы там перейти на другой путь. Затем бронепоезд «За Русь Святую» вернулся к отцепленной бронеплощадке, которую начали поднимать на рельсы, и стал рядом с ней. Между тем бронепоезд «Атаман Самсонов» подвергался усиленному артиллерийскому обстрелу и, маневрируя, наскочил на взорванное место пути. Его контрольная площадка сошла с рельс. Бронепоезд «За Русь Святую» открыл огонь, привлекая на себя внимание красных, и в это время бронепоезд «Атаман Самсонов» успел починить путь. К наступлению темноты атаки красных были окончательно отбиты. Вспомогательный паровоз увел подбитую бронеплощадку в депо станции Батайск. После этого и наши два бронепоезда вернулись на станцию.

На следующий день, 21 января, красные повели новое наступление с фронта на Батайск. Но их главная атака была направлена западнее, на позиции Дроздовской дивизии. Бронепоезд «За Русь Святую» вышел сначала на Ростовское направление к семафору. Однако вскоре он был послан по Азовской ветке к железнодорожному разъезду у селения Кулешевка. По слухам, это селение уже было занято красными, прорвавшимися восточнее Азова. Недалеко от разъезда Кулешевка была замечена наступавшая неприятельская цепь. Бронепоезд «За Русь Святую» открыл по ней огонь и принудил к отступлению. Немного дальше бронепоезд обстрелял батарею противника, шедшую в конном строю. Еще дальше в том же направлении путь оказался разобранным. Чины бронепоезда приступили к его починке. Во время этой работы бронепоезд «За Русь Святую» был атакован конной лавой советских всадников, которые, вероятно, ждали в засаде. Подпустив скачущих всадников на близкую дистанцию, бронепоезд открыл по ним огонь из пулеметов и картечью. Всадники поскакали обратно, понеся потери. Бронепоезд «За Русь Святую» занимал разъезд Кулешевка до вечера и с наступлением темноты вернулся на станцию Батайск. В это время распространилась весть о победе 4-го Донского корпуса, которым командовал тогда генерал Павлов, к востоку от Батайска. Конница красных была отброшена за реку

Маныч. Войска 4-го Донского корпуса взяли у неприятеля 40 орудий. Эта весть способствовала подъему духа наших войск. Однако не было свежих резервов для того, чтобы довершить победу немедленным преследованием.

На линии Царицын — Тихорецкая продолжали действовать в это время легкие бронепоезда «Генерал Алексеев» и «Вперед за Родину». После боя у станции Великокняжеская, примерно в 170 верстах от Тихорецкой, бронепоезда прикрывали 12 января отход частей 1-го Кубанского корпуса на южный берег реки Маныч. С 13 по 19 января бронепоезда «Генерал Алексеев» и «Вперед за Родину» несли попеременно, по суткам, сторожевую службу на разъезде Маныч, близ берега реки того же названия, и переходили в резерв на станции Шаблиевская и Торговая, примерно в 135 верстах от станции Тихорецкая, в распоряжение начальника штаба 1-го Кубанского корпуса. 20 января бронепоезд «Вперед за Родину» участвовал в бою при отражении попытки неприятеля переправиться через реку Маныч.

Несколько бронепоездов были оставлены в течение января 1920 года в тыловом районе за фронтом Добровольческого корпуса. Одной бронеплощадке из состава бронепоезда «Москва» было поручено сопровождать до Новороссийска эвакуированное Ростовское отделение Государственного банка. Затем эта броне-площадка была оставлена у Новороссийска для охраны туннелей. Другая часть бронепоезда «Москва» сопровождала до Екатеринодара штаб корпуса. Потом бронепоезду «Москва» была поручена охрана железнодорожной линии Екатеринодар — Новороссийск, Команда бронепоезда «Орел» прибыла 8 января на станцию Абинская, примерно в 60 верстах от Новороссийска. Там была вскоре получена одна пулеметная бронеплощадка. Во второй половине января бронепоезд «Орел» был отправлен на охрану железнодорожного участка между станциями Екатеринодар и Крымская, около 80 верст длиной. В той местности так называемые «зеленые» нападали на станции и поезда, нарушая железнодорожное движение. Команда бронепоезда «Орел» также выставляла полевые караулы на окраинах станицы Абинской. 18 января капитан Прокопович был назначен командиром бронепоезда «Генерал Корнилов». Команда бронепоезда выехала, во главе с новым командиром, на станцию Абинская для формирования новой боевой части. Затем бронепоезда «Генерал Корнилов» и «Мстислав Удалой» несли сторожевую службу против «зеленых». Бронепоезд «Иоанн Калита» был отправлен около 10 января на охрану от «зеленых» Черноморско-Кубанской железной дороги. Эта железнодорожная линия, недавно построенная, была проведена между узловыми станциями Кущевка, Тимошевская и Крымская.

Водоснабжение на ней было еще малоудовлетворительным.

На северо–восточном Кавказе бронепоезд «Офицер» получил 13 января приказание идти в Армавир. Однако по прибытии на узловую станцию Минеральные Воды бронепоезд был задержан по приказанию начальника штаба Кавказской армии и назначен для охраны железнодорожного пути на участке между станциями Нагутская и Георгиевск, на протяжении приблизительно 80 верст. 19 января бронепоезд «Офицер» обстреливал артиллерийским огнем селение Суркульское, близ станции Курсавка, где укрывались вооруженные повстанцы. Посланный для связи на станцию Суворовская, в том же районе, паровоз вспомогательного поезда потерпел крушение, наскочив на разобранный путь. 21 января бронепоезд «Офицер» выходил на станцию Курсавка, где были произведены аресты агитаторов, призывавших к истреблению офицеров. 31 января бронепоезд «Офицер» прибыл на станцию Тихорецкая, где был назначен для охраны Ставки главнокомандующего. В то же время бронепоезд «Терец» находился несколько восточнее, в районе города Грозного. Оттесненная от селения Костек конница повстанцев двинулась вверх по течению реки Сулак, в горы. Наша конница ее преследовала. Повстанцы вошли в Темир — аул близ железной дороги — и оттуда устремились 14 января через железнодорожную линию. Однако конница противника была своевременно замечена. Орудийным и пулеметным огнем наших бронепоездов «Терец» и «Апшеронец» повстанцы были оттеснены обратно в аул. При этом бронепоезд «Терец» захватил тачанку в запряжке с пулеметом системы «Максим». 15 января часть нашего Хасав–Юртовского отряда повела наступление со стороны аула Карлан–Юрт на Темир–аул. Наши бронепоезда поддерживали это наступление артиллерийским огнем. Аул был занят нашими войсками. Конница повстанцев частью ушла через реку Оулак, а частью рассеялась по лесам. 25 января телеграммой командира 2–го Кавказского корпуса бронепоезд «Терец» был вызван в резерв на станцию Грозный. Там он сменил бронепоезд «Олег», который отправился на станцию Хасав–Юрт, примерно в 75 верстах к востоку от станции Грозный. На направлении Знаменка — Одесса находился 11 января бронепоезд «Генерал Духонин», отошедший на станцию Елизаветград. Красные начали наступление с севера, и бронепоезду было приказано выдвинуться навстречу противнику. Под сильным огнем неприятельских батарей бронепоезд «Генерал Духонин» был принужден медленно отходить к станции, обстреливая цепи красных. После того как наша пехота оставила город Елизаветград, бронепоезд «Генерал Духонин» и прибывший на помощь бронепоезд

«Доблесть Витязя» своим огнем не позволяли неприятельской кавалерии выходить из города для преследования наших отступающих частей. С наступлением темноты наши бронепоезда отошли на станцию Плетеный Ташлык, примерно в 40 верстах от Елизаветграда. Через несколько дней бронепоезд «Генерал Духонин» должен был отправиться на станцию Вознесенск, приблизительно в 165 верстах от Одессы, для промывки и ремонта паровоза. Около 18 января бронепоезд «Генерал Духонин» был отправлен для борьбы с повстанцами к станции Веселиново, в 125 верстах от Одессы, когда было получено известие, что красные заняли Вознесенск, подойдя к нему с востока. Наша пехота оставила город под давлением противника, и советская артиллерия стала обстреливать возвращавшийся в Вознесенск бронепоезд. Выходом к Вознесенску красные перерезали прямой железнодорожный путь Помощная — Одесса, около 245 верст длиной. Через некоторое время наша пехота при поддержке бронепоезда «Генерал Духонин» вытеснила неприятеля из Вознесенска, но было мало надежды на то, что удастся удерживать город и станцию в течение продолжительного времени. Нужно было вывезти боевой состав бронепоезда «Непобедимый», который стоял на станции Вознесенск с холодным паровозом. Ночью красные снова атаковали город и станцию и успели поджечь состав со снарядами у выходных стрелок в сторону станции Помощная. В чрезвычайно трудных условиях были произведены маневры, бронепоезд «Генерал Духонин» с прицепленным боевым составом бронепоезда «Непобедимый» отошел к узловой станции Помощная, то есть в противоположную от Одессы сторону. В пути при отсутствии дров и воды команда бронепоезда «Непобедимый» ломала щиты и колья для топлива и наполняла тендер, поднося ведрами снег. Почти в то же время оставшийся на станции Помощная бронепоезд «Коршун» должен был начать отход к Вознесенску. Но по железнодорожному телефону передали, что со стороны станции Вознесенск идут к станции Помощная два эшелона, которые застряли в снежном заносе. Для выяснения обстановки командир бронепоезда «Коршун» капитан Магнитский сам взял трубку телефонного аппарата и вдруг узнал голос командира Симферопольского офицерского полка, полковника Рабочевского, с которым он был лично знаком. Командир полка сообщил, что на станции Вознесенск на эшелоны напали красные, что в сторону Одессы прорваться невозможно и что поэтому он отходит к станции Помощная. Бронепоезд «Коршун» остался на этой узловой станции, чтобы подождать там эшелоны, к которым были высланы на помощь рабочие и два паровоза. После долгой борьбы со снегом два

эшелона благополучно прибыли на станцию Помощная. Их снабдили водой и дровами, и они тотчас ушли в западном направлении по железнодорожной линии Помощная — Бирзула с надеждой на то, что эта линия еще свободна от красных. Таким образом рассчитывали попасть в Одессу кружным путем протяжением около 390 верст, перейдя на узловой станции Бирзула на двухколейную линию Киев — Одесса. Около 20 января наши бронепоезда оставили станцию Помощная и отправились в сторону Одессы тем же кружным путем. При этом отходе оставшийся без воды паровоз бронепоезда «Непобедимый» был приведен в негодность и по приказанию командира 5-го бронепоездного дивизиона боевые площадки бронепоезда «Непобедимый» были распределены между другими бронепоездами. При оставлении станции Ольвиополь (Подгородная) был взорван большой железнодорожный мост через реку Южный Буг.

Около 15 января на узловую станцию Бирзула, примерно в 175 верстах от Одессы, прибыли отшедшие с севера, от узловой станции Вапнярка, бронепоезда «Богатырь» и «Доброволец», входившие в состав 8-го бронепоездного дивизиона. В это время на станции Бирзула находился также недавно сформированный нештатный бронепоезд «Гроза». Бронепоезд «Богатырь» дважды выходил со станции Бирзула в северо-западном направлении на расстояние около 75 верст к станции Рыбница для того, чтобы оказывать помощь коменданту местечка Рыбница при усмирении восстания местных большевиков. Артиллерийского огня не пришлось открывать. 20 января бронепоезда «Богатырь» и «Доброволец», двигаясь в хвосте многих поездных составов, отошли на узловую станцию Раздельная, примерно в 70 верстах к северу от Одессы. 23 января бронепоезду «Богатырь» было приказано идти в ремонт в Одессу. Однако по прибытии на станцию Одесса-Товарная оказалось, что никакой ремонт не возможен. В разных частях города начались восстания местных большевиков. Эвакуация Одессы ожидалась с часу на час. На следующий день, 24 января, бронепоезд «Богатырь» возвратился на станцию Раздельная. Вероятно, в тот же день на станцию Раздельная прибыли с севера отходившие бронепоезда «Коршун» и «Генерал Духонин». Станция Раздельная была переполнена бронепоездными и другими составами. Ввиду создавшихся трудностей командир 8-го бронепоездного дивизиона полковник Зеленецкий, как старший начальник, взял на себя, совместно с комендантом станции, задачу разгрузить железнодорожный узел. Полковник Зеленецкий лично распоряжался каждой очередной отправкой поездов. За два или три дня станция Раздельная была разгружена. Все бронепоезда двинулись по линии Раздельная — Тирасполь, протяжением

приблизительно в 40 верст. К западу от станции Тирасполь находился мост через реку Днестр, вдоль которой проходила граница с территорией Бессарабии, занятой румынскими войсками. Среди отошедших по линии на Тирасполь бронепоездов был и легкий бронепоезд «Коршун», который остановился на станции Кучурган, примерно в 30 верстах к востоку от Тирасполя. Около 28 января бронепоезд «Коршун» получил приказание отправиться на разведку через станцию Раздельная к Одессе, чтобы выяснить, находится ли еще в Одессе штаб генерала Шиллинга. Бронепоезд вышел со станции Кучурган вечером с потушенными огнями. На узловой станции Раздельная все было спокойно. Там бронепоезд повернул на юг, в сторону Одессы. Железнодорожные служащие были этим очень удивлены. Пройдя по направлению к Одессе, примерно 20 верст, бронепоезд «Коршун» остановился на станции, Еремеевка. Начальник этой станции решительно объявил, что генерал Шиллинг и его штаб уже покинули Одессу и ожидается скорое занятие советскими войсками станции Раздельная. Бронепоезд «Коршун» повернул обратно и благополучно дошел ночью до района станции Тирасполь.

29 января стало известно, что продолжавшиеся несколько дней переговоры с румынскими властями окончились без успеха. Румынские власти отказались пропустить части Добровольческой армии через занятую румынами территорию для отправки в Крым. Тогда генерал Бредов приказал оставить боевые составы бронепоездов, приведя их материальную часть в негодность. Командам бронепоездов было приказано отходить вместе с другими нашими частями, взяв с собой по возможности пулеметы, по направлению к пределам Польши. Так в районе Тирасполя были оставлены наши бронепоезда «Витязь», «Доблесть Витязя», «Князь Пожарский», «Непобедимый», «Коршун», «Генерал Шифнер–Маркевич», «Баян», «Генерал Духонин», «Гроза» и еще несколько бронепоездов, недавно сформированных.

Команды бронепоездов, отступавшие в составе отряда генерала Бредова, не были сведены в одну воинскую часть, а присоединились к разным частям. Сохранились последние сведения о некоторых бронепоездах. Сильная эпидемия сыпного тифа распространилась в то время среди чинов команды бронепоезда «Доблесть Витязя». Командир бронепоезда, учитывая обстановку, заранее готовился к далекому походу. Были приготовлены около десяти подвод для перевозки тяжелых больных. 30 января с орудий бронепоезда были сняты прицелы и панорамы, приведены в негодность пулеметы и то ручное оружие, которое приходилось оставить. Рано утром 31 января боевой состав бронепоезда

«Доблесть Витязя» был уничтожен. После сильного разгона его спустили под откос, так что бронеплощадки были исковерканы. В паровозе взорвался котел. Команда бронепоезда вошла в состав Волчанского отряда. Уже 2 февраля во время боя с преследующими красными был тяжело ранен командир бронепоезда «Доблесть Витязя», капитан Имшеник–Кондратович. Подпоручики Фок и Радикович пытались вынести своего тяжело раненного командира, однако он твердым голосом приказал офицерам оставить его и спастись самим. Затем капитан Имшеник–Кондратович застрелился из револьвера, который все время держал в руке, чтобы не быть захваченным красными.

Команды бронепоездов «Непобедимый» и «Коршун» были присоединены к 75–му пехотному Севастопольскому полку. При команде бронепоезда «Коршун» отправилась в поход подвода, на которую были погружены снятые с боевого состава бронепоезда замки орудий и пулеметов. На ту же подводу погрузили и четыре мешка соли, каковая могла оказаться ценным платежным средством при покупке продовольствия во время похода. Три офицера бронепоезда «Коршун» были тяжело больны сыпным тифом. Удалось устроить их в Тираспольскую городскую больницу, снабдив солдатскими документами и соответственным солдатским обмундированием. Всем трем больным удалось выздороветь. Один из них попал затем в Польшу и присоединился в лагере к своим сослуживцам по бронепоезду.

При оставлении боевого состава бронепоезда «Генерал Духонин» был сожжен паровоз, сняты и утоплены замки орудий и уничтожены пулеметы. Команда бронепоезда присоединилась к команде штаба отряда генерала Бредова.

В. Сабинский^[151]

ОТСТУПЛЕНИЕ^[152]

В наш теперь седьмой класс вернулись все шестеро, которые пошли воевать, трое из них были ранены, но благополучно поправились. Романтичный патриотический порыв у молодежи остыл; неприглядная действительность войны, часто грубое обращение офицеров, а у некоторых из них бессмысленная и мстительная жестокость с пленными охладили первоначальное воодушевление. Настроение харьковских обывателей было беспокойное. Помимо возрастающей дороговизны, началось махновское восстание, охватившее широкую территорию южнее Харькова, и хотя на Левобережной Украине их довольно быстро ликвидировали, на Правобережной они крепко засели в районе Екатеринослава и Александровска. Успех махновцев легко объяснялся тем, что их поддерживали крестьяне, не желавшие возвращать землю помещикам, а к этому их часто принуждали при помощи воинских команд и поркой шомполами. О генерале Май-Маевском ходили нехорошие слухи об его пьяных кутежах с дебошами в загородных ресторанах города Харькова.

А на Московском направлении начались трудности. Взятый в начале октября Орел снова пришлось уступить, а в двухнедельной битве у ст. Касторная с конницей Буденного наши части были разбиты, и красная конница ринулась на юг. В начале ноября красные взяли Белгород и стали приближаться к Харькову. Надо было бежать, особенно участникам Белого движения. Мои товарищи начали возвращаться в свои части. Я тоже решил ехать в свою батарею, благо она находилась недалеко, на станции Синельниково, около Екатеринослава, на фронте против Махно.

После потери пушек около Поворина команда батареи не была расформирована, как того она боялась, а наоборот, ей сразу дали новые площадки с английскими в пять и две десятых дюйма пушками. По своим качествам эти орудия превосходили шестидюймовые «кане». Во-первых, они были гораздо скорострельнее, а во-вторых, во время стрельбы не было необходимости опирать их на рельсы. Кроме того, к ним были снаряды так называемого мгновенного действия, очень действенные для поражения живой силы противника. 18 ноября моя мать проводила меня на вокзал, и я на открытой платформе, ежась от холода, направился на юг. На батарее меня опять приняли в телефонную команду, но с братом я разминулся — он

поехал в Харьков. Наша смена выехала под командой поручика Полторацкого ^[153] под Екатеринослав, в котором засели махновцы, взорвав железнодорожный мост через Днепр. Заставу у моста мы и обстреливали, так же как и некоторые места в городе, где, по нашим предположениям, они могли бы собираться. Большую часть времени, находясь на позиции, я проводил на наблюдательном пункте вместе с вольноопределяющимся Алешей, с которым очень подружился. Этот пункт находился на чердаке трехэтажного дома, стоящего к тому же на холме, недалеко от позиции, занимаемой нашей боевой площадкой. Там мы и томились от скуки и холода, наблюдая Екатеринослав, потому что поручик Полторацкий появлялся только изредка, когда надо было пострелять. Но там нас навещала симпатичная девушка Вера, жившая в этом доме, приносявшая нам яблоки или чай, оживляя нас своим присутствием и болтовней.

Теперь жизнь на батарее была гораздо беднее, чем раньше. Меня поместили в теплушке на 12 человек, вместе с казаками главным образом Гундоровской станицы. С ними, с «отцами» (обычно принятое у них обращение), которые служили в войске еще с «действительной» до войны четырнадцатого, служить было даже удобнее, чем с вольнооперами. Службу они знали хорошо, в работах не ловчили, между собой не спорили, друг над другом не насмехались и опасность переносили спокойнее. Любили петь они свои тягучие, ставшие уже историческими, песни и, как видно, не нервничали от тех ужасов, которые рисовало нам наше воображение в случае поражения. Продукты нам выдавали, и мы варили пищу на печке посредине теплушки.

Брат вернулся из Харькова с сестрой Соней. Он не мог представить себе, что красные могут победить. Ему казалось, что наши скоро оправятся и начнут контрнаступление. Поэтому, опасаясь за отца, он уговорил его приехать на базу, где, по его мнению, отец мог бы благополучно переждать время отступления.

Но фронт рухнул. Выяснилась необходимость взять Екатеринослав, чтобы наши отступавшие от Фастова части могли бы соединиться с нами. После усиленной артиллерийской подготовки лихие казацкие конники проскочили по сохранившимся мостовым фермам и овладели переправой. Да, но скоро опять пришлось оставлять этот город, уже под напором красных. Потянулись один за другим на юг в Крым бесконечные составы. Не хватало паровозов. Наша батарея имела преимущество, располагая всегда паровозом. Один раз мы с боевой площадкой съездили даже на север в недалекий Павлоград, чтобы набрать водки в большом винокуренном заводе. В те месяцы мука и водка представляли собой огромную ценность.

Поезд нашей базы удлинился необыкновенно — прицепляли столько, сколько мог увезти паровоз. Вагоны с зерном, мукой и даже с маслом и яйцами тянулись за нами в хвосте. Многие «станишники» везли под своими койками мешки с мукой и бутылки с водкой. К нам стали приставать некоторые отбившиеся от своих частей офицеры. Один дроздовский полковник Баранов вез с собой молодую жену. Другой приставший поручик застрелился в офицерском вагоне, почти на глазах у присутствующих, потрясенный, вероятно, разгромом Белой армии.

Наконец, засинели Сиваши и мы, перевалив Чонгарский мост, оказались в Крыму и, как нам казалось, в безопасности, потому что красная конница нас уже не могла обойти и отрезать. Но защищать Крым нам не пришлось. Оказалось, что установки наших пушек сделаны были недостаточно солидно, вследствие чего многие болты повыскакивали и мы должны были отправиться в Севастополь для исправлений. Новый двадцатый год мы встретили в Симферополе, где еще можно было купить вино и вкусные фруктовые и овощные консервы. Проводил его в своей солдатской компании. Вообще личных контактов с братом на службе у меня было мало. Если иногда я заходил вечером к нему в купе, то он приказывал угостить меня ужином или чаем с офицерской кухни, и этим дело ограничивалось.

По прибытии в Севастополь поезд нашей базы остановился на пристани Южной бухты, почти напротив старых броненосцев, стоявших намертво со взорванными котлами. Кто-то на них все-таки обитал, потому что было слышно, как били «склянки», то есть часы. Наша кормежка стала плохой, мяса почти не давали, а взамен его мы часто стали получать камсу (маленькие соленые рыбки). Служба стала ограничиваться несением караулов у чинившихся пушек да нарядами на кухню, но зато нас стал косить сыпной тиф. Этой осенью и зимой мы не могли избавиться от вшей, потому что в нашем поезде не было ни бани, ни камеры для выпаривания одежды. Мой друг Алеша умер, так как по перенесении сыпного тифа заболел возвратным, заразившись там же в околке. Комбинация фатальная. Я тоже заболел, но удивительно, что возвратным, хотя сосед по койке перед этим заболел сыпным. Лежал я опять в дивизионном околке и перенес четыре приступа. Очень жалел Алешу — гибель его казалась такой бессмысленной.

Моему брату удалось устроить отца священником в управление дивизиона, а сестру фельдшерницей, так что положение членов нашей семьи временно стабилизировалось. Защита Крыма укрепилась. Генерал Слащев проявил при этом необычайную энергию и храбрость. Случалось, что

лично, только со своим конным конвоем, отбивал он проникшие на Крымский полуостров отряды красных. Починка наших пушек затянулась на все три месяца, и в этот период вынужденного отсутствия активности нашлись в команде два любителя стихотворчества, которые сочинили сатирическую поэму, направленную главным образом против тех, кто занимался присвоением брошенного на станциях имущества. Начиналась она так:

Мы третий день на фронте,
А всюду говорят,
Четвертая морская умеет воевать.
И лишь Махно заметит,
Снарядом туда метит,
Не думая, попал он или нет.
И если нам случится
Заметить, что вагон
Вином иль одеялами доверху нагружен,
Мы пломбы прочь срываем,
Совсем не рассуждаем
На тему, что сорвать иль не сорвать.

И так далее в этом роде. В первых строках здесь приведен намек на решительные действия батареи против Махно. В действительности это так, что в боях против него наша батарея, вооруженная теперь новыми скорострельными английскими пушками, иногда без прикрытия выдвигалась вперед и стреляла по махновцам прямой наводкой. На ровном месте и не очень больших дистанциях снаряды мгновенного действия, делая рикошет, рвались в воздухе, нанося большой урон противнику и наводя панику.

Надо сказать, что команда батареи жила своей обособленной жизнью. С начала девятнадцатого года ее состав почти не меняли, а контактов с другими воинскими частями или населением тоже было мало. Поезд базы, передвигаясь часто по железной дороге, если и задерживался где-нибудь на третьем пути или маленьком степном разъезде, то на очень краткое время. Служба, пребывание на позиции, отнимало много времени и менялось мало в своей ритмической постоянности, так что команда, около 70 человек, варилась, что называется, в «собственном соку», мало замечая общую трагедию России. Разговаривали больше о том, чем нас будут кормить

сегодня или кто кого обидел.

Главная тяжесть заключалась в несении караулов у пушек, вагонов со снарядами и на паровозе. Обычно эти караулы приходилось нести через сутки или двое, и в течение их часовые стояли на посту два раза по 4 часа. Это была поблажка — по уставу полагалось стоять четыре раза по 2 часа. Эти часы в любую погоду тянулись томительно долго, и предпочтительнее было нести наряды на любую другую работу. Но иногда, в хорошую погоду, от четырех до восьми утра, в степи можно было наблюдать полностью то, что в обычной жизни случается редко, то есть как начинается день, когда от слабой бледной полоски на горизонте, при ярких еще звездах на небе, разгорается заря и к 8 часам восходит ярко светящее, радостное и сильно уже греющее солнце. А вообще не помню, чтобы у нас в батарее, кроме выговоров и предупреждений, применялись бы строгие дисциплинарные взыскания, вроде стояния под винтовкой и т. п.

В начале весны пришлось нам с грустью наблюдать, как в Южную бухту приходили пароходы, переполненные нашими бойцами, пережившими несчастную новороссийскую эвакуацию. Пароходы направлялись в глубь бухты к станции, где и разгружались. Нашим главнокомандующим стал генерал Врангель, который быстро начал реорганизовывать армию, в первую очередь переименовав ее в Русскую. Так и наша четвертая морская батарея была переименована в бронепоезд «Единая Россия», а наших бедных гундоровцев откомандировали в казачьи части. Там же придали много офицеров и чинов из одноименного бронепоезда, оставленного в Новороссийске. Среди главных командиров места Слащеву не нашлось, что многих удивляло.

В. Липеровский^[154]

«ЖЕЛБАТ-2»^[155]

20 октября 1919 года Орел был оставлен нашими войсками, а мы получили приказ отходить на Курск и затем по Северо–Донецкой железной дороге на ст. Полтава. Насколько медленно мы шли на Стишь, так теперь казалось, что мы мчимся — на Курске приняли снова наши большие паровозы с полным запасом угля; хозяйственная часть уже укатила на юг. Страшная снежная буря мешала продвижению на перегоне Курск — Льгов, шли точно ощупью... Потом по Северо–Донецкой снега было мало, но очень морозно. Эта дорога самая новая, законченная перед самой Великой войной 1914 года — четыре колеи: две — пассажирское сообщение, две — товарное для доставки угля из Донецкого бассейна и товаров с юга в центр России, к Москве и к Балтийскому морю. Станции новые, обширные, здания прекрасно оборудованы, склады были полны всяких материалов, мешков с продуктами, ссыпанного зерна.

За это короткое время моего пребывания в железнодорожной роте подружился я с Алешей Воропаем и Шурой Муратовым, всюду мы были вместе. Но станция Суджа для нашей троицы оказалась трагической — Шуру сдал в санитарный поезд, у него начинался тиф по всем признакам — ушел поезд, и я больше Шуру никогда не встретил! Отступление, видимо, действует развращающе на всех, даже на такую воинскую часть, как наша, — ведь мы жили с комфортом, все было, кормили нас хорошо, даже что-то платили — не помню сколько! Но Петя смеялся, что я получил свое первое солдатское жалованье, несмотря на то что мы были обеспечены всем, на станции Суджа я собственными глазами видел, как наши солдаты грабили склад — таскали длинные мешки с луком и складывали их на крышах вагонов! Я был совершенно потрясен, когда увидел Алешу Воропая с такой ношей среди бела дня.

— К чему тебе это?

— Ты еще молодой, ничего не понимаешь! — было ответом, но дружба наша на этом оборвалась.

Тащили все во главе с нашим взводным. На станции Тотня была рота вызвана на поверку, — давно уже не было ни проверок, ни молитв. Капитан Кирсанов обошел фронт мрачный и нервный — все ждали грозы. Остановился против наших двух взводов и дежурному офицеру отдал

приказ под его личную ответственность:

— Послать наряд и в течение десяти минут сбросить всю эту дрянь с вагонов. Если повторится что-либо подобное — застрелю сам!

И ушел: вероятно, в течение пяти минут все мешки с луком были сброшены!

Мы шли в Полтаву. Мерно стучали колеса, эта музыка мне запомнилась на всю жизнь!

Полтава — все в снегу, все бело, так чистенько! Мороз... Состав роты вытянулся на третьем пути; нас утром вызвали на поверку с церемонией, впервые после похода под Орел. Бодро спели молитву. Командир роты капитан Кирсанов с дежурным офицером обошел фронт — длинным был фронт роты, тут были не только все взводы, но и отделение головного участка со всеми «комендантами», уже вернувшимися в роту после отступления. Затем было сделано перестроение: головной участок занял место у стен вокзала, а командир остался внутри, между обоими частями — все это на первом широком перроне Полтавского вокзала. Командир был мрачен, но первые его слова укрепили обычное к нему доверие — поблагодарил роту за тяжелую службу, что мы прошли последними на участке между Курском и Льговом. Против нас была и природа, и красные... Затем объявил приказ о выделении из роты броневспомогателя «Желбат-2» под командованием поручика Петра Иванченко, команда будет им сформирована к полудню завтрашнего дня, бронеплощадку и паровоз типа «ОВ» принять в депо, теплушки, оборудованные для жилья, принять от коменданта станции. Броневспомогатель «Желбат-2» будет исполнять распоряжения начальника головного участка, а в случае необходимости — начальника соответствующей бронегруппы, как броневспомогатель и как легкий бронепоезд, имея на вооружении восемь тяжелых пулеметов. Сказал, что надеется увидеть хорошую работу. С Богом! «Рады стараться, г-н капитан!» — рванули наши взводы в ту тишину морозного утра, в ту тишину, откуда слушали приказ. «Разойдись!» И все кругом зашумело...

Когда мы ночью проходили тот участок пути, что сказал командир, что «мы прошли последними», — уже снегу было столько, что щиты ограждения скрывались в нем, снегу было много и на полотне — после нас снег завалил полотно, — больше никто не прошел, а кто и прошел, то застрял у виадукров у Льгова, которые были взорваны нашей пехотой без координации и распоряжения «начальства» — соначальника военных сообщений, пехотное начальство боялось встретить на этом участке советские бронепоезда, но прежде, чем те могли прийти, угробили наши четыре бронепоезда в снегу у виадукров. Три на нашей линии Курск —

Льгов, четвертый на линии Льгов — Брянск — «Генерал Корнилов», «Офицер», «Иоанн Калита» и «Генерал Дроздовский». Команды ушли пешим порядком. Фронт там и замерз.

Зима, Полтава... Рота ушла на ст. Харьков — Южная, а мы стоим здесь в тупике, на формировании, в ожидании распоряжений... Теперь наш поезд состоит из двух частей — базы и боевой части, но сейчас это один состав (то есть поезд): впереди две контрольные площадки — шпалы, рельсы и все необходимое для починки пути на них; затем бронеплощадки, так называемый «гроб» — длинная, вероятно сделанная из угольной площадки с высокими железными стенками и железным перекрытием. На обе стороны по четыре амбразуры для пулеметов; на обоих концах площадки входные, в дверях тоже амбразуры. Пулеметы «виккерс» 4 на треногах, 3 «максим» на колесах и 1 «кольт» на треноге. Патроны в ящиках тут же рядом; свободного места мало. Снаружи на защитного цвета стенке красуется щиток «Желбат-2» на колесе со скрещенными ружьями. За бронеплощадкой паровоз типа «ОВ», за ним вагон с боеприпасами и всякой взрывчаткой; за ним пустая платформа, где был погружен паровой копер — кран (который мы никогда не смонтировали), вторая платформа — шпалы, рельсы, этим кончался боевой состав; дальше шли вагоны нашей базы: жилые теплушки, склады, кухня. Для путевой команды был большой вагон-пульман — 15 солдат со взводным из старых железнодорожников. Боевой состав обслуживался исключительно добровольцами. Поначалу я был электриком — положил по всем вагонам провода с патронами для ламп, но своей электростанции у нас не было — но был «Крючок», который набрасывался на сеть чьей-либо базы, тогда у нас было много света!

В теплушках жило восемь человек на двойных койках, одна над другой, два стола и посредине печь чугунная. Комплект нашей еще «полтавской» теплушки был на восемь человек, все харьковские — технологи, но нас было всего семь: Е. Ведерников, Трапезников, Нашиванко — ученый лесовод, Петр Калмыков, механик, я, один поляк, фамилию которого не помню, так же как того седьмого, который «потерялся» у Харькова. Подо мной было место свободно и с другой стороны тоже, так что стол нашей стороны практически был общим и жизнь вагона в пути проходила тут. Двери вагона на обе стороны — узкие, и лестничка железная, полное удобство! Я дружил с Е. Ведерниковым, он был на верхней койке моей половины — мы оба над столом, и оба в карты не играли, у обоих было окошко рядом — рамы этого окошка были покрыты инеем по утрам, покуда печка не разгорится хорошенько. Было

нас человек сорок, фельдфебелем был кубанский казак из инженерной роты.

Командир, Петр Иванченко, и его помощник поручик Кутепов (он пришел к нам значительно позже; будто бы племянник генерала) жили в теплушке, разделенной пополам; там же в половине вагона была канцелярия, штаб. После ухода роты мы еще простояли несколько дней в Полтаве, можно сказать, жили беззаботно.

Полтава. Пошел однажды в город — я же должен был видеть кадетский корпус. Ведь тут учились с малых лет и папа, и дядя Вася, здесь дедушка Саша Мудрый был инспектором классов; сюда меня трехмесячного привезла мама, чтобы внука-крестника показать... Здесь был экономом полковник Петров, которого я встретил уже в Буэнос-Айресе, который знал и Юру, и Васю, помнил прекрасно Александра Васильевича — деда... Все закрыто, все в снегу, громадный парк позади здания... Морозно, ни души на улицах.

Благодеяние наше было нарушено — приказ из роты: идти на Харьков — Южную. Есть! Уже был поздний вечер, поужинали и покатили. Привычно стучат колеса, хорошо спится под их музыку, только пустой «гроб» тархтит, но и там наполовину спали... Вдруг — под колесами рвутся петарды, с одной стороны и с другой... Стоп! Подкатили к ближайшей будке сторожа. «Желбат-2 — приказ Нач-Во-Со [Начальник военных сообщений] — принять немедленно станцию Харьков-Мерефа», — по телефону нам лаконично передали. Есть Мерефа!

Наутро мы были в Мерефе — это товарная станция Харькова — громадная станция, все забито поездами, свободен только один путь, что у перрона! С трудом вкатили наш поезд в тупик, что у станции. Командир (Петя) пошел «принимать» станцию, но оказалось, что мы как распорядительная сила в помощь коменданту специально для отправки поездов на юг, и Петр получил полномочия — все рвутся на юг! Но: 1) санитарные летучки и беженцы, 2) поезда, груженные зерном, 3) поезда — базы воинских частей — эти рвутся вперед! 4) воинские части.

Контроль «излишних» вагонов, прицепленных к поездам: зерно и продукты отцепить и посылать с поездами — зерно. Беспощадно, под угрозой пулеметов! Тут мы узнали, что 27 ноября 1919 года генерал П. Н. Врангель принял главнокомандование армией — «на откате»! Нач-Во-Со в непосредственном распоряжении штаба, и первое распоряжение — порядок на железной дороге! Вот мы потому и прибыли в Мерефу. Приказ был принят с большим облегчением и надеждой на то, что в руках Врангеля и отступление пройдет благополучно. Команда наша в этом

отношении очень благонадежна была и, имея приказ и полномочия широкие, подтянула всех торопящихся на юг, поотбирала вагоны зерна и всякого добра в вагонах, перебрасывали их к зерновым поездам. И только в одном случае был большой скандал — база бронепоезда «Волк» имела 11 вагонов, главным образом груженные зерном, — это же откровенный грабеж! Пришлось на выходных стрелках поставить пулемет для острастки — хотели сами уйти, вне очереди. Подошла боевая часть «Волка» — хотели идти вместе с базой! Нет, — но тут пришлось просто испросить приказ свыше — «Волк» уйдет последним! Но они нам впоследствии отплатили — не забыли! Страшные впечатления оставляли поезда с беженцами, перегруженные донельзя, женщины, дети — зачастую откровенное хамство со стороны солдат и торговцев продуктами питания, но все же эти эксцессы были как исключение. Все было тяжело в этих условиях. В течение двух дней мы разгрузили Мерефу, был слух, что нам грозит та же «работа» на станции Лебедин, но нас послали на Лозовую. Стучали привычно колеса, мы отсыпались...

Лозовая — громадная станция Южных Донецких дорог. «Людской материал» уже прошел, стояли бесконечные поезда — с чем? Приходилось открывать и разделять отправку на юг. В тупике перед станцией стоят четыре вагона — мы давно видели! Что там — открывать! Полно человеческих трупов! — хвост санитарной летучки — тифозные! Паровоз вытолкали на запасные пути и там сожгли...

Лозовая — для меня была трагическая страница жизни! Петя заболел тифом: большая температура, часто бредил. Пришлось устроить его в санитарную летучку — куда он попадет? Ушла летучка. Петя в последний момент мне успел передать конверт из полевой книжки. «Это передай Зое Романовне!» Я его передал маме в мае 1926 года в Варшаве. Вместо Пети к нам прислали поручика Окишева, мы его прежде не знали, но легко с ним сжились.

Неожиданно условные тревожные гудки нашего паровоза слышим — спешно возвращаемся на поезд; подождали, чтобы кто-либо не остался. И уже опять стучат колеса, поют свою песенку — приказ: «Спешно на станцию Волноваха, принять позицию как легкий бронепоезд!»... Это далеко, почти Донецкий бассейн... В подчинение соответствующей бронегруппы. Шли всю ночь, спали. Наутро вкатили на маленькую станцию, четыре пути — название не помню, но впечатление незабываемое: сплошь вагоны-ледники, белые, всюду охрана — что же это? Оказывается, «харьковская тюрьма эвакуируется»! Сплошь тифозные, трупы, грязь!.. Прошли на выходные стрелки, чтобы не стоять около этих

составов. Командир на станции выяснял обстановку, коменданта не было уже, а железнодорожники чистосердечно и доброжелательно нам сообщили, что дальше нам идти на Волноваху нет возможности: следующий перегон уже два дня тому назад перешел к красным, что мы практически уже в тылу у них.

«Беги на поезд — поднять полный наряд и перейти на западные выходные стрелки. Попробую связаться с Лозовой по телефону». Опрометью я помчался на поезд; через полчаса вернулся командир — получил новый приказ: «Спешно — станция Синельниково, ждать распоряжений». Это значило вернуться на Лозовую и идти дальше на юг. Боевая смена в площадке, тревожно, кругом бесконечная степь под покровом снега, ковыль под ветром склоняется. Идем полным ходом. Лежу на койке у своего окна, и горизонта в степи не видно, все сливается с небом одноцветно. Настроение поганое. На первом же разъезде проделали маневры и перекинули паровоз и бронеплощадку вперед. И несемся дальше — чтобы прийти на Лозовую раньше, чем красные!.. Удалось; эта громадная станция была полупустая. Сопровождал командира на станцию. Он связался с Нач-Во-Со: «Хорошо, что добрались, позади никаких войск нет, красные в трех перегонах, снять коменданта ст. Лозовая, следовать на Синельниково».

Перекинули бронеплощадку в хвост поезда — на случай, если нас догоняли бы! — приняли коменданта со скромным скарбом и помчались на юг. У одной сторожевой будки встретили пехотную заставу, дальше в глубокой выемке притаился бронепоезд — крючком подвесив свой провод телефона на нижний, что бежит между столбами, — этот связывает смежные станции. Взаимно откозыряли — и пошли дальше. На станции другой бронепоезд. Как обычно, командир зашел к коменданту — это уже был офицер нашей роты, по телефону получил подтверждение приказа. И покатили мы дальше. Помню, где-то в пути нас «остановила петардами будка» — телефон, заставка пехотная. Приказ: «Выждать впредь до распоряжения!» Оказывается, ожидали прорыв красной кавалерии. Было неуютно — лежали мы в дозоре — на всякий случай! — дул ветер со степи. Ночь. Так простояли часа два, пока пришел «отбой» по телефону. Покатили дальше. Тут поблизости батька Махно в своей области, можно ждать всякой неожиданности, вплоть до взрыва пути. Идем с осторожностью! И мне приходилось иногда сидеть на контрольной площадке впереди поезда в гнезде из шпал, чтобы наблюдать за полотном — там все были «прямые» бесконечные... далеко видно. Пошли перелески, местность холмистая, живописная, тут снегу еще не было. Где-то вправо за буграми должен быть

Днепр, но далеко. Синельниково — большая узловая станция. Еще много зерновых составов, и отправляли их почти «впритык» на юг. Нам приказ «без задержки» на ст. Мелитополь! Весь длинный перегон мы проделали ночью, так что никаких впечатлений, как «скорым поездом» шли, спали! Прошли Александровск, что на Днепре, и все «по левому пути» — он свободен, по «правому» зерно в Крым идет. На Синельниково к нам прикомандировали второго офицера — поручик Кутепов, а комендант из Лозовой там остался — отоспался у нас. Рано утром однажды проснулись на ст. Федоровка — один перегон до Мелитополя, там штаб Нач-Во-Со. Неподалеку от станции город. Кругом немецкие колонии, немецкие названия их — вижу по карте. Потихоньку втянулись на станцию — на предпоследний путь. Масса путей — до вокзала далеко. И все стоит зерно! На юг! Штаб Нач-Во-Со, поезд в тупике у вокзала; сопровождал туда командира поезда. Уже знаем, что нам приказ: «В Крым, ст. Джанкой» — ожидаем «путевую», то есть час отъезда. Тут стояли два дня, даже в город ходили. Много садов. Провинция. Когда бродили по городу, то чувствовали, видели, слышали — как люди живут своей жизнью, нормальной своей жизнью, помимо нас. Или мы живем, двигаемся, переезжаем с места на место вне их интересов, вне их жизни!

И вот мы уже в Таврии, а давно ли были под Орлом. И приказ: «В Крым!» Там вправо от Орла было начало отката на юг, на стыке марковцев и казачьих частей — ушли казаки домой! Красные обрушились на марковцев и смяли их; не было никакого заслона позади их, кроме того, там не так давно прошел так называемый «Казачий рейд» еще по тылам красных, но пострадало местное население. Результатом было то, что нашим не то что помочь — воды не хотели давать. Были точно мертвые села — мы не видели этого, мы на рельсах, а пехота — марковцы были потом в этом районе. Такой обстановкой дух не поднимешь — и бросили их, ушли домой! А марковцев почти не стало! И вот мы здесь в Таврии, Мелитополе.

И кто знал, что Мелитополь врежется в память. Уж мы знали, что завтра уходим на рассвете по левому пути, от станции к станции, когда путь свободен; по правому пути идет зерно.

Этой ночью наш вагон был в дежурстве; после полуночи несли охрану снаружи Нашиванко и я, он со стороны вокзала, а я между нашим поездом и зерновым составом на последнем пути. Какой-то вагон был там. Стал падать снег, так тихо, волшебное! Вспомнилась роща за Корпусом, на лыжах и тихий снегопад... Красота!

Что-то показалось странное у конца нашего поезда, пошел туда по

снегу, и не слышно. На другой стороне «зернового» какая-то возня, взглянул под вагон — стоят четыре телеги, две уже загружены мешками, одна у вагона, и грузят в нее прямо из вагона, четвертая пустая, в очереди. Пролез я под соседним вагоном на ту сторону, вижу четырех мужиков — очень заняты, торопятся! Щелкнул затвором. «Стой, руки вверх, стрелять буду!» Видимо, не ожидали такого афронта, замерли... А что я с ними четверыми сделаю, если захотят, сомнут меня — но, видимо, не решились, кому-то в брюхо пошла бы пуля! Вызвать наряд — дал выстрел в воздух! Через минуту уже тут был Нашиванко, затем все дежурство — десять человек! И командир пришел — я ему доложил по форме, что было, почему стрелял — мужики в плач:

— Родимый, так мы же не крадем, мы деньги платили! Все по совести!

— Кому платили? — рычит Окишев. — Грузи все обратно в вагон, потом говорить будем.

И вынул наган для острастки. В два счета все мешки были в вагоне, поработали мужики. Закрыли двери вагона.

— А кто пломбу сорвал? — спрашивает поручик Окишев, уже успокоившись.

— Он и пломбу снял, кто деньги брал.

— Кто такой? Откуда он?

— Сказал, что тут он старшой, что рядом стоит! Покуда грузили две подводы, что уже ушли, — он тут был.

— Каков был — говори, и отпущу вас.

— Должно быть, казак, повыше вас будет, усищи во какие!

— Пошел отсюда, Бога благодарите, что не расстрелял тут вас всех!

Видимо, кони поняли, в чем дело, — понеслись в темпе.

— Ребята — три минуты — окружите поезд, если он побежит — стрелять без жалости.

Командир взял с собою двоих и направился прямо к вагону, где был наш фельдфебель, кубанец, прежде инженерной роты кубанского войска. Командир с наганом в руке вошел в вагон, что были с ним, остались на площадке. Мы с Нашиванко, как положено, были каждый на своей стороне вагона — потому все слышали дословно. Там жило семеро, все были пьяны вдребезги. Половина уже спала. Кубанец, как нипочем, по форме приветствовал командира.

— Собирай вещи в мешок, ты арестован за продажу пшеницы — ты знаешь, что тебя ждет. Передаю тебя коменданту станции.

— Господин поручик, так что мы поделились поровну.

— С кем ты делился? — взревел Окишев и обложил его по-солдатски.

— Так что, поручик Кутепов знал, только просил, чтоб все шито-крыто было и быстро!

— Выходи! Скотина! Назначил четырех.

— Ведите на первый перрон и там меня ждите! Побежит — стрелять.

Под винтовками наперевес пошел кубанец. Приказал вагон запереть на замок.

— Утром — в наряд, чтоб чисто в вагоне было!

Командир всех отпустил, а сам отправился в свой вагон, где во второй половине жил Кутепов (офицеры, их было два, жили тоже в теплушке, но с большим удобством, чем мы). Что там говорили, мы не слышали, но через пять минут командир вышел, за ним поручик Кутепов с чемоданом. Только было слышно, что Кутепов сказал Окишеву:

— Ведь я племянник генерала!

— Это надо было думать раньше, объясняться будете у коменданта! — оборвал наш командир.

Обоих сдал командир коменданту станции под расписку и оповестил Нач-Во-Со о случившемся.

В шесть утра мы сдали дежурство, через полчаса полным ходом шли на юг. Наш вагон спал вплоть до остановки. Все было в прошлом; а вправо в степи было знаменитое имение Фальцфейна, по свежему снегу, по траве бродили громадные дрофы, поезд их не беспокоил — сколько их проходило тут; и ярко освещенные «курьерские» проносились тут на Южный берег Крыма. Мелькали станции одна за другой. Вот Чонгар — затем мост через Сиваш, станция Таганаш и к вечеру Джанкой. Подкатили на соседний путь с составом нашей 1-й роты: перекинув крючок на провода роты — и мы осветились ярким светом. Мы в Крыму!

Джанкой. Январь 1920 года. На первом пути — штабной поезд: много синих вагонов «первого класса», два салона видно. Вечером все залито светом. Строгая охрана: это поезд генерала Слащева-Крымского. Эту приставку он получил за оборону Крыма, все было в его руках — кто мог, тот уходил отсюда со своим составом в глубь Крыма — тут было очень строго. Если кого-нибудь захлопали без разрешения в городе — наверняка отсиживали на «губе». Строго преследовалась спекуляция — однажды в городе было повешено десять солдат, висели два дня на площади!

Составы с зерном прошли на Феодосию и на Симферополь — здесь оставались только воинские эшелоны. Шла реорганизация воинских частей. Наша 1-я рота «Желбат-2» стояла тут. Наш поезд «сократили»: половину персонала перевели в роту и в штаб батальона — все из моего вагона ушли, но к нам влили более молодое «пополнение» во главе с

Алексеем Воропаем — мы оба были рады снова встретиться! Компания подобралась очень хорошая, многих фамилий сейчас уже не помню, жили мы дружно и, главное, радовались тому, что нас все же от роты отделили — и послали на станцию Таганаш. База — то есть один пульман, четыре теплушки, вагон-кухня и вагон-склад — оставалась на станции, а боевой состав, то есть бронеплощадка, вагон-склад, паровоз и четыре контрольные платформы — каждую ночь выходил на позицию у моста через Сиваши или на станцию Чонгар — она была в то время головной, покуда еще шли эшелоны из Мелитополя. Каждую ночь выходила одна смена — 10 человек, другая отдыхала в базе; там же была и путевая команда из 20 человек. Покуда мы были при роте — питание шло из одной кухни — шрапнель (перловая каша), камса, такая мелкая рыбешка соленая, гнусное питание! На Таганаше наш хозяйственный каптер завел знакомство в поселке — и кормил нас хорошо. Днем на позицию приходил бронепоезд «Волк» — «знакомый» нам по Лозовой. Он ходил и до Ново-Алексеевки, покуда не закрыли в Крыму. Поручик Окишев обычно не выезжал с нами, покуда еще было движение с севера: телефон нас связывал с базой. Стоянки у моста были не тяжелы — тепло было в бронеплощадке тем, кто не нес службу снаружи: трое, по очереди — всегда были снаружи: двое впереди и один на паровозе: вахту стояли по два часа. Сменишься — и отогреваешься в площадке, и засыпаешь мгновенно! Одеты мы были хорошо, наружу в полушубках, в валенках, папах...

...Еще мы стояли на ст. Чонгар, на выходных стрелках на север, когда прибежал вестовой от коменданта — предупредить, что он ночью уходит с нами и что к полночи на паровозе подъедет командир. Это значило, что красные приближаются с севера. Поручик Окишев вызвал Воропая и меня — быть готовыми взорвать мост, сообщил, что заряды уже заложены раньше, надо найти там провода и включить «машинку». Когда поезд перейдет на крымскую сторону — ждать приказа. Мы спустились под мост, проверили заряды, нашли провода, по ним вышли на наш берег и поставили в кустах «машинку». После полуночи наш поезд прошел над нами — там высокая дамба к мосту — и стал на обычную стоянку у сторожки, там телефон. Ждем... дважды зажегся фонарь и еще раз — «огонь». Резко опустили рукоятку «машинки», взрыв — сыпятся всякие осколки вокруг. Мост взлетел и тяжело грохнул в ночь. Мы отрезаны от континента...

Командир откозырял нам и ушел на своем паровозе вместе с последним комендантом. Сегодня мы не несем наряда снаружи, намерзлись в снегу. Спим — и еще раз взрыв моста — во сне...

На рассвете подошел «Волк» по другому пути. Мы потихоньку «снялись» и пошли на базу в Таганаш. У сторожки, как всегда, нас провожала застава Самурского полка славной 34-й дивизии ^[156] генерала Ангуладзе, ^[157] которая вынесла на себе всю оборону Сиваша, что у Чонгарского моста.

Таганаш. Это тоже эпопея: как в калейдоскопе, громоздятся воспоминания, даже даты уже не помню теперь, общий фон — снег, все бело, много снега! Морозно. И теперь, когда мы «закрыты» в Крыму — не каждый день выходим на позицию к мосту, — нам даны иные задачи: и постоянного, и спешного характера. И так было лучше — мы были дружны, были подтянуты, мы были заняты работой... А ведь когда у каждого в душе сознание, что нас приперли к морю, в Крым — рефлекс был разный: много было труда привести воинские части в надлежащий вид, удержать дисциплину, сократить эксцессы; было всего достаточно... кормили плохо — «шрапнель» да камса! На выходных стрелках на север, пройдя Таганаш, сколько раз мы видели однопутный путь влево; была глубокая выемка, и не было видно, что было там, дальше...

Однажды утром — уже все было налажено вплоть до утренней и вечерней молитвы; как пели — бодро и истово! — обычная церемония проверки, рапорт командиру, наряды — и бывало «разойдись!». А тут командир задержал эту команду, готовую в устах фельдфебеля.

— Начиная с завтрашнего дня команда «Желбат-2» принимает постройку железной дороги Джанкой–Перекоп, как технический персонал 1-й роты «Желбата». Командир роты совершенно уверен в быстром ходе работы.

Затем следовали детали: час отъезда, без оружия, взять с собой котелки, ложку и т. д. — что само собою разумеется; что обед на месте работ, уже на базе; что «рабочая сила» придет из Джанкоя, так же как и материал; что мы станем старшинами рабочих групп; что работа уже начата раньше и планировка сделана.

— Воропай, Липеровский — головная группа: открыть пикеты, наладить укладку шпал и рельс...

Шли все остальные работы и определение старшин к ним... Тут нам вспомнились уроки нашего первого командира поручика П. Ивашкевича о постройке пути, что он нам читал у Нежина... Так вот почему на третьем пути стоит длинный поезд со шпалами и рельсами! Еще было совсем темновато, когда паровоз «ОВ» потащил недлинный поезд товарных вагонов по тому самому пути, что уходил влево. Прошли выемку — и перед

нами открылась широкая степь — все бело, снег! Поезд идет очень осторожно! Гора шпал, рельсы, инструменты. «Выходи!» Оказывается, с нами сюда прибыл инженер, который ведает работой. По списку вызывает старшин, кратко объясняет, что делать. Первыми головная группа — вручили нам красно-белые трасирки, дали еще двух солдат — и мы первыми ушли в степь — искать пикеты: все в глубоком снегу! Пикет — столб с номером — каждые 25 саженей на прямой, и чаще, в зависимости от рельефа местности. За нами обрисовалась линия оси полотна! Интересно! В полдень свисток паровоза нас звал на обед. «Шрапнель» и камса, но если хочешь добавки — пожалуйста! И целый хлеб. Не ахти как, но сытно! «Рабочей силы» сегодня не много — грузили шпалы на платформы. «Рабочая сила» прислана со ст. Джанкой из стоящих там воинских эшелонов — обед будет только там, на работе! От начальников наших узнали, что наша 1-я рота «Желбата» ушла в Симферополь, что завтра тут много будет «рабочей силы»; потому мы готовили головной участок в пикетаже. После обеда мы с Алексеем дошли с пикетажем до «имения» — не помню названия. Тут должен быть «рабочий» разъезд; наметили место стрелок и крестовин — на это уже были чертежи и пикеты.

Как мы доехали вечером на базу — не помню: мы спали как убитые; поужинали на базе и спали до ранней побудки завтра. И снова выезжали на постройку. «Рабочей силы» был просто муравейник — так что снег оказывался утоптаным у возникающего полотна дороги. Сначала, конечно, были большие затруднения, ведь люди совершенно не знакомы с этой работой. Но все наладилось — так что дня через четыре уже в группах объявились помощники нам, и работа шла успешно.

По обозначенной линии между пикетами одна группа клала шпалы — целая цепь людей несли шпалы на плечах! За ними шли рельсы. Это была самая тяжелая работа — но было холодно, мороз — если не работал, тогда мерз. Рельсы «пришивались» сначала только двумя костылями, только чтобы закрепить; группа позади выравнивала по шаблону и «шила» как положено каждую шпалу с железными подкладками, соединяла на четыре болта. И затем — уже паровоз поезд с материалом подталкивал вперед и вперед. И это все просто на утрамбованном снегу! Пустым составом нас увозил на базу, остальных в Джанкой. Не помню, чтобы поезд сошел с рельс! Это был муравейник — гудел всякими голосами, вплоть до многоэтажной брани — но работа двигалась! Работа уже шла автоматически, потому что выделились группы на каждую отрасль. А те, кто прибывал как «новые» силы, шли на разгрузку-погрузку. Кто только не перебивал здесь! Даже появились «представители» из базы бронепоезда

«Волк» — никого не миновала эта работа. И как новым — им пришлось нести рельсы на головной участок — так в своих кубанках с гиканьем, и криком, и матом, конечно. Потом из них образовалась хорошая команда забивать костыли — играючи гнали их в шпалы!

Уже было почти к отъезду — смотрю, среди казаков с «Волка» такая знакомая мне фигура, тоже смуглый, но это не ему эта работа — это вижу: «Дядя Боря — так это же ты!» — «Володя!» Положили рельсу казаки — и замерли, а мы обнимались. Очень встреча их растрогала — сейчас же водкой потчевали — она у них всегда была. Возвращались в поезде мы с дядей Борей вместе, не спали.

Дядя Боря — мамин старший брат. Гимназию в Варшаве окончил с золотой медалью и затем в Петербурге Горный институт тоже с золотой медалью. Мы с ним встречались в Кошелевке у бабушки. Служил в Донском бассейне директором шахты в Рутченко, прежде был в Юзовке. Он пережил революцию на шахте, а затем, когда пришла Добровольческая армия, то он записался добровольцем — вольноопределяющимся и поскольку чина офицерского не имел, то был послан сюда на работу. Мы виделись только два дня — и их неожиданно «сняли» со ст. Джанкой и перевели по линии на Феодосию. Но и мы не остались на месте. Это было в конце января 1920 года. В полдень чины нашей команды получили приказ спешно вернуться на базу — работа уже могла идти с успехом с выученным персоналом.

Наш командир поручик Окишев вызвал Воропая и меня и отдал приказ: «Спешно и секретно подготовить боевую часть к отъезду на юг, рано утром завтра». База останется на Таганаше; вообще об отъезде, как таковом, может знать только боевая команда, которая уже ночует на боевом составе. Комендант станции знал об этом приказе, так что мы без задержки произвели маневры, поставив бронеплощадку на юг, как исключение теплушка командира шла с нами, за паровозом, за нею склад и задние контрольные площадки. Команда 12 человек, спали одетыми, конечно; как всегда, внешняя служба снаружи. Перед шестью утра командира вызвали к телефону. «Отход в шесть, никого не будить! — распорядился поручик Окишев. — Ст. Джанкой проходили без остановки, путевую и приказ принять с мачты!» Мачта — это столб с приспособлением для передачи «жезла с путевой» для курьерских поездов, которые тут ходили прежде. Для скорости и ради секрета нам приказ был передан этим способом. Приказ был короток: «Занять участок ст. Курман–Кемельчи — мост реки Салгир». Сначала была степь, а потом предгорье крымских гор. Станция у подножия гор, очень живописно кругом. У коменданта наш командир

получил разъяснительный приказ: «Охранять железнодорожное полотно, станцию и, главное, мост через реку от возможного нападения повстанцев, возглавляемых капитаном Орловым». Выставили охранение у моста, оставался я там, а поезд гулял потихоньку туда и сюда. Был полный покой, так мы простояли там два дня. Получили приказ: «Отбой, вернуться на базу». Всю дорогу спокойно спали. Получили три дня отдыха. Потом вернулись на работу на постройку дороги Джанкой — Перекоп. Все это время там работала наша команда пути.

На постройку мы не вернулись — калейдоскоп повернулся иначе! Только кончился наш отдых — затребовали половину нашей путевой команды спешно на базу. Нас «спешили», после полуночи все были погружены в сани, и весь длинный обоз вышел за поселок. Куда мы идем, никто сейчас не знал; на вооружении были винтовки и четыре пулемета «люис» из комендатуры станции. Кругом была монотонная степь под покровом снега, даже удалось спать в санях. Даже время как-то потерялось — какое-то небольшое поселение, там нас кормили, распределили по хатам. Охранение ушло вперед, куда — не знаю, всюду бело! Но по хатам-то нам рассказали, что было: тут была застава из казаков, впереди Арабатская стрелка, отмель в Азовском море. Казаки пошли «домой», говорят, что увели с собою генерала Ревина; ушли все заставы, что стояли против Арабатской стрелки. Тогда стала понятна та спешка нашей отправки сюда! Посидели мы и в «окопах» совсем у замерзшего моря. Была полная тишина вокруг! Потом опять поехали, и через два дня нас сняли, сказали, что нас сменили, — не видели мы никого. Мне кажется, что только один из всей команды был очень доволен — это наш хозяйственный каптер: говорит, ему удалось заказать «жратву» в обоих поселках — приближалась Пасха! А он у нас «дальновидный» был!

Много, много лет спустя в журнале «Морские записки» № 42 я прочел статью лейтенанта Н. Кадесникова [\[158\]](#) о боях канонерской лодки «Терец» у Арабатской стрелки, на подступах к Геническому, в середине февраля 1920 года. «Терец» совершенно вмерз в море, во льды, положение было критическое: красные напирали упорно, неоднократно, пытаясь прорваться в Крым. Тогда стало известно, что казаки-кубанцы ушли с позиции «домой», к красным, захватив с собою и генерала Ревина. Своим уходом с позиции кубанцы открыли прямой проход на ст. Джанкой, в Крым. Жидкие роты 13-й пехотной дивизии [\[159\]](#) были расположены правее по берегу, а сюда на защиту Арабатской стрелки подвезли нас.

Сопровождал нас унтер-офицер пехотинец. «Братцы, тут за кустами

окопы, тут казаки лежали, да подались домой, тут и устраивайтесь. Как рассветет, так увидите, что Арабатская стрелка прямо перед вами. Ну и ждите! Счастливы!» — и ушел. Никаких окопов не видим, снегу больше метра насыпало, и кусты почти завалены. С рассветом действительно мы осмотрелись и устроились — просто в снег закопались, за кустами для пулеметов выбрали удобные позиции. Уже с раннего утра была слышна канонада прямо перед нами — это отбивался «Терек» из последних сил своей команды, и последними снарядами... И отбили все атаки красных... Так мы пролежали в снегу, все на стрелку смотрели и ждали прорыва... Слева Сиваш — Гнилое море, справа замерзшее Азовское море. Всюду бело и абсолютная тишина у нас; только канонада оттуда слышна издалека — и когда смолкла, тогда нас и вернули на базу.

Да, благодаря этой поездке «в окопы» на Пасху был у нас пир горой на базе: сюда в тот поселок, что проезжали — артельщик наш вместе с поваром: не раз заезжали и всякого добра съедобного по знакомству приобрели. Все главным образом «за соль» — это была лучшая валюта. А добыча соли была на другой стороне Сиваша, там, куда мы в дозор вечерами ходили...

На постройку вернулась только путевая команда, а мы стали опять по ночам выезжать к мосту боевым составом; знали, что у Перекопа шли бои, ожидалось, что и здесь красные будут шевелиться. Но на полуострове у станции Чонгар, за мостом, никого не было, мы ходили в разведку. Пусто!

Однажды ночью с нашим командиром приехали офицеры, ходили вниз, где лежала форма моста, — и «остались очень довольны», как нам сказал Окишев. Через пару дней половина путевой команды стала являться к нам с составом платформ, нагруженных балками, шпалами и инструментами. Этот состав по соседнему пути подгоняли к самому мосту. Разгрузка шла в полной тишине и с запрещением курить. С той поры, что сюда гнали материал, нас четверо с легким пулеметом ходили на ту сторону в дозор. И оттуда ничего не было слышно, что у нас шла работа; еще до того, что начинало светать, рабочего поезда как не бывало! Днем вся команда спала, а ночью выезжала опять. Мы уже знали, что есть приказ: «Мост на Сиваше восстановить!» И каждую ночь кипела работа; каждую ночь когда мы возвращались из дозора, то видели, что прибавилось. Действительно, «все остались довольны» — Сиваш, как таковой, мелкий, и форма моста чудесно легла на дно так, что просто на форме можно было начинать укладку сначала длинных шестиметровых балок и затем на них поднимать целый ряд клеток из шпал, клетки между собой связывались балками, и все крепилось железными скобами. Кругом уже была яркая

зелень, цветы.

Не мешали нам в этой работе, поразительно — красные были на ст. Джилук и дальше на север. Здесь на ст. Чонгар нам было знакомо все — просто как ничья земля! Однажды ночью мы обнаружили там у выходных стрелок три вагона. Осторожно открыли — полно бумаги, газет советских. Утром вернулись на базу — к этому времени уже закончили мост! — только мы собрались, кто-то ворвался к нам в вагон с газетой: «Смотри, твой отец нашелся!» — «Где, что ты?» — «Вот, в газете написано: отряд белых, отступавший из Одессы, пришел к Днестру. Артиллерией командовал полковник Липеровский». [\[160\]](#) — «Ну и...» — «Что дальше? На другом берегу Днестра румыны. Что было дальше?» — «Да, верно, это не сказано, что дальше». Так я узнал, что папа ушел из Одессы. А что было дальше?..

Это я узнал только через два года, и то схематично, не полно; а через пятьдесят лет с лишком мне были написаны все подробности ухода из Одессы папиным адъютантом Ник. Кир. Мациевичем. Уход, переход через Днестр, плен у румын, его благополучный исход и — Белград. Югославия. Затем Польша... В Одессе обещали батарею, да так и не успели организовать, как пришлось уходить...

В. Альмендингер

ОРЛОВЩИНА [\[161\]](#)

В половине декабря группа генерала Слащева (3-й армейский корпус [\[162\]](#) и другие части) отошла на крымские перешейки. На перешейках было мало жилья, зима была жестокая (мороз до 22°C), наши и красные части были мало приспособлены к позиционной войне. Войска на фронте истекали кровью, и требовались подкрепления. Между тем во всех городах Крыма к этому времени скопилось большое количество офицеров и солдат — больных, раненых, выздоравливающих после болезней и ранений. Кроме того, было много лиц, скрывавшихся от фронта. Было необходимо привлечь в строй возможно больше людей. Генерал Слащев, будучи в двадцатых числах 1919 года в Севастополе, предложил герцогу С. Лейхтенбергскому, князю Романовскому, прикомандированному тогда к штабу командующего Черноморским флотом, «состоять при нем» для связи с морским командованием. Штаб флота согласился отпустить князя, и позже, после переговоров с князем, генерал Слащев, как «начальник обороны Крыма», назначил его «заведующим корпусным тылом и формированиями».

Интересный момент, характерный для Слащева и тогдашней обстановки, сообщает князь. Перед тем как случилось его назначение, произошло, по сообщению князя, следующее. Генерал Слащев, приехавший в Севастополь, остановился в гостинице «Кист». Рано утром князь был разбужен, и явившийся к нему капитан Мизерницкий, [\[163\]](#) начальник конвоя генерала Слащева, передал просьбу генерала прибыть к нему в гостиницу. «Войдя в апартаменты генерала, вижу его быстро идущим ко мне навстречу, и, остановившись в трех шагах от меня, рапортуя по уставу, он представляется мне, — пишет князь. — Признаюсь, я смутился. Но этого, видимо, оказалось генералу мало, и он, все так же официально, стоя навытяжку, вдруг говорит: «Предлагаю Вашему Высочеству взять оборону Крыма в свои руки, мой корпус всемерно вас поддержит, с моряками я сговорюсь. Армия разваливается. Ей нужно новое имя — имя, связанное с Добровольческой Армией и с прошлым нашей Империи». Я поблагодарил генерала за внимание и категорически заявил ему, что я к такой роли не только не подготовлен, но и не представляю себе, как такая идея могла прийти ему в голову. «Из всех Вы единственный,

который остался с нами, все... ваши за границей, за границей и Великий Князь Николай Николаевич — Ваш отчим, которого мы ждали. К кому же нам обращаться? К тому же мы вас знаем по Николаеву, мы вас оценили и полюбили». Я повторил мой категорический отказ от предложенной мне великой чести и также категорически просил Слащева оставить этот разговор между нами, что генерал мне и обещал».

По уговору с генералом Слащевым князю предстояло: «1) усилить личный состав корпуса путем мобилизации; 2) усилить его артиллерию морскими орудиями; 3) согласовать работу «разведок» и 4) деятельность Края с насущными потребностями Армии, защищающей подступы к Крыму». 24 декабря князь отбыл из Севастополя в Симферополь (временно), как пишет князь, «для организации связи с Управлением Края, мобилизации военнообязанных и волонтеров, из состава которых и должен был образоваться «енный» Крымский отряд, который должен был влиться в ту или другую группу наших войск образовывавшегося Крымского фронта (на Перекопе и на Чонгаре)».

Между прочим, в своем сообщении князь отмечает интересную подробность: «Еще при наших встречах в Севастополе я просил «моего» генерала точно установить приказом: а) наименование и предел полномочий моей должности, б) прислать в Симферополь хотя два взвода, которые служили бы мне опорой и стержнем мобилизующихся частей, в) связаться с элементами его разведки, дабы и мне быть в курсе дел... Все это было мне обещано, но не выполнено, благодаря чему я оказался в этом городе скорее туристом, чем начальником весьма ответственного военного образования».

Очутившись в незнакомом ему городе, князь отправился на поиски ротмистра Муфти–Заде, ^[164] которого он знал давно по Ливадии, когда эскадроны Крымского Конного полка были там на охране. Вот как описывает князь свои первые шаги в Симферополе: «Муфти–Заде принадлежал, как мне говорили, к знатной татарской семье, к тому же состоятельной и в Крыму хорошо «котиравшейся». Он меня сразу же пригласил поселиться у него на дому. Таким образом я вошел в его семью и мог присмотреться к ее быту и уюту.

Доверяя хозяину дома, я сообщил ему о своей миссии в Симферополе и спросил, кто здесь обладает достаточным авторитетом в военной среде, чтобы взять на себя, под моим руководством, дело формирования Крымского отряда, предназначенного для обороны Крыма. Не колеблясь, Муфти–Заде ответил мне: «Конечно, пригласите Орлова. Он молод и очень популярен, я его знаю и, если вам угодно, я приглашу его сюда для встречи

с Вами». Я согласился. Встреча состоялась в тот же день, и, выслушав меня, Орлов согласился взяться за формирование этого нового «крымского отряда». Орлов произвел на меня скорее благоприятное впечатление. Он неглуп, скорее угрюм, а об его характере и военных талантах я решил судить по результатам его работы».

Итак, совершилось то, чего Орлов, имея уже некоторое окружение, не мог получить так легко. Он совершенно неожиданно получил в свои руки не только возможность создать для себя силу, с которой он сможет провести в жизнь свои мысли, но, что очень важно, получил авторитет князя и тем самым как бы благословение генерала Слащева и законность его формирования. При наличии в Симферополе в этот момент, в чем нельзя сомневаться, более опытных офицеров с «достаточным авторитетом в военной среде» жребий пал совершенно случайно на капитана Орлова — «он молод и очень популярен». Популярность Орлова сыграла главную роль.

Говоря об «окружении», вспоминаю разговор с поручиком Н. Турчаниновым, Симферопольского Офицерского полка, большим другом капитана Орлова по гимназии и по полку. Он рассказывал мне, как ему пришлось присутствовать на тайных собраниях на квартире Орлова (это в период перед назначением Орлова). На этих собраниях присутствовал всегда Марковского пехотного полка капитан Ник. Дубинин и еще другие неизвестные ему лица и разрабатывалась схема действий. Между прочим, как он говорил, характер этих собраний если не был революционный, то, во всяком случае, был близок к этому: разрабатывались воззвания всякого рода и т. п. Поручик Т. возражал против всего виденного, но Орлов не внимал, будучи уже под влиянием других из его окружения.

Для штаба формирований была предоставлена гостиница «Европейская», и Орлов представил князю Романовскому своих сотрудников, среди которых «несомненно выделялся капитан Дубинин», — замечает князь.

«Не теряя времени, — сообщает дальше князь Романовский, — я написал и опубликовал (в газете) воззвание к населению Крыма, призывая его исполнить свой долг перед Россией... работа медленно налаживалась». На воззвание откликнулись офицеры и добровольцы, и Орлов приступил к формированию отряда из русских. Одновременно на воззвание откликнулись немецкие колонисты, выставив отряд, хорошо организованный под командой бывшего германского лейтенанта Гомейера (Деникин).

Вот как описывает один из бывших чинов отряда Орлова (П.) о своем

вступлении в отряд: «В конце 1919 года на окне банка, занимавшего нижний этаж в доме на углу улиц Пушкинской и Дворянской, напротив городского театра, появилось извещение о формировании «Особого Отряда Оборона Крыма» с благословения генерала Слащева. Желавшие призывались записываться в формируемый Отряд, причем находящимся в самовольной отлучке (дезертирам) гарантировалось забвение их прошлых грехов при вступлении в Отряд», — и это лицо добавляет: «Это последнее обстоятельство и привело меня в орловский отряд». Другой молодой доброволец на вопрос, что его привело к поступлению в Отряд, отвечает: «Для симферопольской молодежи привлекательным было имя Коли Орлова, как любимого футболиста в прошлом, а для более солидной публики — имя князя Романовского, герцога Лейхтенбергского (офицер-моряк)».

В это же время в Симферополе скопилось много офицеров Симферопольского Офицерского полка, не имевших возможности возвратиться в полк, находившийся на фронте в районе Одессы. Некоторое количество офицеров полка добровольно вступило в отряд, и Орлов сам, по-видимому, старался привлечь в свой отряд наших офицеров — об этом можно судить из описания встречи шт. — капитана Х. с Орловым, происшедшей 2 января 1920 года в помещении комендантского управления. После короткого разговора Орлов сказал шт. — капитану Х., чтобы он по выздоровлении пришел к нему в роту (или батальон, он хорошо не помнит), которую он формирует из чинов Симферопольского Офицерского полка, застрявших в Крыму по болезни, после ранений, отпускных и т. п., сказав при этом: «У нас будут восстановлены наши традиции, дисциплина, порядок и прочее нашего полка».

Штаб Орлова и часть отряда помещались в «Европейской», другая часть — в здании гимназии Оливер на Почтовой улице. Формирование отряда, по словам одного из бывших чинов отряда (Ил.), «происходило как-то безалаберно, хаотично. Приходили люди, регистрировались в Европейской гостинице, уходили, являлись каждый день, никакой службы не несли (сужу по себе и Ц.)». Очень характерным и странным явлением при формировании было, как пишет Ил., что «симферопольцы (уроженцы Симферополя. — В. А.) жили и питались дома, пришлые — у знакомых и в Европейской гостинице». «Чем объяснить такое, сказал бы, недопустимое при формировании отряда положение: люди не несут службы, приходят и уходят, никаких занятий, ночуют и питаются дома и т. п. И это в отряде, который должен быть готов к выступлению на фронт каждую минуту».

Другой бывший чин отряда (П.) сообщает о еще более интересном

явлении: «То, что чинам отряда разрешалось уходить домой на ночевку, объясняется тем, что дисциплина в отряде была демократической. Скажу больше: уходя из помещения Отряда (я имею в виду здание женской гимназии Оливер — против симферопольской почты), чины отряда могли брать с собой, безо всякой к тому надобности и безо всякого контроля, огнестрельное оружие. И я знаю случаи, когда ушедший в город с оружием возвращался в Отряд вечером или на другой день без оружия: винтовка и амуниция исчезали. Скажу больше: эта винтовка и эта амуниция через жившего на Греческой улице портного Абрама Моисеевича Канторовича или через армянина Закиева (мужа учительницы Армянской школы Варвары Семеновны Закиевой), связанных с подпольщиками, попадали к последним. Именно — чинами отряда Орлова было доставлено подпольному комитету оружие и патроны, использованные комитетчиками для нападения на один из полицейских участков Симферополя, где содержались арестованные, причастные к борьбе с белыми... По этому факту можете судить — каковы были порядки и настроение в орловском отряде». Действительно, порядки никак не соответствовали формирующейся воинской части; части, которая должна быть подготовлена в кратчайший срок для отправки на фронт.

Каково же было настроение Отряда? Несомненно, что какая-то часть Отряда была настроена патриотически и пришла в него добровольно исполнить свой долг. Другая же часть, как было указано выше, воспользовалась обещанием прощения грехов в прошлом, и о настроении этой части трудно судить положительно, имея в виду выше процитированное сообщение. По городу в связи с формированием Отряда ходили разнообразные слухи, чему нельзя удивляться, вспоминая слова, сказанные Орловым автору в октябре 1919 года вполне открыто. Это же он повторял, без сомнения, и при других обстоятельствах и другим лицам. Принимая во внимание серьезное общее военное положение и не менее запутанное политическое положение, нельзя удивляться словам Шафира: «С самого возникновения отряда в Симферополе стало известно, что в отряд приглашаются якобы исключительно партийные люди, что будто Орлов всем вступающим в Отряд говорит о предстоящем восстании и захвате власти. Слухи были самые разнообразные».

Сомнительно, конечно, чтобы Орлов всем вступающим в Отряд говорил о своих намерениях, но «дыма без огня не бывает», и эти слухи дали предлог подпольным большевистским организациям заинтересоваться Орловым ближе и войти с ним в связь. С информационной целью к Орлову со стороны ревкома был послан тов. Александров. Эту встречу (Орлова с

Александровым), состоявшуюся в гостинице «Европейская», Шафир описывает так: «Капитан очень любезно принял представителя подпольных организаций, но по существу затеваемого им дела дал весьма туманные и сбивчивые ответы; вообще Орлов в беседе с тов. Александровым пытался отделаться «дипломатическими» намеками на поставленные ему вопросы, всячески подчеркивая, что, дескать, дальнейшие объяснения будут им даны по мере развертывания событий. Беседу свою капитан закончил приблизительно таким образом: «Я вас понимаю больше, чем вы думаете, но не хочу говорить сейчас подробно обо всем, интересующем подпольные организации. Предлагаю вам посылать своих ко мне в отряд». На вопрос о партийности Орлов ответил, что он правее левых эсеров и немного левее правых эсеров».

Подпольщиков, однако, поражало обстоятельство, что Орлов как будто действовал открыто — записавшиеся в отряд говорили о захвате власти, власть и контрразведка были об этом информированы. Однако ничего против отряда не предпринималось. Желая использовать обстановку, подпольщики «сочли себя вынужденными поддерживать сношения с отрядом» (Шафир).

Ближайшим помощником Орлова был Марковского пехотного полка капитан Дубинин. Будучи раненым, Дубинин был эвакуирован в Крым, и в Симферополе он присоединился к Орлову еще до начала формирования, а с началом формирования отряда он стал помощником Орлова по строевой части. Князь Романовский, которому капитан Дубинин был подчинен, как помощник Орлова, на вопрос о личности Дубинина сообщает: «Дубинин несомненно очень сильная личность, причем точно мыслящая и отлично знающая, «чего хочет». Он импонировал всем своим существом, но его «осторожность» в разговорах со мной навела меня на мысль быть начеку». Другими помощниками Орлова, которые играли какую-то роль в отряде, были: князь Памулов и подпоручики Гетман и Денисов. Гетман был личным адъютантом Орлова и, между прочим, вел переговоры и поддерживал связь с подпольщиками (Шафир).

Формирование отряда, вернее, вербовка в отряд шла довольно успешно, и к половине января в нем числилось более 300 человек. Состав его, как было указано выше, был весьма разнообразный не только по своему прошлому, но и по политическим взглядам и взглядам на свое будущее и на будущее вообще Белого дела.

Политическая обстановка в Симферополе и вообще в Крыму в январе была сложная. Тяжелое экономическое положение населения Крыма, отрезанного от Северной Таврии, являлось хорошей почвой для

пропаганды и действий левых элементов и, в частности, большевиков. Неустойчивое военное положение усугубляло обстановку. В Симферополе большевики, видя какие-то перспективы в связи с отрядом Орлова, проявляли большую активность, тем более что в симферопольской тюрьме в это время было заключено более сотни политических, эвакуированных из Харькова и других мест. В Севастополе большевики проявляли также активность, где севастопольский ревком во главе с В. Макаровым подготовлял на 23 января восстание и захват власти в Севастополе.

Крым был на вулкане событий. 9 — 11 января на перешейках красные заняли Перекоп и Армянский Базар, продвинулись к Юшуну, заняв Карт-Казак, но нашей контратакой отброшены в исходное положение. 18 января красные вновь атакуют там же, но неуспешно. В Севастополе морская контрразведка в ночь с 20 на 21 января арестовывает городской комитет большевиков во главе с В. Макаровым, подготовлявшим захват власти. Контрразведка в Симферополе не оставляла отряд Орлова без наблюдения, зная настроение многих чинов отряда и его руководства, но, по-видимому, никаких мер не принимала.

Для некоторой иллюстрации создавшейся обстановки князь Романовский сообщает несколько интересных «показательных» для того времени моментов и разговоров. В связи с назначением князя всполошились, по-видимому, в Ялте монархисты, и «из Ялты нагрянул ко мне, — пишет князь, — председатель ялтинской думы граф Апраксин; [\[165\]](#) причем нагрянул ночью и заявил мне, что ни Ялта, ни Крым не потерпят моих «бонапартических» (!) затей, что «они», монархисты, этого не допустят». Весьма удивленный всем этим, я ответил графу, что мы здесь стремимся победить большевиков, что о монархии рано думать и никто о ней не думает и что я очень сожалею, что его прислали сюда с подобной ерундой; после чего я не препятствовал ему стремительно скрыться за дверь, понятно, соблюдая все правила вежливости». Затем князь имел разговор с лейтенантом Гомейером, начальником отряда из немецких колонистов, и при этом Гомейер задал неожиданно вопрос: «Доверяет ли князь Орлову?» На вопрос князя: «В чем дело?» — Гомейер ответил «полууклончиво: мол, на Орлова влияют, его шантажируют... неясна позиция Дубинина...». И еще об одном моменте говорит князь: «Мой адъютант де Конор, друг детства, вдруг стал дружить с Орловым, и отношение ко мне, как будто, изменилось. На мой совет: «Будь осторожен с Орловым» — последовал ответ: «Почему? Он очень симпатичен... я у него бываю»... Я не стал спорить». (Позже, после первого выступления Орлова, де Конор скрылся и князь его больше не видел.) Эти разговоры и моменты,

действительно, показательны для того времени: «монархисты» беспокоятся о «бонапартизме», когда все горит, а князь, окруженный людьми, на которых не может положиться, по-видимому, не в курсе происходящего вокруг него.

В такой атмосфере 20 января, как пишет генерал Деникин, генерал Слащев потребовал выход отряда Орлова на фронт. Чем руководствовался генерал Слащев, вызывая отряд на фронт? Положение ли на фронте вызвало эту меру? Подозревал ли Слащев о предполагаемом выступлении Орлова? Было ли это в связи с предполагавшимся выступлением в Севастополе и настроением отряда в Симферополе? На эти вопросы сейчас трудно ответить, так как в имеющихся материалах нет точных указаний на это. Однако после этого требования началось в Симферополе быстрое развитие событий, о которых имеющиеся сведения несколько не совпадают. Генерал Деникин пишет: «Орлов, при поддержке герцога Лейхтенбергского, уклонился от выполнения приказа (генерала Слащева) под предлогом неготовности отряда. Требование было повторено в категорической форме, герцог уехал объясняться в штаб Слащева». С другой же стороны, князь С. Романовский (герцог Лейхтенбергский) сообщает, что «о требованиях Слащева — Орлову выступать на фронт — ничего не знал и не знаю. Я напросился на «визит» в Джанкой, а не был вызван Слащевым туда». В ночь на 22 января князь выехал в Джанкой.

В это время Орлов, имея уже в своих руках силу, со своим окружением, по-видимому, учитывая обстановку, пришли к заключению, что настало благоприятное положение для осуществления его мыслей, с которыми он носился в течение нескольких месяцев, и в ночь с 21 на 22 января они приступили к проведению их в жизнь. Орловское «действие» — «орловщина» — началось.

В ночь с 21 на 22 января (на рассвете) чинами орловского отряда на Симферопольском вокзале были арестованы: комендант Севастопольской крепости генерал Субботин, начальник штаба Новороссийской области генерал Чернавин, возвращавшиеся из Джанкоя в Севастополь после совещания с генералом Слащевым. В городе были произведены аресты многих высших гражданских и военных властей, арестованы многие штаб-офицеры, и все арестованные препровождены в гостиницу «Европейская», где помещался штаб Орлова. Утром 22-го появился приказ № 1 капитана Орлова, который гласил: «Приказ № 1 по городу Симферополю. Исполняя долг перед нашей измученной Родиной и приказы Комкора генерал Слащева о восстановлении порядка в тылу, я признал необходимым произвести аресты лиц командного состава гарнизона гор. Симферополя,

систематически разлагавших тыл. Создавая армию порядка, приглашаю всех к честной объединенной работе на общую пользу. Вступая в исполнение обязанностей начальника гарнизона гор. Симферополя, предупреждаю всех, что всякое насилие над личностью, имуществом граждан, продажа спиртных напитков и факты очевидной спекуляции будут караться мною по законам военного времени. Начальник гарнизона г. Симферополя, командир 1-го полка Добровольцев, капитан Орлов».

Вот как вспоминает утро 22 января один из офицеров (капитан И.): «Идя утром в штаб (7-го уланского Ольвиопольского полка), я был удивлен присутствием на улицах довольно многочисленных офицерских пикетов. Дошел благополучно; как позже выяснилось — спасли обер-офицерские погоны. В штабе только адъютант шт. — ротмистр Непперт, писаря и никого из штаб-офицеров. Соединились с командиром полка. Под домашним арестом по приказу захватившего город капитана Орлова. Выясняется, что все штаб-офицеры арестованы. Орлов объявил себя комендантом города и захватил «Европейскую» гостиницу. Чтобы выяснить обстановку, мы — я и Непперт — отправились к Орлову. Он принял нас в присутствии какого-то капитана в форме Марковского полка... Орлов, не без театральности, произнес речь о засилье штаб-офицеров, о захвате ими командных постов, о том, что мы, обер-офицеры, остаемся в черном теле на ролях пушечного мяса... Но, конечно, с его способом борьбы мы не могли никак согласиться. И мы мирно разошлись. Придя в Штаб, узнали, что нам звонил Крымский конный полк. Соединились. Полковник Бако [\[166\]](#) организывает сопротивление и сзывает в казармы полка. Мы отдали распоряжение эскадронам пробираться к Крымчакам. В казармах Крымского конного полка узнали, что из Севастополя идет на фронт тяжелая батарея. Соединились с командиром и поставили его в известность о происходящем. Командир батареи поставил в известность Орлова, что «Европейская» гостиница находится под его обстрелом».

Находившиеся в Симферополе запасные части и отряд немецких колонистов соблюдали «нейтралитет».

Одновременно с приказом № 1 были выпущены воззвания к «трудящимся» — одни большевистского содержания, другие в эсеровском духе о «земле и воле», заканчивавшиеся призывом к рабочим записываться в отряд.

«Ревкомом в первый же день выступления, — говорит Шафир, — была послана делегация к Орлову с требованием (подчеркнуто мною. — В. А.) немедленно освободить заключенных политических. Орлову пришлось бросить роль «дипломата» и дать прямой ответ. Ответ получился

отрицательный. На заявление Ревкома, что им будут посланы силы к тюрьме для освобождения заключенных, капитан Орлов ответил, что всякие выступления он будет подавлять всеми имеющимися в его распоряжении силами.

Нормальная жизнь в Симферополе была нарушена, и все следили за развитием событий. Приходившим к Орлову «делегациям» он заявлял, что «молодое офицерство решило взять все в свои руки», но разъяснить это неопределенное сообщение он не старался. От городской думы и земства были посланы к Орлову делегации для «выяснения смысла совершившихся событий». Орлов обещал все «разъяснить» после получения ответа от генерала Слащева. На тайном совещании городской думы было решено послать делегацию к генералам Слащеву и Май-Маевскому (в Севастополе) и была избрана комиссия «для принятия от имени думы необходимого решения в экстренных случаях». Очевидно, дума предполагала развитие событий. «По улицам Симферополя продефилировал орловский отряд, показав тут же все количество вооружения, которое находилось в его распоряжении», — пишет Шафир.

Утром же Орлов по какой-то причине решил прекратить телеграфное сообщение Симферополя со штабом генерала Слащева. Вот как описывает офицер-телеграфист (поручик Д.), дежуривший в это утро на телеграфном узле на почте: «Утром около 8 часов в зал с аппаратами быстро и шумно вошли 3 офицера с винтовками, старший был поручик-марковец, хороший мой знакомый. На мой вопрос, что случилось, он ответил, что по приказанию капитана Орлова я арестован, и указал мне на стул, где я должен сидеть, а сам подошел к распределительной доске и вынул все штепселя. Я всполошился и крикнул: «Что ты делаешь, ты порвал связь фронта с тылом!» — «Не ваше дело, поручик!» — был его ответ. В это время пришла смена (поручик Воскресенский) и комендант телеграфного узла. Им были указаны стулья около меня и объявлено об их аресте. Часа через два один из офицеров повел нас в «Европейскую» гостиницу, где в ресторанном зале мы присоединились к другим арестованным. Нам было запрещено разговаривать».

Орлов пытался несколько раз говорить по телеграфу со Слащевым, но тот отказывался с ним говорить до тех пор, пока у аппарата не будет дежурный офицер, известный штабу. Около 15 часов офицеры-телеграфисты были освобождены и им было указано возвратиться на телеграф. По приходе на телеграф тот же поручик-марковец предложил им принять аппараты, а сам ушел.

Что происходило в штабе Орлова в этот день, мы, к сожалению,

сведений не имеем, но один офицер пишет: «В городе было совершенно тихо, но довольно нервно. Я заходил в «Европейскую» гостиницу повидаться с друзьями. Они были очень возбуждены и не знали, что предполагают делать с ними». Так проходил день выступления капитана Орлова. Кроме арестов, никаких эксцессов или кровопролития не было.

Что же происходило в это время в Джанкое, в штабе генерала Слащева, куда незадолго перед выступлением Орлова выехал из Симферополя князь Романовский, прибывший туда утром 22-го? Князь о своей встрече с генералом Слащевым сообщает следующее: «Общий дружественный обмен мнениями по существу создавшейся на фронте обстановки... Слащев показался мне более или менее «здоровым». Поболтав с полчаса, я ушел в свою каюту отдохнуть после ночи, проведенной в... «трясучке» 3-го класса, к тому же нетопленной, но отдыхать мне долго не пришлось.

— Генерал требует вас немедленно, — сообщил мне юный ординарец...

Вхожу к Слащеву... Он, разъяренный, кричит мне: «Мерзавец твой Орлов, мерзавец...» Я: «В чем дело?» Слащев: «Как в чем дело? Он этой ночью арестовал генералов Субботина и Чернавина... и начал восстание»... Я ошалел: «Откуда у тебя эти новости?» Слащев: «Все это знают, кроме тебя»...

Тут уж я взбесился и сразу перешел в атаку, и довольно резко...

Я напомнил Слащеву о моих просьбах, оставшихся без ответа (особенно о... полномочиях и временном «стержне»)... и важных связях... На все это — ни привет, ни ответа... «Ты должен же понять, что в этих условиях в Симферополе я, в создавшейся обстановке — что-то вроде туриста»... Слащев: «Но я тебя назначил»... Я: «Этого недостаточно, подумаешь... назначил». Здесь мы очень крупно поговорили... чему удивился присутствовавший при нашей стычке генерал Васильченко... Я: «Хочу знать: это сплетни или сообщение, достойное доверия?! Если Орлов все это проделал, он, несомненно, изменник и негодяй... прикажи, и я немедленно возвращусь в Симферополь, а в придачу дай мне твой конвой и роту юнкеров... плюс письменно полномочия действовать по моему усмотрению». Слащев: «Ничего я тебе не дам! Отправляйся, сейчас закажу паровоз и вагон — отправляйся!» Я: «Конечно, отправляюсь, но на этом это дело не кончится».

Вечером где-то отыскался паровоз и товарный вагон... и я выехал на этом экстренном поезде в Симферополь, куда я прибыл, насколько мне помнится, около полуночи... Все было покрыто снегом... Морозило».

Генерал Слащев решил ликвидировать выступление Орлова и послал

отряд из Джанкоя, одновременно приказав генералу Май–Маевскому выехать с отрядом из Севастополя на ст. Альма.

Офицер–телеграфист, освобожденный и принявший опять аппараты, сообщает дальше: «Мы соединили все провода и доложили генералу Слащеву о нашем прибытии. Вечером около 5 часов вошел Орлов в сопровождении другого капитана–марковца, мне незнакомого, и просит вызвать генерала Слащева. Очень быстро у аппарата был Слащев и передал следующее: «Капитану Орлову. Освободить всех арестованных, о чем мне доложить, а самому немедленно прибыть ко мне в Джанкой. Точка. Слащев».

Может быть, мне это показалось, но лицо у Орлова изменилось. Они быстро ушли. Около 8 — 9 часов вечера генерал Слащев вызвал Орлова к аппарату. Было передано: «Донесения об освобождении не имею. Если до 10 часов его не получу — я с конвоем выезжаю из Джанкоя и генерал Май–Маевский из Севастополя с отрядом в Симферополь. Точка. Слащев».

Орлов молча принял сообщение и ушел из телеграфа».

Орлов освободил всех арестованных, но, не исполняя приказание генерала Слащева явиться в Джанкой, решил с отрядом покинуть Симферополь. «Было темно, — рассказывает капитан И., — когда приехал губернатор и сообщил, что Орлов уходит из Симферополя и просит ему не мешать. Вскоре прибежал мой младший брат (ему было лет 16), который был у Орлова, и сказал, что Орлов с батальоном уходит по направлению на Алушту и что люди постепенно уходят из строя».

Офицер–телеграфист продолжает свое сообщение: «Около 10 часов я пошел посмотреть, что делается в «Европейской» гостинице. Подъезд был освещен, а кругом темнота. Подходя к зданию, я видел нескольких человек, выходящих из дверей и быстро скрывшихся в темноте. Один из них, мой знакомый, на мой вопрос: что нового? — ответил, что они сами ничего не знают, командный состав растерянно ходит из комнаты в комнату, на наши вопросы не отвечают; единственно — некоторые сказали, что скоро мы выступим, куда — неизвестно. Начали мы колебаться, когда увидели, что караула у входа больше нет — видите, что происходит. В городе было совершенно тихо, ни одного выстрела».

Молодой доброволец, бывший в отряде, ночевал в эту ночь дома, и, когда на другой день утром явился со своим приятелем в «Европейскую» гостиницу, все там было пусто, внутри никого, разбросаны вещи, бутылки и прочее.

Ночью, как говорилось раньше, князь Романовский возвратился в Симферополь из Джанкоя, и князь так сообщает о своем приезде и

дальнейших шагах: «На вокзале встречает меня Дубинин... Он старается «любезничать». Его присутствие, конечно, показалось мне подозрительным. Никаких приветствий; выйдя на площадку, устроенную перед вокзалом, — никого, ни извозчика, ни автомашины... Дубинин: «Разрешите доложить»... Я: «Ступайте впереди меня». Для большего «удобства» я поудобнее сжал в правой руке мой верный кольт, не вынимая его из кармана... Кругом — холодно и много снега, и никого, ни одной живой души!.. Думаю: «Не зевай — все может случиться... справа и слева деревья и кусты... не зевай». Протопав довольно долго, мы, наконец, все в том же «строю» подошли к «Европейской» гостинице... Вошел... Страшная винная (и иная) вонь. Дежурный офицер, шатаясь, протягивает мне руку, не рапортует... «Орлов, — говорит он, — в своем кабинете». Я: «Немедленно приведите помещение в порядок... и подтянитесь»... Иду наверх, в первый этаж, к Орлову...

Вхожу... У письменного стола сидит Коля Орлов. Сидит с опущенной головой и, увидев меня, вскакивает... Я: «Что вы наделали?» Орлов: «Да, я только теперь понял»... Я: «Нечего понимать. Вы хотите погубить наше дело. Не удастся!.. Сидите здесь и ждите моих приказаний — не смейте уходить». Выхожу... Внизу у подъезда шум и гам... На дворе — вижу собраны роты... Увидев меня, командуют «смирно»... Я: «Господа офицеры ко мне»... Меня окружают. И вот что я им говорю (помню почти дословно): «Господа офицеры! Вы знаете, что произошло и что происходит... Наша армия отступает... Единственное убежище ее — Крым. Происшедшее же здесь разрушает наше дело; Армия и Россия в опасности. Держитесь крепко на своем посту, соблюдая дисциплину и порядок, в каждом вашем деле... Установите непосредственную связь со мной... Старшему из вас вступить в командование!»...

В этот момент подбегает «некто в сером» и сообщает, что у прямого провода из Бахчисарая генерал Май-Маевский просит к аппарату. Я отправился на телеграф. «У аппарата генерал Май-Маевский»... Я назвал себя и добавил: «В городе все спокойно, жду распоряжений из Джанкоя»... Ген. Май-Маевский: «Рассчитывайте на меня, я в двухчасовой дальности от вас». Распрощались. — Почти бегом возвращаюсь к группе офицеров, с которыми прервал разговор... Кто-то из них бежит мне навстречу и сообщает, что Орлов, Дубинин и несколько других его друзей... удрали, вероятно, на Алушту... Картина менялась...

Утром ко мне приехал полковник Городынский, ^[167] судебного ведомства. На мой вопрос: «Дознание?» — он поспешил ответить, что ему необходимо знать, как и в какой последовательности прошли события этой

ночью. Я рассказал все подробно, полковник поздравил меня, сказав, что все могло бы кончиться много хуже — и для меня лично, и для всего гарнизона Симферополя. Конечно, мне не трудно было согласиться...»

На вопрос князя: «Что вы наделали?» — Орлов ответил: «Да, я только теперь понял». Дальнейших объяснений не последовало — что он понял. Понял ли он безрассудность его выступления в тот момент или вообще безрассудность всего затеянного им бунта? Однако ему грозило неминуемое столкновение с войсками генерала Слащева, и Орлов отступил. Он понял, очевидно, что вооруженное столкновение в этот момент спасти его не сможет. Орлов с незначительной частью отряда покинул Симферополь и по Алуштинскому шоссе ушел в направлении на Алушту, захватив с собой 10 миллионов рублей, предварительно изъятых из симферопольского казначейства. Из отряда в несколько сот человек ушло с ним, как передают, около 80 — 90 человек. Часть отряда, по-видимому, осталась, не желая следовать за Орловым, и осталась верной командованию; некоторая часть расплылась заблаговременно, как было указано раньше, видя неопределенность всего происходившего; наконец, часть, как говорят они сами, просто проспала — спали дома в эту ночь. Обстоятельство, что Орлов ушел только со сравнительно небольшой группой, еще раз показывает разношерстность отряда в смысле верности Орлову и его мыслям; показывает отсутствие дисциплины в отряде и растерянность, овладевшую командным составом, не смогшим удержать людей в своих руках.

Закончив описание первого выступления капитана Орлова в январе 1920 года, считаю необходимым обратить внимание на отсутствие точных данных о продолжительности этого выступления. Шафир говорит, что выступление произошло в ночь на 22 января (ст. стиля) и окончилось в ночь на 24 января, то есть продолжалось целых два дня. Генерал Деникин пишет, что «Орлов на третий день... бежал в горы». По воспоминаниям же участников, слова которых были цитированы, нужно полагать, что выступление произошло в ночь с 21 на 22 января и окончилось в ночь с 22 на 23 января, то есть продолжалось только один целый день.

Орлов с остатками своего отряда ушел в деревню Мамут-Султан, а оттуда в деревню Саблы, славившуюся уже и до революции неблагонадежностью населения.

24 января утром в Симферополь прибыл генерал Слащев со своим конвоем и произвел смотр войскам гарнизона. Чины отряда капитана Орлова, оставшиеся в Симферополе, в этом параде не участвовали, как сообщает П. Многие из оставшихся рядовых членов отряда были, однако,

арестованы, но были быстро отпущены и направлены в другие части. Генерал Слащев в тот же день издал приказ о поимке Орлова и приказ–обращение. Приказы эти, написанные в духе, характерном для генерала Слащева, приводим ниже:

1) «Приказываю всем должностным лицам и прочим гражданам России, в случае обнаружения в их районе предателя Орлова или его присных, доставить их ко мне живыми или мертвыми. Заранее объявляю, что расстреляю всех действующих с Орловым. 24 января, № 144».

2) «Отряду, забывшему совесть и долг службы, — людям, ушедшим под командой Орлова, на все предложения могу ответить только: 1) Орлов изменник долга, 2) по телеграфу Орлов меня нагло обманывал, 3) Орлову я предложил приехать ко мне, тогда гарантировал ему жизнь, 4) это не было исполнено, 5) обманутые ко мне, 6) Орлову не верю и повешу».

Вдогонку за Орловым были посланы карательные отряды Шнейдера, Табенского ^[168] и полковника Кугельгейма. ^[169] Серьезных столкновений, однако, не было; по–видимому, обе стороны воздерживались от этого. Вскоре Орлов оставил деревню Саблы и отправился на Алушту. Гарнизон Алушты не оказал сопротивления, и Орлов, захватив в банке небольшую сумму денег и оставив там небольшую часть своего отряда, отправился на Ялту. Это происходило уже в начале февраля.

Орловское выступление взбудоражило Крым. Газеты, где происходила оживленная полемика между генералом Слащевым и Орловым, читались нарасхват. Это выступление, как передают, было встречено общественными и политическими кругами Крыма с большим сочувствием, и они возлагали большие надежды на Орлова. Молодое офицерство во многих случаях сочувствовало. Выступление Орлова, совпавшее случайно или специально приуроченное к событиям на фронтах и в тылу (падение Одессы, события на Кубани и т. п.), вызвало ряд осложнений и инцидентов, которые могли неблагоприятно отозваться на общем положении.

25 января 1920 года Одесса была занята красными войсками, и генерал Шиллинг, главноначальствующий Новороссийской области, прибыл в Севастополь 31 января на пароходе «Анатолий Молчанов». На другой день, 1 февраля, из Новороссийска на пароходе «Александр Михайлович» прибыл в Севастополь генерал Врангель, подавший в отставку и выехавший в Крым «на покой». С этого момента, как пишет генерал Деникин, «начинается борьба за возглавление военной и гражданской власти в Крыму». Возможно, что эта «борьба» (если таковая была) проходила бы нормально без особых осложнений, если бы незадолго перед тем не произошло выступление Орлова. Последнее обстоятельство

изменило весь ход событий. Поэтому считаем необходимым несколько подробнее остановиться на этой «борьбе».

Генерал Шиллинг появился в Крыму после сдачи Одессы, которая была отдана красным при ужасных условиях. Адмиралы Ненюков и Бубнов сразу же по приезде его в Севастополь заявили ему, что он «дискредитирован одесской эвакуацией, что в тылу развал и единственное спасение Крыма в немедленной передаче Шиллингом всей власти барону Врангелю». На другой день явилась к генералу Шиллингу группа из шести офицеров, сделавших ему то же предложение. Генерал Шиллинг, подавленный после оставления Одессы в тяжелых условиях, заявил, что за власть не держится, охотно ее передаст и предоставляет этот вопрос на усмотрение главнокомандующего, которому обо всем донес.

Между 1 и 5 февраля происходит новая беседа генерала Шиллинга с адмиралами, встреча с генералом Лукомским и двукратное свидание с генералом Врангелем. Генерал Врангель соглашался принять от генерала Шиллинга должность, но по приказу главнокомандующего. Генерал Слащев заявил генералу Шиллингу, что будет выполнять приказания только главнокомандующего и Шиллинга. Генерал Лукомский настоятельно советовал Шиллингу передать власть генералу Врангелю, но с согласия главнокомандующего. Генерал Деникин категорически отказывается заменить Шиллинга генералом Врангелем. При таком положении генерал Шиллинг 6 февраля выехал в Джанкой.

В указанный выше период Орлов с отрядом, спустившись с гор и пользуясь отсутствием в этом районе войск, занял Алушту (как было сказано выше) и приближался к Ялте. По мере приближения Орлова к Ялте тревога и растерянность в городе росла. Начальник гарнизона города Ялты генерал Зыков и уездный начальник граф Голенищев–Кутузов посылали одну за другой телеграммы, взывая о помощи. Ряд общественных деятелей (совещание общественных деятелей Ялты), находившихся в Ялте, обратилось к генералу Деникину с просьбой назначить «во главе власти в Крыму... лицо, заслужившее личными качествами своими и боевыми заслугами доверие как армии, так и населения... Таковым лицом по единодушному убеждению крымских гражданских и военных кругов является генерал Врангель...». Под телеграммой 14 подписей.

«Оказавшийся в Ялте генерал Покровский, — пишет генерал Деникин, — мобилизовав и вооружив жителей Ялты, пытался защищать город...» Почему генерал Покровский в этот момент и по чьему распоряжению «оказался» в Ялте — не совсем ясно. Генерал Деникин пишет только «оказавшийся в Ялте». Генерал Врангель же в своих мемуарах пишет:

«Накануне подхода Орлова к Ялте туда прибыл генерал Покровский. Последний... остался не у дел. Не чувствуя над собой сдерживающего начала, в сознании полной безнаказанности, генерал Покровский, находивший в себе достаточную силу воли сдерживаться, когда это было необходимо, ныне, как говорится, «соскочил с нарез», пил и самодурствовал». Генерал Деникин коротко описывает эту операцию, более подробно сообщает об этом один из участников, сотник Мяч В. П. [\[170\]](#)

Воспоминание сотника Мяча очень интересно, в известном смысле характерно для того времени и как бы подтверждает слова генерала Врангеля, поэтому приводим его полностью. «Для переезда из Новороссийска в Ялту в распоряжении генерала Покровского был английский миноносец, на борту которого находился английский майор, офицер для связи, фамилию за давностью лет не помню. Этот майор владел немного русским языком и в бытность генерала Покровского командующим Кавказской Армией находился при штабе. С генералом Покровским выехали ген. Боровский, ген. штаба ген. Ребдьеv, [\[171\]](#) ген. штаба полк. Ю. В. Сербии, [\[172\]](#) есаул И. Раздеришин, [\[173\]](#) подъесаул Чепелев, я, два юнкера — В. Ф. и М. В. и два казака вестовых.

Ранним морозным утром миноносец пришвартовался к пристани в Ялте. Полковник Сербии был послан генералом Покровским к начальнику гарнизона г. Ялты генералу Зыкову с объяснением цели приезда генерала Покровского и с просьбой о предоставлении квартиры ему и его свите. В распоряжение генерала Покровского была предоставлена дача Эмира Бухарского, и в присланных экипажах все отправились к месту расквартирования. В тот же день вечером на квартире ген. Зыкова состоялось совещание, на котором, кроме ген. Покровского, присутствовали: ген. Боровский, ген. Ребдьеv и полк. Сербии. На этом собрании был выработан план действий по ликвидации отряда кап. Орлова. Все было в строжайшем секрете.

В самой Ялте все было спокойно и мирно. Ген. Покровский с присущей ему энергией начал действовать. Вечером, приблизительно около 10 часов, когда движения на улицах почти не было, ген. Покровский с чинами свиты и несколькими чинами гарнизона произвели «мобилизацию» обитателей гостиницы «Россия» и нескольких других гостиниц. Годные к военной службе были переписаны и под конвоем отправлены в Ореанду, где были размещены в заранее подготовленных квартирах. Под страхом наказания всем было приказано никуда не отлучаться. Дома были заперты, и к каждому дому приставлены часовые.

На следующий день утром, после чая из полевой кухни, всем были розданы берданки с патронами, и «мобилизованные», которых было около 150 человек, были разбиты на две роты. Все это были люди зажиточные и сугубо штатские. Командирами рот были назначены есаул Раздеришин и я, а командиром всего отряда полковник Сербии. При ген. Зыкове находился ген. Ребдьев с подъесаулом Чепелевым. Юнкера остались в распоряжении ген. Покровского, как ординарцы.

Каждой роте полк. Сербии указал участки, и «стрелки» рассыпались в цепь. Перед наступлением на деревню, занятую орловцами, ген. Покровский и ген. Боровский, в сопровождении юнкеров, решили проехать в стан кап. Орлова с целью воздействовать на Орлова и убедить его сдаться на милость Главнокомандующего. Ротам было приказано оставаться на местах и огня не открывать.

Прошло около трех часов, и генералы не возвращались. Полковник Сербии начал беспокоиться о их судьбе и решил это выяснить, приказав мне и Раздеришину отправиться на разведку в стан Орлова. Пройдя приблизительно две версты, мы наткнулись на сторожевые посты орловцев, были ими задержаны и обезоружены (впоследствии оружие было возвращено). В штабе Орлова, куда нас препроводили, мы увидели ген. Покровского и Боровского сидящими в большой комнате вокруг стола с капитан Орловым и Дубининым. О чем велась беседа, нам неизвестно, но, судя по разгоряченным лицам, в особенности генерала Покровского, можно было думать, что беседа была шумной, так как, входя в комнату, мы слышали громкий голос генерала Покровского. Генерал Покровский, подойдя к нам, приказал отправиться к генералу Зыкову и доложить, что все обстоит благополучно, мобилизованных обитателей гостиниц распустить по домам.

К вечеру генералы возвратились, а через 2 — 3 часа отряд кап. Орлова занял Ялту. В спешном порядке около 12 час. ночи ген. Покровский приказал нам всем отправиться на миноносец, а сам с ген. Боровским и Ребдьевым отправился к ген. Зыкову с прощальным визитом. Как мы узнали позже, кап. Орлов не согласился распустить отряд и рекомендовал ген. Покровскому, во избежание неприятностей, покинуть Ялту».

Так бесславно закончилась фантастически организованная «операция» генерала Покровского. Имея связи с англичанами и учитывая его характер, нужно предполагать, что генерал Покровский предпринял эту «операцию» совершенно самостоятельно, по собственной инициативе. Это тем более справедливо, что, по словам генерала Врангеля, Покровский метил себя в заместители генерала Шиллинга. Все это происходило в момент «борьбы за

власть» в Крыму.

Итак, Ялта была занята отрядом капитана Орлова без единого выстрела, и комендантом города был назначен капитан Дубинин. Орлов выпустил воззвание следующего содержания: «Господа офицеры, казаки, солдаты и матросы. Весь многочисленный гарнизон гор. Ялты и ее окрестностей и подошедший десант из Севастополя с русскими судами, вместе с артиллерией и пулеметами, сознавая правоту нашего общего Святого Дела, перешли к нам по первому нашему зову со своими офицерами. Генерал Шиллинг просит меня к прямому проводу, но я с ним буду говорить только тогда, когда он возвратит нам тысячи жизней, безвозвратно погибших в Одессе. По дошедшим до меня сведениям, наш молодой вождь генерал Врангель прибыл в Крым. Это тот, с кем мы будем и должны говорить. Это тот, кому мы верим все, все, это тот, кто все отдаст на борьбу с большевиками и преступным тылом. Да здравствует генерал Врангель, наш могучий и сильный духом молодой офицер. Капитан Орлов».

Генерал Шиллинг, встревоженный занятием Ялты Орловым, посылает против него войсковые части и из Севастополя военное судно «Колхида» с десантом. «Колхида» прибыла в Ялту. «Принимавшие участие в десанте, — пишет Г. Раковский, — переговоры с «орловцами» и, не выполнив приказа, возвратились в Севастополь, о чем Шиллинг узнал случайно». Генерал Лукомский, встревоженный создавшимся положением, учитывая, по-видимому, растущее неудовольствие против генерала Шиллинга, посылает генералу Деникину шифрованную телеграмму, описывающую положение в Крыму.

В это же самое время сильный и хорошо вооруженный отряд полковника Ильина, посланный генералом Шиллингом против Орлова, приближался к Ялте. Орлов, по-видимому желая избежать вооруженного столкновения, пробыв несколько дней в Ялте и сделав выемку денег из казначейства, 10 февраля покинул город и ушел с отрядом в горы.

11 февраля, однако, совершенно неожиданно капитан Орлов подчинился приказу, то есть командованию, и отправился в Симферополь. Данная ли амнистия, или страх перед уничтожением отряда, или какая-то другая причина побудили Орлова подчиниться, то есть отдать себя и своих сподвижников в руки генерала Слащева, который только недавно называл Орлова «предателем» и писал: «Орлову не верю и повешу»? Чем объяснить этот крутой поворот? Не было ли причиной, что наверху была борьба, которая только как будто закончилась, и Орлов надеялся на какие-то перемены?

Прежде чем отправиться на фронт или ближе к фронту, отряд прибыл в Симферополь, где и разместился в прежних своих помещениях. Многие, бывшие в отряде перед выступлением в январе и покинувшие его заблаговременно, вступили в отряд снова. Вскоре приехавший в Симферополь генерал Слащев произвел отряду смотр, и отряд выступил на фронт. Генерал Слащев, вопреки приказанию генерала Шиллинга расформировать отряд, распределив его по частям корпуса, решил сохранить его в виде отдельной части и, как пишет генерал Деникин, «проявлял к ней и к Орлову исключительное внимание».

Смотр отряду генералом Слащевым был произведен на Салгирной улице против здания «Европейской» гостиницы. Возвращение Орлова в Симферополь, естественно, возбудило большой интерес всех в Симферополе, особенно же чинов Симферопольского Офицерского полка. И вот как два из них вспоминают этот смотр. Шт. — капитан Х. пишет: «Отряд численностью около 200 человек был построен развернутым фронтом. После команды «смирно» — Орлов подошел с рапортом к генералу Слащеву. Выслушав рапорт, Слащев поздоровался с Орловым, подошел к отряду (не помню, здоровался он или нет) и обратился к отряду со словами: «Вам сказать ничего не могу, вы покажете себя на фронте» — и это все. После этого Орлов скомандовал — «направо» — и повел свой отряд». Шт. — капитан М. сообщает: «Смотр этот происходил перед зданием «Европейской» гостиницы на Салгирной улице. На кокардах головных уборов у «орловцев» были прикреплены зеленые веточки. Орлов был в одной гимнастерке и, как всегда, — фуражка на затылке. После слов генерал Слащева, обращенных к отряду (200 — 250 бойцов), генерал и Орлов сели в экипаж, и отряд, в строю поротно, тронулся за ними с песней:

Марш вперед, Россия ждет Вас, орлы Орлова, Тыл очистили, вперед
На коммуну снова... и т. д.

Как долго отряд пробыл в Симферополе, нам неизвестно, но за время пребывания его в Симферополе, кроме смотра-представления, состоялся большой завтрак «примирения». Об этом сообщает князь Романовский так: «Состоялся парад и большой завтрак — «примирения». Я ни на параде, ни на обеде не присутствовал, заявив Яше (генералу Слащеву), что я с изменниками не здороваюсь, не чокаюсь рюмками и за одним столом не сижу!.. Яша возмутился: «Все кончено, Орлов покаялся». Кто еще присутствовал на завтраке, кроме Орлова, нам неизвестно.

Отряд по железной дороге выехал из Симферополя в Джанкой (дата неизвестна), а оттуда перешел в деревню Татарская Барынь и другие деревни недалеко от Джанкоя. Здесь отряд получил новое обмундирование

и вооружение. О состоянии отряда в это время сообщает П.: «Политически отряд был неустойчив, драться не желал... И вот в ротной канцелярии открыто обсуждается заходящими туда чинами отряда вопрос — будет ли отряд драться с красными или, возможно, откроет фронт».

Примирение генерала Слащева с Орловым было, однако, по-видимому, полное: факты, что Орлов часто посещал Слащева в штабе, и заботы об обмундировании и вооружении отряда говорят за это. Вскоре отряд был отправлен на Перекопский фронт, наиболее угрожаемый. Отряд, пройдя Воинку, не задерживаясь в ней, остановился и расположился в лежащем между Воинкой и Юшунью большом имении Чирик. «Любопытно, — пишет один из бывших чинов отряда, — что от Джанкоя до Чирика отряд сопровождал один танк. Как помощь отряду или вследствие его неблагонадежности?»

23 февраля красные, открыв по Перекопскому участку сильный артиллерийский огонь, перешли в наступление, которое развивалось для красных весьма успешно. Части 8-й кавалерийской, 46-й и Эстонской стрелковых дивизий к 8 часам 24-го овладели деревней Юшунь и продвинулись южнее ее. Однако в 10 часов 26 февраля наши части, перейдя в контратаку, после упорного боя, нанеся большие потери красным, вновь заняли Юшунь, отбросив противника в исходное положение. Где же во время этого наступления находился отряд Орлова? Он находился там же, в имении Чирик, и в контратаке не принимал участия. Отряд бездействовал, когда на фронте было очень критическое положение.

Спустя несколько дней, 3 марта, Орлов с отрядом снялся с места своего расположения в имении Чирик и... пошел на Симферополь. Итак, Орлов решил оставить фронт, заявив отряду, что «большевики прорвали фронт». Орлов второй раз выступил против командования самостоятельно.

Какие причины побудили Орлова выступить второй раз и на этот раз оставить фронт в момент, столь серьезный для фронта? Об этом трудно сейчас сказать с уверенностью, но имеются две версии, которые мы и приведем. По первой версии, Орлову с отрядом было приказано выступить на фронт против наступавших большевиков. Орлов, однако, раздумывал, совещался со своими помощниками, и вот как сообщает П. о решении: «Было два выхода: или, выполняя соглашение с командованием, принять сражение, войдя в соприкосновение с Красной армией, прорвавшейся южнее Юшунь, или же, при встрече с противником, перейти на его сторону. Орлов нашел третий, свой выход и, заранее обрекая свой отряд на гибель, бросился в горы»... По второй версии, генерал Слащев требовал от Орлова отчета в деньгах, выбранных Орловым из казначейств в

Симферополе, Алуште и Ялте. Орлов упорно отказывался, и в результате Слащев потребовал его приезда в Джанкой. Орлов, зная Слащева и предвидя плохой конец, решил сняться с отрядом и покинуть фронт. Разбирая эти две версии, первая версия кажется более правдоподобной. Орлов, зная настроение части своего отряда (говорим — части, так как в нем, как увидим дальше, было много офицеров и добровольцев, верных командованию) и своих ближайших помощников, выйдя на фронт, возможно невольно, открыл бы фронт, и получилась бы катастрофа. Боясь результатов этого, ответственности, он ушел дальше от фронта, не сознавая, однако, что будет дальше. Против второй версии говорит то, что, будучи в Джанкое, генерал Слащев имел достаточно времени и возможности для расчета с Орловым по делу о деньгах. Имея силу и иные средства в своих руках, Слащев легко мог разделаться с Орловым.

Генерал Слащев, однако, был предупрежден об измене Орлова двумя офицерами, отправившимися пешком в Джанкой для донесения Слащеву о предполагавшемся уходе Орлова. Немедленно были приняты меры для захвата отряда, двинувшегося в направлении на Симферополь. С Перекопского фронта вдогонку Орлову были брошены три эскадрона Ингерманландского полка [\[174\]](#) (Яновский [\[175\]](#)) и из Джанкоя конвой генерала Слащева под командой капитана Мизерницкого. Отряд был настигнут под Сарабузом (недалеко от Симферополя). «Пулеметная команда и прочие, — вспоминает полковник Яновский, — думали, что за ними гналась красная конница. Орлов сказал им, что большевики прорвали фронт». Многие чины отряда, увидев, в чем дело, сразу же бросили Орлова, а он, капитан Дубинин и горсть оставшихся верными ему ускакали на конях и тачанках. Догнать их не могли, и они укрылись в горах, где к тому времени Орлов имел много знакомых татар, которые укрывали его, да и он сам знал местность очень хорошо. Чины же его отряда, сдавшиеся под Сарабузом, признали все безрассудство действий Орлова, вступили в части армии и верно служили до самого конца.

Генерал Слащев отдал приказ с сообщением о ликвидации отряда Орлова, в котором говорилось: «3 марта капитан Орлов опять нарушил долг службы. Приказом № 57, посланным вам в копии, я объявил его преступником и подлецом, о чем разбросал воззвания с аэроплана по его войскам и сего марта послал войска и выехал на Сарабуз, так как Орлов пошел на Симферополь. Пока сдалось 157 орловцев Южному карасубазарскому отряду, трофеев Северного отряда еще не знаю. Арестован штаб Дубинина и все бумаги с печатью, а сам Орлов остался с 16 человеками и мечется в охваченном районе. Постараюсь и его поймать.

Потери Орлова огромны. Слащев».

Вскоре (дата неизвестна) капитан Орлов из Бахчисарая послал генералу Слащеву телеграмму следующего содержания: «Срочно, военная, генералу Слащеву, копия начгарнизону Симферополя, Ялты, Алушты, Начдиву 34, 13, 9 и всем частям фронта и тыла. Сегодня мною с одним из моих отрядов занят Бахчисарай и временно задержаны все должностные лица, другие отряды двинулись на Ялту через Алушту и кавалерийские части — на Севастополь. Объявляю всем воинским частям, что генералом Слащевым был допущен подлый поступок, недостойный русского офицера, каковым себя, кажется, считает. 4-го марта по его приказанию 9-й кавалерийской дивизией ^[176] полковника Выгрana ^[177] был открыт в упор орудийный огонь по мирно идущей обозной колонне моих отрядов, не стесняясь даже присутствием в колонне одиннадцати санитарных двуколок с больными и медицинским персоналом. Возмущенный столь подлым поступком, призываю все офицерство и солдат, оставшихся честными долгу перед родиной, поднять, наконец, высоко голову и громко сказать: «Довольно подлостей и преступлений от высшего командного состава! Довольно быть рабами и слепо идти за преступниками, губящими дорогую нашу Россию!» Всех русских патриотов, офицеров и солдат призываю к себе. Если у вас, генерал, осталась хоть капля чести, то вы разошлете копию этой телеграммы всем вышеуказанным. Капитан Орлов».

Генерал Слащев, объявляя эту телеграмму в своем приказе «по войскам, обороняющим Крым, и во все газеты», отвечает на нее: «Объявляю комическую телеграмму капитана Орлова за № 888 из Бахчисарая (следует текст телеграммы). Мне остается спросить капитана Орлова: 1) Почему вы подчинились моему приказу — не потому ли, что я пригрозил вам опубликовать нашу переписку? 2) Почему вы вторично восстали — не потому ли, что я потребовал от вас отчета в деньгах? 3) Почему вы считаете себя защитником России — неужели потому, что вы бежали с фронта? 4) Почему вы объявляете о движении своих армий во все города Крыма — неужели потому, что имеете 16 человек? Повторяю, что работаю для России, и таких людей, как вы, которые украли 10 миллионов, считаю своими врагами. Как назвать человека, клявшегося мне в беззаветной службе Родине и в то же время не выдававшего своим людям содержания и довольствия, украв 10 миллионов и получив от меня три миллиона и 550 комплектов английского обмундирования на 300 человек? Я своего мнения высказывать не стану, боясь, что русские люди выскажутся так, что неприлично опубликовать в газетах. Требую от вас только — дайте отчет в 13 миллионах народных денег и 550 полных

комплектах обмундирования и явитесь на гласный суд. В противном случае вы — вор. Слащев».

Орлов с остатками своего отряда присоединяется к бандам «зеленых», скрывавшихся в горах. Большевистское подполье, надежды которого Орлов не оправдал (не выпустил политических заключенных из тюрьмы в январе), не поддерживало его, и, как пишет Макаров, «красно-зеленые», то есть «зеленые» большевистского толка, не имели связи с ним. К Орлову, однако, в горах присоединялись укрывавшиеся в горах и деревушках дезертиры. Он изредка появлялся на Алуштинском шоссе, нападая на проезжающих и одиночных стражников. На более крупные предприятия он, по-видимому, не решался. Орлов терял популярность в рядах офицерства и в рядах тех политических и общественных кругов Крыма, которые возлагали на него какие-то надежды.

Оставил Орлова и его ближайший помощник капитан Дубинин, пытавшийся возвратиться в свой Марковский пехотный полк, когда полк, в составе частей Добровольческой армии, эвакуированных в середине марта 1920 года из Новороссийска, прибыл в Крым. Когда Дубинин оставил Орлова, нам неизвестно, но можем предполагать, что это случилось после 29 апреля. Почти два месяца Дубинин был с Орловым после второго выступления и немного меньше после прибытия марковских частей в Крым. Невольно встают два вопроса: 1) почему Дубинин оставил Орлова? и 2) почему только после 29 апреля? Потому ли, что он действительно честно раскаялся и честно желал присоединиться к полку (но почему так поздно)? Потому ли, что он разошелся с Орловым, не видя там больше тех возможностей, которые соединили их вначале? Или, наконец, по какой-либо иной причине, исполняя чье-то поручение?

22 марта 1920 года генерал Врангель вступил в командование Вооруженными силами Юга России вместо ушедшего генерала Деникина. Приступив к ряду реорганизаций, генерал Врангель принял более серьезные меры по борьбе с «зелеными» и, в частности, с группой Орлова. Свободных сил было недостаточно, и борьба была сильно затруднена, тем более что Орлов имел много друзей среди татарского населения, которые его поддерживали и снабжали необходимой информацией. Так он и прожил в горах до эвакуации нашей армии и прихода красных войск в Крым в начале ноября 1920 года. В результате Орлов с остатками своего отряда спустился с гор и добровольно сдался в руки новой власти — красным.

Что побудило Орлова добровольно отдать себя и свой отряд в руки красных? Амнистия, объявленная красными? Надо полагать, что он рассчитывал на то, что его услуги будут приняты во внимание, что он

заслуживает снисхождения, ибо: 1) он не так давно вел игру с подпольщиками и не причинил им зла, хотя и не выполнил их предложения — освободить политических заключенных из симферопольской тюрьмы; 2) был в «оппозиции» к командованию Белой армии и даже арестовывал ее представителей; 3) отказался от активной борьбы с большевиками, покинув, вопреки приказу генерала Слащева, фронт; 4) несколько его ближайших сотрудников (капитан Дубинин, командир роты шт. — капитан Рубан и др.) были повешены по приговору военно-полевого суда в Джанкое; 5) на него распространяется «амнистия» по отношению к бывшим белым, объявленная большевиками.

Однако расчеты Орлова оказались ошибочными, и особый отдел 4-й красной армии по приговору своей «тройки» расстрелял Орлова. Вот как описывает один (Р.) из бывших в то время в Симферополе: «Отряд сошел утром с гор и выстроился перед женской гимназией на Дворянской улице, где помещался Штаб ЧОН'а — частей особого назначения 4-й советской армии. Вызвали братьев Орловых — Николая и Бориса — для заполнения анкет. Вошли они в здание (угол Дворянской и Губернской), братьев посадили в отдельные комнаты писать анкеты, и во время заполнения анкет им сзади в затылок были сделаны выстрелы, тела их были завернуты в рогожу и вывезены на грузовике, который выехал незаметно через ворота на Губернскую улицу. Отряд стоял до ночи, и, наконец, из ЧОН'а вышли и предложили расходиться по домам, Орловы не выйдут. К тому же матери, сестры и жены чинов отряда подошли к отряду, прося родных идти домой. Самые последние стойкие орловцы ушли домой к полуночи». Сведения эти, как пишет Р., были собраны Е. С. Орловой, женой капитана Н. Орлова.

Итак, выстрел, сделанный сзади чекистом, покончил последнюю главу «орловщины» или «орловского движения» и покончил с капитаном Николаем Орловым, доблестно начавшим свою воинскую карьеру на полях Первой мировой войны, продолжавшим ее в Добровольческой армии и, наконец, бесславно окончившим ее, изменив Белому движению, которому он в 1918 — 1919 годах посвятил столько своих сил.

* * *

Предлагаемое повествование о капитане Орлове и «орловщине» было бы неполным, если бы мы не попытались анализировать все вышеизложенное и не сделали бы некоторых выводов и заключений. Было ли это «авантюризм и хлестаковщина»; было ли это «идейное движение», как думают некоторые; или, быть может, он просто попался на удочку большевиков и выкрутиться уже не мог — стал игрушкой в их руках? Какова причина, что в тылу армии мог возникнуть бунт и его возглавил

именно Орлов, а не кто другой, принимая во внимание, что действие происходило в Крыму? На эти вопросы в настоящее время можно ответить, зная, хотя и приблизительно, характер и настроение Орлова и обстановку, сложившуюся к тому времени в армии на Юге России, а особенно в ее тылу.

Попытаемся это сделать. Орлов, насколько представляют знавшие его, не выделялся умственными способностями, был в этом отношении, может быть, не выше среднего уровня. Однако он отличался уже с ранних лет выдающимися физическими качествами: был сильно развит телесно, живой, могучая фигура, огромная сила. Был он также выдающимся футболистом в гимназические годы — это в то время, когда у нас футбол входил в моду, — был героем всех энтузиастов футбола. Эти качества его отличали между всей учащейся молодежью, он чувствовал свое в этом превосходство, он был всегда там, где нужно было проявить силу. В эти моменты бывал он и жесток (это качество проявлялось у него и в последние годы). Популярность его в среде молодежи и вообще населения была большая. Физическое превосходство и необыкновенная популярность развили в нем самоуверенность, соединенную со страшным самолюбием, что при ограниченности в остальных качествах могло его легко свести с правильного пути. В то же самое время он, казалось, не обладал очень сильной волей — был довольно мягкого характера, и не требовалось много усилий, чтобы изменить его решение: он легко поддавался влиянию более сильного интеллекта и более сильной воли.

И вот, обладая такими качествами, волею судьбы и популярности Орлову, вольно или невольно, пришлось принять на свои плечи большую задачу — организовать отпор большевизму в Симферополе и стать его руководителем. Он с полной энергией, с энтузиазмом взялся за это дело, популярность его сыграла огромную роль. Но обстоятельства были против него. Первая попытка отпора большевизму в январе 1918 года кончилась неудачно для него не по его вине. В конце того же года начатое им с такой энергией дело формирования полка было взято из его рук и передано другому для продолжения — командиром части, которую он с таким энтузиазмом и любовью сформировал, был назначен другой, а ему была предоставлена второстепенная роль командира батальона. Самолюбие его было страшно затронуто — дальше он уже не мог проявлять себя активно, как он себе представлял. Это был первый удар для него, не считая неудачи в январе.

Пополнение и снабжение полка шло слабыми темпами, и складывалось впечатление, что штабы ничего не делают. Огромный штаб

занимается своими удовольствиями, офицерство ропщет, налегает на своего командира — Орлова, — и результат: рапорт командира полка, принявший в глазах штаба форму «бунта». Это было первое серьезное недовольство командным составом, прибывшим из тыла. Операции его батальона в Северной Таврии и полка на Перекопе оставили след на настроении Орлова. Не было того, что он ожидал.

Не оправившись морально после неудачи на Перекопе и отступления, Орлов отправлен в командировку в Екатеринодар в штаб ВСЮР в мае 1919 года. Здесь он еще больше соприкоснулся с тылом: о фронте, казалось ему, никто не думает, удовлетворяют свои потребности и только. Чувствовалось какое-то разложение тыла. Результат — разочарование, большое падение настроения и веры в благополучный исход Белого дела. Выраженное им в июле добровольное желание отправиться в Сибирь — покинуть им же созданный полк, в котором было много его друзей, к тому же уроженца Крыма, — было, очевидно, проявлением его разочарования, раненого самолюбия и чувства неуверенности в себе.

Двухмесячное пребывание в Таганроге на полуэтапе в среде офицеров, ему подобных, с его же настроениями, наблюдение тыловой жизни в те дни, когда фронт истекал кровью, еще больше поколебали его веру в победу при таких обстоятельствах. Его слова ко мне, о которых было сказано раньше, — «будет обер-офицерская революция» — были, несомненно, плодом всех его наблюдений, обстоятельств того времени и, конечно, влияния лиц, с которыми он соприкасался. Возвратившись в Симферополь, оставшись не у дел, он был в таком состоянии, что слабый нажим на него более сильного характера мог легко вывести его из состояния неуверенности в состояние «бунта». Отступление армии, непосредственная угроза Крыму подтверждали предвиденное им, и все это подогревало его состояние. Встречаясь с друзьями и знакомыми офицерами, он делится с ними своими мыслями, встречает сочувствие среди молодежи, и это еще более убеждает его в актуальности его мыслей и в необходимости что-то делать. В это время судьба свела его с капитаном Дубининым, который находился в Симферополе на излечении.

Орлов, уже морально разложившийся, сомневающийся, с ослабевшей волей, но желающий найти какое-то решение задачи, которая, казалось ему, стоит перед ним, попадает под влияние Дубинина и других лиц. Дубинин, «отлично знающий, чего он хочет», нашел в нем — в Орлове — подходящего человека: он, как человек сильной воли, сразу же подчинил волю Орлова себе. Было ли это в целях помочь Орлову в осуществлении его мыслей или во исполнение какой-либо директивы — это вопрос, но, во

всяком случае, не в пользу Белого дела. Дубинин сразу учел большую популярность Орлова в Крыму, которая была силой, привлекающей молодежь (офицеров и добровольцев). Дубинин полностью овладел Орловым.

Постепенно вокруг Орлова собирается группа его единомышленников, искренних и неискренних; образуется окружение, ободрявшее его к каким-то шагам, для проведения которых в жизнь он не имел силы — силы физической. Руки его были связаны. Положение его было таково, что он даже не отказался связаться с подпольщиками—большевиками, которые, конечно, охотно пошли ему навстречу, желая, в свою очередь, использовать его в своих интересах.

По всем признакам можно судить, что мысли Орлова — особенно очищение тыла — находили какое-то сочувствие как в среде военных, так и в среде населения. Это сочувствие еще больше поднимало его популярность и разжигало его самолюбие и самоуверенность. Теперь необходимо было что-то — может быть, случай, — что помогло бы развязать его руки, чтобы он мог получить силу.

Этот случай не заставил себя долго ждать! «Конечно, пригласите Орлова! Он молод и очень популярен!» — эти слова, сказанные князю Романовскому, решили все. Орлов, выслушав князя, сразу же согласился на формирование отряда. Как же он мог не согласиться, когда он так долго и с таким нетерпением ждал этого момента, то есть получить в свои руки, и так легко и неожиданно, возможность приступить к осуществлению своих мыслей. Авторитет и имя князя Романовского, поддержанный авторитетом генерала Слащева, конечно, повысили еще больше цену Орлова в глазах военных, не знавших его, и общественности. Получив это, Орлов, как человек крайне самолюбивый и самоуверенный, поддержанный своими единомышленниками, видя доверие к себе, не чувствуя над собой сдерживающего начала, в сознании исключительной популярности, как говорится, «соскочил с нарезки» и пошел по скользкому пути, приведшему его к печальному концу.

«Бунт», возглавленный капитаном Орловым, если даже условно, с очень большой натяжкой, допустить его целесообразность (очищение тыла и усиление обороны армии), не мог быть оправдан тогда и не может быть оправдан сейчас. Со способом борьбы нельзя согласиться, учитывая положение фронта и общее политическое положение в те дни на Юге России. Не оправдали его и большевики, не помиловали его: он мог быть впоследствии опасен для них.

«Бунт» капитана Н. Орлова вошел в историю Белого движения

позорной страницей: начатый по мысли Орлова с благой целью, превратился в авантюру, и в результате пуля чекиста бесславно окончила жизнь честного и доблестного в свое время офицера, пошедшего по скользкому неправильному пути.

Последние бои Вооруженных Сил Юга России / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С. В. Волкова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 446 с.

© С. В. Волков, 2004

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2004

© ЗАО «Центрполиграф», 2004

ISBN 5–9524–1011–1

Научно–просветительное издание

ПОСЛЕДНИЕ БОИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ

Составление, научная редакция, предисловие и комментарии д. и. н. Сергея Владимировича Волкова

Серия основана в 2000 году

Под общей редакцией авторов проекта

Валентины Алексеевны БЛАГОВО

и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,

членов Российского Дворянского Собраниа

Оформление художника И. Л. Озерова

Ответственные редакторы В. А. Благово и С. А. Сапожников

Редактор Е. А. Волкова

Художественный редактор И. А. Озеров

Технический редактор А. И. Витушкина

Корректор Д. Б. Соловьев

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.04.2004.

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Лазурского».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0. Уч. — изд. л. 25,98 Тираж 3 000 экз.

Заказ № 2370

ЗАО «Центрполиграф»

125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1, пом. ТАРП ЦАО

Для писем: 111024, Москва, 1–я ул. Энтузиастов, 15

e-mail: cnpol@dol.ru www.centropoligraf.ru

---

notes

Комментарии

Альбов Александр Павлович, р. в 1902 г. Гимназия в Одессе (1918). В Вооруженных силах Юга России; участник восстания в Одессе в организации полковника Саблина в августе 1919 г., затем вольноопределяющийся 1-го Одесского караульного полка, с конца августа 1919 г. до эвакуации Новороссийска на бронепоезде «Генерал Дроздовский», летом 1920 г. юнкер Корниловского военного училища, младший офицер комендантской роты Севастополя до эвакуации Крыма. Георгиевский крест IV ст. Подпоручик л. — гв. Измайловского полка (с 6 августа 1920 г.). Эвакуирован на корабле «Великий князь Александр Михайлович». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Гвардейского отряда в Югославии. В эмиграции там же. Служил в РОА (майор), с 1945 г. в США. Умер 3 ноября 1989 г. в Пасифик-Грове (США).

Впервые опубликовано: Наши Вести. Декабрь 1979 — март 1981. №№
377 — 382.

Доменик Виктор. Прапорщик. В Добровольческой армии и ВСЮР на бронепоезде «Вперед за Родину», с 15 марта 1919 г. подпоручик. Осенью 1919 г. на бронепоезде «Генерал Дроздовский». Капитан.

Гудков Владимир Федорович, р. 13 января 1896 г. Из дворян, сын офицера. 1-й Сибирский кадетский корпус (1915), Сергиевское артиллерийское училище (1915). Поручик 1-й Финляндской стрелковой артиллерийской бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР; осенью 1919 г. на бронепоезде «Генерал Дроздовский»; в Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Капитан. Умер 12 марта 1921 г. в Галлиполи.

Хорошкевич Владимир. Одесский кадетский корпус (1918). В Добровольческой армии доброволец на бронепоезде «Генерал Дроздовский», с 22 июля 1919 г. прапорщик; в марте 1920 г. на бронепоезде «Генерал Дроздовский». Участник Кубанского десанта в тяжелой батарее. Георгиевский крест IV ст. Поручик. Пропал без вести в августе 1920 г. на Кубани.

Осипов Алексей Владимирович, р. в Саратовской губ. Вольноопределяющийся. В Добровольческой армии; в июне — сентябре 1918 г. бомбардир на бронепоезде № 1 («Генерал Алексеев»), с 10 ноября 1918 г. прапорщик. Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Поручик. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 1-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (2-й вып.), в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов, член редколлегии журнала «Армия и Флот». После 1945 г. — в США, в 1950 — 1951 гг. член Общества Галлиполийцев в Калифорнии, к 1956 г. в Лос-Анджелесе. Умер после 1963 г.

Впервые опубликовано: Вестник первоходника. Август — сентябрь 1966. № 59/60.

Раух Георгий Георгиевич, р. 16 октября 1895 г. Пажеский корпус (1914). Штабс-ротмистр Кавалергардского полка. В Добровольческой армии; с 24 марта по 12 мая 1919 г. в эскадроне своего полка в Сводном полку гвардейской кавалерии, с октября 1919 г. командир эскадрона в дивизионе своего полка, в январе — марте 1920 г. командир эскадрона в Сводно-гвардейском кавалерийском полку, ротмистр. В Русской Армии до эвакуации Крыма; 27 октября 1920 г. врид командира Гвардейского кавалерийского полка. Ранен. Подполковник. В эмиграции во Франции (в Париже и его окрестностях), к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 11 августа 1971 г. в Париже.

Впервые опубликовано: Вестник первоходника. Август — сентябрь 1967. № 71/72.

Рябинский Аполлинарий Александрович, р. 15 июля 1890 г. в Витебске. Из дворян, сын генерала. Симбирский кадетский корпус (1911), Киевское военное училище (1913). Штабс-капитан 81-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. с Корниловским полком; в боях с 18 января 1918 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир пулеметной роты Корниловского полка. Ранен 14 октября 1918 г. под Армавиром. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. Капитан. На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Полковник. В эмиграции в Югославии, председатель полкового объединения 81-го пехотного полка. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 10 апреля 1982 г. в Буэнос-Айресе.

Впервые опубликовано: Военная Быль. 1964. Декабрь. № 71; Вестник первопоходника. 1965. Июнь. № 45.

Натус Николай Владимирович. Сын архитектора. Поручик. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: начальник команды связи полка, в марте — апреле 1918 г. связной армии с Ростовом. В марте 1920 г. командир эскадрона Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска, затем в 1-м Корниловском полку, командир штабного эскадрона Корниловской дивизии. Капитан. Орден Св. Николая Чудотворца. Тяжело ранен 22 июня 1920 г. у колонии Вальдгейм в Северной Таврии и умер в Севастополе.

Ковалев Евгений Елеазарович, р. в 1897 г. Донской кадетский корпус (1914), Михайловское артиллерийское училище (1915). Сотник. В Донской армии; в январе 1918 г. командир 1-го партизанского артиллерийского взвода; к 1 января 1919 г. есаул, командир 35-й Донской казачьей батареи; летом 1920 г. в 3-й Русской Армии, с 9 мая 1921 г. по август 1922 г. командир Донского казачьего дивизиона в Польше. В эмиграции во Франции, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 17 июля 1971 г. во Франции.

Впервые опубликовано: Военная Быль. 1966. Январь. № 77.

Леонов Борис Александрович, р. 19 июля 1880 г. Из дворян ВВД, казак ст. Краснокутской. Донской кадетский корпус (1898), Михайловское артиллерийское училище (1900). Войсковой старшина, командир 18-й Донской казачьей батареи. В Донской армии; в январе — феврале 1918 г. на той же должности, в мае 1918 г. врид начальника донской артиллерии. Полковник, убит 6 января 1920 г. у ст. Ольгинской.

Бабкин Федор Иванович, р. 6 марта 1887 г. Донской кадетский корпус (1905), Михайловское артиллерийское училище (1907). Есаул, командир 17-й Донской казачьей батареи. В Донской армии; в январе — феврале 1918 г. на той же должности, в апреле 1918 г. руководитель съезда Черкасского округа, с 7 мая 1918 г. — войсковой старшина, на 1 января 1919 г. командир 1-й батареи, затем командир дивизиона донской артиллерии. Полковник. Умер от ран в марте 1920 г. на Кубани.

Впервые опубликовано: Военная Быль. 1967. Сентябрь. № 87.

2-й Донской отдельный корпус. Сформирован 12 мая 1919 г. из 2-й Донской армии. Входил в состав Донской армии. Состав: Донская Сводно-партизанская, 7-я Донская и 1-я Сводная дивизии, Войсковая Донская инженерная сотня (100 человек), 2-я и 6-я мортирные батареи, бронеавтомобили «Сокол» и «Печенег». На 5 октября 1919 г. всего насчитывал 7778 штыков, 9727 сабель, 222 сапера, 294 пулемета, 61 орудие. В начале февраля 1920 г. был переформирован и включал Донскую Сводно-партизанскую, 7-ю Донскую и 4-ю Донскую конную дивизии, 15-ю Донскую конную бригаду, Донской партизанский полковник Чернецова, Донской пеший генерала Семилетова, Богучарский пеший и 40-й Донской конный полки. Расформирован 24 марта 1920 г. и обращен на формирование 2-й Донской конной дивизии (II). Командиры: генерал-лейтенант А. С. Секретев, генерал-майор П. И. Коновалов, полковник И. Е. Поливанов (врид; ноябрь — декабрь 1919 г.), генерал-майор А. М. Сутулов (1919 — 1920 гг.). Начальники штаба: полковник В. А. Ширяев, полковник Ф. Ф. Одноглазков (врид; декабрь 1919 г.).

Коновалов Петр Ильич, р. 12 июня 1881 г. Из казаков ст. Мигулинской Области войска Донского. Учительская семинария, Новочеркасское военное училище (1906), академия Генштаба (1912). Георгиевский кавалер. Подполковник, и. д. начальника штаба 65-й пехотной дивизии. В Донской армии с 4 мая 1918 г., с мая 1918 г. полковник, на 26 июня 1918 г. начальник штаба отряда полковника Фетисова, на 20 ноября 1918 г. начальник штаба войск Усть-Медведицкого района (с 1 декабря 1918 г. — Северо-Восточного фронта), с 8 января 1919 г. начальник штаба войск Луганского района, с февраля 1919 г. начальник 2-й Донской конной дивизии, затем начальник конной группы; с 15 сентября 1919 г. командир 2-го Донского отдельного корпуса, с 25 марта 1920 г. в резерве офицеров Генштаба при штабе Донского корпуса. Генерал-лейтенант (с 18 апреля 1920 г.). Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции в Югославии. После 1945 г. — в США. Умер 27 апреля 1960 г. в Нью-Йорке.

4-я Донская конная дивизия. Сформирована летом 1919 г. в Донской армии из конной группы в составе 2-го Донского отдельного корпуса, но вскоре вошла в состав Сводно-Донского корпуса. В феврале 1920 г. передана в состав 2-го Донского отдельного корпуса. На 11 февраля 1920 г. включала 4, 5 и 6-ю Донские конные бригады, 5, 6, 13 и 14-й конно-артиллерийские дивизионы (14, 18, 21 — 24, 48 и 49-я батареи). Начальники: генерал-майор Н. П. Калинин, генерал-майор С. Д. Позднышев. Начальники штаба: войсковой старшина Н. А. Хохлачев (октябрь 1919 г.), полковник Ф. П. Сергеев.

Позднышев Сергей Дмитриевич, р. 9 октября 1889 г. Из казаков ВВД. Новочеркасское военное училище (1910). Есаул 15-го Донского казачьего полка. В Донской армии; в марте 1918 г. руководитель восстания в районе ст. Екатерининской, с 1918 г. полковник, командир полка. Летом — в октябре 1919 г. командир 6-й Донской отдельной конной бригады, командующий конной группой 2-го Донского корпуса, с ноября 1919 г. начальник 4-й Донской казачьей дивизии и врид командира корпуса. Эвакуирован 25 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер» на о. Лемнос. 16 октября 1920 г. выехал в Крым на корабле «Херсон». Генерал-майор (1919 г.). В эмиграции в Югославии и во Франции (в Париже), в 1921 — 1961 гг. секретарь, затем председатель Союза Инвалидов в Кламаре, в 1961 — 1965 гг. редактор газеты «Русский инвалид», председатель Главного правления Общества помощи русским инвалидам, председатель Союза казаков-комбатантов, представитель Донского атамана во Франции. Умер 7 мая 1980 г. в Париже.

9-я Донская конная дивизия. Сформирована в Донской армии. Входила в состав 4-го Донского отдельного корпуса. Включала 8, 11 и 12-ю Донские конные бригады, а к осени 1919 г. — образованные из них 8-й (348 сабель, 17 пулеметов), 11-й (291 сабля, 18 пулеметов) и 12-й (385 сабель, 26 пулеметов) Донские сводные конные полки. На 5 октября 1919 г. всего насчитывала 1024 сабли, 51 пулемет, 7 орудий. Начальник — генерал-майор А. С. Секретев. Начальники штаба: полковник С. Я. Соболевский (до 11 ноября 1919 г.), полковник И. И. Авчинников (с 6 декабря 1919 г.).

10-я Донская конная дивизия. Сформирована в Донской армии 12 мая 1919 г. из конного корпуса 1-й Донской армии. Входила в состав 4-го Донского отдельного корпуса. Включала 9-ю и 13-ю (летом также 10-ю) Донские конные бригады. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 2376 сабель, 52 пулемета, 7 орудий. Начальники: генерал-майор Б. Д. Толкушкин (1919 г.), генерал-майор Николаев (февраль 1920 г.). Начальники штаба: полковник В. А. Вишневский (1919 г.), войсковой старшина П. Л. Фролов (февраль 1920 г.).

14-я Донская отдельная конная бригада. Сформирована в Донской армии как Пятиизбянская конная дивизия, с 25 января 1919 г. — 14-я Донская конная дивизия 8-го Донского армейского корпуса, 1 июня 1919 г. переформирована в бригаду. Входила в состав 1-го Донского отдельного корпуса. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 2705 сабель и 28 пулеметов. Включала 28, 29 и 30-й Усть-Медведицкие конные полки, 42-ю Донскую конную батарею (4 орудия) и конно-саперную сотню (132 сабли, 2 пулемета). В ноябре — декабре 1919 г. была придана 2-му Донскому отдельному корпусу. Расформирована 21 мая 1920 г. Начальники: полковник (генерал-майор) А. В. Голубинцев, войсковой старшина Корнеев (врио; с 4 сентября 1919 г.), полковник Гаврилов (врио; до 7 декабря 1919 г.), генерал-майор Туроверов (врио; до 16 января 1920 г.). Начальник штаба — войсковой старшина Корнеев.

Голубинцев Александр Васильевич, р. 28 февраля 1882 г. Из казаков ст. Новочеркасской Области войска Донского. Новочеркасская гимназия, Новочеркасское военное училище (1901) (офицером с 1902 г.). Войсковой старшина, командир 3-го Донского казачьего полка. В Донской армии. Руководитель подпольной организации в ст. Усть-Хоперской и восстания казаков Хоперского и Верхне-Донского округов, командующий «Освободительными войсками Вольных хуторов и станиц Усть-Медведицкого округа», с 5 июля командир 4-го конного отряда, на 29 августа 1918 г. командир отряда войск Усть-Медведицкого района, затем в распоряжении командующего конной группой генерала К. Мамонтова, с ноября 1918 г. полковник, с 6 марта 1919 г. начальник 5-й конной дивизии, с 9 июня начальник повстанческой Усть-Медведицкой конной дивизии, с августа 1919 г. командир 14-й Донской отдельной конной бригады, с 30 ноября 1919 г. генерал-майор, 15 — 25 декабря 1919 г. командующий конной группой своего имени и затем снова 14-й бригады (затем 4-й Донской конной дивизии). В Русской Армии с весны 1920 г. в Донском офицерском резерве до эвакуации Крыма. В эмиграции в Болгарии (1938 г.) и в Германии. Во время Второй мировой войны — в казачьих частях вермахта, с 1944 г. в РОА, член Главного управления казачьих войск при КОНР, в 1947 — 1949 гг. член редколлегии журнала «На пикете» в лагере Шлясгейм. Участник монархического движения. Председатель Союза Андреевского флага. Умер 17 апреля 1963 г. в Кливленде (США).

4-я Донская пластунская бригада. Сформирована в Донской армии как отряд полковника Фетисова (затем — Цимлянский пеший отряд) Южной группы Восточного фронта Донской армии, с 25 января 1919 г. — 11-я Донская казачья пешая дивизия 6-го Донского армейского корпуса. На 7 марта 1919 г. включала 46-й и 64-й пешие полки, 27-ю и 28-ю батареи и Царицынский ударный батальон. 12 мая 1919 г. переформирована в Персиановке в бригаду и вошла в состав 6-й Донской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 2241 штык, 1826 сабель, 62 пулемета, 14 орудий. Включала 51-й (558 штыков, 140 сабель, 6 пулеметов), 61-й (677 штыков, 185 сабель, 9 пулеметов) и 73-й (390 штыков, 322 сабли, 8 пулеметов) Донские пластунские полки, Старообрядческий батальон (472 штыка, 80 сабель, 13 пулеметов), 18-й Донской конный полк (852 сабли, 12 пулеметов), Сотню особого назначения командующего Донской армией (144 штыка, 62 сабли, 6 пулеметов), конвойную сотню (90 сабель, 1 пулемет), конвойную сотню штаба 6-й Донской дивизии (195 сабель, 1 пулемет), 41-ю и 50-ю Донские легкие (по 4 орудия), 10-ю Донскую мортирную (4 орудия) и 2-ю Донскую тяжелую (2 орудия) батареи, а также инженерную сотню 6-й Донской дивизии (86 человек). Начальники: полковник Овчинников (январь — март 1919 г.), полковник Медведков (октябрь 1919 г.). Начальник штаба — подполковник Зимин (весна 1919 г.).

1-й Донской отдельный корпус. Сформирован 12 мая 1919 г. из 1-й Донской армии. Входил в состав Донской армии. Состав: 6-я Донская дивизия, 10-я и 14-я Донские конные бригады и Сотня особого назначения (187 сабель, 1 пулемет). На 5 октября 1919 г. всего насчитывал 5190 штыков, 6699 сабель, 214 саперов, 157 пулеметов, 32 орудия. Расформирован 24 марта 1920 г. и обращен на формирование 3-й Донской дивизии. Командир — генерал-майор Н. Н. Алексеев. Начальник штаба — полковник П. Н. Санников.

Корсун Андрей Константинович. Из дворян Кубанской обл., сын полковника, казак ст. Нововеличковской. Юнкер Николаевского кавалерийского училища. Окончил Кубанское военное училище (1917). Офицер с 1918 г. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. В Русской Армии в отряде особого назначения генерала Малышенко. Участник десанта на Кубань. С 1920 г. в Собственном Е. И. В. конвое до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в прикомандировании к дивизиону л. — гв. Кубанских и Терской сотен в Югославии. Есаул. Служил в Русском Корпусе. В 1945 — 1946 гг. в лагере Келлерберг (Австрия). Войсковой старшина (полковник). Умер 8 марта 1983 г. в США.

Впервые опубликовано: Вестник первоходника. 1969. Март — апрель. № 89.

Завгородний Григорий. В Добровольческой армии и ВСЮР; сотник 1-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, с 18 июня 1919 г. подъесаул; в январе 1920 г. командир 4-й сотни Запорожского полка 1-й Кубанской конной дивизии. Есаул.

Впервые опубликовано: Первопоходник. 1976. Декабрь. № 34.

Стопчанский Владимир Андреевич, р. в 1870 г. В службе с 1888 г., офицером с 1890 г. Генерал–майор артиллерии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1 августа 1918 г. по 27 июля 1919 г. в резерве чинов Кубанского казачьего войска, с 23 октября 1918 г. по 1919 г. в комиссии генерала Королькова, командир 2–й бригады 1–й Кубанской казачьей дивизии, с 9 ноября 1918 г. член комиссии по организации Кубанских частей, с 27 июля 1919 г. инспектор артиллерии 1–го Кубанского корпуса. Убит 8 марта 1920 г. у ст. Белая Глина.

2-я Кубанская пластунская отдельная бригада. Сформирована в Добровольческой армии в сентябре 1918 г. из восставших казаков Майкопского отдела (приказ от 14 ноября 1918 г.). В ноябре — декабре 1918 г. входила в состав 3-го армейского корпуса (I). В середине июня 1919 г. входила в состав Добровольческой армии (с 8 июля в Полтавском отряде), в октябре 1919 г. — 1-го Кубанского корпуса. К 5 октября 1919 г. насчитывала 3299 штыков, 78 пулеметов и 8 орудий. Состав: 2-й (1108 штыков, 20 пулеметов; полковник Наумов), 4-й (605 штыков, 26 пулеметов, 2 орудия; полковник Б. Запольский), 8-й (765 штыков, 21 пулемет; полковник И. А. Захаров, с 18 июня 1919 г.), 9-й (821 штык, 11 пулеметов; полковник Староверов, с 15 ноября 1919 г. — полковник Невзоров) Кубанские пластунские батальоны и 2-й Кубанский казачий пластунский артиллерийский дивизион: 2-я легкая (три орудия) и 2-я гаубичная (три гаубицы) пластунские батареи. Начальники: генерал-майор А. А. Гейман (с 15 ноября 1918 г.), полковник Б. Запольский (5 октября 1919 г.). Начальники штаба: полковник И. А. Захаров (19 ноября 1918 г. — 18 июня 1919 г.), полковник В. А. Замбержицкий (22 июля — 28 ноября 1919 г.).

3-я Кубанская пластунская отдельная бригада. Сформирована в Добровольческой армии 14 ноября 1918 г. В 1919 г. после переформирования корпусов входила в состав 2-го Кубанского корпуса, в октябре 1919 г. — в 4-й конный корпус. К 5 октября 1919 г. (временно в 1-м Кубанском корпусе) насчитывала 1229 штыков, 24 пулемета и 3 орудия. Состав: 1-й (полковник Серафимович), 3-й (721 штык, 12 пулеметов; полковник Цыганок, до 28 ноября 1919 г.), 5-й (508 штыков, 12 пулеметов; полковник Белявский), 11-й (полковник Мазанко) Кубанские пластунские батальоны и 3-я Кубанская казачья пластунская батарея (три легких орудия; штабс-капитан Киреев). Начальники: генерал-майор Д. И. Ходкевич (с 15 ноября 1918 г.), полковник С. Ф. Цыганок (с 28 ноября 1919 г.). Начальники штаба: полковник Медведев (19 ноября 1918 г. — 12 сентября 1919 г.), полковник Даниленко (с 12 сентября 1919 г.).

1-й Кавказский полк Кубанского казачьего войска. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Входил в состав 1-й конной дивизии (июнь 1918 г.), с 11 ноября 1918 г. — 3-й Кубанской казачьей дивизии, затем Отдельной Кубанской казачьей бригады (октябрь — ноябрь 1919 г.; к 5 октября 1919 г. был придан 3-й Кубанской казачьей дивизии). На 29 октября 1919 г. насчитывал 364 сабли, 10 пулеметов. Командиры: полковник К. П. Нефедьев (до 31 января 1919 г.), полковник Орфенов (с 31 января 1919 г.).

2-й Кавказский полк Кубанского казачьего войска. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Сформирован в июне 1918 г. как 4-й Сводный Кубанский полк. 18 января 1919 г. переименован во 2-й Кавказский. Был в составе 2-й пехотной дивизии. С 29 июля 1919 г. входил в состав 4-й Кубанской казачьей дивизии. Насчитывал 64 сабли, 1 пулемет. Командиры: полковник Яновский (до 3 сентября 1918 г.), войсковой старшина Рутецкий (с 29 августа 1918 г.), войсковой старшина Закрепа (с 23 октября 1919 г.).

1-й Лабинский полк Кубанского казачьего войска. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Сформирован в середине июня 1918 г. в составе Южно-Кубанской армии, после соединения с отрядом полковника Шкуро вошел в состав его 1-й казачьей дивизии. При соединении с Добровольческой армией около 10 июля 1918 г. вошел в состав 2-й Кубанской казачьей дивизии, где оставался до апреля 1920 г. На 5 октября 1919 г. насчитывал 97 сабель, 7 пулеметов. В Русской Армии входил в состав 1-й Кубанской казачьей дивизии (II). Командиры: есаул Козликин (июнь 1918 г.), полковник (генерал-майор) А. П. Шапринский (31 октября 1918 г. — 4 апреля 1919 г.), полковник С. Жуков (с 4 апреля — октябрь 1919 г.).

4-й конный корпус. Сформирован во ВСЮР как 3-й конный корпус, но через несколько дней переименован в 4-й. Входил в состав Кавказской армии. Состоял из 1-й конной и Сводно-горской дивизий. После переформирования включал 1-ю конную и Астраханскую дивизии и Кубанскую отдельную пластунскую бригаду, в сентябре — октябре 1919 г. — 1-ю конную, Сводно-горскую и Кабардинскую конную дивизии и 3-ю Кубанскую пластунскую бригаду. К 5 октября 1919 г. (временно без Сводно-горской дивизии и 3-й Кубанской пластунской бригады, но с 4-й Кубанской казачьей и Кабардинской конной дивизиями) насчитывал 1222 штыка, 1047 сабель, 47 пулеметов и 15 орудий. 11 ноября 1919 г. в него вошла 1-я Кубанская конная дивизия. Командиры: генерал-лейтенант СМ. Топорков (с 22 июля 1919 г.), полковник В. В. Муравьев (врид. 5 октября 1919 г.). Начальники штаба: генерал-майор М. М. Георгиевич (до 11 ноября 1919 г.), полковник Н. И. Химич (с 11 ноября 1919 г.). Инспектор артиллерии — генерал-майор В. А. Мальцев (с 4 августа 1919 г.).

Долаков Игнатий Афанасьевич. Капитан. Во ВСЮР и Русской Армии во 2-м Дроздовском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Америке.

Впервые опубликовано: Белая гвардия. М., 1997 — 1998. № 1—2.

Фридман Александр Карлович, р. в 1876 г. В службе с 1895 г., офицером с 1898 г. Полковник. В Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку, затем помощник командира 2-го Дроздовского полка, старшинство в чине с 5 ноября 1919 г., на 30 декабря 1919 г. помощник командира 1-го Дроздовского полка; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции в Чехословакии. В 1945 г. схвачен в Праге и вывезен в СССР.

Домбровский Аркадий Михайлович. Подпоручик. В Добровольческой армии и ВСЮР в Самурском полку; с 30 сентября 1919 г. поручик, на 30 декабря 1919 г. командир 1-й роты 1-го Дроздовского полка; в Русской Армии в Дроздовских частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка во Франции. Капитан.

Бюро Александр Михайлович. Поручик. В Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; на 30 декабря 1919 г. начальник пулеметной команды 1-го батальона 1-го Дроздовского полка. В Русской Армии в Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. Капитан. Служил в Русском Корпусе (унтер-офицер). Убит 22 мая 1942 г. у Кральева (Югославия).

Цветков Алексей Васильевич. Подпоручик. В Вооруженных силах Юга России; на 30 декабря 1919 г. командир 10-й роты 1-го Дроздовского полка. В Русской Армии в Дроздовских частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции во Франции. Поручик. Умер 11 марта 1957 г. в Жуанвиле (Франция).

Годлевский Григорий Николаевич. Поручик. В Вооруженных силах Юга России; на 30 декабря 1919 г. начальник команды пеших разведчиков 1-го Дроздовского полка. В Русской Армии в Дроздовских частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка во Франции. Капитан.

Дубатов Алексей Иванович. Поручик. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; на 30 декабря 1919 г. заведующий оружием 1-го Дроздовского полка, осенью 1920 г. в том же полку. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. Штабс-капитан. В эмиграции пел в Кубанском казачьем хоре. Капитан. Умер 4 октября 1937 г. в Гааге (Голландия).

Казанцев Сергей Порфирьевич. Лекарь. В Вооруженных силах Юга России; на 30 декабря 1919 г. старший врач 1-го Дроздовского полка. В Русской Армии в Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии.

Дроздовская артиллерийская бригада. Сформирована во ВСЮР 4 апреля 1919 г. как 3-я артиллерийская бригада на базе батарей (3-я отдельная легкая и Гаубичная) отряда полковника Дроздовского (3-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона). Первоначально включала дивизионы: 1-й — 1-я (бывшая 3-я отдельная легкая) и 2-я легкие батареи, 2-й — 3-я и 4-я (из артиллерии бывшего Воронежского корпуса) легкие, 4-й — 7-я (бывшая Гаубичная, затем 3-я легкая гаубичная) и 8-я (из артиллерии бывшего Воронежского корпуса) легкие гаубичные батареи, с 1 июля — и 3-й дивизион: 5-я (с 27 мая) и 6-я (с 21 июля) батареи. Позже включала четыре дивизиона (восемь батарей). На 5 октября 1919 г. имела 20 легких орудий и 6 гаубиц. Входила в состав 3-й пехотной дивизии. С преобразованием 14 октября 1919 г. этой дивизии в Дроздовскую получила 22 октября наименование Дроздовской артиллерийской бригады и входила в состав Дроздовской дивизии. На 16 апреля 1920 г. включала только 1, 2 и 4-й дивизионы. С мая по август 1920 г. потеряла 473 человека. В Галлиполи сведена в Дроздовский артиллерийский дивизион. 1, 2, 3 и 7-я батареи награждены серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца. Чины бригады носили малиновые фуражки с черным околышем и красные погоны с черной выпушкой, золотыми орудиями и буквой «Д». Командиры: генерал-майор В. А. Мальцев (до 4 августа 1919 г.), полковник (генерал-майор) М. Н. Ползиков. Бригадный адъютант — подполковник Пинчуков. Командиры дивизионов: 1-го — полковник В. А. Протасович, 2-го — полковник А. А. Шеин, полковник В. А. Протасович (с 13 апреля 1919 г.), полковник В. В. Горкунов (с 28 ноября 1919 г.), 3-го — полковник П. А. Соколов, 4-го — полковник А. К. Медведев (с 13 апреля 1919 г.).

Чесноков Николай Владимирович. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-й артиллерийской бригаде, с 24 августа 1919 г. командир 3-й батареи; на 30 декабря 1919 г. командир 1-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады. В Русской Армии командир той же батареи, с сентября 1920 г. командир 1-го Дроздовского полка до эвакуации Крыма. Генерал-майор (ноябрь 1920 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Югославии.

Николаев Петр Васильевич. Алексеевское военное училище (1907). Офицер 40-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР; на 30 декабря 1919 г. командир 2-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады. В Русской Армии в той же бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона в Болгарии. Полковник. В эмиграции в Бельгии. Умер 30 июля 1964 г. в Брюсселе.

Кельнер Константин Александрович. Полковник. Участник похода Яссы — Дон. В Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; с 23 июня до июля 1918 г. командир Солдатского батальона, затем полка, с 18 января 1919 г. командир 2-го Офицерского полка (27 января 1919 г. старшинство в чине); в сентябре — ноябре 1919 г. командир 1-й бригады 3-й пехотной (затем Дроздовской) дивизии, с мая 1920 г. помощник начальника той же дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В 1922 г. выслан из Болгарии. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Югославии. Генерал-майор.

9-я пехотная дивизия. Сформирована во ВСЮР 1 сентября 1919 г. Входила в состав 1-го армейского корпуса (I), к 5 октября 1919 г. — войск Киевской области. Включала Алексеевский, Белозерский, Олонецкий и Сводно-стрелковый полки, запасный батальон, 9-ю артиллерийскую бригаду и 9-ю инженерную роту. К 5 октября 1919 г. насчитывала 815 штыков при 33 пулеметах. 14 октября 1919 г. Алексеевский полк выделен в Алексеевскую дивизию. В январе 1920 г. остатки дивизии обращены на пополнение Дроздовской дивизии. Начальник — генерал-майор А. И. Шевченко (с 5 сентября 1919 г.). Начальник штаба — полковник Лебедев (с 12 сентября 1919 г.).

Ройбул–Вакаро Михаил Вениаминович. Одесский кадетский корпус (1909), Киевское военное училище. Поручик 7–го стрелкового полка. В Вооруженных силах Юга России; в октябре 1919 г. командир 2–го батальона в 1–м Дроздовском полку, с 4 ноября 1919 г. штабс–капитан, с 5 ноября 1919 г. капитан. В Русской Армии в Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник (6 ноября 1919 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Румынии.

Руммель В. А. Подполковник. Участник похода Яссы — Дон (присоединился к отряду полковника Жебрака), командир роты. В Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку, в июне 1918 г. командир батальона того же полка, с января 1919 г. командир 1-го Дроздовского полка, с 14 ноября 1919 г. комендант Харькова. Умер от тифа в марте 1920 г.

Ползиков Михаил Николаевич, р. в 1875 г. Из дворян. Орловский кадетский корпус, Павловское военное училище (1895). Полковник, командир артиллерийского дивизиона. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы — Дон, командир легкой батареи. В Добровольческой армии и ВСЮР в 3-м легком артиллерийском дивизионе (27 января 1919 г. старшинство в чине), затем командир дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. В Русской Армии командир Дроздовской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Галлиполиец. В эмиграции в апреле 1922 г. в Болгарии. Умер 6 июня 1938 г. в Вассербилинге (Люксембург).

Виноградов Иван Васильевич. Участник похода Яссы — Дон. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-м Дроздовском полку, подпоручик и поручик с 30 сентября 1919 г. В Русской Армии (в августе 1920 г. штабс-капитан) адъютант Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. Капитан. В эмиграции в Чехословакии. В монашестве архимандрит Исаакий. Арестован в 1945 г. в Праге. Умер 12 января 1981 г. в СССР.

Ханыков Николай Николаевич, р. в 1889 г. Тифлисский кадетский корпус, Киевское военное училище (1908). Офицер 60-го пехотного полка. В Вооруженных силах Юга России; на 3 января 1920 г. командир 2-го батальона 1-го Дроздовского полка. В Русской Армии во 2-м Дроздовском полку до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. Подполковник. В 1949 г. председатель Общества Галлиполийцев и начальник группы 1-го армейского корпуса в Бельгии, с 1953 г. начальник 5-го отдела РОВС. Полковник. Умер 21—22 марта 1967 г. в Брюсселе.

Борисов Игорь Викторович, р. в 1895 г. Прапорщик. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918 г. на бронепоезде «Генерал Алексеев», в декабре 1919 г. подпоручик на бронепоезде «Иоанн Калита», в Русской Армии в 1-м бронепоездном дивизионе до эвакуации Крыма. Подпоручик. Эвакуирован на корабле «Сцегед». На 30 декабря 1920 г. в 1-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Поручик. Осенью 1925 г. в составе того же дивизиона во Франции. Подпоручик. Умер 4 июля 1976 г. в Монморанси (Франция).

Харьковцев Борис Васильевич (1-й), р. в 1890 г. Из дворян. Капитан. В Добровольческой армии; с июня 1918 г. командир орудия 1-й Офицерской генерала Маркова батареи, в августе 1918 г. в Марковской артиллерийской бригаде; с 12 августа 1918 г. командир бронепоезда «Офицер», затем начальник конвоя генерала Кутепова; с сентября 1918 г. до марта 1920 г. и в мае 1920 г. командир бронепоезда «Слава Офицеру», с 6 августа 1920 г. по сентябрь 1920 г. командир 1-й батареи в Марковской арт. бригаде. Полковник.

Селиков Артемий Степанович, р. в 1873 г. Из дворян, сын полковника. Офицер с 1894 г. Полковник артиллерии. В Вооруженных силах Юга России; на 23 мая 1919 г. начальник инспекторского отделения штаба Добровольческой армии, затем в управлении начальника бронепоездных дивизионов, с 20 августа 1919 г. старшинство в чине полковника, в сентябре — декабре 1919 г. командир 4-го бронепоездного дивизиона.

Карпинский Владимир Васильевич. Капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР; в январе, сентябре — октябре 1919 г. командир бронепоезда «Единая Россия», затем в распоряжении начальника бронепоездных дивизионов, с 3 ноября 1919 г. по март 1920 г. командир бронепоезда «На Москву»; с 23 марта 1920 г. командир бронепоезда «Грозный», в Русской Армии с 17 мая 1920 г. до эвакуации Крыма на той же должности. Полковник (27 января 1919 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона в Болгарии. В эмиграции там же, в 1931 — 1936 гг. возглавлял группу 6-го артдивизиона в Болгарии (София).

Бои на Юге Украины с упоминанием командира бронепоезда Воронова описаны в разделе 2. Воронов Авенир Петрович, р. в 1895 г. Тифлисский кадетский корпус, артиллерийское училище (1915). В Донской армии и ВСЮР; в августе 1919 г., в январе — марте 1920 г. командир бронепоезда «Атаман Самсонов», весной 1920 г. в Донском офицерском резерве, в Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Капитан (с 26 февраля 1920 г.). Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе того же дивизиона в Болгарии.

Юрьев Виктор Андреевич. Михайловское артиллерийское училище. В Добровольческой армии и ВСЮР на бронепоезде «Вперед за Родину», с 25 февраля 1919 г. капитан, с 24 августа 1919 г. до 10 марта 1920 г. командир бронепоезда «Вперед за Родину», затем — сборного бронепоезда, затем снова в прежней должности до эвакуации Новороссийска. В Русской Армии с апреля 1920 г. командир бронепоезда «Севастополец» в 1-м бронепоездном дивизионе до эвакуации Крыма. Полковник (октябрь — ноябрь 1919 г.). Эвакуирован на корабле «Сцегед». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 1-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе того же дивизиона во Франции. В эмиграции к 1935 г. священник, протопресвитер. Умер 6 августа 1966 г. в Париже.

7-я Донская дивизия. Сформирована 12 мая 1919 г. из 3-го Донского армейского корпуса. Входила в состав 2-го Донского отдельного корпуса. Включала 1-ю и 5-ю Донские пластунские бригады, 5-ю и 6-ю Донские конные бригады, 4-ю (1 орудие) и 7-ю (2 орудия) мортирные батареи и инженерную сотню (63 человека). На 5 октября 1919 г. насчитывала 2434 штыка, 4847 сабель, 120 пулеметов, 25 орудий. В феврале 1920 г. включала 5-ю Донскую пластунскую и 16-ю Донскую конную бригады (5-й и 30-й конные полки) и конную батарею. Расформирована 24 марта 1920 г. Начальник — полковник О. И. Савватеев. Начальники штаба: полковник П. А. Ситников, полковник Пивоваров.

Вознесенский Александр Александрович. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище. Штабс-капитан. В Вооруженных силах Юга России; с февраля по март 1920 г. командир 1-го Отдельного легкого бронепоезда. В Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Подполковник. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона во Франции. В 1935 г. в Париже. Полковник. Умер 2 ноября 1969 г. в Париже.

Невадовский Иоанн Дмитриевич. Офицер 18-й артиллерийской бригады и Офицерской артиллерийской школы. В Вооруженных силах Юга России; в феврале — марте 1920 г. командир 7-го бронепоездного дивизиона. Полковник. В эмиграции во Франции. Член СОУВ. Умер 1 июня 1948 г. в Марселе.

Даватц Владимир Христианович, р. в 1883 г. Профессор математики Харьковского университета. В Вооруженных силах Юга России с лета 1919 г.; доброволец–рядовой на бронепоезде «На Москву». В Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Подпоручик. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 6–го артдивизиона в Югославии. В эмиграции там же, секретарь Общества Галлиполийцев в Белграде. Служил в Русском Корпусе. Убит в ноябре 1944 г. под Сиеницей (Югославия).

Впервые опубликовано: Даватц В. На Москву. Париж, 1921.

Коломийцев Михаил. В Вооруженных силах Юга России; в январе 1920 г. на бронепоезде «На Москву». В Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Старший фейерверкер. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе того же дивизиона во Франции.

Куломзин Аполлон Александрович, р. в 1893 г. Из дворян, сын офицера. 2-й Московский кадетский корпус, Павловское военное училище (1912). Капитан железнодорожных войск. В Вооруженных силах Юга России старший железнодорожный офицер на бронепоездах «Единая Россия» и «На Москву»; в Русской Армии в той же должности на бронепоезде «Грозный» до эвакуации Крыма. Подполковник. В эмиграции во Франции. Умер 7 апреля 1970 г.

Зродловский Константин Константинович, р. в 1889 г. во Владикавказе. Из дворян, сын полковника. Капитан. В Вооруженных силах Юга России; в марте 1920 г. командир 12-й сотни Кубанского Алексеевского военного училища. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Кубанского Алексеевского училища в Болгарии. Войсковой старшина. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (3-й выпуск). Председатель объединения Кубанского Алексеевского училища. Умер 17 декабря 1983 г. в Кормей-ан-Паризи (Франция).

Впервые опубликовано: Военно–исторический вестник. 1967. Ноябрь.
№ 30.

Васильев В. Одесский кадетский корпус (1911), Михайловское артиллерийское училище. Офицер 21-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г. старший офицер 1-й Терской конной батареи. Полковник.

Кубанское генерала Алексеева военное училище. Создано в 1917 г. из школы прапорщиков казачьих войск в Екатеринодаре. Участвовало в 1–м Кубанском походе (в него был влит взвод Николаевского кавалерийского училища). Возродилось в Добровольческой армии после 2–го Кубанского похода. Занятия возобновились 15 мая 1919 г. 8 ноября 1919 г. присвоено имя генерала Алексеева. Летом 1920 г. в нем числилось 23 офицера, 3 чиновника, 2 врача, 307 юнкеров и 47 казаков. Училище потеряло убитыми в Кубанском десанте 2 офицеров, врача и 27 юнкеров, ранеными — 4 офицеров и 52 юнкера. Награждено серебряными трубами с лентами ордена Св. Николая Чудотворца, 113 юнкеров — Георгиевскими крестами и медалями. Эвакуировано на о. Лемнос, где при нем существовала (до 1922 г.) офицерская школа для офицеров, произведенных за боевые отличия (полковник Зерщиков). Училище сделало последний выпуск 1 сентября 1922 г. в Болгарии. После преобразования армии в РОВС до 30–х гг. представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть в составе Кубанской казачьей дивизии (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). С Лемноса убыло в числе 618 человек (177 офицеров, 263 юнкера, 178 казаков), осенью 1925 г. насчитывало 632 человека, в т. ч. 412 офицеров. Начальники: полковник Ермоленко (1917 г. — 26 января 1919 г.), генерал–майор Ф. И. Корольков (27 января 1919 г. — 7 мая 1920 г.), генерал–майор А. Д. Болтунов (8 мая 1920 г. — 20 февраля 1921 г.), генерал–майор О. И. Лебедев (с 21 февраля 1921 г., 1925 г.).

Зродловский Владимир Константинович, р. в 1880 г. во Владикавказе. Полковник, командир роты Тифлисского военного училища. В Вооруженных силах Юга России; в марте 1920 г. командир юнкерского батальона 1-го пластунского полка. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Кубанского Алексеевского училища в Болгарии. В эмиграции во Франции, в 1930 г. в Риве, член правления объединения Тифлисского военного училища во Франции. Умер 20 апреля 1965 г. в Париже.

Борис Турчанинов, родился и жил в Ростове, в 1917 — 1918 гг. учился в гимназии. Эмигрировал в США во время Второй мировой войны. Умер после 1970 г.

Впервые опубликовано: Первопоходник. 1973. Август. № 14.

Каринский Николай Сергеевич. Прокурор Крымской судебной палаты. Во ВСЮР и Русской Армии; весной 1919 г. Главноуполномоченный по эвакуации Крымского Краевого правительства, в начале 1920 г. начальник Черноморской губ. и управляющий МВД. Эвакуирован до осени 1920 г. из Новороссийска в Ялту.

Впервые опубликовано: Архив русской революции. Т. XII. Берлин, 1923.

Шаповаленко Митрофан Павлович. Товарищ прокурора Крымской судебной палаты. В Вооруженных силах Юга России; в начале 1920 г. помощник управляющего Черноморской губ. В Русской Армии до эвакуации Крыма; прокурор, член ревизии сенатора Трегубова. Эвакуирован на корабле «Рион».

Макеев Михаил Владимирович, р. 3 марта 1873 г. Сын генерал-лейтенанта. 2-й Московский кадетский корпус (1890), Михайловское артиллерийское училище (1892), Михайловская артиллерийская академия. Офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР; состоял при управлении главного начальника снабжений, с 8 ноября 1918 г. член правления завода «Кубаноль», в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР, с 28 января, на 13 декабря 1919 г. инспектор артиллерии Кавказской Добровольческой армии, в декабре 1919 г. — январе 1920 г. начальник гарнизона Царицына, в феврале — марте 1920 г. командующий в Черноморской губ. и начальник гарнизона Новороссийска, 3 — 11 марта 1920 г. начальник Новороссийского укрепленного района. Эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска на корабле «Спарта». В Русской Армии с 22 мая по октябрь 1920 г. начальник Перекопского укрепленного района до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Великий князь Александр Михайлович». В эмиграции. Умер в апреле 1925 г. в Югославии.

Ермаков Мстислав Петрович, р. 27 июня 1873 г. Морское инженерное училище (1895). Капитан 1-го ранга, инженер-механик, главный инженер Дунайской флотилии. Во ВСЮР и Русской Армии; 21 ноября 1920 г. младший флагман, начальник 4-го отряда судов Черноморского флота, в 1920 — 1921 гг. старший морской начальник в Константинополе. Генерал-лейтенант флота (с ноября 1920 г.). В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял 2-ю группу Военно-Морского Союза, в 1924 — 1931 гг. председатель Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища в Париже. Умер 26 июля 1960 г. в Париже.

Царик Гавриил Иванович. Присяжный поверенный. Поручик артиллерии. В Вооруженных силах Юга России; в начале 1920 г. чиновник особых поручений при начальнике Черноморской губ. Во ВСЮР и Русской Армии в 10-й батарее 2-й позиционной артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Дооб».

Слезкин Леонид Львович, р. в 1890 г. Морской корпус (1913).
Лейтенант. В Вооруженных силах Юга России; в марте 1920 г. комендант
парохода «Виолетта». Старший лейтенант. В эмиграции во Франции. Умер
18 сентября 1937 г. в Ницце (Франция).

Георгиевский Иван Павлович. Учащийся Александровского лицея (3-й класс). В Вооруженных силах Юга России, переводчик при английской военной миссии в Новороссийске; в марте 1920 г. эвакуирован из Новороссийска с Деникиным. В эмиграции в Праге. Умер в 1978 г.

Впервые опубликовано: Русская Мысль. 5.12.1974 г.

Впервые опубликовано: Родимый Край. 1972. Июль — август. № 101.

Черкесская конная дивизия. Сформирована в Добровольческой армии 19 ноября 1918 г. в составе взятых из 1-й конной дивизии 1-го и 2-го Черкесских (1-я бригада) и вновь сформированных 3-го и 4-го Черкесских и Карачаевского (2-я бригада) конных полков. 28 февраля 1919 г. временно сведена в Черкесский конный полк, весной вновь развернутый в дивизию. На 5 октября 1919 г. насчитывала 1976 сабель. Включала 1, 2 и 3-й Черкесские и Карачаевский конные полки, запасный полк и формируемый в Майкопе Конно-артиллерийский дивизион. Весной 1920 г. сведена в Черкесский конный полк, расформированный 6 мая 1920 г. Начальник — генерал-майор Султан-Келеч-Гирей (с 8 декабря 1918 г.). Начальник штаба — полковник Векилов (с 8 декабря 1919 г.). Командиры бригад: 1-й — полковник Султан-Адиль-Гирей (с 8 декабря 1918 г.), 2-й — полковник кн. Бекович-Черкасский (с 8 декабря 1918 г.).

Султан–Келеч–Гирей. Полковник. В Добровольческой армии. Участник 1–го Кубанского («Ледяного») похода, в марте 1918 г. командир Черкесского конного полка, затем командир 2–й бригады 1–й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. начальник Черкесской конной дивизии. Генерал–майор. В эмиграции. Во время Второй мировой войны в кавказских национальных частях германской армии. Казнен в Москве 16 января 1947 г.

1-й Кубанский полк Кубанского казачьего войска. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. В 1919 г. — апреле 1920 г. входил в состав 2-й Кубанской казачьей дивизии. В июле 1918 г. насчитывал 16 офицеров при 1000 казаков, на 5 октября 1919 г. — 150 сабель, 6 пулеметов. Командир — генерал-майор М. А. Фостиков (до 10 декабря 1919 г.).

2-й Кубанский полк Кубанского казачьего войска. Полк Императорской армии. Возрожден в июле 1918 г. в Добровольческой армии. В 1918 г. входил в состав 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 14 декабря 1918 г. — 3-й Кубанской казачьей дивизии (к октябрю 1919 г. придан 2-й Кубанской казачьей дивизии и там же находился к апрелю 1920 г.). Насчитывал 96 сабель, 4 пулемета. Командир — полковник П. И. Лопата (с 11 ноября 1918 г. — октябрь 1919 г.).

Жуков Семен Семенович, р. в 1872 г. Офицер с 1893 г. Полковник Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 4 апреля, на сентябрь — октябрь 1919 г. командир 1-го Лабинского полка Кубанского казачьего войска, до 14 марта 1920 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии.

Иванис Василий Николаевич. Подпоручик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: в феврале — марте 1918 г. в 4-й батарее, затем в 1-й батарее. Весной 1920 г. председатель Кубанского правительства. В эмиграции.

Фон Дрейлинг Роман Константинович. Из дворян, сын офицера. Пажеский корпус, академия Генштаба. Полковник л. — гв. Конно-гренадерского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку, с 19 марта 1918 г. начальник штаба Отдельной конной бригады, затем начальник штаба 1-й конной дивизии, с 7 октября 1918 г. — в распоряжении атамана Кубанского казачьего войска, член Кубанской комиссии по пересмотру уставов; с 24 декабря 1918 г. член комиссии для рассмотрения проекта устава, затем помощник начальника Кубанского генерала Алексеева военного училища (утв. в должности 11 ноября 1919 г.), на 4 апреля 1920 г. начальник штаба войск Кавказского побережья. В эмиграции в Югославии, преподаватель Высших военно-научных курсов в Белграде, в 1933 г. член правления Союза Первопоходников, староста Русского сокольства, на 1938 г. представитель полкового объединения в Югославии. Вывезен в сентябре 1945 г. в СССР из Белграда. Умер в 1945 г. в лагере Явас (Мордовия).

Болховитинов Леонид Митрофанович, р. в 1872 г. (1871 г.). Алексеевское военное училище, академия Генштаба (1898). Генерал-лейтенант, командир 1-го армейского корпуса. В Добровольческой армии с 1918 г. (перешел от красных); 8 сентября 1918 г. разжалован в рядовые за службу у большевиков, старший унтер-офицер в Самурском полку. 22 июля 1919 г. восстановлен в чине с увольнением в отставку, председатель комиссии по оказанию помощи лицам, пострадавшим от большевиков, с начала 1920 г., в марте 1920 г. управляющий военным ведомством Кубанского правительства. В Русской Армии инспектор классов Кубанского Алексеевского военного училища, до эвакуации Крыма в Севастопольском морском госпитале. Эвакуирован на корабле «Румянцев». Был на о. Лемнос, до 1924 г. инспектор классов того же училища. В эмиграции в Болгарии. Покончил самоубийством в 1927 г. в Харманли (Болгария).

Впервые опубликовано: Новое Русское слово. 16.11.1984 г.

Впервые опубликовано: Новое Русское Слово. 13.11.1971 г.

Певнев Сергей Иванович, р. 16 октября 1886 г. в ст. Таманской Кубанской области. Из дворян, сын офицера. 3-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1906). Есаул, командир 1-й Кубанской конной батареи. В Добровольческой армии с января 1918 г. в сводной офицерской батарее отряда полковника Лесевицкого на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской батарее. Во ВСЮР командир 1-й Кубанской казачьей конной батареи, с 4 апреля 1919 г. в распоряжении начальника кубанской артиллерии, в апреле 1920 г. командир Кубанской учебной конной батареи и учебного артиллерийского дивизиона. Полковник. Взят в плен под Сочи 2 мая 1920 г. Остался в СССР, служил в РККА. Расстрелян в 1937 г.

Корниловский конный полк (1-й Кубанский конный полк). Сформирован как Кубанский конный дивизион, в который после соединения 14 марта 1918 г. Кубанского отряда с Добровольческой армией была сведена кубанская кавалерия. Входил в состав Конной бригады, с 6 июня 1918 г. — 1-й конной дивизии как 1-й Кубанский конный полк. На начало июня 1918 г. насчитывал 510 сабель при 4 пулеметах. С 4 августа 1918 г. получил наименование Корниловского, а 14 сентября — знамя, пожалованное в 1803 г. Черноморскому войску. К апрелю 1919 г. имел около 400 человек (200 сабель), на 5 октября 1919 г. — 334 сабли при 21 пулемете. Летом — осенью 1919 г. был придан 3-й Кубанской казачьей дивизии. В апреле 1920 г. капитулировал под Адлером. Вновь образован в Крыму из собравшихся там чинов полка 7 июля 1920 г. и вошел в состав 1-й Кубанской казачьей дивизии (II). На 27 октября 1920 г. имел 300 сабель, 16 пулеметов. Награжден серебряными трубами ордена Св. Николая Чудотворца. После эвакуации Крыма на о. Лемнос вошел в состав 3-го Сводно-Кубанского полка. Командиры: подполковник А. Корнилов, полковник Г. Я. Косинов (апрель — май 1918 г.), полковник В. Г. Науменко (27 июня — 12 августа 1918 г.), войсковой старшина Ермоленко (12 августа — 7 сентября 1918 г.), полковник Федоренко (7 — 17 сентября 1918 г.; убит), войсковой старшина (полковник) Н. Г. Бабиев (17 сентября 1918 г. — 26 января 1919 г.), есаул (войсковой старшина) Ф. И. Елисеев (февраль — 18 июня 1919 г.), полковник Головин (с 18 июня 1919 г.), войсковой старшина В. Безладный (апрель 1920 г.), полковник Макеев (октябрь 1920 г.).

Бурова Нина Федоровна (ур. Котлова), р. 11 февраля 1894 г. в Вильно. Из дворян, дочь офицера. Мариинский институт. Сестра милосердия. В Добровольческой армии и ВСЮР; с марта 1920 г. до апреля 1921 г. начальник партизанского отряда на Кубани. Тяжело ранена и взята в плен, в 1921 — 1924 гг. в лагерях. После побега в эмиграции в Польше и во Франции, с начала 1950-х гг. в США.

Впервые опубликовано: Первопоходник. 1973. Апрель. № 12.

Буров Петр Никитич, р. в 1872 г. в Костроме. Из дворян (потомок Ивана Сусанина). Владимирское военное училище (1894), академия Генштаба (1902). Генерал-майор, начальник штаба Особой армии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с начала осени 1919 г. (перешел от красных), в декабре 1919 г. на бронепоезде «Мстислав Удалой» В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец, в апреле 1922 г. в Болгарии, начальник Александровского военного училища, в 1922 г. выслан из Болгарии. Осенью 1925 г. в составе училища во Франции, председатель Общества Галлиполийцев, в 1930 г. возглавлял группу РОВС и 1-го армейского корпуса в Нильванже. После 1945 г. — в Париже, с 1952 г. в США, председатель Общества Галлиполийцев. Умер 2 ноября 1954 г. в Балтиморе (США).

Баев Константин Тимофеевич, р. в 1901 г. Майкопское техническое училище (1919). В Вооруженных силах Юга России с осени 1919 г. Участник боев под Ставрополем, затем юнкер Кубанского Алексеевского училища. Взят в плен в марте 1920 г., затем в партизанских отрядах полковника Крыжановского на Кубани и в Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции во Франции. Умер в 1979 г. в Париже.

Впервые опубликовано: Военная Быль. 1972. Март. № 115.

Альмендингер Владимир Вильгельмович, р. в 1895 г. в Крыму. Симферопольская гимназия, Чугуевское военное училище (1914). Штабс-капитан 16-го стрелкового и 33-го запасного пехотного полков. В декабре 1917 г. в офицерской роте Крыма. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Служил в Симферопольском офицерском полку. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка в Чехословакии. Подполковник. В эмиграции сотрудник журнала «Военная Быль». Делегат Зарубежного съезда 1926 г. Умер 16 ноября 1974 г. в Лос-Анджелесе (США).

Впервые опубликовано: Альмендингер В. Симферопольский офицерский полк. 1918—1920. Лос-Анджелес, 1962.

Днестровский отряд. Сформирован 13 сентября 1919 г. в составе войск Новороссийской области как отряд генерала Розеншильд–Паулина (с 8 октября 1919 г. — Днестровский). В него входили: Крымский конный и Сводно–драгунский полки, Отдельный сводный пехотный батальон, легкая батарея и бронепоезд. Начальник — генерал–лейтенант А. Н. фон Розеншильд–Паулин.

Крымский конный полк. Полк Императорской армии. После возвращения полка в конце 1917 г. с фронта в Крым на базе его (около 50 офицеров) была сформирована бригада (полковник Г. А. Бако) из 1-го и 2-го Конно-татарских полков (полковник М. М. Петропольский и подполковник О. Б. Биарсланов), эскадроны которых поддерживали порядок в городах полуострова и участвовали в боях с большевиками в январе 1918 г. Возрожден в Добровольческой армии. 7 декабря 1918 г. сформирован эскадрон в составе 4-й пехотной дивизии (с января 1919 г. дивизион — три эскадрона) полка в Крымско-Азовской армии, который участвовал в боях в Крыму на Акманайских позициях. С 19 июня 1919 г. он входил в состав сформированного Сводно-драгунского полка, где в июле 1919 г. крымцы были представлены двумя эскадронами. 10 августа 1919 г. дивизион развернут в собственный полк (шесть эскадронов). На 20 сентября 1919 г. насчитывал 354 сабли и 12 пулеметов. В сентябре — октябре 1919 г. входил в состав отряда генерала Розеншильд-Паулина войск Новороссийской области. С 16 ноября 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады (I), действующей против банд Махно. Один эскадрон полка, находившийся при 2-м Лабинском полку Кубанского казачьего войска, принял участие в Бредовском походе. С 16 апреля 1920 г. обращен на формирование Отдельной кавалерийской бригады (II), 5 мая 1920 г. сведен в дивизион и влит во 2-й Туземный конный полк (с 8 августа 1920 г. 9-й кавалерийский полк), а 22 августа 1920 г., по его расформировании, — в 7-й кавалерийский полк. К августу 1920 г. насчитывал около 450 человек. Пеший эскадрон, откомандированный 9 октября 1920 г. в состав стрелкового полка 2-й кавалерийской дивизии, погиб 30 октября у д. Мамут под Джанкоем, конный эвакуировался с полком. В Галлиполи из полка было 45 офицеров и 22 солдата. Командиры: полковник Г. А. Бако (7 декабря 1918 г. — начало февраля 1919 г.), полковник Д. И. Туган-Мирза-Барановский (начало февраля 1919 г. — 5 мая 1920 г.), полковник Е. А. Зотов (5 мая — июнь, 3 августа — ноябрь 1920 г.), подполковник В. А. Тихановский (июнь — 3 августа 1920 г.).

Зеленецкий Николай Александрович, р. в 1876 г. В службе с 1895 г., офицером с 1897 г. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 8 октября, на 6 ноября 1919 г. командир Отдельного сводного батальона 14-й пехотной дивизии Днестровского отряда, до 30 ноября 1919 г. начальник Казатинского отряда войск Новороссийской области.

Сводный полк 14-й пехотной дивизии. Сформирован во ВСЮР на базе офицерского кадра полков этой дивизии Императорской армии осенью 1919 г. как Отдельный сводный пехотный батальон Днестровского отряда (с 8 октября — Отдельный сводный батальон 14-й пехотной дивизии). 23 октября 1919 г. развернут в полк. Входил в состав 4-й пехотной дивизии, действовал в составе Днестровского отряда. 2 марта 1920 г. влит в Олонецкий полк. Командир — полковник Н. А. Зеленецкий (с 8 октября — ноябрь 1919 г.).

Гвоздаков Сергей Семенович, р. в 1871 г. В службе с 1888 г., офицером с 1893 г. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; командир Сводного Крымского пехотного полка, с 13 июля 1919 г. командир Симферопольского офицерского полка, на 6 ноября 1919 г. — Днестровского отряда, с 30 ноября (октябрь 1919 г.) начальник Казатинского отряда войск Новороссийской области. Участник Бредовского похода. Умер от тифа 24 февраля 1920 г. в Калюсике (Польша).

Сводно–гвардейская пехотная дивизия. Сформирована (выделена) 12 октября 1919 г. из гвардейских частей 5–й пехотной дивизии — развернута из Сводно–гвардейской бригады в составе двух бригад. Включала Сводный полк 1–й гвардейской пехотной дивизии, Сводный полк 2–й гвардейской пехотной дивизии, Сводный полк 3–й гвардейской пехотной дивизии, Сводный полк Гвардейской стрелковой дивизии, запасный батальон, Сводную гвардейскую артиллерийскую бригаду, Отдельный артиллерийский дивизион (полковник Шпигель), Отдельную гвардейскую тяжелую гаубичную батарею (полковник Казачинский) и Гвардейскую отдельную инженерную роту (полковник Белый). Ее бригады и части действовали раздельно на Киевском и Черниговском направлениях в составе различных отрядов и объединений, только в январе 1920 г. соединившись в районе Одессы. К 20 января 1920 г. насчитывала около 1000 человек. 2 марта 1920 г. сведена в Отдельную гвардейскую бригаду: 1–й и 2–й сводные гвардейские полки и Сводный гвардейский артиллерийский дивизион (полковник Г. В. Сакс; три батареи) в составе 2–го армейского корпуса. Участвовала в Бредовском походе и была интернирована в Польше. В августе 1920 г. переброшена в Крым, где была переформирована в Сводно–гвардейский полк (II). Начальники дивизии: генерал–майор барон Н. И. Штакельберг (с 12 октября 1919 г.), генерал–майор Есимантовский (с 20 января, с 2 марта 1920 г.), генерал–майор М. Н. Скалон (с 29 января 1920 г.). Начальник штаба — полковник Думский (с 12 октября 1919 г.). Командиры бригад (12 октября 1919 г. — февраль 1920 г.): генерал–майор А. Н. фон Моллер (1–я), полковник К. А. Цабель (2–я).

4-я стрелковая дивизия. Сформирована во ВСЮР 22 ноября 1919 г. на базе Сводного полка 4-й стрелковой дивизии. Включала 13-й стрелковый полк с батальоном 14-го полка и 16-й стрелковый полк с батальоном 15-го полка. Входила в состав Полтавского отряда войск Новороссийской области. 2 марта 1920 г. в ее состав были включены Сводный полк 15-й пехотной дивизии, 42-й пехотный Якутский полк и 4-я стрелковая артиллерийская бригада. Участвовала в Бредовском походе и была интернирована в Польше. В июле переброшена в Крым и 9 августа 1920 г. расформирована. Начальник — генерал-майор П. П. Непенин (декабрь 1919 г. — июль 1920 г.). Начальники штаба: капитан Кныш (25 ноября 1919 г. — 19 апреля 1920 г.), полковник Дмитриев (19 апреля — 9 августа 1920 г.).

Непенин Петр Павлович, р. в 1872 г. Алексеевское военное училище (1893), академия Генштаба. Георгиевский кавалер. Полковник, командир 13-го стрелкового полка. В декабре 1917 г. командир «украинизированной» части. В Добровольческой армии с ноября 1918 г.; в ноябре 1918 г. — 1919 г. командир 1-й роты Отдельной Одесской добровольческой бригады, затем командир батальона Отдельной Одесской стрелковой бригады, командир Сводного полка 4-й стрелковой дивизии в Одессе, с 18 июня, в июле 1919 г. врид начальника 7-й пехотной дивизии, с 27 июня, в сентябре — октябре 1919 г. командир 1-й бригады этой дивизии, в декабре 1919 г. — январе 1920 г. начальник отряда войск Новороссийской области, в январе 1920 г. начальник 4-й стрелковой дивизии. Участник Бредовского похода, помощник генерала Бредова. В Русской Армии с августа 1920 г. начальник 34-й пехотной дивизии до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с июля 1919г.). Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». Умер 6 июля 1932 г. в Великой Кикинде (Югославия).

4-я пехотная дивизия (II). Сформирована во ВСЮР в конце 1919 г. на базе офицерского кадра полков одноименной дивизии Императорской армии. Включала 13-й пехотный Белозерский, 14-й пехотный Олонецкий, 16-й пехотный Ладожский полки, на 2 марта 1920 г. в ней состояли Белозерский, Олонецкий и Симферопольский офицерский полки и Сводный артиллерийский дивизион (две батареи). Расформирована 6 апреля 1920 г. Начальники: полковник Б. А. Штейфон (врио), генерал-майор А. И. Шевченко. Начальник штаба — полковник Лебедев.

Шевченко Андрей Иванович, р. в 1868 г. В службе с 1887 г., офицером с 1889 г. Генерал–майор. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 16 ноября 1918 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. — в резерве чинов при штабе Крымско–Азовской Добровольческой армии, затем в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР, с 18 июня 1919 г. комендант Харькова, с 5 сентября 1919 г. начальник 9–й пехотной дивизии, в декабре 1919 г., марте 1920 г. начальник 4–й пехотной дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов».

Промтов Михаил Николаевич, р. в 1857 г. Из дворян. Полтавский кадетский корпус (1874), Михайловское артиллерийское училище (1877), Офицерская артиллерийская школа. Генерал-лейтенант, начальник 82-й пехотной дивизии, командир 23-го армейского корпуса. Во ВСЮР и Русской Армии; с 24 февраля 1919 г. в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР, с 11 марта 1919 г. член Особой комиссии, в сентябре 1919 г. — январе 1920 г. командир 2-го армейского корпуса войск Новороссийской области. В эмиграции в Югославии. 11 декабря 1924 г. — 1 сентября 1929 г. директор Крымского кадетского корпуса. Умер в 1951 г. в Белграде.

Впервые опубликовано: Часовой. 1933. Август. № 107.

2-й армейский корпус (I). Сформирован в Добровольческой армии 15 ноября 1918 г. в составе 1-й (до 15 мая 1919 г.) и 3-й (до 27 декабря 1918 г.) пехотных дивизий. С 21 мая 1919 г. состоял из 5-й и 7-й пехотных дивизий, 1 августа 1919 г. в его состав включен 2-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион. С 14 октября 1919 г., после переформирования дивизий, включал также Сводью-гвардейскую дивизию. С 19 сентября 1919 г. составлял основу войск Киевской области, насчитывая 4691 штык при 118 пулеметах и 63 орудиях. Принял участие в Бредовском походе и был интернирован в Польше. С 2 марта 1920 г. включал 5-ю пехотную дивизию и Отдельную гвардейскую бригаду (1-й и 2-й сводные гвардейские полки и сводный артиллерийский дивизион). Расформирован 5 августа 1920 г. Командиры: генерал-лейтенант А. А. Боровский (15 ноября — 24 декабря 1918 г.), генерал от инфантерии В. З. Май-Маевский (15 февраля — 1 июня 1919 г.), генерал-лейтенант М. Н. Промтов. Начальники штаба: генерал-майор А. К. Аппельгрэн (19 ноября 1918 г. — 24 января 1919 г.), капитан Пашковский (врид; 23 января — 5 февраля 1919 г.), генерал-майор В. П. Агапеев (5 февраля — 1 июня 1919 г.), генерал-майор Н. В. Абутков (1 июня — 11 ноября 1919 г.), полковник Галкин (врид; август — октябрь 1919 г.), генерал-майор А. Г. Фалеев (11 ноября 1919 г. — 9 августа 1920 г.). Инспектор артиллерии — генерал-майор В. К. Бодиско (с 17 марта 1919 г.).

Штейфон Борис Александрович, р. в 1881 г. в Харькове. Из мещан. Харьковское реальное училище, Чугуевское военное училище (1902), академия Генштаба (1911). Георгиевский кавалер. Полковник, штаб-офицер для поручений штаба Кавказского фронта. С 5 апреля 1918 г. в Харьковском центре Добровольческой армии (утв. 2 февраля 1919 г.), летом 1918 г. начальник штаба Южной армии. Осенью 1918 г. начальник штаба 3-й пехотной дивизии, затем в начале 1919 г. командир Белозерского и Архангелогородского полков, начальник штаба Полтавского отряда, с декабря 1919 г. начальник штаба 7-й пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. Эвакуирован. 30 мая 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым (Севастополь) на корабле «Поти». В Русской Армии в штабе 3-й армии и в отделе генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего до эвакуации Крыма. Генерал-майор (с 1920 г.). Эвакуирован на корабле «Сцегед». Галлиполиец, комендант города и лагеря Русской Армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, начальник штаба и командир Русского Корпуса. Умер 30 апреля 1945 г. в Загребе (Югославия).

Впервые опубликовано: Часовой. 1933. Октябрь. № 110/111.

Впервые опубликовано: Часовой. 1934. Май. № 125/126.

Саликов Игнатий Петрович, р. в 1867 г. В службе с 1884 г., офицером с 1888 г. Полковник. В Добровольческой армии в октябре 1919 г. в войсках Новороссийской области. На 9 декабря 1919 г. комендант Херсона, начальник отряда в составе 2-го армейского корпуса.

Оссовский Петр Степанович, р. в 1860 г. В службе с 1878 г., офицером с 1881 г. Генерал-майор. В Донской армии и ВСЮР; в ноябре 1918 г. начальник группы войск у Камышина, летом 1919 г. начальник дивизии, с 16 июля 1919 г., в ноябре — декабре 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, затем Сводно-гвардейской пехотной дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-лейтенант (к сентябрю 1920 г.).

Матасов Василий Дмитриевич. Гимназия в Ростове. Во ВСЮР и Русской Армии доброволец 8-й конно-артиллерийской батареи до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Подпоручик. В эмиграции с 1956 г. в США, член отдела Общества Галлиполийцев. Умер после октября 1985 г. в Германии.

Впервые опубликовано: Матасов В. Белое движение на Юге России. 1917—1920. Монреаль, 1990.

3-й конный полк. Сформирован во ВСЮР 1 (18) мая 1919 г. в Ростове-на-Дону из Сводно-кавалерийского полка Одесской бригады Добровольческой армии Одесского района. Придан 7-й пехотной дивизии. С 6 марта 1919 г. участвовал в боях в Северной Таврии в отряде генерала Виноградова. На 14 июня насчитывал 841 человека. С 19 июня 1919 г. входил в состав 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал шесть эскадронов. На 5 октября 1919 г. насчитывал 267 штыков и 175 сабель при 24 пулеметах. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польше. Командир — полковник Самсонов (1 мая — 15 октября 1919 г.).

42-й Донской казачий полк. Сформирован из казаков низовых станиц (главным образом Ново-Николаевской). С 6 марта 1919 г. — в отряде генерала Виноградова. На 26 мая насчитывал 162, на 14 июня — 486 человек. Входил в состав Отдельной казачьей бригады. Включал Партизанский конный дивизион (две конные сотни), две регулярные конные и девять пеших сотен (на подводах), команды: связи, пулеметную и подрывную, а также два трехдюймовых трофейных орудия. Командиры: есаул (полковник) Ф. Д. Назаров, войсковой старшина Филатов (врид; с 2 апреля 1919 г.).

Орехов Василий Васильевич, р. в 1896 г. Офицер инженерных войск. В Вооруженных силах Юга России; осенью 1919 г. начальник головного железнодорожного участка на Украине. В Русской Армии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 1-й роте Железнодорожного батальона Технического полка в Галлиполи. Штабс-капитан. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона во Франции. В эмиграции в Бельгии. Издатель и бессменный редактор журнала «Часовой». Капитан. Умер 6 июля 1990 г. в Брюсселе.

Впервые опубликовано: Часовой. 1982. Январь. № 635.

75-й пехотный Севастопольский полк. Полк Императорской армии. Возрожден во ВСЮР. Первоначально кадр полка входил в Сводный полк 19-й пехотной дивизии. 13 октября 1919 г. развернулся в полк. Входил в состав 5-й пехотной дивизии. Участвовал в Бредовском походе и был интернирован в Польше. По прибытии в Крым влит батальоном во 2-й Корниловский полк. Командир — полковник Силин.

Соборский Николай Алексеевич. Академия Генштаба (1910). В Вооруженных силах Юга России с 9 августа 1919 г.; в октябре 1919 г. в войсках Новороссийской области, с 6 ноября 1919 г. старший адъютант штаба 5-й пехотной дивизии, в ноябре 1919 г. представитель Добровольческой армии при Галицийской армии в Виннице. В Русской Армии в управлении начальника военно-административного района до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции. Служил в Русском Корпусе на офицерской должности. Умер после 1945 г.

Ахаткин Кронид Зосимович. Генштаба полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 24 января 1919 г. начальник штаба Отдельной Терской пластунской бригады, в ноябре 1919 г. начальник штаба 5-й пехотной дивизии, затем Сводно-гвардейской пехотной дивизии. Умер после 1956 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

Трембовельский Александр Дмитриевич. Александровское военное училище. Прапорщик 56-го запасного пехотного полка. Участник боев в октябре 1917 г. в Москве. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в пулеметной роте Корниловского полка; затем на броневом автомобиле «Партизан» в 1-м броневом дивизионе, до 30 сентября 1919 г. подпоручик, с 30 сентября 1919 г. поручик. В Русской Армии в мае 1920 г. в экипаже танка «Генерал Скобелев», в июле 1920 г. командир того же танка (штабс-капитан) до эвакуации Крыма; с августа 1920 г. капитан и подполковник с переименованием в полковники. Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона в Югославии. В эмиграции в Югославии. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Умер 1 февраля 1985 г. в Санта-Барбаре (США).

Впервые опубликовано: Первопоходник. 1971. Октябрь. № 3.

Зеленой Александр Сергеевич, р. в 1880 г. Морской корпус (1902). Капитан 2-го ранга, старший офицер заградителя «Монгугай». Во ВСЮР и Русской Армии; осенью 1919 г. — в начале 1920 г. командир транспорта «Дон», в январе 1920 г. помощник командира Николаевского порта. Капитан 1-го ранга. К лету 1921 г. член Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции в Ливане. Умер 24 марта 1935 г. в Бейруте.

Рулев Петр Васильевич, р. в 1892 г. Подпоручик. В Вооруженных силах Юга России; осенью 1919 г. механик в 3-м отряде танков. В Русской Армии в 1-м дивизионе танков до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов».

Бекеч Владимир Александрович, р. в 1896 г. Поручик. В Вооруженных силах Юга России; осенью 1919 г. инженер–механик танка «Генерал Скобелев» 3–го танкового отряда. В Русской Армии в 1–м дивизионе танков до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. Капитан. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции во Франции. Умер в 1975 г.

Миронович Павел Игнатьевич, р. в 1893 г. Суворовский кадетский корпус (1912). Штабс-капитан. В Вооруженных силах Юга России; в октябре 1919 г. — мае 1920 г. командир 3-го отряда танков. Подполковник. В Русской Армии в 1-м дивизионе танков до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». Служил в Русском Корпусе. Полковник. После 1945 г. — в США, член СЧРК в Сан-Франциско. Умер 6 августа 1986 г. в Канога-Парке (США).

Князь Микеладзе Владимир Парменович. Михайловское артиллерийское училище (1916). Офицер 2-й стрелковой артиллерийской бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-й артиллерийской бригаде, с 30 сентября 1919 г. поручик; затем в танковых частях, в январе 1920 г. в 3-м отряде танков. В Русской Армии до эвакуации Крыма; в мае 1920 г. в экипаже танка «Генерал Скобелев». Капитан. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. — в США. Умер 8 июня 1985 г. в шт. Коннектикут.

Любич–Ярмолевич–Лозина–Лозинский Г. В Вооруженных силах Юга России; осенью 1919 г. — в январе 1920 г. в 3–м отряде танков. В Русской Армии в 1–м дивизионе танков. Штабс–капитан. Первый кавалер ордена Св. Николая Чудотворца.

Багинов Михаил Иванович. Поручик. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; в январе 1920 г. в 3-м отряде танков. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Технического батальона во Франции. Полковник.

Тарасюк Яков Ильич, р. в 1895 г. Поручик. В Вооруженных силах Юга России; в январе 1920 г. в 3-м отряде танков. В Русской Армии в 1-м дивизионе танков до эвакуации Крыма. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции во Франции. Умер в 1971 г. в Лионе (Франция).

Автор воспоминаний был участником отхода в начале 1920 г. г. из Одессы в составе Овидиопольского отряда.

Впервые опубликовано: Архив русской революции. Т. II. Берлин, 1922.

Шелль Густав–Адольф Яковлевич, р. 25 марта 1862 г. Одесское реальное училище, Михайловское артиллерийское училище (1885). Генерал–майор. В 1918 г. в гетманской армии; 7 сентября 1918 г. назначен командиром 1–й бригады армейской артиллерии. Участник и предводитель антибольшевистского восстания немцев–колонистов весной 1919 г. под Одессой. В Вооруженных силах Юга России; на 1 октября, в декабре 1919 г. начальник самообороны Совета немецких колоний Черноморского края. Эвакуирован из Одессы в Салоники на корабле «Рио–Пардо». На май 1920 г. в Югославии.

Граф Игнатьев Николай Николаевич, р. 9 августа 1872 г. Александровский кадетский корпус (1889), Пажеский корпус (1891), академия Генштаба. Генерал-майор, командир л.-гв. Преображенского полка, командующий 1-й гвардейской пехотной дивизией. Георгиевский кавалер. В Вооруженных силах Юга России; с декабря 1919 г. начальник обороны Одесского района войск Новороссийской области. Эвакуирован 25 января 1920 г. из Одессы. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Болгарии. Умер 20 февраля 1962 г. в Софии.

Сергиевское артиллерийское училище. Действовало в Одессе с 1913 г., закрыто большевиками в январе 1918 г. (12-й выпуск не закончил курса). Восстановлено во ВСЮР в октябре 1919 г. (в него была влита также Армавирская артиллерийская школа) во главе с прежним начальником, приступило к занятиям в ноябре 1919. Половина курсовых офицеров и преподавателей была из старого состава училища. В начале 1920 г. училище в составе двух батальонов (50 офицеров и 400 юнкеров) прикрывало эвакуацию Одессы, а осенью — Севастополя. Сделало первый (13-й по общему счету) выпуск (127 человек) 29 июня 1921 г. в Галлиполи (несколько юнкеров, принадлежавших к 12-му выпуску, разогнанному большевиками в 1918 г., были произведены в офицеры еще зимой 1920/21 г.), и был произведен новый набор. Еще три выпуска сделаны в Тырнове (Болгария), причем последние два (15-й и 16-й выпуски) — весной и летом 1923 г. После преобразования армии в РОВС до 30-х гг. представляло собой, несмотря на распыление его чинов по разным странам, кадрированную часть в составе 1-го армейского корпуса (III) (офицеры последних выпусков были оставлены в прикомандировании к училищу). Осенью 1925 г. насчитывало 164 человека, в т. ч. 148 офицеров. Начальники: генерал-майор А. А. Нилус (до начала 1920 г.), полковник (генерал-майор) Н. А. Казьмин (начало 1920 г. — 1931 г.), полковник Н. А. Безак (врид, 1925 г.).

Одесский кадетский корпус. Восстановлен на некоторое время в 1918 г. при власти гетмана. Был восстановлен и с 1 апреля 1919 г. включен в состав ВСЮР, приняв в 1919 г. в свое расположение Киевский и Полоцкий кадетские корпуса. В начале 1920 г. при оставлении Одессы большинство кадет, за исключением около 350 (в т. ч. Киевского и Полоцкого корпусов), оставленных в городе, и персонала было эвакуировано в Югославию, где они вошли в состав созданного там 1-го Русского кадетского корпуса. Оставшиеся кадеты во главе с директором корпуса пытались отойти в Румынию, но вынуждены были вернуться в Одессу, где рассеялись. Директор (до оставления Одессы) — полковник В. А. Бернацкий.

Хойнацкий Глеб Романович. Окончил университет. Юрисконсульт итальянского консульства в Киеве. Поручик. В Вооруженных силах Юга России; в январе 1920 г. в Овидиопольском отряде при походе из Одессы. Перешел в Румынию. В Русской Армии преподаватель Корниловского военного училища до эвакуации Крыма. На 28 декабря 1920 г. в штабе 1-й пехотной дивизии в Галлиполи.

Воскобойников Виктор Михайлович (псевд. В. Савинский). Учащийся 1-го Харьковского реального училища. В Донской армии; с лета 1919 г. канонир в 4-й морской батарее, с весны 1920 г. — на бронепоезде «Единая Россия» до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 3-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Канонир. В эмиграции в Чехословакии. После 1945 г. — в Аргентине. Умер после 1980 г.

Впервые опубликовано: Савинский В. М. Воспоминания. Буэнос-Айрес, 1980.

Полторацкий Николай Александрович. Подпоручик. В Донской армии и ВСЮР; летом 1919 г. в 4-й батарее морской тяжелой артиллерии, с весны 1920 г. — на бронепоезде «Единая Россия». В Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Штабс-капитан (18 апреля 1920 г.; одновременно с чином поручика). Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 3-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе того же дивизиона во Франции. Капитан.

Липеровский Владимир Юрьевич, р. 28 марта 1903 г. Из дворян, сын полковника. Учащийся реального училища. Во ВСЮР и Русской Армии; с октября 1919 г. доброволец 1-й роты 2-го железнодорожного батальона, летом 1920 г. во 2-й роте на вспомогательном поезде «Желбат-2» до эвакуации Крыма. Младший унтер-офицер. В Галлиполи — в Марковской железнодорожной роте и в Техническом полку. В эмиграции окончил гимназию в Чехословакии, до 1945 г. в Брно. Умер после 1960 г. в Аргентине.

Воспоминания В. Липеровского ранее не публиковались.

34-я пехотная дивизия. Сформирована во ВСЮР 10 ноября 1919 г. при разворачивании 4-й пехотной дивизии. С 6 декабря входила в состав 3-го армейского корпуса (II). Ее ядром послужили пехотные части Екатеринославского отряда, пришедшие в Крым в конце декабря 1918 г. и вошедшие в состав 4-й пехотной дивизии как Сводный полк 34-й пехотной дивизии. К началу 1920 г. насчитывала около 1200 штыков. В Русской Армии с 7 июля 1920 г. входила в состав 2-го армейского корпуса (II). На 1 августа 1920 г. насчитывала 245 офицеров и 3103 солдата при 18 орудиях и 101 пулемете. На 16 апреля 1920 г. включала 133-й Симферопольский, 134-й Феодосийский (1-я бригада), 135-й Керчь-Еникальский и 136-й Таганрогский (2-я бригада) пехотные полки, 34-ю артиллерийскую бригаду, запасный батальон и отдельную инженерную роту (переименована из 7-й отдельной инженерной роты), с 4 сентября 1920 г. — также и Отдельный конный Симферопольский дивизион. По советским данным, отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым ее части насчитывали 750 штыков и сабель. Начальник — генерал-майор князь Н. П. Стокасимов (с 21 января 1920 г.). Командир бригады — генерал-майор Г. А. Дубяго (с апреля 1920 г.).

Андгуладзе Георгий Бежанович, р. 17 октября 1866 г. Из крестьян. Тифлисское военное училище (1887). Полковник, командир 49-го пехотного полка. Генерал-майор, командир бригады 13-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июне 1918 г. ему поручена организация центра в Тирасполе, с 23 ноября 1918 г. формировал в Симферополе сводный полк 13-й пехотной дивизии, с 8 февраля 1919 г. командир Крымского сводного пехотного полка. Во ВСЮР и Русской Армии начальник 13-й пехотной дивизии, в августе 1920 г. командир группы войск из 13-й и 34-й дивизий. Генерал-лейтенант (30 декабря 1920 г.). В эмиграции председатель объединения 13-й пехотной дивизии. Умер 23 марта 1948 г. в Сен-Женевьев-де-Буа (Франция).

Колесников Николай Зотикович, р. 13 ноября 1895 г. в Вятке. Реальное училище, Петроградский политехнический институт (не окончил), Морское инженерное училище. Мичман, инженер–механик линейного корабля «Гангут». В Добровольческой армии и ВСЮР с сентября 1918 г., инженер–механик на канонерской лодке «Терец» до эвакуации Крыма. Лейтенант (с 1919 г.). В ноябре — декабре 1920 г. прибыл в Югославию на корабле «Владимир». К лету 1921 г. в Югославии. В эмиграции в Югославии, служил в югославской армии. С 1955 г. в Нью–Йорке. Сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 12 августа 1971 г. в Нью–Йорке.

13-я пехотная дивизия. Сформирована во ВСЮР 10 ноября 1919 г. при разворачивании 4-й пехотной дивизии. С 6 декабря входила в состав 3-го армейского корпуса (II). Ее ядром послужил Сводный полк 13-й пехотной дивизии. К началу 1920 г. насчитывала около 800 штыков. В Русской Армии с 7 июля 1920 г. входила в состав 2-го армейского корпуса (II). На 1 августа 1920 г. насчитывала 494 солдата при 35 пулеметах. На 16 апреля 1920 г. включала 49-й Брестский, 50-й Белостокский (1-я бригада), 51-й Литовский и 52-й Виленский (2-я бригада) пехотные полки, 13-ю артиллерийскую бригаду, запасный батальон и отдельную инженерную роту (переименована из 5-й отдельной инженерной роты), с 4 сентября 1920 г. — также и Отдельный конный Виленский дивизион. По советским данным, отошедшие в конце октября 1920 г. в Крым ее части насчитывали 1530 штыков и сабель.

Липеровский Георгий (Юрий) Александрович, р. в 1879 г. Из дворян, сын генерал-майора. Михайловское артиллерийское училище (1899). Офицер 61-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР. Участник Бредовского похода (начальник артиллерии). Полковник. В эмиграции в мае 1920 г. в Югославии, в начале ноября 1920 г. в Белграде, затем в Польше, к 1921 г. преподаватель гимназии в Варшаве. Погиб в августе 1944 г. в Варшаве.

Впервые опубликовано: Вестник первоходника. 1963. Июль — сентябрь. № 61—62.

3-й армейский корпус (II). Образован 22 мая 1919 г. из Крымско-Азовской Добровольческой армии. Включал 4-ю пехотную дивизию и Отдельную кавалерийскую бригаду, которая 19 июня переформирована во 2-ю кавалерийскую дивизию, а 9 июля исключена из состава корпуса, кроме 2-го Таманского и Сводно-драгунского полков. В общей сложности к 5 июля 1919 г. насчитывал 7693 человека (в т. ч. 751 офицера, 4497 строевых, 980 вспомогательных и 1465 нестроевых нижних чинов). 20 августа 1919 г. на его основе были развернуты войска Новороссийской области. Вновь сформирован 6 декабря 1919 г. в составе 13-й, 34-й пехотных дивизий. В начале 1920 г. включал также Славянский стрелковый, 1-й Кавказский стрелковый (около 100 штыков), Чеченский сводный (около 200 шашек) полки. В январе 1920 г. отошел в Крым и, включив в свой состав находившиеся там части, стал именоваться Крымским корпусом. Командиры: генерал-лейтенант С. К. Добророльский (врид; 28 мая — 10 июля 1919 г.), генерал-лейтенант Н. Н. Шиллинг (10 июля — 26 августа 1919 г.), генерал-майор Я. Л. Слащев (с 6 декабря 1919 г.). Начальник штаба — генерал-майор В. В. Чернавин (31 мая — 19 августа 1919 г.). Инспекторы артиллерии: генерал-майор М. Н. Папа-Федоров (27 июня — 15 октября 1919 г.), генерал-майор М. С. Росляков (с 14 декабря 1919 г.).

Мезерницкий Мстислав Владимирович, р. в 1895 г. Из дворян, сын офицера. 1-е Санкт-Петербургское реальное училище, Владимирское военное училище (1915). Поручик (штабс-капитан), командир роты л.-гв. Волынского полка. Участник боев в октябре 1917 г. в Петрограде. В Добровольческой армии с 4 ноября 1917 г. (7-й доброволец); командир роты в Юнкерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском ударном полку, затем создатель офицерской организации на Северном Кавказе. Участник взятия Ставрополя в июле 1918 г., затем командир Пластунского батальона, Партизанского отряда и конного дивизиона. Весной 1919 г. капитан (есаул) Кубанского казачьего войска, в октябре 1919 г. — в начале 1920 г. начальник конвоя командира 3-го армейского корпуса генерала Слащева, с весны 1920 г. командир 8-го кавалерийского полка до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. Полковник. В эмиграции, вернулся в СССР в ноябре 1921 г. с генералом Слащевым.

Муфтий–Заде Селим Мирза, р. в 1885 г. Прапорщик запаса (1909). Штабс–ротмистр Крымского конного полка. В январе 1918 г. участник боев под Симферополем. В Добровольческой армии; с декабря 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка, в 1919 г. ушел из полка по болезни, в начале 1920 г. в Симферополе. Ротмистр. В эмиграции во Франции. Умер в 1945 г.

Граф Апраксин Петр Николаевич, р. 3 января 1876 г. в Нерви (Италия). Пажеский корпус (1896). Капитан в отставке л.-гв. 4-го стрелкового Императорской Фамилии полка. Действительный статский советник, гофмейстер, состоящий при Императрице. Во ВСЮР и Русской Армии; 1920 г. таврический губернатор, председатель Ялтинской городской думы. В эмиграции в Бельгии, член полкового объединения л.-гв. 4-го стрелкового полка, председатель отдела Союза Пажей, основатель Историко-Генеалогического общества. Умер 3 февраля 1962 г. в Брюсселе.

Бако Григорий Александрович, р. 7 февраля 1874 г. Тверское кавалерийское училище (1894). Офицер 4-го гусарского полка. Полковник Крымского конного полка. Георгиевский кавалер. В декабре 1917 г. командир русско-татарской бригады в боях с большевиками в Крыму. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918 г. — феврале 1919 г. командир дивизиона Крымского конного полка, помощник командира Крымского конного полка (с мая 1920 г. Туземного конного полка), в июле 1920 г. ушел из полка. Галлиполиец. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу Крымского конного полка в Курбева. Умер 22 февраля 1951 г. в Аньере (Франция).

Городынский Виктор Вячеславович, р. в 1876 г. В службе с 1894 г., офицером с 1896 г. Полковник военно-судебного ведомства. В Добровольческой армии и ВСЮР; председатель судебно-следственной комиссии при ставропольском военном губернаторе, с 25 января 1919 г. при Таврической судебно-следственной комиссии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Болгарии.

Табенцкий Франц Францевич, р. в 1867 г. В службе с 1886 г., офицером с 1892 г. Полковник. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма; в январе 1920 г. начальник отряда, посланного для ликвидации выступления капитана Орлова в Крыму. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Болгарии.

Фон Кюгельген Николай Павлович, р. в 1873 г. В службе с 1894 г., офицером с 1896 г. Офицер гвардейской кавалерии. Полковник 10-го гусарского полка, командир Текинского конного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в декабре 1918 г. в дивизионе Крымского конного полка, в январе — весной 1920 г. командир отряда своего имени в Крыму. В Русской Армии до 12 июня 1920 г. командир отдельного Симферопольского конного дивизиона.

Мяч Василий Павлович, р. 23 апреля 1893 г. в Анапе. Чугуевское военное училище (1914). Поручик 237-го пехотного полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в отряде полковника Кутепова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир взвода в 6-й роте Корниловского полка, затем в 1-м Кубанском конном дивизионе. Во 2-м Кубанском походе командир сотни 2-го Сводно-Кубанского казачьего полка (сотник), в начале 1920 г. адъютант генерала Покровского. Эвакуирован до августа 1920 г. из Феодосии на корабле «Силамет». В эмиграции с генералом Покровским в Болгарии, с 1922 г. в Югославии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в США. Председатель Союза Первопоходников в Лос-Анджелесе, редактор журнала «Первопоходник». Умер 13 декабря 1966 г. в Лос-Анджелесе.

Ребдев Игорь Андреевич, р. в 1878 г. В службе с 1898 г., офицером с 1900 г., академия Генштаба. Полковник. В конце 1917 г. — начале 1918 г. генерал-квартирмейстер Кубанской армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 28 апреля 1919 г. штаб-офицер для поручений при штабе 1-го Кубанского корпуса, с 22 июля, в сентябре — октябре 1919 г. начальник штаба того же корпуса. В марте 1920 г. эвакуирован из Новороссийска в Крым. Генерал-майор. Умер в эмиграции.

Сербии Юрий (Георгий) Владимирович, р. в 1888 г. Из дворян Волынской губ. 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1908), академия Генштаба (1916 —1917). Офицер Кавказского конно-горного дивизиона. Капитан, старший адъютант и и. д. начальника штаба 5-й Кавказской казачьей дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; в отряде полковника Покровского на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе Кубанского отряда, с 24 июля 1918 г. (6 сентября 1918 г.) начальник штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии, подполковник, затем генерал для поручений при командующем Кавказской армией, затем в штабах Донской армии. В Русской Армии начальник штаба конного корпуса генерала Бабиева. В эмиграции в Югославии, чиновник в военном министерстве, в 1935 г. член правления Союза Первопоходников в Белграде. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Аргентине. Полковник. Умер 10 марта 1963 г. в Буэнос-Айресе.

Раздеришин Илья Валерианович, р. в 1888 г. Есаул Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии и ВСЮР; в октябре 1918 г. в отряде генерала Покровского. Эвакуирован в марте 1920 г. из Новороссийска в Ялту и до августа 1920 г. из Феодосии на корабле «Силамет». В эмиграции во Франции. Умер 22 декабря 1931 г. в Париже.

10-й гусарский Ингерманландский полк. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. 12 офицеров этого полка в феврале 1918 г. пытались пробиться на Дон, но были схвачены, остальные, оставшиеся на квартирах полка в Чугуеве, не пожелав служить у гетмана, летом группами прибыли в Добровольческую армию. Первая из них, со спасенным поручиком Яновским полковым штандартом, прибыла в Новочеркасск 29 августа 1918 г. Ядром к восстановлению полка послужил ординарческий взвод, сформированный из офицеров кавалерии при 1-й конной дивизии; в октябре в развернутом на его основе разведывательном дивизионе было 16 кадровых офицеров полка. С 25 октября 1918 г. он (как сохранивший полковой штандарт) именовался Ингерманландским гусарским дивизионом. 27 мая 1919 г. развернут в полк (пять эскадронов) и включен в состав 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал два эскадрона. На 5 октября 1919 г. насчитывал 270 штыков и 240 сабель. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (II) (с февраля 1920 г. — дивизион в 1-м Сводно-кавалерийском полку). С 16 апреля 1920 г. дивизион полка (три эскадрона) входил в 5-й, а с 8 августа 1920 г. — в 1-й кавалерийский полк. В Добровольческой армии воевали почти все офицеры полка, состоявшие в нем к моменту революции — 41 офицер. Полк потерял в Белом движении 21 офицера (в мировую войну — 14). Командир — ротмистр (полковник) М. И. Тихонравов (сентябрь 1918 г. — ноябрь 1920 г.).

Яновский Юрий (Георгий) В. Штабс-ротмистр (поручик) 10-го гусарского полка. В Добровольческой армии с августа 1918 г. в дивизионе своего полка, с июля 1919 г. командир эскадрона, штабс-ротмистр, в декабре 1919 г. в бригаде генерала Морозова, сформировал дивизион 10-го гусарского полка в Крыму. В марте 1920 г. ротмистр, командир дивизиона 10-го гусарского полка. В Русской Армии подполковник в 5-м кавалерийском полку. Орден Св. Николая Чудотворца. Полковник.

9-я кавалерийская дивизия. В Императорской армии состояла из 9-го драгунского Казанского, 9-го уланского Бугского, 9-го гусарского Киевского и 1-го Уральского казачьего полков. Возрождена во ВСЮР. Первоначально офицеры кавалерийских полков дивизии образовали в составе Добровольческой армии Сводный дивизион 9-й кавалерийской дивизии, который 27 мая 1919 г. развернут в Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии (по дивизиону от каждого полка), а осенью полк развернулся в дивизию, включавшую и запасный полк. По прибытии в Крым полки были сведены в дивизионы, пошедшие на формирование Отдельной кавалерийской бригады (II), где составили 6-й кавалерийский полк, а управление дивизии составило основу управления этой бригады.

Выгран Владимир Николаевич, р. в 1889 г. Полоцкий кадетский корпус (1907), Елизаветградское кавалерийское училище (1910). Георгиевский кавалер. Ротмистр (подполковник) 9-го уланского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1918 г. в Гусарском Ингерманландском дивизионе, с 4 января 1919 г. полковник (старшинство в чине с 20 августа 1919 г.), затем в эскадроне своего полка в Сводном полку 9-й кавалерийской дивизии, в июне 1919 г. — феврале 1920 г. командир 9-го уланского полка в 9-й кавалерийской дивизии. В Русской Армии в мае 1920 г. командир бригады 2-й конной дивизии, командир Отдельной кавалерийской бригады, затем 1-й кавалерийской дивизии. Дважды тяжело ранен. Генерал-майор (с 1920 г.). Галлиполиец, командир 1-й бригады Кавалерийской дивизии. В эмиграции в Югославии, служил в пограничной страже и югославской армии. С 1938 г. начальник Кавалерийской дивизии, после 1945 г. председатель Русского эмигрантского комитета в Зальцбурге (Австрия) и директор Русского кадетского корпуса в Версале, председатель Объединения офицеров кавалерии и Комитета помощи русским военным инвалидам. С 1949 г. в США, к 1969 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 24 июня 1983 г. в Сан-Франциско (США).